

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 15

Moscow
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 15

Москва
2019

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
доктор исторических наук А. Н. Сорокин

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
A87 Выпуск 15. – М.: Институт археологии РАН, 2019. 452 с.

ISBN 978-5-94375-272-8

В пятнадцатый выпуск сборника «Археология Подмосковья. Материалы научного семинара» вошли статьи, посвященные материалам пяти исторических периодов: раннего железного века, средневековой Руси, истории Руси удельного периода, раннемосковского времени и материалам Нового времени. В особый раздел помещены статьи, посвященные изучению керамики.

Новый выпуск содержит указатель авторов всех вышедших выпусков с 2004 по 2019 г. В указателе учтены 512 работ 268 авторов.

Для археологов, историков, краеведов.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-272-8
DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-272-8

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2019
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2019

Содержание

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

<i>Сидоров В. В.</i> Философия археологии	9
<i>Сыроватко А. С., Шишков В. А., Гольева А. А.</i> Новое поселение раннего железного века на Средней Оке и первые результаты химического анализа его коллекции	15
<i>Новоселова Т. Н., Вишневский В. И.</i> Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (раскопки 2017 года)	21
<i>Гольева А. А., Хохлова О. С., Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Алешинская А. С., Кочанова М. Б., Макеев А. О., Пузанова Т. А., Курбанова Ф. Ф.</i> Исследование древних почв восточной части Московского Кремля	29
<i>Лазукин А. В.</i> Одинцовские курганы. Особенности погребального обряда XI–XIII веков (по результатам исследований Векслера А. Г. в 1958–1971 годах)	43
<i>Фатъков А. М., Миненко В. В., Слепова Я. Р., Чирков М. В., Аникин И. С.</i> Археологические исследования курганного могильника Дарьино-1	48
<i>Столярова Е. К.</i> Предметы из стекла курганного могильника Новоселки 2 (Московская область)	66

Археология удельного и раннемосковского периодов

<i>Энговатова А. В.</i> Исследования некрополей Дмитровского городища: новые подходы	78
<i>Баранов Н. А., Модин Р. Н., Попов А. А., Прошкин О. Л., Терещенко Е. И.</i> Селище Скрипино-1: результаты археологических исследований 2013–2014 годов	96
<i>Зейфер В. А., Мазурок О. И., Леонтьев А. Е., Столярова Е. К., Сапрыкина И. А.</i> К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XV веках (по материалам исследований 2016 года)	132
<i>Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Соловьев Д. Б., Шебанин Г. А., Шеков А. В.</i> Некоторые итоги археологических исследований селища «Аэропорт Домодедово 2»	150
<i>Смирнов А. Н., Алексеев А. В.</i> Стратиграфия и хронология селища Игнатьево 2 по материалам охранных раскопок 2015 года	189
<i>Жилина Н. В.</i> Пуговицы в костюме Московской Руси второй половины XIII – начала XVII века	214
<i>Шполянский С. В.</i> Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополья	227
<i>Хухарев В. В., Каретников А. Л.</i> Прикладная костяная печать-матрица с острова Рождественский на озере Неро близ Ростова Великого	246
<i>Зацаринный С. В.</i> Кистень XVI века из раскопок в Тульском кремле (к вопросу о хронологии кистеней с гирей биконической формы)	250
<i>Меньшиков М. Ю., Молошикова М. А., Малых С. В.</i> Уникальная находка простого деревянного рекурсивного лука в Зарядье (Москва)	260

Археология Нового времени

<i>Бездудный В. Г., Курицын М. А.</i> Проведение геофизических исследований в Подольном монастыре (город Сергиев Посад Московской области)	264
<i>Бездудный В. Г., Зацаринный С. В., Сапрыкина И. А.</i> Локализация фундамента Успенского собора XVII века в Тульском кремле по результатам георадарных исследований 2017 года	269
<i>Воронин К. В., Медынцева А. А., Осипов Д. О.</i> Памятники письменной культуры из раскопок 2017 года на Биржевой площади в Москве	275
<i>Лихтер Ю. А.</i> Стекло XVII–XVIII веков из раскопок на Биржевой площади (работы Столичного археологического бюро 2017 года)	283
<i>Пронин Г. Н., Шорин Ю. Н.</i> Питейные заведения Смоленска XVII – первой половины XVIII века (по археологическим данным)	291
<i>Андреев С. И.</i> Двор крестьян Цнинского Троицкого монастыря в начале XVIII века	316
<i>Демидов В. Э., Губин С. В.</i> О происхождении «волчьих ям» у села Подмоклово Серпуховского района	330
<i>Андреева М. С.</i> Белокаменные надгробия некрополя Троицкого собора Серпуховского кремля	350
<i>Панченко К. И.</i> Традиция погребения с сосудами на примере некрополя Нового времени Московской Духовной академии	356

Керамологические исследования

<i>Аникин И. С., Фатьков А. М.</i> Группа керамики из Южного Подмосковья: следы локальной позднесредневековой гончарной традиции (по материалам раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2, 2013 год)	366
<i>Коваль В. Ю.</i> Московская чернолощеная посуда	383
<i>Глазунова О. Н.</i> Красные широкорамочные изразцы Ново-Иерусалимского монастыря	401
<i>Полюях А. А.</i> Изникские блюда XVI века в декоре церкви Троицы в Хорошеве	407
<i>Полюях А. А.</i> Об одном из видов московских изразцов: изразцы с мраморовидным декором	421
<i>Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В.</i> Керамические гидрофонные свистульки «мокрый соловей» из Калужского края и их региональные особенности	430
Авторский указатель выпусков [1]–15	436
Список сокращений	450

Contents

The Epoch of the Early Iron Age and Medieval Rus

<i>Sidorov V. V.</i> The Philosophy of Archaeology	9
<i>Syrovatko A. S., Shishkov V. A., & Goleva A. A.</i> A new Early Iron-Age settlement on the Middle Oka river, along with the first results of chemical analysis of the collection	15
<i>Novoselova T. N., Vishnevsky V. I.</i> Early Middle Age Finno-Ugrian burial ground in Ratkovo (the results of excavations held in 2017)	21
<i>Golyeva A. A., Khokhlova O. S., Engovatova A. V., Koval V. Yu., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. B., Makeev A. O., Puzanova T. A., & Kurbanova F. F.</i> Study of the ancient soils of the eastern part of the Moscow Kremlin	29
<i>Lazukin A. V.</i> The Odintsovo Mounds – specific features of funerary rites during the 11 th to 13 th centuries. (Based on results of studies made by Dr A. G. Veksler between 1958 and 1971)	43
<i>Fatkov A. M., Minenko V. V., Slepova Ya. R., Chirkov M. V., & Anikin I. S.</i> Archaeological research at the Darino-1 burial ground	48
<i>Stolyarova E. K.</i> Glassware items from the earthwork cemetery of Novoselki-2 (Moscow County Region)	66

Archeology of the period of Feudal Fragmentation and Early Muscovian Rus

<i>Engovatova A. V.</i> Researching the cemeteries of the Dmitrovsky Hill Fort: new approaches	78
<i>Baranov N. A., Modin R. N., Popov A. A., Proshkin O. L., Tereschenko E. I.</i> The Settlement of Skripino-1: results of archaeological studies 2013–2014	96
<i>Ziefer V. A., Mazurok O. I., Stolyarova E. K., Leontev A. E. & Saprykina I. A.</i> Issues of mansion development in Pereslavl-Zalessky (modern Pereslavl) in the 13 th and 14 th centuries (based on research made during 2016)	132
<i>Bogomolov V. V., Brusentsov O. A., Volodin E. O., Soloviev D. B., Shebanin G. A., & Shekov A. V.</i> Some conclusions concerning the archaeological studies carried out at the site of Moscow Domodevo-2 Airport	150
<i>Smirnov A. N. & Alexeyev A. V.</i> Stratigraphy and chronology of the settlement of Ignatovo-2 (based on rescue archaeology materials from 2015)	189
<i>Zhilina N. V.</i> Buttons in costume of Muscovian Rus' in the second half of the 13 th – to early 17 th century	214
<i>Shpolyanskiy S. V.</i> Belt fittings of iron from the medieval sites of Suzdal Opolye	227
<i>Khukharev V. V., Karetnikov A. L.</i> Applied bone stamp-matrix from Rozhdestvensky Island on Lake Nero near Rostov the Great	246
<i>Zatsarinny S. V.</i> Brushstone from excavations conducted in 2014 in the Tula Kremlin (connected to the chronology of biconical weights)	250
<i>Menshikov M. Yu., Moloshnikova M. A., and Malykh S. V.</i> The unique find of a simple recursive wooden longbow at Zaryade (Moscow)	260

Archaeology of the Modern Times

<i>Bezudny V. G. & Kuritsyn M. A.</i> Carrying out geophysical surveys at the Podolny Monastery (at Sergiev Posad, in Moscow County Region)	264
<i>Bezudny V. G., Zatsarinny S. V., Saprykina I. A.</i> Pinpointing the foundations of the Uspensky (Assumption) Cathedral at the Kremlin in Tula, based on geo-radar results obtained in 2017	269
<i>Voronin K. V., Medyntseva A. A., Ospiov D. O.</i> Written culture relics from excavations of 2017 at Birzhevaya (Stock Market) Square in Moscow	275
<i>Likhter Yu. A.</i> Glass of the 17 th & 18 th centuries found at excavations at Birzhevaya ('Stock Market') Square in Moscow (a study by the Capital Archaeological Bureau, in 2017)	283
<i>Pronin G. N. & Shorin Yu. N.</i> Tavern locations in Smolensk, from the 17 th and early 18 th centuries (based on archaeological evidence)	291
<i>Andreyev S. I.</i> The Peasant's Courtyard at the Tsninsky Trinity Monastery, in the early 18 th century	316
<i>Demidov V. E. & Gubin S. V.</i> The origin of the "wolf pits" near the village of Podmoklovo, Serpukhov district	330
<i>Andreyeva M. S.</i> Whitestone tombstones from the cemetery of the Holy Trinity Cathedral of the Serpukhov Kremlin	350
<i>Panchenko K. I.</i> The tradition of burials with funerary vessels, with examples from the modern-day cemetery of the Moscow Academy of Divinity (Sergiev Posad)	356

Archaeological ceramology

<i>Anikin I. S. & Fatkov A. M.</i> A set of ceramics from the southern suburbs of Moscow County Region – traces of a local medieval pottery tradition (based on excavation materials from Excavation 2 at the Bolshoe Savrasovo-2 site, in 2013)	366
<i>Koval V. Yu.</i> Moscow black-plate ceramic-ware	383
<i>Glazunova O. N.</i> Red wide-framed tiles of the Novo-Jerusalem monastery	401
<i>Polyulyakh A. A.</i> Iznik 16 th -century dishes from the décor of the Holy Trinity Church at Khoroshevo	407
<i>Poliulakh A. A.</i> A specific kind of Moscow tile – tiles with marbled decoratio	421
<i>Fyodorova L. I., Tkachenko V. A., & Fyodorov V. V.</i> Ceramic hydrophone bird-whistles (‘water nightingales’) from Kaluga province and their regional details	430
Author index. Issues [1]–15	436
Список сокращений	450

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

В. В. Сидоров

Институт археологии РАН, Москва

Философия археологии

Философия – это способ мыслить отчетливо.

М. Мамардашвили

Как и любая зрелая наука, археология обладает философией в той мере, в какой предмет своего изучения – былую действительность – она отражает как целостность, системную связь. Это и позволяет ей соответствовать реальности. Именно системная связь позволяет реконструировать прошлое, а философия и есть выявление целостности мира. Археология – метод реконструкции былой действительности по материальным следам, что свойственно не одной археологии. Астрономия, геология, биология, лингвистика – все имеют в качестве предмета прошлое. Этот метод применим к прошлому как результату стихийного или направленного действия совершившихся процессов. Прошлое индивидуально, его невозможно воссоздать экспериментально. Другие же науки исследуют повторяющиеся процессы, воспроизводимые неограниченно.

Попытки выстраивать всеобъемлющие универсальные классификации раз за разом оказываются несостоятельными, а сами классификации оказываются не работающими: они полны информационного шума, то есть сообщений без связи. Связать часть признаков может гипотеза, работающая не со всей базой данных, а только с ограниченным комплектом признаков. Для исследования другой гипотезы потребуются иной набор признаков и придание им иного веса.

Как у исторической дисциплины предметом археологии является социум. Жизнь и история социума – это системное переплетение разнообразных факторов, в том числе таких, которые не оставили материальных следов, читаемых современной наукой. О том, что они были и действовали, нашей науке указывает этнография, хотя конкретные этнографические модели не тождествен-

ны былой действительности – они только модели, то есть количество задействованных в них факторов условно ограничено. Системная связь фиксируемых следов с теми следами, которые мы ищем, позволяет их учитывать, хотя и не восстанавливает конкретику.

Целостное восприятие былой действительности, несмотря на неполноту выявленных данных, позволяет говорить о философии археологии. Без выяснения системной связи фиксация объективных данных превращается в конструирование действительности из известных элементов. Например, количественное соотношение разновременной керамики в комплексе памятника часто используется для оценки относительной интенсивности хозяйственной деятельности разновременных обществ. Но учитывать надо еще и разрушение керамики предшествовавших комплексов, а также зависимость этого разрушения от технических свойств черепка. Планировка поселений должна исследоваться при строгой синхронизации построек и с учетом развития рельефа. То же самое касается предположений о группировке поселений. Без строгой синхронизации мы получаем только показатель относительных предпочтений мест построек и поселений, но не реальные их планы. Статистический учет признаков должен вестись с учетом обоснования выделения единиц учета, иначе мы получаем только представления автора о предмете.

Изменения действительности – результат процессов, которые мы пытаемся наблюдать по этим изменениям. Зафиксировав состояние предмета и проследив его развитие на коротком отрезке, мы экстраполируем наблюдаемое на предыдущее состояние (пока реконструкция не упирается

в противоречия), определяем при этом тенденцию развития самих действующих факторов и пределы достоверности. На раннем этапе развития науки исследователи пытаются обходиться непосредственными наблюдениями, без изучения того, как со временем меняются действующие факторы.

Задачи, решаемые археологической наукой, могут быть конкретными реконструкциями отдельных частей былой действительности, но части существовали как целое, были системно связаны. Верифицировать решения приходится – и это обязательно – данными другой науки. Никакая наука не может сама себя доказывать. Доказывает практика, и то только как частный случай в пределах доступного. Другие науки, исследующие общество, – этнология, социология, культурология, антропология, историческая лингвистика – могут проверять выводы археологии, но и сами ею проверяемы. Лингвистикой достоверно определяется степень родства языков, следы заимствований, последовательность лингвистических явлений, концепция праязыков позволяет реконструировать былое звучание слова и его контекст. Но безнадежно определение времени глоттохронологическими методами – сомнительность этих датировок показана и О. Н. Трубачевым.

Зрелость науки наступает, когда она обнаруживает изменчивость самих действующих факторов. По этому признаку историческая лингвистика, тоже выстраивающая картину лингвогенеза, отождествляя ее с картиной этногенеза, находится во младенчестве. Она опирается на интралингвистические факторы, которые небезразличны к условиям функционирования языка, но представления об этих условиях лингвисты, по-видимому, черпают из пресловутого «здравого смысла».

Экстралингвистические факторы – характер контактов, частоту и интенсивность их, сферу применения, избирательность связей, разделение труда они учесть не могут. Попытка привлечения археологии для датировки появления категорий инвентаря и материалов никакого отношения к истории языков не имеют: заимствование всегда комплексно, происходит вместе с терминами, свидетельствуя только о контакте. Языковой же пласт терминов усваивается далеко не в детстве и не относится к основному словарному составу. Он легко пересекает этнические границы. Языковые заимствования основного состава – результат бытового двуязычия, то есть межэтнических браков. А они включали не только соседей, но и отдаленные группы – так надежнее избегали инбридинга, блюли экзогамию. Но при этом языки контак-

тирующих групп оставались взаимопонятными. Археологически же фиксируется параллельность развития не только ближних локальных вариантов, но и культур, включаемых в культурную общность, то есть информация просачивалась на тысячи километров.

Попытки привязать последовательную смену археологических культур к ступеням распада праязыка искусственны: они не сопровождаются выяснением масштаба культурной градации, условий трансформации культур, опираются на предположения о миграциях, строящихся на изменениях легко заимствуемых элементов или на случайных совпадениях. Лингвисты требуют от археологии миграций с дальним переселением, с разрывом родственных связей с материнской культурой. И археологи берут под козырек, говорят «Есть!» и привязывают к ветвлению языкового древа археологическую периодизацию, трактуя смену археологических эпох, культур как следствие развития языков, культурных контактов и переселений, указанных лингвистами. В итоге историческая лингвистика не выдерживает проверки историей. Историю языков лингвисты укладывают в считанные тысячелетия, предполагая их стремительные изменения, намного более быстрые, чем в эпоху, когда существует письменная их фиксация: 500 лет – и совершается распад праязыка. И это при том, что тверские карелы за 400 лет изолированного (от прионежских карел) существования сохранили исходные диалекты. А для лингвистов за пределами 4–5 тысяч лет начинается уже пространство неведомых языковых ветвей, полная свобода для лингвистических фантазий.

Миграции – не такое уж повседневное явление. Это перенос в новую природную и социальную среду культуры, которая к ним не адаптирована и в результате или несет тяжелые потери, или быстро начинает меняться, заимствуя опыт другой культуры. Смена этнографического облика еще не есть смена этноса, если его основа – социальные связи. А родственные связи и безусловные обязательства не разрывает даже смена языка. Происходит ли в результате миграций разрыв с материнской культурой? Такие случаи возможны, но как исключение. Обычно связи не рвутся. Фатьяновская культура, вышедшая из среднеднепровской, продолжала развиваться параллельно ей на новой территории. Волосовская культура, распространившись по лесной зоне, тоже продолжала развиваться на этих территориях как часть единой общности. В одной последовательности появлялись новации в зарубинецкой культуре и в поздней

дьяковской. Информационный обмен шел и через культурные границы. Земля не так уж велика, а общение – нормальное человеческое свойство.

Гипотеза миграции требует конкретного наполнения фактами, обстоятельствами, а не предположениями о цели миграции. Цели может не быть, но обязательно есть вполне материальные условия. Было ли перенаселение на исходной территории? Как полно использован ее ресурс? Важнейший вопрос – какова численность и половозрастной состав мигрировавшей группы? Располагала ли культура адаптирующими компонентами для освоения нового пространства? Существовали ли каналы связи с аборигенами до миграции, как они менялись во времени и пространстве? Насколько компактно располагается на новой территории мигрировавшая группа? Какова интенсивность связи с материнской культурой? Увы, на эти вопросы выдвигаются только предположения, хотя археология содержит источники, позволяющие их решать.

Археология нацелена на изучение социума, и тут мы вступаем на поля социологии и культурологии. Человек – животное общественное, и его, как таковое, изучает психология. Этология стайных животных показала, что характер эмоций, их проявление и реакция на них выходят далеко за пределы вида – архетипы поведения в основе биологичны. Социум существует объективно. Столь же объективно в нем идет циркуляция информации. Это просто свойство любого социума, не только человеческого. Разница с животными в том, что человек кодирует информацию в символы, что позволяет накапливать ее в гораздо больших количествах и более оперативно извлекать. У животных тоже существует символика, но в зачаточной форме, у человека же складывается иерархия символов, менее замкнутая на эмоции. Символы у зверя куда эмоциональнее и требуют больше энергии.

Палеоэкономические исследования как реконструкция условий существования могут вестись непосредственно на археологических источниках. Существующие работы, совмещающие естественно-научные исследования и археологию, – интерпретация отдельных частных случаев. Накопление этих частных случаев превращает их в статистически достоверные. Определение численности и плотности населения, интенсивности контактов, а также размеров, типов и частоты использования угодий, длительность обитания – все это результаты наблюдений над археологическими реалиями, интерпретируемые естественными науками и этнографией. Поселение и его место в экосистеме – важнейший фактор палеоэкономической

реконструкции. В нем экономика проявляется в интегрированном виде. Есть еще один источник, позволяющий оценить качество жизни, – это антропология. Но серийность таких исследований невелика – фактически мы имеем дело с конкретными случаями выявления биологических особенностей и экстраполируем их, предполагая закономерности, которые проявляются через частные случаи.

Исследуя древние технологии, распознать их удается только тогда, когда они перестают быть секретами. С одной стороны, такое изучение позволяет описывать стереотипы навыков, а значит, добавляет деталей для чтения поведения. В эксперименте идет выработка языка описания наблюдаемых в археологии признаков и оформления навыка в виде элемента культуры. С другой стороны, эксперимент позволяет оценивать техническое оснащение, его эффективность, хотя в эффективности ручной навык, тренированность намного важнее технической оснащенности. На точную оценку экономического значения каких-то новаций, измеряемую в ходе экспериментов, надеяться не стоит. И навыки, и среда слишком сильно изменились. Но самое главное – изменилось и само содержание экономики, она имеет совсем другие ценности. В связи с этим наивными представляются палеоэкономические дефиниции с использованием современной экономической проблематики. Поиски торговли в первобытности, вплоть до палеолита, контроль за рынками и тому подобное никакого смысла не имеют при ином отношении к таким архетипическим категориям, как время, социальные связи, престиж. О содержании их можно судить из этнографии, но архаичная этнография сама еще недавно использовала те же политэкономические шаблоны. В то же время поиски в этнографии аналогий наблюдаемому в археологии, иллюстрирование этнографией археологии, активно используемое в недавнем прошлом нашей науки, подменяет исследование конкретного явления моделью. Аналогия – это сопоставление моделей, а не доказательство тождества, она только повышает точность сравнения.

Деятельность общественного существа включает использование готовых решений, стереотипов, являющихся зафиксированным опытом других особей социума. Но это и есть *культура как общественный опыт*, то есть информация, полученная путем научения. И в социуме нарабатывается система накопления, фиксации и передачи опыта. Специфика информационных полей культуры связана с конкретной направленностью опыта и системной связью его элементов. Опыт может быть направлен

на преобразование природной среды – и тогда это материальная культура, и на регуляцию социальной среды – это называется духовной культурой. Культура вообще-то ни материальна, ни духовна – она имеет информационную природу.

В социуме возникает разделение труда, специализация как структурирование опыта, связанное с видами деятельности, – развиваются субкультуры. Приспособление к конкретной среде в животном мире происходит через видообразование, но начинается оно все же с вариативности поведения (это можно рассматривать как возвращение к Ламарку). Специализация касается поведения, и только потом – биологии, соматики, возможно, с подключением фактора отбора – частного случая изменчивости. Адаптация человека к еще более разнообразной среде, чем это доступно любому другому виду, идет через культуру. При этом, несмотря на миллионлетнюю изолированность популяций в разных концах ойкумены, все они остались одним видом. И это – археологический факт, который еще предстоит осмысливать биологам.

Стереотипизированный опыт – это специализация не только отдельных групп в пределах социума, но и повторяемость ситуаций, группового поведения. Эти стандарты попутно обозначают распознавание «свой – чужой». Свой – значит, понимающий твой опыт, а значит, – тебя. И это сплавливает группу. Чужой – тоже апробированный кем-то опыт, но его понимать надо учиться, то есть усвоение его ведет к расширению культуры. Он может быть запасным опытом, когда своих стереотипов не хватает. Общение с носителями другой культуры, с одной стороны, ведет к осознанию единства «своих», с другой – и очень существенно – создает адаптационный резерв и придает гибкость собственной культуре.

Один из способов закрепления опыта – формирование традиций. Это привычка, стереотип, но пропущенный через вербальную форму, способ двойного копирования. Перевод фиксации опыта из ручного навыка в вербальный делает его особенно прочным, ставит под контроль общества, нагружает дополнительными смыслами. Традиция – не хорошо и не плохо, это просто форма сохранения информации.

Стандартная задача археологии – выявить следы общности как группы одной культуры, со своим набором привычек, своим представлением о том, как эти привычки реализовать. Археологический тип и есть материализованный стереотип, включающий устойчивый перечень признаков, обязательных и желательных (факультативных). Он так-

же отражает систему рабочих навыков, которые входят в состав культуры. Среди них есть признаки, диктуемые материалом, функцией, ситуацией, они малоинформативны для характеристики культур, хотя несут информацию об адаптации, экономике, экологии, быте. Но и требования, предъявляемые к инструменту, – это тоже элемент культуры.

Определение понятия «археологическая культура» через перечисление признаков, по которым она распознается, уводит от поиска сути явления. Археологическая культура – это и есть археологизированная культура. Именно культура как общий опыт и составляет суть этнического единства. Этнос – среда циркуляции информации. Именно культура – суть этноса. Циркуляция информации идет в пространстве – между группами, понимающими друг друга, и во времени – между поколениями. Значимость таких признаков, как самоназвание, самосознание, национальный характер, – это следствие существования такого социума, как этнос, а не причина. Наша задача – очистить информацию от случайных факторов и дистиллировать черты социума, уж какие сохранились. Найти следы контактов и следы преемственности. Мы не в состоянии реконструировать этническую культуру разносторонне – слишком мало от нее сохраняется. Но выделить само единство, социум, можем. А значит, можем проследивать этническую историю, взаимодействие разных культур, формирование субкультур. Многоступенчатость уровней этнических общностей позволяет проследивать историю их родства на неограниченную глубину, без оглядки на лингвистику, которая не располагает, в отличие от археологии, независимой календарной шкалой.

Сложности возникают из-за бедности источников реконструкции культуры: до нас доходят крайне узкие спектры былого опыта. К тому же ограниченность используемых источников для выделения археологических культур ведет к тому, что трансформация таких источников в связи с эволюцией технологий, хозяйства и навыков приводит к обрыву наблюдаемой на каком-то временном отрезке преемственности. Трансформации порождает также интеграция инородной культуры, которая порождает множественные заимствования. Но при этом, обрываясь в одних частностях, в других компонентах преемственность продолжается. Необходимо также помнить, что, несмотря на фрагментарность археологического источника, мы имеем дело с древней этнографической реальностью, от которой зафиксирована лишь небольшая ее часть. Это след жизни каких-то групп. Одна

из задач исследования – реконструкция с максимальным приближением ее реалий, этнографического облика группы в конкретные моменты. Другая задача – исследование адаптации, связанных с ней особенностей поведения. Не исключая и адаптацию социальную. Ее содержание – характер взаимоотношений с соседними группами, а также внутри группы.

Социум не однороден. Половозрастное разделение труда создает древнейшие субкультуры – мужскую и женскую со своими социальными нормами, навыками, даже особым языком. Стремление к лидерству, восходящее к дочеловеческим сообществам, тоже создает свою субкультуру. Особенности психического типа – повышенная эмоциональность, в том числе эмоциональная память, по мере усложнения восприятия мира накапливает иррациональную культуру, строящуюся на закреплении эмоционального опыта. Специалисты по иррациональной культуре – колдуны, шаманы, волхвы, жрецы, но также и скальды. В какой-то момент объем иррациональной культуры начинает требовать обученных специалистов. Далее возникают субкультуры мастеров, корпоративные, включая специалистов по общению между социумами, а также воинская субкультура, легко переходящая в межэтническую – здесь активно идет заимствование чужого опыта. Субкультуры обретают знаковые атрибуты, и по ним мы можем наблюдать, в какой сфере идет межэтническое взаимодействие.

Статистика отражает количественный фактор концентрации признаков в социуме. Она требует формализации, определения единиц статистического учета как тождеств. Сопоставляются множества, сложенные из условно тождественных элементов. И тут самое слабое место – доказательство тождества признака. Использование очевидных и элементарных признаков мало полезно: элементарные признаки слишком неоднозначны по содержанию. Упрощение, обобщение признака для удобства его использования исследователем теряет существенные детали, делает малозаметными различия в осмыслении, ведет к потере информации, вплоть до фальсификации.

Мы можем увидеть в признаке вовсе не то, что видели люди иной культуры. Доказательством может быть только сложный признак, включающий, пусть еще и не распознанный, текст осмысления. Простой признак случаен, в разных культурах он имеет разные ассоциации (если вообще имеет), культурная специфика его недоказуема. Он имеет форму, но не содержание, или оно крайне неустойчиво. Количество возможных вариантов исполь-

зования простых элементов невелико. Ямки в орнаменте, насечки, пояски, стандартные геометрические фигуры могут иметь десятки значений. Их устойчивые сочетания уже содержательнее. А вот строго определенный набор костей, использовавшихся в орнаменте льяловской посуды, показывает, что нагружены ассоциациями были не любые кости, а именно этот набор. Использование зубов и челюстей как орнаментов в средневожской и приуральской керамике – это тоже элемент культуры. Те же кости (челюсти) были в распоряжении льяловцев, но они никогда их не использовали для орнаментации. Это уже случай негативной корреляции. То, что здесь закодирован какой-то текст, подчеркнуто тем фактом, что именно этот элемент не встречается в льяловской керамике, а контакты волго-камской культуры и льяловской были. Ямка в орнаменте может иметь множество разных смыслов в разных культурах, а потому она нейтральна, скорее значимым может быть отсутствие ямок. Существенно не наличие ямок, а воздействие (или его след) на сосуд определенным предметом. В этом и заключалось магическое действие. Выполненная белемнитом ямка – это, бесспорно, элемент конкретной культуры, так как за ней стоит отдельный текст осмысления предмета, который мог существовать только в вербальной форме. Белемниты встречаются далеко не повсеместно, и их требуется издалека доставить на поселение. Заменять же белемниты на иные ямочные штампы стали только в финале льяловской культуры. Сложный признак предполагает наличие текста, материализацией которого он является. Сам текст мы можем не читать, но наличие его определяется (доказывается) по отрицательной корреляции.

Археология, занимаясь историей культур, не может не делать выводов об этногенезе. Реконструируя систему генетических связей и контактов, она непосредственно касается вопросов плоттогенеза. Мы не наблюдаем звучания языка, но видим, что существовало единство. Язык – это существенная часть культуры. Условия его функционирования проявляются в археологических источниках, и наша задача – выделить, опознать группу, которая находится в родственных связях с другими группами. Реконструируя быт, хозяйство, систему связей, мы имеем дело с условиями функционирования языка.

Условия биологического существования человека – тоже поле археологии, которое дает непосредственные источники для осмысления антропологии. Антропология фиксирует биологическое родство. Лингвистика фиксирует контакты, но и остальные гуманитарные науки это делают.

По сути, все они выстраивают генеалогические древа, и нет оснований считать, что это не одно и то же древо.

История природы тоже входит непосредственно в круг интересов археологии. Она же дает основания для относительной и абсолютной датировки и для реконструкции адаптивных возможностей культуры. К тому же конкретика археологических наблюдений за формированием природной среды – режима рек и озер, седиментации осадков, характера изменений растительности и мира, наблюдаемая при археологическом исследовании, оказывается значительно детальнее, чем получаемая палеогеографами при изучении крупных регионов.

Мы не в состоянии реконструировать этническую культуру древних эпох столь же разно-

сторонне, как современная этнография наблюдает жизнь современных сообществ: слишком мало от нее сохраняется. Но выделить единство, социум, можем. А значит, можем проследить этническую историю, взаимодействие разных культур. Это то, что археология может. Многоступенчатость уровней этнических общностей позволяет проследить историю их родства на неограниченную глубину, без оглядки на лингвистику, которая не располагает, в отличие от археологии, независимой календарной шкалой. Исследование былой действительности завершается ее реконструкцией. В результате и проверяется системность выстроенной связи. Чем шире охват действительности, тем достовернее реконструкция, тем заметнее ее ошибки и недостоверные предположения.

V. V. Sidorov

The Philosophy of Archaeology

Summary

This article attempts to give a philosophical understanding of the tasks and goals facing archaeolo-

gists – illustrated by practical examples from the author's own experience.

А. С. Сыроватко*, В. А. Шишков, А. А. Гольева****

** Коломенский археологический центр, Коломна (Московская обл.)*

*** Институт географии РАН, Москва*

Новое поселение раннего железного века на Средней Оке и первые результаты химического анализа его коллекции

Новооткрытое поселение у турбазы «Чайка» расположено в Озерском районе Московской области, на границе с Зарайским и Луховицкими районами, на правом берегу р. Оки, в системе оврагов, впадающих в р. Оку (рис. 1)¹. Памятник удален от русла р. Оки примерно на 600 м. В этом месте р. Осетр делает петлю, максимально приближаясь к Оке. Поселение расположено почти точно по середине между руслом Осетра в этой петле и Окой. До известного Ростиславльского городища расстояние по прямой составляет 11 км на юго-запад, до городища Городна I, расположенного на правом берегу Осетра, – 4,5 км на северо-восток.

Памятник занимает узкий, шириной 20–30 м, мыс, образованный двумя боковыми овражными отвершками, впадающими в основное русло оврага (рис. 2; 3). С напольной стороны он ограничен двумя промоинами, впадающими в русло оврага к югу от площадки и образующими между собой узкий гребень. Кроме того, заметно еще и возвышение несколько западнее этих промоин. Можно осторожно предположить, что это возвышение является сильно оплывшим валом, его вершина имеет отметку на 1 м выше прилегающих участков площадки. Возможно также, что вал находился чуть восточнее, между двумя короткими промоинами. Овраг с северной стороны площадки меньше южного, вершина его находится напротив промоин. Не исключено, что промоины и овраг с северной стороны памятника образовались в результате эрозии рвов. Таким образом, хотя выраженных оборонительных сооружений в настоящее время на площадке не просматривается, всхолм-

ления и овраг с напольной стороны, отделяющий площадку от основного плато, есть. Рельеф памятника склоняет нас к тому, чтобы назвать его городищем, хотя вопрос о наличии укреплений без специальных исследований решить нельзя.

На площадке городища, на окончании мыса, был пройден шурф размерами 1×1 м (рис. 4). В нем выявлено два горизонта: верхний – черный гумусированный песок толщиной 30 см, и нижний – смесь светло-желтого материкового песка и черного гумусированного песка толщиной 40 см. На дне шурфа прослежена канавка (рис. 4; 5), в разрезе имевшая корытообразную форму, скругленные стенки и дно, глубину до 25 см (рис. 4; 6). Этот объект чрезвычайно схож со следами стен дьяковских построек.

Поверхность памятника была буквально усеяна подъемным материалом – керамикой и предметами из металла. Керамика этого памятника рассматривается в отдельной публикации (Сыроватко, в печати) и по составу близка керамическим наборам городищ так называемой каширской группы – нижних слоев Ростиславля, городищ Свиридоново III, Старшее Каширское, Мутенковское, Корыстовское. Заметное отличие наблюдается от комплексов «коломенской» группы и, в частности, от соседней Городны.

Металлические предметы с этого городища, ставшие объектом нашего исследования, представлены как готовыми изделиями, так и отходами ювелирного производства: пятью выплесками цветного металла (рис. 7, 1–5), одним обрубленным литником (рис. 7, 6), двумя фрагментами дрота – круг-

¹ Памятник обнаружен коломенским краеведом Г. Якобсом, обследование проведено А. С. Сыроватко в 2017 г.

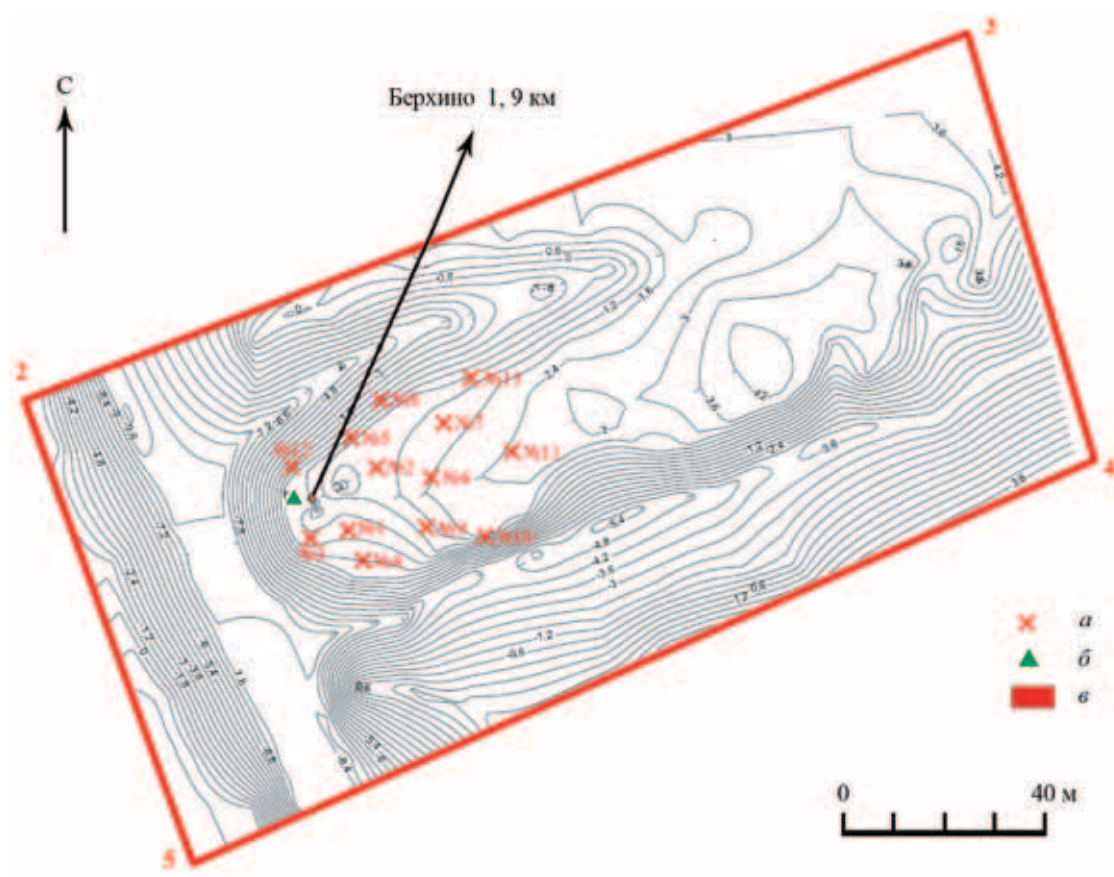

Рис. 1. Городище Чайка. Сечение горизонталей через 0,6 м. Съемка А. Сыроватко, М. Дараган. 2017 г.
а – находка; б – репер; в – шурф

Рис. 2. Вид на окончание мыса городища с запада, с противоположенного борта оврага

Рис. 3. Вид на северный склон городища с северо-востока

лого и квадратного сечения (рис. 7, 7–8), причем у экземпляра № 8 заостренный конец, что позволяет предположительно атрибутировать его как фрагмент браслета, бляшка-скорлупка (рис. 7, 9) и обломок украшения с пальметтой из белого металла (рис. 7, 10). Изделие из железа одно – крючок (рис. 7, 11), один конец которого завернут в спираль. Если предмет в прошлом имел такую же спираль на втором конце, его можно считать очевидной подвеской. Керамических изделий три – это

фрагменты сильно ошлакованных тиглей (рис. 7, 12–14). Большая часть находок характерна для РЖВ, но два предмета – украшение с пальметтой и предположительная очковидная подвеска могут быть моложе и относиться к эпохе Великого переселения народов или даже эпохе викингов, но заметим, что в керамической коллекции образцы этих периодов не встречены. Такой набор вещей, особенно отходов ювелирного производства и обломков тиглей, чрезвычайно схож с коллекцией го-

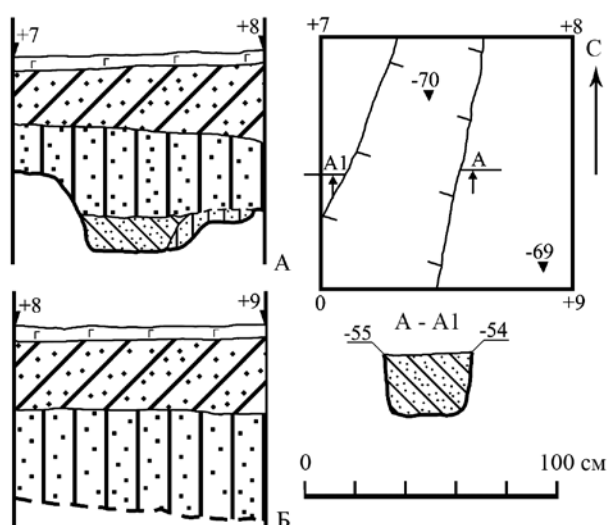

Рис. 4. План и профили шурфа на городище, с разрезом «канавки»

А – северный профиль, Б – восточный профиль

Рис. 5. «Канавка» на дне шурфа. Вид с юга

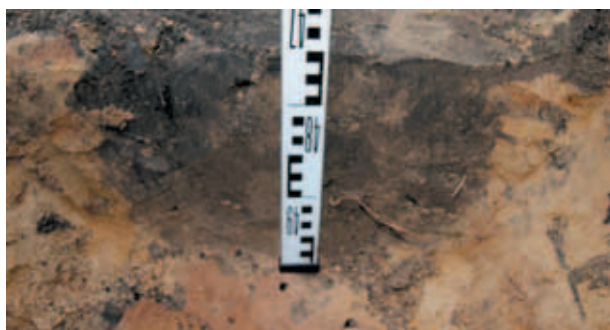

Рис. 6. Разрез «канавки» в шурфе

родища Свиридоново III (Сыроватко, 2018). Помимо близости керамических комплексов впечатление сходства усиливает также похожий рельеф памятников. Отметим, что среди находок на городищах «каширской» группы довольно много аналогий «ювелирным комплексам» Чайки и Свиридоново III: подвеска-лошадка из Ростиславля, ли-

тейные формы от умбоновидных украшений и др. (Сидоров, 2002; Сапрыкина, 2006; Тавлицева, Лопатина, 2009).

Анализ металла перечисленных предметов выполнен в рамках проводимого нами общего исследования металлических изделий дьяковского и постдьяковского времени с поселений на Средней Оке, в данной работе мы приводим предварительные результаты.

С целью определения состава сплавов металлических изделий проведен химический анализ находок с применением растрового электронного микроскопа *JEOL 6610 LV* и энергодисперсионного анализатора элементного состава *INCA Xact Oxford Instruments*. Анализ показал основные компоненты сплавов металлических находок и дал представление об их однородности (табл. 1). Опробование проводилось в процарапанной или зачищенной от окислов до металлического блеска зоне, анализ затрагивал материал изделия на глубину 1–2 мкм.

Рис. 7. Находки из металла с городища Чайка

1–5 – «выплески»; 6 – литник; 7, 8 – обломки браслетов; 9 – бляшка-скорлупка; 10 – украшение с «пальметтой»; 11 – железное изделие; 12–14 – фрагменты тиглей

Таблица 1. Результаты химического анализа находок из цветных металлов на поселении Чайка

Находка	Состав сплава							
	Cu	Sn	Pb	Si	O	S	P	C
Литник № 6	27,4	18,1	4,9	1,7	40,0	—	1,3	7,3
	37,3	18,8	7,5	1,3	34,0	—	1,0	—
	38,0	20,3	5,9	1,3	33,5	—	1,2	—
	3,7	9,4	1,3	5,8	53,2	—	1,5	21,7
Поверхность литника	54,2	22,6	6,7	—	7,7	—	—	9,3
	31,8	13,1	20,6	0,8	24,7	—	2,9	5,3
	11,2	31,5	4,2	1,2	4,9	—	1,0	—
	36,9	22,9	12,2	—	27,1	—	0,7	—
Фр-т браслета № 8	65,9	2,2	—	—	30,7	1,2	—	—
	63,9	2,3	—	0,6	26,6	1,2	—	5,3
Фр-т браслета № 7	67,9	6,9	10,6	—	13,7	—	0,8	—
	56,9	7,5	7,9	0,5	20,7	—	2,1	4,5
Выплеск	13,8	18,8	14,5	0,9	49,1	—	2,5	—
	56,3	13,7	21,4	—	8,6	—	—	—
	20,7	19,2	19,3	0,9	37,5	—	2,4	—
Выплеск (олово) № 3	—	100	—	—	—	—	—	—
	—	81,1	—	—	18,9	—	—	—
	—	100	—	—	—	—	—	—
Выплеск	58,1	20,6	14,9	—	6,3	—	—	—
	53,4	21,9	11,9	—	12,7	—	—	—
Выплеск	62,2	14,8	—	0,8	15,7	—	—	6,5
	55,7	12,3	—	0,9	21,7	—	—	9,4

Обобщив результаты, можно разделить металлические находки по составу сплавов на четыре основные группы. Первая группа – это чистая медь, таких предметов всего два. Вторая группа – два изделия из оловянистой бронзы. Третья и самая многочисленная группа – бронза оловянисто-свинцовая. Содержание олова колеблется от 10 до 30%, содержание свинца от 1,5 до 25%, причем преобладать может как олово, так и свинец. Некоторые изделия демонстрировали неоднородность состава сплава на площади 2–3 кв. мм, что выражалось в разной концентрации меди, свинца и олова в соседних точках опробования. К четвертой группе относится один выплеск из олова (без примеси свинца). Во всей группе изделий не было обнаружено следов серебра, цинка и других цветных металлов. Единственное железное изделие тоже демонстрирует высокую степень чистоты металла.

Как видно из результатов анализа, среди находок преобладают изделия из оловянно-свинцовой бронзы. Оловянная бронза и чистое олово также встречаются, но редко. Интересно, что в составе сплавов присутствуют сера или фосфор. Закономерность их появления такова, что в оловянной бронзе встречается сера, а в оловянно-свинцовой – фосфор. Но нет ни одного артефакта, содержащего и серу, и фосфор одновременно. Вероятно, по каким-то причинам, оловянная и оловянно-свинцовая бронзы име-

ли разное происхождение. Можно сделать предположение, что они были выплавлены из разной руды или по отличающимся технологиям.

Интересной особенностью бляшки-скорлупки и литника является высокое содержание олова на их поверхности. Как видно из таблицы 1, олова в анализе поверхности изделия больше, чем в анализе зачищенной зоны. Так как олово – более подвижный и реакционноспособный металл, чем медь, то можно предположить, что бляшка имела декоративное или технологическое лужение поверхности.

Выводы

1. Открытый новый памятник чрезвычайно интересен. Он входит в округу Ростиславльско-го городища, подобно Свиридоновскому городищу, и собранная коллекция так же, как и Свиридоновская, свидетельствует о существовании на нем ювелирного производства.

2. Выявленная преобладающая рецептура сплава – оловянисто-свинцовая бронза – является обычной для городищ Троицкое и Настасьино. Однако факты находок изделий из чистых металлов – меди и лигатур – могут свидетельствовать о доступе к исходным полуфабрикатам, а не только к лому.

Авторы выражают признательность М. Дарган (ИА НАН Украины) за помощь в камеральной обработке тахеометрических данных.

Литература

Обломский А. М., Сыроватко А. С., Сапрыкина И. А., 2012. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. Вып. 226. С. 169–178.

Сапрыкина И. А., 2006. Производственный ювелирный комплекс. Мутёнковское городище // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира. С. 60–65.

Сидоров В. В., 2002. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. I. Археология. Кашира. С. 22–47.

Сыроватко А. С., 2018. Свиридоново III: памят-

ник-загадка раннего железного века // ТАС. Вып. 11. Тверь: Триада. С. 220–227.

Сыроватко А. С., в печати. Несколько замечаний о границах локальных вариантов дьяковской культуры в контексте обнаружения нового городища // ТАС. Вып. 12. Тверь: Триада.

Сыроватко А. С., Сапрыкина И. А., 2011. Клад рубчатых браслетов на реке Оке // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 72–76.

Тавлинцева Е. Ю., Лопатина О. А., 2009. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // АП. Вып. 5. С. 455–475.

A. S. Syrovatko, V. A. Shishkov, & A. A. Goleva

A new Early Iron-Age settlement on the Middle Oka river, along with the first results of chemical analysis of the collection

Summary

This article provides a description of the recently-excavated settlement (hillfort?). Results of a chemical analysis of the metal finds recovered are given, obtained with

an electron microscope. According to these results, preliminary data is presented for the metal objects, which were made as ornaments from tin-lead bronze.

Т. Н. Новоселова, В. И. Вишневский
СПГИХМЗ, Сергиев Посад (Московская обл.)

Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (раскопки 2017 года)

Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник продолжил археологические работы на Ратьковском могильнике позднедьяковской культуры, расположенном в 0,6 км к юго-западу от д. Ратьково, у пос. Искра Александровского района Владимирской области и в 1,8 км к северо-востоку от пос. Муханово Сергиево-Посадского района Московской области.

Могильник находится на вытянутом мысу длиной 150 м, омываемом реками: с запада – Дубной, с востока – Рассоловкой. Памятник открыт в 1996 г. В. И. Вишневским и исследовался в 1999, 2000, 2002, 2006, 2007, 2013–2016 гг. (Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007; Вишневский, Новоселова, 2010; Новоселова, Вишневский, 2015, 2016, 2017, 2018). В 2017 г. исследовано 72 кв. м в юго-восточной части городища. Были заложены два раскопа (4×10 м и 8×4 м), прирезанные к северному и восточному краям раскопа 2016 г. (рис. 1). Культурный слой представляет собой рыхлую темно-коричневую супесь мощностью 0,3–0,5 м и содержал остатки погребений – погребальный инвентарь, измельченные обожженные кремнированные кости людей, фрагменты керамики. Слой просеивался с помощью сетки с ячейкой 2×2 мм, сканировался металлодетектором. Материк – светло-коричневая и рыжая супесь.

Среди находок (88 экз.) бронзовые украшения (8 экз.) (рис. 2): височное кольцо из круглой в сечении проволоки (рис. 2, 1), типа 2 по И. Г. Розенфельдт, датируется VI–IX вв. (Розенфельдт, 1982. С. 13, 14), подобные встречаются на позднедьяковских памятниках (Попадьинское, Отмичи) (Горюнова, 1961. С. 92. Рис. 36, 15; Исланова, 2008. С. 106. Рис. 63); колокольчатая привеска бутылчатой формы от шумящих подвесок (рис. 2, 2), шумящая подвеска с пластинчатой трапециевидной привеской

и щитком в виде полусферы, украшенной посередине шариком зерни (рис. 2, 3). Похожие подвески встречены как части ожерелья в женском погребении № 27 Безводнинского могильника (Краснов, 1980. С. 202. Рис. 27, 17–20). Погребение относится к поздней стадии существования могильника и датируется концом VII – первой половиной VIII в. (Краснов, 1980. С. 105). Впервые в могильнике найден фрагмент гривны из дрота круглого сечения с обмоткой из круглой проволоки (рис. 2, 4). Подобные гривны известны в женских (взрослых и детских) погребениях муромского Безводнинского могильника (погребения № 87, 127) (Краснов, 1980. С. 201. Рис. 25), на позднедьяковских городищах Березняки (Третьяков, 1941. Рис. 37, 2) и Дьяково (Розенфельдт, 1982. С. 60. Рис. 13, 2–4), в рязано-окских (Шитов, 1988а. С. 35. Табл. V, 6; С. 38. Табл. VIII, 17; С. 39. Табл. IX) и мордовских (Шитов, 1988б. С. 50. Табл. IV, 10–11; С. 51. Табл. V, 15; С. 53. Табл. VII, 10) могильниках. Найдена бляшка-скорлупка с плоской петлей сзади (рис. 2, 5), бронзовые слитки (рис. 2, 6–7).

Железные предметы (12 экз.): шилья (рис. 3, 1–2), одно из них четырехгранное (рис. 3, 1), обломки ножей (4) (рис. 3, 3, 4, 6), кольца (2) (рис. 3, 8, 9), обломки шильев (рис. 3, 7, 12) и железных предметов (2) (рис. 3, 5, 10).

Керамические предметы представлены фрагментом цилиндрического пряслица (рис. 4, 3) и обломками двух льячек (рис. 4, 1–2), одна из них – с вытянутой чашей трапециевидной формы (рис. 4, 1). Подобной формы льячка встречена только на Попадьинском селище (Третьяков, 1941. С. 74. Рис. 41, 6).

Найдены обломок каменного оселка с шестью гранями, а также литейные формы из мягкого камня и их фрагменты. Материал, по определению

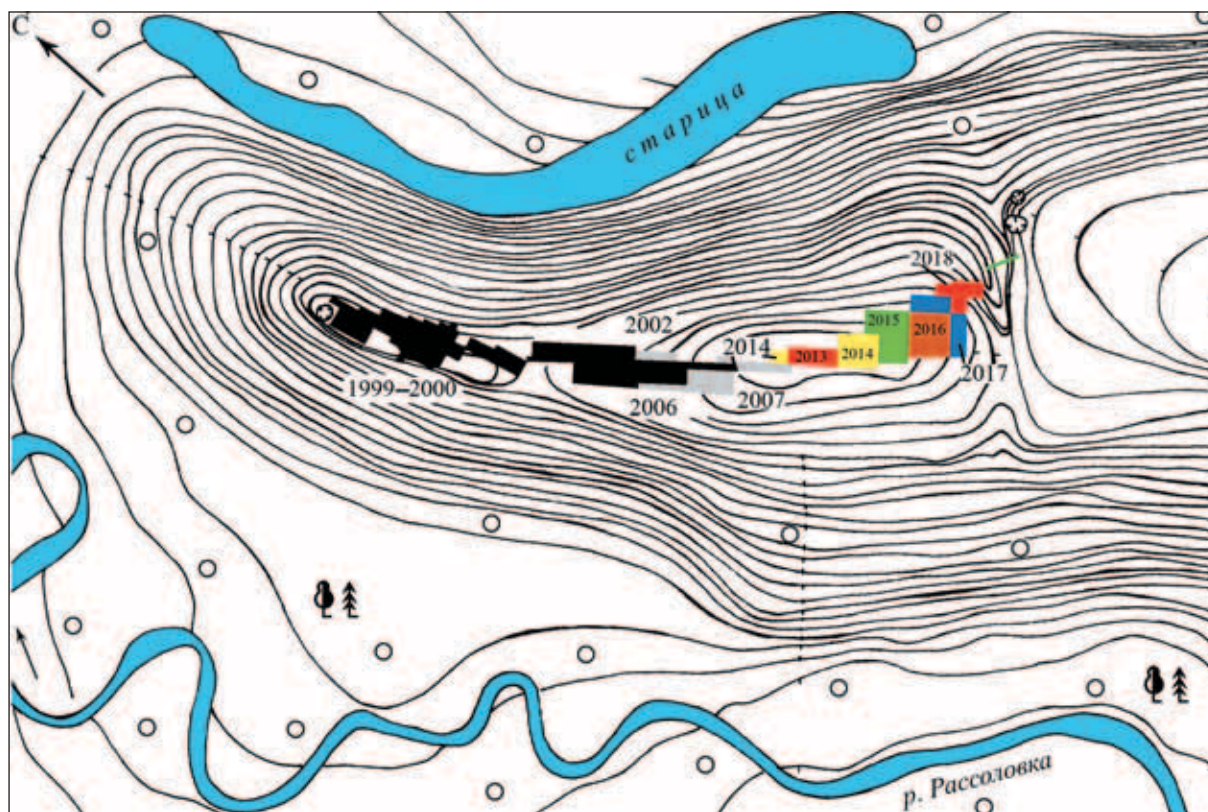

Рис. 1. Ратковский могильник. Ситуационный план раскопов

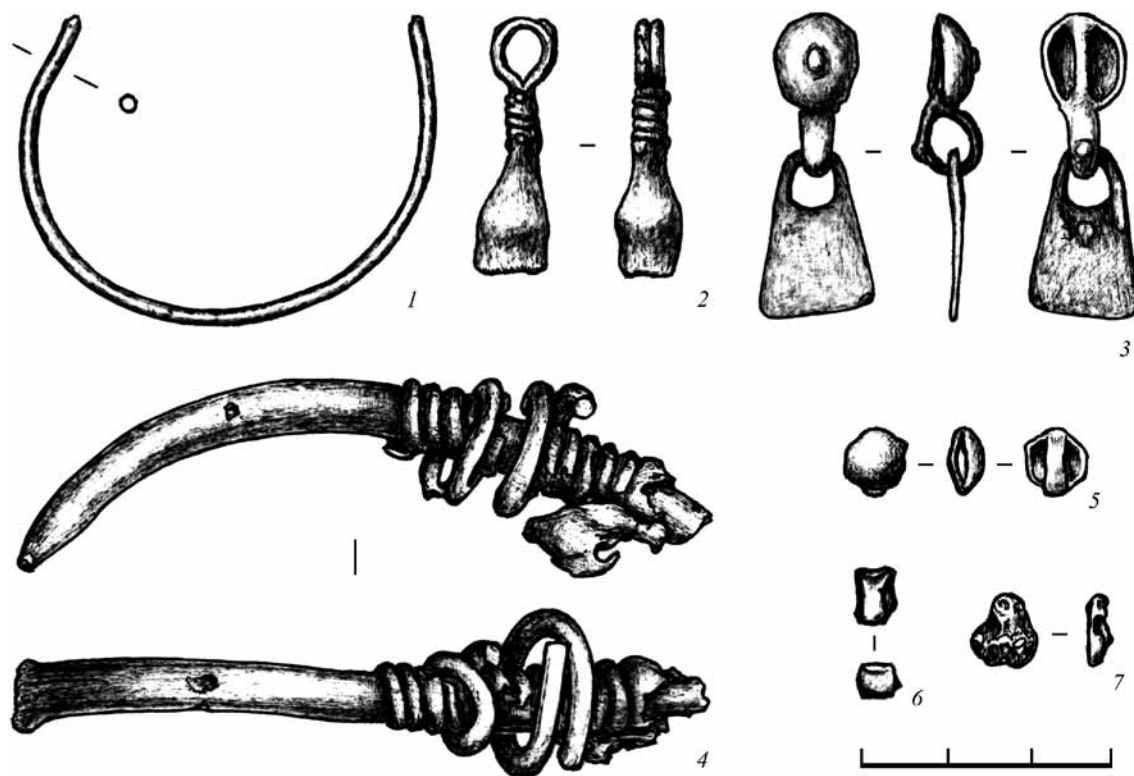

Рис. 2. Ратковский могильник. Бронзовые украшения

1 — височное кольцо; 2 — колокольчатая привеска; 3 — шумящая подвеска; 4 — фр-т гривны; 5 — бляшка; 6–7 — слитки

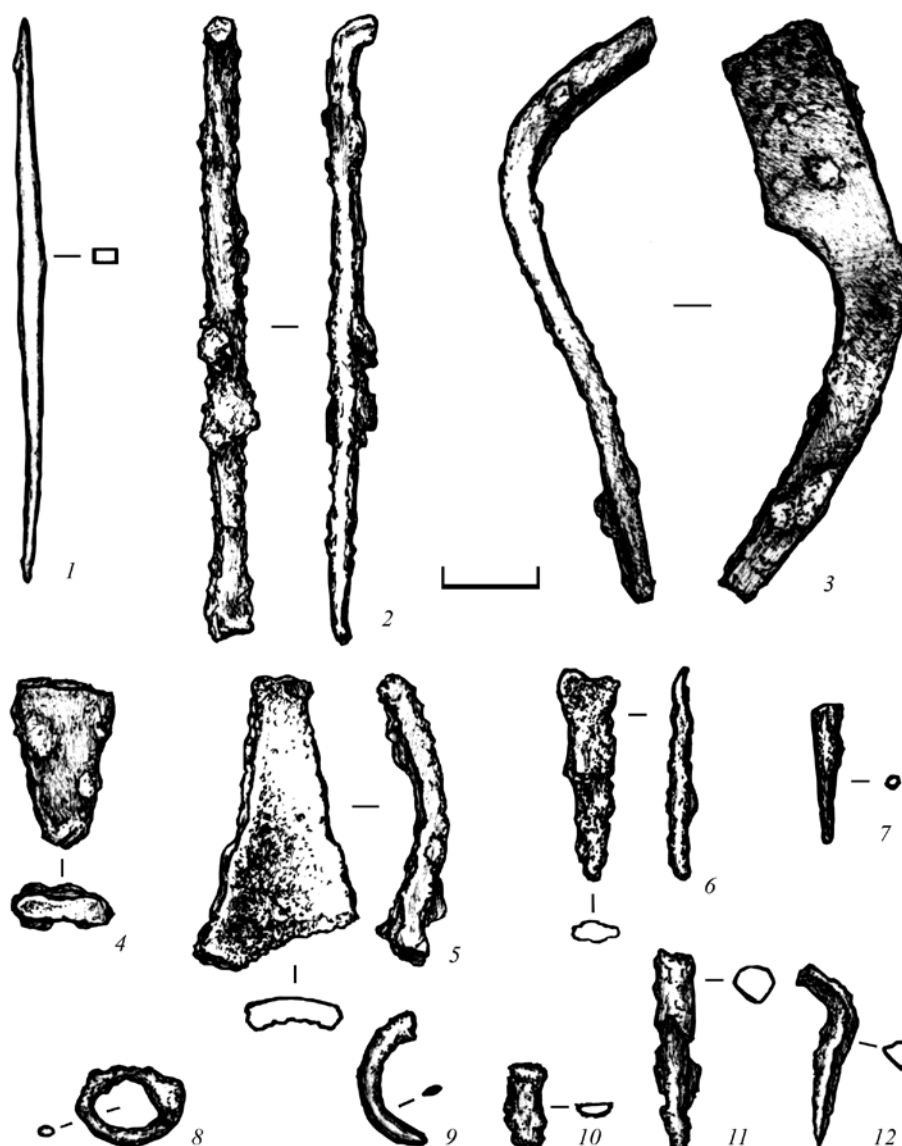

Рис. 3. Ратковский могильник. Железные вещи

1–2 – шилья; 3, 4, 6 – фр-ты ножей; 7, 11, 12 – фр-ты шильев; 8–9 – кольца; 5, 10 – фр-ты железных предметов

Вяткина С.В. (МГУ), – песчаник с глинистым цементом. Всего найдено четыре целые формы и двадцать фрагментов, причем из пятнадцати была собрана почти полностью крупная форма (рис. 5, 8). Три формы (одна из них – крышка) – уплощенные прямоугольные параллелепипеды с зашлифованными поверхностями (рис. 5, 1–4). На одной была использована боковая грань для отлива небольшой детали украшения в виде двух колец, соединенных вместе, к каждому из которых примыкают четыре круглых шарика зерни, соединенные ромбом. К негативу подведены сразу два литниковых канала, чтобы обеспечить равномерное заполнение полости металлом. На одной оборотной стороне нанесены графические наброски канала для стержней, с помощью которых получали отверстия петель

в отливавшихся изделиях – прорезаны только две пары углублений. Обе широкие грани использовались, судя по литниковым чашам с узких сторон, в качестве крышек (рис. 5, 1). Другая форма предназначалась для отливки кольца треугольного сечения. На оборотной стороне помещен канал для стержней, с помощью которых получали отверстия петель в отливавшихся изделиях (рис. 5, 2). Подобные каналы есть на двух гранях еще одного обломка формы (рис. 5, 4). Две формы небольшого размера (целая и фрагмент) также были крышками (рис. 5, 3, 5). На одном обломке едва виден негатив части украшения (рис. 5, 6). Крупная форма (9,7×8,9×2,8 см), предназначенная для отливки застежки-сюльгама уплощенного треугольного сечения с «усами» (рис. 5, 7), была собрана из 15 фрагментов. Она

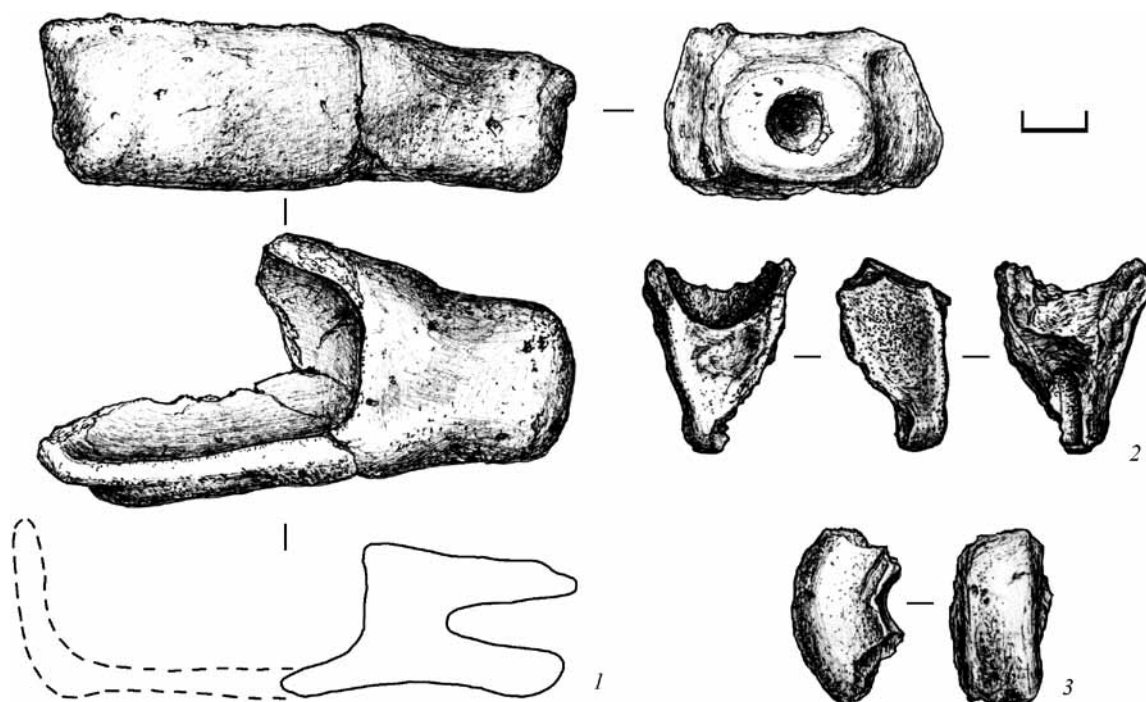

Рис. 4. Ратковский могильник. Керамические вещи

1–2 – фр-ты лячек; 3 – фр-т пряслица

имеет подтрапцевидную форму со скругленными краями. Судя по не полностью сохранившемуся негативу, к которому идет канал от конического литника, тип застежки близок к сюльгам с длинными «усами» типа III Б 1, обнаруженным на Безводнинском могильнике в погребениях четвертой стадии (конец VII – VIII в.) (Краснов, 1980. С. 204. Рис. 32, 28, 30). Застежки-сюльгамы близкого облика (группа 3, отдел Б, тип 1 по В.И. Вихляеву) встречаются в мордовских могильниках в VII в. (Вихляев, 1972. С. 193, 198. Рис. 2, 6). Единственной полной аналогией сюльгамы является находка из материалов могильника мерянского Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 95. Табл. 35, 11). Найдена крышка от этой формы, также неправильной подтрапцевидной формы с коническим литником (рис. 5, 8). На внешней стороне крышки нацарапано изображение, похожее на жилище типа чума или юрты (рис. 5, 9). Ранние изображения жилищ кочевнического типа известны на писаницах Сибири. Среди изображений Большой и Малой Боярских писаниц (VII–III вв. до н. э. – тагарской культуры и II–I вв. до н. э. таштыкской культуры) на левом берегу Енисея встречаются постройки типа юрт с раздвоенными шестью наверху (Аннинский и др., 2007. С. 39. Рис. 008). Выделенная куполовидная верхушка жилища на исследуемом граффито напоминает по очертанию юрты азиатских кочевников

Средневековья (Вайнштейн, 1976. С. 42–62. Рис. 6, 18–21). Граффити на литейных формах являются редкими находками. Можно предполагать, что у знаков-граффити могла быть магическая функция или они являлись своего рода личными клеймами, указывающими на принадлежность тому или иному лицу. На Ратковском могильнике в 2002 г. была обнаружена литейная форма с граффити в виде двух четырехугольников с диагоналями (Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007. С. 100. Рис. 6, 4).

Собрана коллекция кремневых предметов (41 экз.): ножевидные микропластины удлинённой формы (31 экз.), отщепы (9 экз.) и черешковый наконечник стрелы на пластине, что позволяет предполагать существование на холме кратковременной мезолитической стоянки.

На материке расчищены десять ям различных размеров и конфигураций. Находки и кремнированные кости не имеют определенной концентрации – рассеяны по всему раскопу на разной глубине, не связаны с ямами. Основная концентрация находок, костей и керамики приходится, как и на других участках могильника, на пласты 2 и 3 (табл. 1). Обугленных зерен в исследованиях этого года не обнаружено.

Кремнированные кости, обломки керамики и вещевые находки образовали три зоны, которые топографически могут быть определены как части

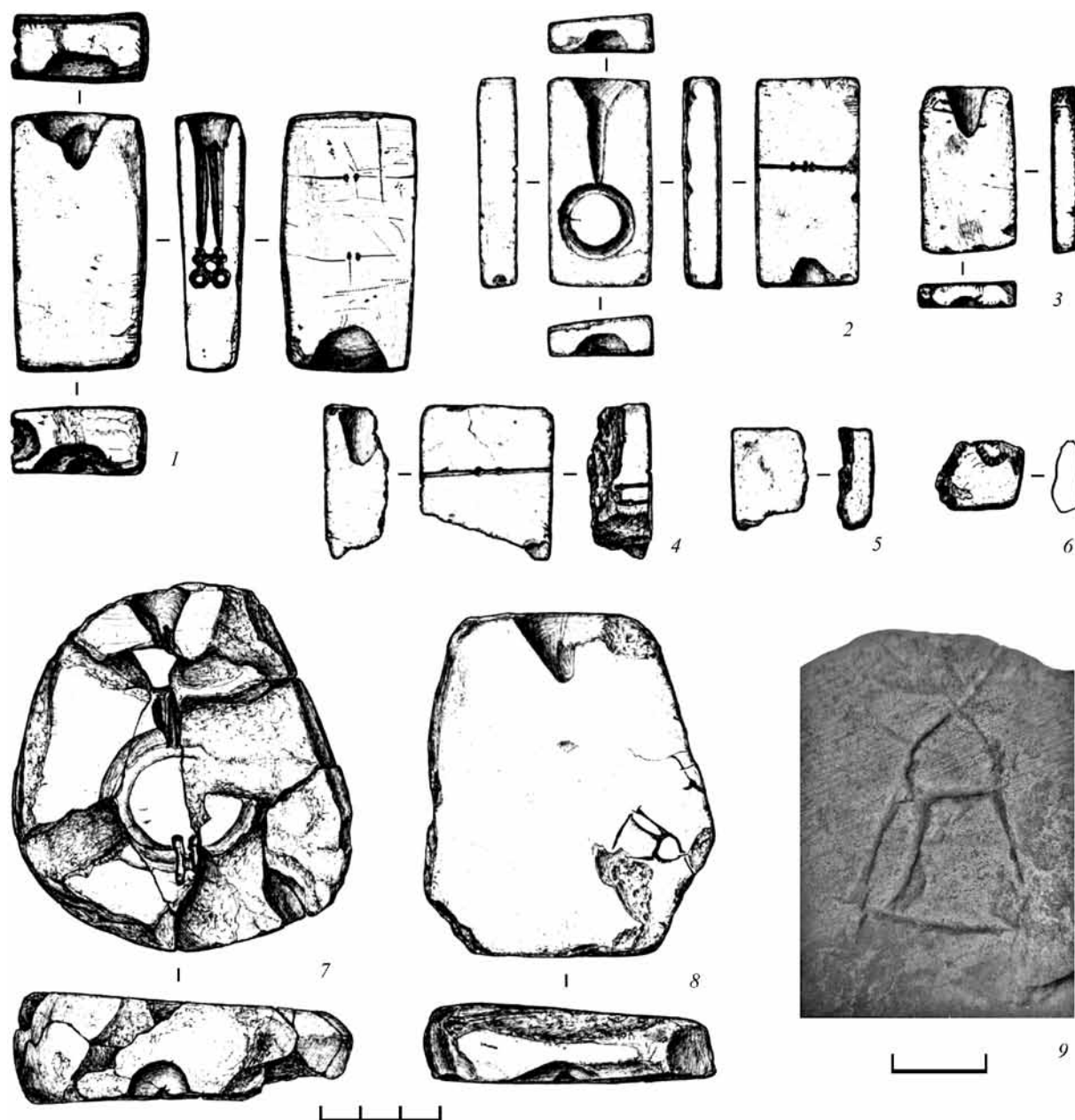

Рис. 5. Ратковский могильник. Каменные литейные формы

ранее выделенных в раскопе 2016 г. погребальных комплексов № 30, 31 и 34, примыкающие к ним.

Комплекс № 30¹. Обломок бронзовой гривны (рис. 2, 4).

Комплекс № 31. Литейные формы и их фрагменты (рис. 5), обломок льячки (рис. 4, 2); бронзовая бляшка-скорлупка, бронзовый слиток (рис. 2, 5, 6), фрагмент пряслица (рис. 4, 3), каменный оселок,

два обломка железных ножей (рис. 3, 3, 6), фрагмент шила, железное кольцо (рис. 2, 7, 8).

Комплекс № 34. Бронзовые вещи: шумящая подвеска, привеска-колокольчик, бронзовый слиток (рис. 2, 2, 3), обломки бронзовых пластинок, два железных шила, фрагмент ножа, обломок железного кольца, фрагменты железных стержней, железная пластина (рис. 3, рис. 1, 2, 5, 9, 10, 12).

¹ Нумерация комплексов продолжает начатую в предшествующих публикациях.

Таблица 1. Ратьковский могильник, 2017. Стратиграфическое распределение археологического материала.

Пласты, 2017	Обломки керамики	Вещевые находки	Обломки костей
1	56	6	3
2	464	30	16
3	1034	40	34
4	159	12	3
5	23	–	10
Ямы	20	–	24
Всего	1756	88	76

Таблица 2. Распределение находок по погребальным комплексам.

№ комплекса	Квадраты	№ ям (год)	Вещевые находки	Обломки керамики	Обломки костей	Обугленные зерна
30	С–8–13, Т–8–13, У–8–12	4, 7, 11 (2016)	11	1443	344	202
	П–14, Р–14	(2017)	2	53	–	–
31	У–13, Ф–9–13, Х–9–13, Ц–9–13	1, 8, 9, 13 (2016)	10	518	27	21
	Ф–14–17, Х–14–17, Ц–14–17, Ч–11–13, Ш–11–13, Щ–11–13, Ъ–11–13	1, 2, 6, 7, 8, 9, 10 (2017)	53	1224	59	–
34	У–4–7, Ф–4–7, Х–4–7, Ц–5–7	2, 12 (2016)	12	372	293	134
	Ч–4–8, Ш–4–8, Щ–4–8	(2017)	11	103	11	–

Керамический комплекс составил 1756 обломков сосудов. Керамика лепная, неорнаментированная, с примесью крупного песка и дресвы, по большей части плохого качества (т.е. слабого и среднего обжига), поэтому сильно фрагментированная. Встречено 50 обожженных и ошлакованных фрагментов. 85% фрагментов керамики залегали во 2-м и 3-м пластах (табл. 1).

Керамическую коллекцию по качеству теста можно разделить на: 1) грубую, плохо выделанную – 14%; 2) гладкую, хорошо выделанную – 32%; 3) подлощенную, заглаженную – 4%.

Целых форм не восстановлено, фрагменты венчиков (157 экз. – 9% от всего керамического комплекса) относятся к небольшим горшкам с диаметром венчика от 10 до 25 см, диаметры днищ (76 экз. – 4% от всего керамического комплекса) от 10 до 20 см (рис. 6). По венчикам выделяется 4 вида сосудов.

Вид 1 (21 экз. – 13,4%). Сосуды с прямым, вертикально поставленным, чуть отогнутым венчиком, не имеющим резких изгибов, плавно переходящим к плечу (рис. 6, 1, 2, 4).

Вид 2 (68 экз. – 43,3%). Сосуды с коротким, прямым, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 3, 5).

Вид 3 (16 экз. – 10,2%). Сосуды с изогнутым, чуть отогнутым наружу венчиком, с небольшим

наплывом наружу и с резким ребром по плечу (рис. 6, 7). Сходны с сосудами рязано-окских могильников, близки к горшкам типов А5 н и А5м по типологии В. В. Гришакова и наиболее распространены в VI – первой половине VII в. (Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005. С. 78. Рис. 26, 9).

Вид 4 (1 фр. – 0,6%). Сосуды с прямым, чуть отогнутым венчиком, плавно переходящим к плечу, поверхность заглаженная (замытая) – группа 3 по Леонтьеву (1996. С. 52. Табл. 3) (рис. 6, 6).

Донца (76 фр.) составляют 4,3% всего керамического комплекса. Донца без закраин составляют 90,8%, с закраинами – 0,2%.

Новые находки подтверждают ранее определенную дату – VI–VII–IX–X вв.

Раскопки 2017 г. подтверждают наблюдения, что, несмотря на хаотичное из-за продолжительной распушки расположение археологического материала, на исследуемой площади памятника топография могильника имела структуру в виде погребальных комплексов, отделенных друг от друга свободными пространствами. Части погребальных комплексов, вскрытые в этом году (№ 30, 31, 34), скорее всего, представляют остатки женских погребений, на что указывают многочисленные находки литейных формочек, льячек и пряслица. Новые находки подтверждают ранее определенную дату – VI–VII – IX–X вв.

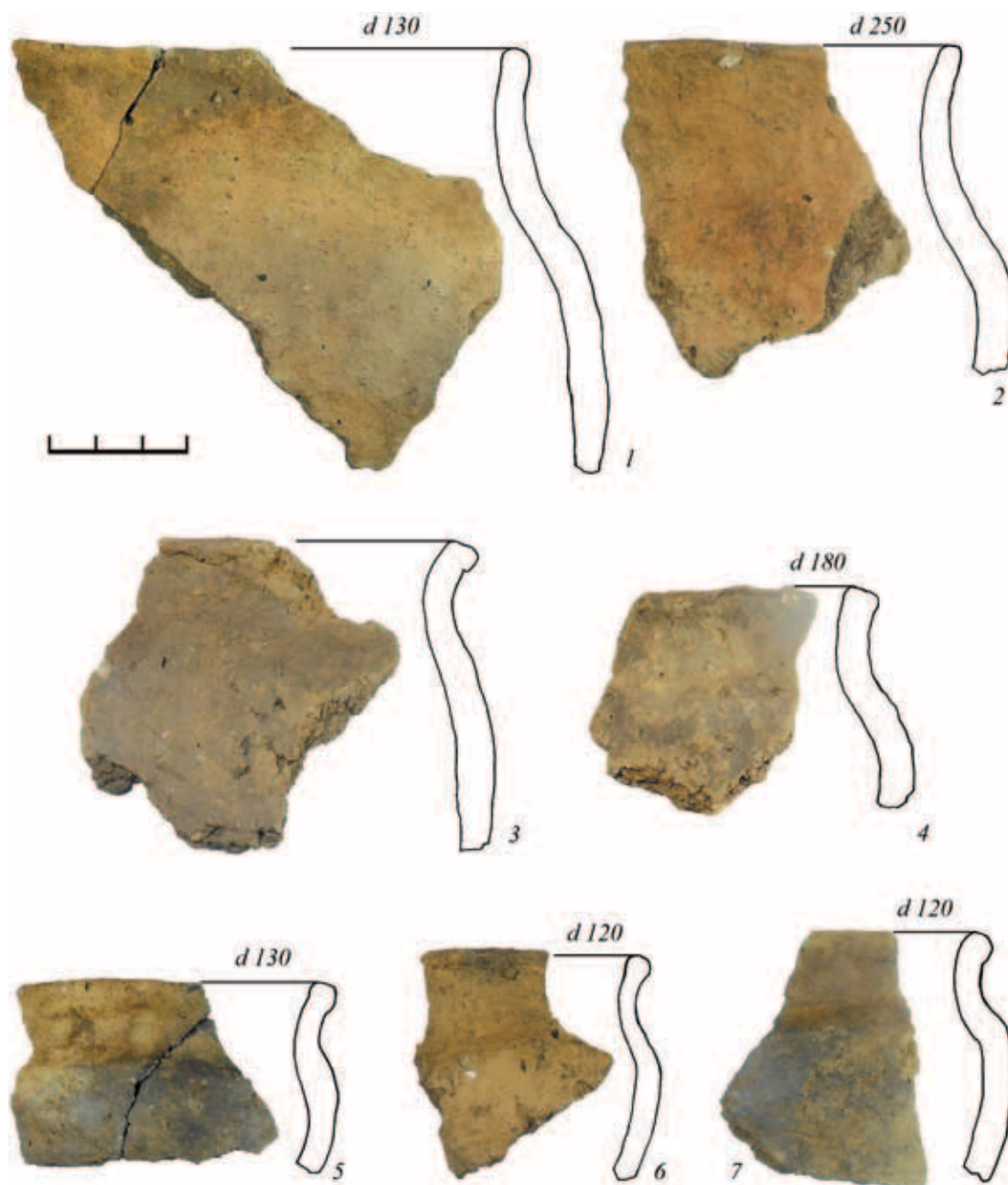

Рис. 6. Ратьковский могильник. Фрагменты керамики

Литература

Аннинский Е. С., Заика А. Л., Ампилогов Б. А., Баранов М. В., Злотя Ю. В., Коган К. А., Пургин В. А., 2007. Наскальное искусство среднего Енисея. От каменного века до средневековья. Железногорск: Фонд «Память о Решетневе». 224 с.

Вайништейн С. И., 1976. Проблемы истории жилищ степных кочевников Евразии // СЭ. № 4. С. 42–62.

Вихляев В. И., 1972. Скульптуры их могильников селиксенского и армиевского типов // СА. № 3. С. 185–203.

Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: Хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.

Вишневский В. И., Новоселова Т. Н., 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 годов) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 67–83.

Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В., 2005. Никитинский могильник: публикация ма-

териалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН. 167 с. (Тр. отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 3).

Горюнова Е. И., 1961. Древняя история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР. 264 с. (МИА. № 94).

Исланова И. В., 2008. Городище Отмичи. М.: ИА РАН. 283 с. (РСМ. Вып. 11).

Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М.: Наука. 1980. 224 с.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. М.: Геоэко. 340 с.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2015. Ратьковский финно-угорский могильник (по материалам раскопок 2013 г.) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 127–137.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2016. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (по материалам раскопок 2014 г.) // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН 2016. С. 45–52.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2017. Ратьковский раннесредневековый могильник (результаты раскопок 2015 года) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 19–31.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2018. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2016 года) // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 52–63.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности Западной части Волго-Окского междуречья. М.: Наука. 179 с.

Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 150 с. (МИА. № 5).

Шитов В. Н. 1988а. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н. э. Саранск. Мордовское книжное изд. С. 4–43.

Шитов В. Н. 1988б. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Труды. Вып. 85. Саранск: Мордовское книжное изд. С. 23–70.

T. N. Novoselova, V. I. Vishnevsky

Early Middle Age Finno-Ugrian burial ground in Ratkovo (the results of excavations held in 2017)

Summary

In 2017, an expedition team from the Sergiev Posad Museum explored 72 sq. m of ground at the Ratkovo burial ground (the area in question was excavated in 1999, 2000, 2002, 2006, 2007, 2013–2016). The excavations revealed remains of three burial complexes

containing fragments of bronze ornaments, fragments of ceramic vessels, vials and spindle whorls; iron tools, stone molds and cremated bones were found. Based on the archaeological evidence of the funerary complexes are dated back to the 6th–7th and the 9th–10th centuries.

А. А. Гольева*, О. С. Хохлова**, А. В. Энговатова***,
В. Ю. Коваль***, А. С. Алешинская***, М. Б. Кочанова***,
А. О. Макеев****, Т. А. Пузанова****, Ф. Ф. Курбанова****

* Институт географии РАН, Москва;

** ИФХиБПП РАН, Пущино;

*** Институт археологии РАН, Москва;

**** МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

Исследование древних почв восточной части Московского Кремля¹

Введение

Работы представителей естественных наук на археологических памятниках на сегодняшний день стали традиционными (Bettis, 1988. Р. 263–279; Engovatova, Golyeva, 2012. Р. 54–62; Golyeva et al., 2016. Р. 605–610; Sarnchez-Perres et al., 2013. Р. 249–267 и другие). Работа почвоведов на археологических памятниках позволяет получать уникальную информацию о начальных этапах заселения территории и особенностях ее освоения. Это важно, поскольку первичные периоды обживания часто практически не содержат качественного археологического материала. Одновременно археологические памятники являются уникальными источниками информации о специфике древней природной среды и характере взаимодействия человека и природы на всех стадиях становления и функционирования общества (Antisari et al., 2013. Р. 3660–3671; Golyeva, Andrič, 2014. Р. 38–47; Nicosia et al., 2011. Р. 280–292; Weiss et al., 1993. Р. 995–1004).

В 2016–2017 гг. в восточной части Московского Кремля было разобрано административное здание, построенное в 1929–1932 гг. на месте снесенных построек двух древних монастырей: Чуда Архангела Михаила и Вознесения Господня. Стройка полностью уничтожила главные соборы этих монастырей, но в подвальных помещениях здания советской постройки и вокруг него сохрани-

лись участки культурного слоя XII–XVII вв. (Макаров и др., 2017. С. 7–27). Лучше всего сохранились слои XII–XIV вв., под которыми на некоторых участках фиксировались древние, предположительно агрогенные горизонты (Коваль и др., 2008. С. 464–467). В этих горизонтах средневековый материал отсутствовал, но обнаружена керамика раннего железного века (I тыс. до н.э.), свидетельствующая о том, что восточная часть Кремлевского холма находилась в зоне хозяйственного освоения поселения эпохи РЖВ, располагавшегося в 200 м отсюда, на краю обрыва к р. Москве.

Цель работы – реконструировать: 1) начальные (доурбанистические) этапы освоения восточной части Московского Кремля, их специфику, интенсивность и длительность; 2) палеоэкологические условия этапов освоения и запустения территории; 3) выявить возможные признаки почвообразования в периоды запустения, когда процесс формирования культурных слоев ослабевал.

Объекты и методы исследования

Объект исследования находился в историческом центре города Москвы (рис. 1). Он расположен на третьей надпойменной террасе. Высота над уровнем моря 149,2 м. Современный климат умеренно континентальный, со среднегодовой температурой +4,5 °С. Среднегодовое количество

¹ Полевые работы осуществлялись при поддержке РНФ (проект № 16-17-10280); лабораторные анализы сделаны благодаря госпрограмме № 0148-2019-0006; археологические работы – госпрограмме № 0176-2018-0008.

Рис. 1. Место раскопа «Корпус 14» в Московском Кремле (указано синим кружком)

осадков – около 650 мм/год. Типичная современная растительность – смешанные хвойно-широколиственные леса, типичные почвы на легких породах – подзолы (Шоба и др., 2011).

При проведении археологических раскопок в восточной части Московского Кремля изучены погребенные почвы и культурные слои на участке «Корпус 14», где рассмотрено несколько почвенных профилей, отобраны вертикальные колонки для лабораторных исследований. В данной работе представлены результаты по трем из них: раскоп 2, участок 1, квадрат 1 (далее – объект 1), раскоп 2, участок 2, квадрат 24 (объект 2) и раскоп 3, участок 2, квадрат 11 (объект 3) (рис. 2).

Непосредственно на месте проведения раскопок сделан морфологический анализ вскрытых погребенных почв. Основное внимание обращалось на специфику окраски горизонтов и характер границ между ними. Для всех изученных объектов был сделан единый набор анализов, что позволило проводить сравнительный анализ полученных результатов. Определены $pH_{водн.}$, углерод органический, валовый фосфор; сделан микробиоморфный анализ, где основное внимание уделено составу и распределению фитолитов.

Разрез объекта 1 имел наиболее четко выраженную стратиграфию, поэтому был выбран в качестве основного. В образцах из этого разреза были дополнительно определены содержание углерода карбонатов, гранулометрический состав, содержание макро- и микроэлементов, сделаны спорово-пыльцевой и в нижней части профиля – микроморфологический анализы.

Все физико-химические анализы проводились согласно стандартным методикам, принятым в почвоведении (Аринушкина, 1970; Воробьева, 2006; Качинский, 1965).

Концентрация макро- и микроэлементов определялась с использованием X-ray флуоресцентного анализатора (XRF), геохимические коэффициенты вычислялись на основе полученных данных в каждом изучаемом слое.

Образцы на микроморфологию взяты из нижних четырех горизонтов погребенной почвы (с глубины 60 см). Шлифы рассматривались в поляризационном микроскопе и описывались согласно терминологии, предложенной Ступсом (Stoops, 2003).

Фитолитный анализ проводился по стандартной методике (Гольева, 2001). Определялось качественное и количественное распределение частиц.

Для выделения пыльцы и спор и отделения их от породы применялась усовершенствованная сепарационная методика В.П. Гричука (Кочанова и др., 2005. С. 13–15; Пыльцевой анализ, 1950).

Результаты исследования

Морфологическая характеристика

Все изученные объекты имеют сходное строение (рис. 3): серия разных по мощности, цвету, составу культурных слоев в верхней части и нижние горизонты исходных почв в нижней части. Между этими двумя блоками расположены пахотные и/или огородные горизонты различной степени выраженности и мощности.

Во всех случаях за отметку «0» при описании слоев и горизонтов был взят уровень верхней отметки сохранившегося культурного слоя (верхняя часть этого слоя уничтожена котлованом здания 14-го корпуса), соответствующую балтийской отметке 143,80 м. В скобках даны названия почвенных горизонтов/прослоев согласно современной международной классификации (FAO, 2006).

Объект 1.

0–47 см – толща различных по цвету культурных слоев (КС), содержащих мелкие обломки средневековой керамики, угли. В этой толще выделяются слои 17–18 и 18–19 см. Первый содержит обилие обломков известняка различной размерности, второй состоит практически лишь из крупных древесных углей (горизонт пожара; Макаров и др., 2017. С. 7–27). Под этим слоем находится прослой песка (19–25 см), в котором нет артефактов.

47–48 см (Ahb2+КС) – темно-бурый тонкий прослой дернины первой погребенной почвы. Мощность варьируется от 0,5 до 2 см, простирается

Рис. 2. Локализация объектов исследования

а – перекопы XX в.; б – фундаменты под колонны корпуса 14; в – участки непотребованного культурного слоя; г – остатки сооружений Чудова монастыря; д – древние ямы; е – могильные ямы некрополя Чудова монастыря; ж – яма с развалом сосуда РЖВ

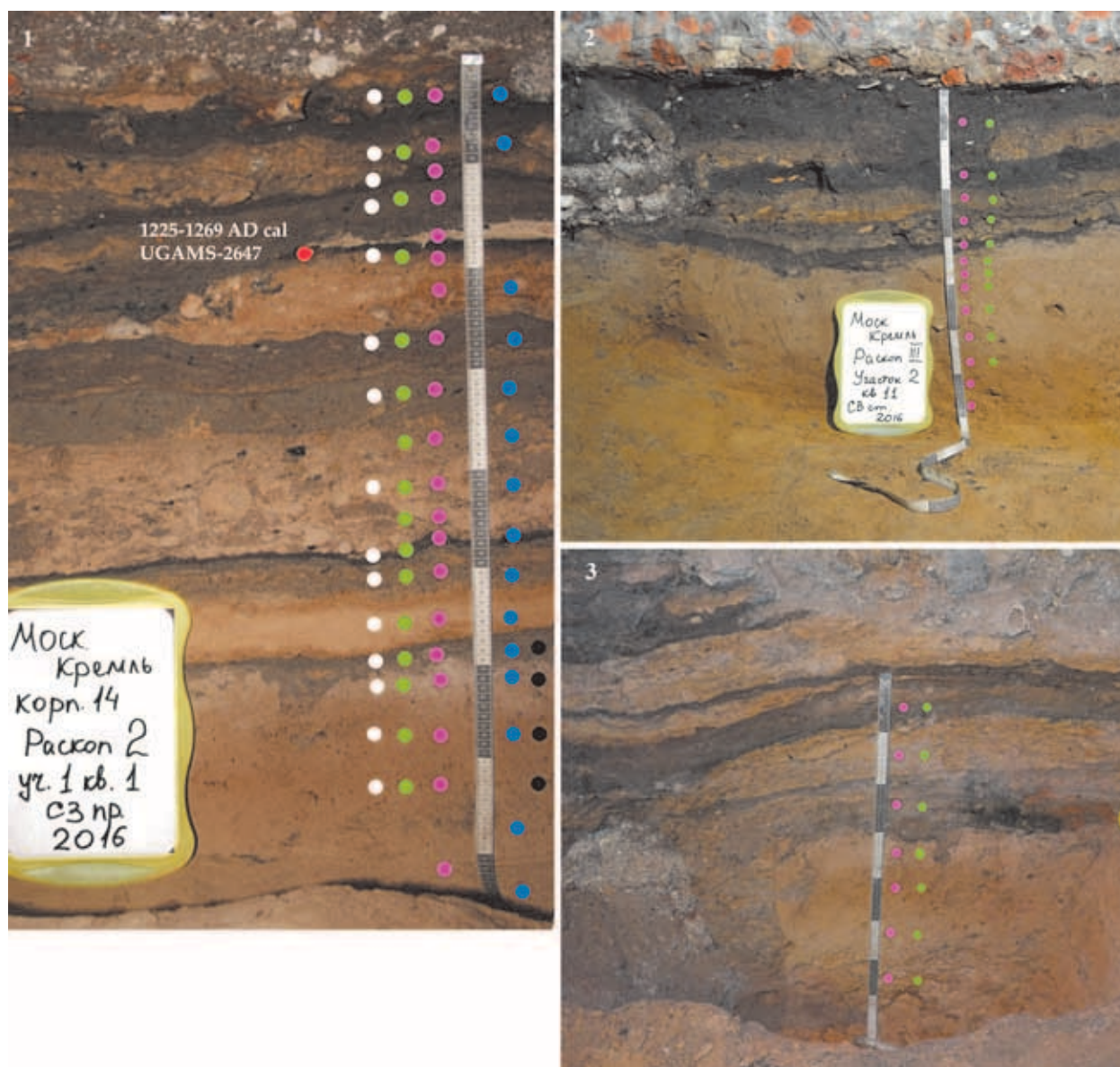

Рис. 3. Морфологические профили объектов исследования
(цветными точками показаны слои, из которых отбирались пробы для анализов)

1, 2, 3 – изучаемые объекты; лиловый цвет – пробы на определение химических свойств; зеленый – фитолитный анализ; белый – спорово-пыльцевой анализ; голубой – содержание макро- и микроэлементов (без участков на гл. 100, 110 и 120 см); черный – микроморфологический анализ; красный – углистый горизонт, где получена дата по ^{14}C

по стенке раскопа слабо волнистое, верхняя и нижняя границы хорошо заметны по цвету.

48–53 см (Ahb3+KC) – погребенный гумусовый горизонт первой почвы. Цвет преимущественно серый с буроватыми тонами. Нижняя граница слабоволнистая. На границе этого горизонта и нижележащего проходит ярко бурая диффузная тонкая прослойка. Это почвенный процесс осаждения оксидов железа при смене окислительно-восстановительных процессов в период функционирования почвы в дневном режиме.

53–57 см (4C) – чистый однородный рыхлый светлый песок. Переход к нижнему горизонту линейный, заметный по цвету и составу.

57–60 см (5Apb) – нижняя часть древнего огородного горизонта серого цвета – вторая погребенная почва. Нижняя граница неровная, зубчатая, типичная при обработке почвы лопатами. Переход к нижнему горизонту резкий, заметный по цвету.

60–65 см (5Eb) – остаточная часть подзолистого горизонта – третья погребенная почва. Цвет

белесый. Нижняя граница ровная, слабо диффузная, заметная по цвету и увеличению плотности.

65–69 см (5Bsb) – железистый горизонт третьей погребенной почвы. Цвет бурый, охристый за счет соединений железа, что увеличивает плотность горизонта. Переход к нижнему горизонту постепенный, заметный по уменьшению охристых тонов.

69–85 см (6BCb) – минеральный горизонт, переходящий в почвообразующую породу. Цвет однородный светло-бурый. Горизонт более рыхлый по сравнению с предыдущим, поскольку нет железистых стяжений.

Единичный мелкий фрагмент керамики РЖВ (2000–1500 лет назад) встречен в слое 60–65 см. Выше – отложения Средневековья (XII–XIII вв.).

Объект 2.

0–32 см – серия культурных слоев, состоящая из 3 прослоев по 10 см каждый, различающихся по цвету. Верхний и нижний прослои имеют преимущественно темный цвет с тонкими бурыми прослоями и включениями каменной крошки. Средний прослой светлый, в верхней части бурый, в нижней усиливаются серые оттенки. В нем также есть мелкие включения угольков и каменистой крошки. Границы между всеми слоями резкие, линейные, хорошо заметные по цвету.

В самом нижнем КС наблюдается увеличение количества мелких углистых частиц. Граница между этим культурным слоем и нижележащим почвенным горизонтом волнистая, неровная, заметная по цвету.

32–38 см (Арб) – светло-серый горизонт. Цвет неоднородный – в верхней части преобладают белесоватые тона, ниже усиливается серая окраска. Нижняя граница ровная, практически линейная. Цвет окраски горизонта и ровный характер нижней границы позволяют предположить, что это древний пахотный горизонт.

38–48 см (Bsb) – бурый железистый почвенный горизонт. Переход к следующему горизонту диффузный, заметный по ослаблению бурой окраски.

48–60 см (BCb) – минеральный почвенный горизонт однородного светло-бурого цвета, постепенно переходящий в почвообразующую породу.

В изученном разрезе встречены только средневековые артефакты.

Объект 3.

0–32 см – серия КС различного генезиса, цвета, плотности селитебного периода обживания территории. Переход к нижнему слою четкий, слабоволнистый, заметный по цвету.

32–34 см (Арб) – нижняя часть погребенного огородного горизонта. Горизонт темный, рыхлый,

насыщенный органикой. Переход к нижележащему горизонту четкий, слабоволнистый, заметный по цвету.

34–36 (37) см (Eb) – белесый прослой, повторяющий рисунок границы вышележащего горизонта. Горизонт обогащен мелкими (точечными) рыхлыми охристыми стяжениями. Переход к следующему горизонту постепенный, диффузный, заметный по цвету.

36 (37)–50 (52) см (Арб2) – древний пахотный горизонт однородного светло-серого цвета. В нижней части горизонта встречаются мелкие обломки керамики РЖВ. Переход к следующему горизонту ровный, слабо линейный, заметный по цвету.

50 (52)–70 см (Bb) – уплотненный бурый горизонт, обогащенный железом. Интенсивность бурой окраски нарастает вниз по профилю.

Микроморфологическая характеристика (объект 1)

В темном горизонте погребенной огородной почвы на глубине 57–60 см в шлифах четко видна плитчатая или слоеватая микроструктура, в почвенной массе наблюдается серия параллельных трещин (рис. 4, *a*), а также среди плитчатых микроагрегатов залегают микропрослои, обогащенные угольками (рис. 4, *b*). Угольки разного размера и рисунка, среди угольков от сгоревшей древесины встречаются и угольки от сгоревшей травы. Последние имеют более неопределенные очертания, в них не всегда можно разглядеть четкий рисунок растительной ткани (рис. 4, *c*, стрелки), что свойственно обугленной древесине (рис. 4, *e*). На рисунке 4 (*d*) снят контакт верхнего прогумусированного горизонта (57–60 см) с осветленным (60–65 см). Здесь видно, что все минеральные зерна погружены в железисто-гумусово-глинистый тонкодисперсный материал, зерна минералов песчаной размерности без покрова практически отсутствуют. При этом можно отметить пятна ожелезнения и микроучастки разной степени окрашенности в почвенной массе – следы процесса контактного оглеения. В осветленном горизонте сети параллельных трещин и плитчатой микроструктуры не отмечается. В верхнем горизонте погребенной почвы помимо угольков встречаются мелкие обломки костей (рис. 4, *e*, *f*). Также в поляризованном свете очень слабо видны мельчайшие удлиненные зерна литогенной карбонатной щебенки.

На переходе от горизонта 5Eb к 5Bsb (глубина 65–70 см) фиксируется усиление признаков биотурбации и при этом сохраняется сеть параллельных трещин и слабовыраженные, отчасти обработанные

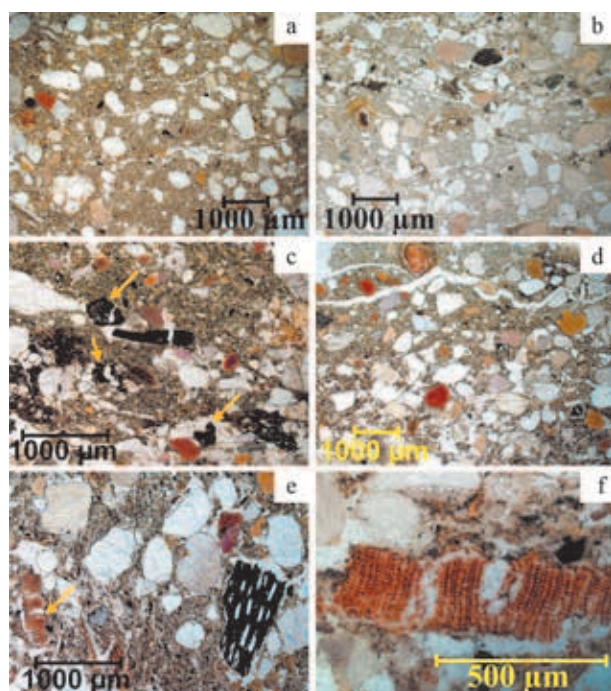

Рис. 4. Микростроение верхнего горизонта погребенной почвы объекта 1. 5Arb, 57–60 см. Все фото сняты при PPL (параллельные николи)

а – плитчатая микроструктура; б – микропрослой угольков; с – угольки разного размера и рисунка, встречаются угольки от сгоревшей травы (стрелки); д – контакт 5Arb с 5Eb, пятна ожелезнения и следы слабого оглеения в виде разноокрашенных микрозон тонкодисперсного материала; е – сравнительно крупный фр-т древесного угля и фр-т растительного детрита (стрелка); ф – тот же фр-т детрита крупным планом

мезофауной плитчатые агрегаты, микроструктуру можно определить как плитчато-копрогенная, а местами, где преобладает плитчатая структура, копрогенная проявляется микрозонально (рис. 5, а). При большем увеличении в этом слое видны сильно разложившиеся растительные остатки в порах и копрогенная микроструктура, приуроченные к зонам активности мезофауны (рис. 5, б). При изучении в скрещенных николях (XPL) в тонкодисперсном веществе этого слоя обнаруживаются разбросанные удлиненные, редко – округлые зерна литогенной карбонатной щебенки (рис. 5, с).

В горизонте 6BCb (глубина 75–85 см) отмечаются железистые покровы на зернах минерального скелета и железисто-глинистые пленки (кутаны) в порах, скрепляющие зерна минерального скелета мостиками, так называемое мостиковое микросложение (рис. 5, d, e). Кутаны в порах тонкие, слоистые, иногда скорлуповато-слоистые железисто-глинистого состава (рис. 5, f). Зерен карбонатной щебенки в данном горизонте не обнаружено. При

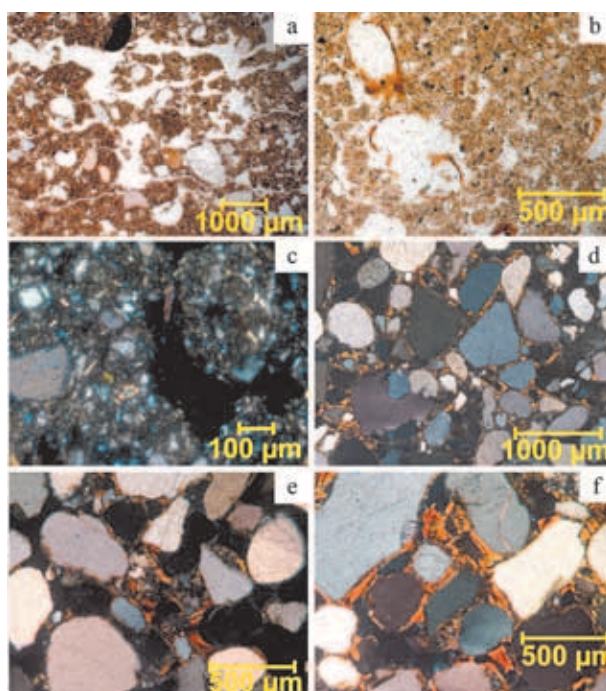

Рис. 5. Микростроение слоя 65–70 см (а–с) и микростроение горизонта 6BCb, 70–85 см (d–f) объекта 1. Фото а и б сняты при PPL (параллельные николи), с–f – при XPL (скрещенные николи)

а – плитчато-копрогенная микроструктура; б – сильно разложившиеся растительные остатки в порах и копрогенная микроструктура; с – удлиненные, редко – округлые зерна литогенной карбонатной щебенки в тонкодисперсном материале; d, e – мостиковое микросложение; f – тонкие слоистые и скорлуповато-слоистые кутаны (*coatings*) железисто-глинистого состава

этом обращает на себя внимание укрупнение размера зерен минерального скелета по сравнению с вышележащими слоями.

Химические свойства и гранулометрия

Специфика химических свойств представлена в таблице 1. Хорошо видно, что все три колонки имеют нейтральные значения pH без каких-либо существенных колебаний. По содержанию органического углерода культурные слои существенно отличаются от погребенных почв. Выделяются лишь горизонты погребенной дернины (47–48 см, объект 1) и темные огородные горизонты (57–60 см, объект 1; 32–34 см, объект 3). В серии культурных слоев можно отметить песчаные прослои, где органического углерода мало.

Валовой фосфор имеет сходную тенденцию – наибольшие количества в органических культурных слоях, с меньшими значениями – в нижних горизонтах и песчаных наносах. Но характер распределения элемента несколько иной. Так, в объек-

Таблица 1. Химические свойства почв и культурных слоев раскопа «Корпус 14» в Московском Кремле.

Глубина, см	Горизонт	pH _{H2O}	C _{орг.} , %	P _{вал.} , %	CaCO ₃ , %
2-1-1 (объект 1)					
0–5	КС	7,3	3,2	1,71	3,79
5–10		7,2	0,9	0,99	1,78
10–11		7,3	2,9	1,76	0,49
11–17		7,2	2,1	1,61	1,18
17–18	КС с карбонатами	7,6	0,6	2,91	10,92
18–19	КС с углем	7,4	1,3	0,63	0,4
19–25	3С прослой песка	7,4	0,3	0,60	0,86
25–30	КС	7,0	1,2	0,84	1,77
30–35		7,1	1,0	1,31	1,55
35–38		6,9	0,9	1,06	1,46
38–43		6,9	0,8	1,14	1,54
43–47		7,0	0,6	1,10	1,38
47–48	Ahb2+cul	6,9	2,3	0,99	0,78
48–53	Ahb3+cul	7,2	0,5	0,56	1,16
53–57	4С прослой песка	7,4	0,1	0,31	0,56
57–60	5Apb	7,2	0,9	0,66	1,3
60–65	5Eb	6,9	0,3	0,51	0,92
65–70	5Bsb	6,9	0,4	0,99	1,25
70–75	6BCb	7,1	0,4	0,62	0,75
75–85	6BCb	7,1	0,3	0,49	0,66
2-2-24 (объект 2)					
0–10	КС	6,9	1,2	1,05	
10–20		7,0	0,3	0,56	
20–32		6,9	0,6	0,49	
32–38	Apb+cul	7,0	0,5	0,62	
38–48	Bsb+cul	6,8	0,4	0,78	
48–58	BCb	6,9	0,3	0,40	
58–68	Cb	6,9	0,2	0,14	
3-2-11 (объект 3)					
0–15	КС	6,4	3,0	1,40	
15–20		6,5	3,0	1,45	
20–24		6,9	0,6	1,05	
24–28		6,8	1,1	1,43	
28–32		6,9	0,7	0,71	
32–34	Apb	6,7	1,7	1,16	
34–37	Eb+cul	7,0	0,3	0,97	
37–41	Apb2	6,7	0,3	1,11	
41–47	Apb2	6,9	0,3	1,02	
47–52	Apb2	6,7	0,3	0,57	
52–57	Bb	7,1	0,2	0,39	
57–62	Bb	7,2	0,2	0,22	
62–67	Bb	7,4	0,1	0,16	

те 1 фиксируется увеличение фосфора в третьей погребенной почве (65–70 см), в объектах 2 и 3 четко выделяются вторые максимумы содержания фосфора на глубинах 38–48 и 37–41 см соответственно.

Карбонатов кальция (объект 1) много в самом верхнем горизонте культурного слоя (0–5 см) и очень много в слое 17–18 см (более 10%), что

нормально, учитывая морфологическую характеристику слоя. Минимум карбонатов отмечен в культурном слое 10–11 см, углистом слое пожара (18–19 см), песчаном прослое 53–57 см и нижних горизонтах исходной почвы.

Обращает внимание повышенное содержание карбонатов в горизонте 3 [B] (65–75 см).

Таблица 2. Гранулометрический состав проб из объекта 1. Раскоп «Корпус 14» в Московском Кремле.

Глубина, см	Содержание фракции в % (размер частиц в мм)							Фракция
	1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	< 0,001	< 0,01	
	Песок		Пыль			Ил	Физич. глина	
0–5	44,25	12,14	16,51	5,34	9,03	12,73	27,10	Легкий суглинок
5–10	55,54	10,70	17,63	3,89	5,92	6,32	16,13	Супесь
10–17	42,38	26,78	10,63	3,91	6,52	9,78	20,21	Легкий суглинок
19–25	56,95	25,28	8,78	1,42	2,45	5,12	8,99	Песок связный
30–35	34,79	47,17	7,52	1,62	2,55	6,35	10,52	Супесь
38–43	36,65	9,02	33,00	6,3	7,46	7,54	21,33	Легкий суглинок
53–57	14,46	51,52	27,29	1,31	1,48	3,94	6,73	Песок связный
60–65	34,77	13,37	35,35	4,31	7,61	4,59	16,51	Супесь
75–85	25,19	11,92	41,24	6,64	9,18	5,83	21,65	Легкий суглинок

Причина этого будет обсуждаться ниже в разделе «Обсуждение».

Гранулометрический состав представлен в таблице 2. Согласно полученным данным, почвы и культурные слои формировались на легких породах, которые в процессе хозяйственной деятельности перекрывались песчаными прослоями.

Валовый состав (объект 1).

Вначале рассматриваем коэффициенты выветривания (рис. 6, а, б). Эти коэффициенты основаны на соотношении элементов, имеющих разную устойчивость к выносу в процессе выветривания, т. е. основных катионов Ca, Mg, K и Na, выносимых в почвенные растворы, к Al, входящему в состав слаборастворимых минералов.

Коэффициент CI_A (рис. 6, а) рассчитывается как отношение Al_2O_3 к сумме $Al_2O_3 + CaO + Na_2O + K_2O$, умноженное на 100, при этом CaO бескарбонатный. И второй – как отношение Al_2O_3 к сумме $CaO + MgO + K_2O + Na_2O$ (рис. 6, б). Эти коэффициенты отражают степень преобразования или превращения полевых шпатов и слюд (первичные минералы) в глинистые (вторичные) минералы, исходя из допущения, что полевые шпаты и слюды – наиболее часто встречающиеся минералы в почве (Baumann et al., 2014. Р. 300–315). Полученные величины показывают, что в культурных слоях, выявленных до глубины 57 см (первый горизонт погребенной почвы в изучаемой толще на всех диаграммах имеет черный цвет, 57–60 см), эти коэффициенты довольно сильно варьируются, показывая минимальные величины в слоях 0–5 и 25–30 см. В погребенной почве горизонты 57–60, 60–65, 65–70 см имеют существенно меньшие (почти на 10 единиц в случае CI_A и на 0,5 единиц – для второго коэффициента) величины по сравнению с горизонтами В и ВС. По нашему мнению, в данном случае

эти коэффициенты показывают обратную корреляцию с распределением органического углерода, достигая минимума как раз в тех слоях, где содержание $C_{орг.}$ максимально. Очевидно, это связано с накоплением биофильных (Ca, Mg, K, Na) элементов в гумусе, которое отсутствует в горизонтах, близких к почвообразующей породе, что и определяет величины рассматриваемых коэффициентов.

Отношение Rb к Sr (рис. 6, с) также можно рассматривать как коэффициент выветривания, поскольку он основан на разнице в устойчивости к выветриванию слюд и полевых шпатов, с которыми в ассоциации находится Rb, и карбонатов, с которыми ассоциирует Sr (Gallet et al., 1996. Р. 67–88). Этот коэффициент четко показывает, что культурные слои насыщены карбонатами существенно больше, чем погребенная почва. Примечательно, что коэффициент $(CaO + MgO)/Al_2O_3$, отражающий накопление и миграцию карбонатов в профиле (Tohru, Hiroyoshi, 2007. С. 280–297) (рис. 6, г), показывает четкую обратную корреляцию с Rb/Sr. Очевидно, в рассматриваемом случае речь не идет о разнице в выветривании указанных выше минералов, а наблюдаемое варьирование двух рассматриваемых коэффициентов в изучаемой толще отражает антропогенную природу накопления карбонатов в культурных слоях, что отмечалось многими исследователями ранее.

Индексы окисления MnO/Al_2O_3 , MnO/Fe_2O_3 (рис. 6, д, е) указывают на уровень биологической активности и биопродуктивности в автоморфных условиях или окисления в гидроморфных (Pieter et al., 2004. Р. 23–44). На основании их распределения по профилю изучаемой толщи можно предположить, что культурные слои 0–5, 30–35, 35–38 см, показывающие максимальные величины этого индекса, сформированы в условиях повышенной

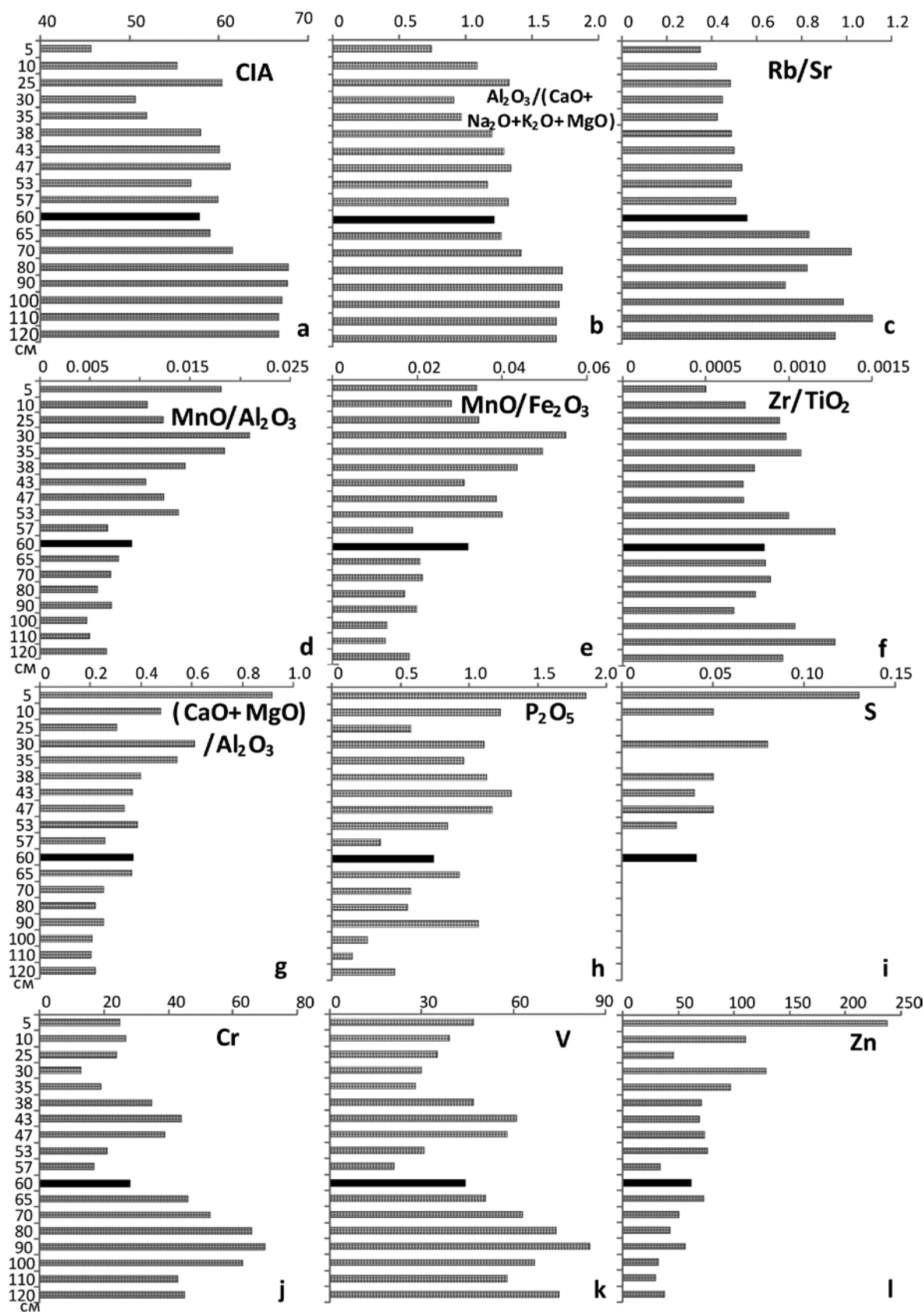

Рис. 6. Содержание и распределение макро- и микроэлементов

увлажненности. Чуть меньшими, но все же достаточно высокими эти индексы остаются в остальных культурных слоях, тогда как в погребенной почве величины этих индексов в целом заметно снижаются, показывая преимущественно автоморфный характер почвообразования. Чуть более высокие значения этих индексов отмечаются для верхнего горизонта погребенной почвы, очевидно, характеризующегося наибольшей биопродуктивностью и биологической активностью.

Отношение Zr/Ti (рис. 6, *f*) характеризует степень однородности материала (*Schilman et al.*, 2001. Р. 157–176) и в изучаемой толще меняется незначительно с отдельными «отскоками» в слоях 53–57 см (максимальное значение индекса) и 0–5 см (минимальное значение), свидетельствующими о привносе/выносе веществ, очевидно, за счет антропогенной деятельности.

Отдельные элементы, рассмотренные нами наряду с индексами, могут свидетельствовать об антропогенной деятельности. Содержание валового фосфора (рис. 6, *h*) максимально в культурных слоях и существенно уменьшается в погребенной почве. Хотя в погребенной почве фиксируются отдельные всплески увеличения содержания валового фосфора, что также может быть связано с антропогенной деятельностью. В погребенной почве по микроморфологическим наблюдениям в отдельных горизонтах наблюдаются скопления угольков, мельчайших остатков костей и керамики.

Сера обнаруживается только в культурных слоях (рис. 6, *i*), в них же повышена концентрация Zn (рис. 6, *l*), а тяжелые металлы, Cd и V , показывают меньшие количества в культурных слоях, чем в погребенной почве (рис. 6, *j*, *k*).

Спорово-пыльцевой и фитолиитный анализы (табл. 3)

Практически все исследованные образцы, включая образцы из прослоев песка, содержали фитолииты, пыльцу и споры в количестве, достаточном для статистической обработки. Исключение составляют образцы из нижних горизонтов исходной почвы, где микрофоссилии единичны и результат можно использовать лишь для сравнительной характеристики всей колонки.

Содержание и распределение фитолиитов во всех рассмотренных разрезах имеет сходную тенденцию – в нижней части преобладают формы, характерные для лесной флоры (включая хвойные деревья), при переходе к культурным слоям начинают доминировать травы и мхи, в то время как в образцах из почвенных горизонтов эти формы

единичны или совсем отсутствуют. Следует отметить слои 11–19 и 38–47 см (объект 1), где фитолиитов лесной флоры больше, чем травянистой.

Интересно наличие фитолиитов культурных злаков не только в культурных слоях, но и существенно ниже – в древних огородных и пахотных горизонтах, а также в тех разрезах, где при раскопках встречена керамика РЖВ (объект 1, глубина 60–65 см и объект 3, глубина 41–52 см).

Данные спорово-пыльцевого анализа (объект 1) во многом совпадают с распределением фитолиитов: нижние горизонты содержат больше пыльцы деревьев, при переходе к культурным слоям, начиная с огородного горизонта (57–60 см), начинает доминировать пыльца травянистых растений. Интересно, что в данном случае наблюдается обратная тенденция по содержанию спор – много внизу и мало вверх. Это кажущееся несоответствие объясняется в следующем разделе. Встречаемость пыльцы культурных злаков аналогична встречаемости фитолиитов. Эти микрофоссилии отмечаются не только в культурных слоях, но и в погребенных почвах.

Обсуждение

Согласно морфологическому описанию, погребенные почвы не имеют полноразвитого профиля. Самые нижние почвы (объекты 1 и 3) или скальпированы, или их верхние горизонты преобразованы распашкой. Почвы, сформировавшиеся между культурными слоями (объект 1), маломощны, профиль их не развит. Наличие песчаных наносов между агрогенными почвами и культурными слоями в сочетании с отсутствием верхних горизонтов исходных почв указывает на протекание интенсивных эрозионных процессов уже в самом начальном периоде освоения территории.

В шлифах (объект 1) обнаруженная плитчатая микроструктура в верхнем горизонте погребенной почвы (57–60 см) характерна для плужной подшвы пахотных или огородных почв. При этом можно сказать, что мы не видим в профиле сам пахотный горизонт, он отсутствует, а лишь плужную подшву. Это говорит о том, что в изучаемой толще верх пахотного слоя был или срезан, или удален эрозией. В этом горизонте встречены мелкие артефакты – мельчайшие обломки костей, обрывки растительных волокон (отходы жизнедеятельности? бытовой мусор?). Видимо, при распашке запахивались слои сгоревшей травы либо зола, а мельчайшие угольки и дробленая кость, вероятно, вносились специально для увеличения плодородия почвы.

Таблица 3. Содержание фитоцитов, пыльцы и спор (%), наличие культурных злаков.

Глубина, слой или горизонт, см	Фитоциты				Пыльца и споры			
	лес	травы	мхи	культ. злаки	деревья	травы	споры	культ. злаки
Объект 1								
0–5 КС	6	31	63	+	11	72	17	+
5–10 КС	6	33	61	+	13	77	10	+
10–11 КС					23	70	7	+
11–17 КС	31	24	45	+	8	91	1	+
18–19 КС с углем	33	20	47	+	8	90	3	+
25–30 КС	6	30	64	+	12	85	3	+
30–35 КС	11	56	33	+	11	80	9	+
35–38 КС	11	21	68	+				
38–43 КС	35	11	54	–	15	72	13	+
43–47 КС	45	29	26	+				
47–48 Ahb2+cul	21	31	48	+	8	90	2	+
48–53 Ahb3+cul	24	36	40	+	9	81	10	+
53–57 4С песок	0	0	0		26	39	35	+
57–60 5Apb	41	41	18	+	38	44	18	+
60–65 5Eb	45	55	0	+	46	10	44	+
65–70 5Bsb	63	37	0	–	50	13	38	–
70–75 6BCb	72	28	0	–	0	0	0	
Объект 2								
0–10 КС	12	29	59	+				
10–20 КС	2	16	82	+				
20–32 КС	12	43	45	+				
32–38 Apb	67	33	0	–				
38–48 Bsb	75	22	3	–				
48–58 BCb	75	25	0	–				
Объект 3								
0–15 КС	1	31	68	+				
15–20 КС	8	35	57	+				
20–24 КС	9	32	59	+				
24–28 КС	10	12	78	+				
28–32 КС	26	51	23	+				
32–34 Apb	27	23	50	+				
34–37 Eb+cul	37	61	2	–				
37–41 Apb2	44	52	4	+				
41–47 Apb2	11	89	0	+				
47–52 Apb2	52	48	0	+				
52–57 Bb	0	0	0					

Рассмотрение контакта бывшего пахотного слоя с осветленным горизонтом Е1 показывает, что осветление возникло, скорее всего, не в результате процесса оподзоливания, а как следствие контактного оглеения, чему свидетели железистые пятна, разбросанные в тонкодисперсном материале, а также разноокрашенные микроучастки этого материала.

В следующем слое, 65–70 см, очень хорошо выражены признаки деятельности мезофауны – ко-

прогенная структура, копрогенные агрегаты, обогащенность тонкодисперсным гумусом. Но при этом деятельность почвенной зоофауны не смогла полностью замаскировать прежде хорошо выраженную плитчатую микроструктуру, свойственную плужной подошве пахотных почв. Можно предположить, что после пахоты почва оставалась какое-то время заброшенной, так называемой залежной, в ней начали протекать процессы обычного зонального почвообразования, начал форми-

роваться гумусовый горизонт. Но это продолжалось недолго (порядка нескольких десятков лет), поскольку полностью деятельность мезофауны не смогла разрушить и замаскировать прежде хорошо выраженную плитчатую структуру, не уничтожила сеть параллельных трещин. Интересным является и обнаружение, правда лишь при самом большом из использованных увеличений, зерен карбонатной щебенки в этом и предыдущем слоях. Поскольку флювиогляциальные пески и моренные суглинки данного региона полностью лишены литогенной карбонатной щебенки, можно предположить, что в почву вносилось что-то типа современной доломитовой муки, также для повышения плодородия используемой в сельском хозяйстве почвы. Этот факт наглядно и независимо отражен в повышенном содержании карбоната кальция в этом горизонте.

Микростроение горизонта Bt типично для текстурно-дифференцированных почв. Здесь отмечаются железисто-глинистые пленки на зернах минерального скелета и железисто-глинистые слоистые и скорлуповато-слоистые кутаны в порах. Увеличение размера зерен минерального скелета в данном горизонте мы связываем со сменой почвообразующего субстрата, что было отмечено при полевом описании. Таким образом, почва, которая существовала изначально на этом месте, – альфегумусовый подзол с признаками оглеения.

Результаты химических анализов показали, что процесс формирования культурных слоев происходил за счет искусственной концентрации различных материалов – органики (например, навоза и/или древесины), песка, известняка. Это получило отражение в повышенном содержании ряда химических элементов – органического и минерального углерода, валового фосфора, а также в различиях гранулометрического состава.

По данным валового состава фиксируются четкие отличия культурных слоев от погребенной почвы. Культурные слои больше насыщены карбонатами (согласно макроморфологическому описанию в культурных слоях наблюдались включения известковой щебенки), более выветрены по алюмосиликатному материалу, формировались в условиях большего увлажнения, только в них обнаруживается сера и повышена концентрация Zn. В целом можно сказать, что в культурных слоях и почве нет загрязнения тяжелыми металлами, поскольку концентрации всех изученных тяжелых металлов крайне низки в исследуемой толще отложений.

Согласно глубине встречаемости фитоцитов (объекты 1–3) и пыльцы культурных злаков (объект 1), которая коррелирует с повышенным содержанием валового фосфора, можно говорить о том, что эти земли начали осваиваться (распахиваться, перекапываться) задолго до начала селитебной стадии. Встречаемость керамики РЖВ в этих же слоях позволяет предположить, что именно этот период (1500–2000 лет назад) следует считать началом освоения изучаемого участка.

В почвах фитоциты и пыльца характеризуют различные ареалы растительного покрова: фитоциты отражают локальную растительность (что росло на конкретном месте), а пыльца – как локальную (главным образом пыльца травянистых растений), так и зональную (пыльца древесных пород), (что могло произрастать как на поселении, так и в его окрестностях). Оба анализа независимо показали, что первоначально ландшафты на изученной территории были лесными. Хорошо фиксируются начальный период освоения территории, сведения лесов, распашка. Судя по полученным данным, вначале площади пашен были небольшими и в регионе доминировали леса. Со временем интенсивность хозяйствования возросла, что сопровождалось массовыми рубками, и практически вся территория стала безлесной.

При работе с культурными слоями надо иметь в виду, что в фитоцитном составе будут присутствовать как микрочастицы растений, произраставших *in situ*, так и тех, что были принесены человеком для хозяйственных целей. Именно этим объясняется резкое увеличение фитоцитов мхов во всех культурных слоях: мох активно и в больших объемах использовался в период деревянного строительства. Поскольку это была уже относительно плотная застройка, то естественно произраставшего мха в округе уже не было, и он завозился издалека. Это аспект отражен в малой доле спор мхов в спорово-пыльцевых спектрах.

В культурных слоях 11–19 и 38–47 см (объект 1) лесных форм фитоцитов больше, чем луговых, в то время как в спорово-пыльцевом спектре абсолютно доминирует пыльца травянистых растений. В обоих случаях эти слои фиксируют периоды запустения, забрасывания участка. Особенно хорошо это фиксируется в толще 11–19 см, где слой 18–19 см – это слой пожара с обилием древесных углей, по которым получена радиоуглеродная дата 1225–1269 cal 1δ UGAMS-26047 (Макаров и др., 2017. С. 18). Этот пожар сопровождался периодом запустения, когда, очевидно, частично восстановился древесный ярус. Следует отметить, что время между восстановлением древостоя и началом массового цветения деревьев может составлять

десятилетия. И, если период возобновления хозяйственной активности и вырубки выросших деревьев начался через 10–15 лет, нет ничего удивительного, что спорово-пыльцевой спектр не отразил этот этап. Этим же объясняется расхождение между данными фитолитного и спорово-пыльцевого составов для нижней толщи 38–47 см.

Заключение

Весь период антропогенной деятельности на территории можно разделить на два блока – агрогенный и урбанистический. Внутри агрогенного блока выделяются пашенный и огородный этапы. Фиксируются периоды запустения, забрасывания земель между этими этапами.

Таким образом, к началу застройки ландшафты восточной части Московского Кремля были кардинально изменены человеком: лес вырублен, почвы многократно распаханы, рельеф выровнен за счет агрогенной эрозии.

Исходный ландшафт определяется как смешанные хвойно-широколиственные леса, растущие на подзолах. Люди вырубали леса, распахали землю. Ввиду легкого гранулометрического состава началась интенсивная эрозия, существенно изменившая исходный рельеф. Вероятно, этот процесс вызвал резкое снижение плодородия пес-

чаных почв, и земли были покинуты населением. Данный процесс был длительным, восстановился древесный ярус.

Через несколько сотен лет начался второй период интенсификации антропогенной деятельности: леса вновь вырублены, земля распахана. Вновь фиксируются признаки агрогенной эрозии. Оба процесса (распахка и эрозия) уничтожили верхние горизонты исходной почвы на всей площади раскопа.

Во все пахотные почвы вносились удобрения, но в разных объемах. Более ранняя пашня (РЖВ) удобрялась слабо и, скорее всего, только золой, в позднюю пашню (XI–XII вв.) помимо золы вносили дробленую кость и отходы хозяйствования (помои?).

Со временем меняется тип хозяйствования и агрогенная стадия заменяется селитебной – фиксируется формирование и нарастание культурных слоев. Отмечаются перерывы этого нарастания. Они связаны с крупными пожарами и иными процессами, когда не было активного хозяйствования, формировались маломощные почвы.

Таким образом, участок осваивался со значительным перерывом не менее двух раз. Первоначально он был активно освоен еще в РЖВ. Интенсивность освоения проявляется среди прочего в том, что каких-либо признаков исходных почв не сохранилось.

Литература

- Аринушкина Е. В., 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ. 487 с.
- Воробьева Л. А., 2006. Теория и практика химического анализа почв. М.: ГЕОС. 400 с.
- Гольева А. А., 2001. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М. – Сыктывкар – Элиста: ИГ РАН. 140 с.
- Качинский Н. А., 1965. Физика почв. Ч. 1. М.: Высшее образование. 167 с.
- Коваль В. Ю., Кренке Н. А., Макаров Н. А., Панова Т. Д., Энговатова А. В., 2008. Первые результаты раскопок в Тайницком саду Московского Кремля // Матер. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН. С. 464–467.
- Кочанова М. Д., Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Матер. XI Всерос. палинологической конф. «Палинология: теория и практика». М.: ПИН РАН. С. 13–15.
- Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2017. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // КСИА. Вып. 246. С. 7–27.
- Пыльцевой анализ / Отв. ред. Покровская И. М. М.: Госгеолиздат, 1950. 540 с.
- Шоба С. А., Добровольский Г. В., Алябина И. О. и др., 2011. Национальный атлас почв Российской Федерации. М.: АСТРЕЛ. 632 с.
- Antisari L. V., Cremonini S., Desantis P., Calastri C., Vianello G., 2013. Chemical characterisation of anthro-technosols from Bronze to Middle Age in Bologna (Italy) // JAS. Vol. 40 (10). P. 3660–3671.
- Baumann F., Schmidt K., Dörfer C., He J. S., Scholten T., Kühn P., 2014. Pedogenesis, permafrost, substrate and topography: plot and landscape scale interrelations of weathering processes on the central-eastern Tibetan Plateau // Geoderma. Vol. 226. P. 300–315.
- Bettis E. A., 1988. Pedogenesis in late prehistoric Indian mounds, upper Mississippi valley // Physical Geography. Vol. 9 (3). P. 263–279.

Engovatova A., Golyeva A., 2012. Anthropogenic soils in Yaroslavl (Central Russia): History, development, and landscape reconstruction // *Quaternary International*. Vol. 265. P. 54–62.

FAO guidelines for soil description. Fourth ed. Rome: FAO, 2006. 108 p.

Gallet S., Borming J., Masayuki T., 1996. Geochemical characterization of the Luochuan loess-paleosol sequence, China, and paleoclimatic implications // *Chemical Geology*. Vol. 133. P. 67–88.

Golyeva A., Andrič M., 2014. Palaeoecological reconstruction of wetlands and eneolithic land use in Ljubljansko barje (Slovenia) based on biomorphic and pollen analysis // *Catena*. Vol. 112. P. 38–47.

Golyeva A., Zazovskaia E., Turova I., 2016. Properties of ancient deeply transformed man-made soils (cultural layers) and their advances to classification by the example of Early Iron Age sites in Moscow Region // *Catena*. Vol. 137. P. 605–610.

Nicosia C., Balista C., Cupitò M., Ertani A., Leonardi G., Nardi S., Vidale M., 2011. Anthropogenic deposits from the Bronze Age site of Fondo Paviani (Verona, Italy): Pedochemical and micropedological characteristics // *Quaternary International*. Vol. 243. P. 280–292.

Pieter A., Vlag P., Kruiver M., Dekkers J., 2004. Evaluating climate change by multivariate statistical techniques on magnetic and chemical properties of marine sediments (Azores region) // *PPP*. Vol. 212. P. 23–44.

Sanchez-Perrez S., Solleiro-Rebolledo E., Sedov S., McClung de Tapia E., Golyeva A., Prado B., Ibarra-Morales E., 2013. The black San Pablo paleosol of the Teotihuacan Valley, Mexico: Pedogenesis, fertility, and use in ancient agricultural and urban systems // *Geoarchaeology*. Vol. 28 (3). P. 249–267.

Schilman B., Bar-Matthews M., Almogi-Labin A., Luz B., 2001. Global climate instability reflected by Eastern Mediterranean marine records during the late Holocene // *PPP*. Vol. 176. P. 157–176.

Stoops G., 2003. Guidelines for the Analysis and Description of Soil and Regolith Thin Sections. Madison: Soil Science Society of America. 184 p.

Tohru O., Hiroyoshi A., 2007. Statistical empirical index of chemical weathering in igneous rocks: A new tool for evaluating the degree of weathering // *Chemical Geology*. Vol. 240 (3–4). P. 280–297.

Weiss T.J., Courty M.-A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The genesis and collapse of third millennium north Mesopotamia civilization // *Science*. Vol. 261. P. 995–1004.

**A.A. Golyeva, O.S. Khokhlova, A.V. Engovatova, V.Yu. Koval, A.S. Aleshinskaya,
M.B. Kochanova, A.O. Makeev., T.A. Puzanova, & F.F. Kurbanova**

Study of the ancient soils of the eastern part of the Moscow Kremlin

Summary

The main aim of this article is using the properties of buried soil to reconstruct various stages of early habitation at archaeological sites in the Moscow Kremlin. Overall, findings from this study have clearly demonstrated how the application of soil science methods can make an important contribution to the interdisciplinary research on the archaeological excavation site of the Moscow Kremlin. For example, results obtained included the following: (1) Micromorphological data from thin section analysis allowed for the

confident identification of an ancient plough line and lithological discontinuity, which helped to interpret the stages of human-induced palaeopedogenesis at the site, (2) The analysis of thin sections also provided evidence for the Early Iron Age agricultural practices of soil liming and fertilizing and, (3) A comparative analysis of data from palynological and phytolith analyses helped determine the duration of the site abandonment and the character of post-pyrogeogenic natural regeneration of vegetation.

А. В. Лазукин

*Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей,
г. Звенигород (Московская обл.)*

Одинцовские курганы. Особенности погребального обряда XI–XIII веков (по результатам исследований А. Г. Векслера в 1958–1971 годах)

Обширный археологический комплекс погребальных и поселенческих памятников XI–XVI вв., расположенный в бассейне р. Саминка к северу от г. Одинцово, известен сейчас под названием «Одинцовские курганы». Этот термин в научный оборот ввел исследователь комплекса А. Г. Векслер, проводивший раскопки курганов в период с 1958 по 1971 г. В его состав сейчас входят 19 курганных групп и одиночных насыпей XI–XIII вв., общей численностью более 300 курганов, шесть синхронных им поселений и пять позднесредневековых селищ XIV–XVI вв. (Лазукин, 2017. С. 290–292). Из этого числа памятников исследовано 60 курганов и два поселения. Отдельные погребальные памятники комплекса выделяются рядом особенностей и нетипичных деталей обряда – формой насыпей, своеобразных следов поминальной тризны, нехарактерными категориями находок, что отражено в отчетной документации А. Г. Векслера. Следует заметить, что вопросам популяризации результатов этих исследований Александр Григорьевич уделил недостаточно времени и, если не считать обязательных ежегодных заметок в «Археологических открытиях», им была подготовлена только одна небольшая статья о «семи-верхих» курганах (Векслер, 1970. С. 122–125).

Помимо полусферических насыпей, характерных для курганной культуры древнерусского населения «вятической земли» (Седов, 1982. С. 148)¹, в составе комплекса отмечены *курганы усеченно-кони-*

ческой формы и «семиверхие». В группе VII (АКР, 1994. С. 134. № 297. Одинцово. Курганный могильник 7), состоящей из 80 курганов, исследована насыпь № 71², расположенная в восточной части памятника. Она имела правильную усеченно-коническую форму с плоской, несколько смещенной к северу площадкой. Диаметр насыпи составлял 13,4 м, диаметр площадки 7,6 м, максимальная высота 2,7 м. С северной стороны находился ровик шириной 2 м и глубиной до 0,5 м. Верх насыпи составлял бурый суглинок, а с глубины 1 м шла светлая супесь. В кургане обнаружены два погребения. Погребение 1 – впускное, мужское, с западной ориентировкой, в яме длиной около 2 м, со слабо наклонными стенками. Длина костяка 170 см. Находки: слева у пояса обнаружено железное долото, цельнометаллическое, четырехгранное, со скошенным лезвием; на поясе два бронзовых ременных кольца с растительным орнаментом и зубчатым краем; справа у бедра еще одно поясное кольцо, железное, круглого сечения; в ногах стоял круговой горшок высотой 9,5 см с линейным орнаментом на поверхности. Погребение 2 – основное, женское, кости плохой сохранности. Находки: два семилопастных височных кольца (тип V³) и два семилопастных «сростнозубцовых» височных колец (тип VII); витой четвертной браслет на правой стороне; два пластинчатых широкосерединных перстня (один завязанный, с чеканным орнаментом) на правой стороне; витой перстень на левой стороне; семь

¹ Помимо вятичей и их потомков на рассматриваемой территории проживали выходцы из Верхнего Поднепровья, из северо-западных земель и, возможно, с юго-запада, что подтверждается находками характерных ювелирных украшений и бе-логлиняной керамики.

² Здесь и далее нумерация автора исследований.

³ Классификация по Т. В. Равдиной.

шаровидных золоченых бубенчиков с щелевидной прорезью, по всей площадке; 40 сердоликовых бипирамидальных бусин 16-, 14- и 12-гранных, в области шеи и грудины; в ногах гончарный горшок высотой 13,2 см с линейным орнаментом. В восточном секторе насыпи, на поверхности горизонта, собраны обломки двух больших гончарных горшков, один из них из светложгущейся глины. Погребения датированы XII в. (Векслер, 1959. С. 4–7). Другой курган усеченно-конической формы (№ 74), также расположенный в восточной части группы, в 6 м южнее насыпи № 71. Он имел диаметр 12 м, диаметр площадки 4 м, максимальную высоту 2,6 м. С юго-восточной стороны находился ровик шириной 2 м и глубиной 0,4 м. Верхний горизонт насыпи состоял из бурой вязкой глины, ниже (с отметки -100 см от вершины насыпи) шел светлый мелкозернистый песок с углистой прослойкой в основании. Поверхность древнего горизонта зафиксирована на уровне -220 см от вершины насыпи. На этой отметке в центральной части кургана расчищено мужское погребение в деревянном гробовище. Среди древесного тлена найдены железные гвозди-костыли (по углам). Костяк ориентирован черепом на запад, с небольшим отклонением к северу. Сохранились череп, повернутый вправо, и крупные кости рук и ног. По заключению М. М. Герасимова, осмотревшего кости, возраст умершего человека составлял около 60 лет. Под черепом обнаружено бронзовое височное колечко с острыми концами, по мнению автора раскопок, серьга с правого уха. В ногах костяка, за пределами гробовища, зафиксирован разбитый гончарный горшок высотой 13,5 см и диаметром 15,5 см, с линейным орнаментом на поверхности. Выше и южнее погребения, под слоем дерна, найден еще один горшок, с волнистым орнаментом. Его высота 12 см, диаметр 12,5 см. Кроме этого зафиксированы разбросанные обломки еще двух горшков «архаического для Подмоскovie облика». Датирован курган XII в. (Векслер, 1959. С. 7–9). Курганы усеченно-конической формы известны и в других регионах (Анучин, 1899. С. 2), при этом они могут занимать центральное положение в группе или же стоят особняком (Глазов, С. 39). В Гнёздовском археологическом комплексе такие курганы также известны, там они содержат остатки кремации на месте (Авдусин, 1957. С. 149–150, 150–152, 156–158, 164–165). Для Одинцовских курганов такую форму насыпи следует рассматривать в качестве исключительной редкости.

Еще два кургана комплекса имели несколько вершин насыпей – это так называемые семиверхие курганы. Курган № 12⁴ был расположен у южного края группы Одинцово VII. На поверхности уплощенной округлой в плане насыпи четко выделялись семь вершин – сегментов сфер и эллипсов. Размеры насыпи: диаметр по оси север – юг – 14 м; по оси запад – восток – 13,9 м; высота на севере – 1,1 м; на юге – 1,47 м; на западе – 1,75 м; на востоке – 1,43 м. С северо-восточной и юго-западной сторон прослеживались ровики шириной до 1,7 м и глубиной 0,5 м. Под центральной вершиной находилось погребение на уровне горизонта, верхний горизонт – слой вязкой коричневатой-желтой глины, с отметки 120 см пошел светлый мелкозернистый песок с прослойками золы и угольками. От костяка сохранился только череп, ориентированный на запад; по определению М. М. Герасимова, он принадлежал мужчине 60 лет. Рядом с черепом зафиксирована серебряная полужгущая петлестокопечная гривна и сердоликовая бипирамидальная бусина. Под остальными «вершинами» погребений не оказалось, хотя они по своей структуре были аналогичны центральной насыпи. Под одной из них, на верхней границе песка, на уровне -112 см найден бронзовый пластинчатый браслет. Под остальными вершинами на поверхности песчаного слоя зафиксированы находки коровьих костей (остатки тризны), а на уровне древнего горизонта были разбросаны обломки большого горшка (Векслер, 1960. С. 8–11). По мнению автора исследований, этот курган представлял собой особую форму погребального сооружения, связанного с древними ритуалами и стремлением выделить лиц особого общественного положения (Векслер, 1970. С. 124). Второй «семиверхий»⁵ курган (№ 41) располагался в центральной части группы Одинцово VII, в 14 м к северу от кургана № 12 (35). На поверхности округлой в плане насыпи выделялись семь вершин, возвышавшихся в форме сегментов эллипсоидов и сфер. Размеры кургана: поперечник насыпи по оси север – юг – 15,9 м; по оси запад – восток – 12,2 м; высота с севера – 1,28 м, с юга – 1,27 м, с запада – 1,36 м, с востока – 1,02 м. Верхний слой насыпи представлял собой бурый суглинок, ниже – светлая супесь с прослойками золы и угля, которая перекрывала погребенную почву сероватого цвета. В центре кургана находились два погребения. Погребение 1 – женское, дополнительное, на отметке -72/-78 см. Сохранились лишь фрагменты черепа. Ориентировка на северо-запад. Рядом

⁴ В последующих отчетах А. Г. Векслера и его публикации «Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой» этот курган проходит уже под номером 35.

⁵ Эти вершины автор раскопок называет также «слитыми».

обнаружены два семилопастных височных кольца (тип V) – по одному с каждой стороны черепа; бронзовая с серебрением полужгутовая петлистоконечная шейная гривна; семь сердоликовых бипирамидальных 12-гранных бусин и шесть хрустальных шарообразных бусин (все в области груди и шеи). Погребение 2 – основное, мужское, на уровне горизонта (отметки -110/-124 см). Нарушено грабительской ямой⁶. От костяка уцелели лишь кости ног. По их положению установлена ориентировка погребения – головой на северо-запад. Скелет был окопан ровиком шириной 50–60 см и глубиной 30–40 см. Под всеми вершинами насыпи на уровне поверхности слоя светлого песка зафиксированы кости коровы, вероятно, остатки тризны. На уровне горизонта отмечены обломки семи разбитых и разбросанных гончарных горшков, что соответствует количеству вершин кургана. Цифра 7 имеет сакральное значение у вятичей (Векслер, 1962. С. 7–10). В составе археологического комплекса «Одинцовские курганы» отмечено еще несколько курганов, которые могут состоять из нескольких слившихся насыпей. Такие есть в группе Одинцово VI, Одинцово XII (Барвиха. Курганы), в группе Одинцово III описан курган № 11 с четырьмя вершинами. Известны аналогичные курганы с несколькими вершинами и вне пределов этого комплекса, например, в курганной группе Горышкино 7 (АКР, 1997. С. 244, 245) на левом притоке р. Вяземки, правого притока Москвы-реки (Лазукин, 2003. С. 37, 38; 2018. С. 119), но археологически они не исследовались.

Еще одной особенностью погребального обряда Одинцовских курганов, зафиксированной А.Г. Векслером, является большое количество керамики и костей животных – следы тризны. Сам по себе этот факт ничего нового не добавляет в реконструкцию погребальной традиции древнерусского населения региона, но тут обращает на себя внимание масштабность ритуала. Например, в группе Одинцово V (АКР, 1994. С. 133), состоящей из шести насыпей, в 1971 г. исследован курган № 6. Он находился в центре группы. Форма – сегмент эллипсоида, длина по оси север – юг – 8,75 м, по оси запад – восток – 9,48 м; высота с севера – 0,8 м, с юга – 0,95 м; ровики не прослеживались. Верхний слой насыпи состоял из вязкого коричневого суглинка, на уровне -50 см в центральной части зафиксирована поверхность погребенной почвы с мелкими угольками, мощность которой составляла 10–12 см. На отметке -60/-80 см по всей площади поверхности зафиксированы фрагменты гру-

бой шероховатой керамики от шести горшков. Автор раскопок датировал ее XII–XIII вв. и связал с обрядом разбрасывания битой посуды на месте сооружения кургана. Следов погребения в насыпи не оказалось, что, возможно, указывает на его меморативный характер или не сохранившееся захоронение ребенка (Векслер, 1971. С. 40, 41). В уже упоминавшемся выше «семиверхом» кургане № 41 зафиксированы обломки семи разбитых и разбросанных по поверхности сосудов. Большое количество керамики отмечено также в насыпях курганной группы Одинцово VI (АКР, 1994. С. 133, 134). Так, в кургане № 86, расположенном у юго-восточного края группы (длина по оси север – юг – 7,3 м, по оси запад – восток – 6,4 м; высота 0,7 м), на уровне горизонта зафиксированы обломки шести горшков. Костные останки погребения выявить не удалось, а среди индивидуальных находок есть медное перстнеобразное височное кольцо, решетчатый двухзигзаговый перстень, шиферное пряслице и железный гвоздь. Эти находки автор исследований отнес к погребальному инвентарю, хотя отметил их бессистемное местоположение. Датирован курган XIII в. (Векслер, 1962. С. 2, 3). Но не все курганы с большим количеством керамики автор раскопок связал с особенностью местного погребального ритуала, как, например, курган № 88 в составе группы Одинцово VI. Он был расположен в юго-восточной части памятника, в 6 м севернее насыпи № 86. Форма кургана – сегмент сферы, диаметр 8,5 м, максимальная высота 0,82 м, ровики не прослеживались. Верхний слой насыпи – коричневатый суглинок с небольшими включениями желтоватой супеси, в центральной части в этой супеси отмечены угольки. Погребенный дерн толщиной 10–15 см зафиксирован на уровне -85/-95 см. На уровне горизонта отмечены останки двух погребений – мужского и женского, кости которых не сохранились. В юго-западном секторе насыпи найдены три семилопастных височных кольца, медное перстнеобразное кольцо, стеклянная рыбовидная бусина фиолетового цвета, а в 70 см восточнее – медный широкосеродинный разомкнутый перстень. Кроме того, в северо-западном секторе найдена глазчатая зонная бусина. Среди этих вещей встречены два передних зуба⁷. Весь комплекс находок автор раскопок связал с женским захоронением. К мужскому погребению он отнес находки из северной части кургана – круглую железную пряжку, медное поясное кольцо и медную поясную пряжку с прямоугольным основанием и расширяющимся по-

⁶ По мнению автора исследований, это следы старых раскопок «колодцем», поскольку яма была аккуратно засыпана и не осталось признаков нарушения насыпи.

⁷ Вероятно, человеческих, что в отчете не отражено.

лукруглым приемником, орнаментированным насечками. Весь набор датирован XI–XII вв. Фрагменты керамики начали встречаться уже под дерном насыпи, вплоть до уровня древнего горизонта. Всего найдено 960 обломков посуды, в т. ч. и семь фрагментов лепных горшков. По форме и составу сырья это самые разнообразные сосуды, верхняя датировка которых находится в пределах XIII в. Непосредственное отношение к погребениям (к мужскому захоронению) имеет круговой белоглиняный горшок, развал которого происходит из северо-восточного сектора кургана, остальные обломки связываются с культурным слоем селища⁸, расположенного недалеко (Векслер, 1962. С. 3–5). Таким образом, А. Г. Векслер связал находки основной массы керамики не с погребальным ритуалом, а со случайным попаданием в насыпь.

К необычным деталям погребального обряда отнесены и некоторые категории находок из насыпей. В группе Одинцово VII по этому признаку выделяется курган № 17, расположенный в ее западной части. Форма насыпи – сегмент сферы, диаметр по линии север – юг – 9,3 м, по линии запад – восток – 8,4 м, высота с севера – 1,2 м, с юга – 1,22 м. Кургана насыпан из бурого суглинка с небольшими прослойками супеси. В юго-западном секторе в основании насыпи выявлены следы женского погребения I, кости не сохранились. Находки: два целых и обломок дужки от семилопастного височного кольца (все IV типа), фрагмент шаровидного бубенчика с щелевидной прорезью, медный пластинчатый широкосердинный перстень, обломок биллонового ложновитого перстня. Погребение II – мужское, на уровне горизонта. Положение – вытянуто на спине, ориентировка головой на северо-запад. Длина костяка около 160 см. Находки: одно железное и два медных поясных кольца (в области левого бедра), железный нож (между бедренными костями), железные замочная личина и жуковина (в ногах), глиняный круговой горшок. Из этого же погребения происходят находки железных гвоздей в области головы и ног. Датирован курган началом XII в. (Векслер, 1962. С. 6, 7). Находки дверных деталей в погребениях древнерусского времени, в отличие от орудий труда или инвентаря, явление нетипичное, даже уникальное, что позволяет рассматривать их в качестве одной из особенностей комплекса «Одинцовские курганы».

Совсем иная ситуация с нетипичными находками отмечена в группе Одинцово VI, где выделяется курган № 48, расположенный в ее центральной части. Насыпь имела форму полусферы, диаметр

ее составлял по линии запад – восток 11,7 м, по линии север – юг 11 м. Высота с севера была 2,1 м, с юга – 1,4 м. Ровик отсутствовал. Верх насыпи состоял из плотного коричневого суглинка с вкраплениями угольков. С глубины -90 см в центральной части суглинок сменила светло-серая супесь толщиной до 55 см, лежавшая на погребенном дерне толщиной 7–10 см. На отметке -145 см в слое светло-серой супеси зафиксирован верхний уровень захоронения в деревянном гробовище длиной 240 см и шириной 120 см. Погребение совершено на уровне горизонта. Ориентировка северо-запад – юго-восток. В гробовище «под плотно спрессованной трухой» расчищен женский скелет плохой сохранности. Положение: вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицом вправо; руки вытянуты вдоль туловища. Среди находок есть серебряная витая полужгутовая гривна (в области шеи), ожерелье из 16 хрустальных шарообразных и семи стеклянных фиолетовых рыбовидных бусин, пять медных семилопастных височных колец (типа V), медный тройной браслет и два рубчатых перстня (на левой руке), два медных витых перстня (на правой руке). Кроме того, в насыпи сделаны еще три находки: железный нож (юго-восточный сектор, отметка -71 см), грубодолбленная деревянная ложка (северо-восточный сектор, отметка -82 см) и небольшой деревянный пест (выброс из северо-восточного сектора). Находки ложки и песта необычны для курганов ввиду плохих условий для сохранения дерева (Векслер, 1966. С. 24, 25). В этом случае факт находки предметов кухонного инвентаря вызывает к нему особый интерес, но связи их с погребением доказать не удалось, поскольку все необычные находки сделаны в насыпи кургана (вне погребения), куда они могли попасть из культурного слоя поселения.

Следующее необычное захоронение уже рассматривалось выше – это мужское погребение в «семи-верхом» кургане № 12 (35) группы Одинцово VII, где в состав погребального инвентаря входила серебряная полужгутовая петлистоконечная шейная гривна и сердоликовая бипирамидальная бусина. Датирован курган XII–XIII вв. (Векслер, 1960. С. 10, 11). Если антропологическое заключение верное, то уникальность этого погребения становится очевидной. Шейные гривны различных типов в курганах древнерусского населения встречаются исключительно в женских захоронениях.

Таким образом, все вышеперечисленные погребальные памятники XI–XIII вв. бассейна Самин-

⁸ Курганная группа Одинцово VI действительно частично заходит на территорию селища Одинцово-6, на момент раскопок еще неизвестного.

ки несут некоторые отличия и особенности погребального обряда местного населения.

- Помимо полусферических насыпей в составе комплекса отмечены курганы усеченно-конической формы (гр. VII, № 71, 74) и «семиверхие» (гр. VII, № 12, 41; гр. XII – одиночный курган).
- Следы проведения тризны фиксируются в виде большого количества разбитой и разбросанной на поверхности посуды (гр. VI, № 6, 8; гр. VII, № 10, 58), а также костей животных – коровы (гр. VII, № 12, 41). Но в ряде случаев керамика и отдельные находки в насыпях некоторых курганов связываются с культурным слоем расположенного рядом поселения (гр. VI, № 2, 88, 91).
- В захоронениях отмечены нехарактерные категории находок (гр. VII, № 17; гр. VI, № 48) – дверные детали, кухонный инвентарь.
- «Мужское» (определение антрополога М. М. Герасимова) погребение с женским инвентарем (гр. VII, № 12).

Литература

Авдусин Д. А., 1957. Отчет о раскопках гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск: Смоленское книжное изд-во. С. 113–183.

Анучин Д. Н., 1899. О культуре Костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний России, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. (Т. III). М.: Тип. Н. Н. Шарапова. Отдельный оттиск. 23 с.

АКР. Московская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1994. 320 с.

АКР. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.

Векслер А. Г., 1959. Отчет об археологических раскопках в районе г. Одинцово Кунцевского р-на Московской обл. 1959 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1996.

Векслер А. Г., 1960. Отчет об археологических раскопках курганов у г. Одинцово, д. Етаново и Боровского городища в Раменском р-не Московской обл. в 1960 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2182.

Векслер А. Г., 1962. Отчет об археологических раскопках курганов у г. Одинцово Московской области и Кунцевского городища в г. Москве в 1962 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2503.

Векслер А. Г., 1966. Отчет об археологических раскопках в Одинцовском районе Московской области в 1966 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3277.

Векслер А. Г., 1971. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища и Одинцовского могильника в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4516.

Векслер А. Г., 1970. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой // Древние славяне и их соседи. М.: Наука. С. 122–124.

Глазов В. П., 1977. О курганах Костромского Поволжья // КСИА. Вып. 150. С. 37–41.

Лазукин А. В., 2003. Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2003 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 28785.

Лазукин А. В., 2017. Археологический комплекс «Одинцовские курганы» // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 290–311.

Лазукин А. В., 2018. Погребальные памятники XI–XIII веков в бассейне реки Вяземки // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 105–125.

Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с. (Археология СССР).

A. V. Lazukin

The Odintsovo Mounds – specific features of funerary rites during the 11th to 13th centuries. (Based on results of studies made by Dr A.G. Veksler between 1958 and 1971)

Summary

This study reviews the specific and exceptional details of funerary rites in Old Russian populations, based on finds from excavations made by Dr A.G. Veksler of the archaeological complex known as the “Odinstovo

Mounds”, at the Saminka River Basin – a right-hand tributary of the River Moskva. Descriptions are given of the most interesting mounds, burials, and goods from graves recovered.

**А. М. Фатьков, В. В. Миненко, Я. Р. Слепова,
М. В. Чирков, И. С. Аникин**

Институт археологии РАН, Москва

Археологические исследования курганного могильника Дарьино-1

Летом 2016 г. отдел сохранения археологического наследия ИА РАН провел спасательные археологические раскопки курганного могильника Дарьино-1 (Фатьков, 2017). Курганный могильник располагался в километре к северо-западу от д. Дарьино Одинцовского района Московской области, на правом берегу р. Слезня (правый приток р. Москвы). Памятник обнаружен и обследован С. С. Ширинским в 1957 г. На момент обнаружения он насчитывал 16 насыпей, большая часть из которых была повреждена грабительскими ямами. (Ширинский, 1957. Л. 2). В 1958 г. А. В. Успенская раскопала курганы № 1 и 4 (Ширинский, 1963. Л. 7).

В 1963 г. С. С. Ширинский продолжил исследования памятника и раскопал еще пять курганов (№ 3, 10, 13, 14, 16) (рис. 1). В ходе этих раскопок обнаружены остатки мужских и женских погребений по обряду трупоположения на материке с западной ориентировкой умерших (в двух случаях зафиксированы следы гробовищ). В погребениях найдены предметы, характерные для культуры вятичей XII–XIII вв. (Ширинский, 1963. Л. 7–11). В 1970-х гг. часть курганов была раскопана местными краеведами и школьниками.

Общая площадь раскопа 2016 г. составила 2386 кв. м. Исследованы сохранившиеся остатки 14 курганных насыпей, меж- и околочурганное пространство (рис. 1). Курганы имели в плане округлую или овальную форму с диаметром основания от 6 до 12 м, сохранившаяся высота насыпей – от 0,30 до 1,14 м. Курганы, как правило, были окружены кольцевидными ровиками шириной от 2 до 4 м и глубиной до 1,03 м, с двумя-тремя перемычками (рис. 2). Первоначальная стра-

тиграфия насыпей в большинстве случаев (а в центральной части – всех насыпей) была существенно трансформирована раскопами предыдущих исследователей, хозяйственной деятельностью и грабительскими ямами.

В курганах № 1, 3–4, 10, 13, 14 захоронения не обнаружены, вероятно, они были совершены под насыпью курганов «на горизонте» и извлечены в ходе работ 1958 и 1963 гг. Погребения в остальных курганах (№ 2, 5–9, 15), скорее всего, уничтожены грабителями. В некоторых курганах (как правило, в выбросах из грабительских ям) зафиксированы единичные кости человека или их скопления. Сохранность антропологического материала неудовлетворительная, что обусловлено свойствами грунта, в котором располагались погребения. В связи с этим определение пола и возраста было затруднено, в большинстве случаев использованы широкие возрастные интервалы. Наиболее комплектными оказались скелеты из курганов № 6 и 15. Для измерений длинные кости, как и черепа, оказались непригодными, за исключением одного случая. Патологий на костных останках не обнаружено¹.

Находки предметов из погребального инвентаря (за исключением выявленных *in situ* в погребении 1 кургана № 11) зачастую также обнаруживались в переотложенных слоях. Их привязка к конкретным курганам условна, в связи с этим на иллюстрациях они приведены по категориям. Нумерация находок в тексте соответствует коллекционной описи.

Всего в ходе работ 2016 г. обнаружено 72 находки, включавшие украшения, детали костюма, предметы быта и повседневного труда.

¹ Анализ антропологического материала проведен сотрудником отдела теории и методики ИА РАН Т. Ю. Шведчиковой.

Курган № 1 впервые раскопан в 1958 г. А. В. Успенской, его насыпь почти полностью снелирована (Ширинский, 1963. Л. 7). Остатки насыпи кургана № 1 имели размеры 7,5–8,7 м. Видимая высота составила 0,43 м (высота насыпи здесь и далее определялась от уровня края ровика или, если ровика по дневной поверхности не прослеживалось, то от уровня прилегающей дневной поверхности). Первоначальные размеры и конфигурацию ровиков кургана определить не удалось, поскольку они оказались в значительной мере переработаны природными процессами (размыты талыми и дождевыми водами) (рис. 2).

При исследовании остатков кургана в сезоне 2016 г. выявлены две индивидуальные находки: рубчатый перстень и прорезной щелевидный бубенчик. Рубчатый перстень (№ 14) имеет внешний диаметр 2,3 см, внутренний – 1,9 см, диаметр дрота – до 0,4 см (рис. 3, 2). Для предмета был выполнен рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), его результаты для этого и последующих предметов приведены в таблице 1². Перстни данного типа являются широко распространенным древнерусским украшением, в новгородской археологии датируются концом XI – серединой XIII в. (Лесман, 1990. С. 50, 51). Аналогичные перстни найдены в курганах Царицыно (Александрова, 2008. С. 109).

Бубенчик (№ 20) имеет шарообразную, несколько вытянутую книзу форму и гладкую поверхность тулова. В его нижней части имеется линейная прорезь, в верхней – ушко для подвешивания (частично обломлено). Общие размеры бубенчика – 2,7×2,7×2,2 см, размеры ушка – 0,7×0,8 см (рис. 3, 8). В Новгороде аналогичные бубенчики встречены в слоях конца XI – начала XIV в. (Седова, 1981. С. 156).

В сезоне 2016 г. захоронение не обнаружено. Вероятно, оно было совершено под насыпью кургана на горизонте и, скорее всего, уничтожено грабителями (Фатков, 2017. С. 19–26).

Курган № 2. Размеры насыпи 8 м в диаметре, высота – до 0,76 м. Курган сильно разрушен расположенной в центре его вершины грабительской ямой. Захоронение не обнаружено.

При разборе насыпи найдены рубчатый перстень, фрагменты височного кольца, а также скопление обломков керамики. Часть из них принадлежит сосуду (№ 72), который удалось реконструировать до полного профиля. Горшок имеет венчик типа 6 и относится к группе 2³ (рис. 4, 5). Рубчатый перстень (№ 13) имел внешний диаметр 2,5 см, внутренний – 1,8 см, диаметр дрота – до 0,6 см (рис. 3, 1). Для металла предмета выполнен РФА (см. табл. 1).

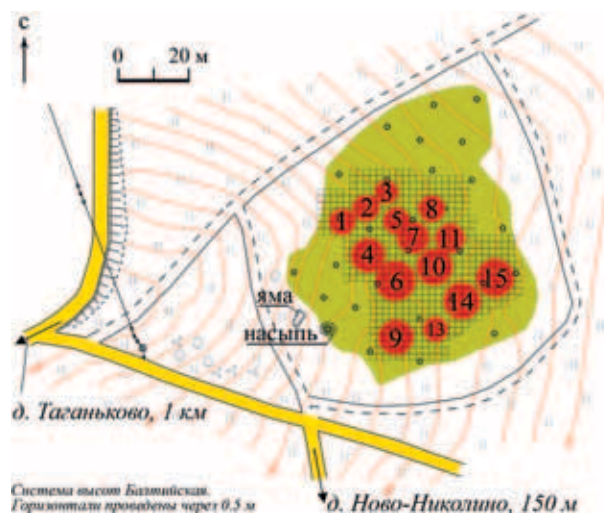

Рис. 1. Топографический план курганного могильника Дарьино-1 с границами раскопа (съемка 2016 г.)

От семилопастного височного кольца сохранились четыре фрагмента (№ 39): две лопасти секировидной формы с нижними частями щитка, центральная часть щитка с орнаментом в виде ленты, обломок правой части щитка (рис. 5, 27). Аналогичные височные кольца найдены во многих курганах и на поселениях, связываемых с вятичами. Датировать их можно второй половиной XII – XIII в. (Равдина, 1968. С. 140).

Курган № 3 представлял собой насыпь диаметром около 8 м и высотой до 0,5 м, сильно поврежденную и частично состоящую из отвалов раскопок 1963 г. С севера, северо-востока и востока площадка кургана была окружена серповидным ровиком. В 2016 г. индивидуальных находок или костных останков в этом кургане не зафиксировано. По данным С. С. Ширинского, в кургане № 3 «были обнаружены остатки ориентированного на запад – юго-запад женского погребения, и с ним биллоновое семилопастное височное кольцо, 7 бипирамидальных сердоликовых бусин, 1 шарообразная хрустальная бусина и развал гончарного горшка» (Ширинский, 1963. Л. 11).

² РФА этого и последующих предметов выполнен в отделе археологических памятников ГИМ С. А. Рузановой на анализаторе MISTRAL MI BRUKER.

³ Более подробное описание керамики, включая нумерацию типов венчиков, приведено ниже.

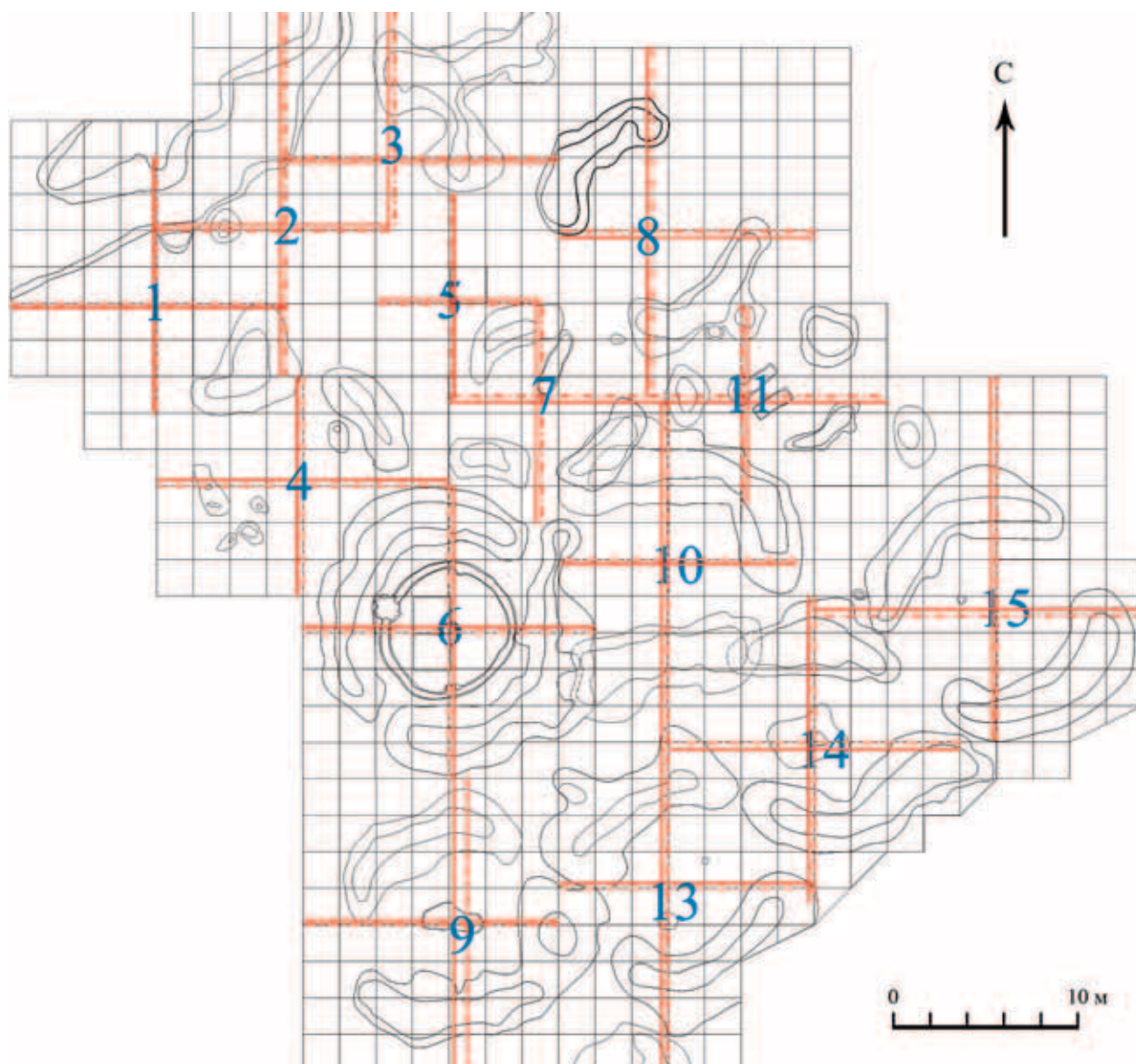

Рис. 2. Дарьино-1. Сводный план раскопа 2016 г. после снятия насыпей и выборки заполнения объектов

Курган № 4 подвергался раскопкам А. В. Успенской в 1958 г. (Ширинский, 1963. Л. 7).

Размеры остатков насыпи – 10–12 м, максимальная высота – 0,81 м. С северо-востока площадку насыпи огибал курганный ровик. В результате повторных раскопок кургана обнаружено большое число находок изделий из цветного металла. Среди них пять монетовидных привесок с изображением зверя (рис. 6, 12–16).

Привески (№ 1–5) имеют форму округлой металлической пластины с петлей для подвешивания. По краю подвески проходит бордюр из шариков ложной зерни, ограниченный выпуклыми линиями. В круг, образованный бордюром, вписано изображение зверя. Контуры тела переданы

бордюром с вертикальными выпуклыми полосками. Голова повернута назад, выражена проработанными мордой и ухом. Лапы трехпалые, выражены линиями, передняя лапа подогнута. На шее зверя присутствует ошейник, выделенный полоской с ложной зернью внутри. Хвост животного оформлен в виде симметричных завитков. Под брюхом зверя – схематичное изображение розетки. Четыре привески имели одинаковый размер: диаметр пластины – 3,4 см, толщина – 0,1–0,2 см. Привеска № 5 разломана на пять частей, левая половина изделия почти полностью утрачена. Для предмета выполнен РФА. Предметы имеют аналогии в древнерусских материалах: в курганных могильниках Автуничи, Высокино, Горышкино, Посад,

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа предметов из раскопок курганного могильника Дарьино-1 в 2016 г.

Находка, место взятия пробы	№ находки	Элементы, %										
		Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Ni	Hg
Привеска с изображением зверя	2	38,6	57,9	1,8	1,1		< 1	< 1	< 1	< 1		
Привеска с изображением зверя	5	27,3	67,2	2,2	2,6		< 1	< 1	< 1	< 1		
Монетовидная привеска, на сломе	8	32,9	60,2	5,9	< 1		< 1	< 1	< 1	< 1		< 1
Монетовидная привеска, на поверхности	8	54,3	40,3	4,8	< 1		< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	
Монетовидная привеска, на сломе	10	24,3	64,8	9	< 1		< 1	< 1	< 1	< 1		< 1
Монетовидная привеска, на поверхности	10	55	35,2	9	< 1	< 1		< 1	< 1		< 1	< 1
Монетовидная привеска, на поверхности	12	64,6	31,8	3,1	< 1	< 1		< 1	< 1			< 1
Рубчатый перстень	13	38,7	54,7	5,9	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1		
Рубчатый перстень	14	22,2	43,8	32,4	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1		
Рубчатый перстень	15	45,8	50,8	2,6	< 1		< 1	< 1	< 1	< 1		
Поясное кольцо	29	71	21,1	6,6	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1		< 1
Поясное кольцо	30	61,4	32,2	5,3	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	
Височное кольцо, на сломе	35	62,1	34,9	1,26	1,27			< 1	< 1			< 1
Височное кольцо, на поверхности	5	70	28,8	0,7	< 1			< 1	< 1			
Височное кольцо, на поверхности	36	70	27,2	4,5	< 1			< 1	< 1			< 1

Степановское, Малая Горка; из городищ Гать, Лесковое, Серенск, Жокино; из Смоленска. Ближайшие аналогии происходят из курганного могильника Горышкино-1. Наши привески могут быть датированы в рамках второй половины XII – первой половины XIII в. (Сарачева, 2003. С. 110, 113).

Другая разновидность привесок, выявленных в отвалах кургана № 4, – монетовидные привески в виде округлой, гладкой металлической пластины с петлей для подвешивания (№ 6–12 – рис. 6, 17–22). Один из предметов (№ 12) разломан поперек на две части. Диаметр пластины привесок варьировался от 2,3 до 2,6 см, толщина – 0,1–0,2 см. Для привесок № 8, 10, 12 выполнен РФА (табл. 1). Привески имеют аналогии в материалах, происходящих с территории расселения племени вятичей (бассейн верхней Оки, восточные районы Смоленской обл., Московская обл.). Привески данного типа встречаются в том числе и в курганах Царицыно (Александрова, 2008. С. 109). Наибольшее распространение этот тип получил в XII–XIII вв. (Седова, 1997. С. 67).

Единичной находкой представлен фрагмент так называемой шумящей привески в виде стилизованной утиной лапки с фрагментом цепи (№ 26).

Привеска имеет форму ромбовидной пластины, правый и нижний углы утрачены. Сохранившийся боковой угол украшен шариком ложной зерни. Размеры привески – 2,3×1,4 см, суммарные размеры ушка привески и фрагмента цепи – 1,6×2,8 мм (рис. 3, 11). Привески в виде утиных лапок распространены в древностях Мещеры, встречаются в том числе в материалах Жабкинского и Пустошевского могильников, датированных XI в. (Рябинин, 1997. Рис. 1–4; 7–8, 18).

Отдельно от привесок найдена цепь, состоящая из двух фрагментов (№ 28). Первый фрагмент длиной 19,8 см включал восемь подвижносочлененных звеньев. Звенья цепи размерами 2,4×1,2×0,2 см изготовлены из проволоки, согнутой в виде восьмерки, окончания звена загнуты. В крайней части фрагмента имеется амулетодержатель, соединенный с петлей одного из звеньев и свободно свисающий со звена цепи. Амулетодержатель размерами 4,5×2×0,4 см представляет собой скрученную проволоку с грушевидной петлей в нижней части. Второй фрагмент длиной 4,2 см представлен двумя сочлененными звеньями (рис. 7, 44). Аналогичная цепь найдена при раскопках могильника

Рис. 3. Дарьино-1. Украшения из цветного металла

1–3 – рубчатые перстни; 4 – пластинчатый перстень; 5 – перстень решетчатый двузигзаговый; 6–8 – бубенчики; 9–10 – поясные кольца; 11 – шумящая привеска в форме утиной лапки (1 – к. 2; 2, 8 – к. 1; 3, 6, 7, 11 – к. 4; 4 – к. 11; 5 – к. 7; 9, 10 – к. 8)

Кривишино, датируемого XII в. (Зайцева, Сарачева, 2011. Табл. 1. Рис. 101, 7).

Среди прочих предметов из кургана № 4: рубчатый перстень, бубенчики и сердоликовая бусина. Перстень (№ 15) имеет внешний диаметр 2,3 см, внутренний – 1,9 см, диаметр дрота до 0,4 см (рис. 3, 3). Для металла предмета выполнен РФА (табл. 1).

Бубенчики (№ 18, 19) относятся к типу шарообразных линейнопрорезных с тремя рельефными поясками в центральной части тулова. Диаметры 1,7 и 2,3 см (рис. 3, 7). Внутри второго бубенчика сохранился металлический шарик (рис. 3, 6). Бубенчики этого типа были широко распространены на территории Древней Руси и датируются концом XI – XIII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136, 137).

Бусина из сердолика бипирамидальной формы (№ 43) размерами 1,6×0,8 см (рис. 7, 38). По мне-

нию А. В. Арциховского, этот тип бус является одним из отличительных маркеров восточнославянских племен (Арциховский, 1930. С. 36). Аналогичные бусины встречены в материалах курганной группы Царицыно, датируются они в рамках XI–XIII вв. (Александрова, 2008. С. 109).

Курган № 5 подвергался ранее грабительским раскопам, его насыпь была почти полностью с nivelирована. Диаметр видимых остатков насыпи составил около 6 м, высота – до 0,3 м. В ходе разборки грунта насыпи и околочурганного пространства обнаружены скопление керамики и шарообразная бусина из горного хрусталя (№ 42 – рис. 7, 43). Шарообразные хрустальные бусины в сочетании с бипирамидальными сердоликовыми распространены в составе ожерелий у вятичей (Седов, 1982. С. 150). Аналогичные бусины встречены в материалах курганной группы Царицыно (Александрова,

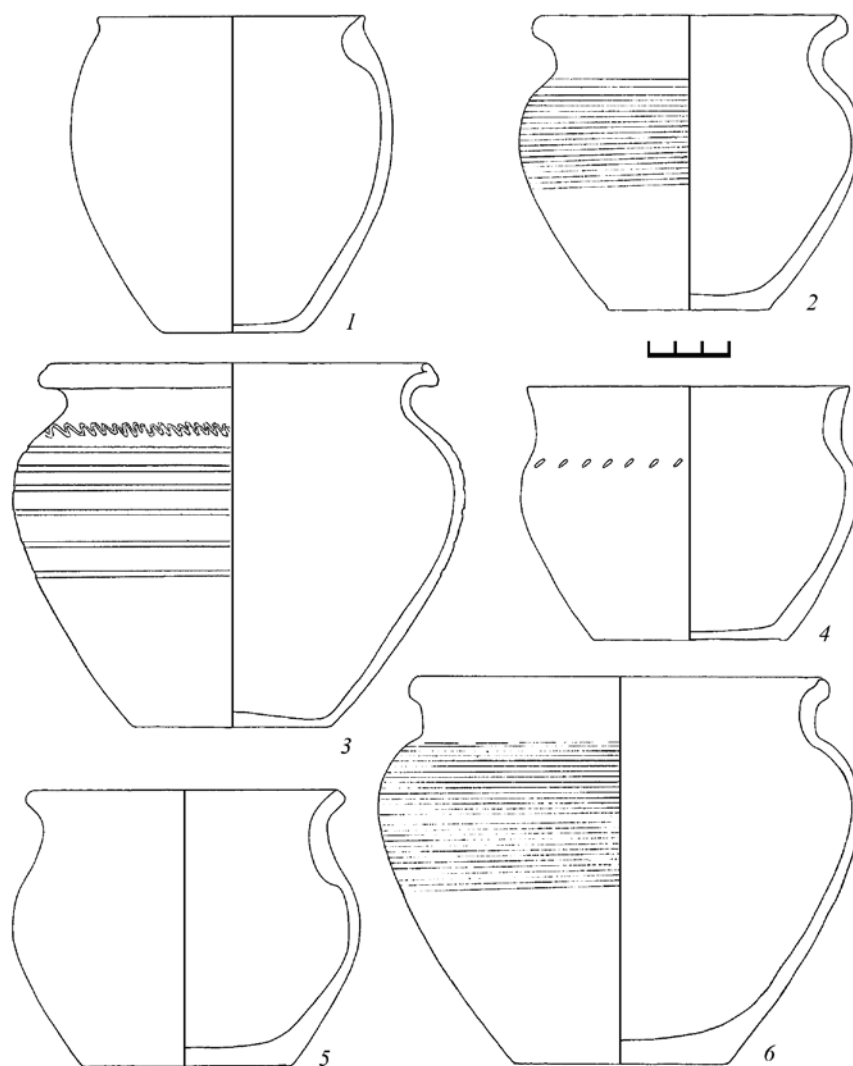

Рис. 4. Графическая реконструкция лепного (1) и круговых (2–6) керамических горшков из раскопок 2016 г.
1 – (колл. № 67) группа 1; 2–5 – (колл. № 69–72) группа 2; 6 – (колл. № 68) группа 3. (1, 2, 6 – к. 6; 3, 4 – к. 7; 5 – к. 2)

ва, 2008. С. 109). Датируются данные бусы в археологической литературе XI–XIII вв.

Курган № 6. Диаметр составил около 12 м, высота – до 1 м. На вершине насыпи имелась грабительская яма диаметром около 7,3 м и глубиной до 0,75 м. Площадка насыпи была окружена кольцевидным ровиком с двумя перемычками. Протяженность каждого участка ровика между перемычками составила около 18 м, ширина – до 4,2 м. Курган отличался от прочих особенностями конструкции – под его насыпью на материке зафиксирована округлая в плане кольцевидная канавка шириной 35–72 см (средняя ширина – 45–56 см), глубина канавки – до 0,46 м. Размеры курганный площадки, ограниченной канавкой, – 6,4 м по линии запад – восток и 6,8 м по оси север – юг. Находок в заполнении объекта не обнаружено. Описанная конструкция, ве-

роятно, является остатками кольцевидной оградки, по всему периметру окружавшей насыпь кургана. Такие сооружения известны в славянской курганной погребальной обрядности. Некоторые исследователи связывают их с культом солнца или считают своеобразной ритуальной оградой от потустороннего мира (Никольская, 1981. С. 104, 105).

В ходе исследования насыпи и околокурбанного пространства обнаружено 14 скоплений и единственный обломок керамики. Из них удалось реконструировать три полных профиля: № 67 – небольшой лепной (группа 1) горшковидный слабопрофилированный сосуд со слегка отогнутым наружу маленьким венчиком (рис. 4, 1); № 68 – горшок с венчиком типа 8, относящегося к группе 3 (рис. 4, 6); № 69 – горшок с венчиком типа 8, принадлежит к группе 2 (рис. 4, 2).

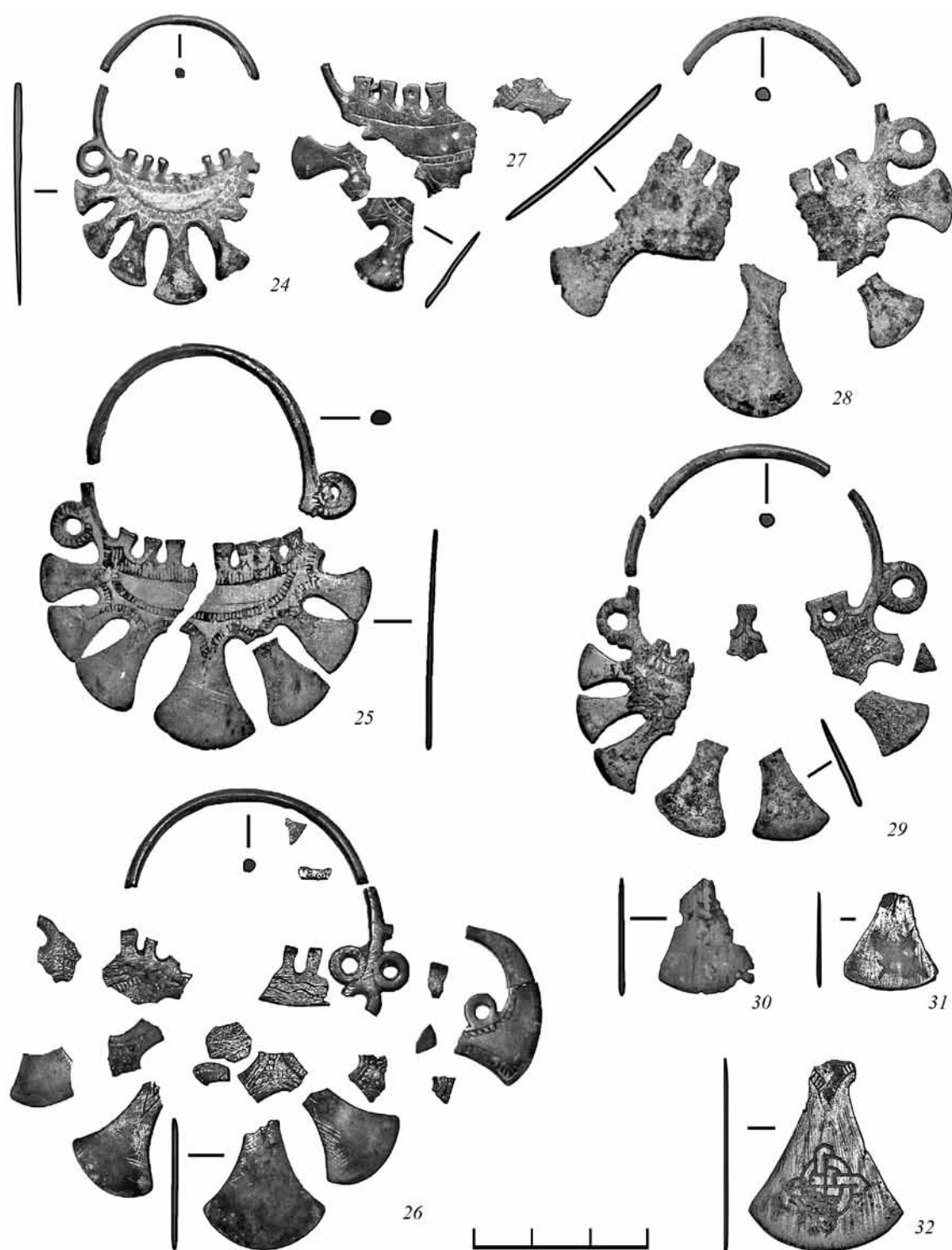

Рис. 5. Дарьино-1. Семилопастные височные кольца и их фр-ты
(24, 28, 29 – к. 7; 25, 26 – к. 11; 27 – к. 2; 30, 32 – к. 14)

В выбросе из грабительской ямы зафиксировано скопление человеческих костей. Сохранность антропологического материала неудовлетворительная, что обусловлено свойствами грунта, в котором располагалось погребение. Костные останки из кургана

№ 6 содержали череп во фрагментах, часть нижней челюсти, левую ключицу, левую тазовую кость, левую плечевую кость без верхнего эпифиза, диафиз левой локтевой кости, фрагменты ребер, диафиз правой большеберцовой кости, мелкие фрагменты

Рис. 6. Дарьино-1, к. 4. Монетовидные привески из цветного металла с изображением зверя (12–16) и гладкие (17–23)

позвоночника, разрушенный крестец. Максимальная длина правой бедренной кости – 454 мм. Индивид определен как женщина, *adultus* 2 – *maturus* 1.

Курган № 7. Размеры насыпи составили 8–9 м, максимальная высота – до 0,97 м. С северо-запада, юго-запада и юго-востока площадка насыпи была окружена тремя курганными ровиками. Курган был частично разрушен грабительской ямой.

В ходе разбора насыпи в выбросах из грабительской ямы зафиксировано три скопления керамики и ряд индивидуальных находок. Первое скопление керамики (№ 70) включало 71 обломок от одного сосуда. Этот горшок удалось реконструировать до полного профиля. Он имеет венчик

типа 8, орнаментирован по плечу однорядной волной, по предплечью и тулову – разреженными линиями. Днище с подсыпкой золы, на его фрагментах прослеживаются остатки клейма в виде окружности. Принадлежит группе 2 (рис. 4, 3).

Второе скопление керамики (№ 71) насчитывало 24 обломка одного сосуда, его также удалось реконструировать до полного профиля. Он имеет венчик типа 1, орнаментирован по плечу одним рядом нарезов; днище с подсыпкой золы. Принадлежит группе 2 (рис. 4, 4).

Среди обнаруженных в кургане индивидуальных находок – скопления обломков височных колец, широкосрединный решетчатый перстень, две

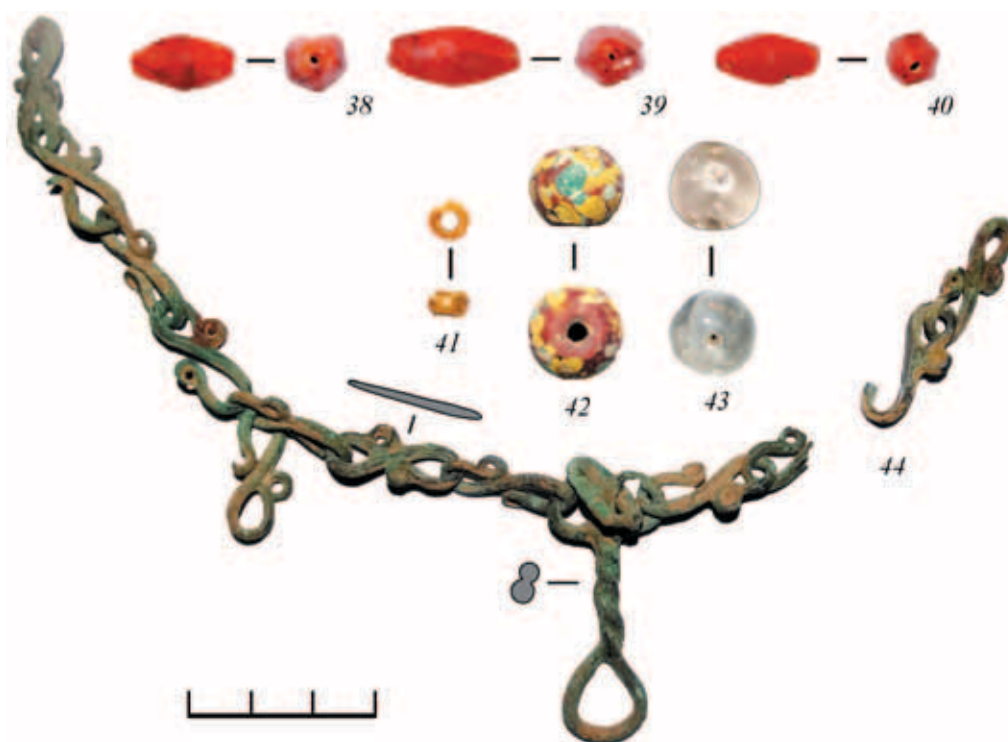

Рис. 7. Украшения из могильника Дарьино-1

38–40 – бусы бипирамидальные (сердолик); 41 – бусина округлая кольцевидная (стекло ярко-желтое); 42 – бусина округлая шаровидная усеченная дважды (зонная) (стекло красно-коричневое, декорирована пятнами из белого, желтого и сине-зеленого стекла); 43 – шаровидная бусина из горного хрусталя; 44 – цепь с амулетодержателем из цветного металла (38, 44 – к. 4; 39, 40 – к. 7; 41, 42 – к. 11; 43 – к. 5)

сердоликовые бусины (№ 44, 45 – рис. 7, 39, 40) и два пластинчатых браслета. Височные кольца относятся к типу семилопастных с секировидными лопастями. По контуру серповидного щитка (№ 36) проходит орнамент в виде заштрихованной полосы, выделяющейся городками в нижней части, верхняя часть щитка украшена каймой из выступающих фестонов, дужка височного кольца фрагментирована и частично утеряна. Общие размеры предмета – 4,8×3,3 см (рис. 5, 24). Для металла предмета выполнен РФА (табл. 1). Второе височное кольцо (№ 37) состоит из пяти обломков, большая часть предмета утрачена (рис. 5, 28). Третье кольцо (№ 38) состоит из девяти фрагментов (рис. 5, 29). Эти височные кольца относятся к типу простых, аналогичные украшения найдены во многих курганах и на поселениях, связываемых с вятичами. Датировать их можно второй половиной XII – XIII в. (Равдина, 1968. С. 140).

Перстень (№ 17) относится к типу решетчатых двузигзаговых диаметром 2 см и шириной в средней части 2 см (рис. 3, 5). Наибольшая концентрация находок изделий данного типа приходится на территорию вятичей. На городище Настасьино найдено четыре подобных перстня (Сарачева,

Сапрыкина, 2004. С. 53). Вне территории расселения вятичей аналогичный решетчатый перстень найден в Новгороде в слоях, датированных 60–70-ми гг. XII в. (Седова, 1981. С. 130).

Браслет (№ 21) относится к типу пластинчатых загнутоконечных, на внешнюю поверхность пластины зубчатым штампом-колесиком и кольцевым чеканом нанесен геометрический орнамент. Диаметр браслета – 6,7 см, ширина пластины – до 1,3 см (рис. 8, 33). Другой аналогичный браслет (№ 22) имеет геометрический орнамент, его реконструируемый диаметр – 6,5 см, ширина пластины – до 1,8 см (рис. 8, 34). Аналогичные браслеты были широко распространены на Руси в XI–XIII вв. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 244; Седова, 1997. С. 77).

Захоронение из кургана № 7, по-видимому, было уничтожено грабителями. Немногочисленные костные останки обнаружены в выбросах из грабительской ямы и содержали фрагменты правой пирамиды и затылочной кости с фрагментами волос. Пол индивида определить не удалось (судя по остаткам погребального инвентаря, в кургане захоронена женщина), возраст – 25–29 лет.

Курган № 8. Диаметр насыпи составил 9 м. Целостность кургана нарушена грабительской ямой,

Рис. 8. Дарьино-1. Браслеты из цветного металла

33–36 – пластинчатые браслеты; 37 – витой проволоочный браслет (33, 34 – к. 7; 35, 36, 37 – к. 11)

расположенной в центре насыпи. Ее поперечник – 3,8 м. Максимальная высота остатков насыпи достигала 1,05 м. С северо-запада и юго-востока площадку насыпи окружали два серповидных ровика.

При исследовании грунта насыпи кургана обнаружено три скопления керамики и два поясных кольца. Первое кольцо (№ 29) уплощенное, в сечении овальное. Внешний диаметр – 3,5 см, внутренний диаметр – 2,5 см, ширина в сечении – 0,3–0,7 см, толщина – 0,1 см (рис. 3, 9). Второе кольцо (№ 30) имеет аналогичную форму, его внешний диаметр – 3 см, внутренний – 2,2 см, ширина в сечении – 0,3–0,6 см, толщина – 0,1 см (рис. 3, 10). Для металла предметов выполнен РФА (табл. 1). Подобные поясные кольца найдены В. А. Городцовым в мужском погребении при раскопках Битяговских курганов (Никольская, 1981. С. 119).

Костные останки из кургана № 8 обнаружены в выбросах из грабительской ямы и содержали череп во фрагментах, посмертно сильно деформированный и поврежденный, половину челюсти. Зубы сильно стерты, стреловидный шов не закрыт. Индивид предположительно мужчина, *maturus* 2.

Курган № 9. Размеры остатков насыпи 7–8 м, максимальная высота – 1,14 м. В центре насыпь разрушена грабительской ямой размерами 3,14×3,2 м, глубиной до 0,78 м. Площадка насыпи кургана была окружена двумя серповидными ровиками.

При выборке заполнения грабительской ямы, дошедшей до материка, обнаружены костные останки двух молодых коров, попавших туда в Новое время. Антропологического материала в кургане не найдено.

Среди индивидуальных находок – фрагмент зооморфной керамической игрушки, погремушки

Рис. 9. Дарьино-1. Хозяйственно-бытовые предметы 45–46 – точильные бруски из песчаника; 47 – фр-т глиняной зооморфной игрушки; 48–50 – железные черенковые ножи (45 – к. № 11; 46 – к. 14; 47, 48, 50 – к. 9; 49 – к. 10)

или свистульки (№ 50 – рис. 9, 47), и два железных ножа (№ 51, 53 – рис. 9, 48, 50), имеющих многочисленных аналогии (Александрова, 2008. С. 109).

Курган № 10. Размеры насыпи – 9–10 м, максимальная высота остатков кургана – 0,55 м. В центре насыпи имелось понижение дневной поверхности, связанное с раскопками 1963 г., размерами 5,4×6 м. Площадку насыпи окружали два серповидных ровика. По данным раскопок 1963 г., «в кургане 10 обнаружен очень плохой сохранности костяк женщины, ориентированный головой на запад. На нем и рядом с ним найдены были: 4 биллоновых семилопастных височных кольца, 2 витых и 1 пластинчатый браслеты, 1 пластинчатый литой украшенный зернью перстень, 1 решетчатый двузигзаговый перстень, 2 железных скобы» (Ширинский, 1963. Л. 8).

Костные останки, обнаруженные в переотложенных слоях кургана № 10, содержали фрагменты диафиза правой бедренной кости и задней поверхности верхней трети бедренной кости. Индивид предположительно женщина, *adultus*.

В ходе разборки насыпи и околокурганного пространства в сезоне 2016 г. обнаружено два скопления и два отдельных фрагмента керамики, зафиксирована находка обломка железного ножа (№ 52 – рис. 9, 49).

Курган № 11. Размеры насыпи – 7–8 м. На ее вершине находилась грабительская яма диаметром около 3 м. Площадка насыпи кургана была окружена двумя ровиками.

При снятии насыпи обнаружено два скопления керамики и ряд вещевых находок, в числе которых пластинчатый широкосрединный перстень, обломки семилопастных височных колец, фрагментированный пластинчатый браслет и точильный каменный брусок.

Пластинчатый широкосрединный перстень (№ 16) диаметром 1,8 см, ширина в средней части – 1,2 см (рис. 3, 4). Аналогичные перстни были широко распространенным древнерусским украшением (Арциховский, 1930. С. 81). В Новгороде данный тип перстней датируется серединой X – концом XIV в. (Седова, 1997. С. 77).

Два фрагмента височного кольца (или колец) (№ 34 – рис. 5, 26) предположительно относятся к типу ажурных и являются наиболее поздними в коллекции, датируются XIII в. (Левашева, 1967. С. 46). Остальные 17 фрагментов этого кольца, а также другие височные кольца и их обломки относятся к типу простых с секировидным завершением лопастей, датируются второй половиной XII – XIII в. (Равдина, 1968. С. 140).

Височное кольцо (№ 35) состоит из четырех фрагментов. По контуру серповидного щитка проходит орнамент в виде заштрихованной полосы, выделяющейся городками в нижней части, верхняя часть щитка украшена каймой из выступающих фестонов (рис. 5, 27). Для металла предмета выполнен РФА (табл. 1). Пластинчатый браслет (№ 23) сильно фрагментирован, пластина состоит из шести обломков, на некоторых читается геометрический орнамент (рис. 8, 36).

Осолок (№ 49) имеет форму бруска прямоугольного сечения, изготовлен из песчаника, его размеры – 4,3×3,4×0,8 см (рис. 9, 45).

При разборе насыпи кургана в выбросе из грабительской ямы обнаружен антропологический материал. Костные останки содержали акромиальное окончание правой ключицы, фрагменты левой лопатки, первый нижний моляр. Индивид предположительно женщина, *adultus*.

Под насыпью кургана № 11 зафиксировано два захоронения в могильных ямах (рис. 2). Яма погребения 1 ориентирована длинной осью по линии юго-запад – северо-восток, ее длина 2,96 м, ширина 63–142 см. Юго-западная часть погребения оказалась разрушенной грабительской ямой. Сохранившийся участок могильной ямы погребения 1 имел глубину от уровня поверхности мате-

рика 41 см. Стенки ямы практически вертикальные, дно неровное. Костяк в погребении практически не сохранился. В заполнении грабительской ямы найдены две стеклянные бусины (№ 40, 41). На не потревоженном перекопом участке могильной ямы (в ее центральной части у северо-западного борта) обнаружены мелкие обломки двух предметов из цветного металла очень плохой сохранности – фрагменты пластинчатого браслета и перстня (рассыпались при попытке извлечения из грунта). На участках расположения этих вещей прослежены остатки деформированного костного тлена. У основания юго-восточного борта могильной ямы (на противоположной ее стороне от двух упомянутых выше предметов) найдены еще два украшения для рук из цветного металла: витой браслет (№ 25) и перстень (из-за очень плохой сохранности изделия его тип определить не удалось, он рассыпался при попытке извлечения из грунта, полевой № 165).

Бусина № 40 имеет округлую кольцевидную форму, изготовлена из навитой трубочки при помощи обработки ее приспособлением типа решетки и отшибания. Стекло ярко-желтое прозрачное. Диаметр бусины – 0,6 см, высота – 0,4 см (рис. 7, 41). Подобные бусы часто встречаются при раскопках древнерусских памятников. Например, три такие бусины найдены в погребении кургана № 6 (середина XII в.) Мякинского курганного могильника. Анализ стекла одной из них показал бесщелочной свинцово-кремнеземный состав, что позволяет предполагать древнерусское происхождение этих бус (Столярова, 2008. С. 6. Табл. 6. Ан. 787–33; Захарова, 2008. С. 43). В Мининском археологическом комплексе подобные бусы датируются серединой XII – XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 87). В целом по курганным древностям такие бусы датируются XII в. По мнению Б. А. Колчина, важно, что такие бусы ни разу не встречены в курганных комплексах XI в. и старше (Колчин, 1956. С. 123). Кроме того, такая бусина найдена в комплексе второй половины XII – первой половины XIII в. селища Степаново-2 Дмитровского р-на Московской обл. (Столярова, 2009. С. 197–198. Рис. XIX, 63). Она изготовлена из стекла того же класса $PbO-SiO_2$ (Столярова, 2009. Табл. 2, ан. 787–54). Большое количество таких бус происходит с болгарского Лаишевского селища (Столярова, 2005. С. 62, 65). В Новгороде основная их масса найдена в слоях XII – 80-х гг.

XIII в., тем не менее единичные находки встречаются и в ярусах, датируемых XIV – началом XV в. (Щапова, 1956. С. 167, 168).

Бусина № 41 имеет округлую шаровидную усеченную дважды форму (так называемая зонная), изготовлена индивидуальной навивкой из красно-коричневого непрозрачного стекла, декорирована многократными, наложенными вгорячую, беспорядочно расположенными пятнами из белого, желтого и сине-зеленого непрозрачного стекла. Диаметр бусины – 1,45 см, высота – 1,2 см (рис. 7, 42). Бусины с пятнистым декором красно-коричневого или черного стекла – часто встречающаяся находка. Подобные типы бус обнаруживаются на древнерусских памятниках, например, во Владимире, в комплексе второй половины XII – первой половины XIII в. (Зеленцова, Кузина, 2008. С. 133, 135), в Смоленске, на территории Заднепровского посада, в комплексе последней четверти XII – первой четверти XIII в. (Столярова, Миненко, 2017), в Переславле-Залесском⁴, в погребениях подмосковных курганных могильников Мякинино (вторая половина XII в.) (Столярова, 2008. С. 54. Рис. 5: 2; Захарова, 2008. С. 45). Они найдены на болгарских селищах (VI Рождественском, Мурзихинском, Лаишевском; Столярова, 2005. С. 59–60). Изучен состав некоторых из этих бус: они изготовлены из стекла класса $PbO-SiO_2$ с присутствием в анализах небольшого количества окиси калия, что, по мнению исследователей, является признаком древнерусского изготовления (Столярова, Журехина, 2014. С. 199)⁵.

Браслет № 24 имеет сильно фрагментированную пластину (состоящую из шести обломков) с орнаментом, образуемым углублениями в виде точек (рис. 8, 35). Аналогичные браслеты найдены в Серенске (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 244). Датировка этого типа украшений – XI–XIII вв. (Седова, 1997. С. 77).

Браслет № 25 относится к типу витых, из двух проволок круглого сечения, концы одной проволоки загнуты. Внешний диаметр изделия – 6,1 см, внутренний – 5,4 см, диаметр проволоки – 0,2 см (рис. 8, 37). Фрагмент аналогичного витого браслета найден в курганах Царицыно. Витые браслеты в древностях вятичей датируются XII–XIII вв. (Арциховский, 1930. С. 137).

На основании предметов из погребального инвентаря и их расположения в могильной яме можно

⁴ Авторы благодарят В. А. Зейфера за предоставленный для изучения неопубликованный материал.

⁵ Анализ и описание стеклянных бус проведены сотрудником ИА РАН Е. К. Столяровой.

сделать вывод о том, что в погребении 1 кургана № 11 было совершено захоронение женщины (ориентировка – головой на юго-запад). Датировка погребения – XII–XIII вв.

Погребение 2 находилось на расстоянии 0,64 м к юго-востоку от погребения 1, ориентировка этих погребений совпадает. Могильная яма погребения 2 подпрямоугольной формы вытянута по оси юго-запад – северо-восток на 2,23 м, ширина ямы – 0,73–0,82 м. Яма имела глубину от уровня поверхности материка до 0,21 м, практически отвесные стенки, дно ровное. Костных останков и вещевого материала в могильной яме погребения 2 не обнаружено.

Курган № 12 к моменту проведения работ в 2016 г. не сохранился, его точное местоположение не установлено, и он не исследовался.

Курган № 13. Насыпь раскопана в 1963 г. С. С. Ширинским и была почти полностью сnivelирована. По данным этих раскопок, при исследованиях обнаружены «два семилопастных височных кольца, фрагмент зеленой стеклянной бусины и круглопроволочный сплошной браслет» (Ширинский, 1963. Л. 7–14).

На момент проведения современных исследований размеры остатков насыпи составили 11 м в диаметре, их максимальная высота – 0,82 м. Площадка насыпи кургана была окружена двумя дуговидными ровиками. В ходе разборки грунта насыпи и околокурганного пространства обнаружено четыре скопления и пять единичных фрагментов керамики.

Курган № 14 также был раскопан в 1963 г., в нем обнаружено женское погребение с западной ориентировкой. Среди выявленных предметов – семь семилопастных височных колец, серебряная плетеная перевитая гривна, девять ажурных подвесок с изображением лунницы и креста, девять сердоликовых бипирамидальных шестигранных бусин, 26 желтых стеклянных зонных бусин (целых экземпляров и их обломков), два витых тройных браслета и два железных гвоздя (Ширинский, 1963. Л. 7–14).

В 2016 г. размеры остатков насыпи кургана № 14 в общей сетке раскопа составили 9×11 м, максимальная высота остатков кургана – 0,43 м. Площадка насыпи была окружена двумя дуговидными ровиками. При исследовании насыпи и околокурганного пространства зафиксировано три скопления и семь отдельных обломков керамики, три фрагмента височных колец и каменный точильный брусок. Находки височных колец в кургане № 14 представлены тремя отдельными секировидными лопастями (№ 31–33), две из которых орнаментированы. На поверхности одной лопасти

(№ 31) гравирован орнамент в виде креста с перечеркнутыми концами (рис. 5, 31). На другой лопасти (№ 33) гравирован растительный орнамент в виде розетки ленточного плетения (рис. 5, 32). Височные кольца с аналогичными орнаментами найдены в курганных группах Иславское и Крымское (Макарова, Равдина, 1992. С. 70, 73).

Оселок (№ 48) представлен бруском из песчаника, трапециевидного сечения, одно из окончаний обломлено. На внешних сторонах предмета имеются следы сработанности. Размеры 5,2×2,6×3,0 см (рис. 9, 46).

Курган № 15. Размеры насыпи составили 10×11 м, максимальная высота кургана – 0,78 м. В центральной его части прослеживалась грабительская яма размерами 4,2×5,7 м, глубина 0,81 м. Площадка насыпи была окружена кольцевидным ровиком с двумя перемычками.

В ходе изучения грунта насыпи и околокурганного пространства обнаружено одно скопление и 18 отдельных обломков керамики.

Обнаруженные на дне грабительской ямы и в переотложенных слоях насыпи костные останки человека содержали второй шейный позвонок, череп во фрагментах, диафизы парных плечевых костей, верхнюю часть правой локтевой кости с выраженным развитием костного края, диафизы парных бедренных костей во фрагментах, таз во фрагментах, диафизы парных бедренных костей. Индивид определен как женщина, возраст – 20–29 лет.

Курган № 16 впервые исследован С. С. Ширинским в 1963 г. Обнаружены «остатки почти полностью истлевшего женского погребения и следующие предметы: 3 серебряных семилопастных и 1 трехлопастное ажурное височные кольца, серебряная плетеная гривна, крест-тельник, 5 лунниц, витой и четверной браслеты, фрагмент ажурного пластинчатого перстня. Было найдено также большое количество стеклянных бусин: 5 двойных синих зонных, 1 черная витая, 45 синих зонных, 1 черная зонная и 7 фрагментов различных бус» (Ширинский, 1963. Л. 7–14).

Курган № 16 располагался в южной части могильника (к югу от курганов № 14 и 15) (рис. 1), он был полностью раскопан в 1958 и 1963 гг., в дальнейшем его остатки были сnivelированы плужной распашкой. В 2016 г. этот курган не исследовался.

В результате работ 2016 г. на курганном могильнике Дарьино-1 собрана относительно небольшая коллекция керамического материала (всего 427 обломков). Весь объем этих находок относился к посуде, изготовленной в различных традици-

Таблица 2. Распределение массового керамического материала из раскопок курганного могильника Дарьино-1 в 2016 г.

Группы и подгруппы керамики	Курган №, количество фрагментов														Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13	14	25	
1	—	—	—	—	—	17	—	—	—	—	—	—	—	—	17
2	—	11	22	—	6	48	95	—	4	6	10	24	20	—	246
2a	—	—	—	—	—	—	—	9	—	—	3	—	—	—	12
3	1	9	1	1	—	72	2	—	—	4	—	—	—	—	90
3a	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	6	12
4	—	—	—	4	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	7
5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	3
5a	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
7	—	—	—	—	—	—	—	—	10	1	—	—	7	—	18
7a	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	5
8a	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
10	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	3	5
Всего	1	20	23	5	6	144	97	11	15	11	13	27	28	21	422

ях русского гончарства конца XI – XX в. За основу статистической обработки коллекции принята методика В. Ю. Ковалю, подразумевающая фиксацию керамических обломков по технологическим и морфологическим признакам, а также по виду и способу орнаментации (Коваль, 2016). Использовалась сокращенная система с учетом специфики материала на памятнике. При анализе керамики из разрозненных скоплений удалось приблизительно разделить их на отдельные сосуды. Днища учитывались по следам на нижней поверхности (по признакам подсыпки под дно) (Коваль, 2016. С. 58–63). При определении морфологических характеристик венчиков горшков использовалась типологическая таблица также из сокращенной системы статистики керамики В. Ю. Ковалю (2016. С. 117–120. Рис. 51). При работе с керамической коллекцией ставилась задача сгруппировать присутствующие на памятнике материалы, относящиеся к различным традициям изготовления керамики. Эти традиции различались по наборам примеси в тесте, цвету поверхно-

сти и излома черепка (то есть особенностям глиняного сырья и обжига), наличию дополнительной обработки поверхности. Каждая из разновидностей керамики объединяла образцы с определенным устойчивым (повторяющимся) набором указанных выше признаков. Наиболее характерные разновидности (как правило, хорошо известные как отдельные керамические типы по аналогам из Москвы, Подмосковья и соседних территорий) рассматривались как группы; если внутри группы вычленялась разновидность, имевшая отличия по какому-либо признаку, то она получала наименование «подгруппа». Было выделено всего 15 разновидностей керамики (групп и подгрупп) керамики (см. табл. 2⁶).

Группа 1. Лепная керамика из красножгущихся глиен неполного (двухслойного) окислительного обжига, с частой примесью некалиброванной дресвы (с максимальным размером зерна до 3 мм). К этой группе относится только один небольшой горшковидный слабопрофилированный сосуд; его обломки (всего 17) найдены в юго-западном секторе

⁶ Ни в одном случае находки фрагментов керамики не были приурочены к достоверно определенным остаткам погребений. По-видимому, в результате грабительских раскопок, а также в процессе археологических исследований курганов в 1950–1960-х гг. и работ местных краеведов в 1970-х гг. значительная часть керамического материала была переотложена. В ходе работ 2016 г. к каждому из курганов были отнесены (в ряде случаев достаточно условно) скопления и отдельные фрагменты керамики из грунта (в том числе переотложенного) насыпи и примыкающего к ней околочурганного пространства.

насыпи кургана 6 в скоплении керамики (№ 91) совместно с фрагментами кругового беложгущегося горшка (группы 3). Лепная посуда еще встречалась в Подмоскovie в курганах конца XI – начала XII в. (Равдина, 1991. С. 7, 65. Табл. 2), однако, исходя из обстоятельств находки, данный сосуд может относиться к несколько более позднему времени (рис. 4, 1).

Группа 2. Круговая керамика из красножгущихся глин неполного (трехслойного) окислительного обжига, с частой примесью некалиброванной дресвы (с максимальным размером зерна до 2–3 мм). Найдены фрагменты не менее чем 12–14 сосудов (всего 246 обломков). Такая посуда в научной литературе, посвященной археологии Москвы и Подмоскovie, имеет наименование курганной (Равдина, 1991. С. 7–13; Чернов, 1991. С. 20–23, 27). Были обнаружены преимущественно образцы горшков с венчиками типов 1, 8, 8а, характерные для домонгольской эпохи, а также типа 6; встречен горшок с венчиком типа 7. Фиксировалась в основном разреженная линейная орнаментация, в одном случае – линейно-волнистая, один горшок украшен рядом нарезов по плечу. Днища – на зольной подсыпке. Общая датировка этой керамики – XII–XIII вв. (МК, 1991. С. 58. Рис. 2) (рис. 4, 2–5). По-видимому, к этой же московской традиции принадлежит керамика подгруппы 2а. К данной разновидности относится всего один круговой красноглиняный горшок (его обломки, 12 шт., найдены в курганах 8 и 11) неполного (трехслойного) окислительного обжига, с примесью большого количества некалиброванного песка (с максимальным размером зерна до 2 мм). Он имел венчик типа 8а, украшен разреженным линейным орнаментом.

В составе групп 3, 4 и подгруппы 3а фиксировалась керамика из светложгущихся глин, по своим характеристикам относящаяся к периоду второй половины XII – первой половины XIII в.

Группа 3. Круговая керамика из беложгущейся глины неполного (трехслойного) окислительного обжига, с примесью некалиброванного песка (с наибольшим размером зерна до 2 мм) высокой (редко – средней) концентрации, иногда еще и с небольшой примесью дресвы (плохо окатанного песка?). Найдены фрагменты не менее чем восьми сосудов (всего 90 обломков). В тесте каждого из них фиксируются также следы выгоревшей органики (в различной концентрации, чаще всего она невысока). Отдельные обломки, обладающие наименьшей толщиной, имеют полный обжиг; более толстые черепки от этих же со-

удов всегда характеризуются трехслойным обжигом (с серой полосой в изломе). Встречены только горшки, почти все они имеют венчики типа 8, и лишь один – типа 1; орнаментация только линейная, по-видимому, она всегда наносилась инструментом с несколькими рабочими концами (типа гребенки). Днища – на песчаной подсыпке. Как характерную особенность этой керамики стоит отметить обычно невысокие показатели твердости черепка (царапается ногтем, поверхности и излом сильно разрушаются при мытье щеткой). Материалы этой группы обнаруживают значительное сходство с керамикой южнорусской традиции из селища Аносина-1 на р. Истра (Коваль, Хижняков, 2005. С. 166–167, 174, 176–179), датированной В. Ю. Ковалем серединой – второй половиной XII в. Такая керамика была широко распространена в это время в Верхнем Московичье (в окрестностях Звенигорода: Коваль, 2008. С. 161–180) (рис. 4, 6). К подгруппе 3а отнесена керамика этой же традиции, но изготовленная из слабожелезненных глин: круговая посуда неполного (трехслойного) окислительного обжига, с примесью некалиброванного песка (с наибольшим размером зерна до 2 мм) частой или средней концентрации, в большинстве случаев еще и с небольшой примесью дресвы (плохо окатанного песка?). Найдены фрагменты не менее чем от четырех горшков (12 обломков, венчики отсутствуют). В тесте половины из них фиксируются также следы выгоревшей органики (в низкой концентрации). Встречен обломок с плотным линейным орнаментом, нанесенным инструментом с несколькими рабочими концами (типа гребенки). Днища – на песчаной подсыпке.

Группа 4. Круговая керамика из беложгущихся глин полного окислительного обжига, с высокой или средней концентрацией примеси мелкозернистого песка (до 1 мм, причем доминирует фракция с размером зерна 0,5 мм и меньше, а более крупные песчинки встречаются относительно редко). Найдены фрагменты двух сосудов (всего семь обломков). Встречен горшок с венчиком типа 8; орнаментация линейная, нанесена инструментом с несколькими рабочими концами (типа гребенки). Единственное обнаруженное днище – на песчаной подсыпке. Черепок плотный, твердый.

Древнерусская беложгущаяся керамика с характерным для групп 3, 4 и подгруппы 3а набором признаков (формы венчиков, основная примесь в тесте, тип орнамента) свойственна для средневековых гончарных традиций (имеющих южнорусское происхождение) территорий,

прилегающих к р. Оке. Начало проникновения этой традиции на Среднюю Оку относится исследователями к периоду около середины XII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 177). Керамика из беложгущейся глины в Старой Рязани стала широко использоваться на рубеже XII–XIII вв., ее изготовление являлось характерной чертой гончарства Среднего и Верхнего Поочья XIII–XIV вв. (Стрикалов, 2006. С. 129). В Старой Рязани переход к белой глине первоначально вызвал даже некоторое огрубление примесей («грубое» и «среднегрубое» тесто с песчаными примесями, соответственно, с размером зерен 0,5–2 мм и не более 0,5 мм) – белоглиняная керамика с такими отощителями бытовала там не позднее первых десятилетий XIII в. (Стрикалов, 2006. С. 129). В. Ю. Коваль предлагает называть такую посуду керамикой поокского типа (Коваль, 2003. С. 157, 164, 165). В Ростиславле Рязанском в первой половине XIII в. треть посуды изготавливалась из беложгущихся глин (исключительно с примесью песка до 1 мм), не применявшихся столь широко ни в более раннее время, ни позднее (Коваль, 1996. С. 109).

Группы 1–4 и подгруппы 2а–3а охватывают весь спектр средневековой керамики, выявленной на памятнике при работах 2016 г. (рис. 4, 1–6). Эта посуда составляет подавляющее большинство (384 фрагмента) найденного здесь керамического материала, ее общий период бытования – в рамках второй половины XII – первой половины XIII в. Остальная часть керамической коллекции относится к более позднему времени и, по-видимому, связана с периодическими посещениями курганного могильника в XV–XX вв. Как правило, это единичные маловыразительные фрагменты или немногочисленные обломки отдельных сосудов.

Группа 5. Круговая керамика из красножгущейся глины со значительной примесью мелкого (менее 1 мм, в основном – около 0,5 мм) песка неполного (трехслойного) окислительного обжига. Найдено всего три небольших фрагмента такой посуды. В подгруппе 5а зафиксирован один мелкий обломок аналогичной по тесту керамики, но с полным обжигом. Возможная датировка этих материалов – XV–XVI вв.

Группа 6. Круговая керамика из красножгущейся глины без видимых примесей в тесте, без следов лощения и ангобирования. Обнаружено всего два небольших фрагмента такой посуды. Вероятно, это столовая керамика XV–XVII вв.

Группа 7. Круговая керамика из беложгущейся глины с примесью большого количества очень мелкого (0,2–0,3 мм и менее) песка, пол-

ного окислительного обжига. Найдены обломки не менее чем трех сосудов (всего 18 фрагментов). Орнаментация и профилировка верхних частей двух из них напоминает стандартную московскую красноглиняную гладкую керамику конца XV – XVI в. (Бойцов, 1991. С. 37. Рис. 1, Д, Е) – на плече сосудов присутствует плотная орнаментальная зона из нескольких линий, у одного горшка при этом максимальное расширение тулова приближено к венчику (близкому по общим очертаниям к типу 3).

В **группе 8** – два мелких невыразительных фрагмента круговой белоглиняной керамики без видимых примесей в тесте, полного окислительного обжига. Скорее всего, она относится к традиционной коломенской посуде XVI–XVII вв.

В **группу 9** включены пять фрагментов морской (восстановительного обжига) керамики; среди них – обломок дна со следами среза нитью. В подгруппе 9а – единственный найденный фрагмент чернолощенной посуды (с разреженным орнаментальным лощением). Общая датировка этих материалов, скорее всего, XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 29). Все они приурочены к кургану 15.

К **группе 10** отнесен всего один обломок белоглиняной керамики полного обжига с желтоватой поливой на внутренней стороне черепка и охристо-красной росписью в виде горизонтальных полос на внешней поверхности. Датировка – XVIII–XIX вв.

Группа 11 объединяет находки (всего пять фрагментов) позднейшего керамического типа – красноглиняной посуды с красновато-бурой или зеленоватой поливой, широко распространенной в XIX–XX вв.

В результате проведенных в 2016 г. спасательных работ курганная группа Дарьино-1 исследована полностью. Методика исследований курганов большой площадью с включением в границы раскопа помимо насыпей курганов, ровиков, меж- и околокурганного пространства позволила получить значимые научные данные о памятнике, который был частично исследован ранее, в 50–60-х гг. XX в. Несмотря на разрушение и повреждение курганов в силу различных причин, частичное изъятие вещей и антропологического материала из погребений, даже такие памятники по-прежнему являются информативным источником для изучения конструктивных особенностей отдельных курганов и погребального обряда в целом.

По совокупности найденных артефактов и особенностей возведения курганов уточнена датировка могильника, время существования которого

приходится на период второй половины XII – первой половины XIII в.

Судя по преобладанию в погребальном инвентаре украшений – височных колец, перстней, браслетов, бубенчиков, привесок из цветных металлов, стеклянных и каменных бус, большую часть могильника составляли женские погребения. Мужские погребения, вероятно, не содержали инвентаря или сопровождалась единичными предметами хозяйственно-бытового назначения, что характер-

но для славянских курганов вообще и курганов вятичей в частности (Седов, 1982. С. 150).

Коллекция находок, включающая семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, витые и пластинчатые браслеты из цветных металлов, сочетание в составе ожерелья бипирамидальных сердоликовых и шаровидных бус из горного хрусталя, убедительно свидетельствует о том, что данный курганный могильник был оставлен вятичским населением.

Литература

АКР. Московская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1994. С. 141–142 (328).

Александрова О. И., 2008. Эрмитажная коллекция из раскопок курганов в Царицыно // Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М.: ИА РАН. С. 107–115.

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 221 с.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Зайцева И. Е., Сарычева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2. М.: Наука. С. 142–215.

Захарова Е. П., 2008. Мякининские курганы: планиграфия и хронология // АП. М.: ИА РАН. Вып. 4. С. 41–46.

Зеленцова О. В., Кузина И. Н., 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 127–136.

Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. МИГМ. М. Вып. 9. С. 103–133.

Коваль В. Ю., 2003. Новые данные о древнерусской керамике Рязанской земли // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань. С. 155–169.

Коваль В. Ю., 2008. Светлоглиняная керамика в Подмоскovie: Звенигородский регион // АП. М.: ИА РАН. Вып. 4. С. 161–180.

Коваль В. Ю., 2016. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны

Восточной Европы. М.: ИА РАН. 126 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9).

Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносина на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 153–183.

Колчин Б. А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. № 55. М. – Л.: АН СССР. С. 44–137.

Левашева В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 7–54. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Лесман Ю. В., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М. С. 29–98.

Макарова Т. И., Равдина Т. В., 1992. Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА. № 4. С. 68–82.

Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 133–134. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

МК / Отв. ред.: С. З. Чернов, М. Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. 198 с.

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 295 с.

Равдина Т. В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмоскovie // МК. М.: ИА АН СССР. С. 7–13.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 99 с. (САИ. Вып. Е1-39).

Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб.: СПбГУ. 259 с.

Сарачева Т. Г., 2003. Древнерусские привески с изображением зверя // РА. №. 4. С. 102–115.

Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 52–65. (Тр. ПЭ. Т. 2).

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 326 с. (Археология СССР).

Седова М. В., 1959. Ювелирные изделия Новгорода Великого // МИА. № 65. М.: АН СССР. С. 223–261.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 194 с.

Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78. (Археология).

Столярова Е. К., 2005. Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань. С. 43–66.

Столярова Е. К., 2008. Стекланные бусы Мякининской курганной группы // АП. М.: ИА РАН. Вып. 4. С. 47–61.

Столярова Е. К., 2009. Стекланные украшения селища Степаново-2 // АП. М.: ИА РАН. Вып. 5. С. 197–203.

Столярова Е. К., Журухина Е. Ю., 2014. Находка стеклнного слитка из Киева // КСИА. Вып. 232. С. 195–202.

Столярова Е. К., Миненко В. В., 2017. Стекланные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. М. – Смоленск: Свисток. С. 157–182.

Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М.

Фатков А. М., 2017. Отчет о проведении охранных научно-исследовательских работ по теме: «Спасательные археологические исследования (раскопки), направленные на обеспечение сохранности объекта археологического наследия «Курганный могильник Дарьино-1», попадающего в зону строительства на территории с. п. Назарьевское Одинцовского района Московской области» в 2016 году / Архив ИА РАН. Р-1.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // МК. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Ширинский С. С., 1957. Отчет о частичном археологическом обследовании по берегам р. Злезни от д. Старое Дарьино до с. Успенское Звенигородского р-на Московской обл. в 1957 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 1551.

Ширинский С. С., 1963. Отчет о раскопках курганов у д. Таганьково и д. Старое Дарьино Рузского р-на Московской обл. в 1963 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3564.

Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. С. 164–179.

A. M. Fatkov, V. V. Minenko, Ya. R. Slepova., M. V. Chirkov, & I. S. Anikin

Archaeological research at the Darino-1 burial ground

Summary

The paper presents the results of excavations at Moscow County Region earthwork burials, which were partly researched in the 1950s–60s, and which have been destroyed by treasure-hunters. As a result, a col-

lection of items not noticed by previous researchers was assembled, ceramics compiled, the dating of the burial grounds was honed. The cemetery was in use from the latter 12th century to the early part of the 13th century.

Е. К. Столярова
Институт археологии РАН, Москва

Предметы из стекла курганного могильника Новоселки 2 (Московская область)

В 2008 г. Подмосковная археологическая экспедиция ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой проводила спасательные археологические раскопки курганного могильника Новоселки 2 (XII–XIII вв.). Могильник расположен на левом берегу р. Клязьмы, в 1,5 км к северо-востоку от д. Черкизово Химкинского района Московской области. Могильник представлял собой группу из 20 курганов. В шести погребениях под пятью курганами (1, 7, 10, 14, 19 – рис. 1) обнаружены предметы из стекла – 101 бусина, три привески и две вставки в концы металлического браслета¹.

Находки распределились по погребениям следующим образом (табл. 1). Больше всего бусин обнаружено в погребении 1 кургана 1 (58 экз.). Следующее по количеству – это детское погребение кургана 19 (22 экз.). В двух погребениях – кургана 14 и женщины с ребенком кургана 19 найдено по семь бусин, причем в первом присутствуют еще три привески. Пять бусин и две вставки происходят из погребения 2 кургана 10. И всего две бусины сопровождали погребение 1 кургана 7.

Группировка погребений по количеству бусин дала следующие результаты (табл. 2). Три из шести погребений, т. е. половина, содержат малое количество бусин (от 5 до 7 шт.), при этом эта группа содержит менее 19% бусин. Два погребения, т. е. треть, имеют среднее количество бусин (от 22 до 58 шт.), при этом в этой группе находится почти 80% украшений. В одном погребении количество бусин единично (2 шт.). Очевидна неравномерность распределения бусин по погребениям.

При сравнении с Мякининским могильником видно, что и там основная масса бусин находится

в захоронениях со средним количеством бус. Причем погребения с малым и средним количеством бусин относятся к периоду середины XII – начала XIII в., а единичные бусины (не более 4 шт.) присутствуют в погребениях на протяжении всего времени сооружения мякининских курганов (первой половины XII – первой половины XIII в.) (Столярова, 2018. С. 60–61. Табл. 3).

Остановимся на морфологии, технологии изготовления и химическом составе стеклянных украшений из курганов могильника Новоселки 2.

Бусы (101 экз.; рис. 2, а; б; в: 1–5; г: 1–7; д; е)

Морфологические характеристики

Больше половины бусин – округлые кольцевидные (55 экз.; 54,5%), среди них преобладают одинарные (50 экз.; 49,5%), несколько сдвоенных (4 экз.; 4%) и одна строенная (1%). Немного менее трети – округлые шаровидные усеченные дважды (так называемые зонные) (29 экз.; 28,7%). Шесть фрагментов, вероятно, принадлежали округлым биконическим бусинам (5,9%). Всего четыре бусины – округлые эллипсоидные, усеченные дважды (4%). У двух округлых фрагментированных бусин точная форма не устанавливается. Среди граненых, их 5 (5%), все бипирамидальные, усеченные дважды (так называемые рыбовидные). Таким образом, подавляющее число бусин (96 экз.; 95%) представлены округлыми формами, найденными во всех погребениях с бусами. Граненые встречены только в кургане 14 и в детском захоронении кургана 19 (табл. 3).

¹ Благодарю авторов раскопок В. Ю. Ковалю и Е. П. Захарову (Зоц) за предоставленный для исследования материал.

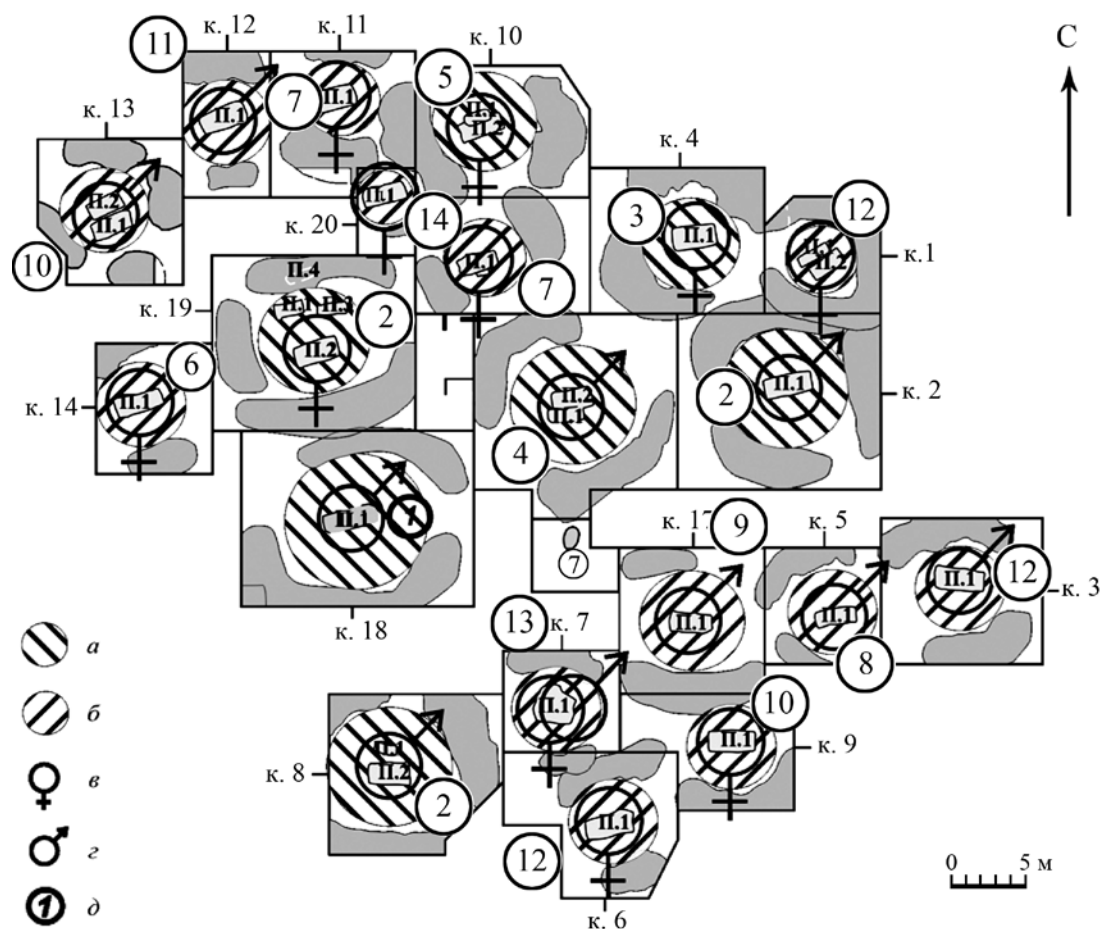

Рис. 1. План курганного могильника Новоселки 2 (по: Зоц, Гольева, 2016. С. 130. Рис. 1)

а – курганы сер. – 2-й пол. XII в.; б – курганы кон. XII – сер. XIII в.; в – женское погр.; г – мужское погр.; д – последовательность возведения курганов

По размерным характеристикам мы вслед за Ю. Кальмером разделили изученные бусы на группы по диаметру/ширине тулова (Callmer, 1977. Р. 35). Используя этот параметр, Ю. Кальмер делит украшения на микробусы (менее 9 мм в диаметре), средние бусы (от 9 до 17 мм), макро-бусы (от 18 до 29 мм) и гиганты (свыше 30 мм). Каждая из этих групп подразделяется в свою очередь на малые, средние и большие бусы (табл. 4).

У чуть более четверти бусин (27 экз.; 26,7%) диаметр тулова не установлен. Две трети бусин – это микробусы (66 экз.; 65,4%), среди которых только одна из группы средних (от 3 до 5 мм), а все остальные большие (от 6 до 8 мм) (65 экз.; 64,4%). В группу средних попало только восемь бусин (7,9%), из них шесть малые (5,9%) и две большие (2%).

Исследованные бусы изготовлены из стекла семи цветовых тонов: желтого, желто-зеленого, бирюзового, синего, фиолетового, белого, черного. Больше всего бусин – более трети – из прозрачного стекла желто-зеленого цвета (38 экз.; 37,6%).

Почти поровну бусин из прозрачного желтого (20 экз.; 19,8%) и непрозрачного белого (16 экз.; 15,8%) стекла. Значительно меньше из прозрачного бирюзового (9 экз.; 8,9%), синего (5 экз.; 5%), фиолетового (5 экз.; 5%) и непрозрачного черного (5 экз.; 5%). У одной бусины цвет не установлен (табл. 5).

Из всей массы бус декорирована только одна. Это округлая эллипсоидная бусина из черного непрозрачного стекла, украшенная белой нитью, перевивающей по спирали тулово бусины. Она относится к группе бус с «пластичным» декором.

Два экземпляра относятся к группе бус с металлической прокладкой. Обе округлые эллипсоидные, одна асимметричная, другая правильной формы, и ее высота в три раза превышает диаметр. Бусины таких пропорций традиционно относят к пронизкам. В обоих случаях и для основы, и для покрытия использовано бледно-желтое стекло. Материал прокладки визуально воспринимается как золото.

Таблица 1. Распределение стеклянных находок по погребениям.

№ п/п	Комплекс	Кол-во находок из стекла по комплексам			Итого
		бусины	привески	вставки	
1	Погр. 2 (женщины с ребенком), кург. 19	7	–	–	7
2	Погр. 3 (ребенка), кург. 19	22	–	–	22
3	Кург. 14	7	3	–	10
4	Погр. 2, кург. 10	5	–	2	7
5	Погр. 1, кург. 1	58	–	–	58
6	Погр. 1, кург. 7	2	–	–	2
Итого		101	3	2	106

Таблица 2. Группировка погребений по количеству бусин.

Кол-во бусин в погребении	Погребения		Бусины	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Единичное (не более 4 шт.)	1	16,7	2	2
Малое (от 5 до 7 шт.)	3	50	19	18,8
Среднее (от 22 до 58 шт.)	2	33,3	80	79,2
Всего	6	100	101	100

Таблица 3. Форма тулова стеклянных бусин.

Форма тулова		Кол-во	%
Округлое	шар, усеченный дважды	29	28,7
	кольцо, из них:	55	54,5
	одинарных	50	49,5
	сдвоенных	4	4
	строенных	1	1
	биконус, усеченный дважды	6	5,9
	эллипс, усеченный дважды	4	4
	нельзя установить	2	1,9
Граненое	бипирамида, усеченная дважды	5	5
Итого		101	100

Таблица 4. Размерные характеристики стеклянных бусин.

Группы бус по диаметру тулова		Кол-во	%
Микробусы (менее 9 мм)	Малые (менее 3 мм)	–	–
	Средние (от 3 до 5 мм)	1	1
	Большие (от 6 до 8 мм)	65	64,4
Средние бусы (от 9 до 17 мм)	Малые (от 9 до 11 мм)	6	5,9
	Средние (от 12 до 14)	–	–
	Большие (от 15 до 17 мм)	2	2
Нельзя установить		27	26,7
Итого		101	100

Таблица 5. Цветовая гамма стеклянных бусин.

Бусы	Цветовая гамма	Кол-во	%
Однослойные	желтый	20	19,8
	желто-зеленый	38	37,6
	бирюзовый	9	8,9
	синий	5	5
	фиолетовый	5	5
	белый	16	15,8
	черный	5	5
	нельзя установить	1	1
Двуслойные с фольгой	желтый + желтый	2	1,9
Итого		101	100

Рис. 2. Украшения курганного могильника Новоселки 2. Фото Д. Ожерельева

a – стеклянные бусы из погр. 1 кург. 1; *б* – стеклянные бусы из погр. 1 кург. 7; *в* – украшения из погр. 2 кург. 10 (1–5 – стеклянные бусы; 6–7 – стеклянные вставки, 8 – плетеный браслет из медного сплава); *г* – стеклянные украшения из погр. кург. 14 (1–7 – бусы; 8–10 – привески); *д* – стеклянные бусы из погр. 2 (женщины с ребенком) кург. 19; *е* – стеклянные бусы из погр. 3 (ребенка) кург. 19

Таблица 6. Результаты оптико-эмиссионного спектрографического анализа стеклянных украшений могильника Новоселки 2.

Шифр лаборатор.	855-18	855-19	855-20	855-21
Предмет	Бусина	Бусина	Бусина	Привеска
Паспорт	Кург. 14, № 120	Кург. 1, погр. 1, № 144	Кург. 1, погр. 1, № 144	Кург. 14, № 120
Цвет	черный непрозр.	желто-зеленый	белый непрозр.	желтый
SiO ₂	осн.	осн.	осн.	осн.
Na ₂ O	1,8	0,1	0,4	0,5
K ₂ O	8,0	1,0	–	10
CaO	0,8	0,6	0,5	2,1
MgO	0,3	0,1	0,1	0,3
Al ₂ O ₃	0,7	0,2	0,1	0,6
Fe ₂ O ₃	2,5	0,2	0,1	0,5
MnO	0,06	–	–	0,05
TiO ₂	0,1	0,03	0,02	0,1
PbO	28	33	35	25
SnO ₂	0,02	0,2	8,4	–
CuO	–	1,3	–	–
CoO	–	–	–	–
Sb ₂ O ₃	–	–	–	–
Ag ₂ O	–	–	–	–
NiO	–	–	–	–

Технологические характеристики

Все бусины могильника изготовлены при помощи навивки, две трети серийно (67 экз.; 66,3%), немногим менее трети – индивидуально (31 экз.; 30,7%), в трех случаях этот показатель не определен (3%). Среди бусин, сделанных серийно, большая часть, что составляет более половины всех бусин могильника (54 экз.; 53,5%), получена из навитых трубочек, сформованных приспособлением в виде решетки. Затем бусы были разделены на одночастные и многочастные при помощи отшибания, и меньшая их часть (17 экз.; 16,8%) отполирована вгорячую. Остальным бусинам, сделанным серийно (13 экз.), форму придали в момент навивки. Отделялись друг от друга бусины также отшибанием и в одном случае резанием. Полирование отмечено для четырех находок.

Из индивидуально навитых бусин пять были дополнительно обработаны с помощью прессования инструментом для получения граненых форм. Еще две бусины были обернуты вгорячую покровным стеклом, вероятно, с уже предварительно наложенной также вгорячую металлической фольгой. Остальные бусины этой группы дополнительной обработке не подвергались.

Декор на бусине получен при помощи накладки по спирали стеклянной нити и обкатки для ее уплотнения.

Характеристики химического состава

Исследование химического состава стекол было проведено для трех бусин (курган 1–2 экз.; курган 14 – 1 экз.; табл. 6)². Стекло одной бусины сварено по рецепту K₂O-PbO-SiO₂ (ан. 855–18). Судя по содержанию окисей калия (C = 81,6) и кальция (0,8%) и соотношению щелочных компонентов (K/Na = 4,4), для варки стекла был использован поташ из калиевой золы с примесью окиси натрия. В качестве красителя была применена окись железа, в результате чего стекло окрасилось в темный, практически черный цвет. При этом стекло, визуально воспринимаемое как непрозрачное, не имеет глушителя.

Стекло двух бусин относится к классу PbO-SiO₂ (ан. 855–19, 20). Одна из них имеет небольшую примесь окиси калия (1%; ан. 855–19). В этом же случае была использована окись меди как краситель желто-зеленого цвета, во втором случае при отсутствии красителя была применена окись олова как глушитель для получения непрозрачного стекла белого цвета (ан. 855–20).

² Оптико-эмиссионные спектрографические анализы выполнены в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург) аналитиком А. Н. Егорьевым.

Вставки (2 экз.; рис. 2, в: 6, 7)

Вставки из стекла украшали концы плетеного браслета из медного сплава, надетого на левую руку погребенной (погребение 2 кургана 10). Они имеют плоско-выпуклую треугольную форму. Ширина вставок 1 и 1,05 см, толщина – 0,4 и 0,35 см, длина – 1,5 и 1,65 см. Изготовлены они из желто-зеленого прозрачного стекла при помощи литья в форму. Предположительно по их внешней поверхности эмалью нанесена роспись в виде нескольких линий бледного желто-зеленого цвета.

Привески (3 экз.; рис. 2, г: 8–10)

Все три находились в одном погребении кургана 14. Одна привеска плоская круглая, две другие – плоские кольцевидные. К тулову привесок прикреплено округлое ушко цилиндрической формы. Диаметр тулова от 1,6 до 1,8 см, толщина от 0,35 до 0,5 см. Диаметр ушка от 0,6 до 0,7 см, длина 0,55 см.

Привески изготовлены из бледно-желтого стекла, а по их краю с небольшим заходом на тулово проложена металлическая, на вид золотая, фольга, закрытая покровным слоем такого же бледно-желтого стекла. Мы предполагаем, что привески были изготовлены из бус с металлической фольгой. Бусину прессовали на плоскости поперек канала, что позволяло придать будущей привеске круглую форму. В результате металлическая прокладка, находившаяся в центральной части тулова бусины, оказывалась на краях привески, а канал превращался в отверстие в центре привески. Заключительной операцией было приваривание к тулову ушка, которое изготавливалось навивкой, как обычная бусина³.

Анализ химического состава стекла одной из привесок показал, что изготовлена она из калиево-свинцово-кремнеземного стекла (табл. 6, ан. 855–21) без добавки красителя. Стекло было сварено на поташе, полученном из золы растений умеренной зоны. Судя по содержанию окиси калия ($C = 95,2$) и соотношению щелочных компонентов ($K/Na = 20$), для варки стекла было использовано чистое калиевое сырье. Ни серебра, ни золота анализ не обнаружил, видимо, фольга не попала в пробу. Цвет, характер и сохранность стекла, использованного и для тулова, и для ушка, позволяют говорить об идентичности составов.

Рассмотрим наборы бусин и других предметов из стекла по комплексам.

Из женского погребения I кургана I происходит 58 бусин. Из них три из фиолетового прозрачного стекла древнерусского производства: две «зонные» и одна эллипсоидная усеченная дважды (рис. 2, а: 54–56). «Зонные» бусы из фиолетового стекла встречаются у вятичей в комплексах XII в., в других памятниках – XII в. и моложе. Новгородские аналогии датируют эти бусы XII – серединой XIII в. (Щапова, 1956. С. 167, 169). В могильниках и поселениях на Кубенском озере «зонные» бусы из фиолетового стекла встречены в комплексах XII–XIII вв. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 89). Основную же массу бусин в погребении (55 экз.) составляют бусы кольцевидной формы, из которых 38 из яркого желто-зеленого прозрачного стекла (большая часть одночастные, четыре двухчастные и одна трехчастная) (рис. 2, а: 1–36), 16 одночастных из белого непрозрачного стекла (рис. 2, а: 38–53) и одна бусина такой же формы из стекла неустановленного цвета (рис. 2, а: 37). Желто-зеленые и белые бусины выполнены из бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, причем желто-зеленое стекло имеет небольшую примесь окиси калия (1%). Такая уже отмечавшаяся нами особенность стеклянных украшений из различных памятников древнерусского времени позволяет предполагать их производство в древнерусском центре, одновременно производившем и бесщелочное свинцовое, и калиево-свинцовое стекло (Столярова, 2016. С. 124; Столярова, Журухина, 2014. С. 198; Столярова, Миненко, 2014. С. 339). Кольцевидные желто-зеленые бусины известны из погребений середины XI – XIII в. могильника Монино II, комплексов XII–XIII вв. селища Монино VI (Захаров, Кузина, 2008. С. 187, 189. Табл. 86, 87. Тип 85), Лаишевского селища (Столярова, 2005. С. 54–55). Такие же бусины из комплекса первой половины XIII в. селища Новиково I показали аналогичный состав (Столярова, 2012. С. 273). Бусины из белого глухого стекла кольцевидной формы довольно редки: известны две такие же из погребения второй половины XI – первой четверти XII в. могильника Монино II (Захаров, Кузина, 2008. С. 187. Табл. 86. Тип 84) и одна «зонная» из Лаишевского селища (Столярова, 2005. С. 60).

³ Подробнее о технологии изготовления привесок см. Столярова, 2017. С. 46–54.

В целом такой набор бус можно датировать второй половиной XII – первой половиной XIII в. Анализ остального инвентаря и планиграфии могильника, проведенный авторами раскопок, позволил отнести время сооружения этого кургана к первой половине – середине XIII в., а почвенные исследования дали возможность сузить датировку до первой половины XIII в. (Зоц, Гольева, 2016. С. 129, 136. Табл. 1).

В женском погребении 1 кургана 7 обнаружены две крупные «зонные» бусины из бледно-желтого прозрачного стекла древнерусского происхождения (рис. 2, б). Подобные бусины встречаются в Новгороде начиная с 70–80-х годов XI в. Временем их наибольшего распространения является XII – 30-е годы XIII в., однако отдельные экземпляры доживают до конца XIII – начала XIV в. (Щапова, 1956. С. 165–166; Захаров, 2004. С. 54). В подмосковном Мякининском могильнике такие бусы происходят из нескольких погребений, укладываемых в период с середины до последней четверти XII в. (Столярова, 2008. С. 56, 58–59; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 32, 38, 55, 57), на Белозерье подобные бусы найдены в погребении XII в. могильника Минино II и в комплексе середины XII–XIII в. селища Минино VI (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 92). Было замечено, что шаровидная форма и бледно-желтое, почти бесцветное стекло этих бус позволяют рассматривать их как подражание горнохрустальным бусинам (Полубояринова, 1988. С. 159).

Анализ стратиграфии кургана, планиграфии могильника и почвенные исследования позволил авторам раскопок отнести данный курган к первой половине – середине XIII в.

В женском погребении 2 кургана 10 было найдено пять бусин и две вставки. Все бусины «зонные». Четыре изготовлены из бледно-желтого прозрачного стекла (рис. 2, в: 2–5) (такие же, как в рассмотренном выше погребении, но меньшего размера), одна – из черного непрозрачного стекла (рис. 2, в: 1). Черные «зонные» бусы без декора были довольно распространены на территории Древней Руси в домонгольское время, что позволяет считать их местной продукцией. Например, в могильнике Минино II «зонные» черные бусины присутствуют в погребениях, укладываемых в рамки второй половины XI – первой четверти XII в., а также в одном захоронении второй половины XII–XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–188. Табл. 86. Тип 81). На селище Минино VI такие же бусины обнаружены в комплексе XII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 189.

Табл. 87). Подобные же бусы происходят из погребения Мякининского могильника, набор стеклянных украшений которого (бусы и браслет) относится ко второй половине XII – первой половине XIII в. (Столярова, 2018. С. 65–66), а само погребение – к первой половине XIII в. (Энговатова, Коваль, 2018б. С. 104–105. Табл. 12). Такие же бусины были обнаружены в Заднепровской части Смоленска в комплексе последней четверти XII – первой четверти XIII в. (Столярова, Миненко, 2014. С. 339) и в Московском Кремле около здания Оружейной палаты (Столярова, 2016. С. 227. Цв. вкл.: рис. 14, 4).

Найденному в погребении плетеному браслету с концами, украшенными треугольными вставками из желто-зеленого стекла (рис. 2, в: 6–8), известен аналогичный, но с синими вставками, из погребения курганного могильника XII в. близ д. Салтыковки (Монгайт, 1947. С. 84, 86. Рис. 1, 5). В погребении второй половины XII в. Мякининского могильника найдены вставки также синего цвета, но наложены они на концы витого браслета (Сарачева, 2018. С. 80; Энговатова, Коваль, 2018б. С. 104–105. Табл. 12). Еще одна похожая вставка, но из бирюзового стекла была обнаружена на селище Новиково 1 Становлянского района Липецкой области в комплексе, датированном не позднее XIII в. (Столярова, 2012. С. 274). В целом плетеные браслеты, в том числе и со стеклянными вставками, датируются XI–XII вв. (Сарачева, 2018. С. 80).

Весь набор стеклянных бус этого погребения можно отнести к XII – первой половине XIII в. Авторы раскопок на основании анализа остального инвентаря погребения, планиграфии могильника и почвенных исследований датируют его второй половиной XII – первой половиной XIII в. (Зоц, Гольева, 2016. С. 132, 136. Табл. 1).

В женском погребении кургана 14 было найдено семь стеклянных бусин и три привески. Среди бусин четыре граненые бипирамидальные («рыбовидные»), две из черного, на вид непрозрачного стекла (рис. 2, г: 1–2) и по одной из фиолетового и бирюзового прозрачного (рис. 2, г: 3–4). Анализ химического состава одной из двух черных бусин показал, что она сварена по древнерусскому рецепту из калиево-свинцово-кремнеземного стекла без добавки глушителя. Находки «рыбовидных» бусин есть в могильнике Минино II в погребении XII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187. Табл. 86. Тип 99). Однако полагают, что такие бусины более характерны для второй половины XII – первой трети XIII в. (Арциховский,

1930. С. 140). В частности, в погребениях Мякинского могильника «рыбовидные» бусы обнаружены в комплексах, относящихся к периоду последней четверти XII – начала XIII в. (Столярова, 2008. С. 54, 58; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 36, 57). Также из погребения кургана 14 происходит бусина эллипсоидной усеченной дважды формы из черного непрозрачного стекла, украшенная накладной спиралью белого цвета (рис. 2, г: 5). Ее можно отнести в группу бус с так называемым пластичным декором, датируемых XI – серединой XIV в., но в основной массе встречающихся в XII–XIII вв. (Щапова, 1972. С. 91). К примеру, бусина, аналогичная рассматриваемой, найдена в могильнике Минино II в погребении первой половины XII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 189. Табл. 87. Тип 109). Центры производства бус с «пластичным» декором точно не установлены. В литературе неоднократно отмечалось сходство цветовой гаммы таких бус, их декоративных элементов и химического состава с поливой на керамических изделиях и смальтой, из остатков и отходов которых могли изготавливать бусы (Щапова, 1972. С. 94; Столярова, 2016. С. 152). А изготовление полив и смальт существовало во многих городах Руси, в том числе в Киеве, Смоленске, Владимире, возможно, в Новгороде (Щапова, 1972. С. 188–189; Егорьков, 2000. С. 80, 82). В этом же погребении обнаружены фрагменты еще двух бусин округлой формы (точнее не определяется) из черного непрозрачного (как в предыдущем погребении) и бледно-желтого стекла (рис. 2, г: 6–7). Возможно, фрагмент бусины бледно-желтого цвета был частью «зонной» бусины (как в погребениях курганов 7 и 10).

Найденные в погребении золотостеклянные⁴ привески (рис. 2, г: 8–10), судя по исследованному химическому составу стекла одной из них, изготовлены в традициях древнерусской школы. Они относятся к редкой в древнерусское время категории стеклянных находок. Помимо них нам известно всего 10 таких украшений из нескольких памятников домонгольской Руси. Три из них происходят из могильников: из курганов близ д. Салтыковки Московской области (Монгайт, 1947. С. 84. Рис. 3), курганного могильника у д. Саки Смоленской области (Спицын, 2006. С. 201) и грунтового могильника Ксизово 17 Липецкой области (Столярова, 2017. С. 47. Цв. вкл.: рис. 4). Шесть привесок

найжены в четырех городах: Киеве (Столярова, 2017. С. 48), Старой Ладого (Кирипичников, 2007. Л. 13, 16. Рис. 55: 31), Старой Руссе (3 находки; Доброва, 2008. С. 258–260) и Твери (Столярова, 2017. С. 48); одна – на городище Камно Псковской области (Фехнер, 1959. С. 164). Датируются привески очень широко – от конца XI в. до конца XII – первой трети XIII в.

В целом весь набор стеклянных украшений данного погребения можно датировать второй половиной XII – первой третью XIII в. С учетом остального инвентаря и почвенных исследований авторы раскопок датируют это погребение второй половиной XII – началом XIII в., а анализ планиграфии могильника указывает на более поздний период в этом временном промежутке.

В кургане 19 было вскрыто три погребения, в двух из которых находились стеклянные бусины (29 экз). Семь из них были найдены в центральном погребении 2, где была захоронена женщина с ребенком, 22 бусины – в детском погребении 3.

Рассмотрим бусы из погребения женщины с ребенком. Женщине принадлежало шесть «зонных» бусин, из них пять из бледно-желтого прозрачного стекла (рис. 2, д: 1–3) и одна из бирюзового прозрачного (рис. 2, д: 4). Судя по их цвету и сохранности, они являются продукцией древнерусской (киевской) школы, в которой производили изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Бледно-желтые «зонные» бусины, встреченные также в погребениях курганов 7, 10 и 14, датируются довольно широко (70-е годы XI – начало XIV в.). Бирюзовая «зонная» бусина датируется по находкам в могильнике Минино II и на селище Минино VI серединой XI – XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Типы 86, 88). По новгородской хронологии такие бусы относятся к середине XII – 60-м годам XIII в. (Щапова, 1956. С. 167, 168). Аналогичные бусы происходят из погребений второй половины XII в. Мякинского могильника (Столярова, 2008. С. 56; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 43, 44).

У ребенка была обнаружена только одна бусина (рис. 2, д: 5). Она имеет эллипсоидную усеченную дважды форму, удлинённые пропорции и изготовлена навивкой с прокладкой из металлической фольги. Такие бусы относятся к древнерусскому производству (тип 3) и бытуют в основном с конца XI до середины XII в. (Столярова, 2015. С. 10).

⁴ Поскольку материал фольги привесок нам остался неизвестен, а по внешнему виду она производит впечатление золотой, то условно будем называть их золотостеклянными.

В целом набор бусин погребения женщины с ребенком кургана 19 может быть отнесен к первой половине – середине XII в.

Среди 22 бусин *детского погребения* этого же кургана «зонные» бусины из бледно-желтого стекла (8 экз.; рис. 2, е: 1–4) (такие же бусы обнаружены в погребении женщины с ребенком этого же кургана и в погребениях курганов 7, 10, 14); пять бусин такой же формы из синего и одна из фиолетового прозрачного стекла (рис. 2, е: 10–15) (такие же фиолетовые бусины происходят из погребения 1 кургана 1); фрагменты округлых биконических (битрапедионных) (?) бусин из бирюзового стекла (рис. 2, е: 5–7); фрагмент граненой бипирамидальной («рыбовидной») (?) бусины из бирюзового прозрачного стекла (рис. 2, е: 8) (как в погребении кургана 14); навитая бусина с металлической фольгой (тип 3) эллипсоидной усеченной дважды формы (рис. 2, е: 9) (аналогичная бусине из погребения женщины с ребенком, только менее длинная). Цвет стекла, его прозрачность и сохранность (наличие кракелюра) позволяют отнести все перечисленные бусы к древнерусскому, возможно, киевскому стекольному производству. «Зонные» бусы из синего стекла встречаются у вятичей в комплексах XII в., в других памятниках – XII в. и моложе. Новгородские аналогии датируют эти бусы XII – серединой XIII в. (Щапова, 1956. С. 167, 169). В могильниках и поселениях на Кубенском озере «зонные» бусы из синего стекла встречаются в комплексах середины XI – XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 86). Аналогичные бусы происходят из захоронения последней четверти XII в. Мякининского могильника (Столярова, 2008. С. 56; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 43). Наиболее ранняя находка биконических бусин из бирюзового стекла сделана в могильнике Монино II в погребении третьей четверти XI в. На селищах Монино I и VI эти бусы присутствуют в комплексах XI и XII вв. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 73). Такая же бусина найдена в захоронении последней четверти XII в. Мякининского могильника (Столярова, 2008. С. 56; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 43). По Новгороду такие бусы датируются XII – 40-ми годами XIII в. (Щапова, 1956. С. 169–170). Ю. М. Лесман увеличивает период бытования этих бус в Новгороде до 80-х годов XIII в. (1984. Табл. 1).

Набор бусин детского погребения кургана 19 можно датировать серединой – второй половиной (?) XII в. Анализ остального инвентаря, планиграфии могильника, проведенный авторами раско-

пок, и почвенные исследования позволили сузить дату и датировать курган серединой XII в.

Таким образом, самыми популярными и одними из самых многочисленных являются «зонные» бусины из бледно-желтого стекла. Они встречаются в пяти из шести погребений со стеклянными находками (курганы 7, 10, 14 и оба погребения кургана 19) и занимают хронологический период от середины XII до середины XIII в. «Зонные» и эллипсоидные бусины из фиолетового прозрачного стекла, «рыбовидные» из бирюзового прозрачного относятся практически к тому же времени, хотя найдены всего лишь в трех погребениях (курганы 1, 14, 19). В отличие от них навитые бусины с металлической фольгой (тип 3) присутствуют только в погребениях кургана 19, одного из самых ранних в могильнике, датированного серединой XII в. К этому же времени относятся «зонные» из синего прозрачного стекла и «зонные» и биконические из бирюзового прозрачного. «Рыбовидные» из фиолетового прозрачного, «рыбовидные», «зонные», эллипсоидные с пластичным декором из черного непрозрачного стекла происходят из двух погребений (курганы 10 и 14), относимых ко второй половине XII – началу/первой половине XIII в. Наиболее многочисленные в могильнике кольцевидные бусины из яркого желто-зеленого прозрачного и белого непрозрачного стекла есть только в одном погребении (курган 1), являющемся одним из наиболее поздних и относящимся к первой половине XIII в. (табл. 7).

Рассмотрим стеклянные украшения могильника Новоселки 2 с позиций составления наборов бусин в погребениях. Исследователи различают три принципа составления набора бус в погребении: образцовый, основной и сборный (Andrae, 1975. Р. 103, 104). Образцовый набор составлял сам изготовитель или торговец, связанный с ним. В такую комбинацию входят бусины синхронные и одинаковые по происхождению. Бусины, отнесенные к образцовому набору, происходят из одной мастерской одного производственного центра. Поэтому, по мнению Андре, такая комбинация бытует не более четверти века, что соответствует максимальному периоду работы одного мастера.

Сборную комбинацию создает сам потребитель из разных бусин, оказавшихся у него в определенный момент. Поэтому такой набор включает бусины разные по происхождению, из разных центров и разные по времени. Датировается он по младшей бусине.

Основная комбинация занимает промежуточное положение. По сути – это образцовая комбинация, дополненная другими видами бусин. Таковую комбинацию создает торговец, связанный

Таблица 7. Распределение типов бусин по погребениям.

Бусы		Комплекс						
Форма	Цвет, декор, прокладка, прозрачность	К. 19, погр. женщины с ребенком	К. 19, детское погр.	К. 14	К. 10, погр. 2	К. 7, погр. 1	К. 1, погр. 1	Кол-во
«Зонная»	бледно-желтое прозр.	+	+	+	+	+		20
Эллипсоидная	с металлической фольгой (тип 3)	+	+					2
«Зонная»	бирюзовое прозр.	+						1
	синее прозр.		+					5
Биконическая	бирюзовое прозр.		+					6
«Зонная»/эллипсоидная	фиолетовое прозр.		+				+	4
«Рыбовидная»	бирюзовое прозр.		+	+				2
	фиолетовое прозр.			+				1
	черное непрозр.			+				2
«Зонная»	черное непрозр.			+	+			2
Эллипсоидная	черное непрозр. с т.н. пластичным декором			+				1
Кольцевидная	яркое желто-зеленое прозр.						+	38
	белое непрозр.						+	17
Датировка		сер. XII в.	сер. XII в.	2-я пол. XII – нач. XIII в.	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.	1-я пол. – сер. XIII в.	1-я пол. XIII в.	101

с производителем. Туда входят бусины из одного производственного центра, но из разных мастерских. Датировается она также по младшей бусине.

Из шести исследованных наборов могильника Новоселки 2 три представляют сборные комбинации (бусины из погребений курганов 1, 10 и 14), два – основные (бусины из погребений кургана 19) и один – образцовую (из погребения кургана 7) (табл. 8).

Единственная образцовая комбинация небольшая по количеству бусин: в погребении найдено две «зонные» бусины из бледно-желтого прозрачного стекла диаметром 1,45–1,5 см. Набор составлен из бусин одного типа. Бусины этой комбинации были куплены у торговца, привезшего украшения, скорее всего, одновременно. Видимо, этот набор происходит из одной мастерской одного производственного центра, предположительно киевского.

В отличие от образцовых комбинаций сборные могут быть разными по количеству составляющих их бусин. Например, сборные комбинации погребений в курганах 10 и 14 включают пять и семь бу-

син соответственно, а в кургане 1–58 экз. Бусины сборных комбинаций производили в мастерских разных стекольных центров, в том числе Киева, где работали с калиево-свинцово-кремнеземным стеклом; других городов, возможно, Новгорода, Смоленска и Полоцка, где варили прозрачное бесщелочное свинцово-кремнеземное стекло, и тех, где из непрозрачного свинцово-кремнеземного стекла изготавливали глазурные покрытия, смальту и украшения. Комбинации из бусин разных центров, а следовательно, и типов составлял сам потребитель по разным принципам.

Так же, как и сборные комбинации, основные могут быть разными по количеству составляющих их бусин. Например, комбинация из погребения женщины с ребенком кургана 19 содержит всего семь бусин, а детское погребение из того же кургана – 22. Оба набора представляют бусины одного древнерусского центра, по-видимому, киевского, однако в отличие от образцовых комбинаций здесь присутствуют бусы разных типов: «зонные» разных цветов, биконические, «рыбовидные», бусы

Таблица 8. Характеристика комбинаций стеклянных бусин.

Комплекс	Происхождение			Комбинация	Общее кол-во		
	Древняя Русь (K ₂ O-PbO-SiO ₂)	Древняя Русь (PbO-SiO ₂)	Мастерские по изготовл. глазурей и смальт (PbO-SiO ₂)		Бусины	Привески	Вставки
Погр. женщины с ребенком, кург. 19	+	–	–	Основная	7	–	–
Погр. ребенка, кург. 19	+	–	–	Основная	22	–	–
Кург. 14	+	–	+	Сборная	7	3	–
Погр. 2, кург. 10	+	–	+	Сборная	5	–	2
Погр. 1, кург. 1	+	+	+	Сборная	58	–	–
Погр. 1, кург. 7	+	–	–	Образцовая	2	–	–

с металлической фольгой. Поскольку такую комбинацию создает сам торговец, то куплены эти наборы были, скорее всего, одновременно.

Таким образом, основываясь на подробном изучении стеклянных украшений из курганного могильника Новоселки 2, можно решить некоторые вопросы их хронологии и происхождения. Все обнаруженные в могильнике стеклянные украшения можно отнести к продукции древнерусского стеклоделия. В целом они укладываются в рамки

первой половины/середины XII – первой половины XIII в. Однако анализ остального инвентаря рассмотренных погребений, стратиграфии курганов и планиграфии могильника, проведенный авторами раскопок, а также почвенные исследования позволили датировать их начиная с середины XII до середины XIII в. Сравнение с Мякининским курганным могильником показывает, что начало формирования рассматриваемого могильника приходится на более поздний период.

Литература

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.

Доброва О. П., 2008. Стеклянные изделия Георгиевского I раскопа в Старой Руссе // АИППЗ. Матер. 53 засед. (10–13 апреля 2007 г.). Псков: ИА РАН. С. 252–263.

Егорьков А. Н., 2000. Химический состав древнерусской плиточной поливы // РА. № 4. С. 77–85.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индик. 392 с.

Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. М.: Наука. С. 142–215.

Зоц Е. П., Гольева А. А., 2016. Реконструкция развития могильника Новоселки 2 по археологическим материалам и данным исследования погребенных почв // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 129–137.

Киртичников А. Н., 2007. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в пос. Старая Ладога Волховского района Ле-

нинградской области в 2007 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 47321.

Коваль В. Ю., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки 2 в Химкинском районе Московской области в 2008 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 43012–43014.

Лесман Ю. М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л. С. 118–153.

Монгайт А. Л., 1947. Салтыковские курганы // МИА. № 7. С. 82–87.

Полубояринова М. Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 151–219.

Сарачева Т. Г., 2018. Металлические украшения // Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмоскowie. М.: ИА РАН. С. 76–90. (Матер. спасательных археологических исследований. Вып. 21).

Спицын А. А., 1906. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 году И. С. Абрамовым в Смоленской губернии // ЗОРСА. Т. 8. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. С. 185–211.

Столярова Е. К., 2005. Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа. С. 43–66.

Столярова Е. К., 2008. Стекланные бусы Мякининской курганной группы // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 47–61.

Столярова Е. К., 2012. Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1 // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 272–277.

Столярова Е. К., 2015. Золотостекланные и серебростекланные бусы Древней Руси: технология и хронология // ТТЗ. Вып. 8. Тверь: Старый город. С. 7–14.

Столярова Е. К., 2016. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV века. М.: РГГУ. 692 с.

Столярова Е. К., 2017. О редких стекланных украшениях Древней Руси (золотостекланные привески домонгольского времени) // ТТЗ. Вып. 10. Тверь: ИА РАН; ТНИИР-центр. С. 46–54.

Столярова Е. К., 2018. Предметы из стекла // Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. М.: ИА РАН. С. 60–75. (Матер. спасательных археологических исследований. Вып. 21).

Столярова Е. К., Журухина Е. Ю., 2014. Находка стекланный слитка из Киева // КСИА. Вып. 232. С. 195–202.

Столярова Е. К., Миненко В. В., 2014. Стекланные изделия из правобережной части Смоленска: происхождение и хронология // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. 3. Казань. С. 336–340.

Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 149–224. (Тр. ГИМ. Вып. 33).

Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. С. 164–179.

Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2018а. Описание курганов, исследованных в 2004–2006 годах // Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. М.: ИА РАН. С. 27–59. (Матер. спасательных археологических исследований. Вып. 21).

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2018б. Результаты анализа полученных данных // Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. М.: ИА РАН. С. 99–116. (Матер. спасательных археологических исследований. Вып. 21).

Andrae R., 1975. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingischer Millefioriglasperlen in Europa // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 4 (1973). Berlin: Bruno Hessling. S. 101–198.

Callmer J., 1977. Trade beads and beads trade in Scandinavia ca 800–1000 AD. Bonn; Lund: Habelt. 229 p. (Acta Archaeologia Lundensia. Ser. in 4°. Nr. 11).

E. K. Stolyarova

Glassware items from the earthwork cemetery of Novoselki-2 (Moscow County Region)

Summary

This article researches glassware items (beads, pendants, and inserts) found in the course of excavations at the Novoselki-2 earthworks barrow burial site, in Moscow County Region. The primary kinds of jewellery; their origins and dating; and the dating of jew-

ellery sets according to burial complex are set out. All the glass finds found at burials can be attributed to production methods of Old Russian glassmaking. Overall, these fit into the the framework of the first half middle of the 12th century, and first half of the 13th century.

Археология удельного и раннемосковского периодов

А. В. Энговатова

Институт археологии РАН, Москва

Исследования некрополей Дмитровского городища: новые подходы

Благодаря раскопкам Подмосковной экспедиции отдела охранных раскопок (ныне отдела сохранения археологического наследия) Института археологии РАН 2000-х годов на территории Дмитровского городища (рис. 1) удалось локализовать три крупных средневековых некрополя (Энговатова, 2005). Исторические данные как о самих некрополях, так и об их точном местоположении и времени бытования были утрачены. Не сохранились и какие-либо внешние признаки кладбищ – надгробные плиты и пр. Совершенные по христианскому обряду захоронения располагались очень плотно, имели разную глубину от современной дневной поверхности, прорезали друг друга. Перед исследователями встала задача определить точную хронологию каждого из трех участков, где были выявлены захоронения, выделить этапы заполнения этих городских погостов, по возможности определить их привязку к храмам.

Классические археологические исследования городских средневековых некрополей ведутся на территории России с XIX в. Особенно широко такие кладбища изучались в Москве в течение 1990-х годов. В результате этих исследований были разработаны традиционные археологические методы изучения исторических некрополей (Беляев, 2011). Вопросы хронологии решались на основании анализа характерных деталей погребального обряда (Беляев, 1994), находок в погребениях (Панова, 2004; Новиков, Хухарев, 1999; Энговатова и др., 2001), типов могильных плит и надписей на них (Беляев, 1996; Новиков, 1999).

Особенностью христианских некрополей является частое отсутствие погребального инвентаря. Большинство погребений не содержат каких-либо вещей, позволяющих датировать их более узко, а также говорящих о социальных отличиях погребенных.

Редко на городских некрополях сохраняются и надгробные плиты, причем в основном в перемещенном состоянии, без привязки к конкретному захоронению. Изучение таких некрополей традиционными методами иногда дает археологам возможность определить общий период их функционирования лишь в широких хронологических рамках, а также размеры в целом, без возможности анализа изменения территории погостов в разные периоды. Антропологические исследования, если они проводятся, часто ограничиваются половозрастными определениями. Все это не дает представления о многих аспектах жизни средневекового города.

Новые подходы к изучению полученных традиционными методами археологических исследований материалов средневековых городских некрополей позволяют существенно расширить данные о жизни населения в разные периоды формирования кладбища, составить «портрет» города.

Расширить традиционный подход к изучению некрополей призваны комплексные археологические исследования с использованием естественнонаучных методов. Они позволяют получить данные о социальных различиях, быте и качестве жизни горожан в целом в разные хронологические этапы, выделить благоприятные и не очень экономически и социально периоды в истории города. Новые подходы помогают получить дополнительные данные о людях, захороненных в «аскетичных» христианских традициях, чьи погребения не несут часто никаких данных об их социальной принадлежности.

Естественнонаучные методы помогают прежде всего получить индивидуальные характеристики погребенных. Анализ же больших коллекций и серий помогает выявить общие черты и выявить

Рис. 1. «План города Дмитрова с поселенными при нем слободами». РГАДА, кон. XVIII в. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2458

особенности жизни всего городского населения в определенные периоды. Исследователи получают дополнительную информацию, недоступную для «молчаливых» православных городских кладбищ с утраченными надгробными плитами.

Так, содержание изотопов в костях погребенных дает информацию о составе питания каждого индивида (что говорит в том числе о его социальном статусе) и горожан в целом, а также позволяет выявить пришедшую извне часть населения. Палеоантропологическими методами выделяются маркеры, характеризующие хронические заболевания людей, причины их смерти, периоды недоедания, гендерные различия в качестве жизни в разном возрасте. AMS-датирование по углероду позволяет проанализировать образцы, полученные из небольших фрагментов костей человека и определить точное время его смерти, в отличие от датирования древесины гроба, когда мы получаем лишь дату рубки дерева, а не совершенного захоронения.

Сопоставление полученных комплексными методами результатов с содержащимися в исторических источниках данными позволяет выделить периоды упадка и расцвета города, более подробно изучить демографию населения и ее зависимость от исторических обстоятельств, т. е. выяснить, как жизнь города влияла на формирование некрополя. Широкий анализ источников дает начальную информацию также о местах формирования некрополей, причинах изменения их топографии.

Исследованные ИА РАН на Дмитровском городище три некрополя, два из которых образовались еще в домонгольский период (Энгватова, 2005), располагались в южной и восточной частях Дмитровского городища, на возвышенной местности, наиболее удобной для освоения (рис. 2; 3).

Археологические исследования памятника были начаты еще в первой половине прошлого века. В 1930–1931 гг. рекогносцировочное обследование территории выполнено О. Н. Бадером, а первые раскопки городища – в 1933–1934 гг. отрядом экспедиции под руководством Н. П. Милонова и К. М. Скалон (рис. 4). Во всех шурфах и траншеях был выявлен культурный слой, датированный исследователями от XI до XIX в. Обнаружены также следы усадебной застройки, датированные Н. П. Милоновым XII в. Им же в 1934 г. исследовался участок близ северо-восточного угла Успенского собора, но в публикации сведения о находившихся здесь погребениях отсутствуют.

Впоследствии визуальное обследование городища производилось Р. Л. Розенфельдом при

паспортизации памятника в 1986 г. В 1992 г. под руководством И. А. Бойцова вскрыта площадь 56 кв. м внутри главного корпуса Присутственных мест. Небольшие по площади разведочные работы в юго-западной части городища проводились в 1997 г. сотрудниками музея-заповедника «Дмитровский кремль». Каких-либо упоминаний о найденных на территории городища погребениях в материалах этих исследований не содержится.

Древнейший из выявленных раскопками ИА РАН некрополей, находившийся у стен Успенского собора (рис. 5), бытовал, судя по находкам, с середины XII до второй половины XVIII в. и был уничтожен после сенатского указа 1771 г. Погребения распространялись к югу, востоку, юго-западу от существующего здания (рис. 6).

Факт выявления погребений XII–XIII вв. на участке у стен Успенского собора косвенно подтверждает наличие на площадке, занятой сейчас собором, храма этого периода. Местоположение сменявших друг друга деревянных церквей в пределах участка с течением времени могло изменяться, равно как и направление продольной оси, что подтверждается ориентировкой разновременных могил, о чем сказано ниже.

Другой некрополь XII–XVI вв. прослежен у западной границы крепостного вала, на участке здания Градского общества (вторая половина XIX в.), а также к северу и востоку от него (рис. 5). В центре кладбища выявлен не занятый погребениями участок, на котором, возможно, находилась деревянная церковь (рис. 6).

Следы третьего некрополя выявлены к северу – северо-востоку от главного корпуса Присутственных мест (рис. 5; 6). Локализована лишь его небольшая часть, так как основное кладбище уничтожено при возведении здания в 1808–1811 гг. Предварительная датировка некрополя – XVI–XVII вв.

Задачами исследований экспедиции являлись определение периода бытования средневековых дмитровских некрополей и выделение этапов их функционирования; выяснение места этих некрополей в структуре застройки городища в разные периоды их бытования и выделение планиграфических групп погребений. Проведение комплексных антропологических исследований в ходе работ позволило существенно продвинуться в решении части этих вопросов (Энгватова, Гончарова, 2002; Энгватова, 2005).

Все участки кладбищ в результате строительной деятельности XIX в. сохранились со значительными утратами верхних слоев, что не дает возможности проследить отметки верха могильных

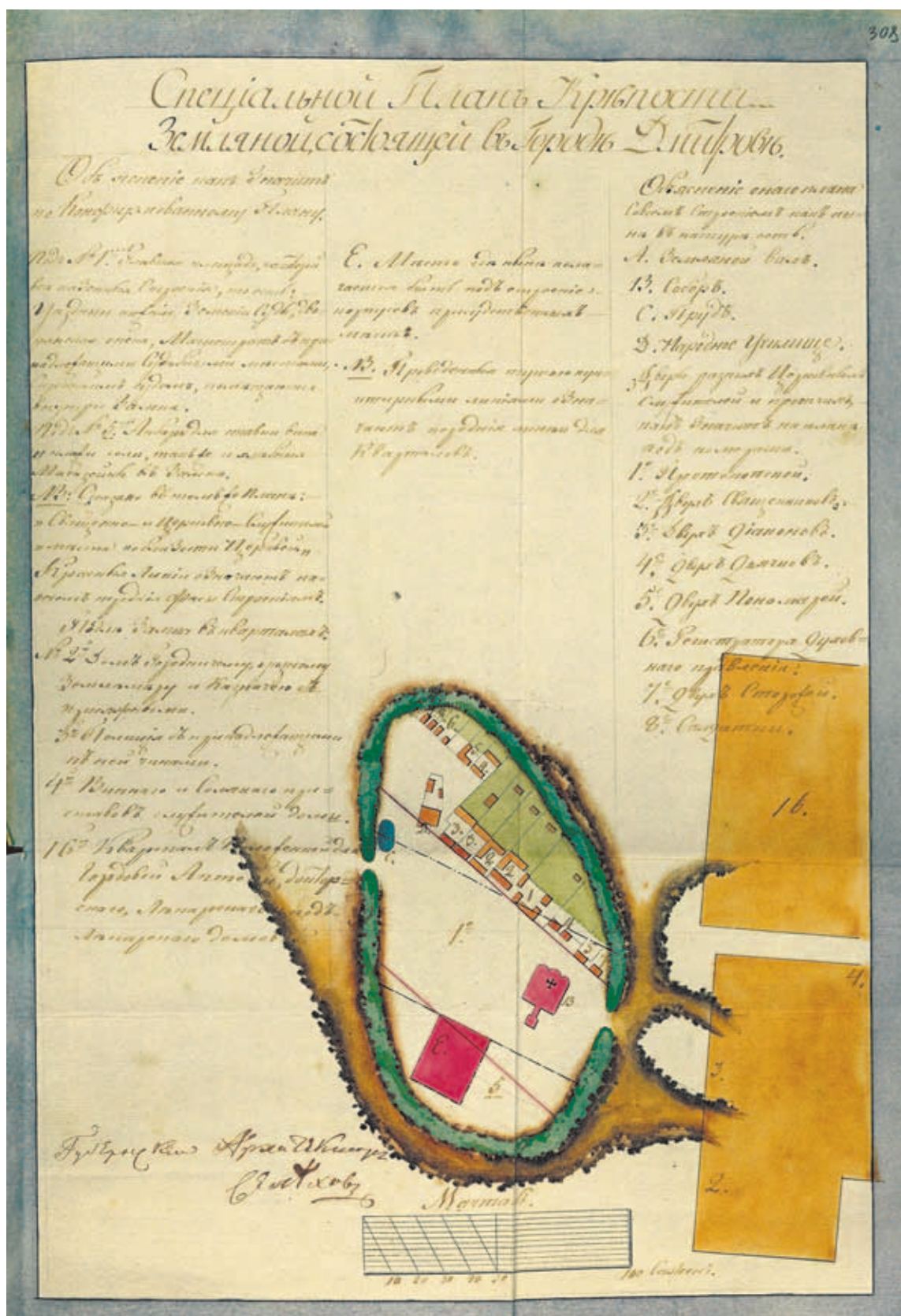

Рис. 2. «Специальный план крепости земляной, состоящей в городе Дмитрове», 1808 г.
ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 2. Д. 4122. Л. 308

Рис. 3. «План крепости в Дмитрове (по описанию 1647 г.)», составленный М.Н. Тихомировым (1925)

Рис. 4. Археологические исследования 1934 г. Траншея на Соборной площади. Фотоархив МЗДК

Рис. 5. Некрополи на Дмитровском городище, исследованные в 2001–2011 гг.
а – предполагаемое расположение церкви

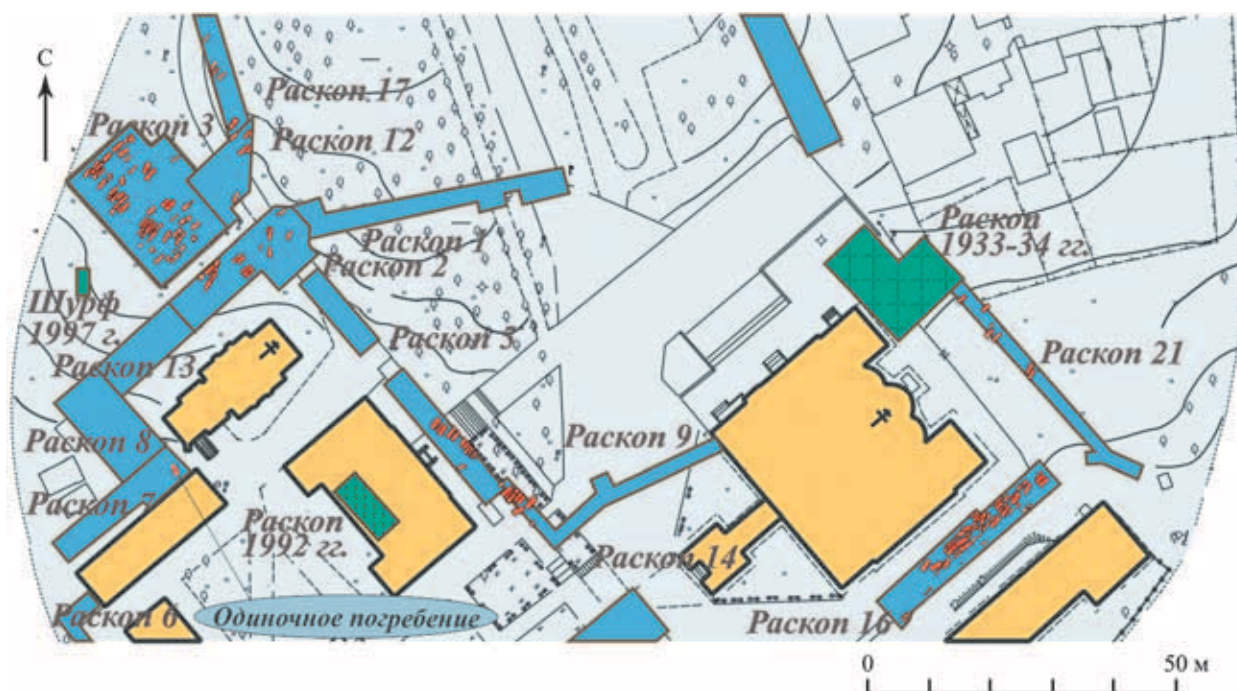

Рис. 6. Сводная схема расположения погребений

ям. Не сохранилось ни одной надмогильной плиты, которые, несомненно, сопровождали погребения XV–XVII вв. Установить время, этапы существования и использования некрополей возможно лишь по типологии погребальных сооружений, характерным особенностям и формам могильных ям, их ориентировке. При отсутствии письменных источников археологические наблюдения являются, по сути, единственной базой для общих выводов.

Сохранившиеся с утратами памятники могут быть информативными, если применяются планиграфический и стратиграфический анализы, позволяющие характеризовать погребальный обряд, выявить его определенные особенности, как, например, наличие участков семейных погребений, ряды захоронений и т. п.

На примере анализа дмитровских некрополей мы попытались расширить традиционные методы распределения единого массива погребений городских некрополей путем детализации – тщательного исследования характеристик отдельных захоронений. Совершенные по христианской традиции безынвентарные погребения долгое время воспринимались археологами единым массивом и часто датировались в широких рамках XII–XVII вв. Испробовав разные варианты более точного и подробного датирования, исходя из археологических материалов, например, датировку по керамике в засыпке погребений или по типологии могильных

ям и гробов, мы в ряде случаев получили дополнительные хронологические маркеры, которые могут быть использованы для разбивки по периодам подобных городских и сельских христианских некрополей.

Интересные результаты дала попытка разделить некрополь на периоды, полагаясь на ориентировку могильных ям. В археологической литературе существует предположение о том, что, возможно, разница в ориентировке погребений в долго существующем некрополе может быть связана с изменением ориентировки деревянного храма во время его перестроек. Для анализа всего массива из более 200 погребений мы провели кропотливую работу, сначала разделив все ориентировки могил с максимальной подробностью и потом вычленив основные направления. Получившаяся картина позволила в одном случае выделить четкую хронологическую группу, совпадающую по своей ориентировке и хронологии с периодом строительства существующего каменного Успенского собора. По ориентировке выявлено еще несколько хронологически различных групп погребений. Но достоверно проверить, связано ли это изменение в ориентировке с перестройкой зданий церковью, на дмитровских материалах невозможно.

Представляется, что наиболее надежным в настоящий момент методом для хронологической идентификации слоев средневековых дмитров-

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования костей погребенных из некрополей I и II Дмитровского кремля.

№ п/п	Некрополь	Раскоп	№ погр.	Лаб. №	¹⁴ C age, years BP	±
1	I	2	45	UGAMS-36031	413	20
2	I	3	536	UGAMS-36032	407	20
3	I	3	55	UGAMS-36033	612	20
4	I	3	82	UGAMS-36034	371	20
5	II	5	3	UGAMS-36035	414	20

ских некрополей могут служить датировка радиоуглеродным методом каждого погребения или хотя бы датировка этапов, выделенных другими (археологическими) методами. Совершенствование системы датирования и калибровки данных делает работающим и интересным для археологов радиоуглеродное датирование для средневековых объектов. В связи с массовым внедрением в археологию еще более прогрессивного метода AMS-датирования и более качественной системы пробо-подготовки при отборе образцов точность полученных датировок приблизилась к 10–15 годам, что в ряде случаев даже более точно, чем датировка типологическим методом по погребальному инвентарю. Внедрение в будущем этого метода в обычную практику позволит более объективно разделить группы безынвентарных погребений. При этом наиболее объективный результат о времени погребения дает радиоуглеродное датирование именно по образцам костных останков, а не фрагментов древесины гроба, поскольку калиброванные даты образцов костей погребенного (погребенных) и образцов дерева могут обнаруживать значительную разницу в датировке – так называемый эффект «старого дерева», когда дерево, из которого изготовлен гроб, имеет более раннюю дату, чем непосредственно момент смерти и погребения человека.

При определении датировок погребений дмитровских некрополей из общего объема обнаруженных комплексов (всего на трех некрополях обнаружено 248 комплексов, содержащих останки 310 индивидуумов) для радиоуглеродного датирования было отобрано пять образцов костных останков: четыре образца из захоронений некрополя I и один образец – из некрополя II (табл. 1). AMS-датирование проведено в лаборатории Университета Джорджии, США (*Center for Applied Isotope Studies University of Georgia*), под руководством А. Е. Черкинского (рис. 7).

Активное применение естественнонаучных методов в процессе археологического исследова-

ния некрополей Дмитровского городища не только позволяет более объективно и аргументированно датировать погребения, но и дает возможность сделать выводы о наличии международных торговых связей Руси XII–XIII вв.

Таким своеобразным экономическим маркером являются находки фрагментов одежды из шелковых и золотных нитей в пяти погребениях некрополей I и III, датированных XII–XIII вв. Анализ показал, что во всех случаях представлены изделия из шелковых нитей. Погребенные в этих захоронениях имели, видимо, социальное положение выше среднего уровня. Золотое шитье служило своеобразным знаком принадлежности к высшему сословию. Наличие подобных находок подтверждает престижный характер захоронений дмитровских некрополей (Энговатова и др., 2005; Орфинская, Энговатова, Голиков, 2010).

Некрополи Дмитровского городища являются важной составляющей группы средневековых кладбищ, раскопанных в последние десятилетия большой площадью на территории центральной части России. Полученный антропологический материал дал возможность провести дополнительные исследования, в том числе не так широко применяющийся в отечественной археологии анализ изотопного состава костей человека.

Изотопный анализ, ориентированный на определение соотношения стабильных изотопов, прежде всего углерода и азота (¹³C/¹²C и ¹⁴N/¹⁵N [далее – δ C¹³ и δ N¹⁵]) в коллагене костной ткани человека и животных, является наиболее надежным в настоящее время инструментом построения палеодиетологических реконструкций (выявления главных источников пищи в рационе людей и животных).

Изучение питания жителей средневековых городов – важнейшая и актуальная задача исторической науки, для доказательного решения которой необходимо применение современных методов естественных наук. Она связана с такими областями гуманитарного знания, как история,

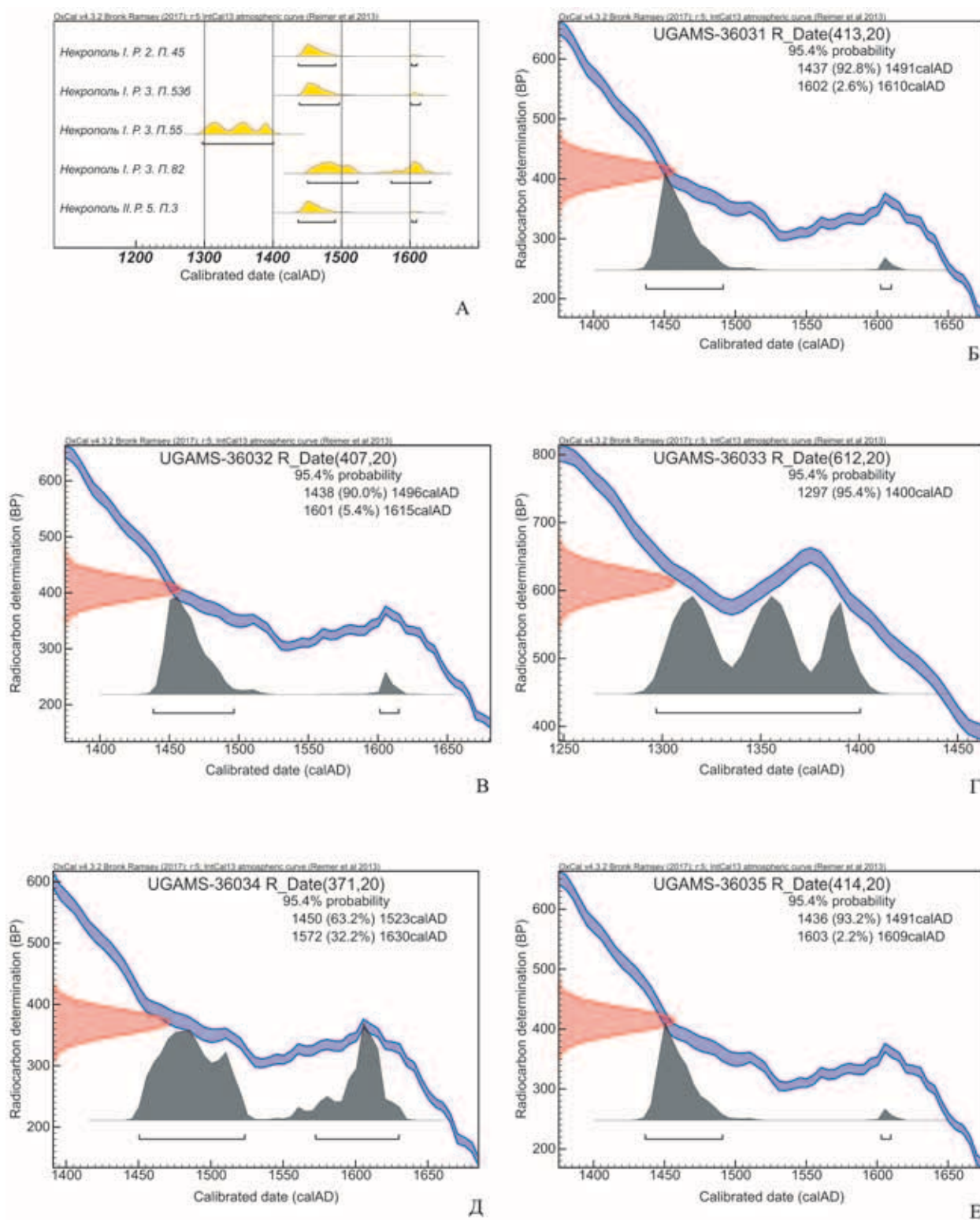

Рис. 7. Результаты радиоуглеродного датирования костей погребенных из некрополей I и II Дмитровского кремля

А – сводная таблица; Б – некрополь I, р. 2, погр. 45; В – некрополь I, р. 3, погр. 536; Г – некрополь I, р. 3, погр. 55; Д – некрополь I, р. 3, погр. 82; Е – некрополь II, р. 5, погр. 3

социология, демография, история экономического развития. Современная археология, как наука, находящаяся на стыке гуманитарных и естественных дисциплин, является единственной располагающей ресурсами для получения данных, однозначно свидетельствующих о специфике питания индивидов. Традиционно изучение рациона питания населения средневекового русского города происходит, как правило, на основании письменных источников, а также в результате анализа полученных при археологических исследованиях костей домашних и промысловых животных, рыб, зерен культурных злаков, диких растений, косточек фруктов и ягод. Подобные исследования проводятся давно, однако на основании описанных выше источников мы не можем получить данные о реальном соотношении потребляемых продуктов в рационе. Исследования содержания углерода и азота в костной ткани дают совершенно новые независимые данные о рационе питания средневекового русского городского населения. При этом анализ показывает соотношение в рационе растительного, мясного и рыбного компонентов, но не говорит о достаточности пищи в целом в диете человека.

Нами были привлечены материалы из трех некрополей конца XII–XVII в., полученные при археологических раскопках на территории кремля г. Дмитрова. Проанализированы образцы костной ткани из 30 захоронений. Для репрезентативности выборки были отобраны образцы наиболее хорошо сохранившихся костей мужчин, женщин и детей (рис. 8). Получен срез, позволяющий охарактеризовать питание средневекового населения кремля г. Дмитрова. Археологический контекст (нахождение некрополей в центре города) позволяет предполагать достаточно высокий социальный статус погребенных.

В результате проведенных исследований для погребенных в некрополях Дмитровского городища определены показатели изотопного содержания δC^{13} и δN^{15} , обычно используемые с целью определения доли растительной и животной пищи в усредненном рационе питания людей на протяжении последних лет их жизни. Полученные результаты позволяют реконструировать систему питания жителей средневекового Дмитрова. Дельта по углероду (δC^{13}) для всей исследованной выборки оказалась стабильной и соответствует величине около 20,01‰, что говорит о смешанном рационе питания с участием растений умеренного пояса с не очень большой долей зерновых культур и большей – мяса местных наземных травоядных животных. Данные о накоплении изотопа δN^{15}

(12,17‰), позволяющие судить о мере обогащения рациона питания белками, показали, что основным белком в питании дмитровцев при этом было мясо наземных млекопитающих и, вероятно, птицы.

При анализе индивидуальных показателей прослежена стабильность значений дельта изотопов для захоронений разных периодов. Для периода конца XII–XIII в. средний показатель накопления азота δN^{15} составляет 12,24‰, а углерода δC^{13} – минус 20,06‰. Для XV–XVII вв. показатели азота δN^{15} – 12,16‰, углерода δC^{13} – минус 20,01‰. Значения варьируются в пределах 0,1‰. Таким образом, можно говорить об отсутствии отличий в питании жителей центральной части Дмитрова и, соответственно, стабильности пищевых моделей в период Средневековья (рис. 8).

Важным вопросом являются гендерные различия в питании. Бытует мнение, что в Средние века рацион мужчин и женщин мог различаться. При исследовании рациона питания жителей Дмитровского городища различий в структуре питания мужчин (δN^{15} – 11,87‰; δC^{13} – минус 20,27‰) и женщин (δN^{15} – 11,99‰; δC^{13} – минус 19,93‰) не выявлено. Более высоким является показатель δN^{15} для детей в возрасте 1,0–3,5 лет (13,6‰), что связано с длительным периодом грудного вскармливания (что подтверждено этнографическими данными), то есть употреблением большого количества молочного белка. Показатель δN^{15} для грудных детей из Дмитрова выше, чем у взрослого населения, но различия находятся в пределах единого трофического уровня, что позволяет предполагать достаточно высокую удельную долю мясной и молочной пищи в рационе всех жителей средневекового города.

Данные изотопного анализа индивидов из некрополей Дмитровского городища подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о существовании социального разделения в средневековом русском обществе, проявившегося в формировании моделей питания с высокой удельной долей мясомолочных продуктов в более состоятельной городской среде, и моделей питания характерных для жителей сельских поселений, когда значительную долю составляют растительные продукты. Полученные результаты подтверждают влияние именно социального фактора на формирование индивидуальных моделей питания начиная с домонгольского времени. В распоряжении авторов имеются также полученные ими данные о содержании изотопов δC^{13} и δN^{15} в костях индивидов из некрополей средневековых русских городов, расположенных в той же климатической зоне, что и Дмитров. Судя по данным,

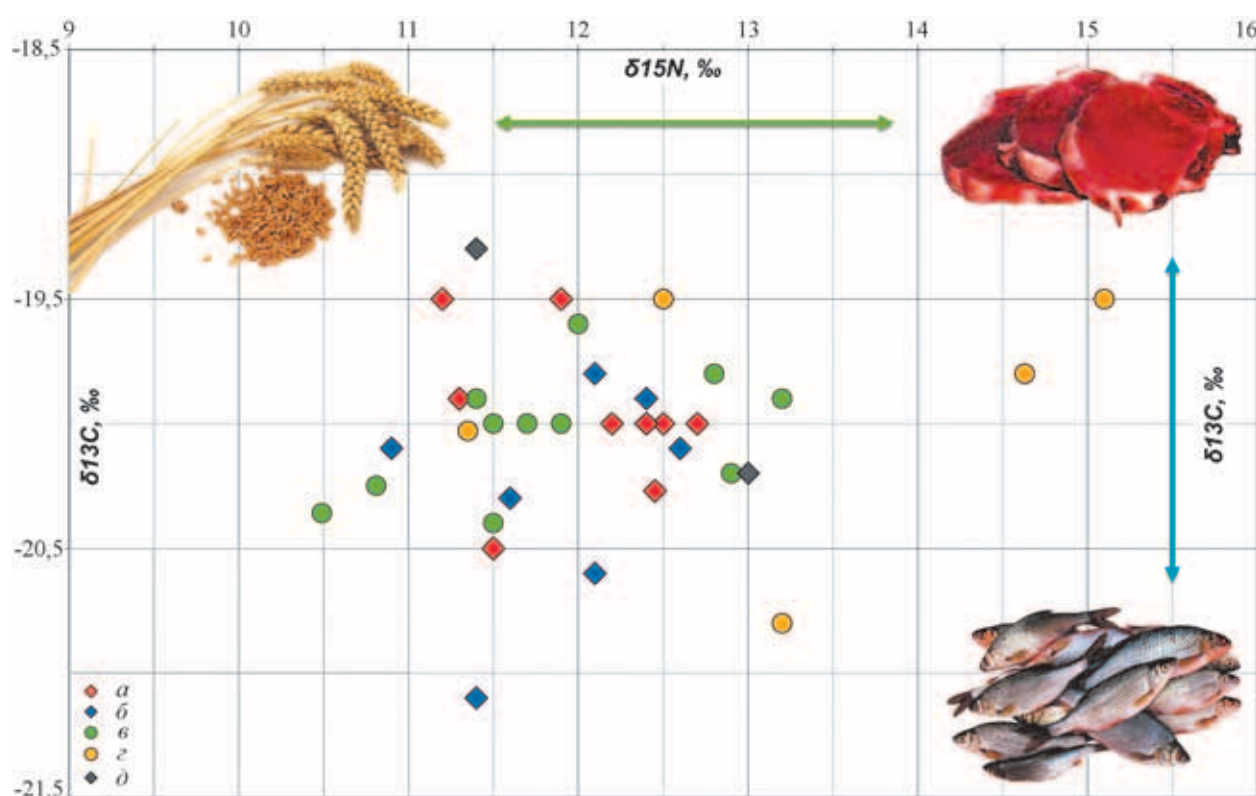

Рис. 8. Индивидуальные показатели содержания изотопов $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в костях индивидов из некрополей Дмитровского кремля

a – женщины; *b* – мужчины; *v* – дети старше 5 лет, подростки; *z* – дети 1,0–3,5 лет; *d* – не установлено

полученным при изучении захоронений на территории городищ Дмитрова, Москвы и Ярославля, пищевые модели представителей «привилегированных» слоев общества устойчивы во времени, характеризуются стабильно высоким белковым (мясомолочным) компонентом. Структура питания других социальных групп (сельских), вероятно, основывалась в большей мере на растительных продуктах (Энгватова и др., 2013. С. 106–107).

Результаты изотопных исследований подтверждают археологические данные, что некрополи на территории Дмитровского городища являлись местом захоронения прихожан находившихся здесь центральных городских храмов, что дополнительно подтверждает определенный статус населения, в том числе выражающийся в системе питания.

Таким образом, использование естественнонаучных методов при комплексных исследованиях средневековых некрополей позволяет более точно датировать безынвентарные погребения, совершенные по христианской традиции. Применение наряду с традиционными археологическими методическими принципами (стратиграфический,

планиграфический анализ, характеристики погребальных сооружений, керамики и погребального инвентаря) разнообразных естественнонаучных методов дает новые возможности для более точного датирования погребений и получения индивидуальных характеристик погребенных, а также обобщенного портрета популяции. Широкое внедрение в повседневные археологические исследования христианских некрополей комплекса естественнонаучных методов позволит получить значительно более детальные результаты.

Анализ данных, полученных при исследовании дмитровских некрополей, позволил решить и некоторые вопросы исторической топографии Дмитровского городища. Возникновение Дмитрова связано с освоением северных и северо-восточных окраин Суздальской земли, происходившим в XII в. В это время строится ряд небольших крепостей по правому берегу Волги, от Ярославля до ее истока. Дмитров географически не входил в их число, но контролировал сеть волжских притоков – реки Яхрому, Сестру и Дубну (Тихомиров, 1956. С. 410). В устье последней возникает крепость Дубна, а в близкое время южнее, в среднем

течении р. Москвы, на границе со Смоленской землей, появляется город Москва.

Хотя летописные известия об основании Дмитрова князем Юрием Долгоруким в 1154 г. содержатся только в сводах рубежа XV–XVI вв., историки единодушно склоняются к этой дате (Тихомиров, 1956. С. 412). На протяжении значительного периода своей истории (с XII по XV в.) поселение являлось пограничной, часто разоряемой крепостью на рубеже сначала Владимиро-Суздальского, а позднее Московского великого княжества. Стратегическое значение Дмитров утратил только в 1485 г. после присоединения Твери к Москве.

Небольшие периоды стабильности в жизни Дмитрова XII–XIII вв. прослеживаются по летописям лишь несколько десятков лет: с 1218 по 1238 г. и между 1238 и 1263 гг. Практически с момента возникновения город становится ареной многочисленных междоусобных конфликтов, наиболее ранних из которых фиксируется письменными источниками в 1180–1181 гг. (ПСРЛ. Т. 1. С. 388). Неоднократные разорения, особенно значительные в 1238, 1293, 1317, 1372, 1382 и 1408 гг. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 217–218; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 362; ПСРЛ. Т. 15. С. 36–37, 99, 145, 483), могли приводить к частичным сменам населения, уничтожаемого, уводимого в плен или переселяемого в другие места. Пограничное положение заметно влияло на политический статус и экономическое развитие города, что также в определенной степени могло отражаться на значимости некрополей городища.

Ситуация изменяется во второй половине XV в. Относительная политическая стабилизация, наступившая в Московской Руси после присоединения Новгорода и Твери, способствовала определенному экономическому подъему местного региона. По духовной грамоте Василия Темного 1461–1462 гг. Дмитров получает его второй сын Юрий (ДДГ, 1950. С. 194–195).

В течение XV в. на дмитровских землях появляются вотчины важнейших монастырей, а в городе – монастырские подворья, что подчеркивает его значение в этот период. В годы существования Дмитровского княжества здесь формируются крупные владения придворных удельного князя.

Годы существования удела второго сына Ивана III – Юрия Ивановича (1504–1533 гг.) считаются временем наибольшего расцвета Дмитрова. По замечанию М. Н. Тихомирова, «во всяком случае можно считать, что в XVI веке Дмитров занимал хорошее место среди других русских городов» (Тихомиров, 1925. С. 23). По инициативе князя реконструируются городские укрепления, а в крепо-

сти возводится каменный Успенский собор. Количество церквей и церковных мест, зафиксированных в Писцовой книге 1624 г. (в XVI в. в городе было 36 церквей и три монастыря), может говорить о численности горожан (Сотная выпись... 1893. С. 62).

Многолюдность города в первой трети XVI в. не могла не сказаться на формировании и функционировании при церквях (в том числе находившихся на городище) крупных некрополей. Важнейшим из них являлся некрополь при главном храме города – Успенском соборе. С периодом возвышения города и притоком населения связано, видимо, увеличение количества погребенных на двух старейших кладбищах (некрополи I и III) и появления нового некрополя (некрополь II).

После ликвидации дмитровского удела в 1533 г. город развивался еще какое-то время, но во второй половине XVI в. наступило запустение, сопровождавшееся исходом населения в Москву и другие города (Тихомиров, 1925. С. 24–25). Наиболее негативно сказались на жизни города бедствия Смутного времени, когда в ходе военных действий он дважды (в 1610 и 1618–1619 гг.) подвергался крупным разгромам, и моровое поветрие 1654–1656 гг. К примеру, составители Писцовой книги 1624 г. находят в Дмитрове лишь восемь «жилых» церквей через несколько лет после разорения 1618–1619 гг. (Сотная выпись... 1893. С. 62). Общее запустение коснулось непосредственно и Дмитровского городища. Оборонительные сооружения были сожжены в 1610 г. и более не восстанавливались, большинство жилых дворов и монастырских подворий, лишившись защиты, в результате перенесены из кольца валов на посад. Сохранились лишь Успенский собор с приделом и дворы его причта. В переписи 1665 г. указывается, что «в городе (крепости) же протопопов двор и его бобылей, а иных жильцов в городе нет ни одного человека, пусто из давних лет» (Холмогоровы, 1911. С. 126).

Успенский собор стал неофициальным приходским храмом для священнослужителей и членов их семей. Если ранее на его кладбище погребались видные горожане и жители дворов, находившихся в крепости, то в XVII–XVIII вв. это были в основном представители соборного причта (рис. 9). Условные границы некрополя обозначены на дорегулярных планах города 1766 г. и составленно-го после 1784 г. В одном случае ограда кладбища показана вокруг всего здания собора; в другом она присутствует только к юго-востоку от него.

Археологические раскопки, проведенные Подмосковной экспедицией ИА РАН близ здания

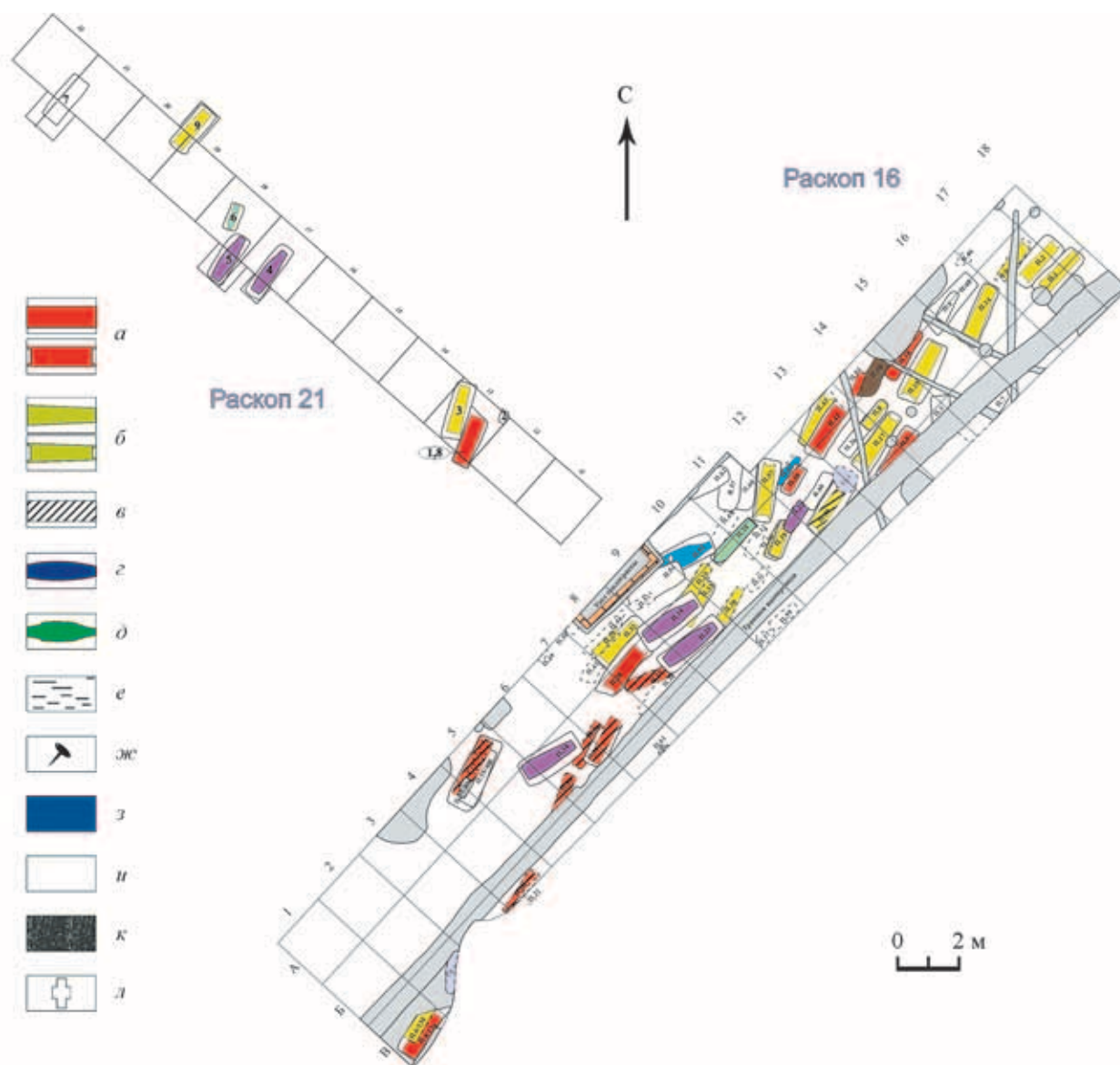

Рис. 10. Некрополь III. Погребальные конструкции

a – гробы прямоугольной формы; *б* – гробы трапецевидной формы; *в* – «узкие» (до 40 см) гробы; *г* – гробы ладьевидной формы; *д* – гробы антропоморфной формы; *е* – погребальная конструкция с использованием бересты; *ж* – гробы с креплением на гвоздях; *з* – судя по следам древесного тлена, гроб имел антропоморфную или ладьевидную форму; *и* – неопределимо; *к* – головной убор; *л* – нательный крест

Успенского собора, позволяют закрыть вопрос о существовании на месте Успенского собора каменных зданий, построенных до начала XVI в. Во-первых, археологами не зафиксированы слои, содержащие значительные по мощности следы строительства и разборки крупной каменной постройки; отсутствуют они и в заполнении могильных ям Успенского некрополя. Все находки строительных материалов можно с уверенностью датировать временем не ранее начала XVI в. либо связывать с ремонтными работами XVIII–XIX вв.

Во-вторых, архитектурные наблюдения, сделанные в ходе реставрационных работ 2001–2003 гг., не выявили фундаментов и их рвов какого-либо предшествующего каменного храма, как и вторично использованных элементов кладки и декоративных элементов из стен (Яганов, Рузаева, 2003. С. 33).

Археологические исследования Подмосковной экспедиции подтвердили факт наличия на городище как минимум трех некрополей, находившихся в его южной и юго-восточной частях, но принад-

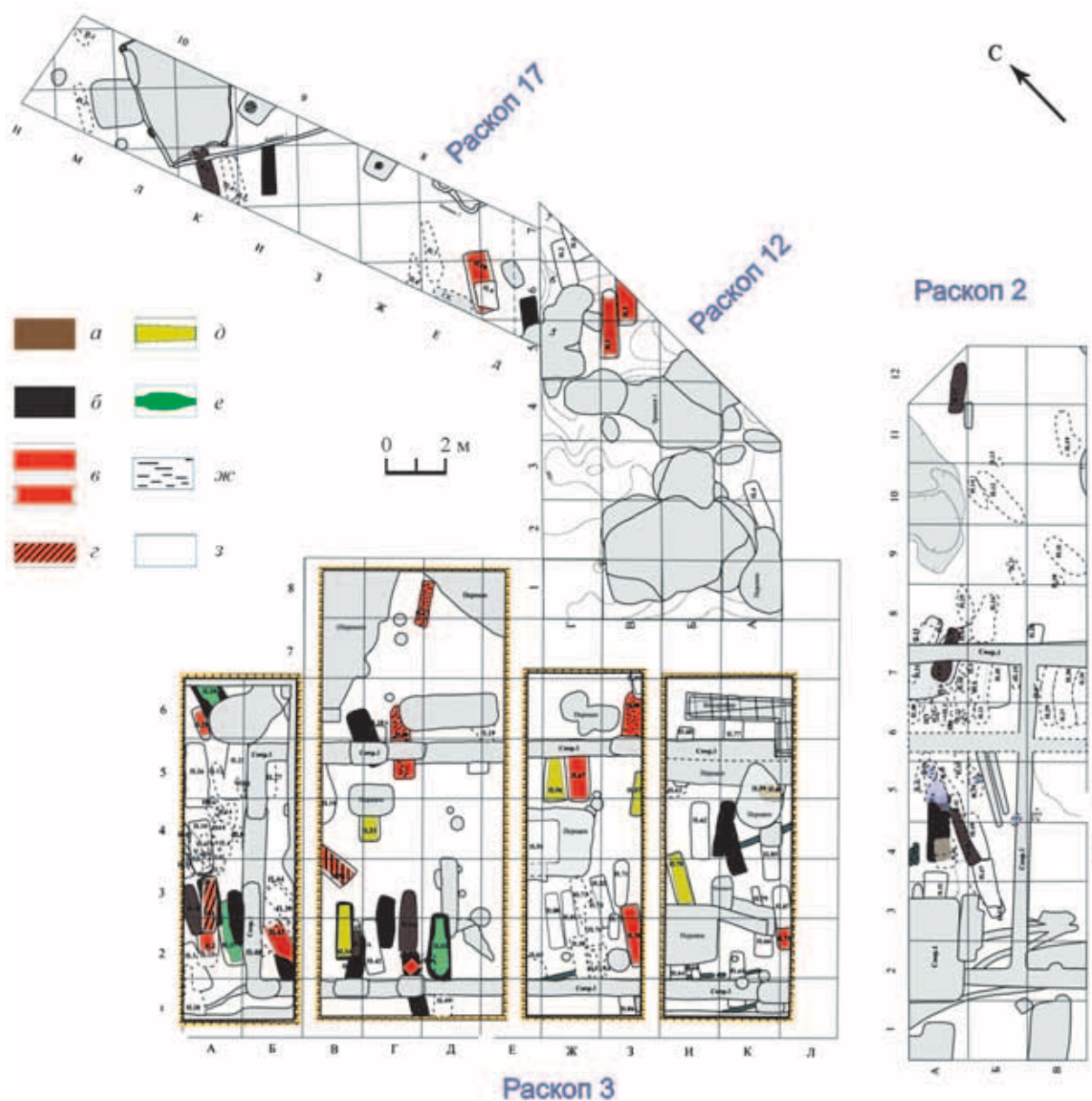

Рис. 11. Некрополь I. Погребальные конструкции

a – «узкая» (до 50 см) могильная яма (предполагает узкую погребальную конструкцию); *б* – «узкая» (до 55 см) могильная яма (предполагает узкую погребальную конструкцию); *в* – гробы прямоугольной формы; *г* – «узкие» (до 40 см) гробы прямоугольной формы; *д* – гробы трапециевидной формы; *е* – гробы антропоморфной формы; *жс* – погребальная конструкция с использованием бересты; *з* – неопределимо

лежность их к конкретному храму (Успенскому собору) прослеживается лишь в одном случае.

Древняя часть кладбища (конец XII – начало XIII в.) при Успенском соборе (некрополь III) выявлена к юго-востоку от здания XVI–XIX вв., что указывает на локализацию первоначальной деревянной церкви (несомненно, меньших размеров) в этой части нынешнего пятна застройки. На неоднократное изменение постановки храма указывает

ориентировка более поздних могил по отношению к древним (рис. 10). Каменный собор начала XVI в. и придел, пристроенный к нему в 40-х гг. XIX в., уничтожили группирующуюся вокруг прежней деревянной церкви наиболее насыщенную погребениями центральную часть некрополя, тем самым предоставив для исследований лишь его периферийную зону. Но даже по небольшим раскопанным площадям становится понятно, что кладби-

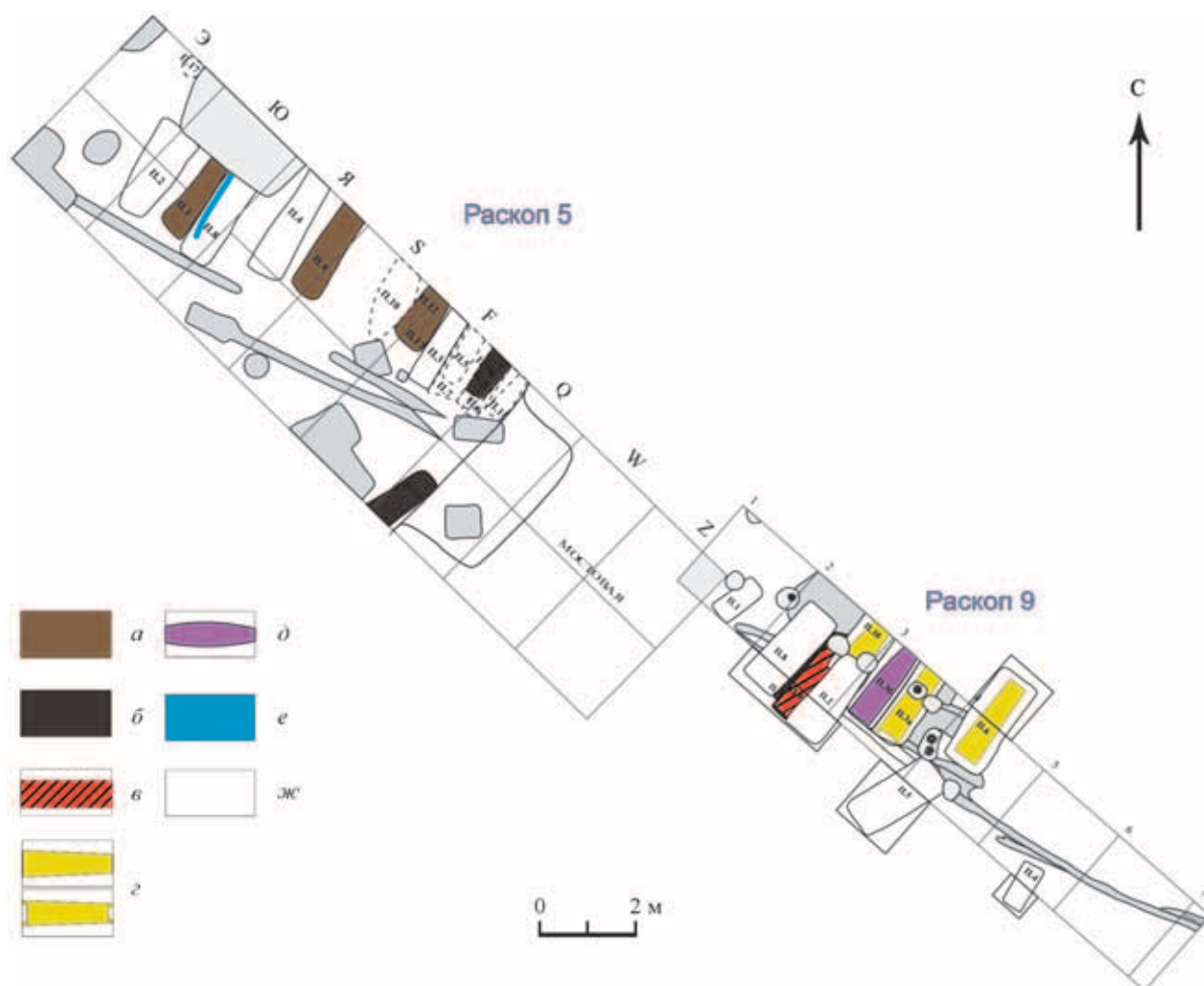

Рис. 12. Некрополь II. Погребальные конструкции

a – «узкая» (до 50 см) могильная яма (предполагает узкую погребальную конструкцию); *б* – «узкая» (до 55 см) могильная яма (предполагает узкую погребальную конструкцию); *в* – «узкие» (до 40 см) гробы прямоугольной формы; *г* – гробы трапецевидной формы; *д* – гробы ладьевидной формы; *е* – судя по следам древесного тлена, гроб имел антропоморфную или ладьевидную форму; *жс* – неопределимо

ще до начала каменного строительства было значительным по размерам.

Некрополь I, находившийся к югу от Никольских ворот в юго-западной части городища, по результатам раскопок также относится к домонгольскому времени. Сведений письменных источников об этом участке не сохранилось, поэтому посвящение церкви, при которой он возник, неизвестно. Гипотеза, основанная на названии «башенного места» на валу, вблизи кладбища, предполагает, что в какой-то период бытования престол церкви был Воскресенским. Но, как уже отмечено, названия башен крепости сформировались в течение XVI в., и относить это посвящение к более раннему времени может быть некорректно.

Деревянная церковь (или церкви) располагались в центре кладбища – здания разного времени перемещались в пределах этого участка. Как и в случае с Успенским собором, их алтари были направлены на северо-восток, что, вероятно, было традиционным для находившихся на городище храмов. Об этом свидетельствует ориентировка погребений, маркируемых направлением стен построек (рис. 11). Границы некрополя устанавливаются лишь частично, так как по не зависящим от археологов причинам довольно слабо исследована его северная часть.

Некрополь II среди исследованных кладбищ является наиболее поздним. Судя по характеру погребений, он использовался в небольшой времен-

ной промежуток с XVI в. и, может быть, до начала XVII в. (рис. 12). Небольшая площадь исследований не дает возможности определить его границы и местоположение стоявшего здесь деревянно-го храма.

В целом изучение некрополей Дмитровского городища позволило несколько расширить знания о его исторической топографии, храмовом строи-

тельстве, собственно погребальной обрядности русского средневекового города, социальном составе населения, а также предоставило обширный материал в смежных областях: исторической демографии, антропологии, палеопатологии, одонтологии. Большинство этих сведений по конкретному памятнику и, шире, данному региону получено впервые.

Литература

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. М.: ИА РАН. 310 с.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 568 с.

Беляев Л. А., 2011. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН. 56 с. (Методика археологических исследований. Вып. 5).

ДДГ. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Новиков А. В., 1999. Надгробия конца XV – XVII в. из раскопок некрополя у церкви Алексея-Человека Божия на Затьмацком посаде г. Твери // ТТЗ. Вып. 3. Тверь. С. 144–154.

Новиков А. В., Хухарев В. В., 1999. Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея – Человека Божия // ТТЗ. Вып. 3. Тверь. С. 155–165.

Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П., 2010. Исследования и реконструкция деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополя Дмитровского кремля // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 130–138.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунница. 183 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Троицкая летопись. СПб., 1846

ПСРЛ. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись. СПб., 1848.

ПСРЛ. Т. VI. Продолжение Софийской первой летописи. Софийская вторая летопись. СПб., 1853.

ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863.

Сотная выпись города Дмитрова 7132 (1624) года // Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Дмитрова (Московской губернии) с уездом и святынями. М.: Губернская тип., 1893. Ч. II. С. 61–93.

Тихомиров М. Н., 1925. Город Дмитров от основания города до половины XIX века. Дмитров: Дмитровское отделение Союза работников просвещения. 81 с. (Тр. Музея Дмитровского края. Вып. II).

Тихомиров М. Н., 1956. Древнерусские города. М.: Гос. изд. политической лит-ры. Изд. 2-е. 477 с.

Холмогоровы В. И. и Г. И., 1911. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 11: Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины. М.: Изд. ОИДР.

Энговатова А. В., 2005. Средневековые городские некрополи на территории Дмитровского кремля // КСИА. Вып. 219. С. 148–158.

Энговатова А. В., Бужилова А. П., Медникова М. Б., Филберт В. Н., 2001. Предварительные результаты биоархеологического исследования погоста XV в. в г. Можайске // Практика и теория археологических исследований. Тр. отдела охранных раскопок. М.: ИА РАН. 308 с.

Энговатова А. В., Гончарова Н. Н., 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Археологическое изучение Подмосквья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М.: ИА РАН. С. 296–314. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 1).

Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П., 2005. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С. 178–196.

Энговатова А. В., М. В. Добровольская, Е. Е. Антипина, Г. И. Зайцева, 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. С. 96–115.

Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2003. Успенский собор в Дмитрове. М.: Северный паломник. 304 с.

A. V. Engovatova

Researching the cemeteries of the Dmitrovsky Hill Fort: new approaches

Summary

This paper presents the main results of a study using natural scientific and analytical methods, of materials retrieved in the early 2000s from excavations undertaken by the Moscow County Region research team of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, and led by Dr A. V. Engovatova – into medieval cemeteries surrounding the Dmitrovsky Hill Fort, at the town of Dmitrov, in Moscow County Region. The use of new approaches made it possible to clarify the dating of all three of the cemeteries studied, as well as identifying the periods in which each had been most actively used. By using scientific analyses (^{13}C and ^{15}N

isotopes in human bone collagen, along with anthropological studies), archaeologists were able to make a conjectural reconstruction of a number of aspects of the lives of the people who inhabited the location.

Supplementary chronological markers were developed, with the potential to differentiate the periods of urban and rural Christian cemeteries – whose dating has been complicated by the absence of both grave-stones, and of grave goods. New data was retrieved concerning the historical topography of the Dmitrovsky Hill Fort, and the construction of churches within its territory.

**Н. А. Баранов, Р. Н. Модин, А. А. Попов,
О. Л. Прошкин, Е. И. Терещенко**
Институт археологии РАН, Москва

Селище Скрипино-1: результаты археологических исследований 2013–2014 годов

Селище Скрипино-1 расположено в 0,8 км к юго-востоку от д. Скрипино и в 0,6 км к югу от с. Шубино Раменского района Московской области, на первой надпойменной террасе правого берега р. Гнилуши (левый приток р. Северки, правый приток р. Москвы, левый приток р. Оки) при впадении ложбины. Площадка селища имеет прямоугольную в плане форму и площадь 14000 кв. м (размеры около 140×100 м). Поверхность имеет пологий уклон в сторону реки. Высота над водой в р. Гнилуше – 2,5–5,0 м. Абсолютные отметки по Балтийской системе высот – 136,5–139,0 м (рис. 1).

Памятник открыт и обследован Подмосковной экспедицией ИА РАН в 2009 г. (Энговатова и др., 2009. С. 439–444). В 2013–2014 гг. работы на селище проводила экспедиция ИА РАН под руководством Н. А. Баранова и Р. Н. Модина. Три раскопа общей площадью 4016 кв. м были заложены в северной части памятника. В результате проведенных исследований получены многочисленные материалы, относящиеся к эпохе камня, периодам Древней Руси и позднего средневековья (Баранов, 2014; Модин, 2014).

Небольшая коллекция каменных изделий включает 19 предметов, находившихся во вторичном залежании¹. В качестве сырья использовался преимущественно меловой кремнь желтого и красноватого оттенков (14 экз.). Четыре предмета изготовлены из валунного кремня красного цвета, один из которых (отщеп) несет характерные следы термического воздействия. Другой предмет – фрагмент кварцитового орудия (рис. 2, 10). Найдены также два небольших фрагмента нуклеусов из валунного кремня с негативами сколов отщепов (рис. 2, 11, 12). К технологическим

сколам можно отнести широкую ребристую пластину с остатками меловой корки (рис. 2, 6).

Интересны изделия с вторичной обработкой (10 экз.). Наиболее выразительными являются два орудия: концевой скребок на тонком отщепе (рис. 2, 2) и правильная ножевидная пластина с полукруглой ретушью на спинке и нерегулярными уплощающими фасетками сколов на брюшке (рис. 2, 1). Судя по сильной «замятости» рабочих краев, последнее орудие можно интерпретировать как нож-пилу по твердым материалам (кость, камень).

Еще один предмет – обломок лезвийной части рубящего орудия (тесла?), изготовленного на крупной неправильной пластине (рис. 2, 3). Сохранившийся фрагмент несет следы двусторонней обработки края и лезвийной части мелкой краевой ретушью. Вероятно, фрагментом ножа является обломок крупного отщепа с двусторонней пологой регулярной ретушью на спинке, на противоположных краях (рис. 2, 4). В числе находок – фрагменты ножевидных пластин с ретушью (рис. 2, 5, 8), а также отщепов с ретушью (рис. 2, 7). Вероятно использование этих предметов как скреблей. Остальные предметы – небольшие отщепы, в том числе один пластинчатый, с мелкими нерегулярными естественными сколами по краю (рис. 2, 9).

Планиграфически места находок каменных предметов не образуют какого-либо единого скопления (или скоплений). Определить их датировку и культурную принадлежность не представляется возможным из-за малочисленности коллекции и отсутствию четких культуроопределяющих форм и типов изделий. Исходя из качества употребляемого сырья

¹ Определения каменного инвентаря выполнены А. С. Фроловым и А. Н. Сорокиным (ИА РАН).

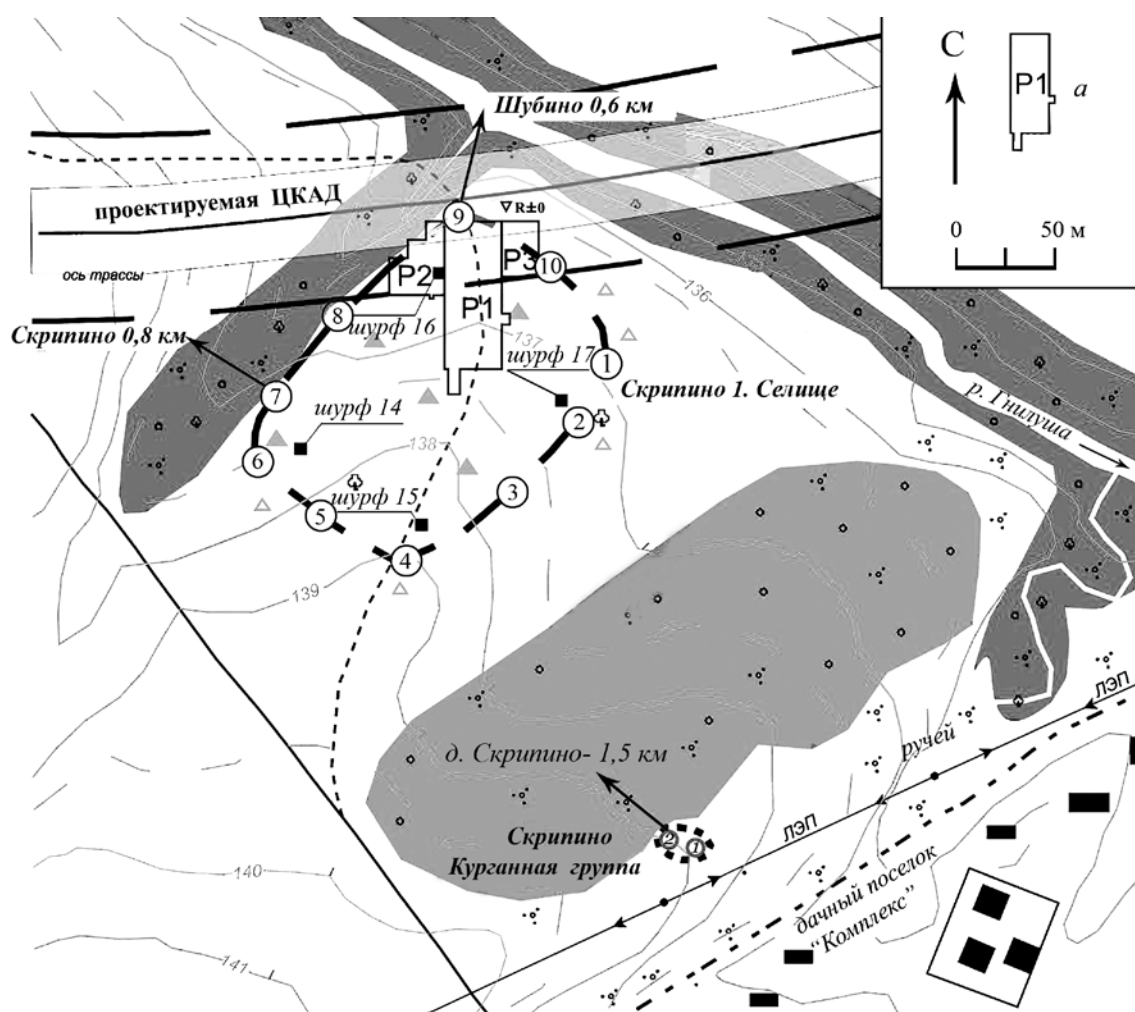

Рис. 1. Селище Скрипино-1. План

А – раскопы 2013–2014 гг.

(меловой и валунный кремль), присутствия наряду с развитой пластинчатой техникой аморфных нуклеидных кусков, можно говорить лишь о принадлежности найденных артефактов к эпохе мезолита.

Древнерусские и позднесредневековые материалы происходят из культурного слоя и большинства объектов (ямы № 13–15 и др.). К рассматриваемым периодам относится 521 индивидуальная находка и 5325 обломков круговых сосудов. По своему функциональному назначению все находки делятся на ряд групп: 1) украшения; 2) детали ремня и пряжки; 3) накладки; 4) предметы христианского культа; 5) нумизматический материал; 6) вислая печать; 7) предметы вооружения; 8) предметы снаряжения всадника и коня; 9) предметы быта, включая керамическую коллекцию.

Группа 1. Украшения.

Все украшения выполнены из цветных металлов. Датировка большинства предметов основывается на хронологии новгородских, тверских, ростовских, золотоордынских и «вятических» древностей (Равдина, 1975; Седова, 1981; Лесман, 1990; Полякова, 1996; Лапшин, 2009; Самойлович, 2012). К украшениям относятся находки височных колец, браслетов, перстней и подвесок (32 экз.).

Височные лопастные кольца (серьги?). Первая находка (раскоп 1, яма № 55, рис. 3, 347) представлена фрагментом кольца с тремя сохранившимися лопастями, частью щитка с орнаментом и дужкой. Относится к типу III по Т. В. Равдиной (первая четверть XII в.). Второй экземпляр – обломок лопасти (раскоп 1², рис. 3, 78), крупные размеры которой

² Здесь и далее, если конкретный комплекс (яма), из которой происходит находка, не указан, означает, что она зафиксирована в переотложенном распахкой культурном слое памятника.

Рис. 2. Селище Скрипино-1. Каменный инвентарь из культурного слоя и отдельных объектов

позволяют отнести ее к поздним изделиям (вторая половина XII – первая половина XIII в.) (Равдина, 1975. С. 45–46, 119). Согласно устоявшимся представлениям, такие украшения исчезают к середине XIII в., но, есть основания предполагать, что в редких случаях они бытовали и позже (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 60).

Большинство браслетов – пластинчатые (6 экз.) и один – толстопроволочный. Полностью сохра-

нился только один – узкий с загнутыми концами (раскоп 1, яма № 38 – рис. 3, 190). Согласно новгородской хронологии, датируется XI–XIII вв. (Седова, 1981. С. 112; Лесман, 1990. С. 37–38). Четырьмя экземплярами представлены обломки браслетов с продольными гладкими валиками (раскоп 1, рис. 3, 35, 83, 208, 239) XIII–XV вв. (Лесман, 1990. С. 38–39; Сарачева, 2007. С. 82). Фрагмент браслета с растительным орнаментом и четырехле-

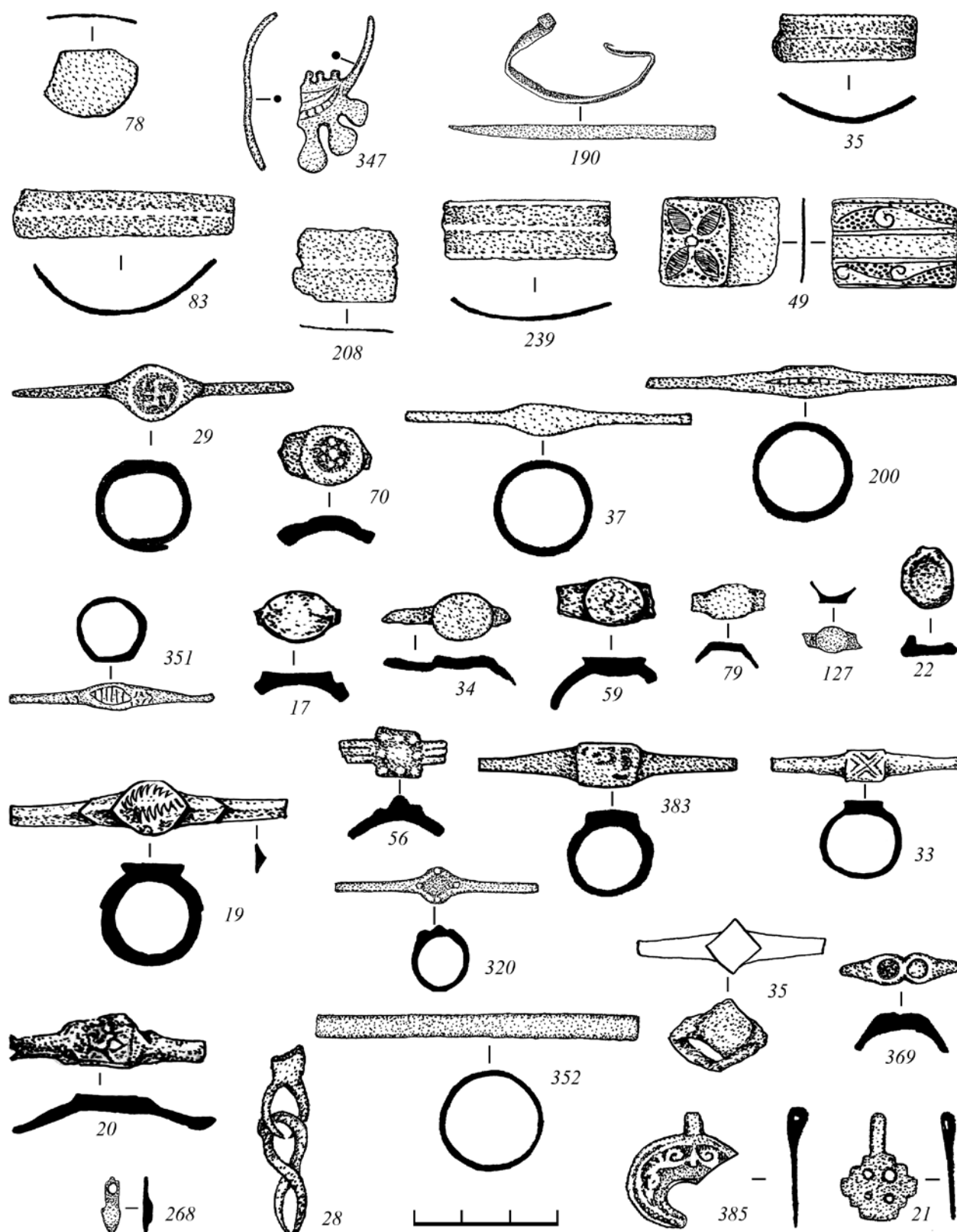

Рис. 3. Селище Скрипино-1. Височные кольца, браслеты, перстни, привески.
(Номера соответствуют полевой описи)

пестковой розеткой (раскоп 1, рис. 3, 49) имеет ряд аналогий из Болгара золотоордынского периода, а также из Настасьино и Кленово-2 (Полякова, 1996. С. 177–178, 183; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 53; Шполянский, 2007. С. 103–104). Еще одной находкой, вероятно, является фрагмент толстопроволочного браслета с утраченной обмоткой.

Самая многочисленная категория находок – перстни (20 экз.). Представлены щитковосрединными, пластинчатым и со вставками.

Щитковосрединные перстни. Круглощитковые (2 экз.) имеют орнамент «розетка» (раскоп 1, рис. 3, 70) и солярный знак (раскоп 1, рис. 3, 29). Как и на аналогичных перстнях из Новгородской земли и Болгара, здесь имеются следы эмали на щитке. В Новгородской земле такие перстни датируются XIII–XIV вв., в Болгаре – второй половиной XIII – первой третью XV в. (Седова, 1981. С. 134–135; Лесман, 1990. С. 51–52; Полякова, 1996. С. 176).

Овальнощитковые (9 экз.) различаются по переходу от щитка к дужке – с плавным и резким. Перстни с плавным переходом представлены тремя экземплярами: один замкнутый без орнамента с вытянутым щитком (раскоп 1, рис. 3, 37), остальные аналогичные, но с орнаментом в виде прямых насечек на щитке (раскоп 1, рис. 3, 200; яма № 55, рис. 3, 351). Подобный перстень найден в Твери и датирован 30–80-ми годами XIV в. (Латишин, 2009. С. 106). Такие перстни были распространены на Северо-Востоке Руси в XIII–XV вв. (Седова, 1981. С. 135–136; Лесман, 1990. С. 52–53; Латишин, 2009. С. 105–106; Самойлович, 2012. С. 240–241). Перстни с резким переходом представлены фрагментами (раскопы 1–3, рис. 3, 17, 34, 59, 79; яма № 32, рис. 3, 127). Целый перстень, орнаментированный зигзагообразной гравировкой (раскоп 2, рис. 3, 19) имеет ближайшие аналогии в Мешково-1, Настасьино и других пунктах (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 54–55).

Квадратнощитковый перстень представлен фрагментом. Щиток орнаментирован шариками ложной зерни, а на дужке имеются гладкие валики (раскоп 1, рис. 3, 56). Квадратнощитковые перстни в целом встречаются редко и датируются второй половиной XIII – XV в. (Седова, 1981. С. 136; Сарачева, 2007. С. 78). Прямоугольнощитковые представлены тремя экземплярами (раскоп 1, рис. 3, 383; раскоп 3, яма № 1, рис. 3, 33; раскоп 3, рис. 3, 20). Перстни такого типа в Новгороде появились во второй половине XIII в. (Седова, 1981. С. 136), а в Болгаре соответствуют золотоордынскому периоду (Полякова, 1996. С. 176). К щитковосрединным перстням относятся два ромбощитковых с шариками ложной зерни по краям. Одна находка (раскоп 1, яма № 54, рис. 3, 320) отличается

тем, что на щитке имеется выемка со следами эмали и отдаленно напоминает перстень из Гавердовского клада начала XV в. (Зубков, 1951. С. 138). Щиток другого перстня (раскоп 3, яма № 1, рис. 3, 35) имеет гладкую поверхность. Ближайшая аналогия известна в Настасьино, в Новгороде такие перстни появляются во второй половине XIII в. (Лесман, 1990. С. 52; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 56).

Пластинчатый прямой замкнутый перстень не имеет орнамента (раскоп 1, рис. 3, 352). Датируется XII–XIII вв. и позже (Седова, 1981. С. 131 и др.).

Перстни со вставками (2 экз.). У одного сохранилась вставка из стекла желтого цвета (раскоп 1, рис. 3, 369). От второго остался только овальный щиток под вставку (раскоп 2, рис. 3, 22). В Новгороде такие перстни встречаются в слоях второй половины XII – XIV в. Аналогичная находка происходит из Настасьино. (Седова, 1981. С. 140–141; Лесман, 1990. С. 53; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 54).

Подвески (3 экз.) представлены крестовидной, миндалевидной и лунницей. У круторогой лунницы с литым растительным орнаментом утрачена правая лопасть (раскоп 1, рис. 3, 385). По близким аналогиям датируется XI–XIII вв. (Успенская, 1967. С. 103–104; Седова, 1981. С. 24; Лесман, 1990. С. 62). Аналогичная найдена в кургане № 4 XI–XII вв. у д. Харлаповка (Савин, 1930. С. 230). Крестовидная ажурная подвеска (раскоп 1, рис. 3, 21) имеет многочисленные аналогии в Настасьино, Звенигородском Городке, курганах Костромского Поволжья и других пунктах, и может датироваться XIII в. (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 57). Из заполнения ямы № 49 (раскоп 1) происходит миндалевидная подвеска (рис. 3, 268).

Трудноопределимыми являются многочисленные *тонкопроволочные колечки* из заполнения ямы № 55 раскопа 1 (рис. 4) и фрагмент *цепочки из восьмерковидных звеньев* (раскоп 1, рис. 3, 28). Последняя находка могла быть деталью шумящих украшений XII–XIV вв.

Группа 2. Детали ремня и пряжки.

К ременному набору относятся два железных *наконечника*, представляющие собой вытянутые пластины с одним заостренным краем (раскоп 1, рис. 5, 39, 48).

Найденные на селище *пряжки* (17 экз.) и язычки от них (6 экз.) могли использоваться не только в качестве ременных, но и относиться к конскому снаряжению (подпружные), к деталям сумок и других предметов.

Большинство *пряжек* (14 экз.) однорамчатые безщитковые. Наиболее ранней является пряжка

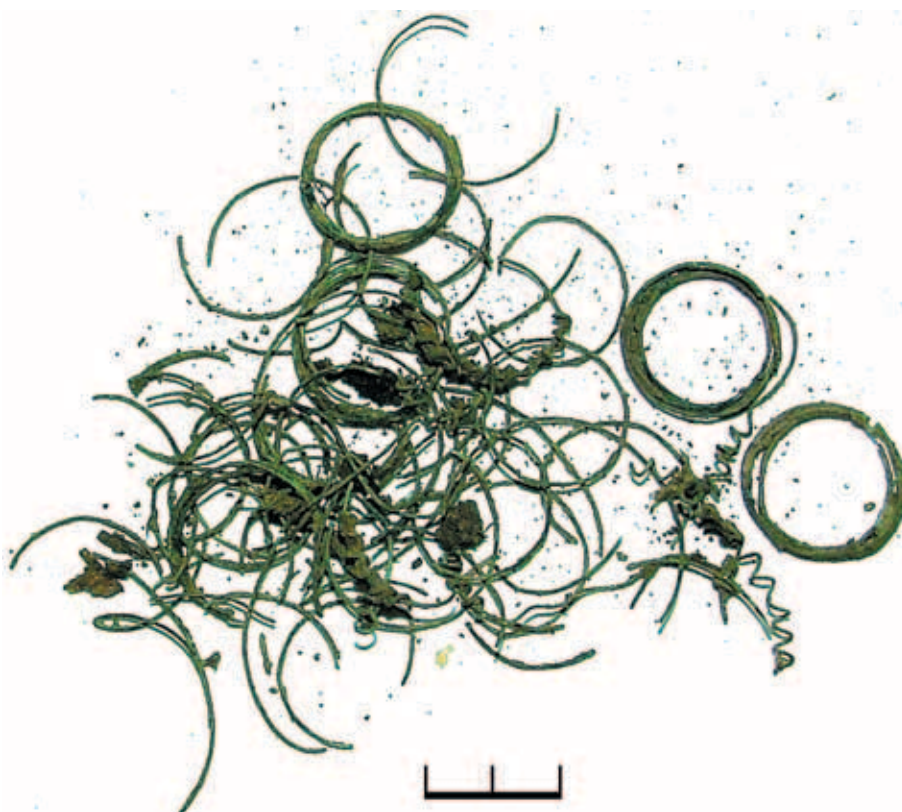

Рис. 4. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, яма № 55в. Скопление колец из заполнения

из цветного металла (раскоп 3 – рис. 5, 7) в виде кольцевидной восьмиконечной звезды, лучи которой состоят из трех псевдозерненных шариков. Аналогии известны в курганах XI–XII вв., при этом в вятичских курганах они встречаются только с архаичными лопастными кольцами первой половины XII в. (Мальм, 1967. С. 171–172; Равдина, 1975. С. 83–84).

Лировидные пряжки (5 экз.). Три из них (раскоп 1, рис. 5, 43, 240, 367) имеют аналогии как на памятниках Северо-Восточной Руси второй половины XIII–XVI вв., так и среди золотоордынских древностей (Седова, 1981. С. 135–136; Лесман, 1990. С. 52–53; Полякова, 1996. С. 196, 211; Сарачева, 2007. С. 84–86). Также обстоит дело и с фигурной пряжкой с круглой головкой на конце (раскоп 1, яма № 27а, рис. 5, 172). Единичным экземпляром представлена железная миниатюрная пряжка (раскоп 1, яма № 27а – рис. 5, 173). Судя по всему, она может быть отнесена к изделиям так называемых индивидуальных форм. Прямоугольные железные пряжки представлены двумя находками (раскоп 1, яма № 58 – рис. 5, 359; яма № 32, рис. 5, 134).

Пряжки сегментовидной формы (5 экз.) (раскопы 1–3, рис. 5, 6, 15, 52, 62; раскоп 1, яма № 38, рис. 5, 192). Две из них имеют вогнутые внутрь стороны. Пряжки с ровными сторонами рамки (№ 15,

62, 192) известны на памятниках салтово-маяцкой культуры IX–X вв. (Ляпушкин, 1958. С. 122. Рис. 15). На Руси аналогичные изделия распространяются с XI в. и бытуют до XIV в., они относятся ко второму типу новгородских пряжек (Колчин, 1959. С. 108. Рис. 96В; Кирпичников, 1973. С. 77). В Подмосковье найдены на поселении Настасьино, в Коломне, на селищах Губкино-1, Столбово-1, Боброво-2 и др. (Двуреченский, 2004а. Рис. 83, 31; Ульянова, 2008. Рис. 10, 4, 5; Гоняный, 2009. Рис. 4, 9; 6, 1; Богомолов и др., 2016. Рис. 4, 10). Пряжки с вогнутыми внутрь сторонами (№ 6, 52) известны на древнерусских памятниках начиная с X в. (Кирпичников, 1973. С. 76). Аналогии им известны в Новгороде в слоях XIV в., на поселении XIII–XV вв. Настасьино, на селище XV в. Дунино-6 в Подмосковье (Колчин, 1959. С. 111. Рис. 96Г, 14, 16; Двуреченский, 2004а. Рис. 81, 8; Чернов, 2017. Рис. 6, 44).

Наибольший интерес представляют две железные пряжки овальной формы, которые крепились к ремню при помощи соединенного с рамкой щитка (раскоп 1, рис. 5, 312; яма № 54, рис. 5, 318). Бронзовые изделия этого типа встречаются на памятниках VII–X вв. в Сибири и Средней Азии, на памятниках салтово-маяцкой культуры (Федоров-Давыдов, 1966. С. 45), в Волжской Булгарии (Казаков,

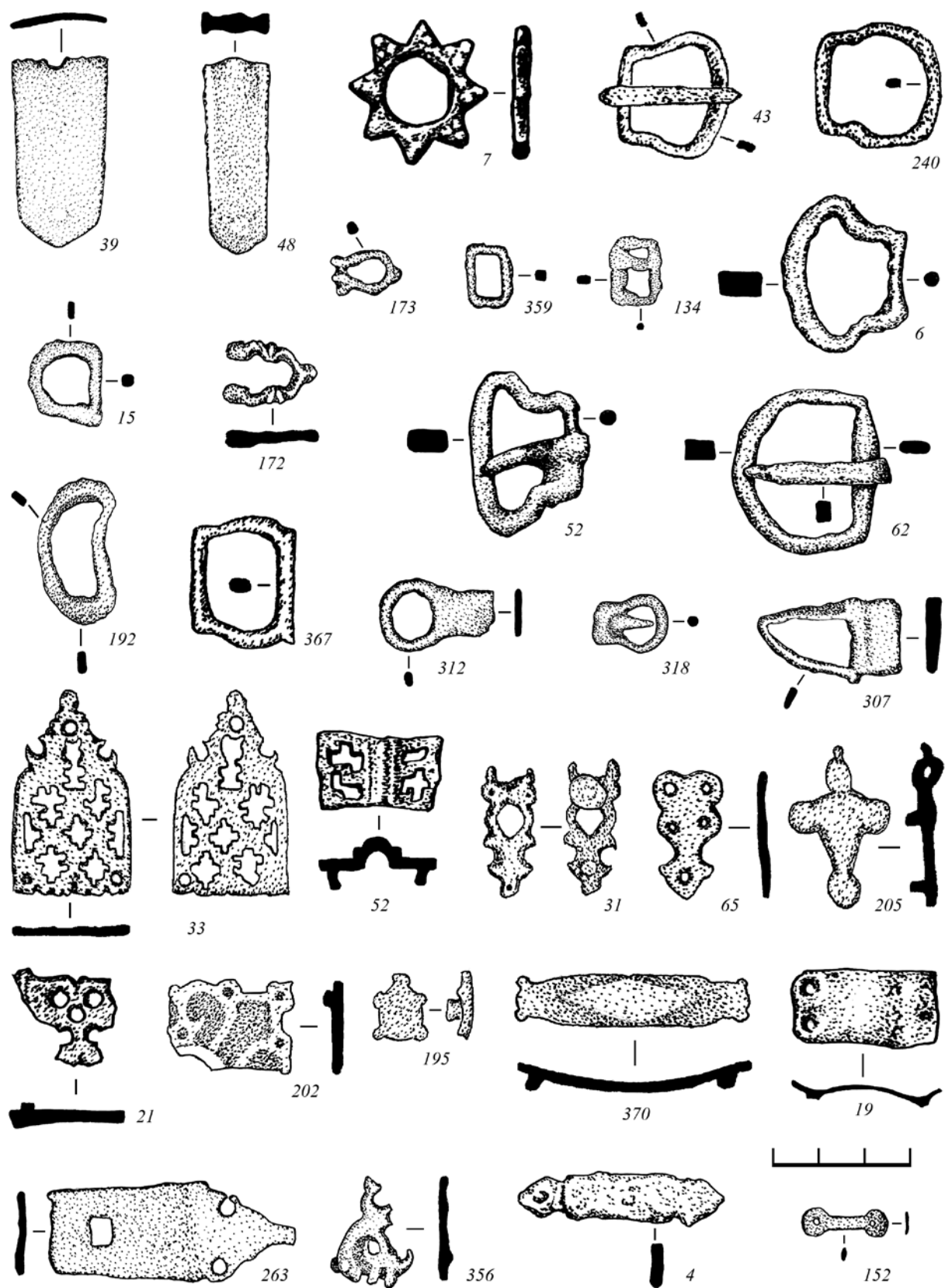

Рис. 5. Селище Скрипино-1. Детали ремня, пряжки, накладки.
(Номера соответствуют полевой описи)

1991. С. 129), на финно-угорских памятниках Прикамья (Голдина, Кананин, 1989. С. 191. Рис. 69, 1–4). Аналогичные железные изделия известны на домонгольских памятниках Волжской Булгарии (Казанов, 1991. С. 129), в кочевнических погребениях Восточной Европы X–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 47. С. 43. Рис. 7), на финно-угорских памятниках XI–XIII вв. в Приуралье (Иванов, 1997. С. 242. Рис. 57, 14). Похожая пряжка найдена на селище конца XIII – XIV в. Софьино-1 в Подмоскowie (Гоняный, 2009. С. 25–27). Помимо двух овальных, найдена еще одна треугольная пряжка, вероятно, имевшая тот же принцип крепления (раскоп 1, рис. 5, 307).

Группа 3. Накладки.

На селище найдено 14 накладок различных форм, 11 из которых изготовлены из цветных металлов. Наибольший интерес представляет ажурная пятиугольная накладка с фигурными прорезями (раскоп 1, рис. 5, 33), которая имеет близкую аналогию в Новгороде, где датируется 70-ми годами XIII в. (Седова, 1981. С. 159). Такие же фигурные прорези имеются и на прямоугольной накладке с валиком в центральной части (раскоп 3, рис. 5, 52).

Две ажурные накладки – с крючководными выступами и прорезным ромбом (раскоп 1, рис. 5, 31) и с пятью круглыми отверстиями (раскоп 1, рис. 5, 65), а также: крестовидная (раскоп 1, рис. 5, 205), пятичастная (раскоп 1, рис. 5, 195) и прямоугольная вытянутая с фигурными вырезами на концах (раскоп 1, рис. 5, 370) имеют близкие аналогии в Болгаре, где датируются второй половиной XIII – первой третью XV в. (Полякова, 1996. С. 201–207). К XIII–XV вв. можно предположительно отнести прямоугольную неорнаментированную (раскоп 3, рис. 5, 19) и фрагменты орнаментированных ажурных накладок (раскопы 1–3, рис. 5, 21, 202, 356). Найденные железные накладки (3 экз.) не имеют четкой хронологической привязки (раскоп 1, рис. 5, 4, 152, 263).

Группа 4. Предметы христианского культа.

В процессе раскопок на селище собрана коллекция из 35 находок, выполненных из цветного металла и янтаря (Баранов, 2015). Она включает обломок от верхней части передней створки энколпиона и 34 нательных креста. Все находки по периодам бытования можно разделить на три основные группы: XIII–XIV, XIV–XV и XV–XVI вв. Следует отметить, что в коллекции есть находки, имеющие более широкие датировки, но в целом, они не противоречат установленному периоду функционирования селища.

К периоду XIII–XIV вв. относятся: фрагмент передней створки энколпиона (верхнего медальона и оглавия) (рис. 6, 118), два целых и один фрагмент нательных криноконечных крестов (типа рис. 6, 8, 33) с растительным орнаментом и двенадцатиконечным крестом в средокрестии, крест-тельник с округлыми медальонами и белой эмалью внутри (рис. 6, 120), а так же нательный крест с простыми лопастями и вписанным в центр ромбическим медальоном (рис. 6, 117).

Хронологический отрезок XIV–XV вв. включает в себя всего три предмета: обломок нательного креста с плетеным ромбоконечным крестом в средокрестии (рис. 6, 16) и нательный крест с килевидной нижней лопастью (рис. 7, 372). Помимо изделий из цветных металлов, из заполнения ямы № 43 (раскоп 1) происходит янтарный крест-тельник (рис. 6, 236).

Самая многочисленная группа находок маркирует период XV–XVI вв. (11 экз.): кресты-тельники с килевидной нижней лопастью, с восьмиконечным Голгофским крестом и П-образной Голгофой (типа рис. 6, 14, рис. 7, 346) и др.

Довольно широкую датировку имеет проволоочный крест-тельник XII–XV вв. (рис. 6, 191). Находка креста XVIII в. с сердцевидными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия (рис. 6, 15) несколько выпадает их хронологического контекста памятника.

Группа 5. Нумизматический материал.

Представлен восьмью находками из культурного слоя и заполнения ямы № 34 (раскоп 1), включающими четыре серебряных денги и четыре медных пула³. Медные монеты для более точного определения нуждаются в реставрации. Наиболее ранними находками являются: пуло времени княжения Василия Дмитриевича, чекан первой четверти XV в. (рис. 7, 53) и денга Василия II Темного, отчеканенная в период 1425–1430 гг. (рис. 7, 199). К первой половине XV столетия относится еще одно пуло (рис. 7, 119). Две денги-новгородки связаны с периодами правления Ивана III и Василия III, чеканены в периоды 1480–1490 гг. (рис. 7, 25) и 1505–1515 гг. (рис. 7, 285). Остальные монеты относятся к эпохе Ивана IV Грозного – денга (1/2 копейки) чекана 1535–1547 гг. (рис. 7, 21) и два пула 1535–1560-х гг. (рис. 7, 181, 186). По мнению В. В. Зайцева, данный нумизматический материал укладывается в рамки начала XV – середины XVI столетия.

³ Определение нумизматического материала выполнено В. В. Зайцевым (ГИМ), за что авторы выражают ему свою благодарность.

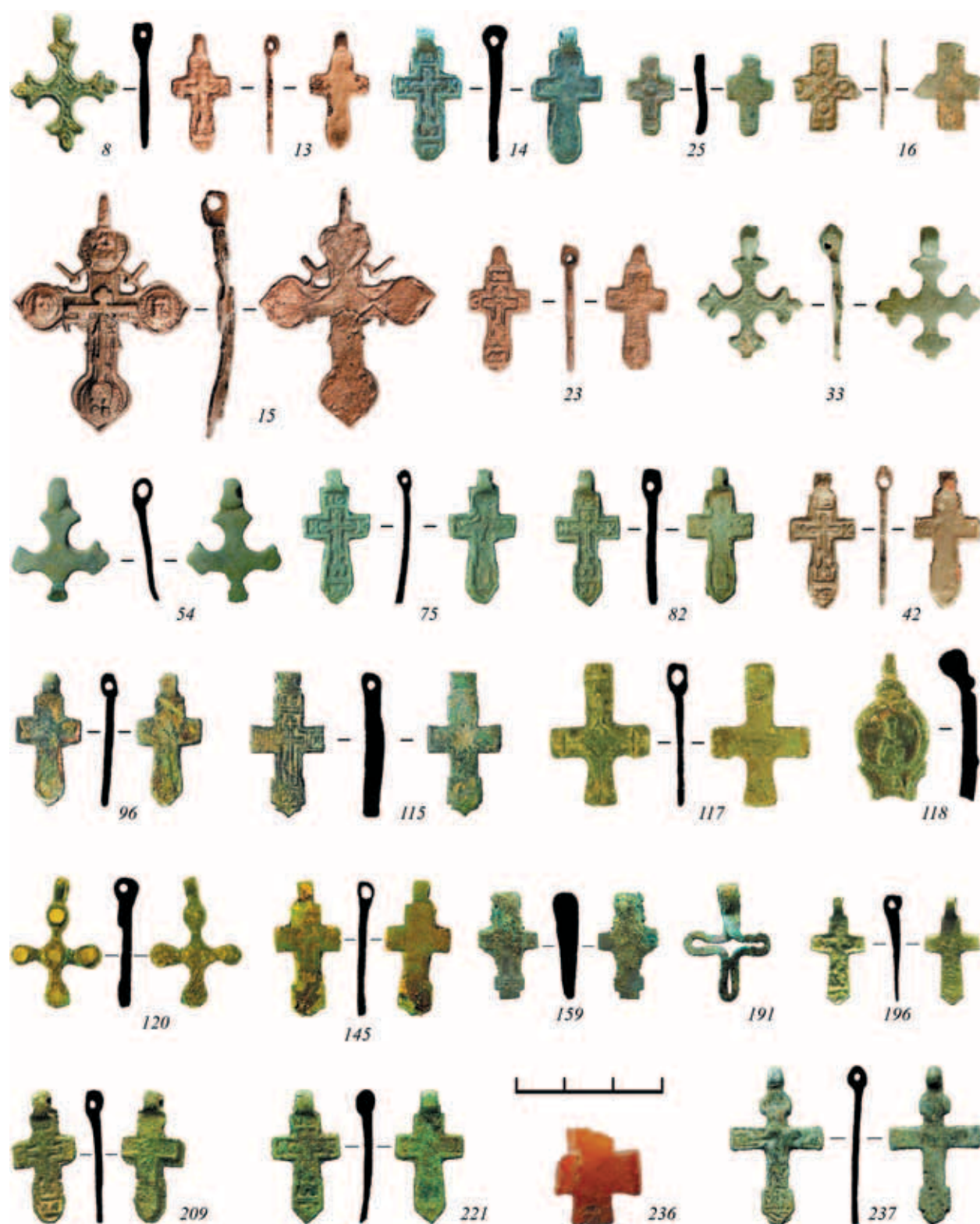

Рис. 6. Селище Скрипино-1. Предметы христианского культа.
(Номера соответствуют полевой описи)

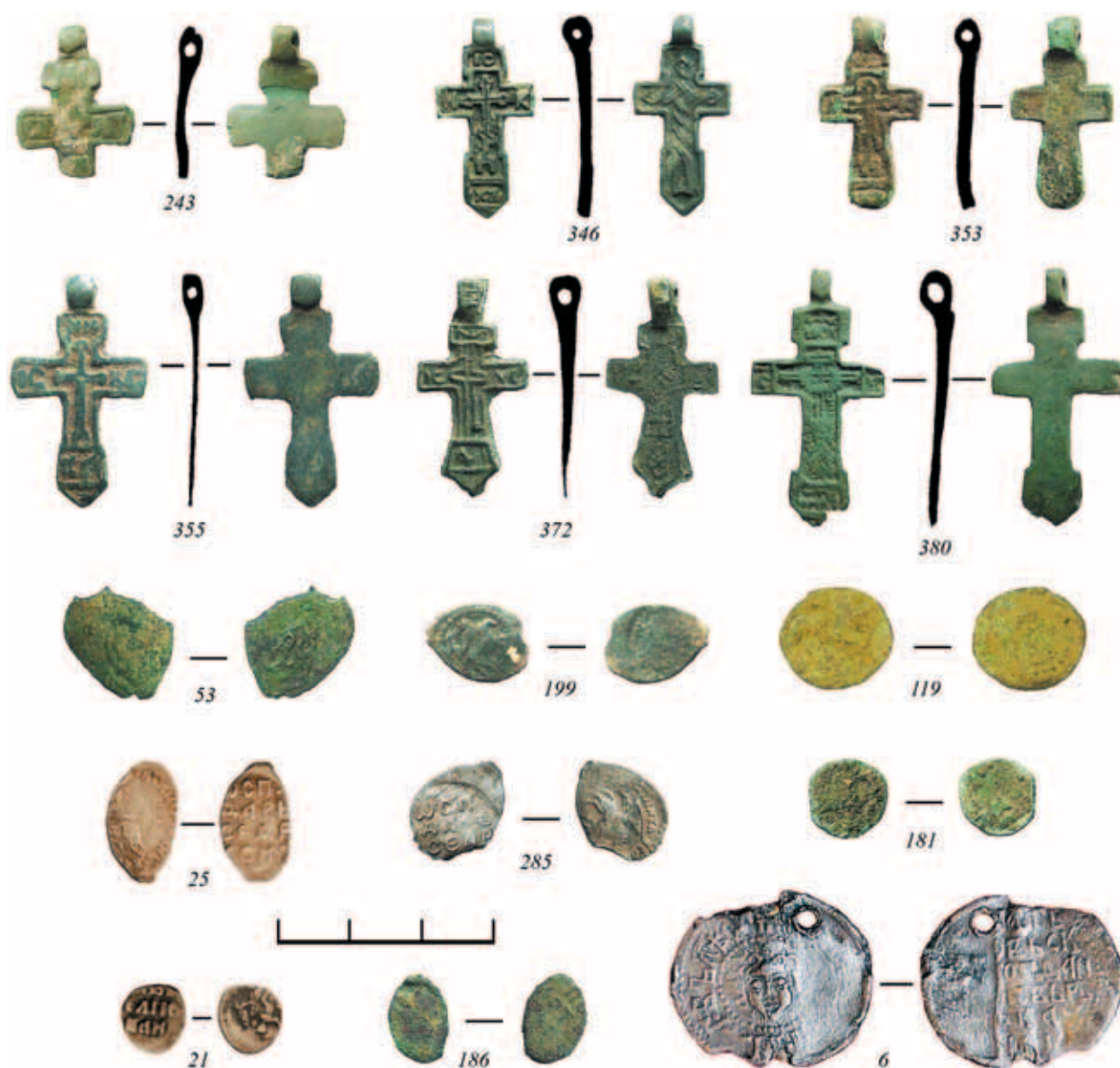

Рис. 7. Селище Скрипино-1. Предметы христианского культа, монеты, печать.
(Номера соответствуют полевой описи)

Группа 6. Вислая печать.

Одной из наиболее интересных находок является вислая печать из свинцово-оловянистого сплава, относящаяся к разряду псковских печатей, употреблявшихся в делопроизводстве в XV в. В верхней части имеется отверстие. На аверсе изображено бородатое мужское лицо в короне, заключенное в точечный ободок. Такой же, но менее выраженный ободок прослеживается и по краю печати. Между ободками расположена надпись. На реверсе

также надпись в шесть строк, указывающая на принадлежность печати Пскову (рис. 7, 6). Подобные печати начали употребляться в делопроизводстве около 1443 г. и использовались до 1468/69 гг.⁴

Группа 7. Предметы вооружения.

Представлены четыре железными черешковыми наконечниками стрел. Два из них имеют ромбовидную форму пера с расширением в нижней трети и упор. Один – с уплощенным сечением пера, другой – с ромбовидным (раскоп 1, рис. 8, 64;

⁴ Определение выполнено С. В. Белецким (ИИМК РАН), за что авторы выражают ему свою благодарность. Более подробно см.: Модин, 2018.

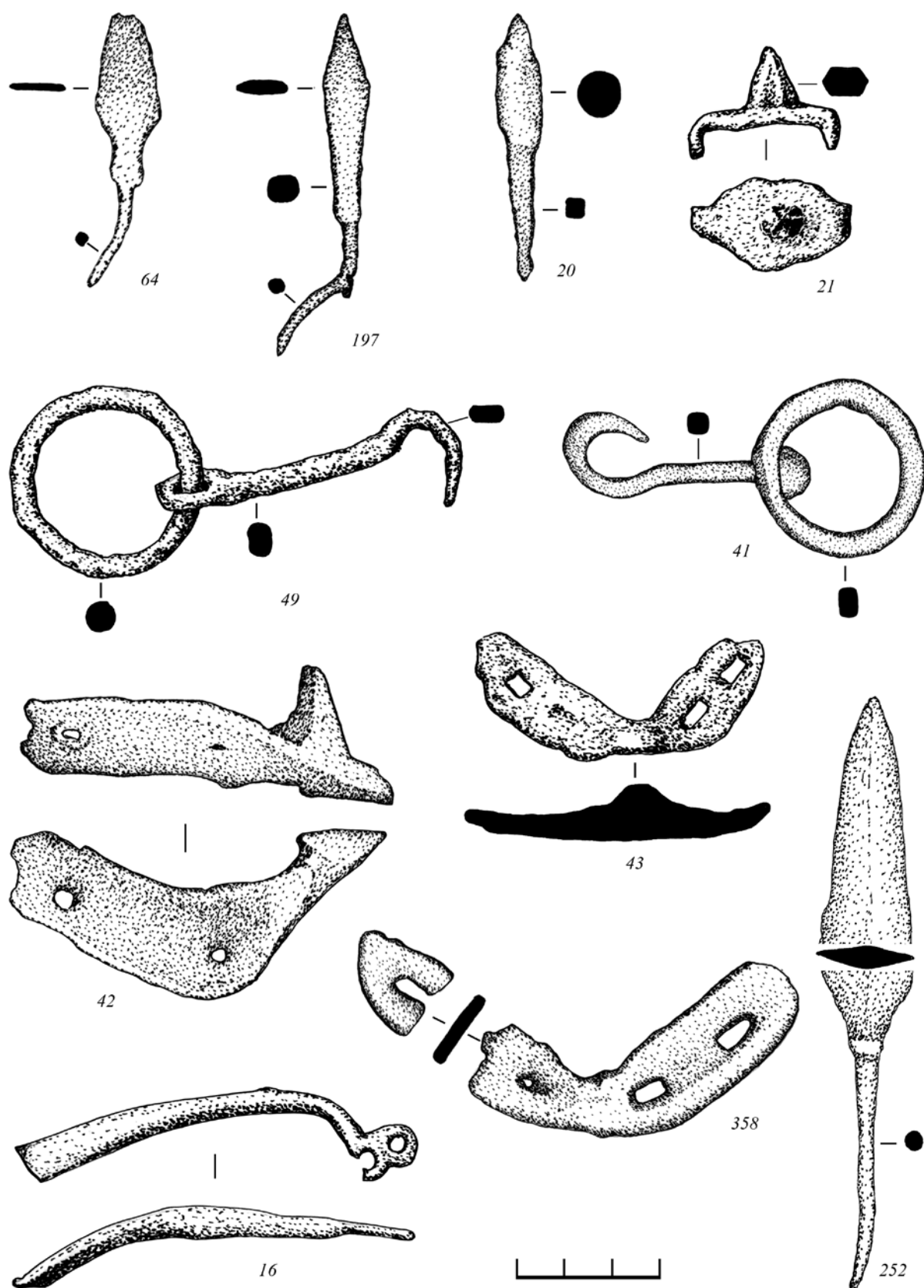

Рис. 8. Селище Скрипино-1. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня.
(Номера соответствуют полевой описи)

яма № 48, рис. 8, 252). Схожи с наконечниками типа 40 (IX–XIV вв.) по классификации А. Ф. Медведова (1966. С. 64–65). На территории Московской Руси встречаются и в позднесредневековых слоях (Тушинский лагерь, Москва, Радонеж, Коломна и др.) (Двуреченский, 2007а. Рис. 8, 2–11; 9, 1, 4–10, 12, 14; Двуреченский, 2007б. С. 283–285; Ульянова, 2008. Рис. 2, 7, 8, 13). Скрипинские находки близки варианту 6в позднесредневековых наконечников по классификации О. В. Двуреченского (2007б. С. 283–285; 292–293. Рис. 23–25).

Еще один наконечник имеет ромбовидную, вытянутую форму пера с расширением в верхней трети и упор. Форма сечения пера – уплощенная (раскоп 1, рис. 8, 197). Аналогичен наконечникам типа 51 (X–XIV вв.) по А. Ф. Медведову (1966. Табл. 16, 13; 30, 47). В позднем средневековье подобные наконечники, относящиеся к типу 9б, продолжают встречаться вплоть до XVII в. (Двуреченский, 2007б. С. 286).

Плохая сохранность последнего наконечника не позволяет достоверно определить его типологическую принадлежность (раскоп 1, рис. 8, 20). Возможно, он принадлежит одной из разновидностей наконечников типов 1а и 1б по О. В. Двуреченскому, имеющих широкий хронологический диапазон, вплоть до XVII в. (Двуреченский, 2007б. С. 281–282).

Группа 8. Предметы снаряжения всадника и коня.

Удила представлены двумя фрагментами, каждый из которых состоит из одного звена грызла и круглого кольца (раскоп 1, рис. 8, 41; раскоп 3, рис. 8, 49). Относятся к типу IV (с IX–X вв.) по классификации А. Н. Кирпичникова (1973. С. 16–17), в позднем средневековье продолжают оставаться наиболее распространенными. На территории Подмоскovie аналогичные удила также найдены в ряде пунктов (Тушинский лагерь, Коломна, Икша-1 и др.) (Двуреченский, 2007а. С. 275. Рис. 21, 4, 5; Ульянова, 2008. С. 202. Рис. 6, 1, 4; Прошкин, 2014. С. 78. Рис. 3, 5).

Тремя экземплярами представлены железные конские подковы. Два изделия имеют сегментовидную форму с одним передним шипом и двумя прямоугольными отверстиями для гвоздей с каждой стороны шипа (раскоп 1, яма № 58, рис. 8, 358; раскоп 3, рис. 8, 43). Относятся к первому варианту первого типа (Кирпичников, 1973. С. 83–84). У подков этого варианта ширина, как правило, в два раза превышает длину. Они набивались только на переднюю часть копыта. В Москве и Подмоскovie они датируются XV–XVII вв. (Двуреченский, 2004б. С. 240).

Третья подкова представлена обломком, сохранившаяся часть имеет один шип и два круглых отверстия для гвоздей (раскоп 1, рис. 8, 42). Предположительно отнесена ко второму типу подков. Наиболее ранние находки известны на древнерусских памятниках (Кирпичников, 1973. С. 84). Их характерной особенностью по сравнению с более поздними изделиями является извилистый внешний край. В Москве и ее округе подобные подковы известны на памятниках XVI–XIX вв. (Двуреченский, 2004б. С. 240).

Интересна находка *ледоходного шипа* (раскоп 3, рис. 8, 21). Они встречаются на памятниках как домонгольского, так и более позднего времени (Кирпичников, 1973. С. 80), в том числе и на территории Подмоскovie (Алексеев, 2004. С. 182. Рис. 5, 2; Ульянова, 2008. С. 204. Рис. 8, 3–6).

Со снаряжением всадника связана находка *обломка шпоры* (подъемный материал, рис. 8, 16). От изделия сохранилась только половина дужки, оканчивающейся коленчатым изгибом и утолщением с двумя отверстиями для ремней. По типологии Ю. М. Бохан, разработанной для шпор эпохи позднего средневековья на материалах с территории Великого княжества Литовского, это шпора наиболее ранней группы I (XIII–XV вв.) (Бохан, 2002. С. 222–223; Рис. 21, 2). На территории Подмоскovie имеется аналогия с поселения Котово-1, из заполнения ямы с материалами последней трети XV – середины XVI в. (Гоняный и др., 2005. С. 187. Рис. 3, 1).

Группа 9. Предметы быта.

Наиболее многочисленная группа находок (243 экз.), включающая различные изделия из цветных металлов, железа, глины и камня: ножи, замки, ключи и т. п. К данной группе отнесена и керамическая коллекция (5325 экз.).

Ножи (89 экз.) по морфологическому признаку делятся на два основных вида. К первому виду (3 экз.) относятся ножи с накладными ручками на заклепках (раскоп 1, рис. 9, 180, 267; раскоп 1, яма № 49, рис. 9, 276). В Новгороде такие ножи появляются не ранее рубежа XIII–XIV вв., но основное время их распространения приходится на XV–XVI вв. (Завьялов, Розанова, 1992. С. 125). Известны подобные находки и на территории Подмоскovie (Настасьино, Боброво-2 и др.) (Двуреченский, 2004а. С. 40. Рис. 60; Богомолов и др., 2016. С. 201. Рис. 28, б). К второму виду относятся черешковые ножи, имеющие уступы при переходе от черешка к лезвию раскопы 1–3, рис. 9; раскоп 1, яма № 25а, рис. 9, 123; яма № 34, рис. 10, 182, 184; яма № 43, рис. 10, 233, 234; яма № 48, рис. 10,

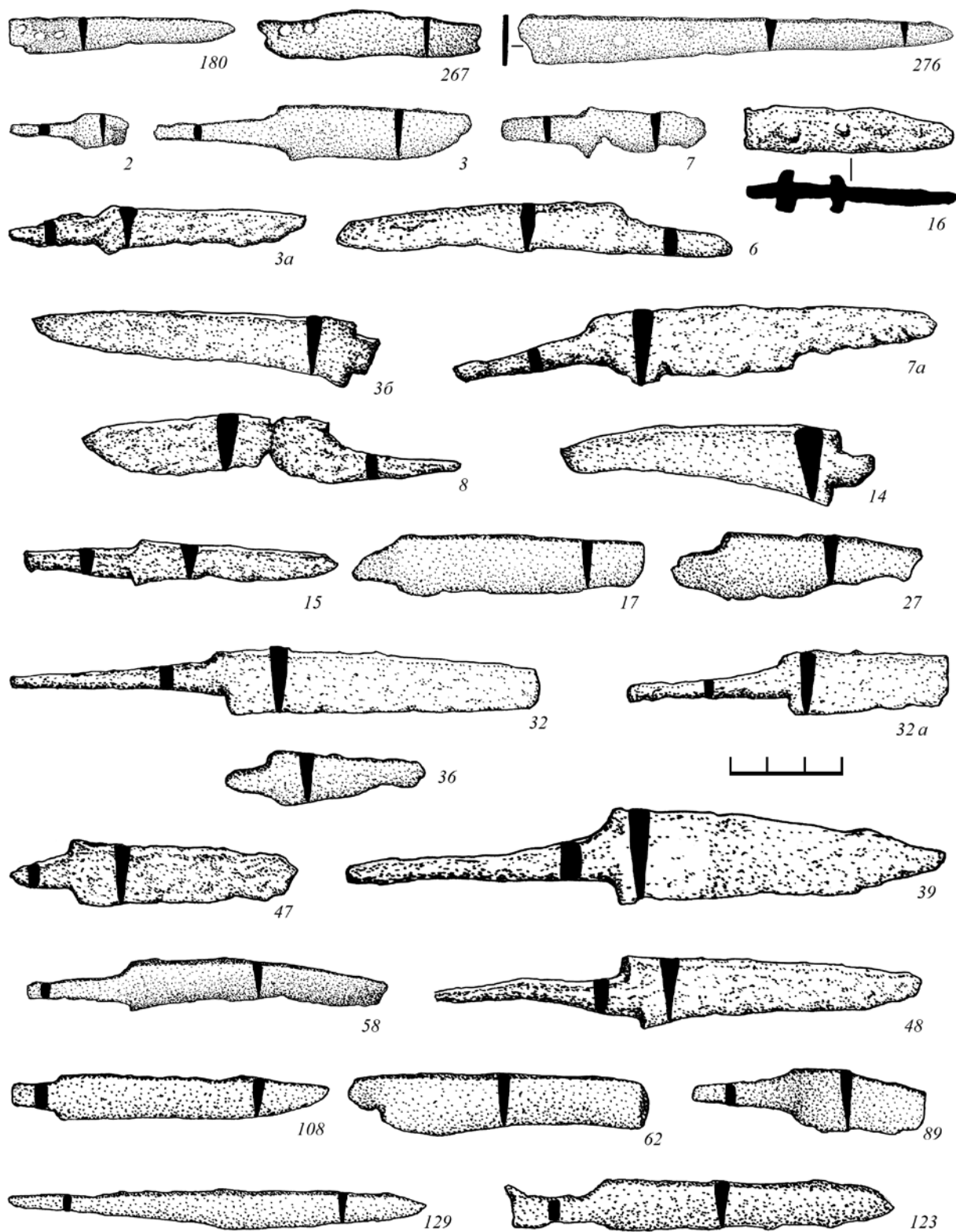

Рис. 9. Селище Скрипино-1. Ножи и фрагмент рукояти пластинчатого ножа (№ 16).
(Номера соответствуют полевой описи)

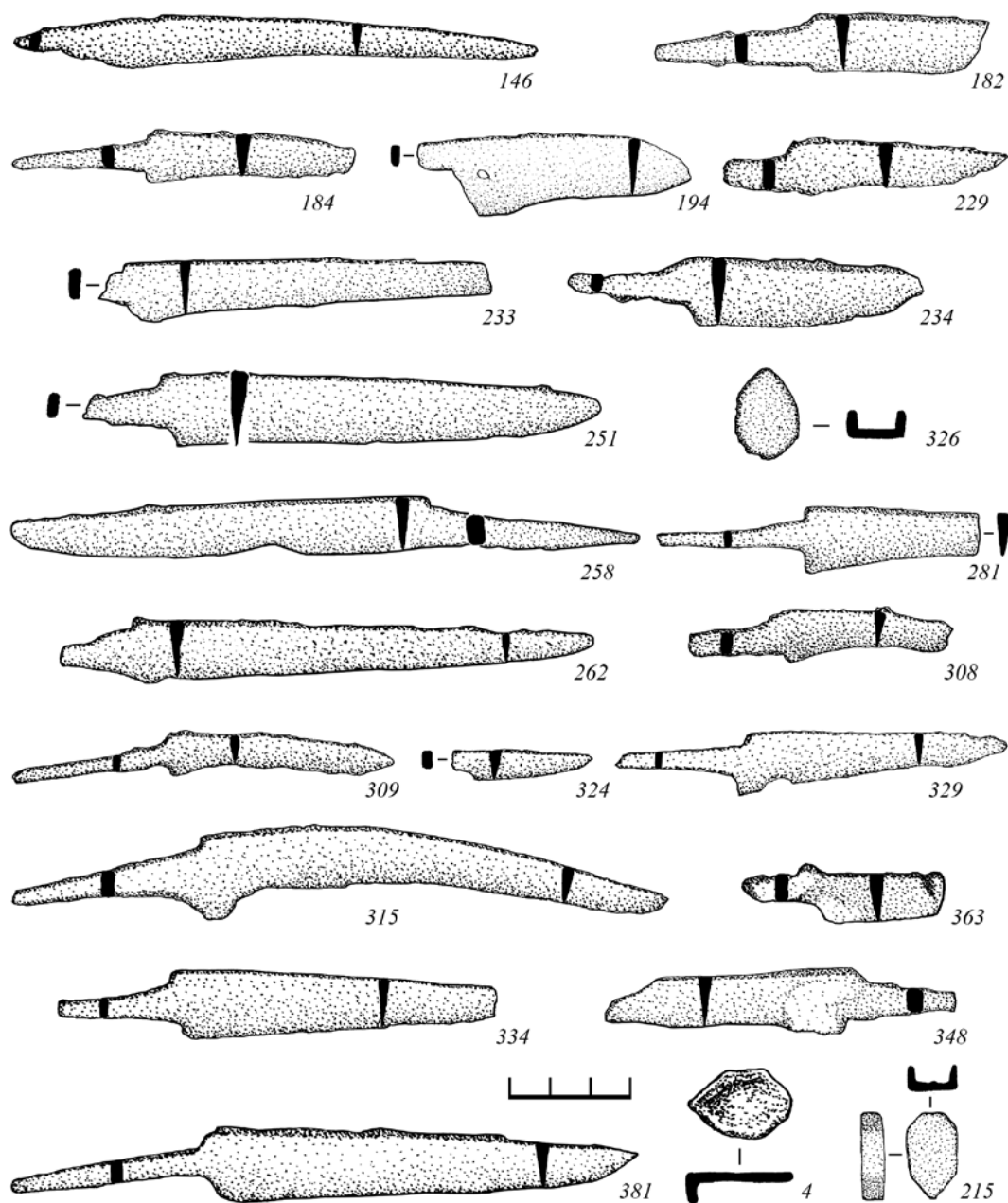

Рис. 10. Селище Скрипино-1. Ножи и навершия рукоятей (№ 44, 215, 326).
(Номера соответствуют полевой описи)

251; яма № 49, рис. 10, 281; ямы № 54, 54а, 54б, рис. 10, 308, 309, 315, 329, 334; яма № 55, рис. 10, 348 и др.). Имели очень широкое распространение во времени и пространстве.

С ножами связаны находки обломков и деталей рукоятей (6 экз.) Одна из них представляет собой фрагмент рукояти от пластинчатого ножа (раскоп 3, рис. 9, 16), остальные – навершия на рукояти многоугольной формы (раскоп 3, рис. 10, 44; раскоп 1, яма № 43, рис. 10, 215, яма № 54а, рис. 10, 326). Две детали представлены обойми-

цей и навершием из цветного металла (раскоп 1, рис. 14, 61, 68) и, судя по аналогиям, относятся к XIII–XV вв. (Полякова, 1996. С. 235; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 56).

Обломки замков и ключи железные представлены 25 экземплярами. Среди них имеются два целых корпуса и фрагмент с отверстием для ключа от замков типа В1 (раскоп 1, рис. 11, 5, 177; раскоп 2, яма № 7, рис. 11, 39). Подобные замки появились в Новгороде во второй половине XII в. (Колчин, 1959. С. 86; 1982. С. 162. Рис. 3). По уточ-

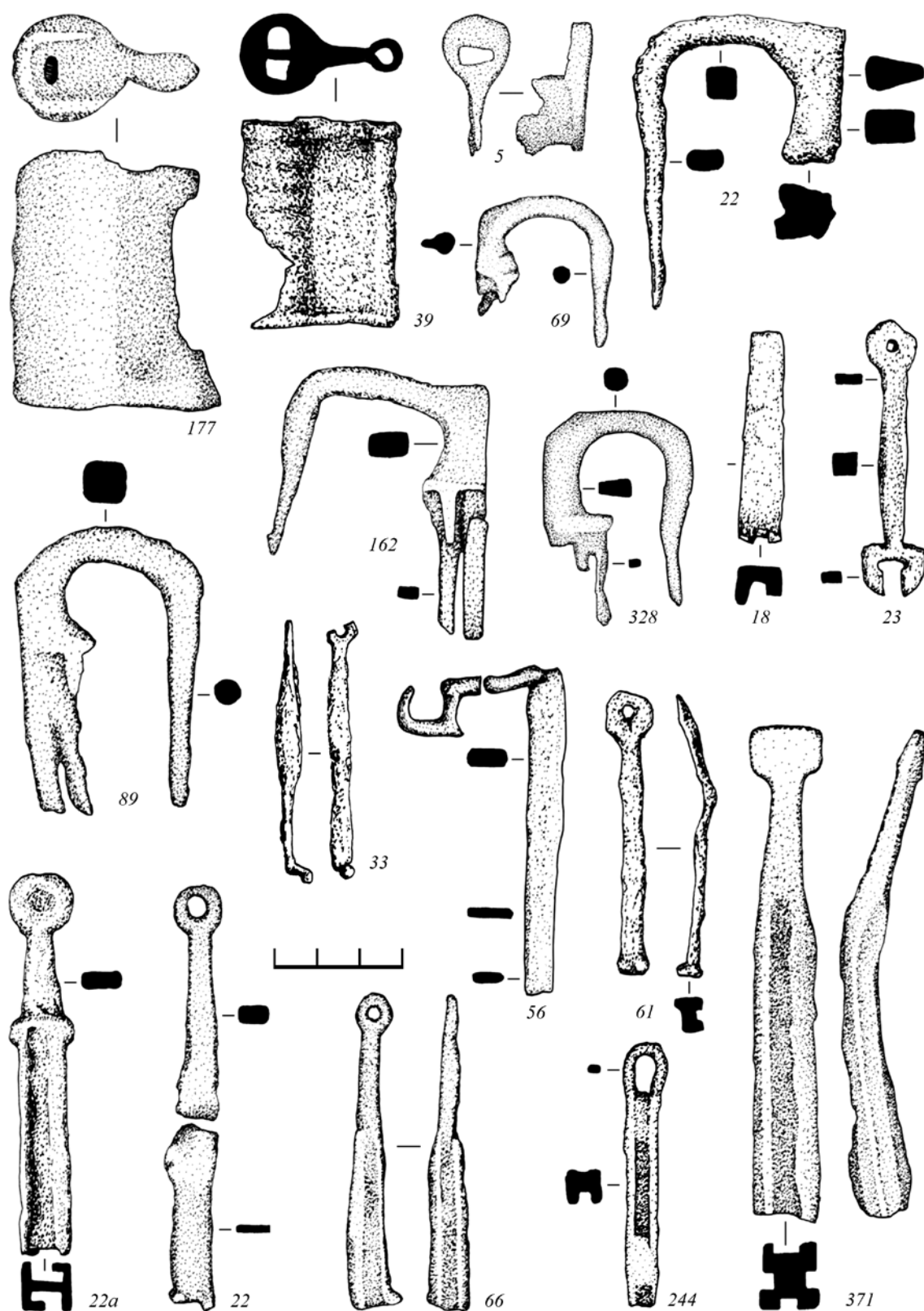

Рис. 11. Селище Скрипино-1. Замки и ключи.
(Номера соответствуют полевой описи)

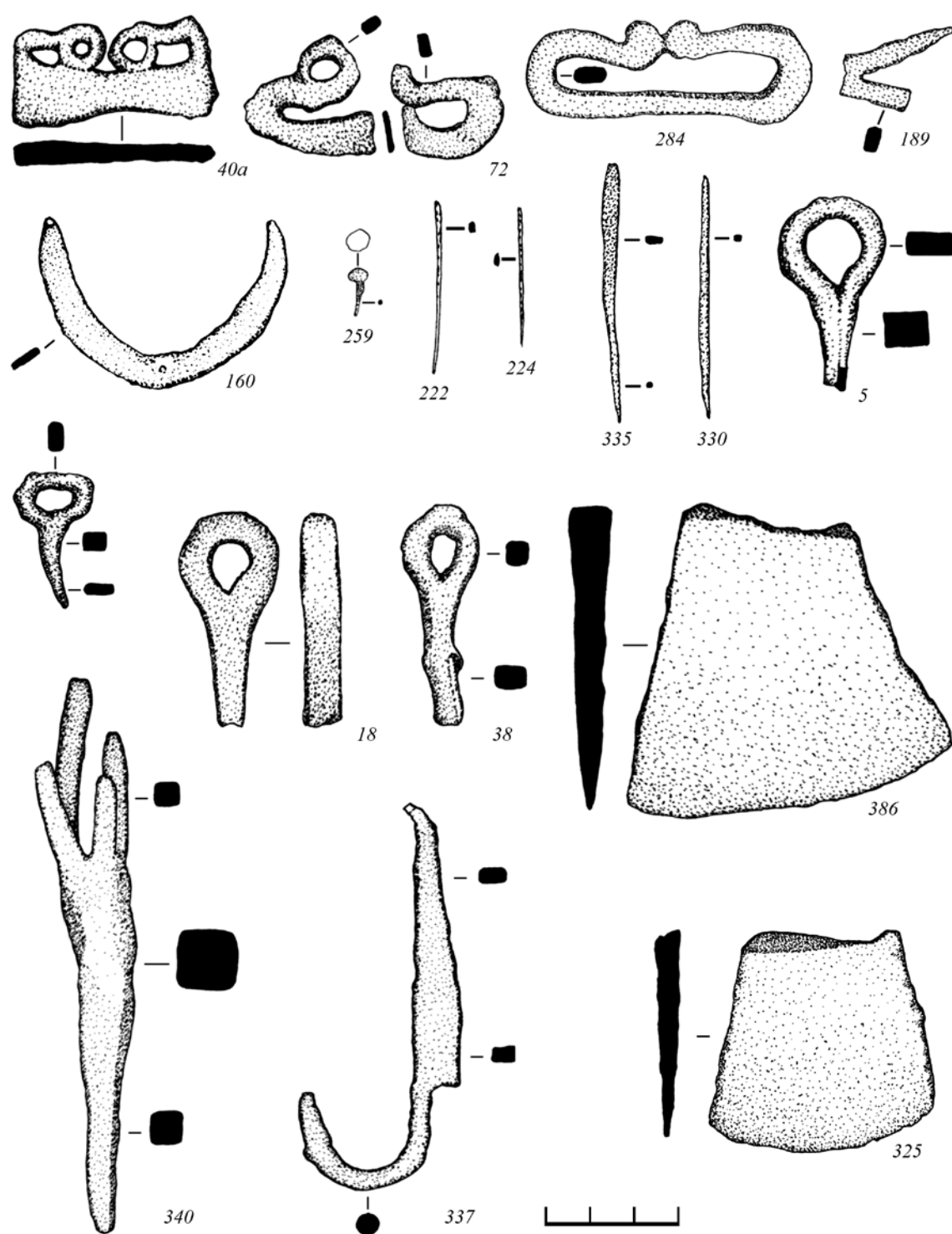

Рис. 12. Селище Скрипино-1. Предметы быта.
(Номера соответствуют полевой описи)

ненным в последнее время данным, пик их распространения приходится на первую половину XIII в., а окончательно они выходят из употребления к концу XIV в. (Кудрявцев, 2014. С. 14). Аналогии с территории Подмосковья происходят

с поселений Десна-3, Боброво-2, Настасьино, Рождественно-1 и др. (Прошкин и др., 2016. С. 148. Рис. 3, 6; Богомолов и др., 2016. С. 198. Рис. 25, 3; Двуреченский, 2004а. С. 239. Рис. 77, 13; Богомолов и др., 2012. С. 376. Рис. 2, 7). Четкую типоло-

гическую принадлежность остальных фрагментов определить сложно (раскопы 1–3, рис. 11, 69, 89, 162 и др.; раскоп 1, яма № 54а, рис. 11, 328).

В числе ключей (10 экз.) – два от нутряных замков. Первый из них представляет стержень Г-образной формы с утолщенной головкой и петлей для подвешивания (раскоп 2, рис. 11, 33). Второй – с Т-образной лопастью, вероятно, связан с замком для сундука или ларца (подъемный материал, рис. 11, 23). Подобные ключи известны в Новгороде, где найдены в слоях XII – первой половины XIII в. Аналогичный ключ найден в Историческом проезде Москвы в постройке второй половины XIII в. (Кудрявцев, 2012. С. 17, 122). Остальные ключи – от цилиндрических замков разных типов – В (подъемный материал, рис. 11, 18), Г (раскоп 1, рис. 11, 371), Д и Е (раскопы 1, 3, рис. 11, 22а, 61, 244). Время их бытования – XIII–XV вв. (Кудрявцев, 2012. С. 120, 124. Рис. 1; 2014. С. 15). Определить, к каким замкам относятся еще три ключа, затруднительно (раскопы 1, 3, рис. 11, 22, 56, 66).

Железные *кресала* (4 экз.) принадлежат к двум типам – калачевидные без язычка и овальное. Два изделия с завитыми концами относятся к типу кресал, широко распространенному в XI–XIV вв. на древнерусских и позднесредневековых памятниках (раскоп 1, рис. 12, 72; яма № 48, рис. 12, 284) (Колчин, 1982. С. 163. Рис. 4; Евлевская, Потемкина, 2000. С. 185). Более поздним является калачевидное кресало пластинчатой формы с загнутыми верхними концами, оканчивающимися петлями (раскоп 1, рис. 12, 40а). Аналогичное найдено в Новгороде в слое XVI в. (Колчин, 1959. Рис. 87, 4). Еще один экземпляр является обломком овального заостренного кресала (раскоп 1, яма № 34, рис. 12, 189). Подобные изделия были распространены как в XII–XIV вв., так и в более позднее (вплоть до XVI в.) время (Дубынин, 1956. Рис. 43, 7; Колчин, 1982. С. 163. Рис. 4; Евлевская, Потемкина, 2000. С. 188).

Единичной находкой представлена железная *обувная подковка* (раскоп 1, рис. 12, 160), изготовленная из узкой пластины, на концах которой прослежены следы от креплений в виде штифтов. По типу крепления может быть отнесена к врезной. Подобные изделия были распространены в Москве в XVI–XVII вв. (Векслер и др., 1997. С. 116). Встречаются они и на позднесредневековых селищах Подмосковья (Гоняный, 2009. С. 30. Рис. 4, 8; Чернов, 2015. С. 321. Рис. 12а, 20).

К предметам быта также относятся и такие железные изделия как: кованые гвозди и их обломки (70 экз.) (раскоп 1, яма № 49, рис. 12, 259 и др.), иглы (17 экз.) (раскоп 1, яма № 43, рис. 12, 222,

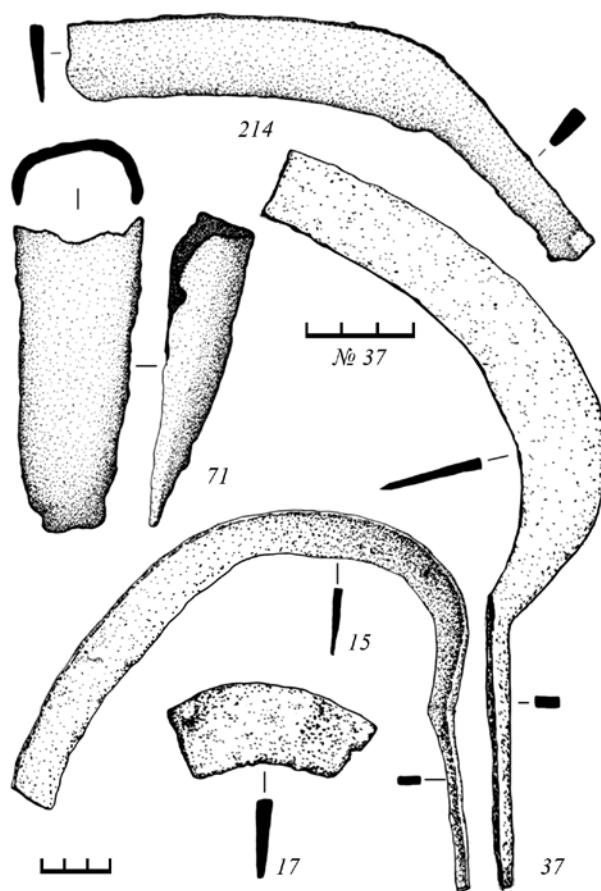

Рис. 13. Селище Скрипино-1. Сельскохозяйственные орудия. (Номера соответствуют полевой описи)

224 и др.), пробои (12 экз.) (раскопы 1–3, рис. 12, 5, 18, 28, 38 и др.), однолучинный с прямыми лопастями светец (раскоп 1, рис. 12, 340), скоба (раскоп 1, рис. 12, 337), шилья (3 экз.) (раскоп 1, ямы № 54, 54а, 54б, рис. 12, 330, 335), фрагменты лезвий топоров (2 экз.) (раскоп 1, рис. 12, 386; яма № 54а, рис. 12, 325).

К категории *сельскохозяйственных орудий* относятся: наконечник пахотного орудия (раскоп 1; рис. 13, 71), три серпа (два целых и один фрагмент) (раскопы 1, 3, рис. 13, 15, 17; раскоп 2, яма № 6, рис. 13, 37) и серповидное орудие (раскоп 1, яма № 44, рис. 13, 214).

Бытовые предметы из цветного металла представлены копоушкой, обломками котлов, грузиками, чашечкой от весов (?) и фрагментами неопределенных предметов.

К предметам личной гигиены относится копоушка (раскоп 1; рис. 14, 161). Известны как в древнерусское, так и в позднесредневековое время (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 56; Лапишин, 2009. С. 95, 115–116).

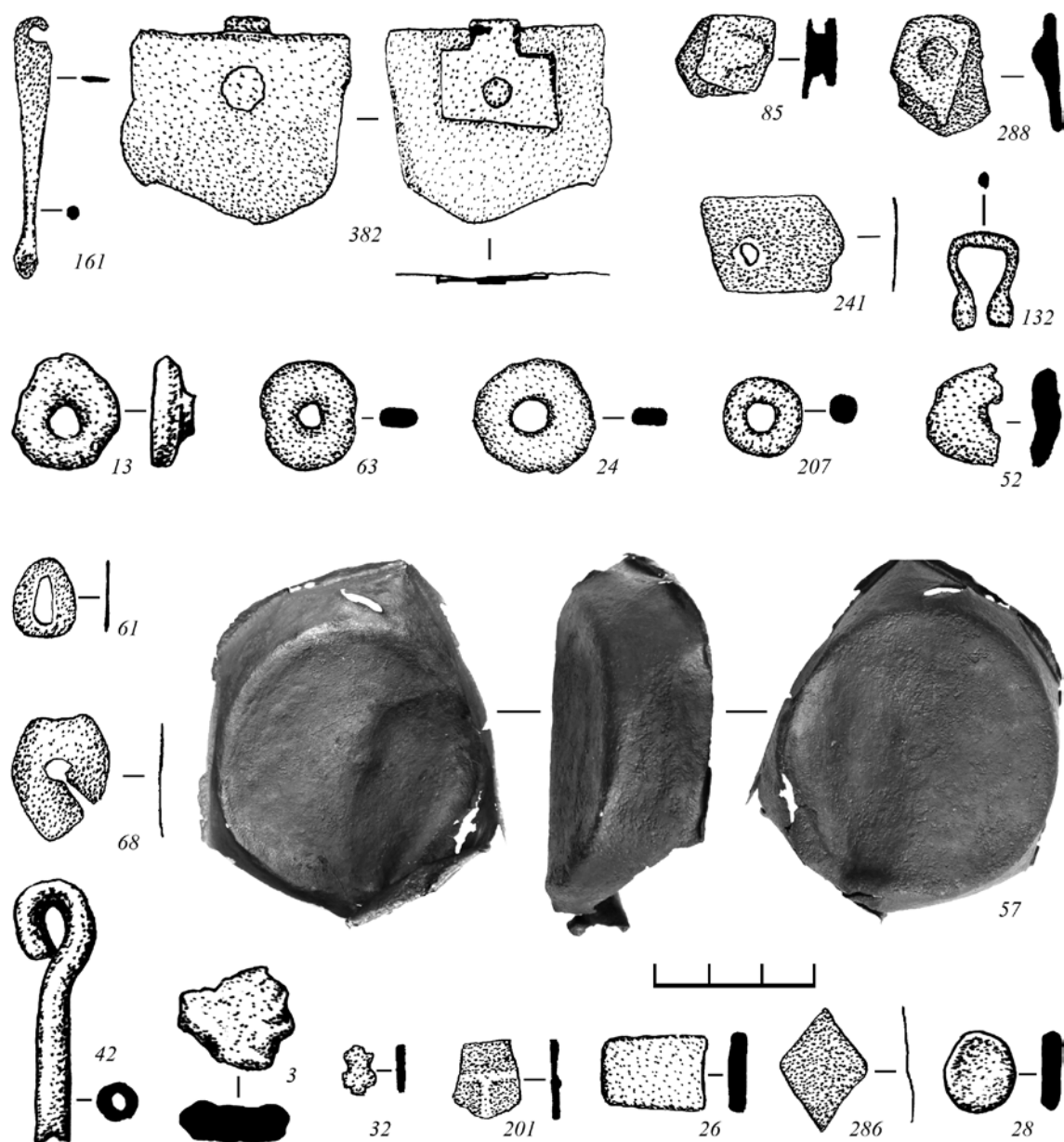

Рис. 14. Селище Скрипино-1. Различные предметы быта.
(Номера соответствуют полевой описи)

Деталими котлов являются ушко на заклепках и сложенная вдвое пластина, приклепанная к бортику (раскоп 1; яма № 32, рис. 14, 132, 382), а также, вероятно и обломки пластин с заклепками и отверстиями (раскоп 1; рис. 14, 85, 241, 288 и др.). Фрагменты и детали котлов, как и целые изделия, встречаются на древнерусских памятниках, начиная с X в. Подавляющее большинство находок происходит с территории Волжской Булгарии и Золотой Орды (Руденко, 2000. С. 43–44, 54–55; Полубояринова, 2004. С. 180). В Твери встречаются в горизонтах конца XIII – первой половины XIV в. (Латшин, 2009. С. 111).

Грузики представлены пятью экземплярами из свинцово-оловянистого и медного сплавов: усеченно-коническим с вогнутым верхним основанием, в центре которого расположена втулка (раскоп 2; рис. 14, 13), дисковидными (раскоп 1; рис. 14, 24, 63, 207) и деформированным фрагментом (раскоп 1; рис. 14, 52). Усеченно-конический грузик соответствует поздним золотоордынским экземплярам, которые были меньше домонгольских (Полякова, 1996. С. 236–237). Дисковидные грузики в Новгороде датируются временем после 1340 г. (Лесман, 1990. С. 84).

Установить функциональное назначение небольшой чашечки (5,3 см в диаметре и 2 см в высоту) достаточно сложно. Возможно, она имела отношение к весам (раскоп 3; рис. 14, 57). К неопределенным предметам относятся обломок загнутого крючка из полый трубки диаметром 0,8 см (раскоп 2; рис. 14, 42), оплавков (раскоп 1, рис. 14, 3) и фрагменты пластин (раскопы 1, 2; рис. 14, 26, 28, 32, 201, 286).

Керамическая коллекция.

Вся рассматриваемая керамика изготовлена на гончарном круге на этапах РФК 5–7⁵. Незначительное число фрагментов стенок (около 50, в основном придонных частей сосудов) сформовано ленточным налепом с дальнейшим профилированием на гончарном круге. Определяются по следам заглаживания швов между соединительными лентами на внутренней стороне сосудов. Основная масса керамики изготовлена методом вытягивания на ножном гончарном круге. С внутренней стороны стенок сосудов имеются следы рифления. Большинство фрагментов и частей сосудов с гладкими стенками.

По обработке поверхности керамика делится на две неравные группы. Группа 1 – керамика без дополнительной обработки поверхности составляет подавляющее большинство (4898 экз.). Незначительное число фрагментов (не менее 103 экз.) имеет шероховатую и бугристую поверхность. Около 130 фрагментов имеют следы чернения или морения, что связано с процессом обжига.

Группа 2 – керамика с дополнительной обработкой поверхности – 37 фрагментов сосудов красного и коричневого цвета с лощением на внешней стороне. Лощение встречено двух типов. Тип 1 – полосчатое разреженное, нанесенное вертикально и горизонтально относительно профиля сосуда, отмечено на 29-ти фрагментах стенок и ручек сосудов. Тип 2 – сплошное лощение, присутствует на восьми стенках и одной ручке.

По наблюдениям исследователей, краснолощенная посуда появляется в Москве в первой половине XV в. (Бойцов, 1991. С. 38). Из ямы № 44 раскопа 1 происходит часть красноглиняной кружки с выложенным орнаментом, аналогии которой известны также в Москве в комплексах XV – начала XVI в. (Беляев, 1991а. Табл. 110, 16–18).

По различиям в составе формовочных масс керамика делится на две основные группы: с минеральными примесями и без видимых примесей. В составе первой группы преобладающей является керамика с примесью песка в тесте (ок. 2100 экз.).

Значительное число фрагментов сосудов в составе формовочной массы имеют примеси песка и мелкой дресвы при преобладании песка (ок. 1100 экз.), и незначительное количество – примеси песка и шамота (380 экз.). Еще меньше фрагментов (270 экз.), где формовочная масса приготовлена по рецепту: глина с мелкой дресвой.

Вторая группа керамики – без каких-либо визуально определяемых примесей (ок. 1050 экз.). Следует отметить, что в числе этой группы имеется керамика с естественной примесью очень мелкого песка.

Керамика окислительного обжига включает 3349 фрагментов с белым, красным, красно-коричневым и коричневым цветом поверхности и, в большинстве случаев, излома. Керамика восстановительного обжига насчитывает 1460 фрагментов, имеющих серый цвет поверхности и излома. Выделяется небольшая по числу (126 экз.) группа неопределимой керамики, поверхность которой несет следы морения или сильного нагара.

Небольшим числом находок представлены фрагменты грубых белоглиняных сосудов из культурного слоя и заполнения ряда ям. По мнению исследователей, грубая белоглиняная посуда появляется в конце XV в. и широко бытует в следующем, XVI столетии (Чернов, 1991б. С. 51).

Типология венчиков и верхних частей круговых сосудов, в данном случае играющих роль условных хроноиндикаторов, дается в соответствии с типологией венчиков, разработанной В. Ю. Ковалем с учетом их конструктивных схем и способа формовки края (Коваль, 2014). В морфологическом отношении определяются 27 типов венчиков сосудов, датирующихся в пределах XII–XVII вв.

Наиболее многочисленным является тип 13 – не менее 113 фрагментов. Это отогнутые наружу прямые венчики с черновым краем, завернутым внутрь. Выделяются три подтипа: 13/1 – черновой край венчика прижат к внутренней стороне устья и оформлен в виде небольшого валика (рис. 15, 14; 16, 2, 12; 17, 8; 18, 16 и др.); 13/2 – короткие венчики с черновым краем в виде крупных валиков (рис. 15, 17 и др.), 13/3 – венчики с подтреугольной или близкой к ней профилировкой края. Датируются по многочисленным аналогиям в пределах XII–XV вв. Венчики подтипов 13/1 и 13/2 характерны для территории Среднего Поочья, включая и Подмоскovie, с конца XII – XIII в. (Коваль, 2014. С. 542). Так, на селище Икша-1 они найдены в заполнении ямы № 83 с материалами XIII в. (Прошкин, 2014. Рис. 5, 11).

⁵ Для статистической фиксации использовались обломки сосудов площадью не менее 4–5 кв. см.

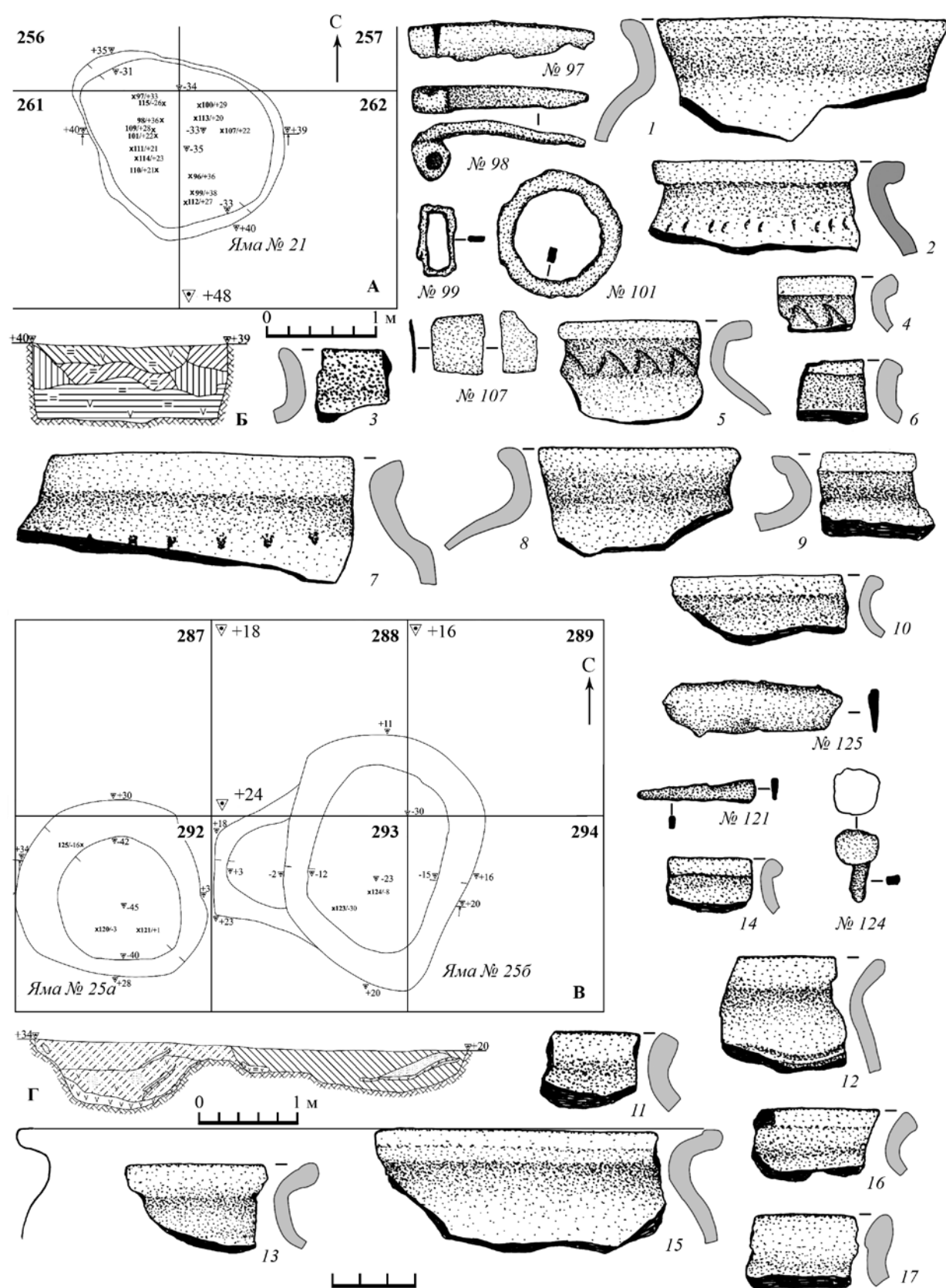

Рис. 15. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, ямы № 21, 25а, 25б.
Планы после выборки заполнения и профили. Находки из заполнения

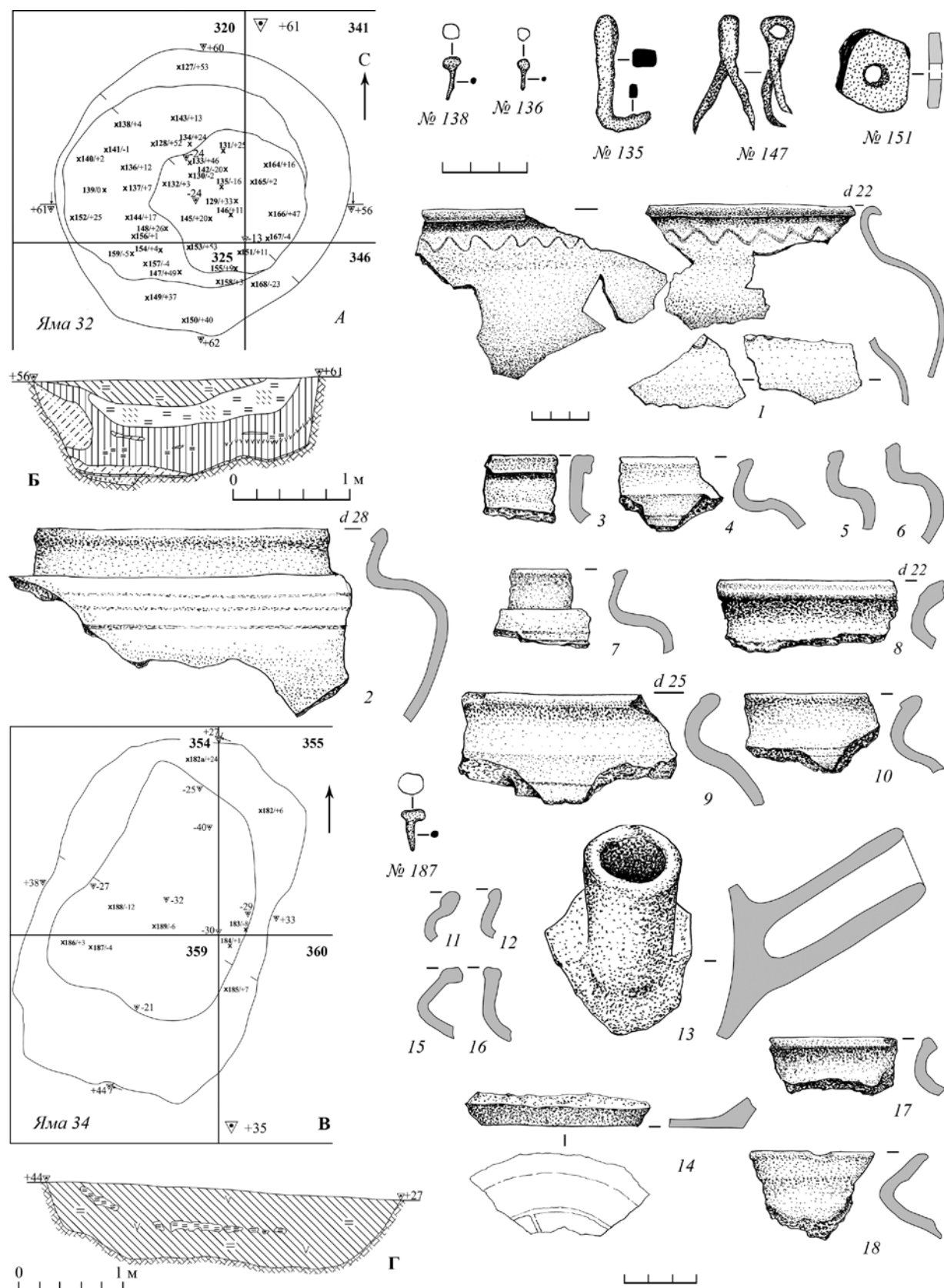

Рис. 16. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, ямы № 32 и 34. Планы после выборки заполнения и профили. Находки из заполнения

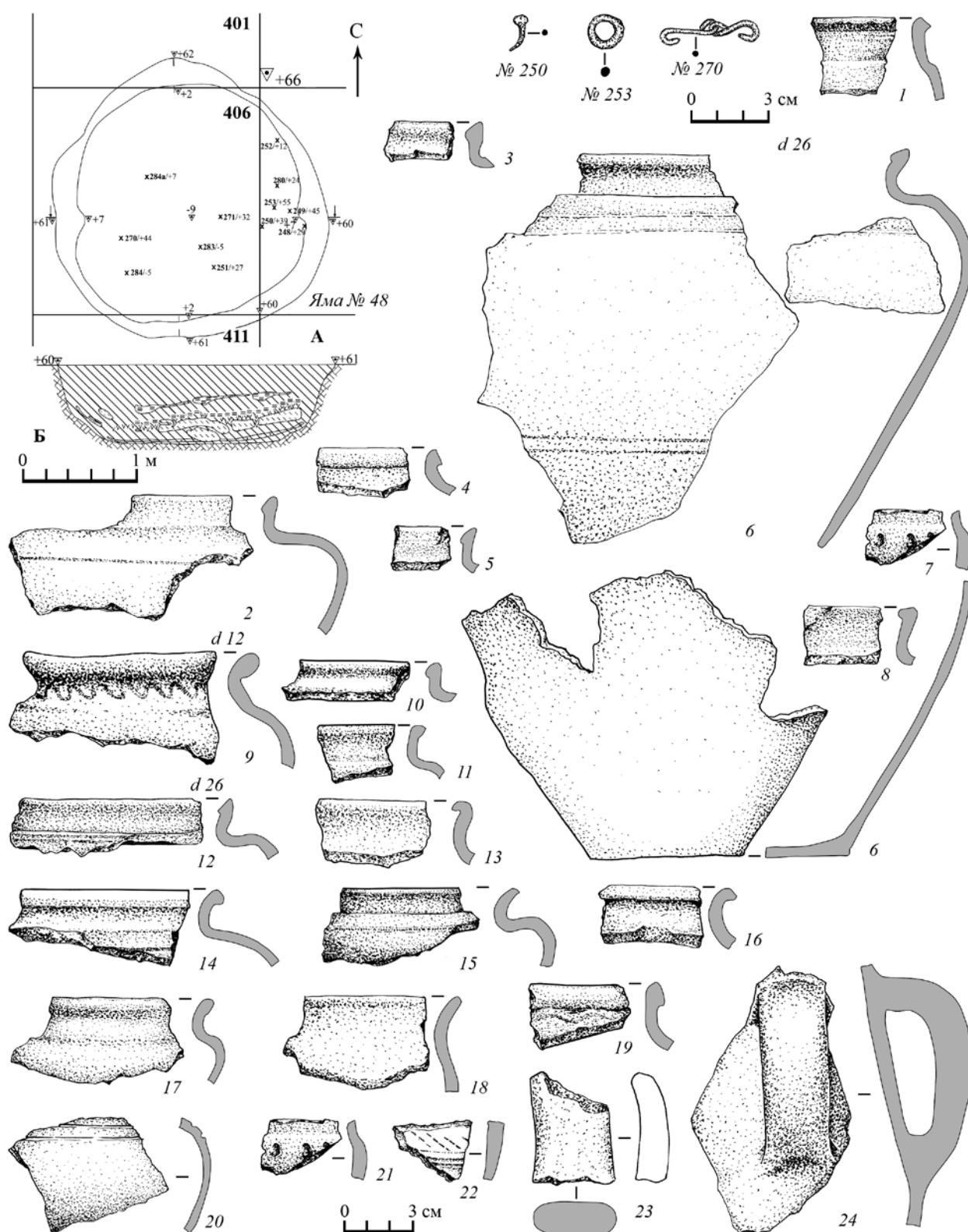

Рис. 17. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, яма № 48.
План после выборки заполнения, профиль. Находки из заполнения

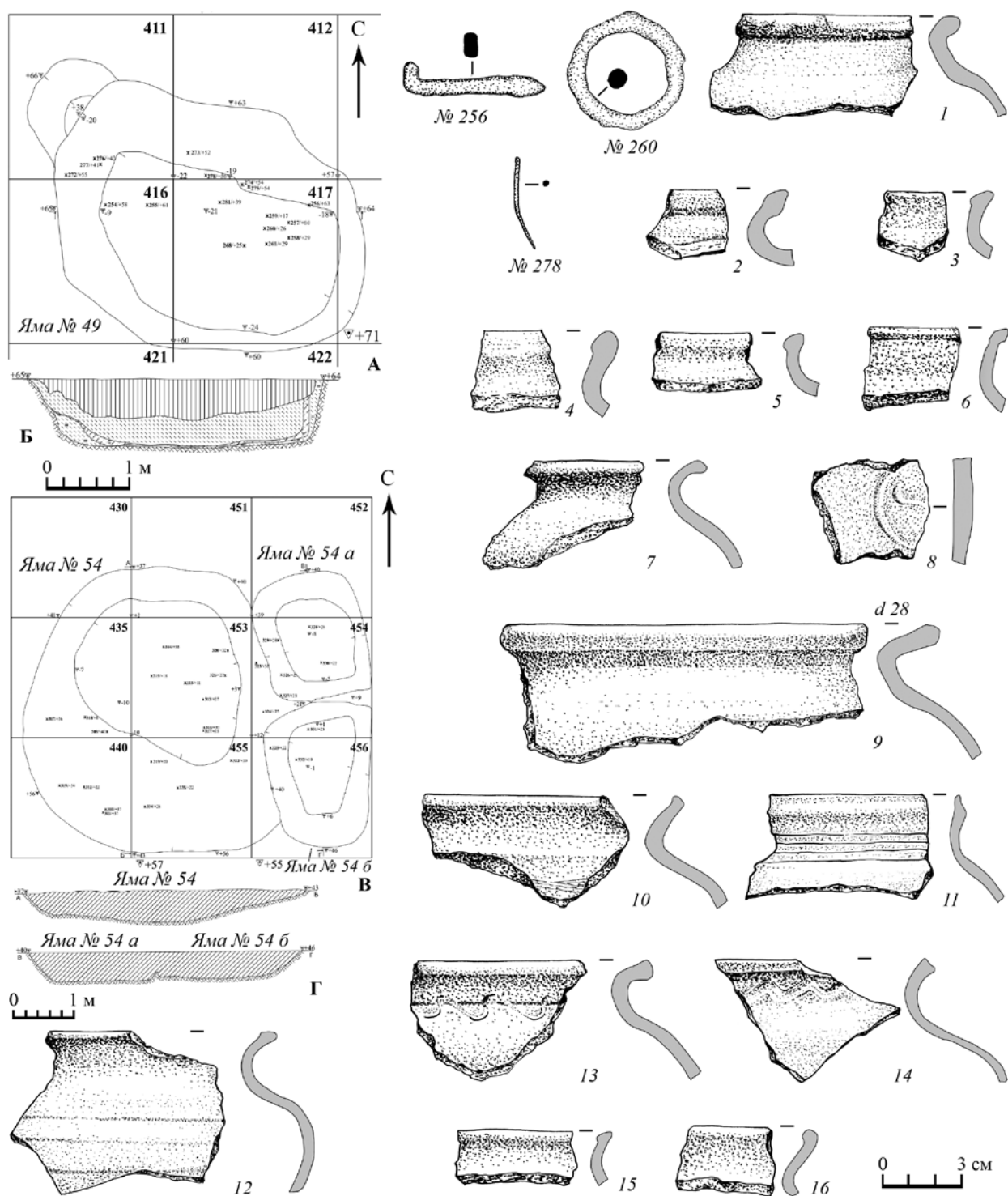

Рис. 18. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, ямы № 49, 54, 54а, 54б. Планы после выборки заполнения, профили. Находки из заполнения

Преобладают находки венчиков подтипа 13/3 – не менее 72 фрагментов и развал сосуда (рис. 16, 4, 7, 10; 17, 6; 19, 10, 13, 15 и др.). Подавляющее большинство их являются частями красноглиняных сосудов и соответствуют ранее выделенным

типам московской красноглиняной грубой и гладкой ранней керамики. По убедительному мнению исследователей, красноглиняная грубая керамика появляется не ранее первой трети XIV в. и бытует до рубежа XIV–XV вв. (Бойцов, 1991. С. 35, с. 39.

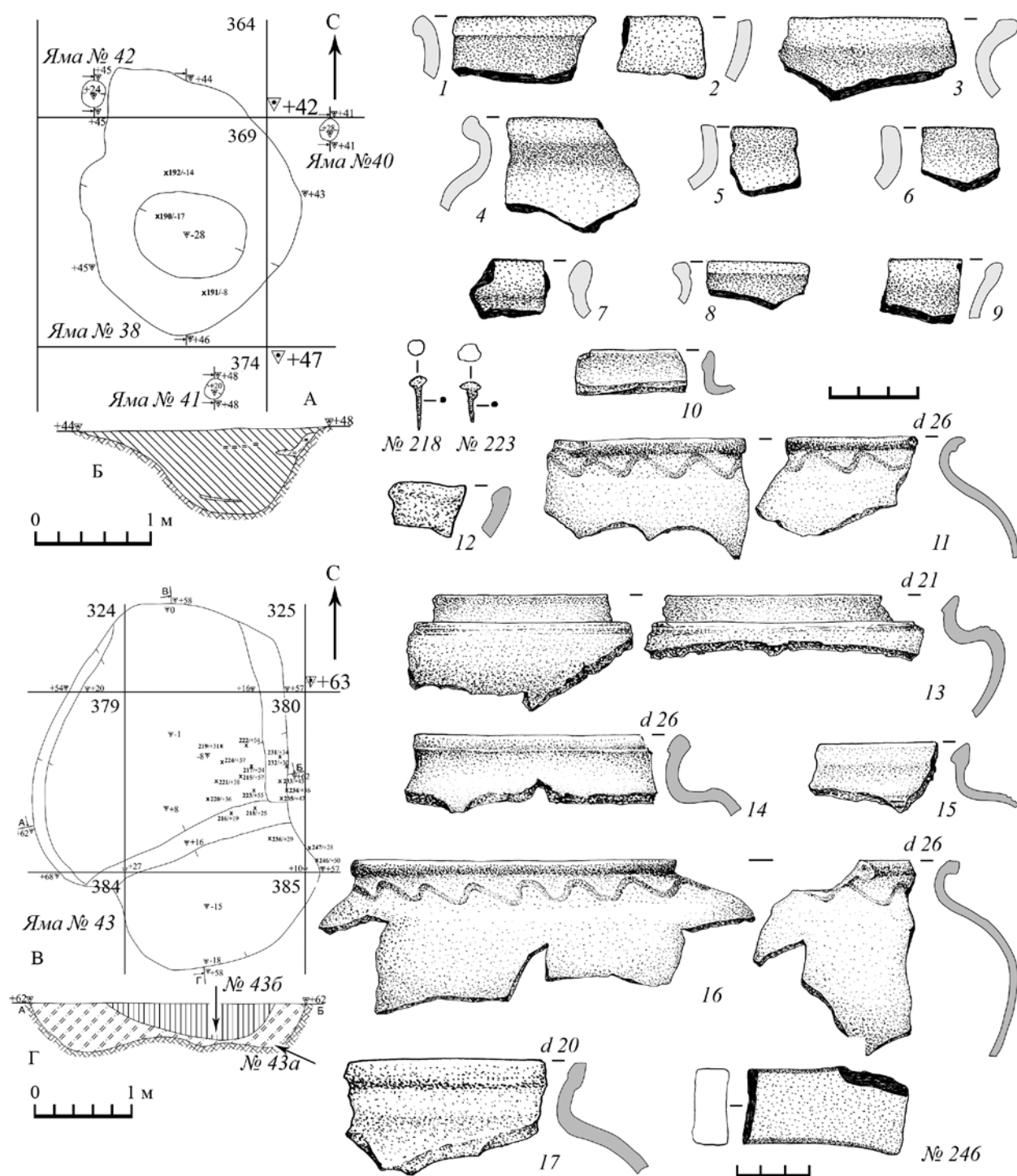

Рис. 19. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, ямы № 38 и 43. Планы после выборки заполнения, профили. Находки из заполнения

Рис. 1, Б). Красноглиняная гладкая ранняя керамика более характерна для первой половины XV в. (Бойцов, 1991. С. 36, с. 39. Рис. 1, В).

На следующем месте по количеству фрагментов (86 экз.) стоят плавно изогнутые наружу венчики типа 21 (рис. 15, 6 и др.). Соответствуют ва-

рианту 4 «серой» керамики Москвы XIII в. (из заполнения сруба 1 Исторического проезда) (Чернов, 1991а. С. 24–25). Найдены на ряде поселений Подмосковья в комплексах XIII–XIV вв. (например, селище Икша-1, заполнение ям № 61, № 80 и др.) (Прошкин, 2014. Рис. 5, 4; 8, 2).

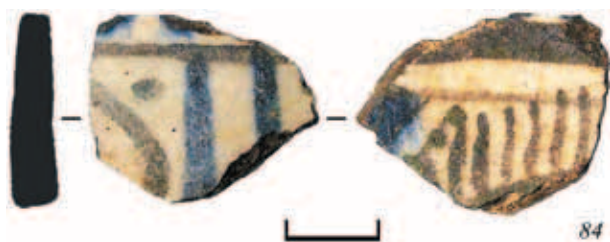

Рис. 20. Селище Скрипино-1.
Фрагмент полуфаянсовой чаши

Далее в количественном отношении выделяются типы 23 (77 экз.) и 3 (76 экз.). Венчики типа 23 изогнутые, с черновым краем, завернутым внутрь, датируются в пределах XII–XVI вв. (рис. 15, 15; 16, 11; 17, 13; 18, 7 и др.). Наиболее ранние формы (подтипы 23/1 и 23/4) относятся к XII–XIV вв. (Коваль, 2014. С. 544; Прошкин, 2014. Рис. 8, 9). Венчики типа 3 – вертикальные, с заворотом черного края внутрь. Подтип 3/1 – с вертикальной шейкой и устьем в виде валика с внешней стороны (рис. 17, 11 и др.) характерен для сосудов XIII–XIV вв. (Чернов, 1991а. Табл. 59, 3929; Коваль, 2014. С. 540). Подтипы 3/3 и 3/4 (с приостренным краем и валиком внутри, рис. 15, 8; 16, 5, 6; 17, 3, 12; 19, 10, 13 и др.) соответствуют формам венчиков московской красноглиняной гладкой посуды второй половины XV – середины XVI в. (Бойцов, 1991. С. 38–39; Беляев, 1991а. Табл. 109, 291; Коваль, 2014. С. 540).

Остальные типы представлены находками от одного до 30 фрагментов. Наиболее ранними в хронологическом отношении являются венчики подтипов 6/1 и 6/2, которые относятся к XI – первой половине XIII в. (Коваль, 2014. С. 541). В XII–XIII вв. появляются и широко бытуют до XIV в. включительно сосуды с венчиками подтипов 3/1, 8/1, 13/2, 18/1–2, 23/2, 4 и 28/1 (Равдина, 1991. Табл. 5, 5, табл. 15, 1; Коваль, 2014. С. 540–544). К XIII–XV вв. относятся венчики подтипов 12/1, 18/3, 21/2, 22/1, 23/1, 24 (Беляев, 1991б. Табл. 22, 123; Чернов, 1991а. Табл. 33, 948, табл. 41, 2167). По наблюдениям исследователей, формы венчиков таких подтипов, как 1/2в, 2/1, 7/1, 26, 33/1, 41/1–2, более характерны для XV–XVII вв. (Беляев, 1991а. Табл. 109, 288, 302; Чернов, 1991б. Табл. 123, 7, 14; Коваль, 2014. С. 540–545).

Большой интерес представляет находка из культурного слоя раскопа 1 – фрагмент полуфаянсовой чаши из белого рыхлого кашина, покрытой

прозрачной бесцветной глазурью (рис. 20). Подглазурная роспись – черно-коричневая и синяя по белому фону. Орнаментация внешней поверхности состоит из двух параллельных вертикальных синих полос и панелей с рисунком черными линиями. Декор внутренней стороны не реконструируется в виду фрагментарности изделия. По типологии В. Ю. Ковалья данный фрагмент близок изделиям группы 9 – из рыхлого кашина с полихромной (трехцветной) подглазурной росписью. Находки подобных изделий на Руси являются золотоордынским импортом XIV в. (Коваль, 2010. С. 72–76).

На поселении выявлены остатки 87 объектов различного назначения в виде ям, многие из которых в своем заполнении содержали многочисленные находки.

Объекты⁶

Раскоп 1.

Яма № 13. В плане округлой формы с диаметром по поверхности 220 см. Глубина – 52 см⁷. Основное заполнение – черный суглинок с печиной. В заполнении найдены рыболовный крючок (рис. 21, 57) и 142 обломка сосудов, в том числе венчики горшков подтипов 3/4, 12/1, 13/1, 18/3, 21/3, 22/1, 23/4 (рис. 21, 1–13), что позволяет датировать ее в пределах XIII–XIV вв.

Яма № 14. В плане – близкой к овалу формы. Размеры по поверхности: длина – 240 см, ширина – до 153 см. Глубина – 25 см. В заполнении (черный суглинок с угольками) найдены: игла (рис. 21, 59) и 62 обломка сосудов (рис. 21, 14–22). По «курганной» керамике и венчикам горшков подтипов 6/2, 13/1–2 может датироваться в пределах XII–XIII вв.

Яма № 15. В плане – близкой к прямоугольнику формы, длиной 146 см и шириной до 80 см. Глубина – 13 см. В заполнении (черный суглинок с угольками и печиной) найдены: нож (рис. 9, 58), 37 фрагментов сосудов, остеологические материалы. По венчикам подтипов 13/1, 18/1, 21/2 и 23/1 может датироваться в пределах XIII–XIV вв., чему не противоречит и находка черешкового широколезвийного ножа с изогнутой спинкой.

Яма № 17. В плане овально-прямоугольной формы, длиной до 222 см, шириной до 173 см и глубиной до 37 см. В заполнении (черный суглинок с печиной) найдены обломки сосудов

⁶ В силу ограниченности объема публикации в данном сборнике, в статье дается краткая характеристика наиболее интересных в научном плане, на взгляд авторов, объектов.

⁷ Глубина ям дается от уровня материковой поверхности.

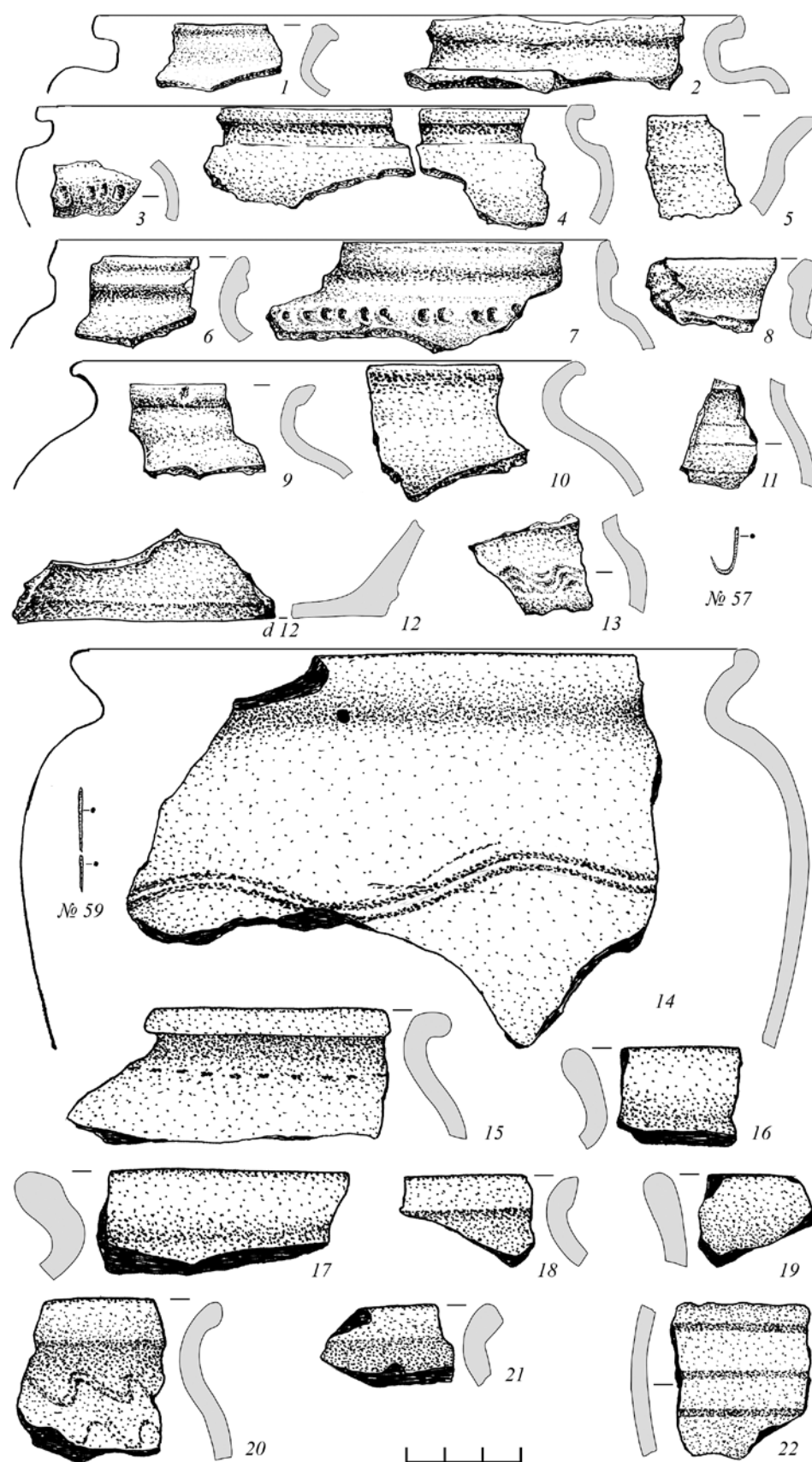

Рис. 21. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, ямы № 13 и 14. Керамика из заполнения и рыболовный крючок (№ 57)

(104 экз.), остеологические материалы. Условными хроноиндикаторами являются венчики горшков подтипов 13/3 (красноглиняная гладкая ранняя керамика), 21/2, 23/1 и 41/2, а также фрагменты красноразмешенных кувшинов, позволяющие отнести данный объект к XV в.

Яма № 18. В плане овальной формы, длиной 230 см, шириной до 145 см и глубиной до 66 см. Основное заполнение – черный суглинок с печиной – содержало 50 обломков сосудов, в числе которых находились венчики горшков подтипов 8/1, 11/1, 13/1, 13/3, 18/2, 21/2, 23/1, 28/1. Вероятно, данную яму следует датировать XIII в.

Яма № 21. В плане близкой овалу формы, длиной 203 см, шириной до 162 см и глубиной 73 см. Заполнение многослойное: верхний слой – черный суглинок с угольками и печиной (толщина 14–25 см), в восточной части – суглинок светло-желтый (толщина 16–24 см), средний слой – темно-серый суглинок и светло-желтый суглинок с печиной (толщина 12–40 см), нижний слой – светло-серая супесь с печиной и угольками (толщина 21–41 см) (рис. 15, А, Б).

Из верхнего и среднего слоев, образовавшихся, вероятно, в результате засыпки ямы, происходят находки нательного крестика (рис. 6, 96), фрагментов пластины (рис. 15, 107) и ножа (рис. 15, 97), язычка от пряжки (рис. 15, 98), обоймы (рис. 15, 99), кольца (рис. 15, 101), а также кремневых скребка (рис. 2, 4) и пяти отщепов, один из которых с ретушью (рис. 2, 5). В нижнем слое заполнения ямы найден нательный крестик (рис. 6, 115).

Керамический материал (76 экз.) из всего заполнения ямы совершенно однороден, кроме одной детали – присутствия обломков красноразмешенных кувшинов только в нижнем слое. Среди венчиков горшков присутствуют подтипы 11/1, 13/1, 18/1, 21/2, 22/1, 41/1, 2, 43/1 (рис. 15, 1–10). Вероятная датировка ямы находится в пределах XV–XVI вв.

Яма № 25а. В плане округлой формы, диаметром до 186 см и глубиной до 74 см. Заполнение многослойное: верхний слой – серый суглинок (толщина 12–28 см), средний слой – серый суглинок с угольками и песком (толщина 7–37 см), нижний слой – углистый (толщина 2–11 см) (рис. 15, В, Г). Из среднего слоя происходят находки нательного крестика (рис. 6, 120) и фрагментов ножей (рис. 15, 121, 125). Керамический материал представлен тремя обломками стенок серого цвета.

Яма № 25б. С востока примыкала вплотную к яме № 25а. В плане овально-прямоугольной формы, с выступом в форме трапеции в западной части. Размеры: длина – 242 см, ширина – до 193 см,

глубина – до 27 см. Заполнение однородное – черный суглинок с прослойками угольков, печины и песка (рис. 15, В, Г). В заполнении найдены нож (рис. 9, 123) и фрагмент гвоздя (рис. 15, 124), а также 57 обломков сосудов и многочисленный остеологический материал. Среди венчиков выделяют подтипы 3/4, 11/1, 23/1 и 28/1 (рис. 15, 11–17).

Наиболее вероятная датировка обоих объектов – XIII–XIV вв.

Яма № 32. В плане округлой формы, диаметром до 250 см и глубиной до 93 см. Заполнение многослойное: верхний слой – черный суглинок с печиной (толщина 3–23 см), средний слой – желтый суглинок с печиной (толщина 7–30 см) в центральной части, серый суглинок (толщина 8–38 см) в восточной части, нижний слой – темно-серый суглинок с прослойками угля и включениями печины (толщина 30–58 см). На дне зафиксированы прослойки из серого углистого суглинка и угольков (толщина 2–10 см) (рис. 16, А, Б).

Практически все находки происходят из нижней части заполнения: фрагмент перстня (рис. 3, 127), миниатюрная дужка, два нательных крестика (рис. 6, 145, 159), ножи (рис. 9, 129; 10, 146), иглы, пряжка (рис. 5, 134), накладка (рис. 5, 152), крючки (рис. 16, 135, 147), гвозди (рис. 16, 136, 138), каменные точильные бруски и фрагмент пряслица из стенки сосуда (рис. 16, 151). Найдено 468 обломков керамики, в том числе развал сосуда серого цвета с венчиком подтипа 41/2 (рис. 16, 1). Кроме того, найдены фрагменты венчиков подтипов 2/2, 4/1, 8/4, 14/1, 27 и др. Следует отметить, что преобладала красноглиняная посуда с венчиками подтипов 3/3 и 13/3, широко бытовавших в XV – первой половине XVI в. (рис. 16, 4–7). Такой датировке данного объекта не противоречат и находки овально-нощиткового перстня и нательных крестиков.

Яма № 34. В плане прямоугольной формы, размерами 350×230 см и глубиной до 84 см. Заполнение – черный суглинок с прослойками печины (рис. 16, В, Г). В заполнении найдены ножи и их фрагменты (рис. 10, 182, 184), обломок кресала (рис. 12, 189), гвоздь (рис. 16, 187), монета – пуло эпохи Ивана IV (рис. 7, 186) и кремневый скобель (рис. 2, 7), а также 99 обломков сосудов и остеологические материалы. В числе керамического материала верхние части горшков с венчиками подтипов 2/3, 4/2, 13/1–3, 14/2, 21/2, 22/1, 23/1–3, 33/1 и 41/1 (рис. 16, 9–12, 15–18), а также фрагмент донца с клеймом (рис. 16, 14). Вероятная датировка ямы – в пределах XVI в.

Яма № 38. В плане близка к овальной форме. Размеры: длина – 230 см, ширина – до 186 см,

глубина – до 76 см. Заполнение – черный суглинок с прослойками желтого и серого с включениями пещины суглинка. В непосредственной близости от ямы № 38 зафиксированы три столбовые ямки (№ 40–42) (рис. 19, А, Б).

В заполнении найдены: браслет, крест-тельник (рис. 3, 190; 6, 191), пряжка (рис. 5, 192), 128 обломков сосудов, кости и зубы животных. В керамике преобладают венчики подтипа 18/1 (рис. 19, 3, 4) и фрагменты «курганной» посуды. Предположительно данный объект следует датировать в пределах XII–XIII вв. В заполнении присутствуют немногочисленные материалы более позднего времени – венчики подтипов 2/1 и 2/3 (рис. 19, 5, 6, 9) и обломки белоглиняной посуды.

Яма № 43. В плане имела форму, близкую трапеции, размерами 406×296 см и глубину до 76 см. В южной части находилась перемычка высотой от 8 до 31 см и шириной до 30 см, отделявшая южную, углубленную (до 23 см) часть ямы. Заполнение в центре состояло из темно-серого суглинка – более поздняя яма, условно обозначенная как яма № 43б. В остальной части прослежен серо-желто-коричневый суглинок – заполнение более ранней ямы, условно обозначенной как яма № 43а (рис. 19, В, Г).

В заполнении ямы № 43б (слой темно-серого суглинка) найдены два целых ножа (рис. 10, 233, 234) и ряд фрагментов, затыльник рукояти ножа (рис. 10, 215), гвозди (рис. 19, 218, 223 и др.), иглы (рис. 12, 222, 224), нательные кресты, один из которых янтарный (рис. 6, 22), точильный брусок. Здесь же был сосредоточен практически весь керамический материал – около 400 обломков сосудов (рис. 19, 10–17), в том числе два развала частей белоглиняных горшков (рис. 19, 11, 16), остеологические материалы.

Среди венчиков наибольшим количеством экземпляров представлены подтипы 3/3 и 13/3 – красноглиняная гладкая керамика (рис. 19, 10, 13, 15), а также подтип 41/2 – белоглиняная керамика с примесью песка в тесте.

Из заполнения ямы № 43а происходят находки фрагмента широколезвийного ножа и каменного бруска (рис. 19, 246), а также более 100 обломков сосудов, где в числе немногочисленных венчиков выделяются подтипы 21/2 и 28/1, 2 (рис. 19, 17).

Обе ямы могут быть датированы в пределах XIV–XV вв. Насколько раньше по времени функционировала постройка, остатками которой является яма № 43а, сказать достаточно сложно. Судя по фрагментам посуды с венчиками подтипов 21/2 и 28/2, ее предположительно следует отнести к XIV в.

Яма № 48. В плане округлой формы, диаметром по поверхности до 245 см и глубиной до 71 см. Заполнение – черный суглинок с отдельными прослойками желтого суглинка и пещины. В придонной части фиксируется тонкая (до 3 см) прослойка черного суглинка с угольками – следы рухнувшего перекрытия ямы (?) (рис. 17, А, Б).

В заполнении найдены: гвоздь (рис. 17, 250), нож (рис. 10, 251), наконечник стрелы (рис. 8, 252), кольцо (рис. 17, 253), фрагмент цепочки (рис. 17, 270), две иглы и кресало (рис. 12, 284). В нижней части ямы найдены кремневые изделия – обломок лезвийной части рубящего орудия (рис. 2, 3) и пластинчатый отщеп (рис. 2, 9). Керамика представлена 344 обломками горшков с венчиками подтипов 3/3, 13/1, 22/1, 23/2 и других (рис. 17, 1–19), в том числе, развалом части красноглиняного сосуда с венчиком подтипа 13/3 (рис. 17, 6). Наибольшее число венчиков относится к подтипу 3/3 (рис. 17, 2, 3, 5, 10, 12).

Вероятная датировка – XV–XVI вв. Однако, следует отметить небольшую примесь более раннего материала – венчиков подтипов 3/1, 23/2 и 28/1, калачевидного кресала и наконечника стрелы типа 40 по А.Ф. Медведеву, попавших в котлован ямы при засыпке вместе с культурным слоем.

Яма № 49. В плане овальной формы, длиной 472 см и шириной до 315 см с выступом-ступенькой в северо-западной стенке – местом входа в углубленную часть постройки. Глубина ямы – 85 см. Заполнение многослойное: верхний слой – темно-серый суглинок (толщина 5–50 см), средний слой – желтый суглинок (толщина 10–40 см), нижние прослойки – серый суглинок с угольками (толщина 1–10 см) и желтый суглинок с пещиной (толщина 2–24 см) – возможно, следы сгоревшего внутреннего деревянного каркаса (рис. 18, А, Б).

В заполнении найдены: подвеска (рис. 3, 268), ножи (рис. 10, 258, 281, 9, 276), гвозди и их обломки (рис. 12, 259 и др.), иглы (рис. 18, 278 и др.), кольцо (рис. 18, 260), фрагмент неопределенного предмета (рис. 18, 256), 15 обломков горшков с венчиками подтипов 3/3, 13/1, 3, 26 (рис. 18, 1–6).

Вероятная датировка данной ямы – в пределах XV–XVI вв.

Ямы № 54, 54а, 54б (комплекс). Основная яма № 54 в плане округлой формы, в восточной части прорезается двумя ямами меньшего размера – № 54а и 54б. Ее диаметр по поверхности составляет около 470 см, а глубина – до 67 см. Заполнение состояло из однородного черного суглинка (рис. 18, В, Г). В заполнении найдены: пряжка (рис. 5, 318), перстень (рис. 3, 320), четыре целых ножа (рис. 10, 308, 309, 315, 334) и ряд фрагмен-

тов (рис. 10, 324 и др.), гвозди и их обломки, шило (рис. 12, 335), многочисленные остеологические материалы.

Керамика представлена 64 обломками сосудов, в том числе донцем с клеймом (рис. 18, 8). Среди венчиков выделяются подтипы 11/3, 13/1, 3, 21/2, 22/1, 23/1, 28/1 (рис. 18, 7, 9–16). Следует отметить присутствие белоглиняной грубой керамики, а также краснолощеной посуды.

Ямы № 54а и 54б в плане имели прямоугольную форму. Их размеры по поверхности составляли 210×176 см и 240×176 см, глубиной до 47–48 см. Заполнение ям однородное – черный суглинок (рис. 18, В, Г). Интересно то, что в их заполнении отсутствовала керамика. Но, с другой стороны, здесь найдены различные бытовые предметы: фрагмент рукояти ножа (рис. 10, 326), нож (рис. 10, 329), язычок от пряжки, часть замка (рис. 11, 328), шило (рис. 12, 330), обломок топора (рис. 12, 325), крюк и гвоздь.

Вероятно, данный комплекс ям является почти одновременным, о чем свидетельствуют сделанные в них находки и однородное заполнение. Несмотря на единичные находки фрагментов венчиков древнерусских сосудов (подтипы 11/3 и 28/1, рис. 18, 9, 10, 13) в заполнении ямы № 54, вероятная датировка этого комплекса – в пределах XIV–XV вв., чему не противоречат и находки ромбоштиткового перстня из ямы № 54 и фрагмента замка типов В или Г из ямы № 54а.

Яма № 55. В плане овальной формы, длиной 204 см, шириной до 180 см, глубиной до 121 см. По многослойному заполнению делится на три разновременных комплекса: верхний слой – темно-серый суглинок толщиной 10–44 см (яма № 55в), средний слой – серо-коричневый суглинок толщиной 8–47 см (яма № 55б) и нижний слой – мешаный из суглинков желто-коричневого и серого толщиной 10–110 см (яма № 55а). Нижнее и среднее заполнения разделяет стерильная прослойка серого суглинка толщиной 6–24 см (рис. 22, А, Б).

В яме № 55а найдены фрагмент лопастного височного кольца (серьги) (рис. 3, 347) и обломки ножей (рис. 22, 344, 345). Керамика представлена 24 обломками горшков курганного типа, где определяются венчики подтипов 4/2, 12/1 и 23/2 (рис. 22, 5, 8, 11). Из ямы № 55б происходят находки нательного крестика (рис. 6, 346), пробоя (рис. 22, 342) и фрагмента ножа. Круговая керамика – 45 обломков горшков с преобладанием красной гладкой керамики с венчиками подтипа 13/3 (рис. 22, 1, 10). Заполнение самой поздней ямы № 55в содержало находки ножа (рис. 10, 348), перстня (рис. 3, 351)

и скопление колечек (рис. 4). Керамика представлена 25 обломками сосудов (рис. 22, 2, 3, 6, 7, 9), в том числе развалом большей части горшка коричневого цвета (рис. 22, 4). Преобладают фрагменты красноглиняных сосудов, некоторые с лощением. В числе немногочисленных венчиков преобладал подтип 13/3. Датировка раннего комплекса ямы № 55а – XII–XIII вв. Ямы № 55б и 55в могут датироваться в пределах XIV–XV вв.

Ямы № 70а, 70б (комплекс). Яма № 70а в плане овальной формы, длиной 187 см, шириной 150 см и глубиной до 59 см. Заполнение – черный суглинок с печиной и угольками. В заполнении найдены: обломок шила, гвоздь и фрагмент ножа, а также 112 обломков круговых сосудов, железные шлаки, кости и зубы животных, кусочки глиняной обмазки. Яма № 70б также имела овальную форму (примыкает с востока к яме № 70а), длиной 156 см, шириной до 140 см и глубиной до 75 см. Заполнение аналогично яме № 70а. Между ямами прослеживается «перегородка» в виде слоя темно-серого суглинка. В заполнении найдены: нательный крест (рис. 7, 372), фрагмент обруча, а также 36 обломков сосудов, кости и зубы животных.

Керамическая коллекция из ям совершенно однородна и представлена фрагментами белой и красноглиняных (численно преобладают) сосудов с различными видами орнаментации. Среди венчиков – подтипы 3/4, 13/3 и 33/1, хронологически укладывающиеся в период XV–XVI вв.

Раскоп 2.

Яма № 7. В плане овальной формы, длиной 233 см и шириной до 197 см, глубиной до 59 см. Заполнение – темно-серый суглинок с тонкими прослойками желтого суглинка с редкими включениями мелкой печины (рис. 23, А, Б). В заполнении найдены замок (рис. 11, 39), фрагмент гвоздя, часть жернова и обломок оселка. Керамический материал представлен 359 обломками сосудов, в числе которых 63 венчика подтипов 3/4, 4/1, 11/1, 3, 21/2, 23/1, 4, 28/1 (рис. 23, 1–6). Отмечено преобладание венчиков, характерных для XIII–XIV вв. и серой керамики с грубыми минеральными примесями в тесте. Вероятная датировка – XIII–XIV вв.

Раскоп 3.

Яма № 1. В плане овальной формы, размерами 180×323 см и глубиной до 52 см. На дне прослежены три углубления овальной и округлой формы, вероятно, от столбов. Заполнение – темно-серый суглинок с включением печины в верхней части (рис. 23, В, Г). Археологический материал из заполнения – два перстня (рис. 3, 33, 35), фрагмент иглы, керамика и остеологические материалы. Керамика

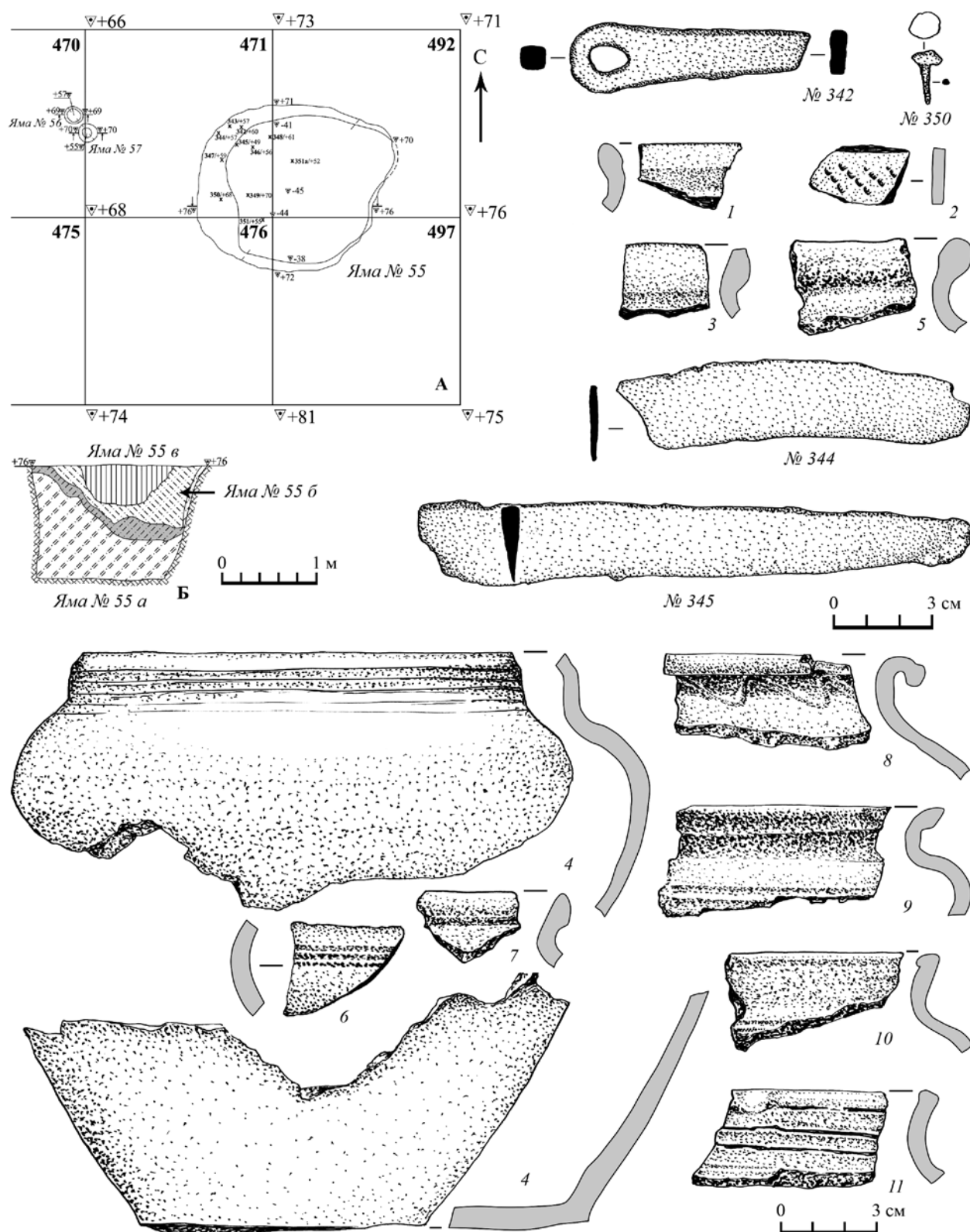

Рис. 22. Селище Скрипино-1. Раскоп 1, яма № 55.
План после выборки заполнения, профили. Находки из заполнения

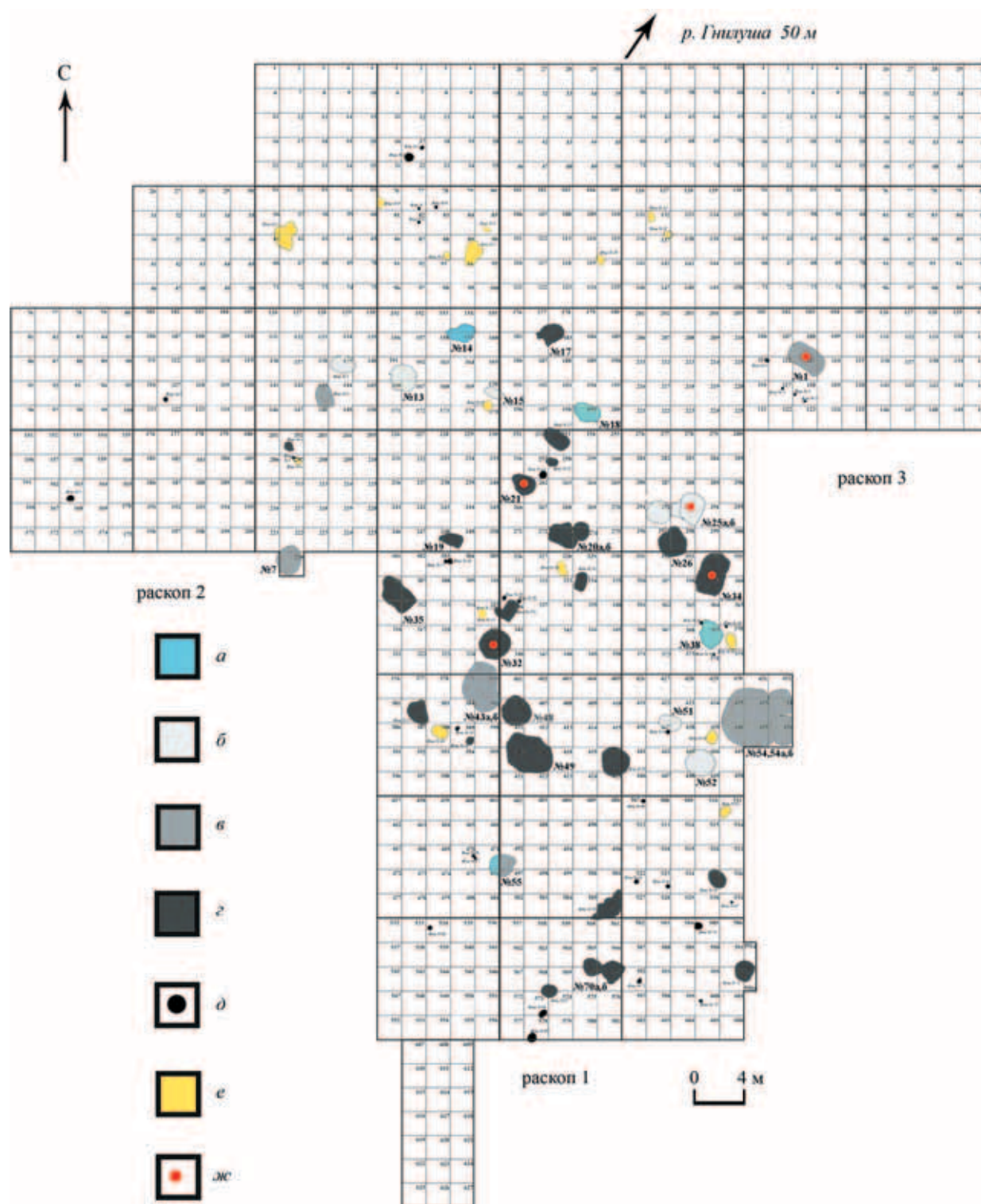

Рис. 24. Селище Скрипино-1. Раскопы 1-3, планиграфия объектов

a – XII–XIII вв.; *б* – XIII–XIV вв.; *в* – XIV–XV вв.; *г* – XV–XVI вв.; *д* – столбовые ямы; *е* – объекты без датировки, *жс* – объекты, предположительно связанные с отопительными устройствами

В хронологическом отношении выделяют четыре основные группы объектов – XII–XIII, XIII–XIV, XIV–XV и XV–XVI вв. (рис. 24).

К самой ранней группе относятся четыре хозяйственные ямы (№ 14, 18, 38, 55а раскопа 1) с размерами от 200×180 см до 240×153 см и глубиной

от 25 до 110 см. Все они находятся в центральной и южной части раскопа 1, на значительном расстоянии друг от друга – от 10 до 23 м. Три из них располагаются по линии с северо-запада на юго-восток – практически вдоль берега реки.

Ко второй группе относится семь ям (№ 13, 15, 25а, 25б, 51, 52 раскопа 1 и яма № 2 раскопа 2). Их размеры варьируются от 146×80 см до 406×296 см, а глубина от 13 до 76 см. Ямы № 25а и № 25б сильно насыщены угольками и печиной и могли быть связаны с наземной постройкой, имевшей отопительное сооружение. Все объекты располагаются по полуовальной линии с северо-запада на юго-восток – практически вдоль берега реки и тянутся на расстояние до 40 м, не обозначая каких-либо скоплений и хозяйственных зон.

К третьей хронологической группе относится десять ям (№ 43а, 43б, 54, 54а, 54б, 55б, 55в раскопа 1, № 3, 7 раскопа 2 и № 1 раскопа 3) с размерами от 470 см в диаметре до 204×180 см и глубиной от 48 до 121 см. Заполнение ямы № 1 раскопа 3 содержало много печины в верхней части, что позволяет предположить связь данного объекта с наземным сооружением, имевшим отопительное устройство. Ямы данной группы располагаются в разных частях раскопов, на значительном расстоянии друг от друга (10–32 м). Исключение – ямы № 54, 54а и 54б, составляющие единый комплекс.

Последняя хронологическая группа включает подавляющее большинство исследованных ям – 26 (№ 17, 19, 20а, 20б, 21–23, 26, 27а, 27б, 31, 32, 34, 35, 44, 47–50, 58, 59, 67, 70а, 70б, 73 раскопа 1 и № 4 раскопа 2). Размеры ям различные – от 129×107 см до 472×315 см с глубиной от 22 до 93 см. В отличие от ям первых трех хронологических групп, объекты XV–XVI вв. в пределах исследованной раскопками части селища в планиграфическом плане образуют три хозяйственные зоны. Располагаются по линии северо-запад – юго-восток, практически параллельно обрезу берега реки на расстоянии 4–6 м друг от друга.

Первая зона включает ямы № 17, 19, 21–23, 35 раскопа 1 и яму № 4 раскопа 2. В плане они очерчивают территорию овальной конфигурации размерами около 26×18–20 м, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад. Вторая зона с ямами № 20а, 20б, 27а, 27б, 31, 32, 34 и 47–50 образует площадку подпрямоугольной формы, размерами около 24×14–16 м, ориентированную также по линии северо-восток – юго-запад. И наконец, третья зона включает ямы № 58, 59, 67, 70а, 70б, 73 и имеет в плане трапециевидную форму размерами около 15×9–10 м, ориентированную по линии запад – восток.

Вероятно, условно выделяемые планировочно-хозяйственные зоны могут быть местами, где располагались наземные постройки, в том числе и с отопительными устройствами. Их расположение предполагает наличие рядовой застройки, когда жилые и хозяйственные постройки стояли в один ряд вдоль берега реки. Схожая планировочная структура выявлена на ряде поселений древнерусского и позднесредневекового периодов. Размещение комплексов построек (усадеб?) вдоль береговой линии зафиксировано на селище Сергиев Посад-5, расположенном на мысу при слиянии рр. Карбуги и Кончуры, где большая часть определенных объектов относится к XVI–XVII вв. (Вишневский, 2014. С. 151–152. Рис. 2, 3). На поселении Кулаково 3 выявлен комплекс из остатков трех построек XVI в., располагавшихся параллельно обрезу берега ручья (Богомолов и др., 2013. С. 200. Рис. 2, 3). На поселении XII – начала XV в. у с. Каменное (Верхнее Подонье) четко прослеживается двухрядная застройка вдоль берега р. Матыра (Тропин, 2004. С. 53–57). Подобных примеров достаточно много.

Не исключено, что и в предыдущие периоды планировочная структура поселения была аналогичной структуре XV–XVI вв. Об этом свидетельствуют два факта: 1) расположение всех выявленных ям разных хронологических периодов, в том числе столбовых в одной «полосе» застройки в пределах раскопов; 2) сосредоточение в этой же части раскопов подавляющего большинства всех индивидуальных находок XII–XVI вв.

Вероятно, поселение возникло здесь еще в XII в. К XV в. оно разрастается. Именно с поздним периодом (XV–XVI вв.) связано наибольшее число выявленных объектов в виде ям и различных находок. Находки фрагментов лопастных колец предполагает присутствие здесь в XII–XIII вв. вятического населения. Наличие в числе находок XIV–XV вв. псковской вислой печати, фрагмента золотоордынской чаши, многочисленных украшений из цветного и белого металлов выделяет данное селище из ряда обычных сельских поселений Подмосковья этого времени.

Первое упоминание ближайшего к селищу населенного пункта – села Шубино, относится к XVI в. По данным А. А. Юшко, село существовало и ранее (Юшко, 2004. Рис. 107): оно упоминается в царской жалованной грамоте 1578 г. суздальскому епископу Варлааму (АИ, 1841. С. 366–369). Данный документ подтверждал право суздальского епископства на ряд земель, т. к. ранняя жалованная грамота сгорела. Село Шубино с деревнями

и пустошами было передано церкви в качестве «поминоков» по И. Д. Бельскому, погибшему в 1571 г.: «да пожаловали... по бояринѣ своемѣ по князѣ Иванѣ Дмитриевичѣ Бельскомѣ на поминоковѣ» (АИ, 1841. С. 366). Также в документе упоминается, что Шубино и окрестности сильно пострадали от крымских татар: «село Шубино съ деревнями и селцо Залѣсье Крымскіе люди воевали по два лѣта, деревни пожгли и людей многихъ побили, а иныхъ въ полонѣ поимали...» (АИ, 1841. С. 366).

В грамоте 1587 г., выданной епископу тарусскому и суздальскому Иову, упоминается, что в селе есть деревянный храм Успения Пречистой Богородицы (Холмогоровы, 1892. С. 90–91). Веро-

ятнее всего, он существовал и ранее. До XVIII в. эти земли принадлежали церкви (Холмогоровы, 1892. С. 92–94). К 1774 г. С. Шубино с деревнями и пустошами принадлежали Экономическому ведомству (на Планах Генерального Межевания под № 319), а писцовая церковная земля ограничивалась небольшим участком на территории самого села (на Планах Генерального Межевания под № 320)⁸. К участку 319 относились с. Шубино и д. Матякина, Базулино, Борисово, Заселье, Скрипина. Большая часть земель использовалась как сельскохозяйственные угодья; небольшой лесной массив находился на юге участка. Территория селища Скрипино-1 подвергалась распашке.

Литература

АИ. Т. 1. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1841. 612 с.

Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // АП. М.: ИА РАН. С. 177–192.

Баранов Н. А., 2014. Отчет об археологических раскопках на селище Скрипино-1 в Раменском районе Московской области в 2013 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 38628–38630.

Баранов Н. А., 2015. Комплекс предметов личного благочестия с селища Скрипино 1 // Новые материалы и методы археологического исследования: Матер. III Междун. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 115–118.

Беляев Л. А., 1991а. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // МК. М.: ИА РАН. С. 43–49.

Беляев Л. А., 1991б. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // МК. М.: ИА РАН. С. 14–19.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте села Рождественно // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 366–388.

Богомолов В. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2013. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 200–216.

Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2016. Раскопки средневекового селища Боброво-2 // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 173–205.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Бохан Ю. М., 2002. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск: Экаперспектыва. 336 с.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О., 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. № 3. С. 114–119.

Вишневский В. И., 2014. Селище Сергиев Посад 5. (Раскопки 2010–2011 годов) // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 129–155.

Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верхневолжских Камы. Свердловск: Изд. Урал. ун-та. 216 с.

Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 184–210.

Гоняный М. И., 2009. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах Подмосковья // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 23–42.

Двуреченский О. В., 2004а. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 40–48. (Тр. ПЭ. Т. 2).

Двуреченский О. В., 2004б. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // АП. М.: ИА РАН. С. 238–244.

Двуреченский О. В., 2007а. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня

⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. № 257. Ч. 1. Л. 27, 38.

из сборов на территории Тушинского лагеря // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 254–276.

Двуреченский О. В., 2007б. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 277–331.

Дубынин А. Ф., 1956. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 65. С. 119–130.

Евглевская А. В., Потемкина Т. М., 2000. Кресала в позднесредневековых погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 1. Донецк: ДонГУ. 399 с.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., 1992. Технологическая характеристика ножей Нутного раскопа // Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: Эвтектика. С. 122–127.

Зубков В. И., 1951. Гавердовский клад начала XV века // КСИИМК. Вып. XLI. М.–Л. С. 138–140.

Иванов А. Г., 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 309 с.

Казаков Е. П., 1991. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во. 176 с.

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука. 269 с.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 490–571.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Тр. НАЭ. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120. (МИА. № 65).

Колчин Б. А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.

Кудрявцев А. А., 2012. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. № 4. С. 119–124.

Кудрявцев А. А., 2014. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 23 с.

Лапишин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: СПбГУ. 540 с.

Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: Новгор. археол. экспед. С. 29–96.

Ляпушкин И. И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Тр. ВДАЭ. Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР. С. 85–148. (МИА. № 62).

Мальм В. А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 149–173. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. 182 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Модин Р. Н., 2014. Отчет об охранных археологических раскопках на селище Скрипино-1 в Раменском районе Московской области в 2014 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 45229.

Модин Р. Н., 2018. Находка псковской вислой печати на селище Скрипино-1 Московской области // КСИА. Вып. 249. Ч. 1. С. 305–309.

Полубояринова М. Д., 2004. Рец. на кн.: Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань, 2000 // РА. № 3. С. 179–181.

Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ. С. 159–257.

Прошкин О. Л., 2014. Древнерусские материалы селища Икша-1 // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 75–83.

Прошкин О. Л., Модин Р. Н., Попов А. А., 2016. Древнерусские материалы селища Десна-3 // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 145–156.

Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей: Дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2154. 252 с.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // МК. М.: ИА РАН. С. 7–13.

Руденко К. А., 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер. 158 с.

Савин Н. И., 1930. Раскопки курганов в Дорогобужском и Ельнинском уездах Смоленской губернии // Тр. Археологической комиссии Белорусской АН. Т. II. Минск. С. 219–252.

Самойлович Н. Г., 2012. Металлические перстни Ростова Великого // АВСЗ. Вып. 4. СПб.: Нестор-История. С. 236–243.

Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. Л., 2004. Средневековые ювелирные изделия // Средневековое

поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 52–65. (Тр. ПЭ. Т. 2).

Сарачева Т. Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Тропин Н. А., 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Изд. ВГУ. 264 с.

Ульянова Т. Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII вв.) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 195–221.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 88–112. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 275 с.

Холмогоровы В. И. и Г. И., 1892. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 8: Пехрянская десятина (Московского уезда). М.: Универ. тип. 254 с.

Чернов С. З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // МК. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Чернов С. З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // МК. М.: ИА РАН. С. 50–55.

Чернов С. З., 2015. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 304–338.

Чернов С. З., 2017. Двор с монетными весами в деревне Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 310–345.

Шполянский С. В., 2007. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского (К вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) // КСИА. Вып. 221. С. 99–111.

Энговатова А. В., Алексеев А. В., Коваль В. Ю., Крайцов А. Е., Супренков А. А., 2009. Отчет об археологических разведках в Одинцовском, Истринском, Солнечногорском, Дмитровском, Пушкинском, Ногинском, Щелковском, Павлово-Посадском, Раменском районах Московской области по трассе проектируемой Центральной кольцевой автомобильной дороги (ЦКАД) в 2009 году. Т. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 37408.

Юшко А. А., 2004. Округа поселения // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 108–113. (Тр. ПЭ. Т. 2).

**N.A. Baranov, R.N. Modin, A.A. Popov,
O.L. Proshkin, E.I. Tereschenko**

The Settlement of Skripino-1: results of archaeological studies 2013–2014

Summary

The Skripino-1 settlement is situated in the Ramensky district of Moscow County Region (the Moskva River Basin). During researches which covered an area of 4016 sq. m, materials were recovered dating to the Stone Age, to the Historical Rus period, and the Late

Medieval era. The material included jewellery, details of belts and buckles, lining material, items of Christian liturgical worship, coins, a seal from Pskov, a fragment of a bowl from the Golden Horde, and other items. The latter piece dates to between the 12th and 16th centuries.

**В. А. Зейфер, О. И. Мазурок, А. Е. Леонтьев,
Е. К. Столярова, И. А. Сапрыкина**
Институт археологии РАН, Москва

К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XV веках (по материалам исследований 2016 года)

В 2016 г. экспедиция Института археологии РАН проводила спасательные археологические раскопки в Переславле-Залесском по ул. Комитетская, 10а. Исследуемая территория расположена в центральной части переславского кремля на пересечении современных улиц Комитетская и Проездная, в 480 м к югу от левого берега р. Трубеж и в 140 м к западу от внутренней восточной границы земляного вала.

Проездная ул., до революции Рождественская, пересекает кремль с запада на восток и является проездом между бывшими Духовскими и Рождественскими воротами. Ул. Комитетская, до революции Троицкая, следует с севера на юг. На основании письменных источников ряд исследователей реконструирует территорию кремля XVII в. и локализует в районе Троицкой ул. осадные дворы и дворы монастырских слободок (Васильев, Иванов, 2005. С. 15; Мазур, 2016. С. 115, 97; 2012. С. 11–21). Л. Д. Мазур также высказывает предположение о размещении здесь дворов Городовой десятины (2012. С. 21).

Ближайший к месту раскопок земельный участок, исследованный ранее, расположен в юго-восточной части кремля между ул. Комитетской и Советской. Работы проводились в 2013 г. экспедицией Института археологии РАН. Три раскопа общей площадью 1800 кв. м зафиксировали культурный слой мощностью до 1,20 м. Выявлены следы усадебной застройки XIII–XIV вв.: погребов жилых и хозяйственных построек, частокольные канавки (Зейфер, 2015. С. 287–298). Наряду с многочисленными находками, традиционными для средневекового города, обнаружены предметы восточного происхождения: кашинная керамика золотоордынского производства, несколько обломков тисненной керамики Хорезма, фрагменты восточных стеклянных сосудов производства Сирии и Егип-

та XIII – середины XIV в., обломок металлического орнаментированного зеркала (Зейфер, 2015. С. 287–298; Кузина, Зейфер, Янишевский, 2017. С. 110–116; Мазурок, Зейфер, 2015. С. 299–303). Почти всю территорию раскопа 3 занимал средневековый некрополь конца XV–XVI вв. Прослежена северо-западная и юго-западная границы кладбища, выявлено 133 погребения. Под кладбищем обнаружены комплексы жилых и хозяйственных сооружений XIII–XIV вв. (Зейфер, Мазурок, Расказова, 2016. С. 342–350).

В 2015 г. на месте будущего раскопа на ул. Комитетской был заложен шурф, мощность слоя в котором составила 1,30 м. Шурф был законсервирован на уровне выявления объекта – пятна прокаленной глины. Наиболее ранний горизонт датировался XV–XVI вв. В 2016 г. на участке был заложен раскоп общей площадью 333,25 кв. м. Ранее здесь размещалось деревянное одноэтажное здание местного ОВД, после сноса которого остались кирпичные фундаментные опоры и объекты инженерных коммуникаций. Культурный слой мощностью 1,10–1,40 м, сформировавшийся на исследуемой территории, включал три хронологических горизонта: верхний мощностью до 0,80 м (XX в.), средний толщиной 0,35–0,40 м (XV–XVII вв.), нижний, предматериковый, мощностью 0,20–0,30 м (XII–XIV вв.). Слои XVIII–XIX вв. были уничтожены при строительстве здания в XX в. Отдельные находки и керамический материал XVIII–XIX вв. встречались в переотложенном состоянии в верхнем горизонте. При прокладке инженерных коммуникаций был значительно разрушен культурный слой в северной части раскопа. На всей исследованной площади было выявлено около 100 объектов, заглубленных в материк, в том числе остатки погребов наземных построек и хозяйственные ямы.

Рис. 1. Предметы из стекла из сооружения 32

К поздним следует отнести сооружение 32, зафиксированное в северной части раскопа. В границы исследования попала лишь часть объекта, местами разрушенного современной теплотрассой и линией водопровода, часть осталась за северной стенкой раскопа. Предварительно датировано XVI–XVII вв. Сооружение представляет собой сруб размером 3,30×5,30 м, рубленный «в обло». Прослежено семь венцов из тонких бревен (предположительно хвойных пород) диаметром 0,12–0,14 м. Объект ориентирован по линии север–юг. Сруб был помещен в котлован размером 5,0×6,0 м, заглубленный в материк на 1,30 м. По периметру сруба внутри котлована зафиксирована стерильная отсыпка из белого песка.

В заполнении было найдено 1111 обломков круговых керамических сосудов, среди которых подавляющее большинство принадлежало керамике, содержащей песок в формовочной массе (типы 11 и 15), а также чернолощеной керамике (типы 17 и 18)¹. Было обнаружено девять индивидуальных находок, среди которых изделия из стекла: браслеты, осколки ближневосточных сосудов XIII–XV вв., бусина из прозрачного зеленого стекла, выполненная навивкой и обработанная щипцами (рис. 1); фрагменты керамической посуды (рис. 2); железная обувная подкова и серьга лировидной формы из цветного металла со вставками из цветного стекла и, возможно, полудрагоценных камней относится к типу VII (по Н. В. Жи-

Рис. 2. Фрагменты керамической посуды из сооружения 32

линой) и датируется второй половиной XVII в. (рис. 3, 1). (Жилина, 2012. С. 225, 226).

В юго-западной и центральной частях раскопа открыты компактные группы объектов (№ 4, 37 и 54, 82, 81) с согласованной ориентацией по линии юго-запад–северо-восток. Эти группы разделены относительно пустым пространством, западной границей которого служит частотная ограда (№ 28). В этом пространстве зафиксированы небольшие материковые углубления

¹ Определения керамики (включая нумерацию типов керамики и типов венчиков) выполнено по методике В. Ю. Коваля (2014, 2016) с уточнениями Е. В. Майоровой, предложенными для керамики города Владимира (2011)

Рис. 3. Находки из сооружения 32

1 – серьга лировидной формы из цв. металла со вставками из цветного стекла. Тип VII (по Н. В. Жилиной); 2 – железная обувная подкова

с заполнением из темно-серой супеси с древесным тленом, расположенные параллельно друг другу. Возможно, это следы благоустроительных работ, связанных с устройством деревянного мощения или отвода воды. Однако явных конструктивных деталей деревянной мостовой в этом месте выявлено не было. Данный комплекс, включая

группы объектов, следует отнести к усадебной застройке. Юго-восточная часть раскопа представляла собой разреженное свайное поле с несколькими ямами хозяйственного назначения. Следует отметить, что именно в этой части раскопа зафиксирована наибольшая концентрация керамического материала XII–XIII вв.

Сооружение 4, прослеженное в юго-западном углу раскопа, является развалом глинобитной печи с подпечной ямой размером 3,20×2,30 м, заглубленной в материк на 0,80 м (рис. 4). В заполнении по краям подпечной ямы зафиксирован слой светло-коричневого мешаного песка с древесным углем. В центре объекта прослежена линза однородной темно-серой супеси, нижний горизонт которой оканчивался прослойкой древесного тлена. В придонном заполнении подпечной ямы читался слой темно-коричневой супеси с включениями древесного тлена, большого количества костей животных и массового керамического материала, а так же слой светло-коричневого мешаного песка.

Под слоем прокаленной глины с колотым камнем было выявлено скопление костей животных (рис. 5). Среди костей крупного рогатого скота и свиньи был найден череп и два шейных позвонка, которые по совокупности признаков следует отнести к виду собака домашняя (либо гибриду волка и собаки)². Наличие шейных позвонков дает основание предполагать, что в заполнение печи голова животного попала вместе с мягкими тканями. Хорошая сохранность второго шейного позвонка говорит о том, что голова была не отрублена, а отрезана, например, ножом. Прижизненных повреждений не обнаружено.

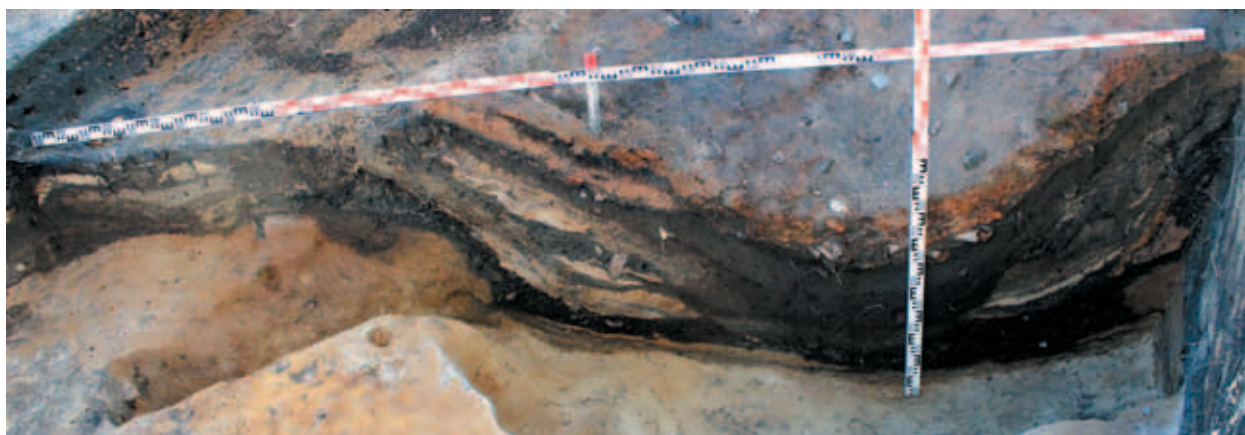

Рис. 4. Сооружение 4. Разрез. Вид с СВ

² Определение выполнено с. н. с. Переславского музея-заповедника А. Л. Филатовым

В заполнении собран 2051 обломок круговой керамической посуды. В придонном заполнении найдено 35 фрагментов, из которых 24 принадлежат керамике типа 5 (среди них 3 венчика типа 7 (XIII–XIV вв.); 1 обломок с линейным разреженным орнаментом, 2 с плотным); 8 обломков керамики типа 3а (среди них 1 венчик типа 6 (XIV–XV вв.); 1 венчик типа 9 (XIII–XIV вв.); 1 обломок с линейным разреженным орнаментом); 2 обломка керамики типа 2 (рис. 6).

Среди 64 находок выделяется комплекс изделий из стекла (браслеты – 28 ед., бусы – 4 ед., фрагменты перстня и стеклянных сосудов). Также были найдены изделия из черного и цветного металла (целые и фрагментированные ножи, крест нательный (близкая аналогия – бронзовый крестик XIII в. из собрания Ханенко (1899. С. 17, 18. Таб. VI. Рис. 83), перстень пластинчатый широкосрединный, височное кольцо перстнеобразное), камня (пряслице шиферное, обломок нательного креста), керамики (плошки-светильники).

Найденные предметы и керамика позволяют датировать печь в общих рамках XIII–XIV вв. Однако обнаруженные в заполнении бусы показывают, что время ее существования было ограничено XIII в.

Бусина винтообразная из черного стекла (№ 112) (рис. 7, 1) является продукцией древнерусского стеклоделия, однако точнее определить ее принадлежность к школам, а поэтому и хронологию, сложно. Можно относить в целом к домонгольскому и золотоордынскому периодам. Две бусины относятся к домонгольскому времени (но выпасть в слой могли позднее): одна округлая кольцевидная из желто-зеленого прозрачного стекла (№ 122) (рис. 7, 2), другая граненая биконическая усеченная дважды (т. н. рыбовидная) из синего прозрачного стекла (№ 147) (рис. 7, 3). Обе выполнены навивкой. Аналогии этим бусам довольно многочисленны в слоях древнерусских городов, селищ и погребений. Принадлежат древнерусской, т. н. столичной, школе, производившей изделия состава K-Pb-Si. Об этом говорят цвет и состояние сохранности стекла. Бусы из такого стекла изготавливали главным образом в Киеве с первой четверти XI до 40-х гг. XIII в. Также некоторую часть бус этого класса с конца XII в. делали, вероятно, в Новгороде, где их могли изготавливать и после падения Киева (Щапова, 1972. С. 82, 192, 193). Одна бусина круглая шаровидная усеченная дважды с декором из пятен из белого непрозрачного стекла (№ 129) (рис. 7, 4) относится к группе бус с «пластичным декором». Подобные типы бус встречаются довольно

Рис. 5. Сооружение 4. Зачистка на ур. -160 Вид с 3

широко: и на древнерусских памятниках, например, во Владимире (Зеленцова, Кузина, 2008. С. 133), и на болгарских селищах (VI Рождественском селище, Мурзихинском, Лаишевском) (Столярова, 2005. С. 59–60). Изучен состав некоторых бус: это стекла класса Pb-Si с присутствием в анализах небольшого количества окиси калия, что является признаком древнерусского изготовления (Столярова, Журухина, 2014. С. 199).

Перстень выполнен навивкой из фиолетового прозрачного стекла (№ 121) (рис. 7, 5). Щитка либо не было, либо утрачен. Относится к домонгольскому времени (выпасть в слой мог позднее). Цвет и состояние сохранности стекла говорят о его принадлежности древнерусской, т. н. столичной, школе стеклоделия, производившей изделия состава K-Pb-Si. Изготовление перстней такого

Рис. 6. Сооружение 4. Фр-ты круговой керамической посуды

состава, связанное с Киевом, началось в 70-х гг. XI в. и было прекращено в 40-х гг. XIII в. (Щапова, 1972. С. 101). Новгородские аналогии датируют перстни этой группы 13–22-м ярусами, что соответствует 70-м гг. XI – 70-м гг. XIII в. (Щапова, С. 109. Табл. 3). В Слободке находки таких перстней дают более узкую дату: они встречены в слоях конца XII – начала XIII в. (Полубояринова, 1987. С. 162–168).

Два фрагмента сосудов из бледно-желтого и синего стекла древнерусского производства (№ 143, 148) (рис. 7, 6–7), которые изготавливали в Киеве, начиная с первой четверти XI в. Производство посуды прекратилось в середине XIII в., что было связано с разгромом Киева в 1240 г.

Сооружение 37 выявлено в 0,60 м к северу от сооружения 4. Представляет собой погреб наземной постройки размером 3,50×3,30 м, заглуб-

ленный в материк на 1,10 м. Следы самой постройки прослежены не были.

При разборке заполнения были выявлены остатки деревянной конструкции стен погребца (рис. 8). По углам котлована прослежены деревянные стойки (жерди) диаметром 6,0–8,0 см, которые держали дощатую конструкцию стен (рис. 9; 10). Доски толщиной 1,0–1,5 см были уложены горизонтально одна на другую. Между тонкими досками и границей котлована сооружения зафиксирована песчаная засыпка. На дне котлована по периметру его стен обнаружены следы более ранней конструкции из вертикально поставленных бревен (сохранились только их нижние концы). Таким образом, дощатые стены – результат замены первоначального крепежа из вертикально поставленных бревен. На дне погребца зафиксированы следы вкопанных столбов диаметром от 0,22 до 0,52 м с заполнением из темно-коричневой супеси с тленом, в основном у южной границы объекта.

В заполнении погребца было собрано 1930 керамических обломков, из них подавляющее большинство принадлежит к типам керамики 1, 2 и 3а. Среди венчиков преобладают условные типы 7 и 8, встречаются типы 1 и 9. В придонном заполнении найдено 7 фрагментов керамики, из них: 5 принадлежали типу 5; 2 – типу 2 (в т. ч. 1 венчик типа 9 (XIII–XIV вв.)) (рис. 11).

Среди 107 вещевых находок выделяется комплекс изделий из стекла – браслеты (71 ед.), бусы (4 ед.), обломки перстня и стеклянных сосудов (9 ед.). Также были найдены изделия из черного и цветного металла (целые и фрагментированные ножи, замок цилиндрический тип Б (Новгородский сборник, 1982. С. 160, 162), пронизка спиральная), три обломка причерноморской поливной керамики.

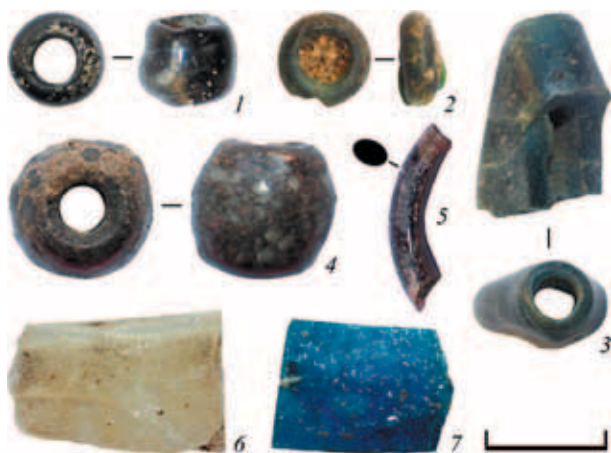

Рис. 7. Находки из стекла из сооружения 4

Рис. 8. Сооружение 37. План зачистки на ур. -200

а – темно-серая супесь; б – мешанный песок с включениями древесного угля; в – материк; г – остатки деревянной конструкции стен погребя; д – темно-коричневая супесь с включениями древесного угля; е – темно-серая супесь с включениями древесного угля; ж – древесный уголь

Рис. 9. Сооружение 37. Зачистка на ур. -200 (зап. часть). Вид с 3

Две бусины округлой биконической формы из бирюзового непрозрачного стекла (№ 364) (рис. 12, 2) и сине-фиолетового прозрачного стекла (№ 365) (рис. 12, 1) относятся к золотоордынскому времени (вторая половина XIII–XIV в.). Обе бусины выполнены навивкой, сине-фиолетовая – из не сильно разогретого полуфабриката. Аналогичная биконическая бирюзовая бусина, найденная при раскопках около Оружейной палаты Кремля, происходит из пласта 9, который может быть отнесен к концу XIII – началу XIV в. (Столярова, 2016. С. 228–229. Цв. вкл. рис. 14, 7). Подобные бусы в большом количестве встречены при исследовании стеклянных изделий Болгарского го-

родища, они составляют там большинство среди зонных и биконических бус. Все они происходят из поздних слоев, начиная с середины XIII в. (Полубояринова, 1988. С. 167.). Эти бусы входят в группу украшений, изготовленных из одноцветного непрозрачного стекла, происхождение которых связывается с традициями Ближнего или Среднего Востока (Египет, Месопотамия, Сирия, Средняя Азия) или Венеции. Зонная бусина из желтого стекла (№ 359) (рис. 12, 3) является продукцией древнерусского стеклоделия (см. описание бусины № 112). Граненая биконическая усеченная дважды (т. н. рыбовидная) из фиолетового прозрачного стекла (№ 363) (рис. 12, 4) имеет многочисленные аналогии в сло-

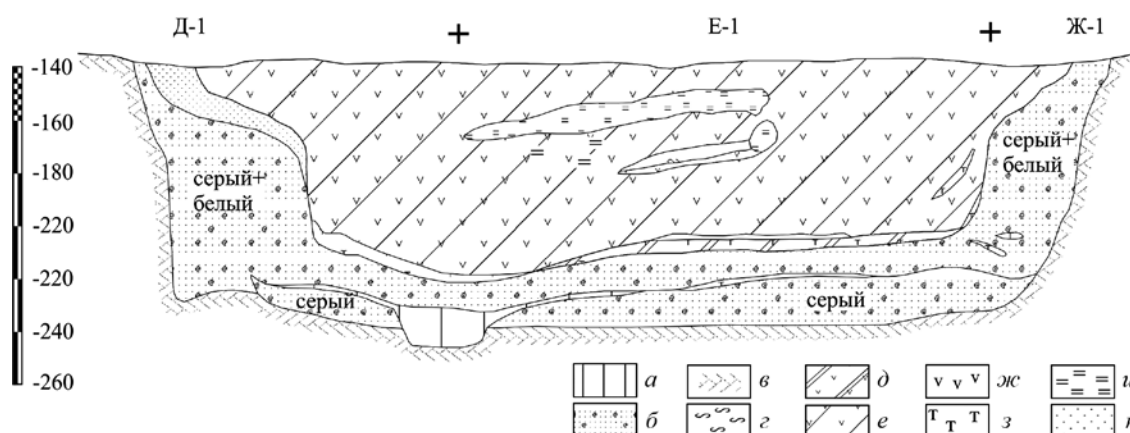

Рис. 10. Сооружение 37. Разрез. Вид с 3

a – серая супесь; *б* – мешаный песок; *в* – материк; *г* – зола; *д* – темно-коричневая супесь с включениями древесного угля; *е* – темно-серая супесь с включениями древесного угля; *ж* – древесный уголь; *з* – древесный тлен; *и* – глина; *к* – песок

Рис. 11. Сооружение 37. Фр-ты круговой керамической посуды (-180/-200)

ях древнерусских городов, селищ и погребений (см. описание бусин № 122, 147).

Перстень (№ 257) (рис. 12, 5) может относиться как к домонгольскому, так и к золотоордынскому времени. Выполнен навивкой из ярко-желтого прозрачного стекла. Щитка либо не было, либо утрачен. Цвет и состояние сохранности стекла говорят о его принадлежности древнерусской школе стеклоделия, производившей изделия состава Pb-Si. Самые ранние такие перстни появились в киевском производстве первой четверти XI в. В середине XII в. в таких городах, как Новгород, Полоцк, Смоленск, Церковище, сложились новые стеклоделательные центры по изготовлению предметов из свинцово-кремнеземного стекла (главным образом, браслетов), из остатков которого выполняли мелкие украшения, в том числе и перстни. В золотоордынское время перстни этой школы продолжали производить в городах, не пострадавших от монгольского нашествия (Новгород, Смоленск, Полоцк) (Щапова, 1972. С. 172, 193, 194).

Среди обломков стеклянных сосудов, найденных в заполнении сооружения, три из бледно-жел-

того стекла принадлежат к древнерусскому производству. Их изготавливали в Киеве, начиная с первой четверти XI в. Шесть обломков принадлежат сосудам из бесцветного с легким желтоватым оттенком стекла. Большая их часть имеет роспись

Рис. 12. Находки из стекла из сооружения 37

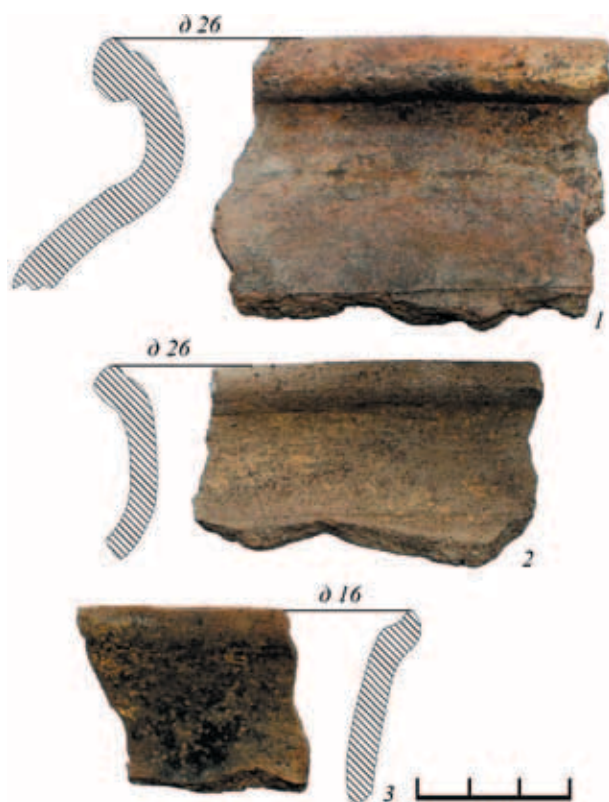

Рис. 13. Сооружение 28. Фр-ты круговой керамической посуды

золотом и эмалью. Это сосуды ближневосточного производства. Датируются подобные сосуды второй половиной XII – началом XV в.

В придонном заполнении котлована обнаружена сланцевая (или алевролитовая) пластина с процарапанным изображением четырехконечного креста. Возможно, это заготовка нательного креста.

По найденной керамике и предметам погреб датируется XIII–XIV вв.

Расположение объектов 4 и 37 (печи и погреб) в непосредственной близости друг от друга, общая хронология обнаруженного массового керамического материала и индивидуальных находок дает

основание предположить, что оба сооружения существовали в одно время и принадлежали одной усадьбе.

Сооружение 28 представляет собой остатки частокольной конструкции, примыкающей к сооружению 37. Канавка частокола, ориентированная по линии север–юг, имела ширину до 0,40 м и была впущена в материк на глубину 0,65–0,70 см. При выборке сооружения прослежены остатки древесного тлена от бревен диаметром 0,25–0,30 м. В заполнении канавки найдено 7 обломков керамики XIII–XIV вв. (рис. 13).

Сооружение 54 прослежено у южной границы раскопа. Интерпретировано как погреб наземной постройки. Имело овальной формы котлован размерами 4,50×2,70 м, заглубленный в материк на 1,40 м.

В процессе выборки сооружения собрано 646 керамических обломков. В придонном заполнении насчитывалось 123 образца керамики типа 5 (11 венчиков типа 7, 10 венчиков типа 9), 99 – типа 3а (1 венчик типа 6, 13 венчиков типа 7, 8 венчиков типа 9, 10 днищ типа 2); 6 – типа 3б (1 венчик типа 5, 1 венчик типа 6, 1 днище типа 2) (рис. 14).

Среди 28 индивидуальных находок выделяется комплекс изделий из стекла (браслеты – 12 ед., бусы – 2 ед., фрагмент стеклянного сосуда) (рис. 15).

Также были найдены изделия из черного металла (нож, ключ типа В (Новгородский сборник, 1982. С. 162) (рис. 16, 1), обломки площадок-свечильников (рис. 17, 3, 6), игрушка-погремушка керамическая поливная (рис. 17, 4), резная каменная иконка и оселок с резным рисунком (рис. 18).

Две бусины округлой биконической формы из бирюзового непрозрачного стекла (№ 565 и 567) (рис. 15, 14–15), выполненные навивкой, относятся к золотоордынскому времени (вторая половина XIII–XIV в.) (см. описание бусин № 364, 365).

Иконка из серого глинистого сланца, арочной формы, односторонняя (оборот пустой, плохо зашлифованный) (рис. 18, 1). Иконографический тип предварительно атрибутирован как Спас

Рис. 14. Сооружение 54. Фр-ты круговой керамической посуды

Рис. 15. Находки из стекла из сооружения 54

Эманнуил. Перед нами поясное изображение святого без бороды, правая рука поднята в благословляющем жесте, в левой, скрытой под одеждами, закрытое Евангелие. Подобная иконография характерна для Христа и святителей. Обращает на себя внимание отсутствие крестчатого нимба, надписей, которые позволили бы однозначно атрибутировать иконку, как изображение Иисуса Христа. В центре Евангелия – четырехконечный равносторонний крест, характерный для XII–XIII вв. Прямых аналогий иконке пока не обнаружено. Затруднительно и отнесение ее к определенной художественной школе. Например, Т. Н. Николаева отмечала характерные черты московской школы – пластичность изображения, мягкую передачу складок одежды; фигуры обычно изображены большеголовыми (Николаева, 1960. С. 40, 41). В нашем случае можно отметить ошибки в рисунке (легкую диспропорцию между левым и правым надплечьями, непропорционально большую длань относительно головы), разницу в высоте рельефа, плохо обработанные края. Возможно, иконка является работой местного мастера.

Оселок подтреугольной формы (размер 6×6×3,3 см), уплощенный (0,5 см). Цвет – коричневый. На обеих, хорошо отшлифованных, сторонах предмета присутствуют резные примитивные изображения человека (рис. 18, 2). Первое из них – фигура мужчины. Вытянутая книзу форма лица позволяет предположить у него наличие бороды. Тело обозначено условно двумя линиями. Намечено изображение приподнятой к груди правой руки. С левой стороны, за фигурой, – предмет не ясного назначения. В области пояса процарапан простой четырехконечный крест. Изображение занимает почти всю поверхность оселка. Линии, намечающие изображение, неодинаковы:

одни врезаны глубоко и уверенно, другие процарапаны. На обороте каменной пластины еще более условное изображение человеческой фигуры, занимающее $\frac{1}{4}$ поверхности. Рядом врезана прямая линия, которую можно принять за пробу резца. Примечательно, что на первой описанной стороне пластины над отверстием имеется еще одно – недосверленное. Очевидно, оселок использовался для пробы инструментов или тренировок. Б. А. Рыбаков упоминает шиферную литейную

Рис. 16. Находки из железа из сооружения 54

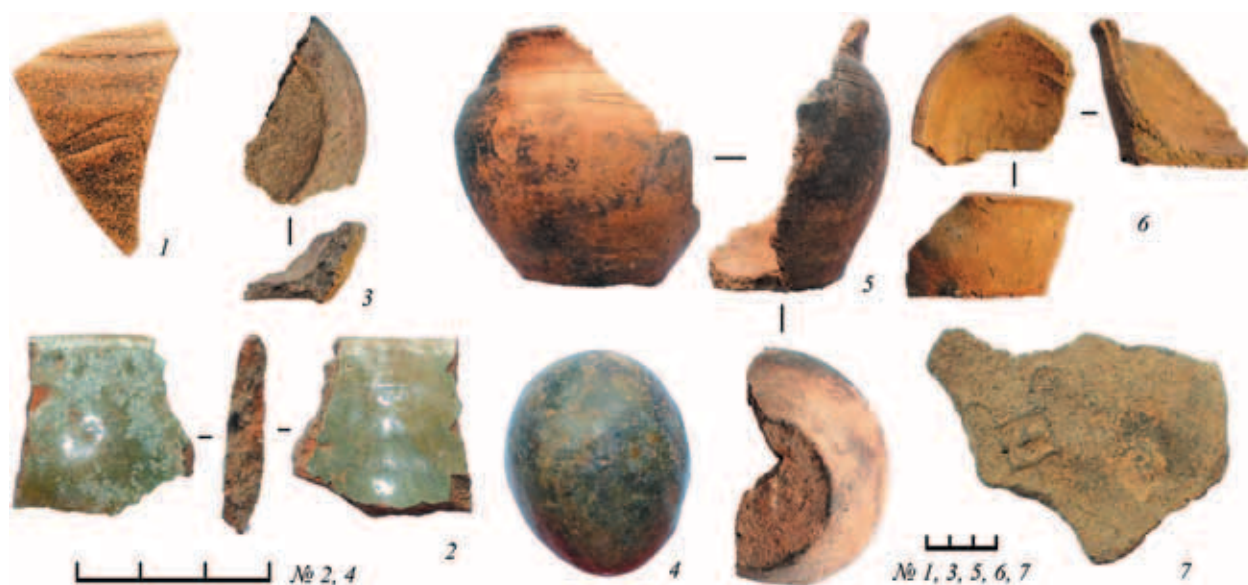

Рис. 17. Находки из керамики из сооружения 54

форму с изображением на боковой грани борода-того мужчины в конической шапке (Рыбаков, 1948. С. 161).

Сооружение 82 – погреб хозяйственной или жилой постройки, заглубленный в материк на 1,30 м. Котлован размерами 3,20×2,60 м располагался в 0,70 м к северу от объекта 54. При выборке объекта под прослойкой древесного тлена (истлевших досок) зафиксирован плотный слой глины с редкими включениями извести, под которым обнаружено скопление разрозненных костей людей и животных (рис. 19; 20). Всего, по предварительному подсчету, в котловане были захоронены останки не менее 100 человек. Ниже был прослежен слой темно-серой супеси с углем, перекрывающий плотный слой темно-коричневого суглинка с древесным тленом. Очевидно, останки людей вместе с костями животных были сброшены в частично заплывшую яму погребца не существовавшей на тот момент постройки.

При разборе костяков найдены: перстнеобразное височное кольцо, спиральные перстни из проволоки круглого сечения диаметром 1,2–1,5 см (XIII в.) (Седова, 1981. С. 122, 125); обломки стеклянных браслетов (20 ед.: два из четырех гладких перевитых палочек, один из двух прямых палочек, два гладких и пятнадцать крученых); одна бусина яйцевидная усеченная дважды (так называемая зонная) из бирюзового прозрачного стекла (№ 557), относящаяся к домонгольскому времени (две зонные бусины из фиолетового прозрачного стекла № 606 и 607 были обнаружены при разборке сооружения в вышележащих слоях) (ср.

описание бусин № 122, 147, 363); один фрагмент стеклянного домонгольского сосуда из бледно-желтого стекла киевского производства.

Начальный период функционирования сооружения 82 датируется первой половиной XIII в. Соответственно, костные останки, являясь санитарным захоронением, могли попасть в яму сооружения 82 во второй половине XIII – начале XIV в.

В заполнении объекта 82 весь керамический материал составил 892 экз. В слое костей было собрано 365 обломков керамики, из них: 234 – типа 5 (1 венчик типа 1 (XI – начало XIII в.); семь венчиков типа 7 (XIII–XIV вв.); 22 венчика типа 9 (XIII–XIV вв.); семь венчиков типа 11 (XIII–XIV вв.); четыре днища типа 2; два днища типа 3; одно днище типа 4); 127 обломков керамики типа 3а (5 венчиков типа 6 (XIV–XV вв.); венчик типа 7 (XIII–XIV в.); 12 венчиков типа 9 (XIII–XIV вв.); четыре венчика типа 11 (XIII–XIV вв.); девять днищ типа 2; днище типа 3); два образца керамики типа 1 (венчик типа 8 (XII – первая треть XIII в.)); фрагмент керамики типа 2; обломок керамики типа 11 (рис. 21).

В заполнении ямы ниже уровня костных останков мощностью 0,40–0,43 м собрано 36 обломков керамики, из них: 26 – типа 5 (два венчика типа 9 (XIII–XIV вв.); девять – типа 3а; один – типа 1 (венчик типа 1).

Сооружение 81 – котлован размером 3,10×2,35 м, заглублен в материк на 0,80 м (рис. 22). Стенки котлована пологие. Вдоль южной и восточной стенок котлована зафиксировано несколько столбовых ям

Рис. 18. Находки из камня из сооружения 54

1 – иконка арочной формы, односторонняя, серый глинистый сланец;
2 – оселок подтреугольной формы с изображением человека

диаметром 0,05–0,08 м, расположенных на одном уровне.

В заполнении сооружения найдено 396 обломков круговой керамической посуды, среди которых преобладает керамика типа 5 и венчики условных типов 7, 8, 9 и 11. Встречается керамика типа 2 и типа 3а (рис. 23). Среди 25 вещевых находок – стеклянные браслеты (18 ед.), три оселка из песчаника, ножи.

Всего в ходе археологических раскопок 2016 г. обнаружено 640 индивидуальных находок. Из них

абсолютное большинство принадлежит находкам из стекла (64%), далее следуют предметы из черного металла (15%), керамики (9%), камня (5%), цветного металла (4%), кости (2%). Предметы из стекла и их фрагменты представлены следующими категориями: браслеты, бусы, перстни, соуды. Наиболее многочисленной категорией оказались стеклянные браслеты – 346 ед. (54% от общего количества находок). Больше половины из их (200 ед.) приходится на археологические объекты (ямы и сооружения). Анализ химического состава

Таблица 1. Браслеты из стекла на раскопе по ул. Комитетская, 10а.

Цвет	Крученые без декора	Крученые с декором	Гладкие без декора (круглые / треугольные в сечении)	Гладкие с декором	Сварка из нескольких палочек («витые» / прямые)	Ребристые розетковидные	Итого, ед. (%)
Коричневые	74	29	55 / 2	17	2 / 3	5	187 (54)
Фиолетовые	16	2	22	2	2 / 1	—	45 (13,5)
Зеленые	27	2	12	2	—	—	43 (13)
Бирюзовые	11	10	6	2	3 / 1	—	33 (9,5)
Синие	11	3	2 / 2	2	1	—	21 (6)
Желтые	6	3	2	6	—	—	17 (5)
Всего, ед.	145	49	103	31	13	5	346
Итого, ед. (%)	194 (56)		134 (39)		13 (4)	5 (1)	346 (100)

стекла не проводился, поэтому говорить о происхождении и точном времени бытования браслетов преждевременно.

Принято считать, что для стеклянных браслетов Древней Руси характерны шесть цветов – коричневый, фиолетовый, зеленый, бирюзовый, синий и желтый (Щапова, 1972. С. 106). Цветовая гамма браслетов Переславля-Залесского включает все шесть цветов (табл. 1). Подсчет предметов показал, что в коллекции преобладают браслеты коричневого цвета (54%). Далее следуют фиолетовые (13,5%), зеленые (13%), бирюзовые (9,5%), синие (6%). Меньше всего желтых браслетов (5%). Полученные результаты сходны с цветовой гаммой г. Москвы (Столярова, 2016. С. 158).

Пять перстней относятся к золотоордынскому времени (вторая половина XIII–XIV в.): из желтого непрозрачного стекла со щитком (№ 136 – рис. 24, 1), из черного непрозрачного стекла со щитком (№ 480 – рис. 24, 2), из бирюзового непрозрачного стекла со щитком

(№ 198 – рис. 24, 3), из бирюзового непрозрачного стекла (щитки утрачены) (№ 284, 436 – рис. 24, 4, 5). Все перстни с полукруглым обручем. Щитки у желтого и черного плоские овальные, у бирюзового предположительно фигурный. Обручи сделаны навивкой, щиток у желтого перстня выполнен отдельно, наложен на обруч и отпрессован на плоскость, щиток у черного перстня сделан прессованием на плоскость, у бирюзового – прессованием инструментом.

Все перстни, за исключением № 480, происходят из слоев раскопа вне закрытых комплексов (№ 480 обнаружен в объекте № 84, интерпретированном как хозяйственная яма). Подобные перстни в Новгороде известны из 7–11-го ярусов, которые датируются концом XIII – второй половиной XIV в. (Щапова, 1963. Т. 3. С. 112. Табл. 2–3). Аналогичные тверские перстни происходят из слоев второй половины XIII–XIV в. (Сафарова, 2003. С. 260. Табл. 3). Такие же перстни происходят из Болгара. Здесь большая часть перстней различных

Рис. 19. Сооружение 82. Разрез Вид с С

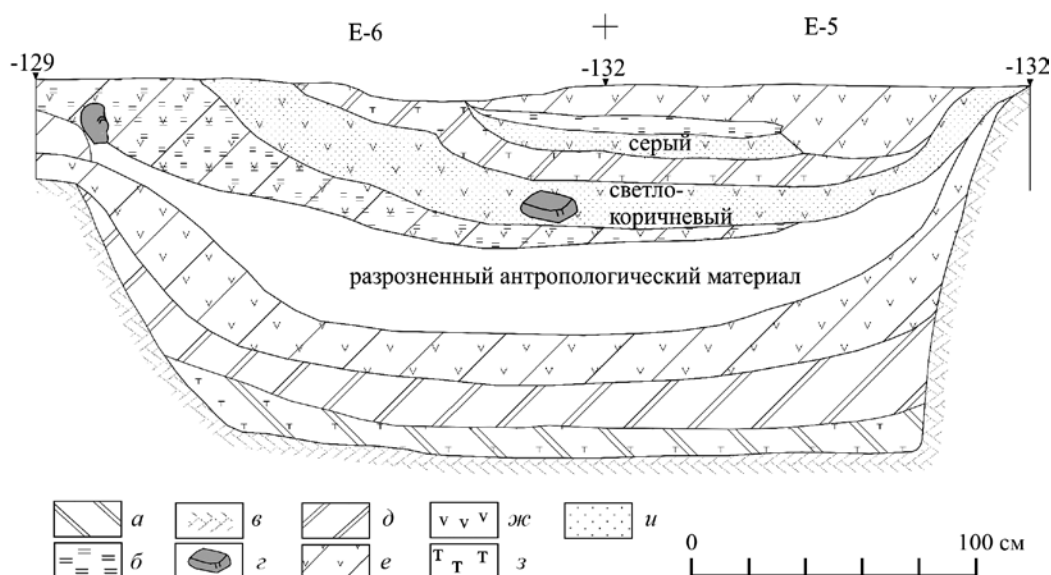

Рис. 20. Сооружение 82. Разрез по линии В–З. Вид с С

a – светло-коричневая супесь; *b* – глина; *v* – материк; *г* – камень (валун); *d* – темно-коричневая супесь; *e* – темно-серая супесь с включениями древесного угля; *ж* – древесный уголь; *з* – древесный тлен; *и* – песок

типов, в том числе и одноцветных непрозрачных, найдена в слоях с середины XIII в. до 1431 г. (Полубояринова, 1988. С. 196. Табл. 8, 10). По данным, полученным при раскопках в Историческом проезде, перстни этой группы датируются второй половиной XIII – первой половиной XIV в. (Чернов, Бойцов, 1992. № 1. С. 219, 224, 226). Такие же перстни из раскопок в Тайницком саду Кремля

относятся к концу XIII – началу XVI в. (Панова, Коваль, 2008. Т. 1. С. 124, 130, 136, 142, 155, 156, 159, 167, 257, 293; Т. 2. С. 77). Однако надежная датировка перстней этой группы по данным Исторического проезда Москвы и других городов второй половиной XIII – XIV в. позволяет говорить о переотложенности находок в Тайницком саду Кремля в слоях первой половины XV – начала XVI в. Изучение

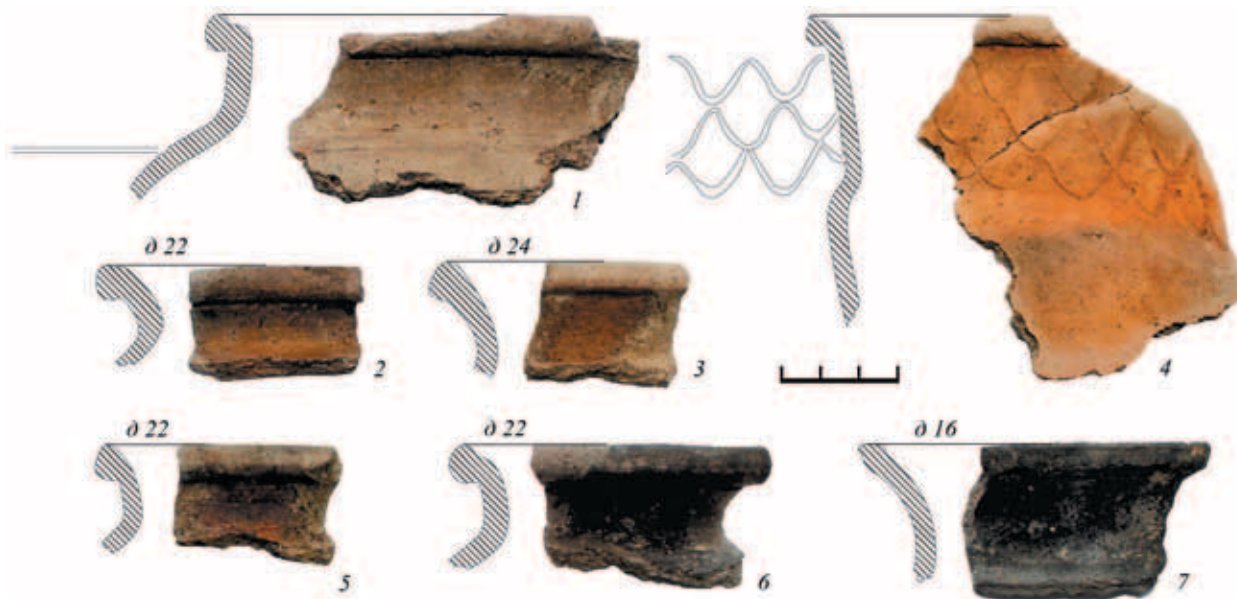

Рис. 21. Сооружение 82. Фр-ты круговой керамической посуды (-190/-220)

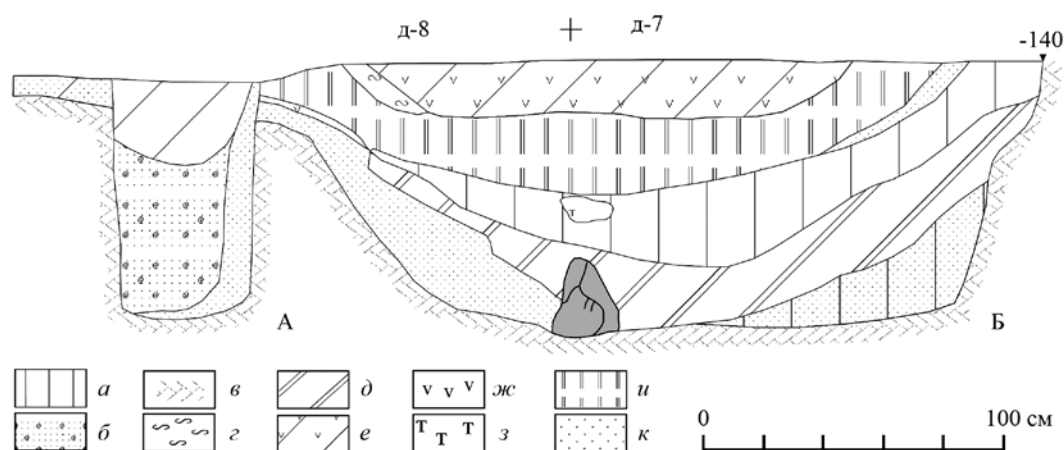

Рис. 22. Сооружение 81. Разрез. Вид с С

а – серая супесь; *б* – мешанный песок; *в* – материк; *г* – зола; *д* – темно-коричневая супесь; *е* – темно-серая супесь с включениями древесного угля; *ж* – древесный уголь; *з* – древесный тлен; *и* – коричневый суглинок; *к* – песок

результатов анализов химического состава перстней данной группы показало большое разнообразие составов: Na-Si, Na-Ca-Si, Na-Pb-Si, Na-Ca-Pb-Si, что не позволяет точно локализовать место их производства. Можно лишь говорить, что в качестве центров по изготовлению подобных стекол таковыми можно рассматривать Ближний Восток (в том числе Месопотамию, Сирию и Египет), Среднюю Азию или Южную Европу (например, мастерские Венеции) (Столярова, 2016. С. 221–223).

Десять бусин происходит из пластов. Четыре бусины относятся к домонгольскому времени (выпасть в слой могли позднее). Это бусы разных форм: зонная из бледно-желтого прозрачного стекла (№ 193 – рис. 24, б), округлые биконические усеченные дважды из бирюзового прозрачного стекла (№ 220, 534 – рис. 24, 7, 8), граненая биконическая усеченная дважды (так называемая рыбовидная) из сине-фиолетового прозрачного стекла (№ 532 – рис. 24, 9).

Рис. 23. Сооружение 81. Фр-ты круговой керамической посуды

Рис. 24. Находки из стекла из сооружения 82

Две бусины могут относиться как к домонгольскому, так и к золотоордынскому времени: т.н. зонная из ярко-желтого стекла (№ 71 – рис. 24, 10). и кольцевидная из ярко-зеленого стекла (№ 87 – рис. 24, 11). Среди возможных центров производства – Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Церковище (Щапова, 1972. С. 172, 193, 194). Аналогии этим бусам довольно многочисленны в слоях древнерусских городов, селищ и погребений. Например, кольцевидная бусина из ярко-зеленого стекла обнаружена при раскопках в Тайницком саду в пласте, датированном по керамическому материалу первой половиной – серединой XV в. По-видимому, она была изготовлена в центрах, продолжавших функционировать в золотоордынский период (Столярова, 2016. С. 227. Цв. вкл. рис. 14, 19).

Три бусины являются продукцией древнерусского стеклоделия, однако точнее определить их принадлежность к школам, а поэтому и хронологию, сложно. Их можно относить в целом к домонгольскому и золотоордынскому периодам: эллипсоидная из желто-зеленого стекла (№ 323 – рис. 24, 12), эллипсоидная с так называемым пластичным декором в виде многократных поперечных зигзагов из непрозрачного зеленого стекла (№ 338 – рис. 24, 13), бисер из непро-

зрачного желтого стекла (по сути, это брак, т.к. канал с одной стороны заплыл) (№ 340 – рис. 24, 14).

Одну бусину кольцевидную из желтого непрозрачного стекла с наложенными выпуклыми пятнами из непрозрачного желто-зеленого стекла (так называемую треугольную) можно отнести к домонгольскому периоду и предположительно византийскому производству (№ 216 – рис. 24, 15). Подобные украшения находят на очень широкой территории. Самые ранние бусы этого типа есть в погребениях Северного Кавказа VIII–IX вв., в Саркеле в слоях второй половины IX – начала XII в. Они присутствуют в погребениях X в. Танкеевского могильника. В XI в. эти бусы есть на нижнем Дунае, вокруг Азовского моря, в Польше, Чехии, Словакии, Бирке. Они найдены в Венгрии в погребальных памятниках второй половины XI – первой половины XII в. «Треугольные» бусы есть в погребениях XI – начала XII в. в Псковской, Ленинградской, Калининской, Брянской, Владимирской областей, в Белозерье (Нефедьевский могильник). Они найдены в домонгольском слое Болгара, в Биляре в комплексах XI–XII вв. Большое количество таких бус, чуть больше трети от всех находок, найдено на I Измерском селище (Щапова, 1998. С. 151, 152; Полубояринова, 1988. С. 178; Валиулина, 2000. С. 57–58). Состав этих бус изучен – класс

Pb–Si (*Щапова*, 1998. С. 152; *Валиулина*, 2000. С. 58). Несмотря на это, исследователи не склонны связывать изготовление «треугольных» бус с древнерусским производством. В литературе было высказано предположение об их византийском происхождении (*Щапова*, 1998. С. 152). Основанием для этого служит ареал находок, временные рамки бытования этого типа (VIII–XII вв.), а также сходство цветовой гаммы этих бус с цветовой гаммой византийской смальты и поливы.

Таким образом, в результате археологического исследования были выявлены антропогенные напластования, относящиеся к различным хронологическим периодам существования города, в том числе остатки культурного слоя XII–XIV вв. Ряд выявленных сооружений, преимущественно погребов жилых и хозяйственных построек, интерпретированы как остатки усадебной застройки XIII–XIV вв. В одном из сооружений обнаружено санитарное захоронение второй половины XIII – начала XIV в.

Литература

Валиулина С. И., 2000. Стекланные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале XIII вв. // *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары*. СПб.: Вести. С. 51–64.

Васильев С. Д., *Иванов К. И.*, 2005. Улицы, на которых мы живем: Исторические очерки. Переславль-Залесский: Переславский совет ВООПИиК, 2005. 142 с.

Жилина Н. В., 2012. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII–XVII в. на материале Северо-Восточной Руси // *АВСЗ*. Вып. 4. М. – СПб: Нестор-История. С. 215–235.

Зейфер В. А., 2014. Отчет об охранных археологических раскопках на территории объекта культурного наследия «Культурный слой г. Переславль-Залесский, XII–XVII вв.» по адресу: Ярославская область, г. Переславль-Залесский, ул. Советская, 37, в 2013 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 39901

Зейфер В. А., 2015. Предварительный анализ жилых и хозяйственных построек из раскопок южной части кремля Переславля-Залесского (по результатам исследований 2013 г) // *АП*. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 287–298.

Зеленцова О. В., *Кузина И. Н.*, 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // *АВСЗ*. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 127–136.

Коваль В. Ю., 2016. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН. 126 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9).

Кузина И. Н., *Зейфер В. А.*, *Янишевский Б. Е.* 2017. Из новых находок стекланных сосудов в Переславле-Залесском // *АП*. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 110–116.

Леонтьев А. Е., 2015. Отчет об археологических разведках на территории объекта культурно-

го наследия «Культурный слой г. Переславль-Залесский, XII–XVII вв.» по адресу: Ярославская область, г. Переславль-Залесский, пер. Ветеринарный, д. 11 и ул. Комитетская, д. 10а в 2015 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 49682.

Мазур Л. Д., 2012. Переславль-Залесский в XVII столетии: опыт историко-градостроительного анализа. М.: Коллаж. 92 с.

Мазур Л. Д., 2016. Осадные дворы Владимира, Суздаля, Шуи и Переславля-Залесского в XVII столетии // *АВСЗ*. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 96–126.

Мазурок О. И., *Зейфер В. А.*, 2015. Отражение минувшего. Металлическое зеркало из раскопок в Переславле-Залесском // *АП*. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 299–303.

Майорова Е. В., 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // *АВСЗ*. Вып. 3. М. – СПб.: ИА РАН, Нестор-История. С. 142–153.

Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. 336 с.

Панова Т. Д., *Коваль В. Ю.*, 2008. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 году. М. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 29009.

Полубояринова М. Д., 1987. Изделия из стекла городища Слободка // *Городище Слободка*. М.: Наука. С. 162–168.

Полубояринова М. Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. М.: Наука. 280 с.

Сафарова И. А., 2003. Об одной группе средневековых стекланных украшений из раскопок Твери // *Археология: история и перспективы*. Ярославль: ЯМЗ. С. 257–266.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Столярова Е. К., 2005. Стекланные украшения булгарских селищ низовий Камы // *Древности*

Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: ИИ АН РТ. С. 43–66.

Столярова Е. К., Журухина Е. Ю., 2014. Находка стеклянного слитка из Киева // КСИА. Вып. 232. С. 195–202.

Столярова Е. К., 2016. Стекло средневековой Москвы. М.: РГГУ. 692 с.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев: Тип. Кульженко. 35 с.

Чернов С. З., Бойцов И. А., 1992. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // СА. № 1. С. 211–230.

Щапова Ю. Л., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Новые методы в археологии (Тр. НАЭ. Т. III). М. С. 104–163. (МИА. № 117).

Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.

Щапова Ю. Л., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС. 286 с.

V.A. Ziefer, O.I. Mazurok, E. K. Stolyarova. A. E. Leontev. & I.A. Saprykina

Issues of mansion development in Pereslavl-Zalessky (modern Pereslavl) in the 13th and 14th centuries (based on research made during 2016)

Summary

This article provides detailed descriptions of the artefacts and ceramic materials found at the remains of houses

dating from the ‘second heyday’ of the city of Pereslavl – which coincides with the period of the Golden Horde.

В. В. Богомолов^{*}, О. А. Брусенцов^{}, Е. О. Володин^{*},
Д. Б. Соловьев^{***}, Г. А. Шебанин^{***}, А. В. Шеков^{****}**

^{*} Центр по охране и использованию памятников истории
и культуры Тульской области, Тула;

^{**} Историко-мемориальный музей-заповедник «Подолье»,
Подольск (Московская обл.);

^{***} ООО «ЦАИ «Куликово поле», Подольск (Московская обл.);

^{****} Тульский государственный педагогический университет, Тула

Некоторые итоги археологических исследований селища «Аэропорт Домодедово 2»

Селище Аэропор. Домодедово 2 было выявлено в 2011 г. при проведении разведочных работ в зоне проектирования и реконструкции аэропорта Домодедово (Гоняный, 2011. Л. 73–76). Памятник находится в городском округе Домодедово Московской области, в 2 км юго-западнее моста в д. Сельвачево через р. Жданка (правый приток р. Пахры). Селище располагается на левом берегу р. Вотец (левый приток р. Гнилуши), в ее верховьях (рис. 1). В ходе разведочных работ 2013 и 2014 гг. на селище был собран подъемный материал XV–XVIII вв., в том числе медные и серебряные монеты времени правления московских великих князей Василия Дмитриевича, Ивана III Васильевича, царей Ивана IV, Алексея Михайловича, нательные кресты, фрагмент золотоордынского бронзового зеркала, фрагменты цилиндрических замков и ключей. Основная коллекция крестов датируется XV–XVI вв. (Соловьев, 2013. Л. 29–30; Гоняный, 2014).

В 2015 г. в связи с реконструкцией аэропорта в центральной части памятника были проведены охранные раскопки на площади 5142 кв. м (раскопы 1, 2; рис. 1, Б) (Соловьев, 2015; Пронин, 2015). В настоящей статье рассматриваются только наиболее важные итоги исследований раскопа 1 (4802 кв. м). Раскопом были изучены 565 ям – заглубленных в материк остатков жилых (с остатками печей) и хозяйственных построек, 55 частокольных

и дренажных канав, одна современная траншея. На основании индивидуальных находок и керамического материала эти археологические объекты были разделены на четыре периода существования селища: XIII–XIV вв.; XV – первая треть XVI в.; вторая треть – вторая половина XVI в.; вторая половина XVI – первая четверть XVII в. (рис. 2).

Среди 653 индивидуальных находок раскопа: серебряные монеты московских великих князей Василия II (конец 50-х – начало 60-х гг. XV в.; вес – 0,37 г; яма 337), Ивана III (80–90-е гг. XV в.; вес – 0,32 г; яма 388), Ивана IV (1535–1547 гг.; вес – 0,31 г; пахотный слой), русская серебряная монета XV–XVI вв. плохой сохранности (вес – 0,25 г; яма 180а)¹ (рис. 3, Б), бронзовые и янтарный нательные кресты XV–XVII вв. (рис. 3, А, 1, 3, 4, 7, 10, 11; рис. 4, 1, 3, 6) (Седова, 1981. С. 54, 55; Гриценко, Пуцко, 2000. С. 216. № 20; Археология Романова двора, 2009. С. 111, 112, 322. Рис. 76, 7, 9, 13, 14, 16; Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2011. С. 162–164), бронзовый щитковый перстень XVI в. (рис. 4, 2) (Археология Романова двора, 2009. С. 391. Рис. 145, 27, 28), предметы снаряжения коня и всадника, в том числе железное и бронзовое зубчатые колеса от шпор XIV–XV вв. (рис. 3, А, 5, 6, 8; 4, 8, 10) (Кирпичников, 1976. С. 49, 50; Ульянова, 2008. С. 206), элементы ременной гарнитуры (рис. 4, 5,

¹ Авторы статьи благодарят Е. В. Глазунову за определение монет.

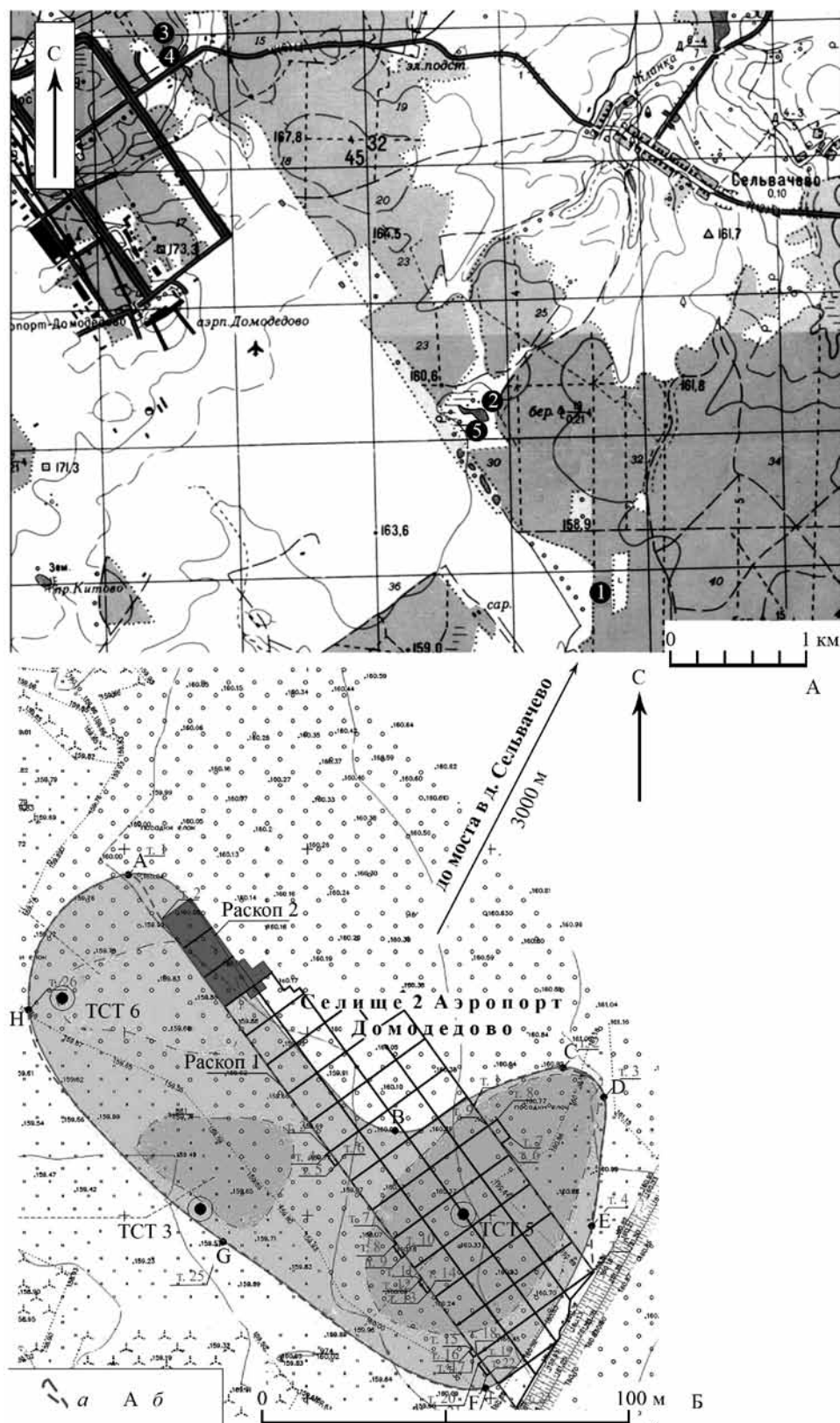

Рис. 1. Ситуационный план селищ «Аэропорт Домодедово» (А) и топографический план памятника с раскопами 1 и 2 (Б)

1 – селище 1; 2 – селище 2; 3 – селище 3; 4 – селище 5; 5 – селище 6;
а – граница культурного слоя; б – поворотные точки границы

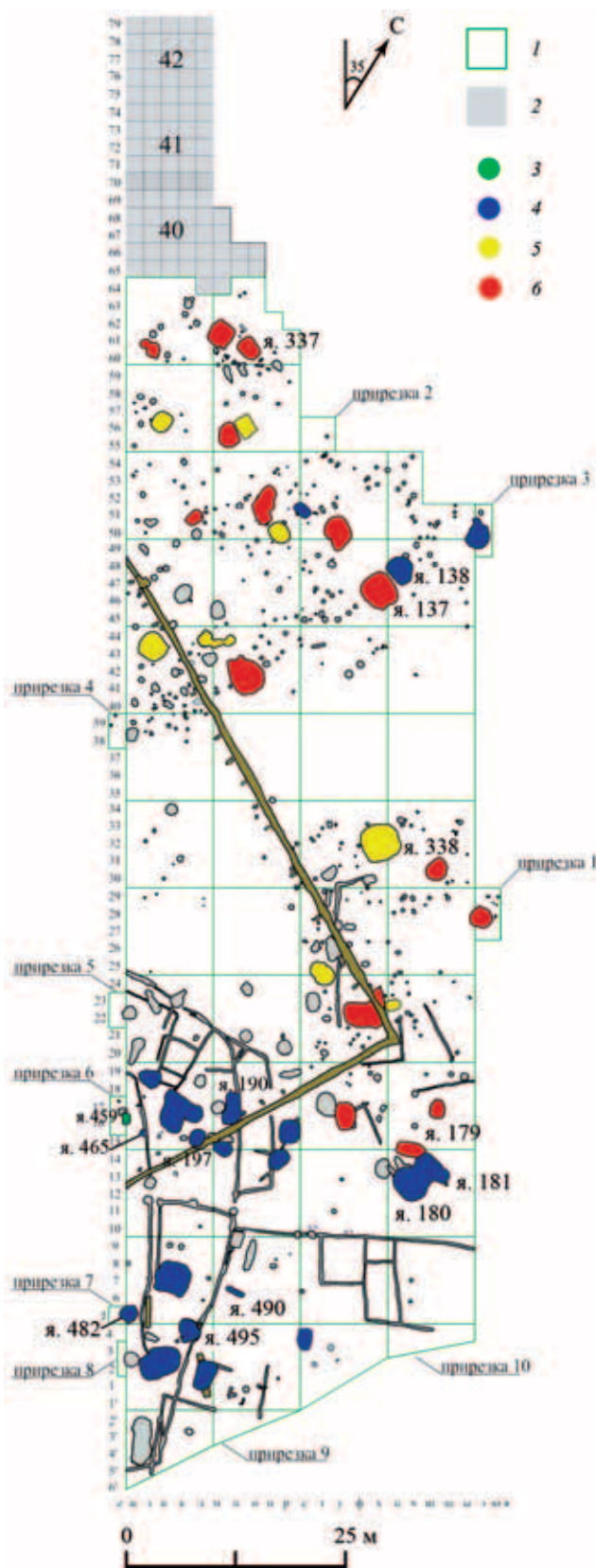

Рис. 2. Селище «Аэропорт Домодедово 2».
План раскопа 1

1 – раскоп 1; 2 – раскоп 2; 3 – ямы XIII–XIV вв.; 4 – ямы XV – 1-й тр. XVI в.; 5 – ямы 2-й тр. – 2-й пол. XVI в.; 6 – ямы 2-й пол. XVI – 1-й четв. XVII в.

7), железные ножи и их обломки, серп, фрагменты железных топоров, кос, каменные оселки, керамические пряслица, железные пробойники, гвозди, ключи и обломки цилиндрических замков типа В (вторая половина XII – начало XV в.; рис. 3А, 2; 4, 4, 9) (Древняя Русь, 1997. С. 15).

В заполнениях ям и канав были собраны 21467 обломков круговой керамической посуды второй половины XIII – первой четверти XVII в. Их учет и анализ были сделаны на основе методических рекомендаций В.Ю. Ковалья, но с использованием типологии С.З. Чернова для керамической посуды Москвы (МК, 1991; Чернов, 2005. С. 111–115; Коваль, 2016б).

Для датировки керамических комплексов по соотношению выделяемых групп посуды, ее морфологии и орнамента были использованы опубликованные работы по хронологии гончарной керамики Москвы и Подмоскovie (Коваль, 2001; 2005. С. 251–265; 2016а. С. 437–475; Коваль, Хижняков, 2005. С. 153–183; Богомолов и др., 2012. С. 366–388; Богомолов и др. 2015. С. 338–411; Андреев, 2011. С. 249–267; Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 299–332; Полюях, 2016. С. 476–546).

Основную часть керамического материала составляли фрагменты белоглиняной посуды с песком в формовочных массах либо с песком и редкими включениями дресвы. В основном, это были обломки белоглиняной грубой посуды гжельского производства конца XV – XVI в. Однако часть белоглиняных фрагментов принадлежала сосудам конца XIV – XV в. (Богомолов и др. 2012. С. 370–374. Рис. 6, 8–12; Андреев, 2011. С. 252, 253; Коваль, 2016а. С. 449, 461, 465).

В ряде комплексов присутствовали обломки белоглиняной гладкой посуды второй трети XVI – первой четверти XVII в., определяемой, прежде всего, по формовочным массам без видимых примесей (Коваль, 2005. С. 254). Обломки посуды аналогичной морфологии с характерным линейным орнаментом на шейках, но изготовленной из слабожелезненной глины без видимых примесей, также были найдены в объектах раскопа. Учет доли посуды, изготовленной из формовочных масс без видимых примесей, был важным фактором в определении хронологии комплексов (Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329). Небольшое количество обломков принадлежало белоглиняным горшкам последней трети XVI – первой четверти XVII в. с морфологией и характерной орнаментацией гладких сосудов, но изготовленных из формовочных масс с примесями мелкого песка (Коваль, 2001. С. 108; Полюях, 2016. С. 496).

Рис. 3. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1. Находки из пахотного слоя (А) и серебряные монеты (Б). (Номера соответствуют полевой описи)

1 – нательный крест, № 1; 2 – ключ от цилиндрического замка, № 490; 3 – нательный крест, № 111; 4 – нательный крест, № 100; 5 – зубчатое колесико от шпоры, № 87; 6 – наконечник плетки (?), № 47; 7 – нательный крест, № 106; 8 – зубчатое колесико от шпоры, № 279; 9 – накладка, № 28; 10 – нательный крест, № 330; 11 – крест, № 400; 12 – вел. кн. Ивана IV (1535–1547; № 109); 13 – русская монета XV–XVI вв. плохой сохранности (№ 606); 14 – вел. кн. Ивана III (80–90-е XV в.; 0,32 г; я. 388, № 443); 15 – вел. кн. Василия II (кон. 50 – нач. 60-х гг. XV в.; № 425). (1, 3–7, 9, 10 – бронза; 2, 8 – железо; 11 – янтарь; 12–15 – цв. металл)

Рис. 4. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Находки из раскопа 1 (номера соответствуют полевой описи)

1 – нательный крест, № 396, я. 100; 2 – щитковый перстень, № 619, я. 180; 3 – нательный крест, № 445, я. 388; 4 – ключ от цилиндрического замка, № 601, я. 180; 5 – ременная пряжка с железным язычком, № 519, я. 488; 6 – нательный крест, № 648, я. 544; 7 – накладка, № 651, я. 544; 8 – удила, № 503, я. 388; 9 – фр-т цилиндрического замка, № 650, я. 544; 10 – фр-т стремени, № 507, я. 388 (1–3, 5, 6 – бронза; 4, 7–10 – железо)

Значительную часть керамического материала из комплексов составляли фрагменты посуды, изготовленной из слабожелезненной глины с примесями песка, либо песка и небольшого количества дресвы. Такие обломки имели цвет поверхностей и изломов от серо-бежевого до светло-бежевого. По морфологии и орнаментации фрагменты

этой группы посуды имеют аналогии среди «серой» керамики второй половины XIII – XIV в., посуды из датированных монетами комплексов конца XIV – первой половины XV в. и белоглиняных грубых сосудов конца XV – XVI в. (Чернов, 2005. С. 111, 113; Андреев, 2011. С. 252, 253; Полюях, 2016. С. 485).

Таблица 1. Керамические комплексы конца XIV – начала XVI в.
(Процент мелких фр-тов серо-черного цвета не учитывался.)

Комплексы	Всего фр-тов, экз.	Белоглиняные фр-ты с песком, %	Белоглиняные фр-ты с песком и дресвой, %	Из слабожелезистой глины фр-ты с песком, %	Из слабожелезистой глины фр-ты с песком и дресвой, %	Красноглиняные фр-ты с песком, %	Красноглиняные фр-ты с песком и дресвой, %	Датировка керамики из комплекса
Я. 178	770	15	1,6	65	1,4	10	0	XIV – нач. XVI в.
Я. 200	259	20	11,5	37	3	7	1	XIV – нач. XVI в.
Я. 482	346	25	19	49	3,2	3,8	0	XIV – нач. XVI в.
Я. 490	169	21	4	28	5	26	2	2-я пол. XIV – XV в.
Я. 491	124	5	12	68	7	8	1 фр.	2-я пол. XIV – XV в.
Я. 495, слой 2	171	0,6	9,4	19	18	25	24	Кон. XIV – сер. XV в.
Я. 500	151	0,7	61	0,7	0	4,7	25 (серо-черные фр. с песком и дресвой)	Кон. XIV – XV в.

Менее представительную, чем белоглиняная посуда, группу керамики составляли красноглиняные обломки. Среди них доминировала красноглиняная гладкая керамика середины XV – XVI в., изготовленная из формовочных масс с мелким песком (Андреев, 2011. С. 249. Рис. 5: 1; Коваль, 2016а. С. 459). Красноглиняные фрагменты с песком либо с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах принадлежали «серой» посуде второй половины XIII – XIV в. и красноглиняным грубым сосудам XIV – середины XV в., посуде, менее качественной, чем красноглиняная гладкая вторая половина XV – XVI в.

Сравнительно небольшое количество обломков принадлежало столовым сосудам – краснолощенным; красноглиняным, покрытым белым ангобом и расписанным красным ангобом. Чернолощеным сосудам принадлежали единичные фрагменты.

Результаты статистического учета керамики по комплексам выделенных периодов представлены в таблицах 1–3 и схемах (рис. 5; 6)². Для ряда керамических комплексов здесь предложены сравнительно широкие датировки. При объединении данных этих комплексов на схемах их хронология неизбежно смыкается и «накладывает» один период на другой. Такая ситуация связана с известной гипотетичностью датировок керамиче-

ских комплексов. Сужение этих датировок только повысит степень их гипотетичности. Например, если из комплекса керамики, формирование которого завершилось в начале XVI в., исключить венчики сосудов конца XIV – первой половины XV в., то надежно отделить обломки стенок сосудов названных периодов вряд ли возможно. В итоге учет фрагментов керамики из такого комплекса только от сосудов начала XVI в. будет достаточно примерным (Чернов, 2017. С. 319).

Более подробное описание некоторых наиболее важных и информативных керамических комплексов, включая морфологию и датировку посуды, приводим ниже. Скорее всего, второй половиной XIII в. датируется керамический комплекс из ямы 459, XIII–XIV вв. – немногочисленные фрагменты посуды из ям 478–480 (рис. 7, Б, 4–6). Это – наиболее ранние комплексы керамики из раскопа.

В заполнении ямы 459 были найдены 35 обломков круговой красноглиняной посуды (рис. 7, А). Два фрагмента содержали в формовочной массе песок и дресву, а остальные 33 – песок размерами до 2 мм. Все фрагменты имели трехслойные изломы с преобладанием среднего слоя серого цвета на большинстве, а также следы вторичного обжига. На трех стенках были нанесены одиночные прямые линии; на одной – разнесенные ме-

² Указанные таблицы и первые три схемы, соответственно, составлены на основании анализа одних и тех же комплексов, содержащих не менее 100 фрагментов посуды.

Таблица 2. Керамические комплексы конца XV – первой трети XVI в.
(Процент мелких фр-тов серо-черного цвета не учитывался.)

Комплексы	Всего фр-тов	Белоглиняные фр-ты с песком, %	Белоглиняные фр-ты с песком и дресвой, %	Из слабожелезистой глины фр-ты с песком, %	Из слабожелезистой глины фр-ты с песком и дресвой, %	Красноглиняные фр-ты с песком, %	Красноглиняные фр-ты с песком и дресвой, %	Датировка керамики из комплекса
Я. 197, слой 1	132	32,6	7,6	20,5	1,5	23	4,5	Кон. XIV – 1-я тр. XVI в.
Я. 311, слой 3	293	10,6	34	1,7	7,8	42, в т.ч. 2 % лощеных	0	1-я тр. XVI в.
Я. 462, слой 2	100	31	22	3	15	16	4	XV – 1-я тр. XVI в.

Таблица 3. Керамические комплексы второй трети XVI в.
(Процент мелких фр-тов серо-черного цвета не учитывался.)

Комплексы	Всего фр-тов	Белоглиняные фр-ты с песком (%)	Белоглиняные фр-ты с песком и дресвой (%)	Белоглиняные фр-ты без примесей (%)	Из слабожелезистой глины фр-ты с песком (%)	Из слабожелезистой глины фр-ты с песком и дресвой (%)	Красноглиняные фр-ты с песком (%)	Красноглиняные фр-ты с песком и дресвой (%)	Датировка керамики из комплекса
яма 156, слой 2	202	68	4	1 фр.	9	0	16, в т.ч. 1 фр. лощеных	0	XV – сер. XVI в.
яма 177, слой 3	125	60	2,4	4	9,6	0	16,8	1,6	Сер. XVI в.
яма 180, слой 1	303	45	24	4,6	7	4,6	14	0	Кон. XIV – сер. XVI в.
яма 180а, слой 1	246	47	23	4,9	8	4	11	1 фр.	Кон. XIV – сер. XVI в.
яма 185, слой 1	361	51	2	8	22	5	11	0	Кон. XV – сер. XVI в.
яма 190, слой 1	400	42	5	1	25	2	21	1	XIV – 1-я пол. XVI в.
яма 237	579	33	28	4	17,6	3	14	1 фр.	XV – 2-я тр. XVI в.
яма 250, пласт 2	109	22	34	0,9 (1 фр.)	0	2	39	1 фр.	Кон. XV – 2-я четв. XVI в.
яма 384	330	25,5	41,5	3,3	3	3	21, в т.ч. 1 % лощеных	0	2-я тр. XVI в.

жду собой прямые линии; на другой – многорядный линейный орнамент в виде двух «поясков» из прямых линий; на двух – многорядный волнистый орнамент. Среди пяти венчиков: один типа 6/2 (диам. 18 см)³, характерный для XII–XIII вв. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 165; Болдин, 2012. С. 38, 43, 145. Тип В); еще один – типа 11/1 Б (диам. 14 см); два – типа 21/2 (диам. 14, 22 см);

один венчик, вероятно, миски с простым округлым краем (диам. 17 см).

В заполнении ямы 465 были найдены 33 обломка круговой керамической посуды (11 белоглиняных с песком в формовочных массах, 9 белоглиняных с песком и дресвой, 13 из слабожелезистой глины с песком) (рис. 7, Б, 1–3). Венчик типа 21/2 принадлежал белоглиняному сосуду с песком

³ Здесь и далее указаны не точные, а приблизительные значения диаметров (т.е. читай: около 18 см).

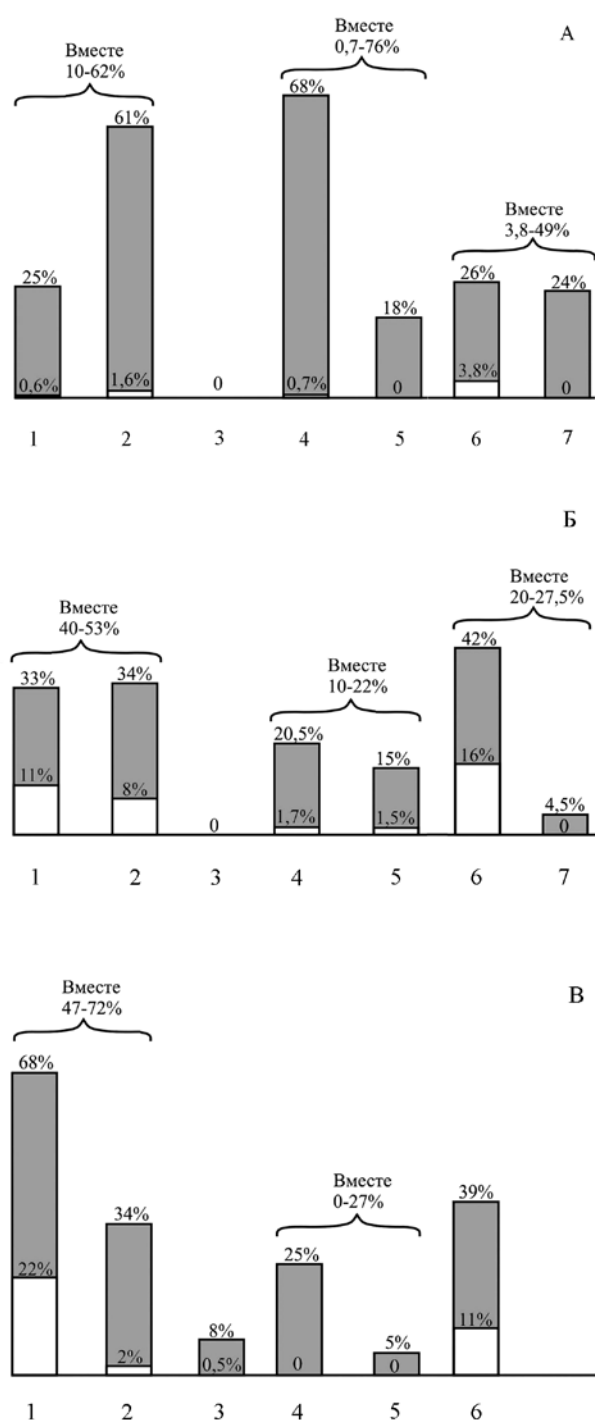

Рис. 5. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1. Соотношение групп фр-тов посуды в комплексах

1 – белоглиняные с песком; 2 – белоглиняные фр. с песком и дрсвой; 3 – белоглиняные без примесей; 4 – из слабооже-
 лезненной глины с песком; 5 – из слабооже-
 лезненной глины с песком и дрсвой; 6 – красноглиняные с песком; 7 – крас-
 ноглиняные с песком и дрсвой. А – кон. XIV – нач. XVI в.,
 выборка из 7 комплексов, 124–770 шт. Всего 1990 шт.;
 Б – кон. XV – 1-й тр. XVI в., выборка из 3 комплексов,
 100–293 шт. Всего 525 фр.; В – 2-я тр. XVI в., выборка
 из 9 комплексов, 109–579 шт. Всего 2655 шт.

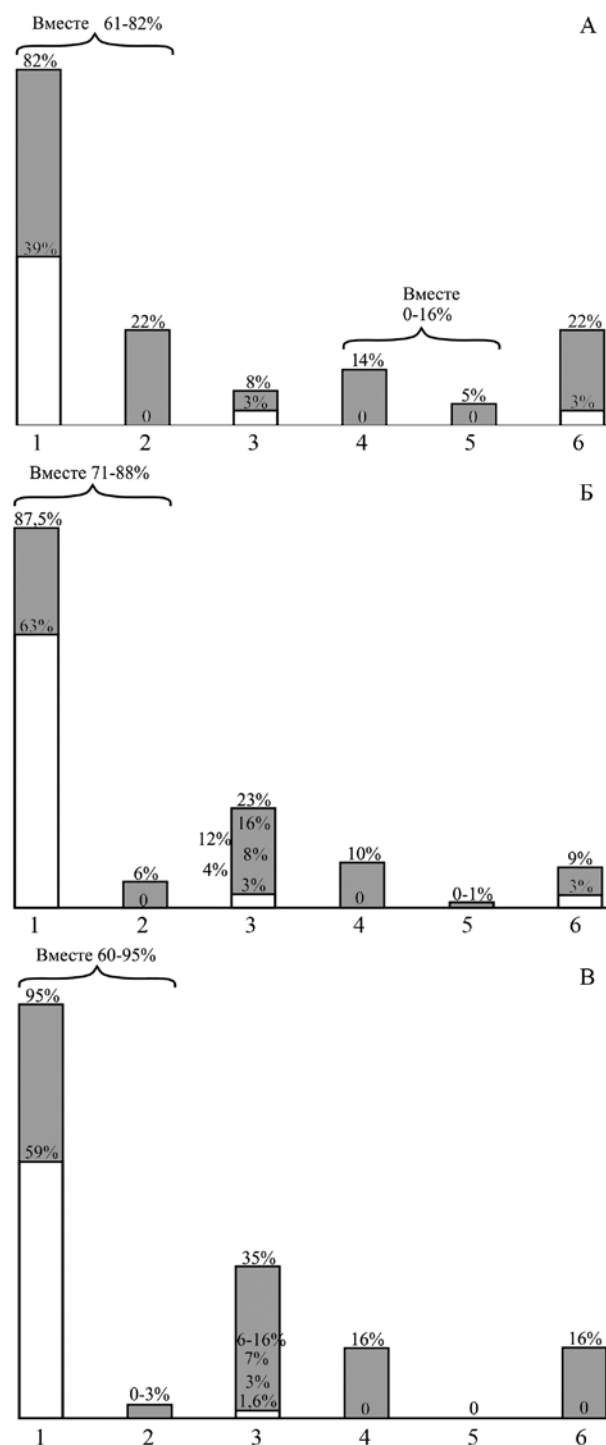

Рис. 6. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1. Соотношение групп фр-тов посуды в комплексах

1 – белоглиняные с песком; 2 – белоглиняные с песком
 и дрсвой; 3 – белоглиняные без примесей; 4 – из слабо-
 оже-
 лезненной глины с песком; 5 – из слабооже-
 лезненной глины с песком и дрсвой; 6 – красноглиняные с песком.
 А – сер. – 2-я пол. XVI в., выборка из 8 комплексов,
 126–1367 шт. Всего 5991 шт.; Б – 2-й пол. XVI в., выборка
 из 6 комплексов, 153–959 шт. Всего 2416 шт.; В – посл.
 четв. XVI – 1-я четв. XVII в., выборка из 5 комплексов,
 104–1540 шт. Всего 2351 шт. (3 – белоглиняные и из сла-
 бооже-
 лезненной глины без примесей)

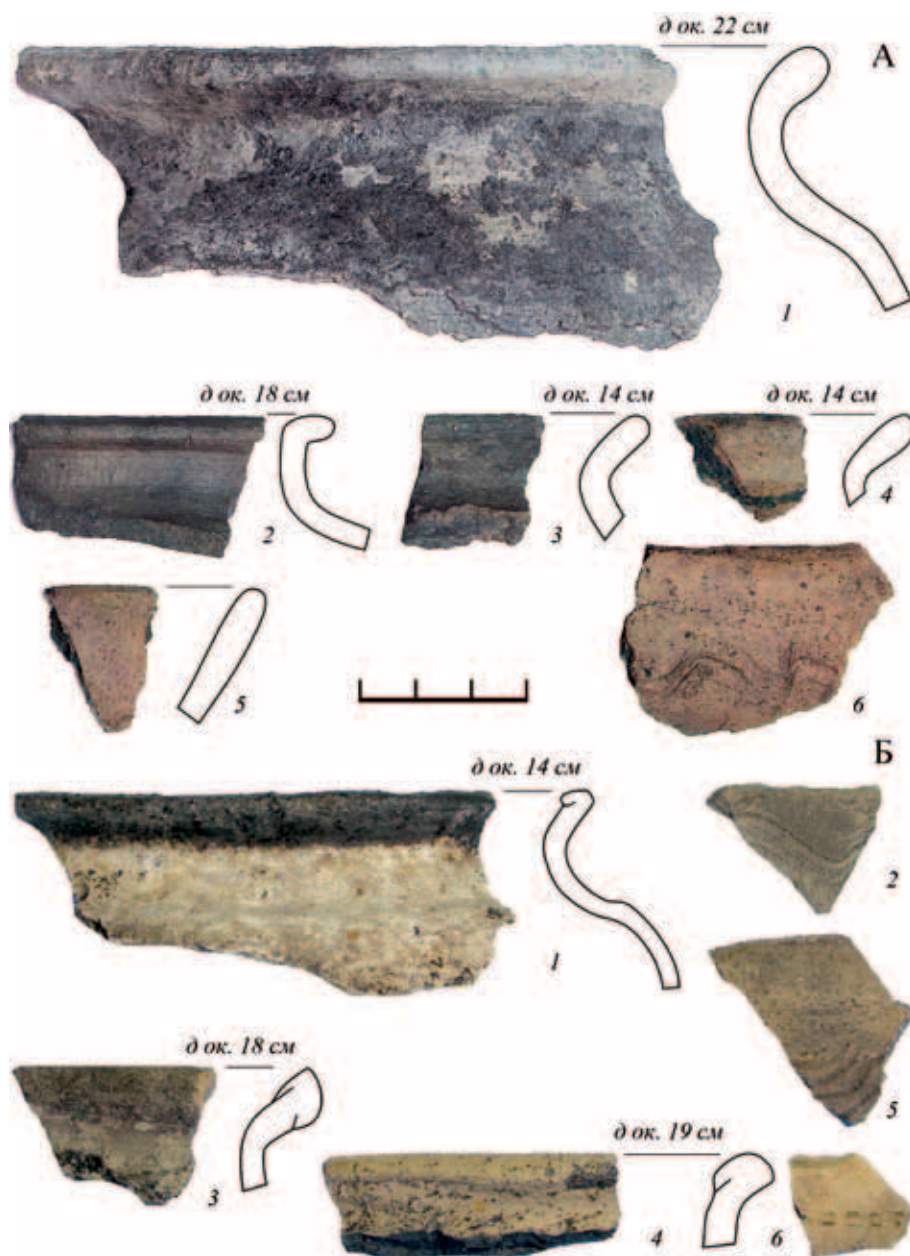

Рис. 7. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1

А – я. 459, фр-ты круговой красноглиняной посуды с песком в формовочных массах; Б – я. 465 (1–3), я. 480 (4), я. 479 (5, 6), фр-ты круговой посуды. 1 – белоглиняная с песком и дресвой; 2–5 – из слабоожеженной глины с песком; 6 – белоглиняная с песком в формовочных массах

в формовочной массе. Среди белоглиняной посуды с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: 2 (1) венчик типа 28/1 Г (диам. 14 см) с волнистой линией на шейке и почти горизонтальным плечиком (рис. 7, Б, 1); донце со следами песчаной подсыпки. Среди посуды из слабоожеженной глины с песком в формовочных массах: венчик типа 24/1 Б (диам. 18 см; рис. 7, Б, 3); стенка с многорядным волнистым орнаментом.

Керамический материал из ямы, скорее всего, следует датировать концом XIV – XV в. (Богомолов и др., 2012. С. 372–374. Рис. 5, 2, 3; Андреев, 2011. С. 251, 253. Рис. 20, 1).

В заполнении ямы 197 были найдены 239 фрагментов круговой керамической посуды (рис. 8, А), в т. ч. в слое 1 – 132 обломка посуды конца XIV – первой трети XVI в. (табл. 2). В слое 2 – 93 фрагмента керамической посуды

(7 белоглиняных с песком в формовочных массах, 1 – белоглиняный с песком и дресвой, 70 – из слабожелезненной глины с песком, 6 – красноглиняных с песком, 9 – серо-черного цвета с песком). Среди венчиков белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 1 – типа 3/4 Д (диам. 22 см); 1 – типа 23/1 (диам. 22 см) с горизонтальной линией по верхнему краю шейки; 1 крупный обломок горшка с венчиком типа 12/1 В (диам. 27 см (?)) с волнистой линией по основанию шейки и плечу, имевшему уступ. По тулову последнего из описанных фрагментов были нанесены четыре ряда штампованных вдавлений, видимо, колесиком (рис. 8, А, 3). По мнению В.Ю. Коваля, такой орнамент в Москворечье перестал использоваться гончарами уже в XII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 165, 166). Однако по морфологии указанный фрагмент, скорее всего, следует датировать последними десятилетиями XIV – XV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113. Вар. С6; Богомолов и др., 2012. С. 373, 374. Рис. 5, 3; 6, 12).

Среди 8 венчиков от сосудов из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: 2 (1) типа 4/1 (диам. 23 см; рис. 8, А, 2); 1 – 14/1 (диам. 20 см) с волнистой линией по шейке (рис. 8, А, 4); 1 – 21/2 (диам. 15 см) с многорядным волнистым орнаментом по изгибу плечика (рис. 8, А, 1); 4 (1) – 23/3 Б (диам. 14 см) с линейным орнаментом по плечу и крупным песком в формовочной массе (рис. 8, А, 5). Все красноглиняные фрагменты из слоя относились к «гладкой» посуде, в том числе венчик типа 3/4 (диам. 21 см). Среди 9 мелких фрагментов венчиков серо-черного цвета: 1 типа 1/2; 2 – 13/1; 2 – 23/1; 3 – 21/2; 1 – 24/1 Б. Таким образом, керамический материал из слоя 2 датируется последними десятилетиями XIV – началом XVI в. В слое 3 были найдены 14 фрагментов керамической посуды, которые также, вероятно, следует датировать XV в.

В заполнении ямы 495 были найдены 239 обломков круговой керамической посуды, из них в слое 2 – 171 фр. (см. табл. 1; рис. 8, Б). Белоглиняным сосудам с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах принадлежали: 2 (1) венчика класса 27 (диам. 22 см) с «остроугольной» волнистой линией на шейке и венчик типа 41/2 Б (диам. 15 см).

Среди фрагментов серо-бежевого цвета, принадлежавших сосудам, изготовленным из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: венчик типа 41/2 (диам. 16 см) с горизонтальной канавкой по краю и волнистой линией на шейке. Два венчика типа 13/1 (диам. 21 см) принадле-

жали горшку, изготовленному из слабожелезненной глины с песком и редкими включениями дресвы в формовочной массе.

Пять неорнаментированных стенок, 6 стенок с волнистой линией по тулову и 4 венчика типа 24/1 Б (диам. 20 см) с разнесенными между собой волнистыми линиями на пологом плечике принадлежали горшку красно-бежевого цвета с песком размерами до 1 мм в формовочной массе (рис. 8, Б, 1). Изломы черепков – трехслойные с широким средним серым слоем. Типологически сосуд соответствовал варианту 3 «серой» посуды XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113).

Красноглиняным сосудам с песком размерами до 2 мм в формовочных массах принадлежали: венчик типа 6/2 (диам. 15 см) с волнистой линией на плечике (рис. 8, Б, 3); венчик типа 18/1 (диам. 27 см; рис. 8, Б, 2). Шестнадцать неорнаментированных стенок и венчик типа 41/2 (диам. 14 см) принадлежали горшку светло-бежевого цвета, отнесенному к красноглиняным, с песком размерами до 2 мм и редкими включениями дресвы в формовочной массе (рис. 8, Б, 5). Изломы черепков – светло-бежевые.

Семь неорнаментированных стенок, 4 стенки с орнаментом из разнесенных между собой прямых линий, стенка с волнистой линией по верхней части плечика и 5 обломков донца (диам. 11 см; угол отгиба стенки от линии дна – 124°) с клеймом и отпечатками круга принадлежали одному красноглиняному сосуду с песком, в том числе крупным, и редкими включениями дресвы в формовочной массе. Изломы черепков – трехслойные с преобладающим по площади средним серым слоем. Клеймо имело вид кольца диам. 2,8 см, перечеркнутого с одного края прямой линией с концами, выходящими за пределы круга.

Венчик типа 28/1 (диам. 21 см) с «остроугольной» волнистой линией на шейке имел серо-черный цвет и содержал песок размерами до 2 мм в формовочной массе. Венчик класса 26 (диам. 11 см) с «остроугольной» волнистой линией на нижней части плечика и венчик типа 41/2 Б (диам. 25 см) с вдавлениями прямоугольной формы палочкой на плечике имели серо-черный цвет и содержали в формовочных массах песок, редкие включения дресвы.

Все описанные венчики имеют типологические аналогии среди керамических комплексов Москвы и Подмосковья конца XIV – середины XV в. (Богомолов и др., 2012. С. 372–374. Рис. 5; Андреев, 2011; Коваль, 2016а. С. 459, 461. Рис. 9, 4; 10, 1; Богомолов и др., 2016. С. 174, 175, 177–179. Рис. 7,

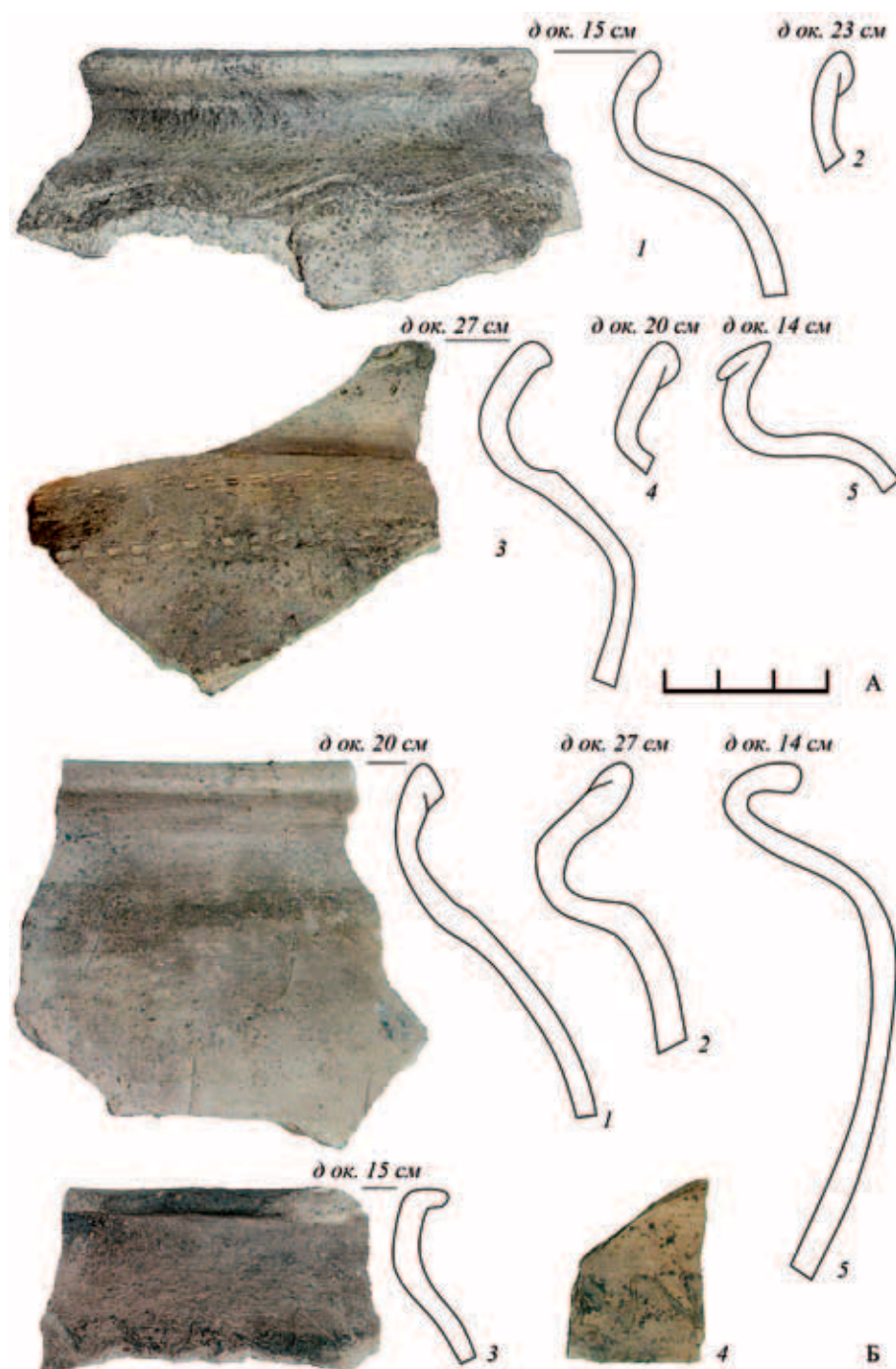

Рис. 8. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1

А – я. 197, сл. 2, фр-ты круговой посуды с песком в формовочных массах. 1, 2, 4, 5 – из слабожелезненной глины; 3 – белоглиняная; Б – я. 495, сл. 2, фр-ты круговой красноглиняной посуды. 1–4 – с песком; 5 – с песком и дресвой в формовочных массах

5; 8, 2; 20, 11). Поэтому керамический комплекс из слоя 2 ямы 495 также следует датировать концом XIV – серединой XV в.

В слое 3 заполнения ямы 495 были найдены 17 фрагментов керамической посуды, которые, скорее всего, следует датировать концом XIV в. (2 вен-

чика типа 24/1 Б (диам. 23 см) от горшка из слабожелезненной глины с песком размерами до 1 мм) (Андреев, 2011. С. 253).

В заполнении ямы 190 было найдено 448 обломков круговой керамической посуды, в т.ч. в слое 1 – 400 фр. (табл. 3; рис. 9). Среди

14 венчиков от белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 5 – типа 4/1 (диам. 7, 19 см; рис. 9, 10); 2 (1)⁴ – 4/1 Г (диам. 23 см); 1 – 12/2; 1 – 14/1 (диам. 23 см) с волнистой линией по шейке (рис. 9, 9); 2 (1) – 23/1 (диам. 17 см; рис. 9, 12); 1 – 24/1 Б с волнистой линией по шейке; 1 – 39/1 (диам. 14 см); венчик кувшина с завернутым наружу и приостренным краем (диам. 13 см).

Десять стенок белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах имели многорядный линейный орнамент, а 1 – сочетание такого орнамента с орнаментом, нанесенный наколами. Отмеченная орнаментация белоглиняной посуды характерна для XII–XIV вв. (Гоняный, 2005. С. 141. Рис. 27). Фрагмент белоглиняной крышки имел завернутый наружу и приостренный за счет обтачивания край.

Среди 8 венчиков белоглиняных сосудов с песком и дресвой в формовочных массах: 1 – типа 1/2 (диам. 13 см) с волнистыми линиями по шейке и ее основанию (рис. 9, 11); 2 (1) – типа 21/2 (диам. 26 см) с волнистой линией по верхней части шейки и сочетанием орнамента из трех прямых линий с орнаментом, нанесенным накольчатым штампом по плечу (рис. 9, 1, 2); 1 типа 22/1 (рис. 9, 3); 1 типа 23/1; 3 типа 41/2 (диам. 14, 15, 19 см; рис. 9, 4, 5, 7), из которых один был орнаментирован волнистой линией по основанию шейки. Эти венчики следует датировать XIV–XV вв. (Чернов, 2005. С. 111, 113. Вар. С6; Андреев, 2011. С. 249–253. Рис. 5, 8, 15, 18, 20, 22, 24; Коваль, 2016а. С. 461. Рис. 11, 6, 7).

Среди 16 венчиков от сосудов, изготовленных из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: 8 (1) крупных обломков венчиков горшка типа 3/3 Д (диам. 21 см) с волнистой линией по верхней части плечика и многорядным линейным орнаментом – ниже (черепки бежево-бурого цвета с песком размерами до 3 мм; рис. 9, 8); 1 мелкий – типа 3/3 Д; 1 – 22/1 с волнистой линией по шейке; 2 (1) – 22/1 Г; 1 – 24/1 Б; 1 мелкий – типа 13/1; венчик миски с горизонтально обточенным краем (диам. 15 см); венчик миски с округлым завернутым наружу краем (диам. 20 см).

Среди посуды из слабожелезненной глины с песком и дресвой в формовочных массах: венчик типа 22/2 (диам. 19 см) и донце со следами подсыпки песка и дресвы. Венчики класса 22, вероятно, следует датировать концом XIV – XV в.

Среди красноглиняной керамики с песком в формовочных массах стенка с волнистой и пря-

мой линиями и венчик типа 23/1 Б относились к посуде менее качественной, чем красноглиняная гладкая посуда. Остальные фрагменты относились к красноглиняной гладкой посуде. Среди них: венчик типа 2/3 Б (диам. 23 см); венчик типа 3/3 Г (диам. 17 см; рис. 9, 6); венчик типа 3/3 Д (диам. 14 см); венчик кувшина с завернутым наружу и заостренным краем; 7 мелких обломков донцев.

Красноглиняный венчик типа 23/1 Е (диам. 18 см) принадлежал горшку с песком и дресвой в формовочной массе. Его следует датировать XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113. Вар. С1). Из мелких фрагментов венчиков серо-черного цвета с песком в формовочных массах: 1 – типа 3/4 Г; 4 – 21/2; 1 – 22/1 Г; 3 – 24/1 Б; 1 – 28/1; 1 – 29/1.

Таким образом, в слое 1 ямы 190 присутствовала керамика XIV–XVI вв. Однако окончательно формирование комплекса следует датировать первой половиной XVI в., так как 1% (4 экз.) в нем составляли фрагменты белоглиняной гладкой (без заметных примесей) посуды (Богомолов и др., 2012. С. 379. Рис. 7, А, Б; Коваль, 2016а. С. 463).

В слое 2 ямы 190 были найдены 48 обломков круговой керамической посуды и 5 фрагментов глиняной обмазки. Два крупных фрагмента стенки с разреженным линейным орнаментом по плечу и тулову и венчик типа 3/3 Д (диам. 21 см) принадлежали горшку из слабожелезненной глины с песком, фрагменты от которого были найдены в слое 1. Исходя из морфологии, орнаментации и наличия крупного песка в формовочной массе, этот сосуд следует датировать последними десятилетиями XV – первой третью XVI в. (Коваль, 2016а. С. 461, 465).

Венчик типа 4/1 (диам. 24 см) с волнистой линией по шейке и прямой линией по плечу также принадлежал горшку из слабожелезненной глины с песком в формовочной массе. Еще один мелкий фрагмент венчика типа 4/1 имел серо-черный цвет.

Стенка белоглиняного сосуда с крупным песком в формовочной массе и многорядным линейным орнаментом, скорее всего, принадлежал горшку XIV в. Неорнаментированная стенка красноглиняного сосуда с крупным песком в формовочной массе, вероятно, датируется XIV–XV вв. Остальные красноглиняные фрагменты относились к красноглиняной гладкой посуде, в том числе донце со следами песчаной подсыпки.

Учитывая наличие венчиков типа 4/1, окончательное формирование керамического комплекса

⁴ Здесь и далее цифра в скобках после обозначения количества фрагментов указывает число целых сосудов, которым могли принадлежать эти фрагменты.

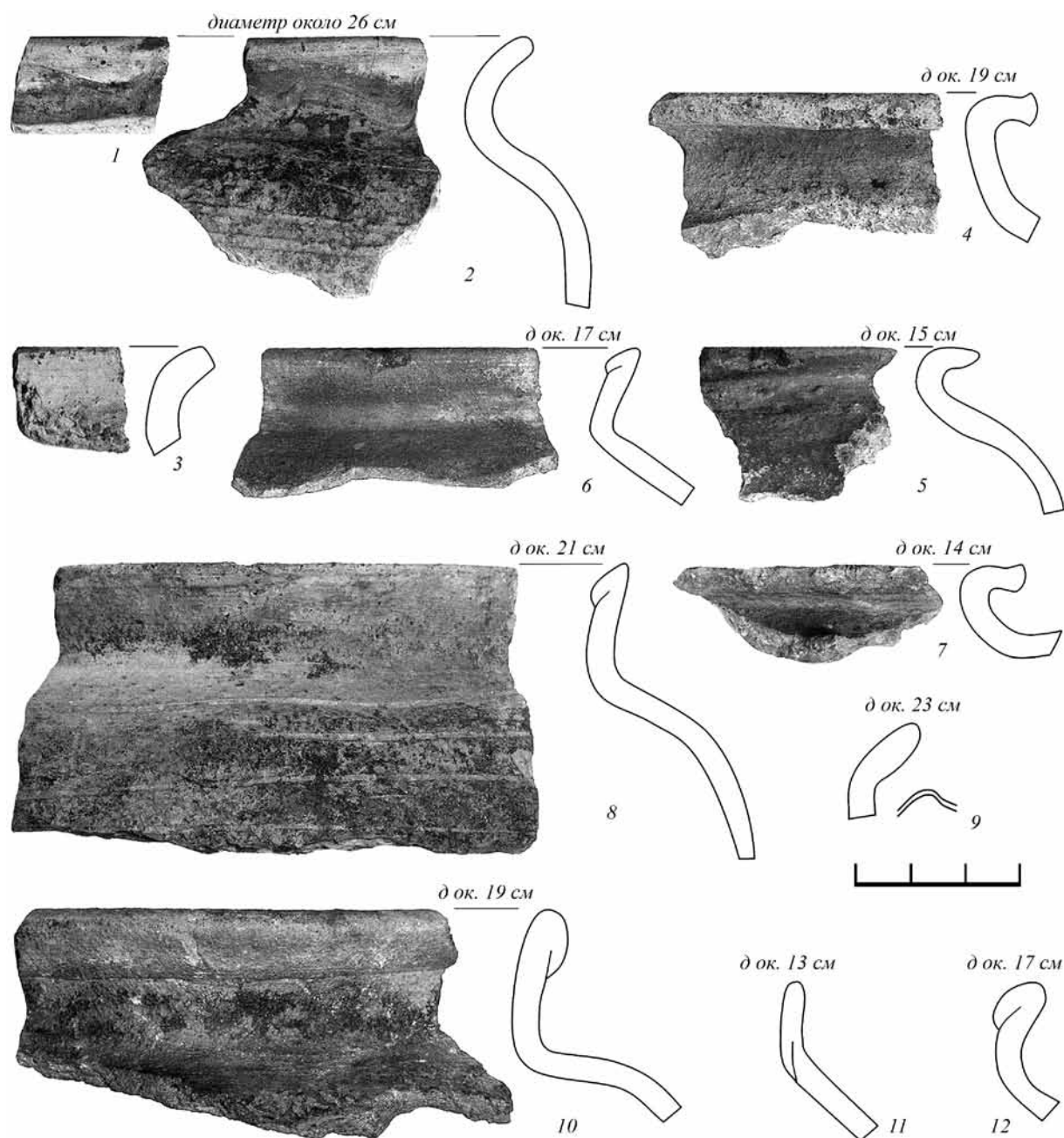

Рис. 9. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 190, сл. 1. Фр-ты круговой посуды

1–5, 7, 11 – белоглиняная с песком и дресвой; 6 – красноглиняная с песком; 8 – из слабоожеженной глины с песком; 9, 10, 12 – белоглиняная с песком в формовочных массах

из слоя 2 ямы 190 следует датировать первой третью XVI в. (Коваль, 2016а. С. 465).

В заполнении ямы 490 были найдены 169 обломков круговой керамической посуды (табл. 1; рис. 10, А). Среди белоглиняной керамики сосудов с песком в формовочных массах: венчик типа 24/1 Б (диам. 25 см; рис. 10, А, 10); венчик класса 39 (диам. 29 см; рис. 10, А, 7); венчик с приостренным краем; 2 стенки с одиночными волнисты-

ми линиями по верхним частям плечиков. Два венчика принадлежали белоглиняным сосудам с песком и редкими включениями дресвы с формовочных массах: 1 – типа 24/1 (диам. 19 см; рис. 10, А, 8); 1 – типа 24/1 Б (диам. 19 см) с прямой линией на плечике (рис. 10, А, 9).

Сосудам, изготовленным из слабоожеженной глины с песком в формовочных массах, принадлежали: 2 венчика типа 3/4 Г (диам. 22, 27 см),

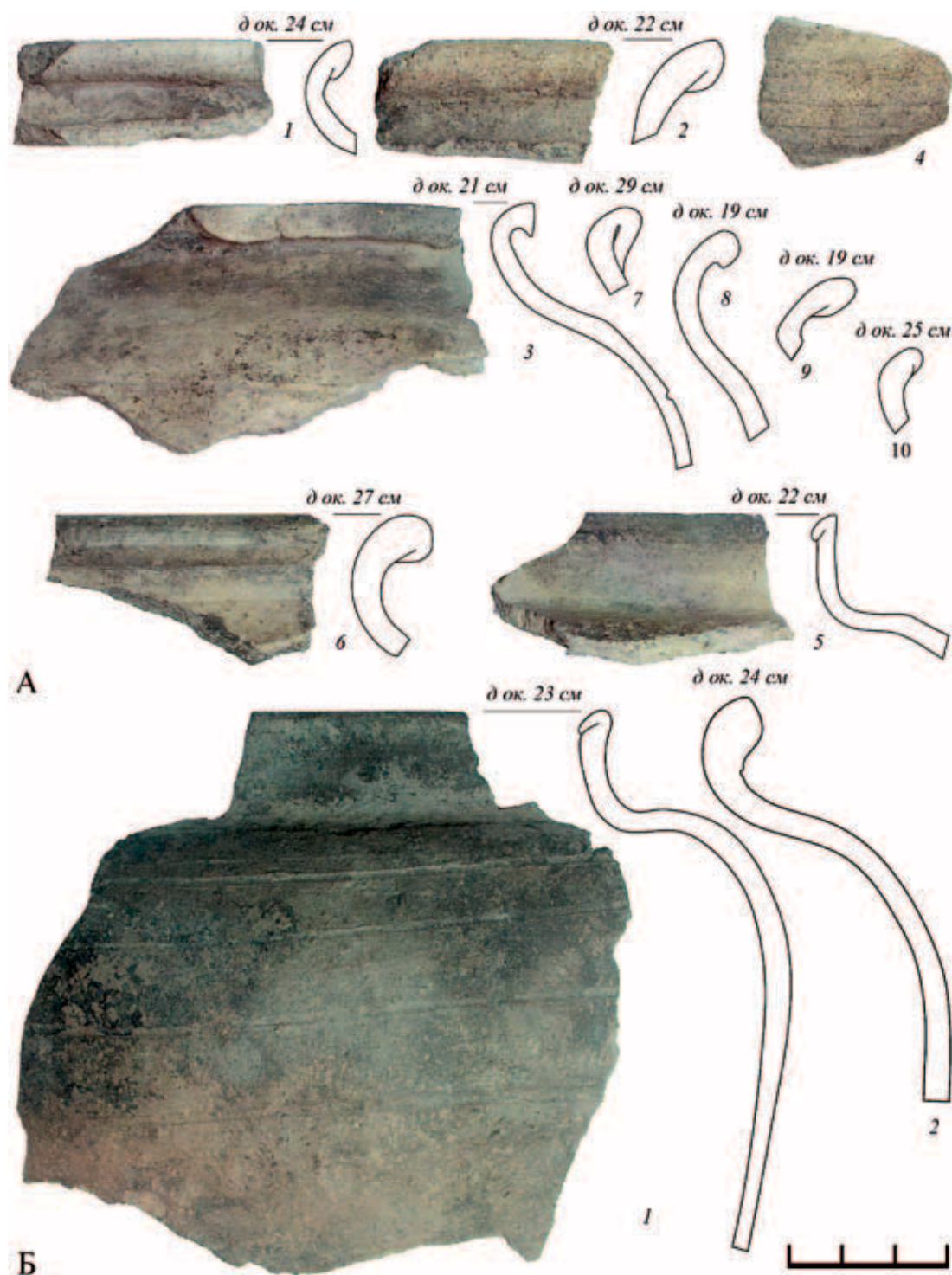

Рис. 10. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1

А – я. 490, фр-ты круговой посуды. 1, 3 – из слабожелезненной глины с песком и дрсвой; 2, 6 – из красноглиняной с песком; 4, 5 – из слабожелезненной глины с песком; 7, 10 – белоглиняная с песком; 8, 9 – из белоглиняной с песком и дрсвой в формовочных массах; Б – я. 482, фр-ты круговых горшков серо-бежевого цвета. 1 – с песком; 2 – с песком и дрсвой в формовочных массах

из которых один имел почти горизонтальное плечико (рис. 10, А, 5).

Сосудам, изготовленным из слабоожелезненной глины с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах, принадлежали: венчик типа 22/1 Г (диам. 21 см) с пологим плечиком, орнаментированным в нижней части прямой линией (рис. 10, А, 3); венчик типа 24/1 Б (диам. 24 см) с волнистой линией на шейке (рис. 10, А, 1); донце со следами подсыпки песка (диам. 11 см; угол отгиба стенки от линии дна – 111°); донце со следами подсыпки мелкого песка и клеем в виде креста, вписанного в эллипс размерами 3,0×3,4 см.

Среди красноглиняной керамики с песком в формовочных массах 9 неорнаментированных стенок и 2 стенки с линейным орнаментом принадлежали красноглиняным гладким сосудам, а остальные – более архаичной «серой» и красноглиняной грубой посуде XIV – середины XV в. К последним группам относились 8 венчиков: 2 (1) типа 21/2 (диам. 12 см); 1 типа 21/4 (диам. 11 см); 5 (3) типа 24/1 (диам. 20, 22, 27 см; рис. 10, А, 2, 6) (Чернов, 2005. С. 111, 113, 114. Вар. С2, 3; Кгр 1). Фрагмент венчика типа 22/1 с песком и дресвой в формовочной массе также следует отнести к обломкам «серой» посуды XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113. Вар. С6). Среди 5 венчиков серо-черного цвета с песком в формовочных массах: 1 – типа 21/2 (диам. 13 см); 1 – типа 21/4 (диам. 9 см); 1 – типа 23/1 (диам. 19 см); 1 – типа 24/1 Б (диам. 23 см); 1 – с завернутым наружу и приостренным краем. Венчики классов 21, 23, 24 также принадлежали к посуде XIV – середины XV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113, 114; Коваль, 2016. С. 533, 553. УТВ-9). Таким образом, керамический комплекс из ямы 490 следует датировать второй половиной XIV – XV в.

В заполнении ямы 482 были найдены 346 обломков круговой керамической посуды (табл. 1; рис. 10, Б, 11). Среди 7 венчиков от белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 2 – типа 2/3 (диам. одного 20 см; рис. 11, 16); 1 – типа 4/3 Б (диам. 13 см; рис. 11, 18); 2 – типа 21/2 (диам. 16, 26 см); 1 типа 23/1 (диам. 18 см; рис. 11, 14); 1 – типа 41/2 Б. Венчики типов 21/2, 23/1, скорее всего, принадлежали горшкам XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113. Вар. С 1, 2).

Среди 13 (7) венчиков от белоглиняных сосудов с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: 1 – типа 15/1 (диам. 19 см) с волнистой линией на основании шейки (рис. 11, 12); 1 – типа 24/1 Б (диам. 24 см) с орнаментом из двух прямых линий на плечике; 9 (3) – типа 24/1 Б (диам.

17, 27, 27 см) с одиночными волнистыми линиями на шейках (рис. 11, 4, 5); 1 – типа 27/1 Б (диам. 14 см; рис. 11, 13); 1 – типа 41/1 (диам. 17 см; рис. 11, 15). Венчики типов 27/1 Б, 41/1, наиболее вероятно, принадлежали горшкам XV в. (Андреев, 2011. С. 250, 251, 253. Рис. 8, 1, 6; 22, 1; 24, 7).

Четыре фрагмента принадлежали донцу (диам. 12 см; угол отгиба стенки от линии дна – 124°) с клеем в виде окружности и следами подсыпки мелкого песка от белоглиняного сосуда с песком и редкими включениями дресвы в формовочной массе.

Четыре обломка венчика типа 3/4 (диам. 23 см), 2 стенки с орнаментом из разнесенных между собой прямых линий по нижней части плечиков и верхней части тулова, донце (диам. 11 см; угол отгиба стенки от линии дна – 126°) принадлежали горшку серо-бежевого цвета, изготовленного из слабоожелезненной глины с песком в формовочной массе (рис. 10, Б, 1). Среди остальных 18 венчиков от сосудов из аналогичных формовочных масс: 1 – типа 3/4; 1 – 4/1; 1 – 4/2; 1 – 5/1; 1 – 6/1 (диам. 18 см); 4 – 21/2 (диаметры двух 22, 28 см; рис. 11, 7); 1 – 21/2 Д (диам. 14 см) с волнистой линией на плечике (рис. 11, 10); 1 – 22/1 Г (диам. 19 см; рис. 11, 8); 1 – 22/2; 1 – 23/4 (диам. 17 см) с волнистой линией на шейке (рис. 11, 9); 1 – 24/1; 1 – 24/1 Б (диам. 19 см) с разнесенными между собой волнистыми линиями на плечике и тулове (рис. 11, 1); 1 – 24/1 Б (диам. 19 см) с прямой линией на основании шейки (рис. 11, 11); 1 – 24/1 Б с волнистой линией на шейке; 1 сколотый – класса 12 либо 14.

Венчики типов 3/4, 6/1, 21/2, 22/1, 22/2, 23/4, 24/1, 24/1 Б принадлежали сосудам XIV – середины XV в., аналогичным «серой» и красноглиняной грубой посуде (Чернов, 2005. С. 111, 113, 114). Венчики типов 4/2, 5/1 также принадлежали сосудам конца XIV – первой половины XV в. (Андреев, 2011. С. 253. Рис. 8, 4).

К сосудам, изготовленным из слабоожелезненной глины с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах, относились: венчик типа 4/1 Г; венчик типа 5/1 (диам. 22 см) с волнистой линией на плечике (рис. 11, 3); 2 (1) венчика типа 13/1; венчик типа 23/1 (диам. 16 см) с волнистой линией на шейке (рис. 11, 6); 2 (1) венчика типа 24/1 Б (диам. 24 см) с волнистой линией на основании шейки (рис. 10, Б, 2); донце со следами подсыпки песка и дресвы. Венчик типа 23/1 следует датировать XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113. Вар. С1).

Все красноглиняные фрагменты из ямы относились к «гладкой» посуде. Среди них: венчик миски с вертикально обточенным краем (диам. 29 см);

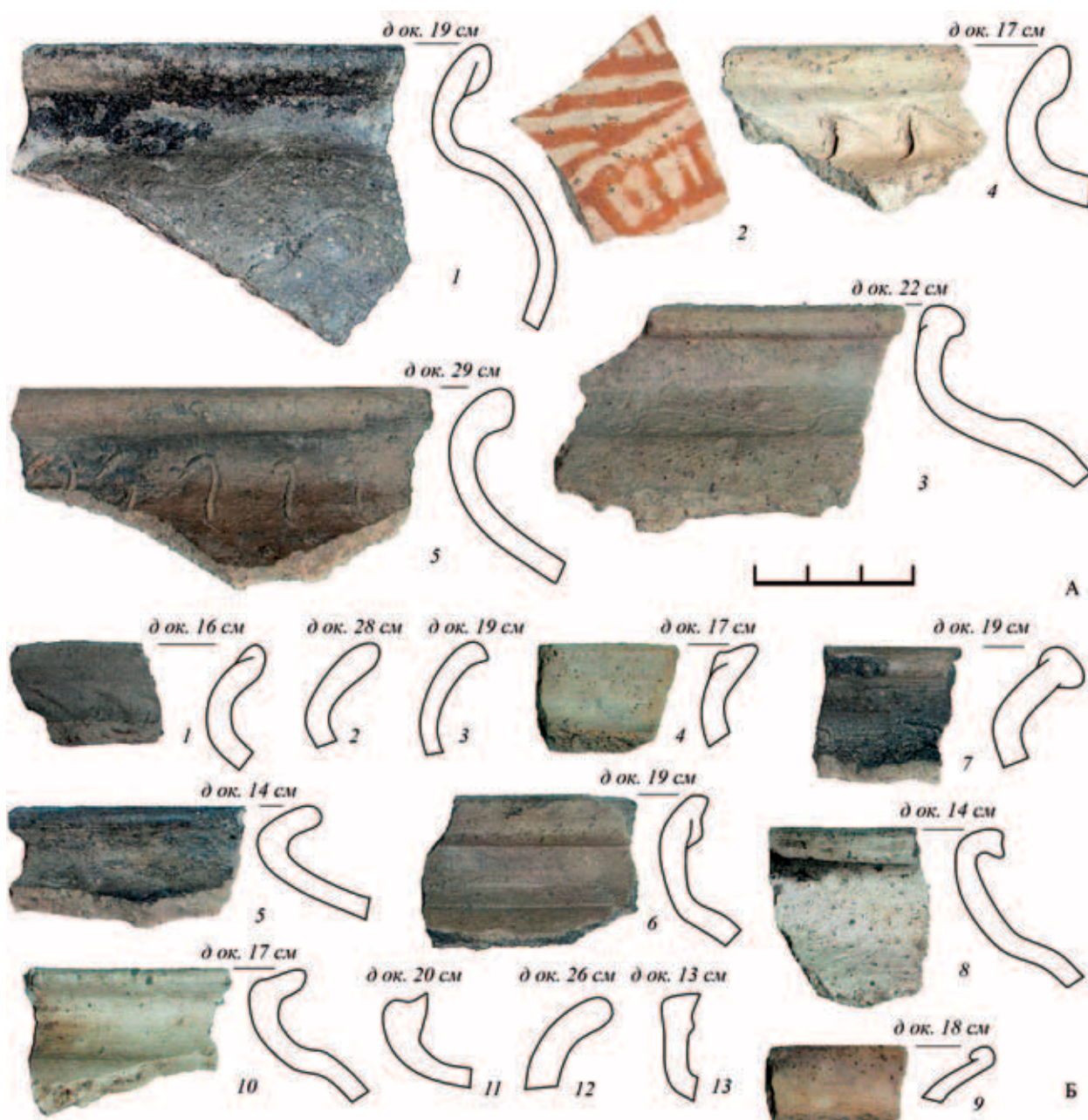

Рис. 11. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 482. Фр-ты круговой посуды

1, 7–11 – серо-бежевого цвета с песком; 2 – белоглиняная с ангобом; 3, 6 – серо-бежевого цвета с песком и дресвой; 4, 5, 12, 13, 15 – белоглиняная с песком и дресвой; 14, 16–18 – белоглиняная с песком в формовочных массах

5 донец со следами песчаных подсыпок (диам. одного 16 см).

Таким образом, керамический материал из ямы 482 следует датировать XIV – началом XVI в. (Коваль, 2016а. С. 461, 463, 465). Основу керамического комплекса составляли фрагменты посуды конца XIV – XV в.

Интересно обратиться к керамическому комплексу из ямы 337, на дне которой была найдена

монета московского великого князя Василия II конца 50 – начала 60-х гг. XV в. (рис. 3, Б, 4; 12). В заполнении ямы были найдены 363 фрагмента круговой керамической посуды (табл. 4; рис. 13; 14), из них в пласте 1 ямы – 126 фр. Среди белоглиняной керамики с песком в формовочных массах: венчик типа 1/1 (диам. 21 см) с короткой массивной шейкой, орнаментированной волнистой линией; венчик типа 4/1 В (диам. 14 см) с волнистой линией

Таблица 4. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы 337.

Пласты	Белоглин. с песком, %	Белоглин. с песком и дресвой, %	Белоглин. без примесей, %	Красноглин. с песком, %	Всего, фр.	Датировка комплекса
1	58	17,5	5,6	11	126	Сер. XVI в.
2	39	22	3,5	22	141	Сер. XVI в.
3	87,5	0	6,3	6,3	96	3-я четв. XVI в.

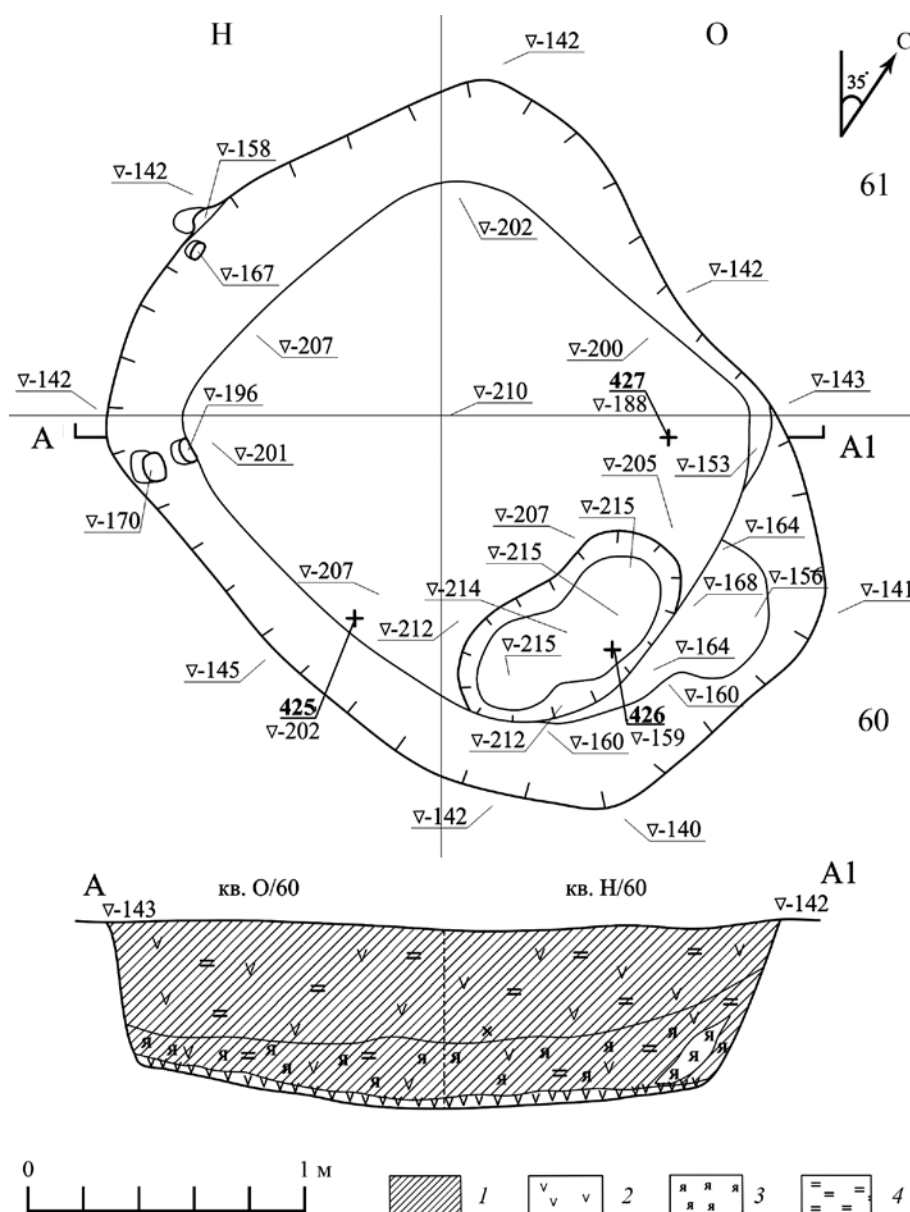

Рис. 12. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 337. Находки (номера соответствуют полевой описи)
 1 – темно-серый гумусированный суглинок, 2 – древесный уголь, 3 – материковая глина, 4 – обожженная глина.
 425 – монета вел. кн. Василия II (кон. 50 – нач. 60-х гг. XV в.); 426 – железный нож с пластинчатым черешком;
 427 – фр-т железного ножа

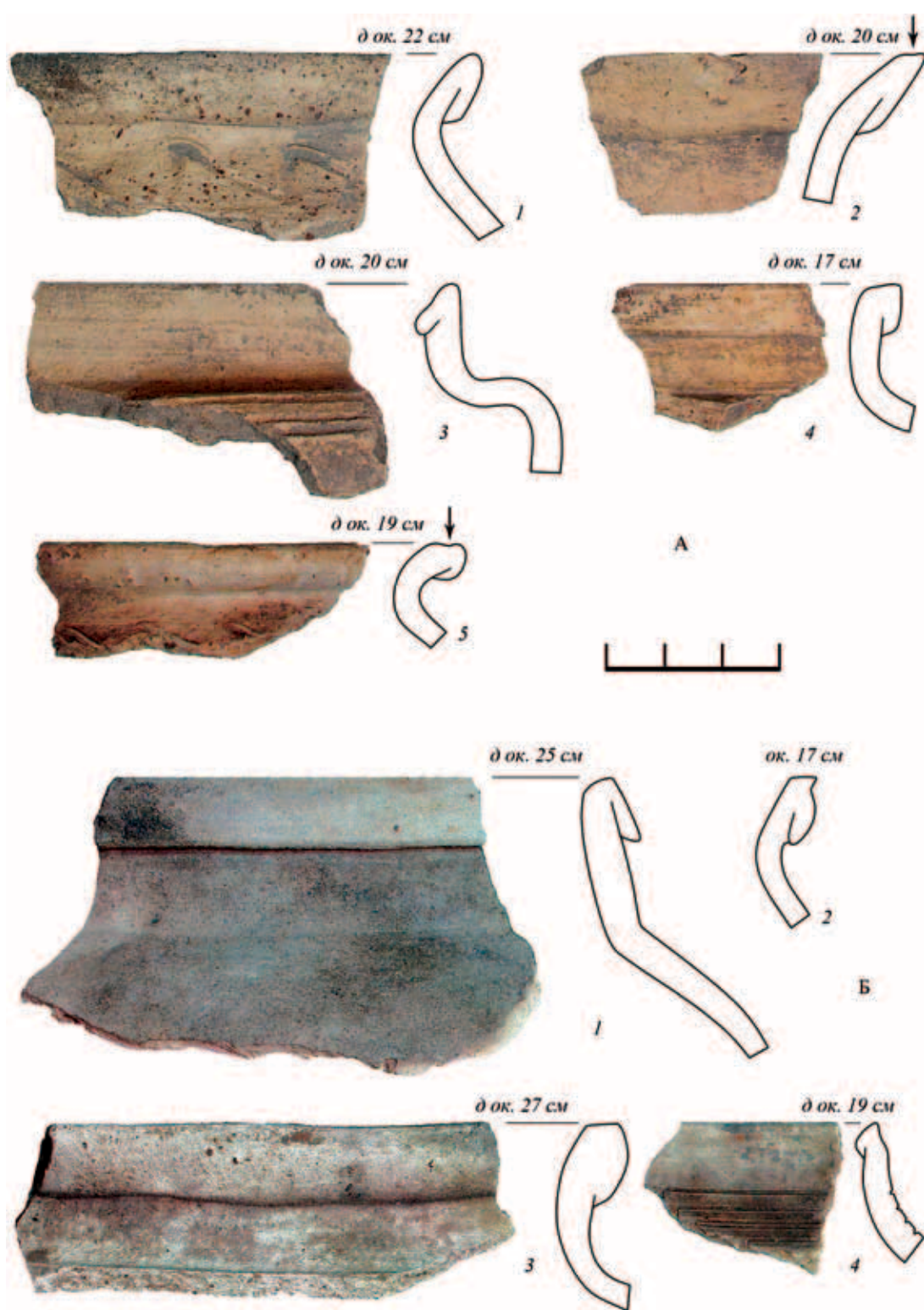

Рис. 13. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1

А – я. 337, пл. 1, фр-ты круговой посуды. 1, 3 – из слабожелезненной глины с песком; 2 – белоглиняная с песком; 4, 5 – белоглиняная с песком и дрсвой в формовочных массах; Б – я. 337, пл. 3, фр-ты круговой белоглиняной посуды. 1–3 – с песком; 4 – без примесей в формовочных массах

на нижней части плечика; венчик типа 4/1 Г (диам. 25 см) с приостренным краем, обточенным с наклоном внутрь сосуда, и волнистой линией на плечике; венчик типа 4/1 Г (диам. 18 см) с канавкой на внешней стороне горизонтально обточенного края; 2 венчика типа 24/1 Б (диам. 19, 22 см), один из которых был орнаментирован волнистой линией по плечу; венчик, вероятно, миски с плавно отогнутой наружу шейкой, завернутым наружу и приостренным за счет обтачивания с внутренней стороны краем (диам. 20 см; рис. 13, А, 2).

К белоглиняным сосудам с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах относились: венчик типа 2/2 (диам. 18 см) с округлыми вдавлениями палочкой по плечу, имевшему ребро; 4 (1) венчика типа 4/1 Г (диам. 17 см; рис. 13, А, 4); 2 венчика типа 24/1 Б (диам. 13, 19 см), один из которых был орнаментирован по плечу рядом округлых вдавлений палочкой, а второй – волнистой линией по плечу (рис. 13, А, 5); 1 – с округлым заворотом чернового края наружу.

Венчик типа 3/3 Е (диам. 20 см) с линейным орнаментом на шейке принадлежал белоглиняному гладкому (без заметных примесей) горшку. Сосудам, изготовленным из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах, принадлежали 3 венчика: типа 3/3 Д (диам. 20 см) с линейным орнаментом на перегибе плечика (рис. 13, А, 3); типа 4/1 Г (диам. 21 см); типа 24/1 Б (диам. 22 см) с волнистой линией на нижней части шейки (рис. 13, А, 1).

Все красноглиняные фрагменты из пласта 1 относились к «гладкой» посуде. Среди них: венчик типа 3/4 Г (диам. 16 см); 1 – типа 3/4 Д (диам. 20 см). Стенка красноглиняного сосуда была покрыта белым ангобом, по которому были нанесены полосы красного ангоба.

Учитывая, что 5,6% (7 экз.) среди керамики из пласта 1 составляли обломки белоглиняной гладкой (без заметных примесей) посуды, время формирования этого комплекса следует определить серединой XVI в. (Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329, 330. Табл. 3).

В пласте 2 ямы 337 был найден 141 фрагмент круговой керамической посуды. Среди 8 венчиков от белоглиняных горшков с песком в формовочных массах: 2 (1) – типа 4/1 (диам. 24 см); 1 – типа 4/1 (диам. 13 см) с волнистой линией по основанию шейки и крупным песком в формовочной массе; 1 – 4/1 Б (диам. 15 см); 1 – 4/1 (диам. 18 см; рис. 14, 3); 2 (1) – 4/1 Г (диам. 21 см) с приостренным краем за счет обтачивания с наклоном внутрь сосуда и волнистой линией на нижней части плечика (рис. 14, 2); 1 – 24/1 Б (диам. 20 см). К посу-

де, изготовленной из аналогичных формовочных масс, относились 6 донца со следами песчаных подсыпок (диам. 11, 14, 14, 16 см); обломок крышки (диам. 18 см) с уплощенным заворотом чернового края наружу.

К белоглиняным сосудам, изготовленным из формовочных масс с песком и редкими включениями дресвы, относились 9 венчиков: 2 (1) – типа 1/2 (диам. 16 см) с короткой и массивной шейкой (рис. 14, 4); 1 – типа 1/2 В (диам. 12 см); 1 – 4/1 (диам. 24 см); 1 – 4/1 Б (диам. 18 см) с волнистой линией на шейке (рис. 14, 1); 1 – 6/2 (диам. 17 см) с остроугольной волнистой линией на шейке (рис. 14, 5); 1 – 14/1 (диам. 16 см; рис. 14, 6); 2 – 21/2 (диам. одного 21 см) с массивными сечениями и одиночными волнистыми линиями на шейках (рис. 14, 7). Венчик типа 6/2, скорее всего, датируется первой половиной XV в. (Андреев, 2011. С. 253. Рис. 6, 2; 8, 4; 24, 5).

Белоглиняным гладким (без заметных примесей) горшкам принадлежали: венчик типа 3/3 Е (диам. 20 см) с линейным орнаментом на шейке (рис. 14, 9); 2 (1) стенки с линейным орнаментом на плечике. К посуде, изготовленной из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах, относились: 2 (1) венчика типа 22/1 Г (диам. 21 см); донце (диам. 12 см) со следами песчаной подсыпки. Среди посуды из слабожелезненной глины с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: венчик типа 11/1 (диам. 15 см); венчик типа 21/2 (диам. 22 см) с вдавлениями палочкой на перегибе плечика (рис. 14, 8).

Все красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах, кроме фрагмента ручки от сковороды, из пласта 2 относились к красноглиняной гладкой посуде. Среди них: 3 венчика типа 3/4 Г (диам. 14, 15, 21 см) с основаниями шеек, сформованными ниже верхних точек плечиков с нанесенным на перегибах линейным орнаментом (рис. 14, 10–12); 3 (1) заглаженных донца (диам. 12 см); донце (диам. 10 см) с закраиной и следами подсыпки песка и дресвы. Отмеченный обломок ручки от красноглиняной сковороды (внешние размеры сечения – 3,6×3,7 см; размеры сечения отверстия – 2,2×2,2 см) имел в формовочной массе песок размерами до 5 мм.

Учитывая, что 3,5% (5 экз.) среди керамики из пласта 2 составляли обломки белоглиняной гладкой (без заметных примесей) посуды, время формирования этого комплекса следует определить серединой XVI в.

В пласте 3 ямы 337 были найдены 96 фрагментов керамической посуды. Среди белоглиняной

Рис. 14. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1. Я. 337, пл. 2. Фр-ты круговой посуды

1, 4–7 – белоглиняная с песком и дресвой; 2, 3 – белоглиняная с песком; 8 – из слабоожеженной глины с песком и дресвой; 9 – белоглиняная без примесей; 10–12 – красноглиняная с песком в формовочных массах

посуды с песком в формовочных массах: венчик типа 24/1 Б (диам. 27 см) с горизонтально обточенным краем (рис. 13, Б, 3); венчик типа 24/1 Б (диам. 17 см) с приостренным краем за счет обтачивания с наклоном внутрь сосуда (рис. 13, Б, 2); 9 (1) венчиков типа 39/1 (диам. 25 см) с краем, обточенным с наклоном внутрь сосуда (рис. 13, Б, 1); 2 (1) обломка крышки (диам. 22 см) с завернутым наружу и горизонтально обточенным краем.

К белоглиняной гладкой (без заметных примесей) посуде относились: венчик типа 3/3 Ж (диам. 19 см) с линейным орнаментом по шейке (рис. 13, Б, 4); донце со смятой закраиной (диам. 10 см; угол отгиба стенки от линии дна – 126°).

Фрагменты красноглиняной посуды, найденные в пласте 3, не принадлежали к гладкой посуде. Три неорнаментированных стенки имели кремово-бежевый цвет, в том числе на изломах,

Таблица 5. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы 388.

Пласты	Белоглин. с песком, %	Белоглин. и из слабожелезн. глины без примесей, %	Из слабожелезн. глины с песком, %	Красноглин. с песком, %	Всего, фр.	Датировка комплекса
1	75	16	4	3	221	Посл. четв. XVI – 1-я четв. XVII в.
2	77	15	3,5	3	256	
3	73	11	13	2,4	248	
4	75	6,7	16,4	1,5	342	
5	79	13,3	6	1,3	158	
6	78	6,3	15	0	315	

со следами вторичного обжига. Одна из них принадлежала плечу с хорошо выраженным ребром у основания шейки. Фрагмент донца (диам. 10 см; угол отгиба стенки от линии дна – 119°) имел следы зольной подсыпки (?) и, преимущественно, серо-черный излом. Донце принадлежало сосуду со следами вторичного обжига, датируемому, вероятно, XV в. (Коваль, 2016а. С. 453–454).

В пласте 3 также был найден фрагмент красноглиняного сосуда, покрытого снаружи сплошным белым ангобом, с носиком для слива (диам. отверстия – 1,0–1,2 см). Учитывая, что 6,3% (6 экз.) среди керамики из пласта 3 составляли обломки белоглиняной гладкой (без заметных примесей) посуды, а 87,5% (84 фр.) – обломки белоглиняной посуды с песком в формовочных массах, время формирования этого комплекса, скорее всего, следует определить третьей четвертью XVI в. (Богомолов и др., 2015. С. 347. Табл. 7; Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329, 330. Табл. 3).

Таким образом, состав керамических комплексов из пластов 1, 2 ямы 337 более архаичен, чем состав керамического комплекса из пласта 3. Это следует объяснить формированием основной (верхней) части заполнения ямы из культурного слоя селища. Керамический комплекс пласта 3, вероятно, сформировался в результате разрушения постройки, в которой находилась яма.

На дне ямы 388 была найдена монета великого князя Ивана III (80–90-е годы XV в.) (рис. 3, Б, 3; 15). Кроме того, отметим находки в яме бронзового нательного креста второй половины XVI – начала XVII в. (пласт 2) (Археология Романова двора, 2009. С. 111. Рис. 76, 9, 13, 14), железных удилищ, обломков железных стремян XIV–XVI вв. (Богомолов и др., 2016. С. 179), кирпичей с размерами торцов 5,2×12,0 см и 5,6×11,0 см (рис. 4, 3, 8, 10; 15).

В заполнении ямы 388 было найдено 1540 фрагментов круговой керамической посуды (табл. 5), из них в пласте 1 – 221 шт. Белоглиняным сосудам с песком в формовочных массах принадлежали

8 (7) венчиков: 2 – типа 24/1 Б (диам. – около 19, 26 см); 4 (3) – венчика кувшинов с завернутыми наружу и обточенными с внешней стороны краями (диам. – около 10; 11,5; 12 см); 2 венчика мисок с завернутыми наружу и приостренными краями, в одном случае за счет горизонтального обтачивания, (диам. – около 15, 21 см). К фрагментам сосудов, изготовленных из аналогичных формовочных масс, также относились: 1 – стенки с растительным орнаментом (фрагменты от этого сосуда были также найдены в пластах 4–6) (рис. 16, 1); 12 – донце со следами песчаных подсыпок (диам. – около 12, 13, 16, 17, 17 см); 3 – ручек от кувшинов с уплощенными сечениями.

Белоглиняным гладким (без заметных примесей) горшкам принадлежали 5 венчиков с линейным орнаментом на шейках: 3 – типа 3/3 Б (диам. 19, 23, 24 см); 1 – типа 3/3 Е (диам. 20 см); 1 типа 3/3 Ж (диам. 25 см). К этой группе посуды принадлежали: 4 стенки с линейным орнаментом по плечикам; 4 стенки с линейным орнаментом по основаниям шеек; стенка с линейным орнаментом по тулову; 4 гладких донца (диам. одного 9 см).

Среди керамики из слабожелезистой глины с песком в формовочных массах: венчик типа 24/1 Б (диам. 12 см); донце со следами песчаной подсыпки. Из красноглиняных фрагментов с песком в формовочных массах стенка с линейным орнаментом на пологом плечике принадлежала сосуду, менее качественного, чем красноглиняная гладкая посуда. Остальные красноглиняные фрагменты из пласта 1 относились к «гладкой» посуде, в том числе венчик типа 3/4 Г (диам. 16 см). Одна красноглиняная стенка была покрыта сплошным белым ангобом, по которому были нанесены полосы красного ангоба.

Учитывая, что среди керамики из пласта 1 75% (166 экз.) составляли обломки белоглиняной посуды с песком в формовочных массах, 16% (35 шт.) составляли обломки посуды без видимых примесей в формовочных массах, а 3% (7 шт.) – обломки

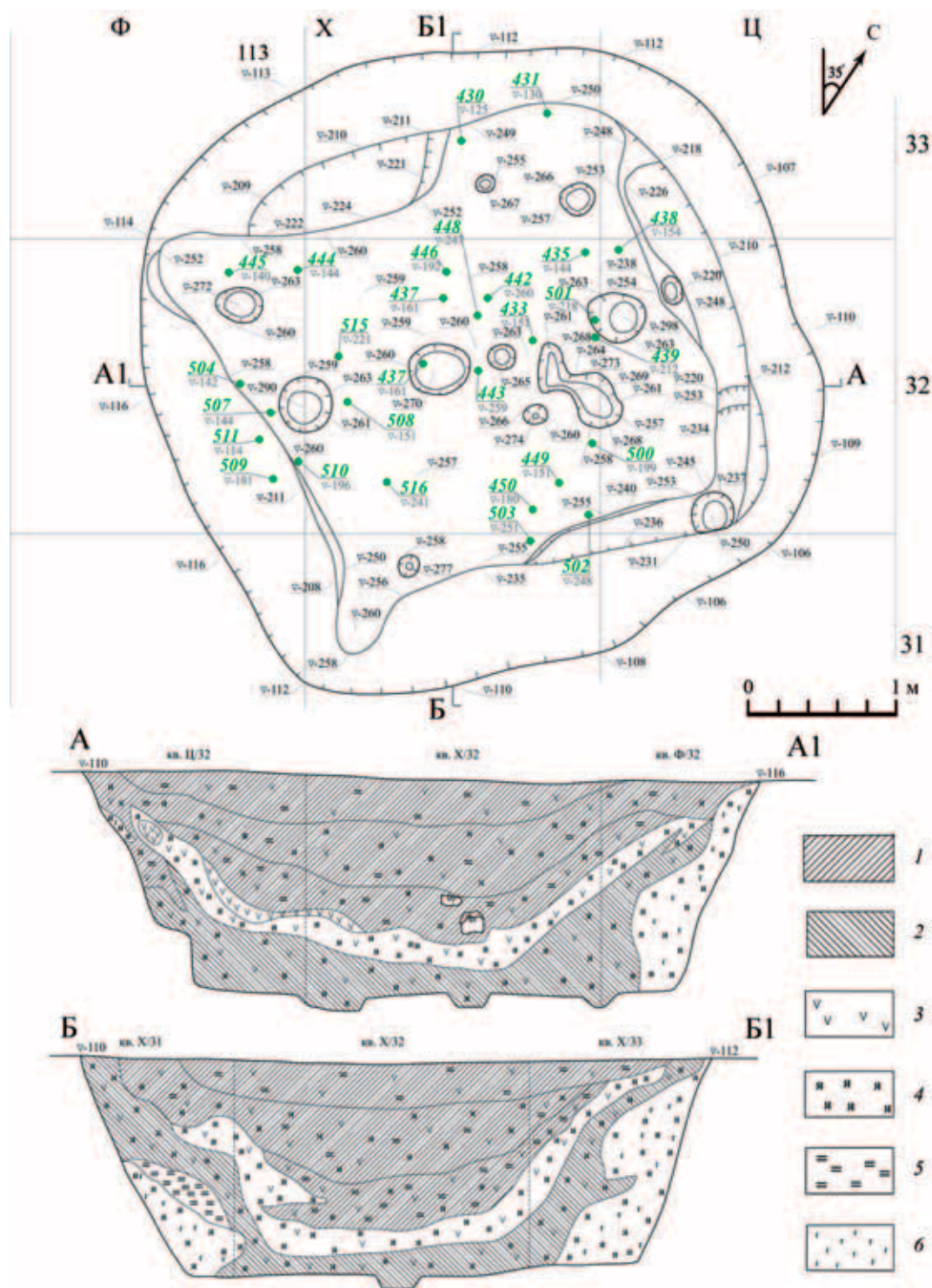

Рис. 15. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 388. Находки (номера соответствуют полевой описи)

1 – темно-серый гумусированный суглинок; 2 – темно-бурый суглинок; 3 – древесный уголь; 4 – материковая глина; 5 – обожженная глина; 6 – гумус. 430, 433, 444, 446, 450 – изделия; 431 – гвоздь обувной; 435 – фр-т накладки; 437 – изделие (ключ?); 438, 449 – иглы; 439 – фр-т стремени; 442, 511 – оселки; 443 – монета вел. кн. Ивана III (80–90 гг. XV в.); 445 – нательный крест; 448 – кольцо; 500 – изделие (пешня?); 501 – кирпич (6 фр-тов); 502 – кирпич; 503 – фр-т удил; 504, 507, 508 – фр-ты стремян; 509 – фр-т пластины; 510 – зубило; 515 – подковный гвоздь; 516 – фр-т гвоздя. (442, 511 – камень; 443 – цв. металл; 445 – бронза; 501, 502 – керамика; остальные – железо)

Рис. 16. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 388. Фр-ты белоглиняного сосуда с песком в формовочной массе

1 – из пласта 1; 2 – из пласта 4; 3 – из пласта 5

красноглиняной посуды с песком в формовочных массах, этот керамический комплекс следует датировать, скорее всего, последней четвертью XVI – первой четвертью XVII в. (Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329. Табл. 3; Коваль, 2016а. С. 440–450. Рис. 3. Т1–74).

В пласте 2 были найдены 256 фрагментов керамической посуды (рис. 17). Среди 18 (13) венчиков белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 1 типа 3/4 Ж (диам. 28 см) с линейным орнаментом на шейке и верхней части плечика в подражание белоглиняной гладкой посуде (рис. 17, 6); 4 (3) типа 4/1 (диам. 18, 21, 27 см; рис. 17, 7); 1 типа 24/1 Б (диам. 22 см) с обточенным краем (рис. 17, 8); 1 класса 39 (диам. 16 см) с горизонтально обточенным краем и волнистой линией на шейке; 8 (4) венчиков кувшинов с завернутыми наружу и приостренными краями (диам. 11, 11, 12, 13 см; рис. 17, 5); венчик кувшина с завернутым наружу и имеющим приостренный выступ во внутреннюю сторону краем (диам. 11 см; рис. 17, 10); 2 венчика мисок с завернутыми наружу и приостренными за счет обтачивания краями (диам. 15, 34 см).

Белоглиняным сосудам, изготовленным из формовочных масс с примесями песка, также принадлежали: 15 донец со следами песчаных подсыпок (диам. двух – 13, 14 см); 7 ручек от кувшинов (размеры сечений – 1,1×2,2 см; 1,6×1,6 см; 1,6×2,5 см; 1,7×2,0 см).

Белоглиняным гладким (без заметных примесей) сосудам принадлежали: венчик типа 3/3 Б (диам. 18 см) с плотным линейным орнаментом (из восьми линий) на шейке (рис. 17, 3); 2 венчика типа 3/3 Е (диам. 18, 24 см) с линейным орнаментом на шейках (рис. 17, 1, 4); венчик типа 38/1 (диам. 22 см) с канавкой на внутренней стороне края и плотным линейным орнаментом на шейке (рис. 17, 2); 3 гладких донца (диам. 9, 10, 13 см). Отмеченный плотный линейный орнамент, нанесенный только на шейках, исключая плечики, был характерен для белоглиняных гладких горшков XVII в. (Коваль, 2001. С. 106. Рис. 3; 2005. С. 255).

Сосудам, изготовленным из слабожелезненной глины без заметных примесей, принадлежали 2 обломка гладких донца: мелкий и крупный (диам. 7 см; угол отгиба стенки от линии дна – 135°) со следами заглаживания пальцами. Эти фрагменты были чуть шероховатыми за счет естественного присутствия в глине дисперсного песка.

Кроме одной неорнаментированной стенки, все остальные красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах из пласта 2 относились к «гладкой» посуде. Среди них: донце со следами песчаной подсыпки (диам. 11 см); венчик типа 3/4 Г (диам. 16 см) с линейным орнаментом на перегибе почти горизонтального плечика (рис. 17, 9); шейка кувшина с линейным орнаментом. Фрагмент ручки от краснощеного кувшина имел эллипсоидное сечение (1,1×2,8 см).

Среди керамики из пласта 2 ямы 388 77% (198 экз.) составляла белоглиняная посуда с песком в формовочных массах, 15% (39 шт.) – обломки посуды без видимых примесей; 3% (8 шт.) – обломки красноглиняной посуды с песком в формовочных массах (табл. 5). Это соотношение очень близко соотношению тех же групп посуды среди керамики из пласта 1 и позволяет предположить датировать керамический комплекс из пласта 2 последней четвертью XVI – первой четвертью XVII в.

В пласте 3 были найдены 248 фрагментов керамической посуды (рис. 18, 1, 2, 7, 8). Среди 9 (7) венчиков белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: венчик типа 3/4 Ж с плотным линейным орнаментом на шейке в подражание белоглиняным гладким горшкам; 3 – типа 4/1 (диам. 12, 21, 23 см); 1 – 4/3 в (диам. 14 см); венчик столового сосуда с завернутым наружу и горизонтально обточенным краем (диам. 12 см); 3 (1) венчика кувшина с завернутым наружу и обточенным с наклоном наружу краем (диам. 13 см), имеющим слив.

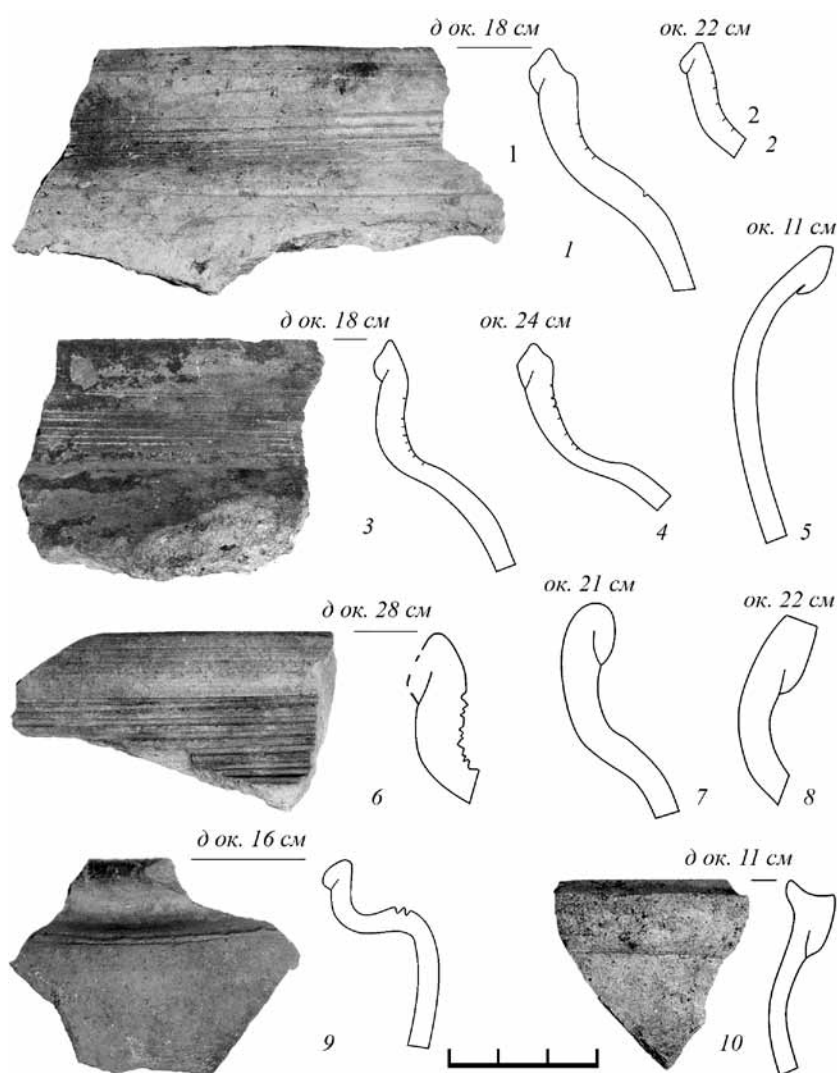

Рис. 17. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 388, пл. 2. Фр-ты круговой посуды

1–4 – белоглиняная без примесей; 5–8, 10 – белоглиняная с песком; 9 – красноглиняная с песком в формовочных массах

Сосудам, изготовленным из аналогичных формовочных масс, принадлежали: 11 донец со следами подсыпок из мелкого песка (диам. 15–17 см); ручка с сечением размерами 1,6×2,7 см и глубокими вертикальными надрезами.

Белоглиняным гладким (без заметных примесей) сосудам принадлежали 5 (4) венчиков: 4 (3) типа 3/3 Б (диам. 22, 23, 27 см) с линейным орнаментом на шейках (рис. 18, 1, 7), в том числе на 3 (2) – с плотным орнаментом, характерным для XVII в.; венчик кувшина с округлым заворотом чернового края наружу (диам. 13 см; рис. 18, 2). Сосудам, изготовленным из слабоожеженной глины без заметных примесей, принадлежали 5 (2) венчиков типа 3/3 Е (диам. 23, 24 см) с линейным орнаментом на шейках (рис. 18, 8), на од-

ном из них – и на верхней части плечика. Слабоожеженные фрагменты были чуть шероховатыми за счет естественного присутствия в глине дисперсного песка.

К сосудам, изготовленным из слабоожеженной глины с примесями песка, относились: 2 венчика кувшина и миски с завернутыми наружу и приостренными краями (диам. миски 16 см); 4 донца со следами подсыпок песка; ручка кувшина почти прямоугольного сечения с тремя вертикальными параллельными надрезами.

Венчик красноглиняной миски имел приостренный заворот чернового края наружу (диам. 20 см). Остальные красноглиняные фрагменты из пласта 3 относились к «гладкой» посуде, в том числе гладкое донце и ручка кувшина с эллипсоидным

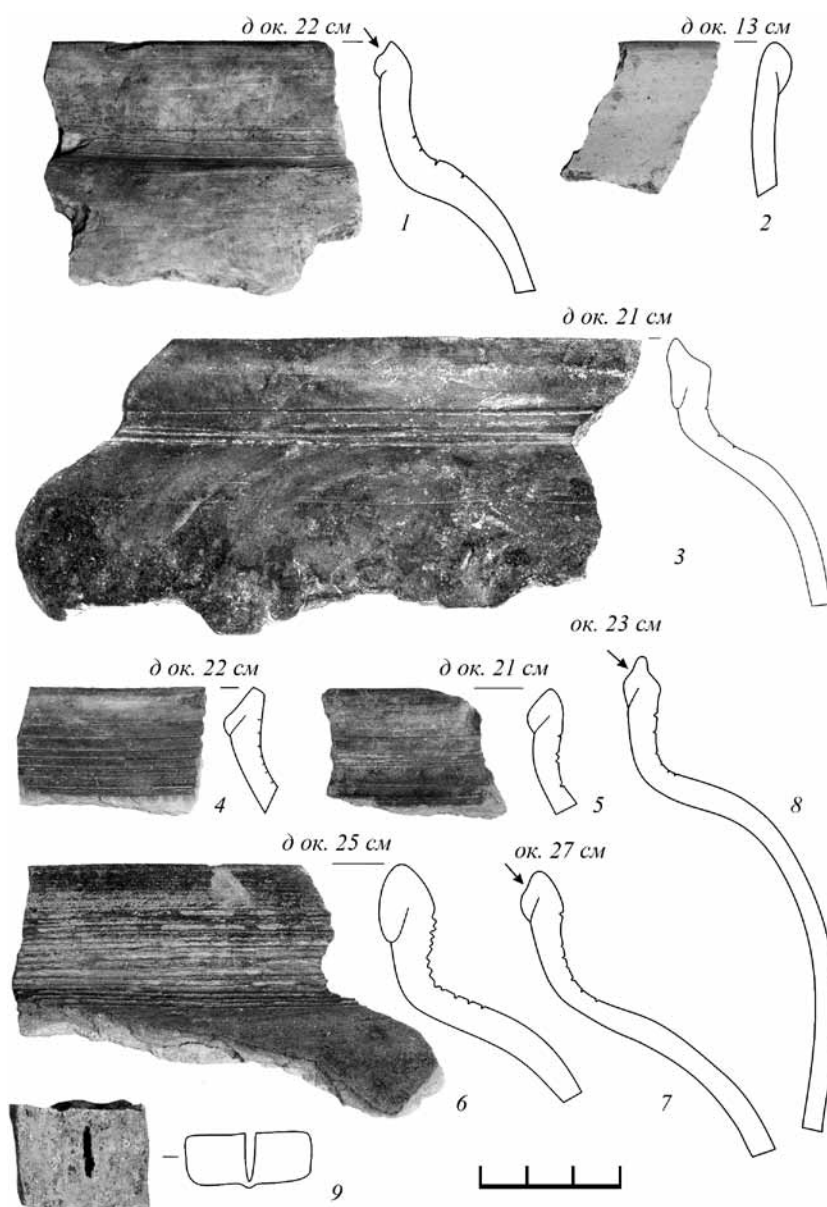

Рис. 18. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 388

Фр-ты круговой посуды без примесей в формовочных массах: 1, 2, 7 – белоглиняная; 8 – из слабоожеженной глины. 3–6, 9 – пласт 4. Фр-ты круговой посуды: 3–5 – белоглиняная без примесей; 6 – белоглиняная с песком; 9 – ручка из слабоожеженной глины с песком в формовочных массах. (1, 2, 7, 8 – пл. 3)

сечением. Фрагмент уплощенной ручки принадлежал краснолощеному кувшину.

Среди керамики из 3-го пласта 73% (182 экз.) составляли обломки белоглиняной посуды с песком в формовочных массах, 11% (28 шт.) – обломки посуды без видимых примесей, 2,4% (6 шт.) – обломки красноглиняной посуды с песком в формовочных массах (табл. 5). Учитывая это соотношение и отмеченные особенности орнаментации фрагментов венчиков горшков без заметных примесей в формовочных массах, керамический ком-

плекс из пласта 3 предположительно также следует датировать последней четвертью XVI – первой четвертью XVII в.

В пласте 4 ямы 388 были найдены 342 фрагмента керамической посуды (рис. 18, 3–6, 9). Среди 15 (11) венчиков от белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 2 принадлежали типу 3/4 Ж (диам. 15, 25 см), из которых второй имел плотный линейный орнамент на шейке в подражание белоглиняным гладким горшкам (рис. 18, б); 1 – типу 4/1 В (диам. 18 см) с прерывистой

волнистой «остроугольной» линией по основанию шейки; 1 – типу 29/1 (диам. 19 см); 1 – типу 37/1 (диам. 19 см) с рядом вдавлений палочкой на плечике; 2 (1) – миске с завернутым наружу черновым краем (диам. 19 см); 2 – кувшинам с завернутым наружу и горизонтально обточенный краем (диам. 10, 14 см); 2 – кувшинам с завернутым наружу и приостренным за счет обтачивания с наклоном внутрь краем (диам. одного 13 см); 4 (1) – кувшину с округлым заворотом чернового края наружу (диам. 12 см). Последний кувшин имел ручку уплощенного эллипсоидного сечения с наклонными надрезами на внешней поверхности.

Из других фрагментов белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: стенка с растительным орнаментом (рис. 16, 2); 32 донца со следами песчаных подсыпок (диам. 10 (4 от 2 сосудов); 11; 12; 13; 14 (4 от 2 сосудов); 15 (4 шт.); 16; 18 см (2 шт.)).

Белоглиняным гладким (без заметных примесей) сосудам принадлежали: 2 венчика типа 3/3 Б (диам. 21, 22 см) с плотным линейным орнаментом на шейках (рис. 18, 4, 5); венчик типа 3/3 Ж (диам. 21 см) с линейным орнаментом на основании шейки (рис. 18, 3); гладкое донце (диам. 14 см).

Среди фрагментов сосудов, изготовленных из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: 5 (1) венчиков типа 24/1 Б (диам. 15 см); венчик кувшина с завернутым наружу и приостренным краем (диам. 15 см); венчик миски (?) с завернутым наружу и обточенным с наклоном наружу краем (диам. 16,5 см); 7 донца со следами подсыпок песка (диам. 9, 10, 13, 15 см); 3 (1) обломка ручки кувшина, имевшей почти прямоугольное сечение 1,2×2,9 см и вертикальные надрезы на внешней стороне (рис. 18, 9).

Три обломка донца и 2 фрагмента венчика принадлежали красноглиняной миске с песком размерами до 2 мм в формовочной массе. Миска имела высоту 6 см, округлый венчик с заворотом чернового края наружу (диам. 27 см) и донце со следами песчаной подсыпки (диам. 25 см).

В пласте 5 были найдены 158 фрагментов керамической посуды (рис. 19, А). Среди 6 (5) венчиков от белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 1 типа 2/1 (диам. 13 см), вероятно, от столового сосуда, судя по отсутствию на нем следов вторичного обжига (рис. 19, А, 2); 2 (1) – типа 4/1 В (диам. 16 см) с приостренным краем за счет его обтачивания с наклоном внутрь (рис. 19, А, 1); 2 венчика столовых сосудов с завернутыми наружу и приостренными за счет обтачивания краями (диам. 9, 13 см) (рис. 19, А, 6, 7); венчик кув-

шина с округлым заворотом чернового края наружу. Из других фрагментов таких сосудов: стенка с растительным орнаментом (рис. 16, 3); 5 уплощенных ручек от кувшинов с наклонными либо вертикальными надрезами; 19 донцев со следами песчаных подсыпок (диам. 9, 10, 11 (2 от одного сосуда), 13 (5 от двух сосудов), 21 см; угол отгиба стенок от линии днищ – 117°, 120° (2 шт.), 129° (2 шт.), 132°).

Белоглиняным гладким (без заметных примесей) сосудам принадлежали: венчик типа 3/3 (диам. 24 см) с линейным орнаментом на шейке (рис. 19, А, 5); венчик типа 3/4 Д (диам. 20 см) с плотным линейным орнаментом на шейке (рис. 19, А, 8); 2 гладких донца. Три венчика с завернутыми наружу и приостренными за счет обтачивания краями (диам. 12, 12, 16 см) принадлежали кувшинам, изготовленным из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах (рис. 19А, 3, 9). Красноглиняной чашке с песком размерами до 1 мм в формовочной массе принадлежали: венчик с округлым заворотом чернового края внутрь сосуда (диам. 8 см); донце со следами подсыпки песка (диам. 8 см). Их поверхности были черными из-за нагара. Возможно, сосуд использовался как светильник.

В заполнении пласта 6 ямы 388 были найдены 315 фрагментов керамической посуды (рис. 19, Б). Среди 10 (9) венчиков от белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 1 – типа 2/2 (диам. 19 см) с линейным орнаментом по основанию шейки в подражание белоглиняным гладким горшкам (рис. 19, Б, 4); 1 – типа 3/4 Ж (диам. 28 см) с линейным орнаментом по шейке (рис. 19, Б, 3); 1 – типа 4/1 Г (диам. 13 см) с прямой линией на шейке (рис. 19, Б, 2); венчик миски с округлым заворотом чернового края наружу (диам. 29 см); венчик кувшина с завернутым наружу и горизонтально обточенным краем (диам. 10 см); 4 (3) венчиков кувшинов с завернутыми наружу и приостренными краями (диам. двух 12, 15 см); полный профиль миски с завернутым наружу черновым краем венчика (диам. 20 см; высота миски 6 см) и донцем со следами песчаной подсыпки (рис. 19, Б, 1).

Из других фрагментов белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: стенка с растительным орнаментом от названного выше сосуда (рис. 16) и уплощенная ручка от кувшина; 25 донца со следами подсыпок мелкого песка.

Белоглиняным гладким (без заметных примесей) сосудам принадлежали: венчик типа 3/3 Б (диам. 25 см) с линейным орнаментом на шейке (рис. 19, Б, 5); 3 (1) гладких донца (диам. 12 см) и гладкое донце размерами 6,5×7,0 см (угол отгиба стенки 131–135° от линии днища).

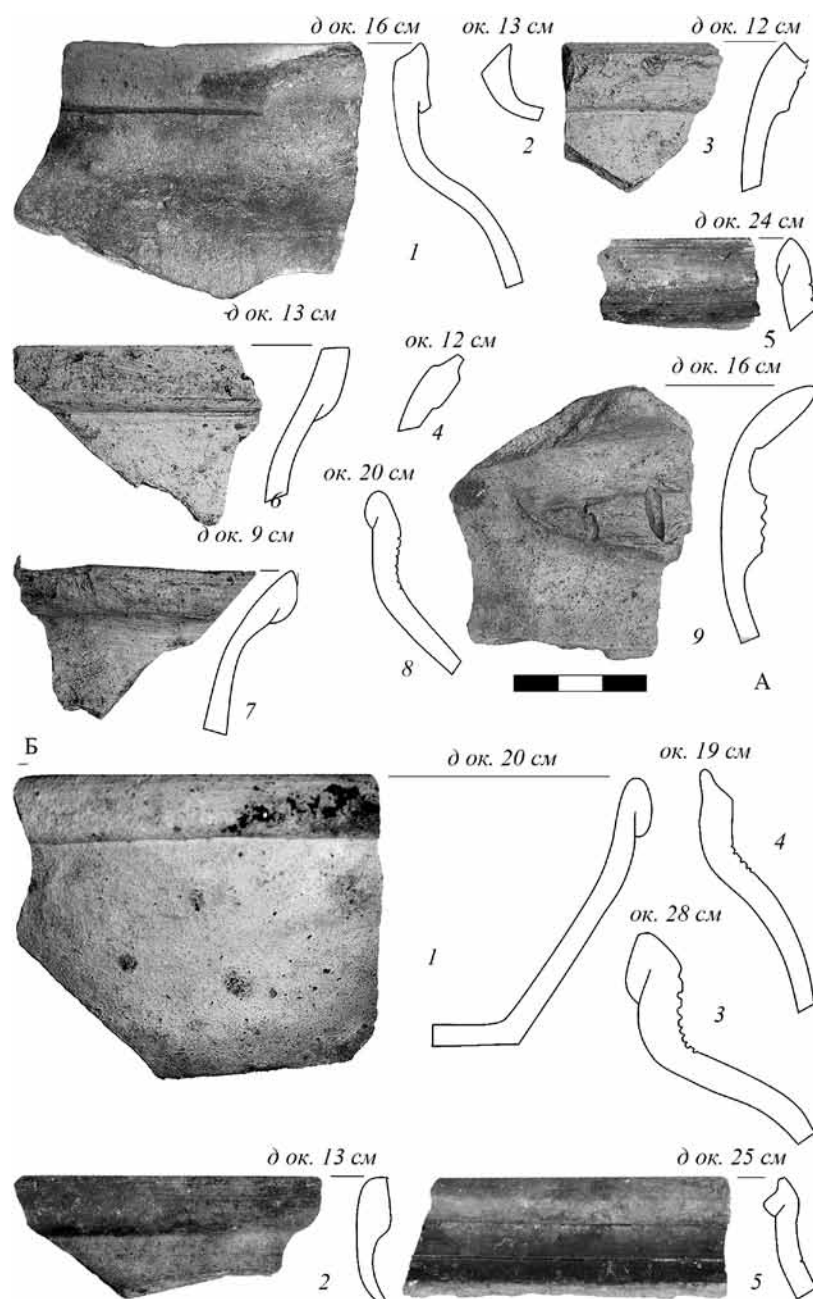

Рис. 19. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 388

А – пл. 5, фр-ты круговой посуды. 1, 2, 6, 7 – белоглиняная с песком; 3, 4, 9 – из слабоожелезненной глины с песком; 5, 8 – белоглиняная без примесей в формовочных массах; Б – пл. 6, фр-ты круговой белоглиняной посуды. 1–4 – с песком; 5 – без примесей в формовочных массах

Сосудам светло-бежевого цвета, изготовленным из слабоожелезненной глины с песком в формовочных массах принадлежали: 3 (1) обломка верхней части кувшина с заворотом чернового края венчика наружу (диам. 11 см) и уплощенной ручкой с вертикальными надрезами; венчик кувшина с завернутым наружу и горизонтально обточенным краем (диам. 11 см), имеющим слив; 7 (5) донец со следами подсыпок мелкого песка.

Венчик с уплощенным заворотом чернового края внутрь и канавкой на внешней стороне края (диам. 12 см) принадлежал мореному кувшину, изготовленному из ожелезненной глины (серый излом черепка).

Учитывая приведенные соотношения групп керамики (табл. 5), морфологию и орнаментацию фрагментов, весь керамический комплекс из ямы 388 следует датировать последней

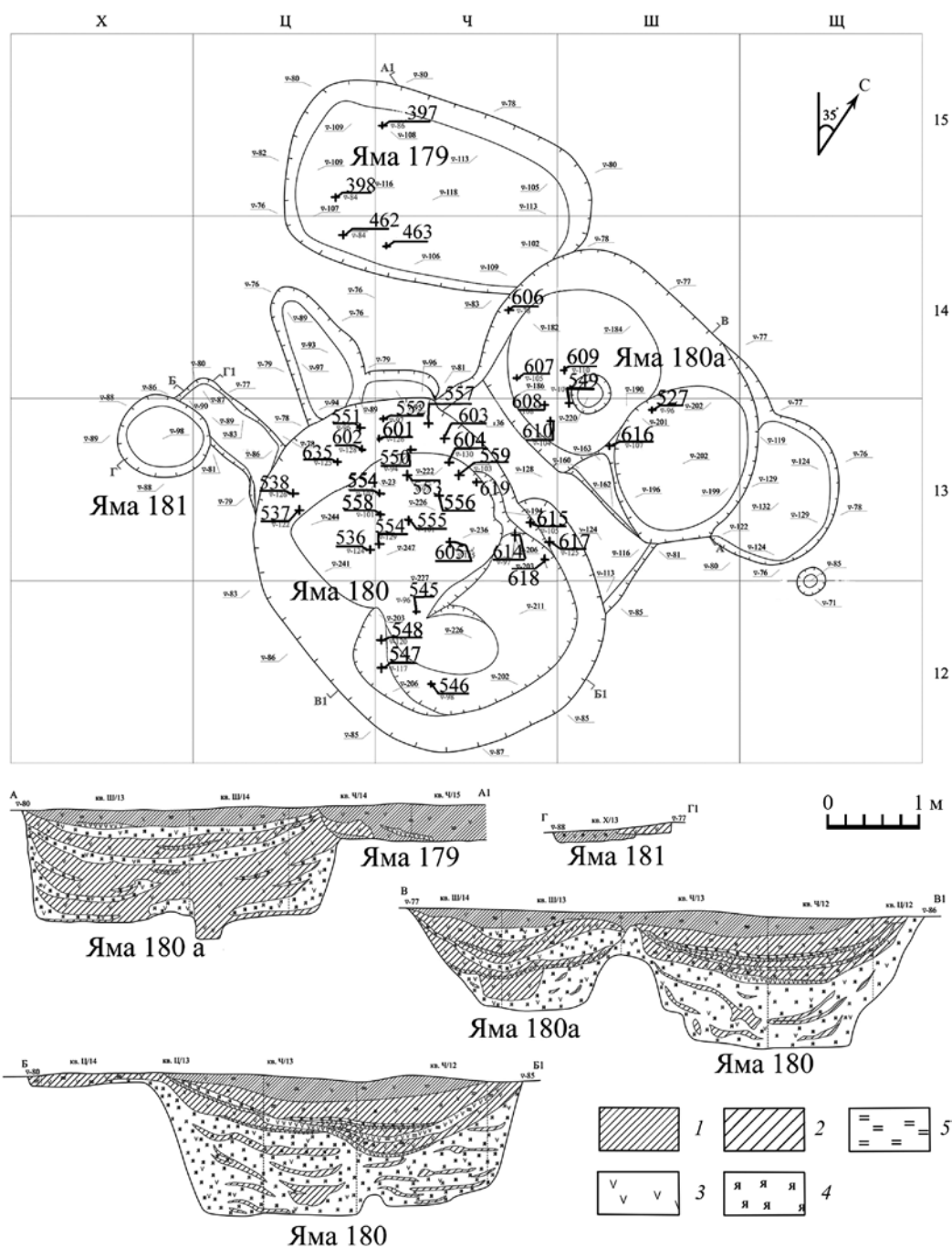

Рис. 20. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 179, 180, 180а, 181. Находки (номера соответствуют описи)

1 – темно-серый гумусированный суглинок, 2 – светло-серый суглинок, 3 – древесный уголь, 4 – материковая глина, 5 – обожженная глина. 397 – пряслище с поливой салатного цвета; 398 – изделие; 462 – обувной гвоздь; 463 – проволока; 527, 547, 614, 617 – ножи; 535 – фр-т иглы; 536 – обойный гвоздь; 537 – фр-т шила; 538 – литник; 544, 553 – оселки; 545 – черешок; 546 – фр-т резца; 548, 556 – накладки; 549, 602, 615, 610, 616 – поковки; 550, 551 – фр-ты удил; 552, 554, 607 – фр-ты ножей; 555, 559 – пряжки; 557 – фр-т петли; 558 – фр-т серпа; 601 – ключ от цилиндрического замка; 603 – фр-т ключа от цилиндрического замка; 604 – фр-т гвоздя; 605 – фр-т стремени (?); 606 – монета XV–XVI вв.; 608 – фр-т пряжки; 609 – наконечник ремня; 618 – разделительное кольцо; 619 – перстень. (397 – керамика; 606 – серебро; 609 – свинцово-оловянистый сплав; 619 – бронза; 544, 553 – камень; остальные – железо)

Таблица 6. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы 179.

Слой	Белоглин. с песком, %	Белоглин. с песком и дрсвой, %	Белоглин. и из слабоожелезн. глины без примесей, %	Красноглин. с песком, %	Всего, фр.	Датировка комплекса
1	70	1,4	8,5	6	1460	2-я пол. XVI в.
2	67	4,3	10	5,6	161	

четвертью XVI – первой четвертью XVII в. (Богомолов и др., 2015. С. 347, 350, 351. Табл. 7. Яма 125; Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329. Табл. 3; Археология Романова двора, 2009. С. 68, 69). Таким образом, найденные на дне ям 337, 388 монеты великих князей Василия II и Ивана III были отчеканены, примерно, на 100 лет ранее формирования заполнения этих ям. Возможно, эти монеты в качестве «закладных» попали на дно ям позже периодов своего хождения.

Любопытно сравнить керамические комплексы из ям 179, 180, 180а, учитывая, что яма 179 стратиграфически перекрывает яму 180 а, а ямы 180 и 180а смыкаются (рис. 20).

В заполнении ямы 179 был найден 1621 фрагмент круговой керамической посуды (табл. 6;

рис. 21; 22), в т.ч. в слое 1 – 1460 шт. Среди керамики – 95 венчиков от белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах. Из которых: 16 (15) – типа 4/1 (диам. 13 см (2 шт.), 14 см (2) (рис. 21, 8), 16, 21, 24 см (2)); 1 – 4/1 Б (диам. 15 см) с вдавлениями палочкой по плечу; 4 – 4/1В (диам. 18, 20, 22, 23 см) (рис. 21, 4, 7); 19 – 4/1 Г (диам. 14, 21, 23, 26 см); 1 – 4/3 (диам. 11 см) (рис. 21, 9); 3 (2) – 4/3 В (диам. 2 (1) – 20 см (рис. 21, 6), еще одного фрагмента с прямой линией и волнистой линией по плечу – 18 см); 3 – 14/1 (диам. 12, 18 см); 1 – 21/2 (диам. 14 см); 1 – 21/4 (диам. 10 см) (рис. 21, 5); 1 – 22/1 (диам. 18 см) с песком размерами до 2 мм в формовочной массе (рис. 21, 1); 2 – 24/1 (диам. 15, 19 см) (рис. 21, 3); 29 (25) – 24/1 Б (диам. – 12, 14 см (5 (2)), 15 см (3),

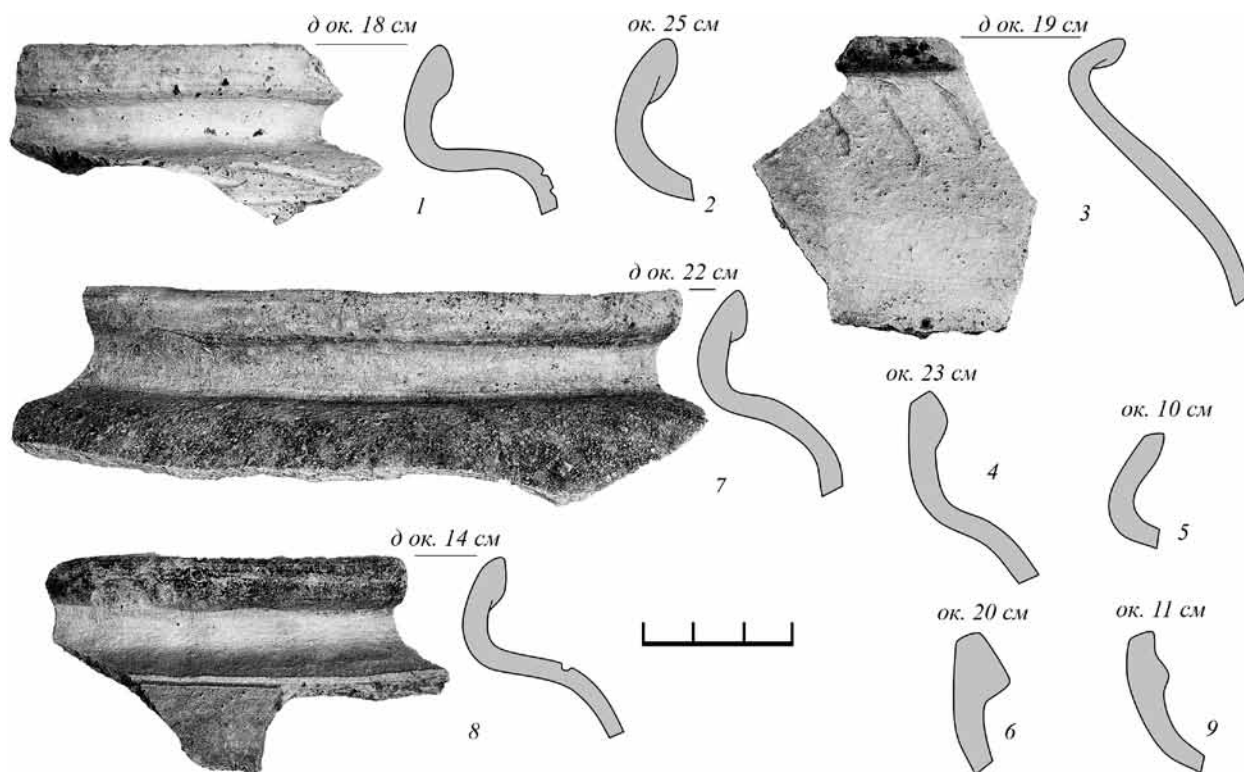

Рис. 21. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 179, сл. 1. Фр-ты круговой белоглиняной посуды с песком в формовочных массах

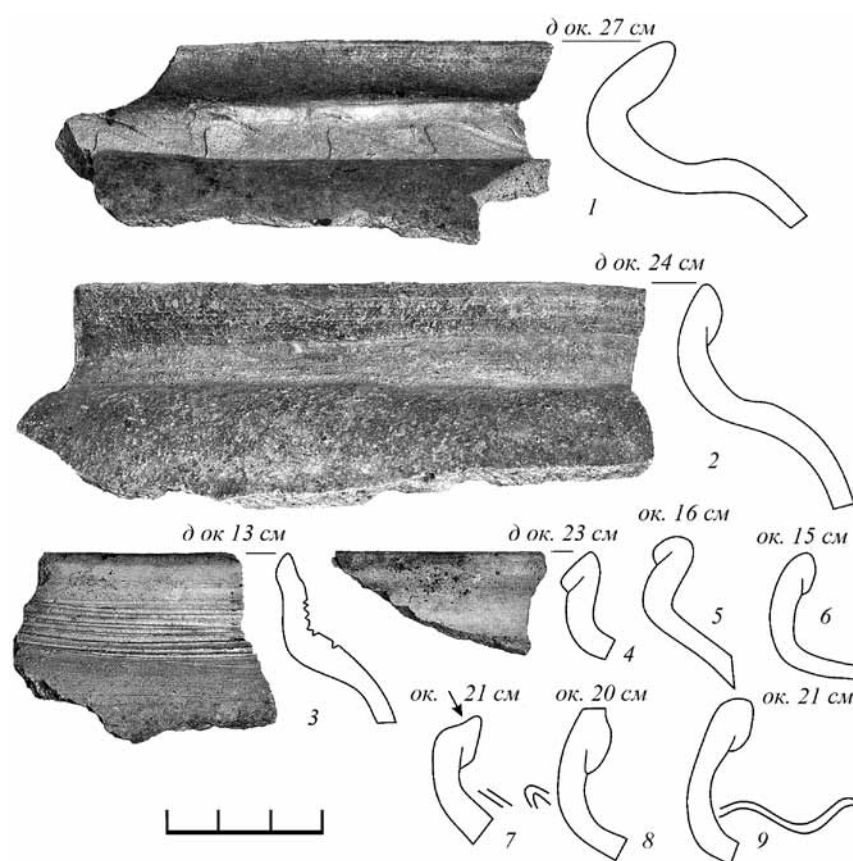

Рис. 22. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 179, сл. 2. Фр-ты круговой посуды
1, 2, 6–9 – белоглиняная с песком; 3 – белоглиняная без примесей; 4 – красноглиняная с песком;
5 – красноглиняная с песком и дресвы в формовочных массах

16, 17 см (3), 19 см (4), 21 см (2), 22 см (2 (1)), 25 см (2), 26, 28 см (рис. 21, 2); 1 – 39/1 (диам. 15 см); 2 (1) венчика миски (диам. 21 см) с завернутым наружу и горизонтально обточенным краем, волнистой линией по тулову; венчик миски (диам. 12 см) с простым приостренным краем и волнистой линией по тулову; 11 (8) венчиков с загибами черновых краев наружу от кувшинов либо мисок (диам. 9, 12 см (2 (1)), 13 см (2 (1)), 14 см).

Среди белоглиняных фрагментов с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах – венчик типа 21/1 с вдавлениями палочкой по плечу; 3 (1) донца с закраиной и без следов подсыпки, 3 донца со следами подсыпок песка и дресвы (диам. одного 8 см).

Из 12 обломков венчиков от белоглиняных гладких (без заметных примесей) горшков: 4 (2) типа 2/2 Д (диам. 14, 17 см); 8 (4) типа 3/3 Ж (диам. 16, 19, 20, 22 см), все с линейным орнаментом по шейкам. Сосудам с аналогичной формовочной массой принадлежали 4 гладких донца (диам. 8, 9 см). Три фрагмента одного венчика типа 2/2 (диам. 13 см)

с линейным орнаментом по основанию шейки принадлежали горшку из слабожелезненной глины без заметных примесей в формовочной массе.

Среди 20 фрагментов венчиков от сосудов из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: 1 – типа 2/1; 1 класса 4 со сколотым краем (диам. 18 см); 5 – типа 4/1 (диам. 18, 22, 22 см); 4 (2) – типа 4/1 Б (диам. 15, 28 см); 2 – типа 4/1 В (диам. одного с волнистой линией по основанию шейки 20 см); 2 – типа 4/1 Г (диам. 18, 19 см), из которых один – с волнистой линией по шейке; 1 – типа 21/2 (диам. 15 см); 1 – типа 24/1 Б (диам. 20 см) с песком до 2 мм в формовочной массе; 3 – венчиков кувшинов с приостренными загибами черновых краев наружу (диам. двух 17 см).

Два обломка крышек из слабожелезненной глины (диам. одной 28 см) имели уплощенные загибы краев на внешнюю сторону. Среди 15 донц из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: 12 – со следами песчаных подсыпок; по 1 – на подсыпке песка и дресвы, без следов подсыпки, гладкого.

Из 3 фрагментов венчиков от сосудов из слабожелезненной глины с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: 1 – типа 14/2 (диам. 19 см); 1 – 22/1 (диам. 21 см); 1 – 24/1 Б (диам. 15 см) с волнистой линией по шейке. Три донца сосудов из аналогичных формовочных масс имели следы подсыпок песка и дресвы, а 1 – часть клейма в виде участка окружности.

Красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах принадлежали «гладкой» посуде, в том числе: венчик типа 3/3 Г (диам. 21 см); венчик типа 3/4 (диам. 25 см); 2 венчика типа 3/4 Г (диам. 18, 20 см), из которых один – с линейным орнаментом по плечу; уплощенная ручка; донце со следами подсыпки песка и мелкой дресвы; 2 донца со следами подсыпок песка; 3 донца без следов подсыпки.

Еще один обломок красноглиняного венчика типа 3/4 Г (диам. 21 см) содержал в формовочной массе песок и редкие включения дресвы. Два фрагмента гладкого чернолощеного донца (диам. 7 см) имели серо-бурый излом, а чернолощенная стенка – серый излом.

Таким образом, основная масса фрагментов керамики из слоя 1 ямы 179 принадлежала посуде XVI в. Венчики типов 21/1, 22/1, 24/1, скорее всего, принадлежали сосудам конца XIV – XV в. Посуда без визуально заметных примесей составляла 8,5% (124 экз.) в слое 1, что характерно для середины XVI в. (Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329. Табл. 3).

В слое 2 ямы 179 был найден 161 фрагмент круговой керамической посуды. Среди 11 венчиков белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 1 – типа 4/1 Г с волнистой линией по основанию шейки (рис. 22, 7); 7 (6) – типа 24/1 Б (диам. 15, 16, 17, 20, 21, 24 см) (рис. 22, 2, 6, 20, 21), из которых один был орнаментирован волнистой линией по основанию шейки; 1 – 28/1 (диам. 27 см) с волнистой линией по шейке (рис. 22, 1); 1 – 39/1 (диам. 22 см); венчик миски с горизонтально обточенным краем и заворотом черного края наружу (диам. 21 см), с волнистой линией по тулову. Другие части этой миски были найдены в слое 1 этой же ямы.

Среди других обломков белоглиняной посуды с песком в формовочных массах: 2 – от уплощенных ручек кувшинов; 4 (1) – донца (8,7×9,5 см) со следами песчаной подсыпки; донце без следов подсыпки.

Фрагмент венчика типа 2/2 В (диам. 13 см) с линейным орнаментом по шейке принадлежал белоглиняному без заметных примесей горшку

(рис. 22, 3). Еще 3 неорнаментированных стенки принадлежали сосуду из слабожелезненной глины без заметных примесей в формовочной массе.

Среди керамики из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: венчик типа 4/1 Г (диам. 18 см) с волнистой линией по основанию шейки; 3 (1) обломка крышки (диам. 23 см) с уплощенным заворотом черного края на внешнюю поверхность, орнаментированную волнистой линией ближе к краю; 2 донца со следами песчаных подсыпок.

Все красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах принадлежали к «гладкой» посуде, среди них – венчик типа 3/3 (диам. 23 см; рис. 22, 4) и донце (диам. 9 см) со следами подсыпки песка и дресвы. Красноглиняный венчик типа 13/1 (диам. 16 см) с песком и редкими включениями дресвы в формовочной массе следует датировать, скорее всего, концом XIV – началом XV в. (рис. 22, 5).

В целом, формирование керамического комплекса из слоя 2 ямы 179 следует датировать второй половиной XVI в., так как 10% керамики составляли фрагменты без заметных примесей в формовочных массах (Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329. Табл. 3). Учитывая, что среди керамики из слоя 1 такие фрагменты составляли 8,5%, датировку всего керамического комплекса из ямы 179 предположительно можно ограничить третьей четвертью XVI в.

Отметим находки в заполнении ямы 180 бронзового щиткового перстня XVI в. (рис. 4, 2; Археология Романова двора, 2009. С. 391. Рис. 145, 27, 28), ключа от цилиндрического замка типа В (вторая половина XII – начало XV в.; рис. 4, 4) (Древняя Русь, 1997. С. 15), обломков железных удил (рис. 4, 8) и серпа.

В заполнении ямы 180 были найдены 387 фрагментов круговой керамической посуды (табл. 7; рис. 23; 24), в т.ч. в слое 1 – 303 экз., среди которых – 10 венчиков белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 2 типа 4/1 (диам. 19, 24 см) с прямой линией по плечу у одного фрагмента и с волнистой линией по шейке у другого; 1 – 4/1 В (диам. 15 см); 1 – 4/1 Г (диам. 13 см); 3 (2) – 4/3 В (диам. 17, 24 см); 1 – 23/1 (диам. 23 см); 1 – 24/1 Б (диам. 16 см); венчик миски (диам. 9 см) с приостренным краем за счет обтачивания. Среди других белоглиняных фрагментов с песком в формовочных массах: 14 донца со следами песчаных подсыпок (диам. 10, 11, 12, 13, 13, 14, 15 см); ручка кувшина с вертикальными надрезами.

Из 9 венчиков белоглиняных сосудов с песком и редкими включениями дресвы в формовочных

Таблица 7. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы 180.

Слой	Белоглин. с песком, %	Белоглин. с песком и дресвой, %	Белоглин. без примесей, %	Красноглин. с песком, %	Всего, фр.	Датировка комплексов
1	45	24	4,6	14	303	2-я тр. XVI в.
2	9,5	20	1 фр.	26	84	Кон. XV – 1-я тр. XVI в.

массах: 2 (1) – типа 4/1 (диам. 18 см) с волнистой линией по шейке и ребром по плечу (отмечены крупные зерна дресвы); 3 (2) – 24/1 (диам. 20 см) с вдавлениями палочкой по плечу у 2 (1) фр.; 1 – 24/1 Б (диам. 26 см) с волнистой линией по основанию шейки; 2 – 29/1 (диам. 20, 24 см) с волнистой линией по плечу у одного фрагмента и с волнистой линией по шейке у другого;

1 – 41/2 Б (диам. 12 см). Венчики типов 23/1, 24/1, 24/1 Б, 29/1, 41/2 Б, вероятно, принадлежали горшкам конца XIV – XV в. (Коваль, 2016б. С. 543, 544; Богомолов и др., 2012. С. 370, 382. Рис. 11, 2; 12, 1; Андреев, 2011. Рис. 8, 6; 15, 2, 3; 22, 1).

Среди 16 донец белоглиняных сосудов с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: 4 – со следами песчаных подсыпок (диам.

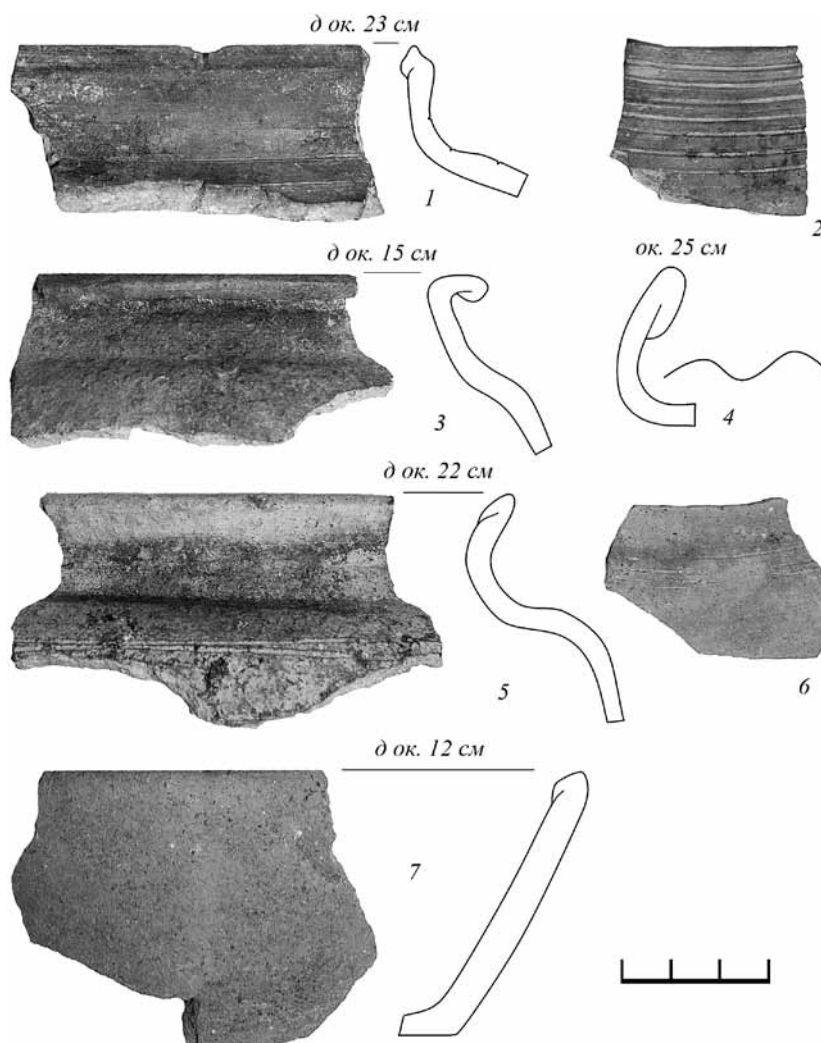

Рис. 23. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 180, сл. 1. Фр-ты круговой посуды

1, 2 – белоглиняная без примесей; 3–5 – из слабожелезненной глины с песком и дресвой; 6, 7 – красноглиняная с песком

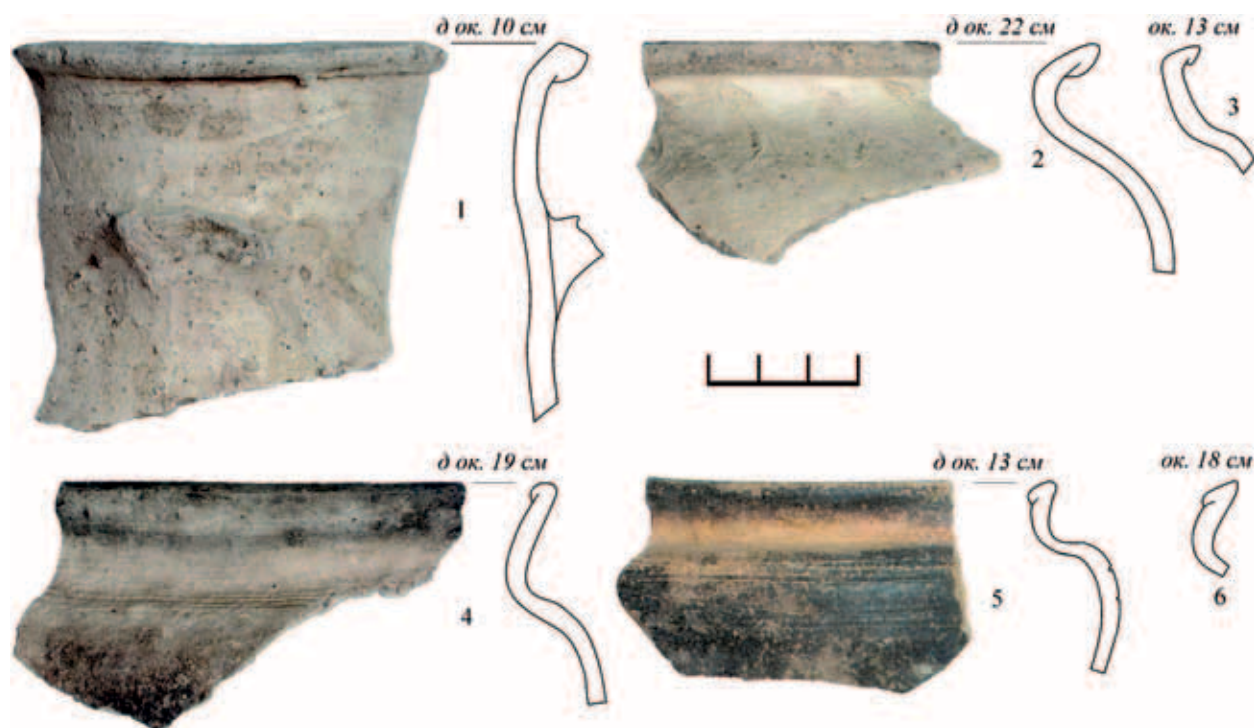

Рис. 24. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 180, сл. 2. Фр-ты круговой посуды
1–4 – белоглиняная с песком и дресвой; 5, 6 – красноглиняная с песком в формовочных массах

одного 13 см); 11 – песка и дресвы; 1 – с частью клейма в виде креста в центре окружности.

Среди белоглиняной «гладкой» (без заметных примесей) посуды: венчик типа 2/2 Д с линейным орнаментом по шейке; 1 – типа 3/3 Е (диам. 23 см) с линейным орнаментом по шейке и в верхней части плечика (рис. 23, 1); стенка с линейным орнаментом по плечу до основания шейки (рис. 23, 2); гладкое донце (диам. 9 см; угол отгиба стенки от линии дна – 131°). Подобная морфология и орнаментация характерны для ранних горшков из группы белоглиняной «гладкой» посуды (Коваль, 2001. С. 106).

Среди венчиков посуды из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: 1 – класса 22 (диам. 18 см) с ребром на плечике; 2 – типа 24/1 Б (диам. 22, 24 см), один из которых имел вдавления палочкой по плечу; венчик кувшина (?) с завернутым наружу и приостренным краем (диам. 11 см); 3 донца со следами песчаных подсыпок (диам. 13, 15 см).

Среди посуды из слабожелезненной глины с песком и включениями дресвы в формовочных массах: венчик типа 24/1 Б (диам. 25 см) с волнистой линией по шейке (рис. 23, 4); венчик типа 28/1 (диам. 22 см) с линейным орнаментом по плечу и включениями крупной дресвы в формовоч-

ной массе (рис. 23, 5); венчик типа 41/2 Г (диам. 15 см) с достаточно частыми включениями дресвы, в том числе крупной (рис. 23, 3); донце со следами песчаной подсыпки (диам. 8 см). Венчик типа 41/2 Г, видимо, принадлежал горшку XV в. (Андреев, 2011. Рис. 8, 6; 15, 2).

Все красноглиняные фрагменты из слоя 1 относились к «гладкой» посуде. Среди них: 2 (1) – от миски высотой 5,4 см с венчиком, сформированным загибом чернового края внутрь (диам. 12 см) (рис. 23, 7); 3 (2) венчика типа 3/4 (диам. 21, 23 см), из которых один фрагмент имел линейный орнамент по плечу; 2 венчика типа 3/4 Г (диам. одного фрагмента с линейным орнаментом по плечу 19 см); ручка с эллипсоидным сечением; 3 (1) гладких донца с закраиной (диам. 10 см); донце со следами песчаной подсыпки (диам. 13 см) и ребром, расположенным в 1,7 см выше линии дна; 2 донца со следами песчаных подсыпок (диам. одного 13 см). Кроме того, в слое 1 ямы 180 был найден носик от красноглиняного сосуда с остатками покрытия белым ангобом (внешние размеры сечения – $2,6 \times 2,7$ см; диам. отверстия – 1,5 см).

Таким образом, керамический комплекс из слоя 1 ямы 180 содержал фрагменты посуды конца XIV – XVI в. Фрагменты белоглиняной гладкой (без заметных примесей) посуды составляли

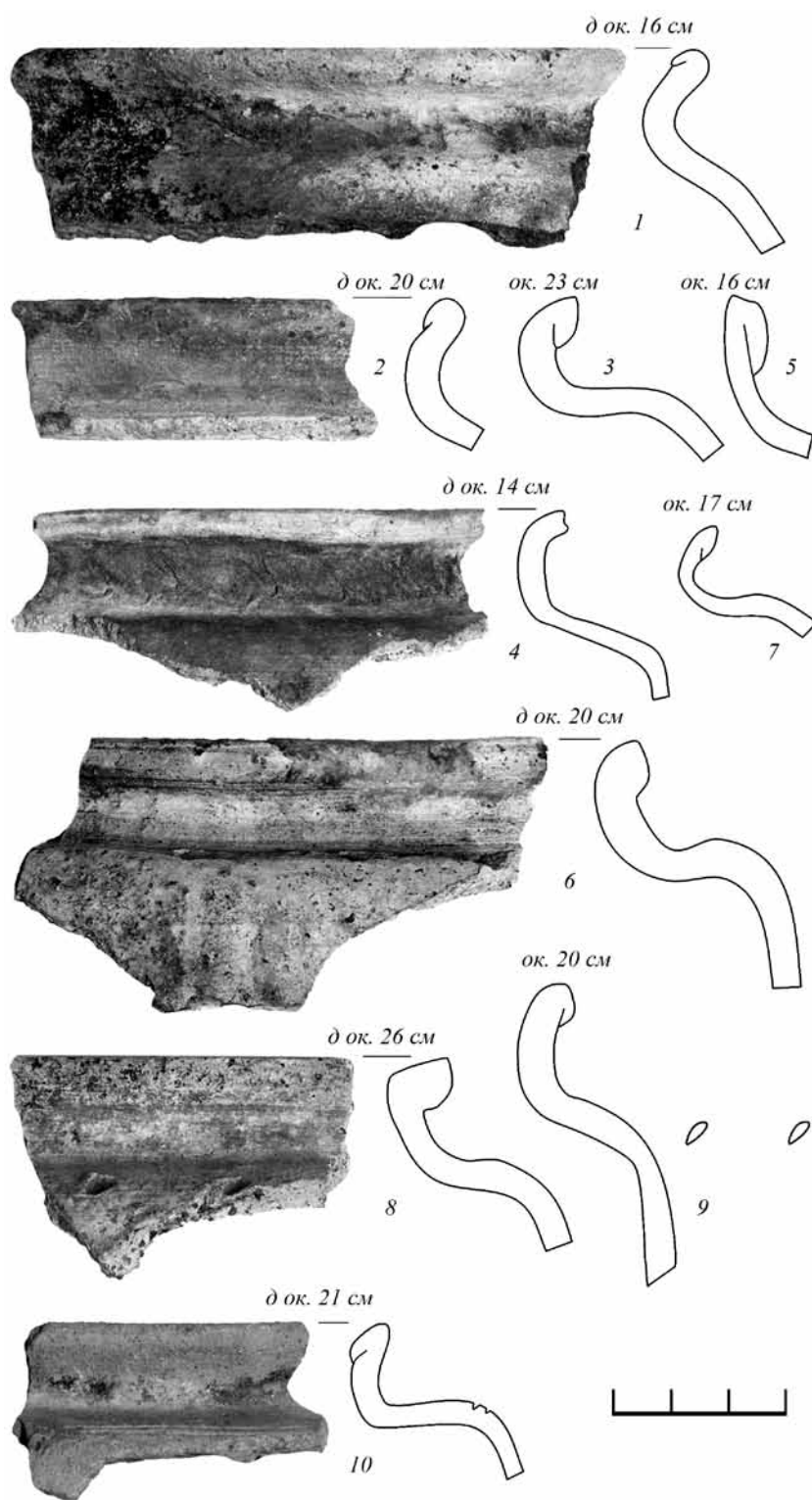

Рис. 25. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Р. 1, я. 180а, сл. 1. Фр-ты круговой посуды

1, 3, 4, 6–8 – белоглиняная с песком и дресвой; 2, 5 – белоглиняная с песком; 9 – из слабоожелезненной глины с песком; 10 – красноглиняная с песком в формовочных массах

Таблица 8. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы 180а.

Слой	Белоглин. с песком, %	Белоглин. с песком и дресвой, %	Белоглин. без примесей, %	Красноглин. с песком, %	Всего, фр.	Датировка комплексов
1	47	23	4,9	11	246	2-я тр. XVI в.
2	23	28	0	23	39	Кон. XV – 1-я тр. XVI в.

здесь 4,6%. Это позволяет определить время окончательного формирования комплекса в рамках второй трети XVI в. (Богомолов и др., 2012. С. 368. Рис. 7А; Коваль, 2016а. С. 441).

В слое 2 из ямы 180 были найдены 83 фрагмента круговой керамической посуды. Среди белоглиняной керамики с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: венчик типа 13/1 (диам. 19 см; рис. 24, 4); венчик типа 29/1 (диам. 22 см) с волнистой линией по плечу (рис. 24, 2); венчик типа 41/2 Б (диам. 13 см; рис. 24, 3); венчик кувшина с завернутым наружу и обточенным краем (диам. 10 см; рис. 24, 1).

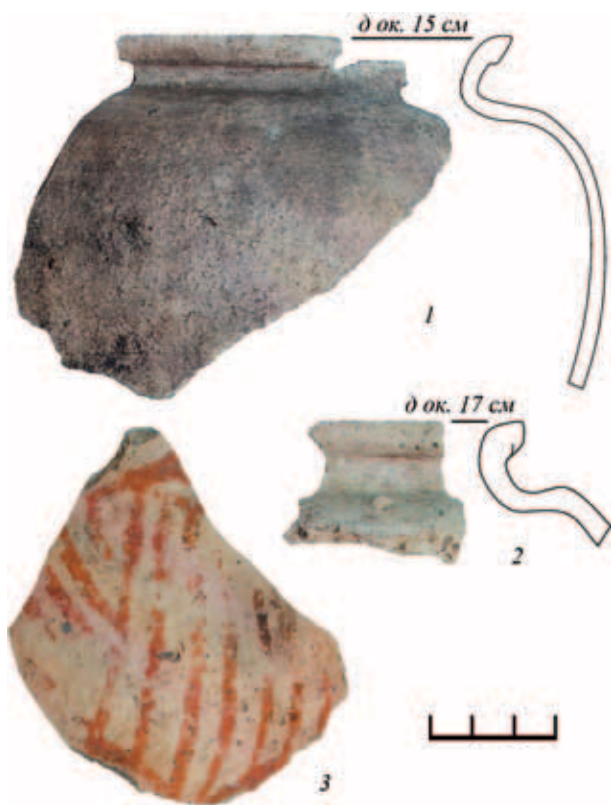

Рис. 26. Селище «Аэропорт Домодедово 2».

Р. 1, я. 180а, сл. 2. Фр-ты круговой посуды

1 – из слабоожеженной глины с песком и дресвой;
2 – белоглиняной с песком и дресвой; 3 – белоглиняной с песком и дресвой, расписанной ангобом, в формовочных массах

Среди керамики из слабоожеженной глины: ручка от сковороды (с песком в формовочной массе) с внешними размерами сечения – 3,4×3,8 см и размерами отверстия – 2,5×3,0 см; 3 донца (с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах) со следами подсыпки песка и дресвы (диам. 13, 14 см).

Из 22 красноглиняных фрагментов 21 фрагмент относился к «гладкой» посуде, а одна неорнаментированная стенка – к менее качественной посуде. Среди красноглиняной гладкой посуды: венчик типа 13/3 В (диам. 18 см; рис. 24, 6); венчик типа 3/4 Г (диам. 13 см) с линейным орнаментом по плечу (рис. 24, 5); ручка кувшина эллипсоидного сечения; 3 донца со следами подсыпок мелкого песка (диам. одного 12 см, угол отгиба стенки от линии днища – 120°); донце со следами подсыпки мелкого песка и дресвы.

По составу и морфологии посуды керамический комплекс из слоя 2 ямы 180 следует датировать концом XV – первой третью XVI в., учитывая находку стенки белоглиняного гладкого (без заметных примесей) горшка (со следами вторичного обжига) (Богомолов и др., 2012. С. 368–371. Табл. 3, 4. Рис. 7Б; Коваль, 2016а. С. 441, 450, 463, 465). Предположительно общую датировку формирования всего керамического комплекса из ямы 180 можно ограничить первой половиной XVI в.

В заполнении ямы 180а были найдены русская серебряная монета XV–XVI вв. плохой сохранности (рис. 3, Б, 2), несколько других вещевых находок и 285 обломков круговой керамической посуды (табл. 8; рис. 25, 26). В слое 1 заполнения ямы – 246 фрагментов. Среди 11 венчиков от белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах: 1 – типа 4/1 В с линией по шейке; 1 – 4/1 Г (диам. 17 см) с волнистой линией по шейке, 1 – 4/2; 1 типа 21/2 Б (диам. 20 см); 2 – 22/1 Г (диам. одного фрагмента с волнистой линией по шейке 16 см); 1 – 23/1 (диам. 20 см) с волнистой линией по шейке (рис. 24, 2); 1 – 24/1 Б (диам. 22 см) с волнистой линией по шейке; 1 – 29/1 с волнистой линией по шейке; 1 класса 39 (диам. 21 см); 1 типа 39/1 (диам. 16 см; рис. 25, 5).

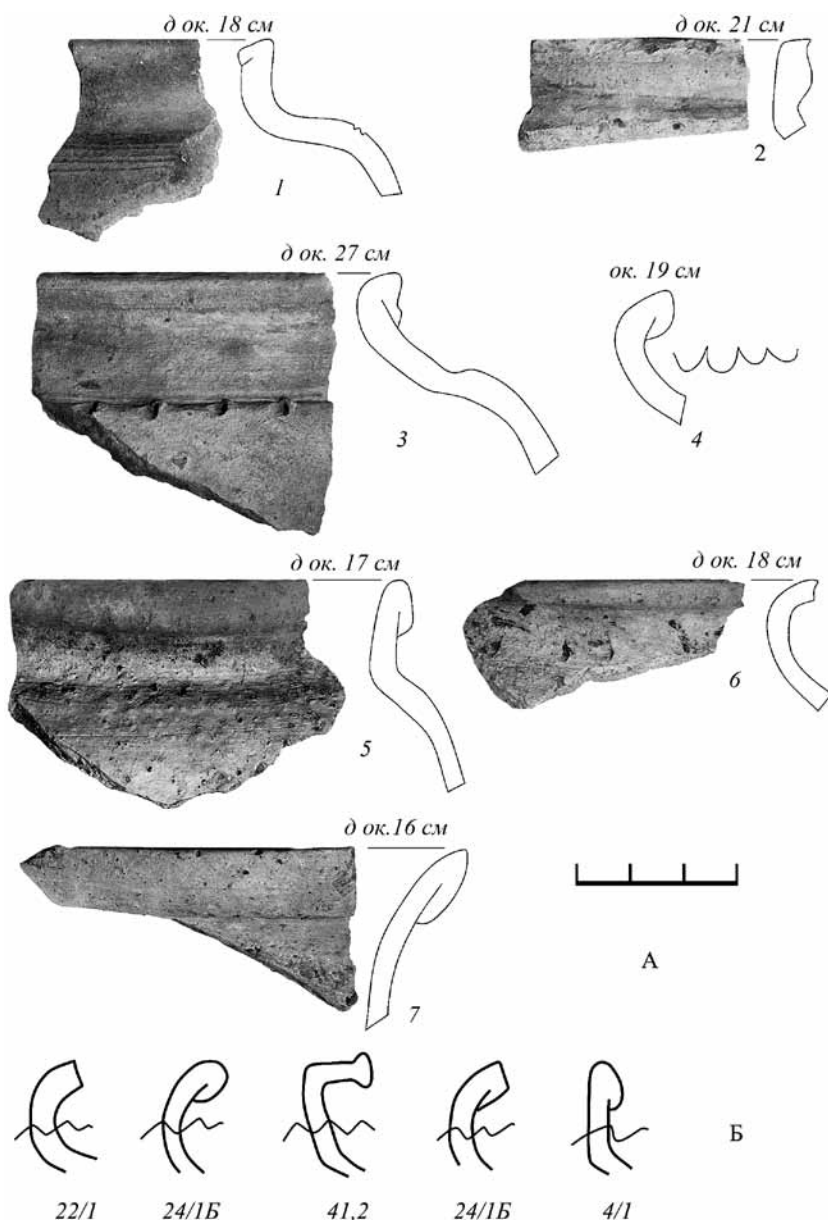

Рис. 27. Селище «Аэропорт Домодедово 2». Раскоп 1

А: я. 138, пл. 3. Фр-ты круговой посуды: 1 – красноглиняная с песком; 2–4, 6 – белоглиняная с песком и дрсвой; 5, 7 – из слабожелезненной глины с песком и дрсвой в формовочных массах. Б: предполагаемые типы венчиков (по В. Ю. Ковалю) белоглиняных горшков с примесями в формовочных массах XV – нач. XVI в.

Среди 7 венчиков белоглиняных сосудов с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: 1 типа 6/1 (диам. 14 см) с волнистой линией по шейке (рис. 25, 4); 123/1 (диам. 16 см) с волнистой линией по шейке (рис. 25, 1); 2 – 24/1 Б (диам. 17, 23 см) с вдавлениями палочкой по плечикам (рис. 25, 3, 7); 1 – класса 26 (диам. 22 см) с волнистой линией по шейке; 1 – типа 41/1 (диам. 26 см) с вдавлениями палочкой по плечу (рис. 25, 8); 1 – 41/2 В (диам. 20 см) с вдавлениями палочкой по плечу (рис. 25, 6).

Из сосудов, изготовленных из слабожелезненной глины с песком в формовочных массах: 2 (1) венчика (диам. 20 см) типа 4/2 Б (рис. 25, 9); венчик типа 22/2 с волнистой линией по основанию шейки; ручка кувшина с надрезами; 3 (2) донца (диам. 12 и 16 см) со следами песчаных подсыпок. Донце из слабожелезненной глины с песком и редкими включениями дресвы в формовочной массе (диам. 14 см) имело следы песчаной подсыпки.

Все красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах, найденные в слое 1, относились

Таблица 9. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы 137.

Пласты	Белоглин. с песком, %	Белоглин. с песком и дресвой, %	Белоглин. и из слабожелезн. глины без примесей, %	Красноглин. с песком, %	Всего, фр.	Датировка комплекса
1	73	3	6	14	226	Сер. – 2-я пол. XVI в.
2	69	4	5	9,6	187	
3	72	3	3	4	212	
4	82	1	5	7,3	151	
5	89	1	4,5	4	577	

к гладкой посуде. Среди них: 2 венчика типа 3/4 (диам. 16, 27 см); венчик типа 3/4 Г (диам. 21 см) с линейным орнаментом по плечу (рис. 25, 10); венчик кувшина с отогнутым и вертикально обточенным краем (диам. 10 см); донце (диам. 9 см) со следами песчаной подсыпки.

Таким образом, в составе керамического комплекса из слоя 1 ямы 180а белоглиняная гладкая (без заметных примесей) посуда составляла 4,9% (12 шт.). Это позволяет датировать окончательное формирование комплекса в рамках второй трети XVI в. (Богомолов и др., 2012. С. 368. Рис. 7А; Коваль, 2016а. С. 441). Однако комплекс содержал также фрагменты посуды конца XIV – XV в. К ним, прежде всего, следует отнести отмеченные венчики типов 6/1, 21/2Б, 22/1 Г, 22/2, 23/1.

В слое 2 ямы 180а было найдено 39 обломков круговой керамической посуды. Среди них – белоглиняное донце (диам. 12 см, угол отгиба стенки от линии днища – 123°) со следами песчаной подсыпки, принадлежавшее сосуду с песком в формовочной массе.

Из белоглиняной посуды с песком и редкими включениями дресвы в формовочных массах: венчик типа 4/1 Г (диам. 17 см) с вдавлениями палочкой по плечу (рис. 25, 2); 2 донца на подсыпках песка и дресвы (диам. 1 фрагмента с небольшой закраиной 17 см; угол отгиба стенки от линии днища – 125°); стенка столового сосуда (в том числе с редкими включениями крупной дресвы), расписанного линиями красного ангоба (рис. 26, 3).

Крупный фрагмент верхней части горшка из слабожелезненной глины с песком и дресвой в формовочной массе (цвет черепка – кремово-бежевый) имел венчик типа 24/1 Б (диам. 15 см) и линейный орнамент по изгибу плеча (рис. 26, 1). Три донца сосудов из аналогичных формовочных масс (диам. 14, 14, 16 см) имели следы подсыпок песка и дресвы.

Все красноглиняные фрагменты из слоя 2 принадлежали гладкой посуде. Среди них: 2 донца (диам. 13, 14 см) с небольшими закраинами

и следами подсыпок песка размером до 1 мм. На фрагментах краснолощенных кувшинов лощение было нанесено полосами.

Исходя из состава керамического комплекса из слоя 2, морфологии найденных фрагментов, его следует датировать концом XV – первой третью XVI в. (Коваль, 2016а. С. 463, 465). Предположительно общую датировку формирования всего керамического комплекса из ямы 180а можно ограничить первой половиной XVI в. Из сравнения таблиц 6–8 видно явное преобладание белоглиняной посуды в более поздней яме 179, по сравнению с керамическими комплексами из ям 180, 180а, а также – весьма схожие численные характеристики комплексов из ям 180, 180а. Очевидно, ямы 180, 180а относились к одному сооружению.

Сравнение керамических комплексов из расположенных рядом ям 137, 138 (рис. 2) позволяет понять, что яма 138 датируется первой половиной – серединой XVI в., учитывая, что в заполнение также попало небольшое количество фрагментов посуды конца XIV – XV в. (рис. 27, А), а яма 137 – серединой – второй половиной XVI в. (табл. 9; 10).

В итоге анализа керамических комплексов из раскопа 1, отметим, что обломки белоглиняной посуды с примесями в формовочных массах присутствовали во всех комплексах (содержавших не менее 100 фрагментов) конца XIV – первой четверти XVII в. (рис. 5; 6). Присутствие такой керамики в комплексах XV в. в Подмоскovie отмечено в последние годы и другими исследователями (Андреев, 2011. С. 252. Рис. 8, 4, 8; 20, 1; 24, 7. Уточнение сделано по итогам просмотра керамической коллекции; Чернов, 2017. С. 309, 310, 335, 336, 341, 342). Можно предполагать, что белоглиняные горшки XV в., фрагменты которых были найдены на поселении Аэропор. Домодедово 2, имели венчики типов 6/1 (рис. 25, 4), 6/2 (рис. 14, 5; 27, А, 6), 22/1, 24/1Б, 41/2 (рис. 9, 3–5, 7; 11, 4, 5; 25, 3; 27, А, 4; 27Б) (Полюях, 2016. С. 505, 506).

Предварительный обзор итогов раскопок селища Аэропор. Домодедово 2 свидетельствует, что

Таблица 10. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы 138.

Пласты	Белоглин. с песком, %	Белоглин. с песком и дрсвой, %	Белоглин. без примесей, %	Красноглин. с песком, %	Всего, фр.	Датировка комплексов
1	56	1 фр.	1 фр.	27	85	Сер. XVI в.
2	18	42	5	22	78	XV – сер. XVI в.
3	38	18	3	26	107	Кон. XIV – сер. XVI в.
4	25	23	0	30	53	Кон. XIV – 1-я тр. XVI в.

поселение, возникнув в XIII в., в XV–XVI вв. достигло расцвета, а исчезло в результате катастрофических событий, постигших Русское государство в первых десятилетиях XVII в. При несомненном сельском характере поселения находки на его территории двух зубчатых колесиков

от шпор XIV–XV вв., фрагментов стремян, вероятно, наконечника для плетки (рис. 3, А, 5, 6, 8; 4, 10), бронзового мужского перстня (рис. 4, 2) свидетельствуют о пребывании на его территории и каких-то военно-служилых людей (*Богомолов и др.*, 2016. С. 181).

Литература

Андреев С. И., 2011. Исследования селища Городок 1 // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 249–267.

Археология Романова двора: Предыстория и история центр. Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с. (Мат. охранных археологических исследований. Т. 12).

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 366–388.

Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2015. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 338–411.

Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2016. Раскопки средневекового селища Боброво 2 // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 173–205.

Болдин И. В., 2012. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга. 172 с.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М. С. 95–162. (Тр. ГИМ. Вып. 150).

Гоняный М. И., 2011. Отчет об археологических изысканиях под участок строительства объекта «Реконструкция и развитие аэропорта «Домодедово». Объекты Федеральной собственности (первая и вторая очередь строительства)». Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 29523.

Гоняный М. И., 2014. Отчет о проведении детальных археологических разведок на селищах 1, 2, 3, 5, 6 «Аэропорт «Домодедово», расположенных в городском округе Домодедово Московской области в 2014 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 42019, 42020.

Гриценко Т. А., Пуцко В. Г., 2000. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист. С. 208–222.

Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с. (Археология).

Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л.: Наука. 104 с.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула: Инфра. С. 251–265.

Коваль В. Ю., 2016а. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 437–475.

Коваль В. Ю., 2016б. Первичная фиксация масового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН.

126 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9).

Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 153–183.

МК. М.: ИА РАН, 1991. 198 с.

Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2011. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 155–167.

Полюях А. А., 2016. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 476–546.

Пронин Г. Н., 2015. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селищах 2 и 5 «Аэропорт «Домодедово» в Домодедовском районе Московской области в 2015 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 50566.

Савельев Н. И., Сергеев А. Ю., Чернов С. З., 2016. Усадьба служилого человека 1540–1550-х годов на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 года // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 299–332.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Соловьев Д. Б., 2013. Отчет об археологических изысканиях под участок строительства объекта «Реконструкция и развитие аэропорта «Домодедово». Объекты Федеральной собственности (первая и вторая очередь строительства)» в 2013 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36720.

Соловьев Д. Б., 2015. Отчет об охранных научно-исследовательских спасательных археологических работах, проведенных на селище 2 «Аэропорт «Домодедово» в Домодедовском районе Московской области в 2015 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 57034–57040.

Ульянова Т. Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 195–221.

Чернов С. З., 2005. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М.: Наука. 651 с. (Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2).

Чернов С. З., 2017. Двор с монетными весами в деревне Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 309–345.

V. V. Bogomolov, O. A. Brusentsov, E. O. Volodin,
D. B. Soloviev, G. A. Shebanin, & A. V. Shekov

Some conclusions concerning the archaeological studies carried out at the site of Moscow Domodevo-2 Airport

Summary

A study is presented of ceramic materials from excavations at 14th–16th century sites in this area of southern Moscow County Region. The paper presents

a detailed description of the ceramic finds, including suggested dating, and close analogies to the items recovered.

А. Н. Смирнов, А. В. Алексеев
Институт археологии РАН, Москва

Стратиграфия и хронология селища Игнатьево 2 по материалам охранных раскопок 2015 года

Осенью 2015 г. Подмосковной экспедицией Института археологии РАН проводились охранные исследования селища Игнатьево 2 (XIV–XVIII вв.) в черте современного г. Звенигорода. Изученный в ходе упомянутых работ комплекс усадьбы вотчинника включал заглубленные остатки двух крупных построек или помещений, являвшихся частями единого хоромного строения. Он дал обильный керамический материал и большое количество индивидуальных находок, включая серию предметов вооружения. Наиболее значительной находкой стал вещевой клад, содержащий два богато декорированных шлема и ряд других железных предметов (Смирнов, Алексеев, Двуреченский, 2018). Не меньший интерес представляет стратиграфический контекст существования усадьбы. Пролить свет на этот вопрос позволило изучение соседних участков, чему посвящена настоящая статья.

Селище размещается на дюнной гряде в пойме, в 350 м от левого берега р. Москвы. Охранным раскопкам подверглась северо-западная часть памятника, в 30 м к юго-западу от границы старинного кладбища с. Игнатьевское (рис. 1). Постепенно разрастаясь на протяжении XX в., оно стабилизировалось в существующих границах и к настоящему моменту занимает весь центр ранее существовавшего села. В глубине существующего кладбища находятся церковное место и средневековый некрополь. Соответственно, историческое ядро памятника, по всей видимости, уничтожено сплошным кладбищенским перекопом. Раскоп площадью 2000 кв. м имел в плане форму прямоугольника размером 40×50 м, для удобства фиксации поделен на четыре участка. Он расположен длинной стороной к кладбищу поперек дюнной гряды (останец древнеаллювиальной террасы), за-

нимая ее наиболее возвышенную часть, а также северо-западный и юго-восточный склоны (рис. 1). Нивелировка поверхности до начала работ показала, что участок исследований имел плавные равномерные уклоны в южном и северном направлениях. Перепад высот в пределах раскопа составлял около 70 см. Подлежавшая вскрытию площадь представляла собой задернованный участок, поросший густым травостоем.

До момента начала работ предполагалось, что намеченная для исследования часть памятника является периферийной, а потому обнаружение здесь существенных остатков средневекового поселения, в том числе крупных археологических объектов, представлялось маловероятным. Не занятая сельским кладбищем территория памятника на протяжении всего XX в. подвергалась интенсивной механизированной распашке, что также не предвещало сохранения непо потревоженных культурных напластований. Рекогносцировочная шурфовка, предварявшая основной объем натурных исследований, дала первичную информацию о состоянии исследуемой части памятника и, в общем, подтвердила имевшиеся представления, хотя в то же время показала более сложную картину распространения культурных остатков на вскрываемой площади. Всего было заложено девять стратиграфических шурфов по 16 кв. м (4×4 м), равномерно распределенных по территории будущего раскопа. Грунт в границах шурфов выбирался до материка.

В восьми из девяти шурфов существовавший когда-то культурный слой, действительно, оказался полностью турбирован многолетней распахиваемой площадки селища. Пахотный слой, представляющий собой серую супесь, доходит здесь до ма-

Рис. 1. Селище Игнатьево 2 (на территории городского поселения Звенигород, Московская обл.).
План западной части памятника с указанием места раскопок 2015 г.

а – граница селища

терика. Его мощность варьирует от 0,40 до 0,15 м (на участке с повышенным рельефом под дорогой), составляя в среднем около 0,35 м. Материк сложен дюнным песком желтого цвета различной интенсивности. В одном из шурфов (шурф 7) стратиграфическая ситуация существенно отличалась. Шурф заложен в восточной части будущего раско-

па, на месте естественного понижения. Здесь материк залегал на глубине более 0,5 м. Грунт, находящийся над ним, стратиграфически членился на две части, хорошо определяемые визуально. Сверху под дерном находился пахотный слой мощностью около 0,3 м. Ниже – сохранившийся культурный слой мощностью 0,2–0,3 м, при-

чем в юго-восточной части шурфа культурные отложения были еще мощнее. Цвет пахотного слоя в шурфе 7 отличался более интенсивной гумусированностью по сравнению с аналогичным слоем в остальных шурфах и приближался к темно-серой супеси. Залегавший ниже не потревоженный культурный слой представлял собой темно-серую супесь с многочисленными включениями угля и пещины. Имелись прослойки материкового песка, углистой супеси и золы, а также пещины. Несмотря на схожесть окраски двух упомянутых слоев, нижняя граница пахотного горизонта была различима.

В восьми шурфах собран немногочисленный керамический материал (20–30 фрагментов с шурфа). Это главным образом мелкие обломки сосудов, относящихся к позднему Средневековью и Новому времени. Преобладает красноглиняная керамика, а также посуда, изготовленная из слабожелезистых глин с минимальным количеством включений в составе формовочной массы. Значительную долю составляла белоглиняная посуда (главным образом, с гладкой поверхностью). Также имеется некоторое количество чернолощеной (в том числе, с разреженным лощением). Керамический материал из шурфа 7 существенно отличается как количеством, так и разнообразием. Сохранившийся здесь культурный слой был насыщен керамикой и костями животных. Из пахотного слоя также происходил обильный материал. В общей сложности собрано около 230 обломков сосудов, значительная часть которых имела средние и крупные размеры (5–7 см в поперечнике). В составе собранного материала присутствует разновременная керамика. Однако обращает на себя внимание наличие статистически значимой доли (15%) керамики, по внешним признакам относимой к раннему периоду существования поселения XV–XVI вв. В значительном количестве собраны фрагменты столовой посуды, прежде всего, кувшинов. Имеются как белоглиняные (преобладающее число обломков), так и краснолощенные (с рифлеными горловинами), а также чернолощенные сосуды.

Переходя к находкам, следует отметить, что практически во всех шурфах при исследовании пахотного слоя обнаружено некоторое количество железных предметов, относившихся к массовому материалу. Они представлены, главным образом, коваными гвоздями различных типов (в т. ч. подковными и сапожными), а также обломками ножей, дверными пробоями и неопределимыми кусками железа. Значительная часть из них, несомненно, относится к этнографическому периоду (XIX – начало XX в.). Помимо этого, обнаружено

четыре предмета из цветного металла (меди и медного сплава): медная монета «полушка» середины XVIII в., фрагмент фигурной накладки, нательный крест, повторяющий по форме «лопастные» наперсные кресты, и наконечник ремня с растительным орнаментом, выполненным в барочной стилистике.

В данном отношении опять же выделяется шурф 7. Непосредственно из культурного слоя здесь происходят семь вещевых находок: медная позднесредневековая монета ручного чекана, нательный крестик медного сплава, обломок кавалерийской шпоры, белокаменное рыболовное грузило, железный дверной пробой, обломок шила, железная сапожная подковка. Кроме того, неожиданно стало обнаружение фрагментов печных красных рельефных изразцов. Всего в пахотном и культурном слоях найдено восемь таких фрагментов, два из которых склеивались. За исключением одного, представляющего собой часть пластины с бордюром и элементами растительного орнамента, все обломки принадлежат изразцовым перемышкам, имеющим вид витого жгута. Все фрагменты сохранили остатки побелки с добавлением толченой слюды, некоторые имеют следы пребывания в пожаре. Помимо этого, обнаружено полтора десятка фрагментов изразцовых румп. Кроме шурфа 7, изразцовые фрагменты обнаружены лишь в шурфе 8, который находится на 16 м севернее. Это две совпадающие части лицевой пластины красного рельефного изразца с элементами растительного орнамента.

После завершения выборки грунта проведения зачистки вскрытой поверхности шурфов. Пятна заглубленных объектов (ям) выявлены только в двух шурфах. В шурфе 9 (в северной части исследуемой площади) на поверхности материка зафиксировано пятно ямы, уходившей в северо-восточный борт (за границы будущего раскопа). Как показали последующие исследования, оно принадлежало позднему объекту, не имеющему отношения к средневековому поселению. Контуры ямы в виде пятна темно-серой и углистой супеси округлой формы выявлены также в шурфе 7. Они четко выделялись на фоне недобранного слоя серой, темно-серой и темно-коричневой супеси. Данный объект (получивший впоследствии обозначение яма 1) дал выразительный средневековый материал.

Как показали результаты шурфовок, на основной исследованной шурфами площади (за исключением шурфа 7) культурный слой практически полностью деструктурирован и переработан в процессе длительного агротехнического воздействия,

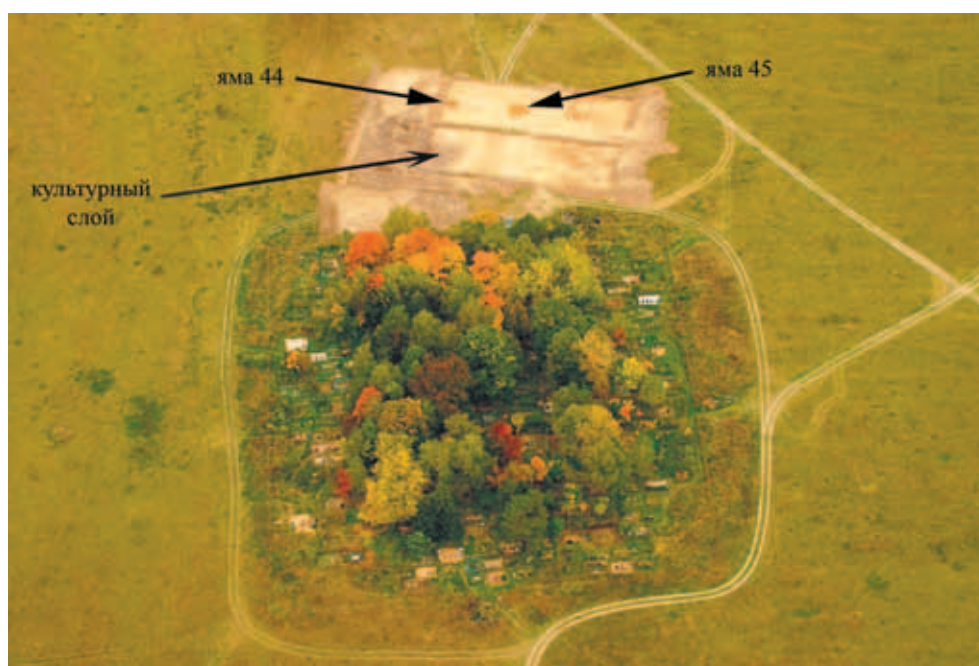

Рис. 2. Селище Игнатьево 2. Вид с высоты птичьего полета на кладбище и раскоп 2015 г.

керамический материал малочисленен и невыразителен, индивидуальные находки встречаются спорадически, а заглубленные объекты отсутствуют во все либо представлены поздними перекопами неясного назначения. Подобная ситуация вполне характерна для периферийных участков распаханых селищ или зон их хозяйственного освоения, находящихся за установленными границами памятников. Принимая во внимание результаты дальнейших площадных вскрытий, неоспоримо свидетельствующих о присутствии здесь средневековой сельской застройки, следует признать ограниченную релевантность примененной методики, по крайней мере, для решения ряда ключевых задач, в первую очередь, – определения «археологической насыщенности» исследуемых территорий. Не попавшие в границы шурфов и впоследствии обнаруженные крупные археологические комплексы XVI–XVII вв. «аккумулировали» основную (притом весьма значительную) массу керамического и вещевого материала, что никак не соотносилось с данными шурфовок, проводившихся на той же самой площадке. Таким образом, хотя количество, концентрация и размер заложенных шурфов существенно превышали аналогичные показатели, принятые при стандартном обследовании местности с целью установления границ памятника, данные работы не позволили отразить реальную планиграфическую ситуацию, связанную с непростой структурой селища.

Вместе с тем, выявление участка с сохранным культурным слоем эпохи Средневековья, обладающего повышенной информативностью и научной ценностью, придало дополнительный стимул проводимым работам.

Территория залегания средневекового культурного слоя находится в юго-восточной половине участка 2, т.е. в восточной и юго-восточной частях раскопа. Она расположена к востоку-северо-востоку от крупных комплексов (ямы 44 и 45) на соседнем участке 4 (рис. 2, 3). Слой залегал в местах естественного понижения рельефа, где прослежена соответствующая рельефу стратиграфическая ситуация, более сложная, нежели на остальной площади, охваченной исследованиями. Пахотный слой здесь отличался более интенсивной гумусированностью и несколько большей мощностью. Он характеризовался средней степенью насыщенности керамикой и остеологическими остатками, а также содержал значительное количество индивидуальных находок. Ниже находился слой, не затронутый распахкой, – темно-серая супесь с углем и печиной, насыщенная керамическим и остеологическим материалом. Его визуальное отличие от вышележащего грунта устанавливалось по выраженному темному цвету и нетурбированной структуре. Для такой структуры характерно наличие крупных керамических фрагментов, крупных включений угля

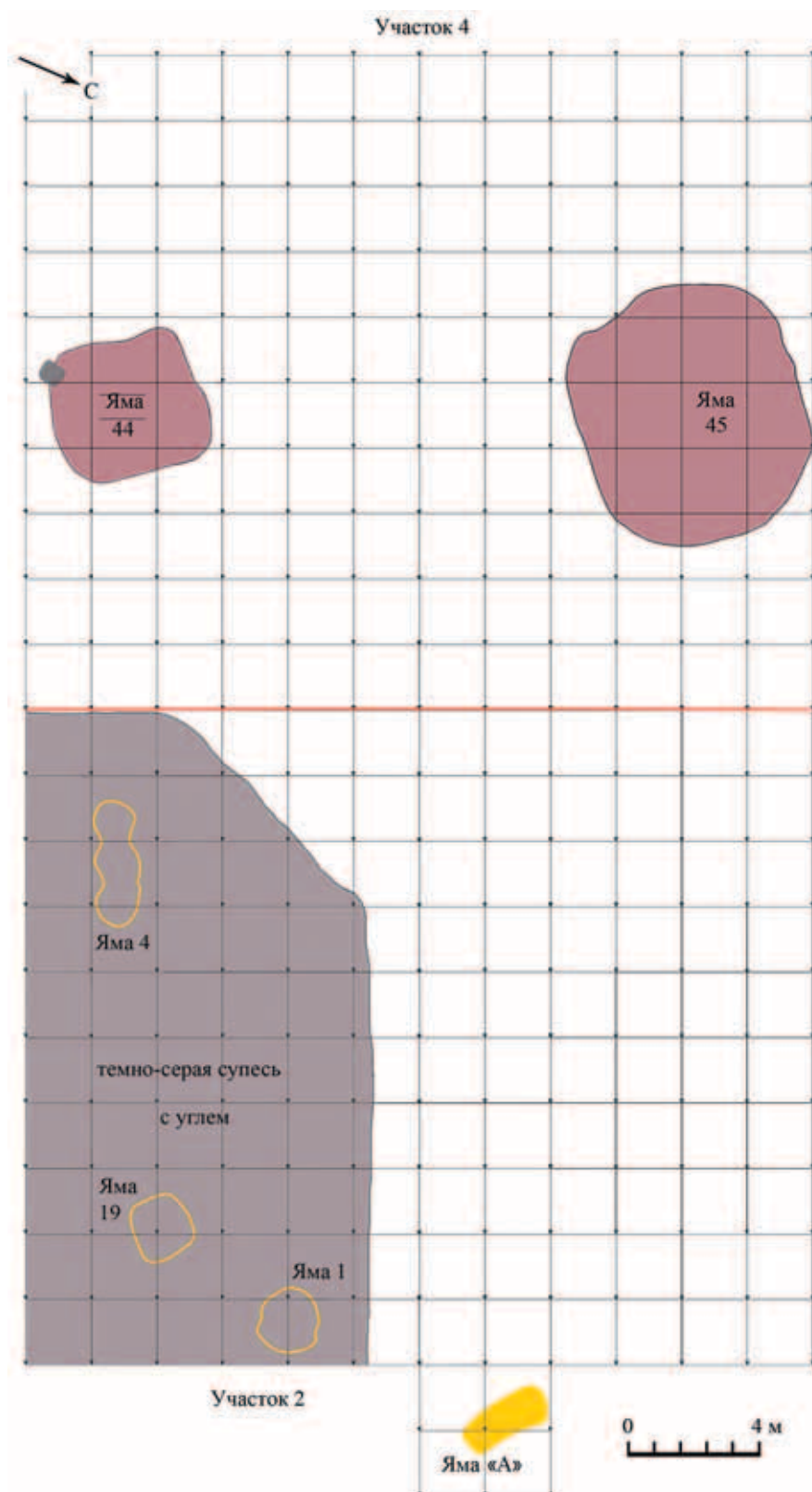

Рис. 3. Селище Игнатьево 2. Сводная схема участков 2 и 4 с указанием исследованных объектов (материковые ямы и культурный слой в заполнении природной ложбины)

Рис. 4. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Сохранившийся культурный слой. Вид с юго-запада. На заднем плане – игнатьевское кладбище

и пещины, потревоженных прослоек, локальная концентрация отдельных культурных остатков и т.д. Пятно слоя примыкало к юго-восточному и северо-восточному бортам раскопа, продолжаясь за его пределами. Общая площадь вошедшей в границы раскопа части пятна темно-серой супеси составила около 190 кв. м (рис. 3, 4).

Поверхность слоя темно-серой супеси не была однородной. Помимо хаотичных включений древесного угля и пещины, на ней зафиксированы более или менее выраженные пятна углистой супеси и золы, а также крупные пятна материкового песка, как правило, перемешанного с темно-серой супесью. Все пятна имеют размытые очертания. В процессе работы выяснилось, что и сам слой залегал неравномерно, образуя местами локальные массивы. При средней мощности около 20 см, она в некоторых местах достигала полуметра, а в восточном углу раскопа и по краям слой истончался до 5–10 см. Угольные и зольные пятна фиксировались в толще слоя при его разборе.

Под слоем темно-серой супеси с углем было выявлено и зачищено обширное пятно коричневой и темно-коричневой супеси, которое занимало площадь несколько менее 100 кв. м (далее этот слой будет именоваться темно-коричневой супесью, поскольку грунт темных тонов преобладал). В результате зачистки на его поверхности были зафиксированы бессистемно расположенные угольные пятна площадью от 0,4 до 6,0 кв. м. Они про-

слеживались и далее вглубь слоя. Мощность отложений темно-коричневой супеси составляла от 20 до 37 см. Этот слой был слабо насыщен керамикой и индивидуальными находками. В шести занятых слоем квадратах, примыкающих к северо-восточному борту раскопа, под темно-коричневой супесью находился слой темно-серой супеси с углем мощностью 10–15 см, практически не содержащий керамического материала и находок. Еще ниже в тех же квадратах отмечен предметный слой, состоявший из смеси темно-серой супеси и желтого материкового песка, мощностью 5–10 см. Керамика и находки в нем также отсутствовали. Кроме того, после снятия темно-коричневой супеси в восточном углу раскопа непосредственно на поверхности материка был прослежен тонкий (2–3 см) слой светлой подзолистой супеси с мелкими угольками, содержащий фрагменты лепной керамики. Стратиграфия культурных напластований хорошо читается в зачищенном профиле северо-восточного борта раскопа (кв. 21–25) (рис. 5, 6).

Характер залегания слоя темно-коричневой супеси соответствовал естественному рельефу поверхности раскопа. Упомянутый слой заполнял природную ложбину, которая была выявлена на участке 2 лишь в процессе последовательного удаления культурных напластований. Ложбина имела неправильные очертания. Ее внешний край угадывался по понижению уровня материка

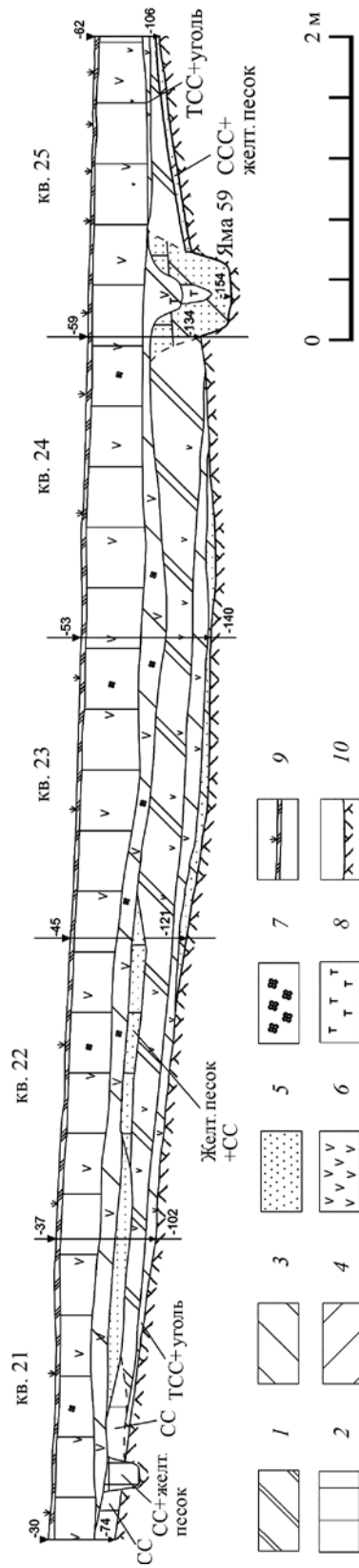

Рис. 5. Графическая фиксация части профиля северо-восточного борта раскопа. Стратиграфия заполнения природной ложбины

1 – темно-коричневая супесь (ТКС); 2 – серая супесь (СС); 3 – темно-серая супесь (ТСС); 4 – светло-серая супесь (ССС); 5 – желтый песок; 6 – уголь; 7 – почва; 8 – древесный тлен; 9 – дерн; 10 – материк

Рис. 6. Фото части зачищенного профиля северо-восточного борта раскопа. Стратиграфия заполнения природной ложбины. Вид с юго-запада

до отметки -80 см. Ложбина занимала практически всю площадь юго-восточной половины участка. Юго-восточный борт раскопа (и, соответственно, граница участка) проходил по юго-восточному склону ложбины. Здесь наблюдалось повышение материковой поверхности в сторону борта. Дно ложбины зафиксировано в четырех квадратах, удаленных примерно на 2 м от юго-восточного и северо-восточного бортов раскопа. Ее абсолютная глубина в границах раскопа составляла около 0,7 м. Материковый грунт на склонах и дне представлял собой желтый песок с заметным присутствием мелкого щебня, особенно в донной части. Как показало наблюдение за стратиграфией северо-восточного борта раскопа, природное углубление, ориентированное по направлению юго-запад – северо-восток, продолжалось и далее, за пределы исследованной территории (рис. 5, 6).

Основная масса керамического материала, собранного с участка 2, происходит из слоя темно-серой супеси с углем (1603 обломка). В его состав была также включена керамика из пахотного слоя, залегавшего над темно-серой супесью. Такое включение оправдано общим генезисом обоих слоев.

В составе керамического материала из слоя темно-серой супеси нельзя выделить какой-то абсолютно доминирующей группы. Тем не менее, следует отметить очень значительное присутствие керамики, изготовленной из формовочной массы с естественной примесью мельчайшего песка. На ее долю приходится 658 фрагментов или 41% от общего количества керамических остатков. Часть из них (327 шт.) принадлежала красноглиняным сосудам (почти исключительно – горшкам), прошедшим полный окислительный обжиг. Имеются также 62 фрагмента от схожих по тесту и обжигу сосудов из светложгущейся (слабоожеженной) глины. Другая часть (210 шт.) относится к сосудам, изготовленным из аналогичной глины, но обжигавшимся в восстановительном режиме.

Переходя к конкретным посудным формам, следует заметить, что использование «чистой» «песчанистой» глины в качестве керамического сырья само по себе является достаточно поздним признаком и прослеживается в материалах западного Подмосковья лишь с XVI в. Освоение этого сырья происходило в рамках нескольких технологических традиций и, судя по всему, породило немало микрорегиональных и хронолокальных разновидностей. Их изучение находится в начальной стадии. Материалы селища Игнатьево 2 дают пример такой вариативности. Судя по внешнему виду профилированных фрагментов, наиболее ча-

сто в составе коллекции встречается тип горшка с округлым довольно крутым плечиком, имеющим резкий «ломаный» переход к венчику. Венчик у таких горшков укороченный, «сглаженных» очертаний, немного отогнут наружу, черновой край завернут вовнутрь, шейка практически не выражена (рис. 7, 53, 54). Рассмотренная разновидность керамики, скорее всего, является результатом специфического местного копирования «столичных» керамических форм. Время ее производства, видимо, относится ко второй половине XVI – первой половине XVII в. Три крупных венчика горшков из подобной массы отличались частичной редуцированностью. Один из них имеет овальную форму и укорочен настолько, что переход к плечу начинается непосредственно от валика, оформляющего край сосуда, (т. е. буквально – из недооформленного венчика) (рис. 7, 14). Два других отличаются от описанного приостренной формой и плавным изгибом при переходе от внешнего края к плечу (рис. 7, 73, 78). На памятниках в окрестностях Звенигорода такие горшки датируются XVIII в., но появляются, скорее всего, еще в предыдущем столетии.

Заслуживают внимания еще два венчика из «песчанистой» глины. Один из них имеет овальное сечение края, другой – слегка приострен. У обоих над покатым плечиком нанесен орнамент в виде волны (рис. 7, 51, 56). Украшение шеек сосудов орнаментальной волной обычно для местной керамики XIV–XV вв. В материалах данных раскопок такой тип декора встречается редко, что может служить важным хронологическим индикатором. Возможно, волна на описанных венчиках является основанием для их более ранней датировки в пределах XVI в. В коллекции также присутствует венчик сосуда из похожей формовочной массы, напоминающий формой московскую красноглиняную «гладкую» керамику (рис. 7, 72). Если это результат «прямого» подражания, его можно отнести к первой половине – середине XVI в.

Завершая обзор керамики из «песчанистой» глины, следует упомянуть еще одну региональную разновидность, выделяемую по специфическому качеству сырья в отдельную категорию. В составе керамического материала присутствуют 46 обломков (2,9%) сосудов, имеющих характерную слоисто-песчанистую, рыхлую на вид, текстуру черепка. Большая часть упомянутой керамики изготовлена из слабоожеженных глин с естественной (иногда очень заметной) мелкодисперсной примесью слюды и вкраплениями зерен гематита. Цвет черепка варьирует от густо-розового

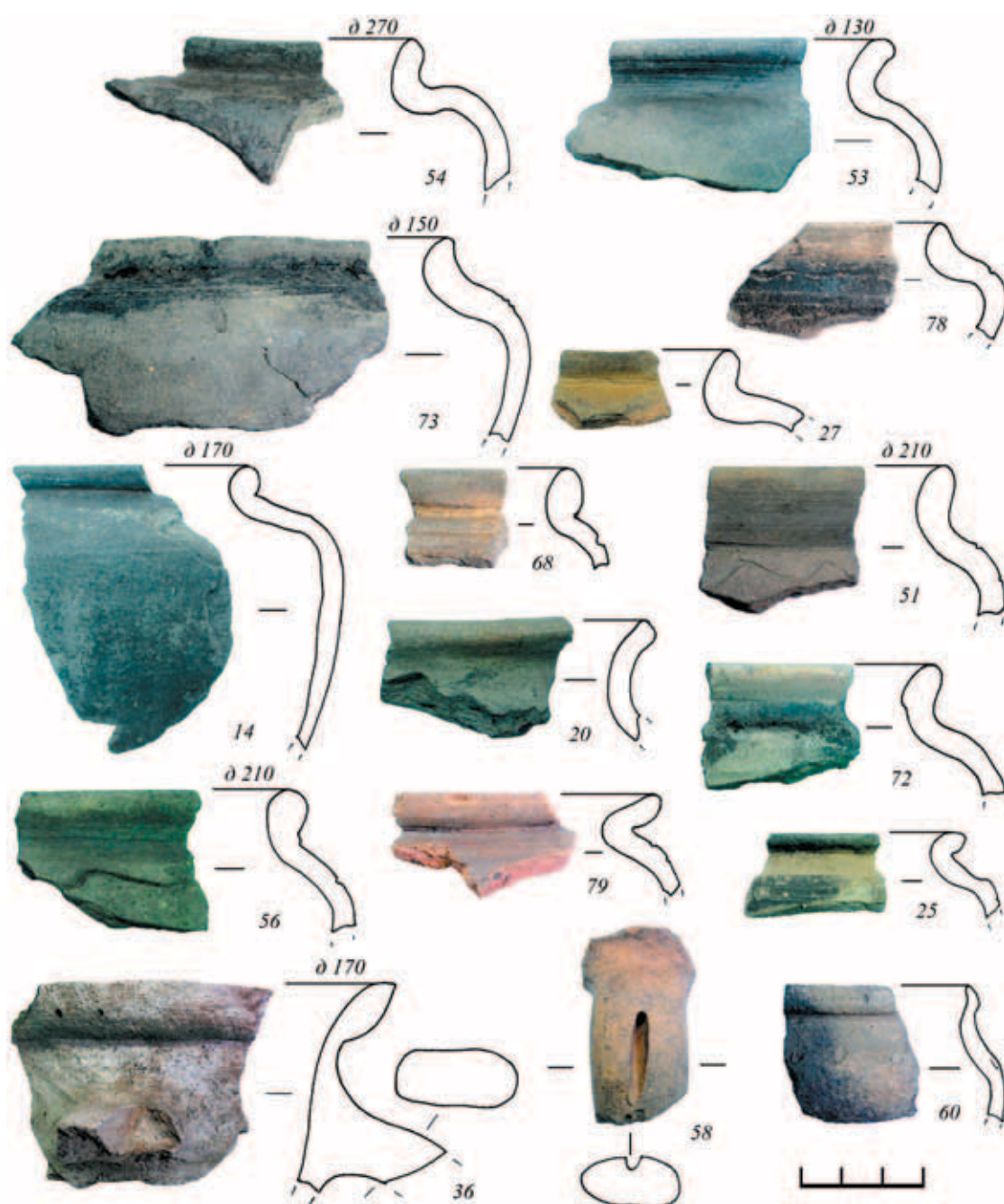

Рис. 7. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Фр-ты керамической посуды из слоя темно-серой супеси с углем

до почти белого. Верхние части сосудов завершаются вертикальным или отогнутым наружу венчиком «скругленных» очертаний, шейка очень короткая, плечики, как правило, крутые, орнаментированные несколькими витками горизонтальных линий (рис. 7, 27, 79). Вместе с тем есть сосуды со слабовыраженными пологими плечиками и овальной формой венчика (рис. 7, 68). Данная керамика является продукцией западноподмосковных производственных центров. Хотя точное

место ее изготовления остается неизвестным, накопленный материал дает основания для некоторой локализации. Она была впервые выделена и описана при исследовании комплекса гоудуновского дворца в селе Большие Вязёмы Одинцовского района, получив условное наименование «керамика вязёмского типа». Подобная керамика встречается практически на всех позднесредневековых памятниках в округе Звенигорода, но везде представлена лишь одним типом сосудов – горшками

различных размеров. Помимо специфической формовочной массы, эти горшки выделяются характерной морфологией, в которой можно видеть довольно грубое подражание московской красноглиняной посуде конца XV – первой половины XVI в. (красноглиняной гладкой). Как показывают результаты полевых исследований, описанная керамика появляется в первой половине XVI в. и продолжает существовать в последующее столетие, возможно, отчасти компенсируя дефицит привозной белоглиняной посуды. Очевидно, прочность керамической традиции обеспечивалась простотой изготовления при постоянно устойчивом спросе на кухонную посуду, которой, по сути, ограничивался ассортимент такой керамики. Ее ареал охватывает части территорий Одинцовского, Истринского и Красногорского районов Московской области (Смирнов, 2005. С. 150. Рис. 5, 16; 6, 4, 5, 11; Коваль, 2010. С. 196–200. Рис. 1–4). В частности, аналогичная посуда отмечена среди материалов селища Захарово-1 в Истринском районе (Булыкин и др., 2008. С. 260. Рис. 16, 1, 3).

Керамика из красножгущейся глины с примесью разноразмерного песка в тесте (окислительно-го обжига) насчитывает 121 фрагмент (7,5%). Очевидно, подобная посуда имеет очень значительный временной диапазон. Судить о времени ее производства можно лишь по оформлению профилированных частей конкретных экземпляров. В составе керамической коллекции имеется лишь один фрагмент, который можно безоговорочно датировать XV в. Он принадлежал горшку с плавно отогнутым наружу венчиком. Торцевая сторона венчика срезана под прямым углом. По внешнему краю имеется едва заметный «наплыв» (рис. 7, 20). Профилированные подобным образом сосуды хорошо известны по работам в окрестностях Звенигорода. Они бытуют, главным образом, на сельских памятниках и относятся ко времени «до XVI в.». Еще один фрагмент оставляет свободу для интерпретаций. Это венчик «округло-приостренной» формы, расположенный под углом 90° к скошенной вовнутрь шейке. Плечико выделено отчетливым ребром. Под плечиком видна полоса линейного орнамента (рис. 7, 25). Венчики такой формы известны в комплексах, датируемых первой половиной XV в. Видимо, данный экземпляр также допустимо отнести к раннему периоду.

Среди собранного материала присутствуют два обломка сосудов местного производства, морфологически восходящих к типу красноглиняной гладкой керамики. Их венчики сглаженных очертаний слегка отогнуты наружу, шейки не выражены, пе-

реход от венчиков к округлым плечикам довольно резок. На плечико нанесен многорядный линейный орнамент (рис. 8, 41, 55). В тесте этих горшков заметно присутствие среднеразмерного песка и зерен гематита. Последнее является характерной особенностью местных формовочных масс. Стоит отметить крупный фрагмент горшка, собранный из обломков, которые залежали в виде локального скопления. Он также изготовлен из красножгущейся глины с примесью мелкого и среднеразмерного песка в тесте. Фрагмент имеет «припухлый» отогнутый наружу венчик, слабо выраженную шейку и пологое плечико. По плечику прочерчено несколько витков линейного орнамента (рис. 8, 3). Данный образец, безусловно, представляет местное производство, причем, в минимальной степени затронутое внешними влияниями. Все три описанных венчика, судя по всему, связаны с продолжением местных керамических традиций, уходящих в XIV–XV вв. На исследованном памятнике их уместно было бы датировать не позже второй половины XVI в. Заслуживают внимания также два обломка стенок от тонкостенного (толщина 3 мм) сосуда, скорее всего, кувшина. На их внешней поверхности присутствует декор, состоящий из частой волны, помещенной между витками линейного орнамента (рис. 8, 22). Еще несколько стенок кувшинов и часть ручки с продольными надрезами были изготовлены из теста с примесью мелкого песка (рис. 7, 58). Кроме того, есть единственный ангобированный фрагмент, тоже видимо, от сосуда XVI в.

Ряд обломков принадлежит красноглиняным горшкам с крупным песком в тесте. Судя по архаичной профилировке венчиков, это, скорее, продукция сельских керамических мастерских, функционировавших в XVIII в. и производивших малые партии продукции для нужд местного населения (рис. 7, 60; 8, 76). Один из них имел на плечике орнаментацию в виде ряда ямок.

Белоглиняная керамика с мелким и средним песком в составе формовочной массы (гжельского производства) представлена горшками и кувшинами – 258 обломков (16% от всего собранного материала). По меньшей мере 62 фрагмента принадлежали кувшинам (ручки, венчики, обломки стенок), различавшимся по форме ручек. Наиболее ранними являются сосуды с ручками в виде плоской или плоско-выпуклой полосы с косыми надрезами (рис. 8, 43, 50). Такие кувшины преимущественно датируются второй половиной XVI в. Среди собранного материала имеются обломки круглых, овальных, плосковыпуклых, «брусковидных»

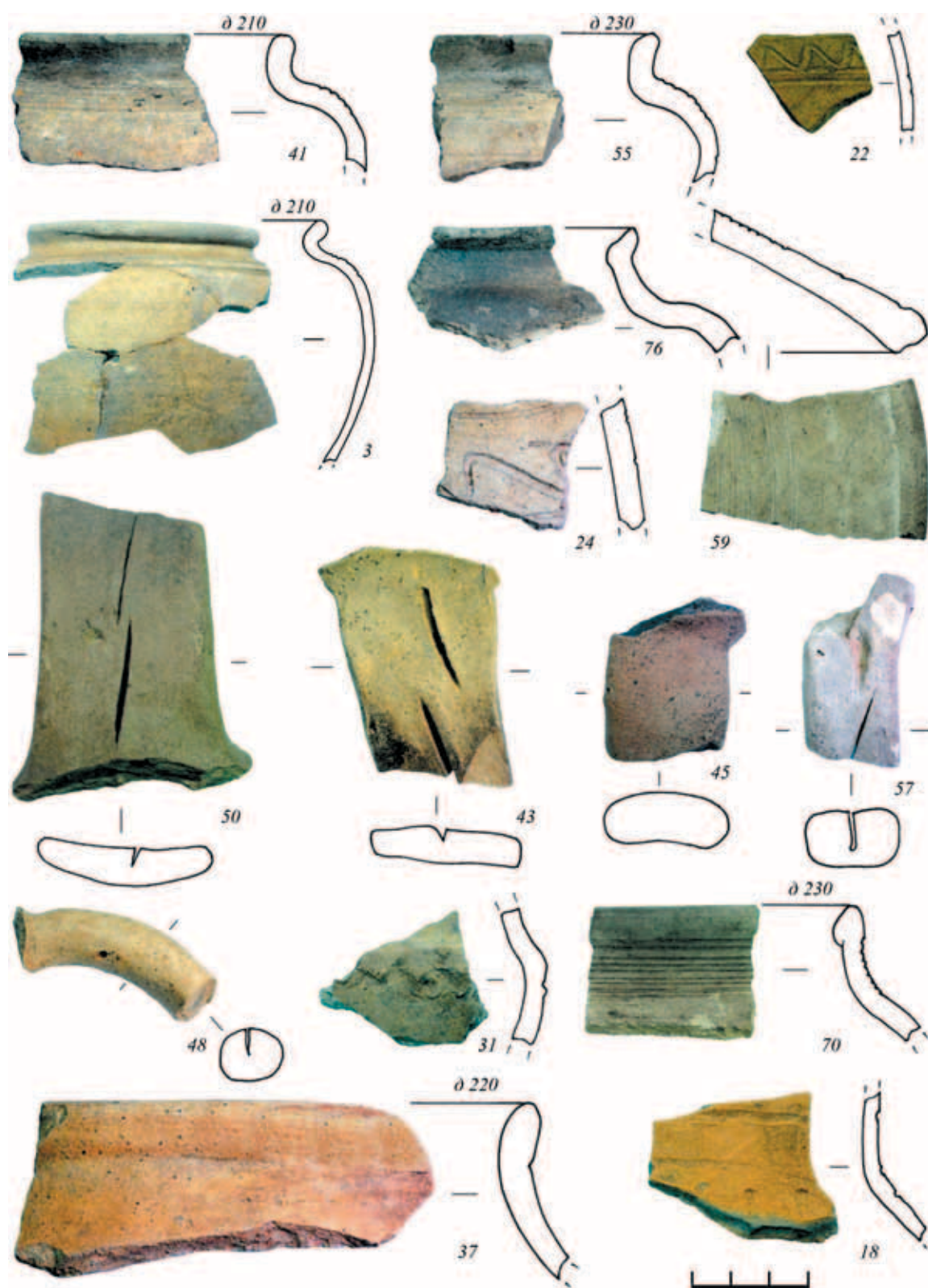

Рис. 8. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Фр-ты керамической посуды из слоя темно-серой супеси с углем

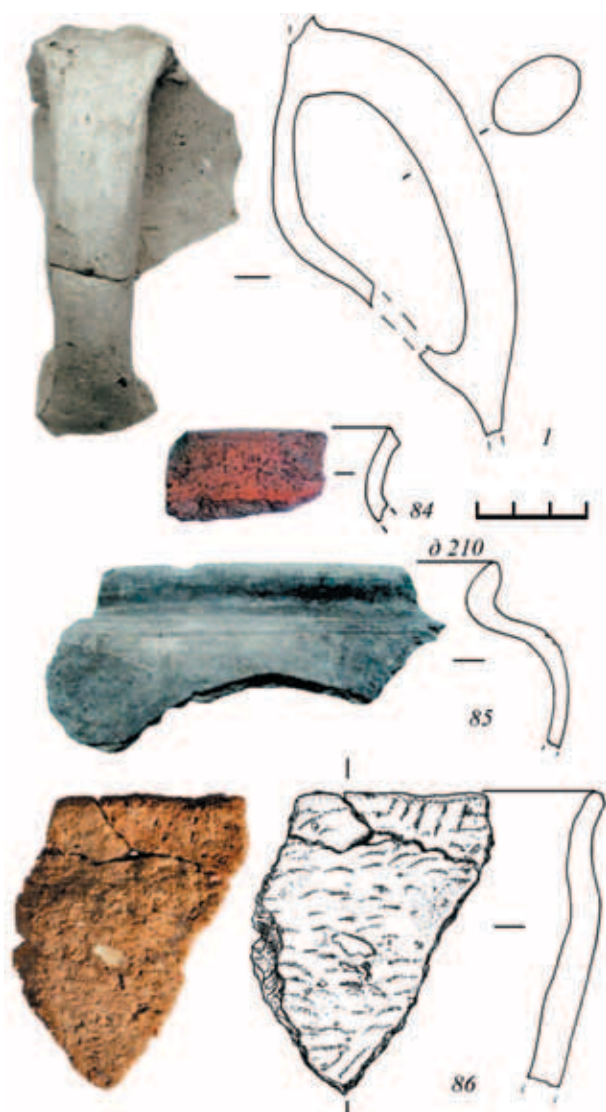

Рис. 9. Селище Игнатьево 2. Участок 2.
Фр-ты керамической посуды из темно-серой супеси
с углем (1), темно-коричневой супеси (84, 85),
светло-серой супеси (86)

и «фасолевидных» в сечении ручек, в том числе с косыми либо продольными надрезами (рис. 7, 36; 8, 45, 48, 57; 9, 1). Сосуды с ручками подобной формы появляются в Москве со второй половины XVI в., продолжая бытовать и в следующем столетии. Некоторые фрагменты орнаментированы. В качестве примера можно привести обломки стенки с косой волной, пущенной между витков линейного орнамента стенки (рис. 8, 24). Такая орнаментация традиционна для гжельских белоглиняных кувшинов XVI в. Еще один фрагмент украшен глубоко прочерченной волнистой линией (рис. 8, 31). Среди горшков можно отметить сосуд, напоминающий корчагу, изготовленный из глины,

дающей при обжиге розовато-кремовый цвет (рис. 8, 37).

Белоглиняная керамика без видимых примесей в формовочной массе собрана в количестве 92 фрагментов (5,7%). В подавляющем большинстве это горшки. Их можно разделить по форме венчиков на два основных варианта. К первому принадлежат сосуды с прямо поставленным венчиком и линейным орнаментом на его нижней и средней части (рис. 8, 70). Такие горшки характерны для продукции гончарных мастерских Коломны конца XVI – XVII в. Ко второму варианту относятся сосуды с более массивными венчиками, часто наклоненными внутрь горшка. Шейка у них не выделена, линейный орнамент может занимать всю внешнюю сторону венчика или только нижнюю его часть (рис. 10, 5). Подобные черты более характерны для горшков середины – второй половины XVII в. «Промежуточным» вариантом являются сосуды с высоко поднятой приостренной верхней кромкой венчика (рис. 10, 39). Из других разновидностей посуды коломенского производства стоит назвать фрагмент крышки (рис. 8, 59).

Значительную долю составляют сосуды, изготовленные из красножгущейся глины без видимых примесей – 92 фрагмента со следами лощения и 160 нелощеных (в совокупности – 15,7%). Данный вид керамики представлен в основном столовой посудой – кувшинами и мисками. К этой же серии можно отнести обломки красноглиняных сосудов с редкими примесями шамота в тесте (35 – со следами лощения, 29 – нелощеных). Привлекают внимание фрагменты кувшина, орнаментация которого состояла из волн, а также небрежно прочерченных горизонтальных и вертикальных линий (рис. 8, 18; 10, 19, 32). Качество обжига невысокое, черепок на сколе трехслойный. Характерной особенностью формовочной массы является естественная примесь мелкодисперсных частиц слюды. Есть основания отнести данный кувшин к местному производству и датировать XVI в.

Помимо этого, в значительном количестве встречены хорошо узнаваемые фрагменты краснолощенных кувшинов предполагаемого Можайского производства конца XVI – первой трети XVII в. (Коваль, 2010. С. 200–202. Рис. 6–8). У них однослойный очень плотный черепок без всяких видимых примесей, поверхность тщательно залощена, а верхняя часть тулова покрыта рифлением (рис. 10, 61, 63).

Поздний керамический материал XVIII в. также представлен некоторым количеством красноглиняной столовой посуды. В качестве примера можно

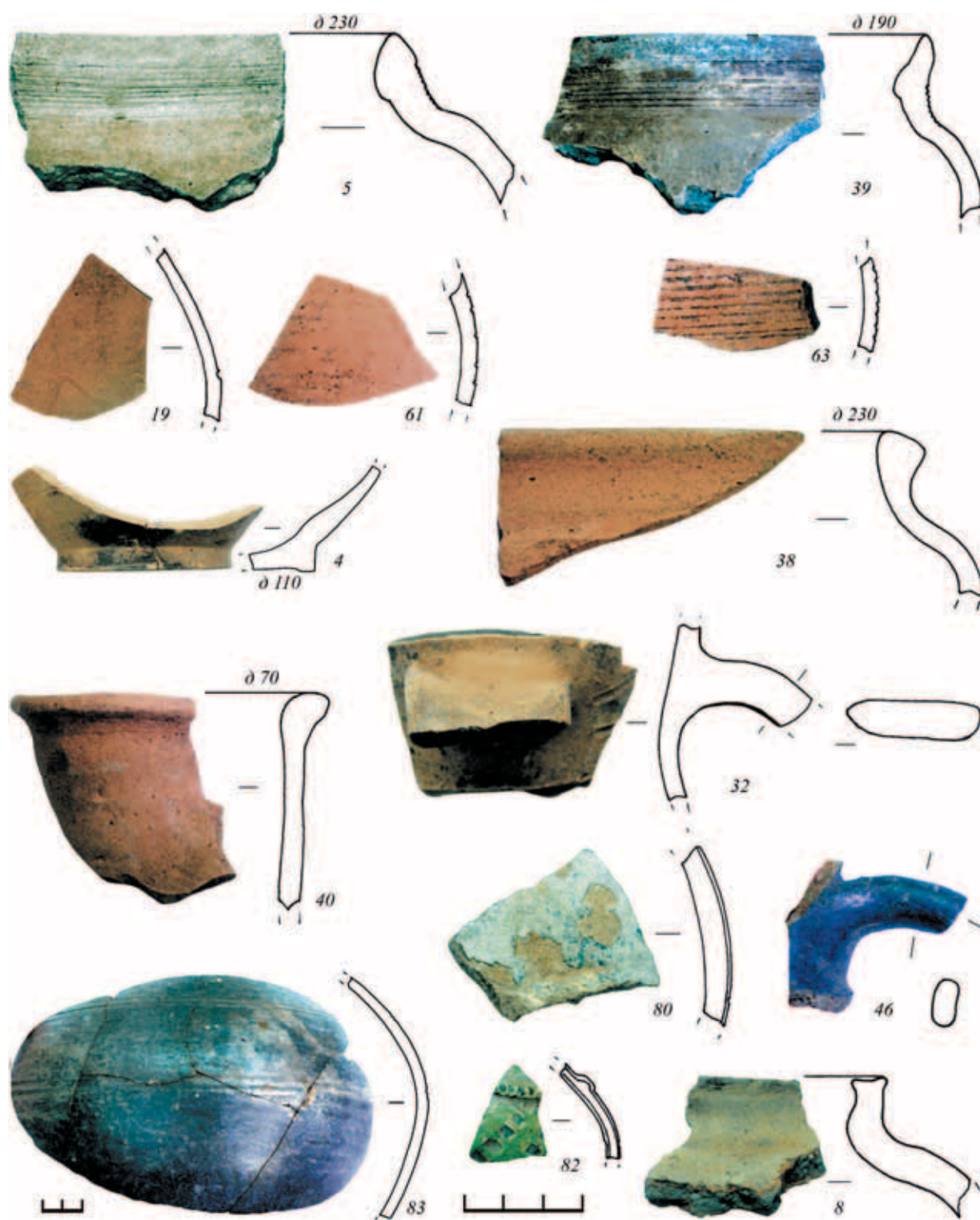

Рис. 10. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Фр-ты керамической посуды из слоя темно-серой супеси с углем

упомануть донце на поддоне (рис. 10, 4), фрагмент венчика горшка характерного облика (рис. 10, 38) и обломок слива краснолощеного сосуда (сливочника или подойника) (рис. 10, 40).

Керамика восстановительного обжига, изготовленная из формовочной массы без видимых примесей, представлена 135 обломками (8,4%). В их числе 74 – без следов лощения, 12 – покрыты сплош-

ным лощением, и 49 имеют лощение в виде орнамента или небрежно нанесенных полосок. Сосуды с аккуратным сплошным лощением характерны для XVI в. Они, как правило, изготовлены из красножгущейся глины, причем кувшины и кубышки часто имеют несколько витков линейного орнамента по верхней части тулова. Имеется крупный фрагмент такой кубышки или кувшина, который был собран из нескольких обломков, компактно залежавших в нижней части слоя темно-серой супеси (рис. 10, 83). К этой же группе относился и обломки небольшого кувшинчика (рис. 10, 46).

Посуда с разреженным и орнаментальным лощением получает распространение в XVII в. Есть основания полагать, что в материалах участка 2 значительная часть фрагментов с нелощеной, но черной поверхностью также принадлежала частично лощеным изделиям.

Керамика с дресвой в тесте представлена шестью обломками и, по-видимому, является продукцией домашнего производства. Примером может служить венчик очень грубого горшка (рис. 10, 8). Датировка такой посуды вне комплексов затруднена.

Поливная посуда встречена в количестве 4 экз. Два мелких обломка, покрытые поливой зеленого и коричневого цвета, относятся к XVIII в. Два других более примечательны. Оба были частями сосудов, изготовленных из светложгущейся глины с примесью песка. Один из них имеет штампованный орнамент, нанесенный зубчатым колесиком (в т. ч. на налепной валик), и покрыт снаружи прозрачной зеленой глазурью (рис. 10, 82). По определению О. Н. Глазуновой, он более всего напоминает поливную посуду второй половины XVII – первой половины XVIII в. Другой фрагмент, также изготовленный из светложгущейся глины с примесью песка, покрыт снаружи помутневшей поливой темно-зеленого цвета (рис. 10, 80). В. Ю. Коваль уверенно датирует его XVI в.

Помимо керамики, в слое темно-серой супеси с углем залегало несколько крупных обломков кирпичей.

Наконец, в том же слое встречен единственный обломок лепной гладкостенной керамики, относящийся, вероятно, к раннему железному веку. Его размеры 20×35 мм, толщина 9 мм. Изготовлен из теста с примесью крупной дресвы. Цвет черепка – темно-серый.

Планиграфическое распределение всего описанного материала в слое темно-серой супеси было достаточно равномерным. Места с явным преобладанием какого-то одного типа керамики не выявлены.

В слое углистой супеси, образовавшем пятно на поверхности слоя темно-серой супеси было собрано 163 обломка керамики. В этом комплексе наиболее высок был процент керамики с естественной примесью мельчайшего песка (31%). Красноглиняная керамика с песком в формовочной массе составляла 6%, белоглиняная с песком – 19%, керамика без видимых примесей восстановительного обжига – 16,5%, красноглиняная без видимых примесей – 15,4%, белоглиняная без видимых примесей – 8%. Еще 3% приходится на долю керамики «вязёмского типа». По своему составу этот материал несколько отличается от материала из темно-серой супеси. Как видим, здесь меньше посуды из «песчанистых» формовочных масс, но несколько больше «белой гжельской» и существенно больше керамики без видимых примесей восстановительного обжига. Также несколько больше процент «белой коломенской» керамики. Возможно, это случайные показатели, отражающие особенности «керамического выброса» в данном слое.

Остеологический материал из слоев темно-серой и углистой супесей представлен, в основном, мелкими фрагментами костей домашних животных (преимущественно – свиньи и крупного рогатого скота), которые, по всей видимости, оказались здесь в составе кухонных отходов. Исключение составляет локальное скопление костей крупного рогатого скота, где присутствуют крупные, в т. ч. целые кости.

В слое темно-коричневой супеси (вне углистых пятен и перекопов) собрано всего 22 фрагмента круговых керамических сосудов. Из них: с естественной примесью мельчайшего песка – 10 шт., красноглиняных с песком в формовочной массе – 1, белоглиняных с песком – 2. Керамика без видимых примесей насчитывает 7 экземпляров, из них восстановительного обжига – 3, красноглиняных окислительного обжига – 4. По 1 обломку приходится на керамику «вязёмского типа» и с примесью дресвы в тесте. Определенный интерес представляет венчик со срезом по краю, имеющий более ранний облик. Он изготовлен из теста с примесью песка (рис. 9, 84). Обломок другого горшка сочетает «песчанистый» состав формовочной массы и профилировку, близкую московской красноглиняной керамике XV–XVI вв., что заставляет предполагать довольно позднюю его датировку (рис. 9, 85).

В предматериковом слое подзолистой светло-серой супеси, залежавшем в восточном углу раскопа, обнаружено 11 обломков лепной керамики дьяковской культуры (9 стенок и 2 венчика) Размеры

самого крупного фрагмента – 65×57 мм, остальные значительно мельче. Толщина стенок составляет от 9 до 10,5 мм. Керамика изготовлена из теста с крупной дресвой и органическими примесями. Цвет черепка – красновато-коричневый. На внешней поверхности – очень нечеткие мелко-рябчатые отпечатки. Три обломка, включая наиболее крупный кусок стенки и два венчика, принадлежали краю сосуда (рис. 9, 86). Слабопрофилированная форма сосуда и венчика характерны для раннедьяковского времени (I тыс. до н. э.).

Коллекция индивидуальных находок, происходящих с территории, занятой культурным слоем (темно-серой, темно-коричневой и углистой супесью), богата и разнообразна. На довольно ограниченном пространстве (190 кв. м) обнаружено 87 предметов. Эту цифру допустимо еще более увеличить за счет части индивидуальных находок, залегающих над темно-серой супесью в слое пахоты. С учетом данной поправки общее количество предметов составит 130 единиц.

Основную массу индивидуальных находок как в пахотном, так и в залегающем ниже слое составляют разнообразные изделия из железа: ножи, подковные и обойные гвозди, иглы, шилья, накладки, пряжки, обувные подковки, звенья цепей, ключи, детали замков, обломки сельскохозяйственных орудий, пробойники, кочедыки и т. д. (рис. 11, 1, 2, 5, 6, 8, 9).

На исследованном участке была собрана коллекция красных (терракотовых) и муравленых изразцов, очевидно, представляющих различные хронологические этапы существования поселения (рис. 12, 13). Всего в культурных слоях участка (включая пахоту, но без учета ям) обнаружено 44 обломка терракотовых изделий (не считая мелких обломков изразцовых румп) и три фрагмента муравленых. Основная их масса (25 терракотовых и два муравленых) происходит из слоя темно-серой супеси с углем, один терракотовый фрагмент был встречен в сложносоставном слое над ямой 1. Еще два терракотовых обломка найдены в лежащем ниже слое темно-коричневой супеси. Из пахотного слоя происходят 16 терракотовых фрагментов и один муравленый. Один обломок был обнаружен в заполнении близлежащей ямы 2, куда, судя по всему, попал из засыпки переотложенным культурным слоем. Есть основания рассматривать все терракотовые фрагменты, вне зависимости от слоя, как результат одного единовременного выброса. На это указывает довольно локальная зона залегания изразцов, совпадающая с поверхностью природной ложбины (хотя отдельные фрагменты были впоследствии обнаружены и на соседних

Рис. 11. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Находки из слоя темно-серой супеси с углем и в пахотном слое над ним

1 – кочедык; 2 – нож; 3 – деталь цепи паникадила; 4 – пластина с приклепанной полосой; 5 – деталь механизма цилиндрического замка; 6 – обувная подковка; 7 – пряжка; 8 – пробойник; 9 – обломок пряжки.
1–6, 8, 9 – железо; 7 – медный сплав

участках, включая заполнения крупных ям 44 и 45. Вообще, «фоновое» присутствие красных изразцов является своего рода «нормой» для заполнения комплексов исследуемой части селища).

Центр гипотетического выброса, возможно, находился в непосредственной близости от участка 2, к северо-востоку от него. Здесь локальной прирезкой была исследована мелкая яма корытообразной формы размером 2,75×1,20 м (яма А), расположенная почти вплотную к северо-восточному борту раскопа (рис. 3). Эта яма имела заполнение, состоявшее из углистой супеси со значительными включениями печины и древесного угля. Отсюда происходят 28 изразцовых фрагментов, включая крупные обломки румп. Среди них имеются части перемычек, фриз и рамочных стеновых (лицевых) изразцов (рис. 12, 1, 3). Типологически обнаруженные фрагменты абсолютно идентичны изразцам, происходящим с основной площади раскопа. Почти однородное углистое заполнение свидетельствует о том, что яма А предназначалась для единовременной утилизации мусора, возможно, оставшегося от расчистки пожарища. Концентрация фрагментов печных изразцов (наибольшая из отмечавшихся на исследуемом памятнике) заставляет предположить, что образование утилизируемых остатков связано

Рис. 12. Селище Игнатьево 2. Участок 2, яма А. Фр-ты терракотовых печных изразцов

Рис. 13. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Фр-ты терракотовых и муравленых печных изразцов

с разрушением изразцовой печи. Насколько можно судить по немногочисленному керамическому материалу, временем возникновения данного комплекса является XVII в.

Практически все найденные на раскопе изразцы (за исключением одного фриза, обнаруженного в виде развала) сильно фрагментированы, причем разрозненные обломки редко соединяются в более крупные блоки. Это вероятно, свидетельствует о достаточно длительном времени, прошедшем с момента извлечения изразцов из печной облицовки до их окончательной археологизации. Нельзя также исключить перемещения обнаруженных фрагментов с переотложенным грунтом.

В составе коллекции изразцов присутствуют практически все элементы печного набора, включая обломки «городков». Однако нельзя не отметить превалирование обломков перемычек и поясков (фризов). От лицевых рамочных изразцов дошли только угловые и краевые части. Перемычки представлены двумя типами: «витого жгута» и розетки или «крестоцвета» с исходящими побегами. Фризы принадлежат, как минимум, к трем типам орнаментального раппорта. Наружные поверхности всех изделий сохранили остатки побелки с добавлением толченой слюды. Многие имеют следы обгорания.

Находки печных изразцов XVII в. на сельских памятниках вообще довольно редки, в данном же случае ситуация представляется без преувеличения уникальной. Обнаруженные изделия являются собой ранний изразцовый тип, появившийся в Москве в конце XVI в. Ряд наблюдений позволяет допустить довольно раннее употребление терракотовых изразцов на исследованном памятнике. Их обломки обнаружены в слое, а также в ямах с хронологически однородным материалом. Это говорит о том, что на момент попадания в заполнение ям с переотложенным грунтом изразцы некоторое время уже находились в археологизированном состоянии.

Наличие печей, украшенных красными изразцами, тем более в ранний период их бытования, свидетельствует о высоком социальном статусе владельца усадьбы, где стояли такие печи, и об общей значимости поселения. Основная масса обнаруженных предметов представлена обломками терракотовых изразцовых перемычек, имеющих форму витого жгута (рис. 12, 2, 4, 5, 6, 9). Это наиболее ранняя и впоследствии очень распространенная форма. Впервые она появляется в составе элитных печных наборов XVI в., включающих изразцы, покрытые зеленой и коричневой поливой. Связь этих наборов с европейской традицией

изготовления майолики вполне очевидна. Их элементы обнаружены на месте парадных великокняжеских резиденций в Александровской Слободе и Московском Кремле (Турова, 2015; Евдокимов, Рузаева, Яганов, 2016. С. 91. Рис. 4, Тип 5)*.

Единственный небольшой фрагмент невитой тяги залегал в слое темно-коричневой супеси. Это также хорошо известный тип, представляющий ренессансную орнаментальную традицию. Композиция подобных целых перемычек состоит из «крестоцветов» и стилизованных растительных побегов, вместе образующих своеобразную «гирлянду» (рис. 12, 7). Аналогичные изделия были обнаружены при наблюдениях за земляными работами на территории дворцового комплекса Б. Ф. Годунова в селе Вязёмы (совр. пгт. Большие Вязёмы) (Смирнов, 2015. С. 530. Рис. 4, 5, 6, 9).

В силу своей относительной распространенности витые перемычки и «перемычки-гирлянды» не стали бы столь интригующей находкой, если бы не другие части изразцового набора, обнаруженные вместе с ними. Наиболее яркой находкой из слоя стал развал изразцового пояска (фриза) с ренессансным орнаментом и витым кантом (рис. 13, 1). Два обломка почти аналогичного фриза есть среди материалов Романова двора в Москве (Археология Романова двора... 2009. Рис. 171, 1). Оба они происходят из слоев конца XVI в. По мнению авторов раскопок, данные «нехарактерные» московские изразцы относятся к ранним типам, еще сохраняющим стилевые черты, унаследованные от итальянской архитектурной терракоты (Археология Романова двора... 2009. С. 127, 128). Впрочем, имеются и более близкие аналогии упомянутым экземплярам среди известных образцов поливной декоративной керамики. В фондах МГОМЗ хранится изразцовый поясок, исполненный в той же художественной манере (отличия – в деталях орнамента), имеющий похожее оформление сложнопрофилированных краев, но изготовленный из беложгущейся глины и покрытый желтой поливой (Баранова, 2011. С. 79). Есть основания полагать, что он принадлежит к уже упомянутым элитным печным наборам второй половины XVI в.

Другая разновидность фриза с витым кантом также имеет московские аналогии (рис. 12, 17). Однако ближайшим местом обнаружения подобных поясков является уже упомянутый комплекс годуновского времени в селе Вязёмы (Смирнов,

2015. С. 531. Рис. 5, 1, 2, 3; 7, 1, 2). По-видимому, в данном случае можно говорить не только о территориальной близости, но и о близкой датировке интересующих нас изделий. Очень вероятно, что как вязёмские, так и игнатьевские изразцы оказались в земле после «московского разорения».

Среди немногочисленных фрагментов лицевых пластин заслуживают внимания рамочные изразцы с редуцированным витым кантом, дополняющим рамку (рис. 12, 1, 3). Это также отголосок ренессансной стилистики оформления печного декора. Ширина рамки вместе с кантом составляет около 2 см. Глубина румпы лицевых изразцов, как и у собранного из обломков фриза, 7,0–7,5 см.

Наконец, еще в одном сильно обгоревшем изразцовом фрагменте из слоя темно-серой супеси опознается часть «городка», украшенного изображением круглого выпуклого «умбона» в обрамлении стилизованных лучей (рис. 12, 13). Стилистически схожие «городки» также известны в составе поливных изразцовых наборов из Московского Кремля и Александровской Слободы (Евдокимов, Рузаева, Яганов, 2016. С. 91. Рис. 4, тип 6; Турова, 2015. С. 271. Рис. 4, 12). Таким образом, игнатьевские изразцы являют собой один из наиболее ранних типов художественного оформления подобного рода изделий. Вопрос о времени, причинах и обстоятельствах появления столь изысканного декора в одном из подмосковных сел пока остается открытым. Благодаря сделанным находкам, исследуемый памятник приобретает совершенно нерядовой характер.

Обнаруженные в гораздо меньшем количестве красноглиняные муравленые изразцы покрыты зеленой поливой. Рельефные орнаментальные композиции состоят из стилизованных растительных элементов (рис. 13, 2, 3, 4). Подобные изделия, судя по всему, относятся уже к середине – второй половине XVII в.

Из других находок, имеющих отношение к устройству жилища, следует отметить фрагмент оконной слюды, который был обнаружен в слое темно-серой супеси с углем.

Нумизматический материал из слоя темно-серой супеси насчитывает семь монет. Из них шесть ручного и одна регулярного чекана. Средневековые «проволочные» монеты ручного чекана включают: копейку Михаила Федоровича, денгу Михаила Федоровича, полушку Василия Шуйского, две денги Ивана IV, полушку Ивана IV. Регулярный чекан

* Авторы публикации датируют весь комплекс печных изразцов из кремлевского великокняжеского дворца первой третью XVII в.

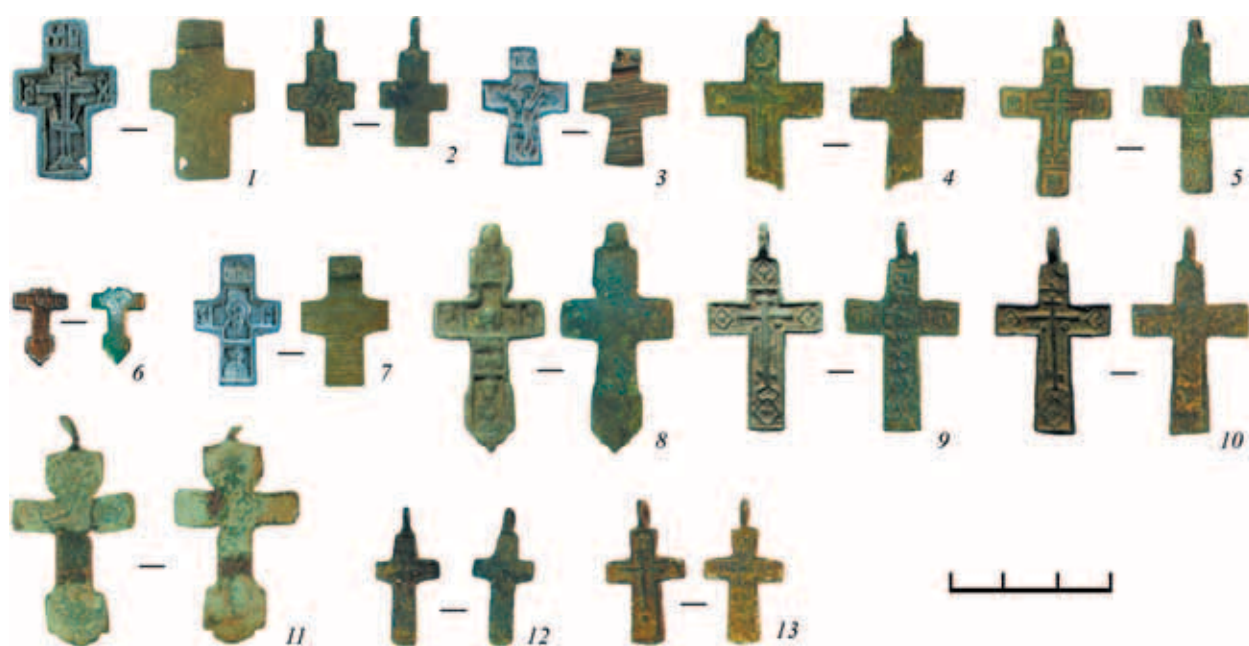

Рис. 14. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Нательные кресты из слоя темно-серой супеси с углем и в пахотном слое над ним

представлен медной полушкой 1736 г. Кроме того, в пахотном слое над темно-серой супесью залежали: пуло Тверское и два пула Московских, две медные копейки Алексея Михайловича, медная денга Алексея Михайловича и копейка Михаила Федоровича. В той же части пахотного слоя была обнаружена монета медная полушка 1735 г. Налицо довольно представительная нумизматическая коллекция с абсолютным преобладанием монет ручного чекана.

В слое темно-серой супеси с углем обнаружены 10 нательных крестов (целых и обломков), девять – медного сплава и один серебряный. Среди находок прямоконечный экземпляр, несущий на лицевой стороне контурное изображение восьмиконечного «голгофского» креста, на концах ветвей – прямоугольные клейма с христограммой, всю оборотную сторону занимает молитвенная надпись вязью (рис. 14, 5). Такие кресты получают распространение в XVI в., но продолжают бытовать и в следующем веке. К тому же времени относится маленький прямоконечный крестик с простым рельефным изображением восьмиконечного креста (рис. 14, 12). Два экземпляра имеют килевидное основание, причем один из них несет на лицевой стороне в средокрестии изображение Спаса Нерукотворного, а на ветвях – погрудные изображения святых (рис. 14, 8). У другого, миниатюрного, отлитого из серебра, в основе компози-

ции – Голгофский крест с круглой цатой в средокрестии (рис. 14, 6). Форма обоих крестов указывает на вторую половину XV – XVI в. Интересен еще один прямоконечный экземпляр с изображением восьмиконечного «голгофского» креста и «орудий страстей» на лицевой стороне. Концы ветвей оформлены ромбовидными клеймами (рис. 14, 9). На обороте – молитвенная надпись. Подобные образцы медной пластики характерны для XVII в. Еще два креста – прямоконечные с широкими ветвями. В их средокрестии изображение Св. Никиты, побивающего беса (рис. 14, 2, 3). Данный сюжет широко распространен на предметах личного благочестия XV–XVI вв. Кресты маленькие, возможно, детские (размеры – 13×24 мм и 15×22 мм), различающиеся формой оглавия: у одного канал для продевания шнура проходит внутри верхней ветви (рис. 14, 3), а у другого есть ушко для подвешивания (рис. 14, 2). Заслуживает внимания прямоконечный крест с «ковчезцем» на лицевой стороне. Внутри «ковчезца» восьмиконечный «голгофский» крест и стилизованные изображения «орудий страстей». На концах ветвей – крупные инициалы. Канал для продевания шнура проходит внутри верхней ветви (рис. 14, 1). Этот предмет также можно отнести к XVI в. Крест из углистого пятна в слое темно-серой супеси (рис. 14, 4) в целом аналогичен вышеописанному экземпляру с ромбовидными клеймами на концах ветвей.

Кроме того, в пахотном слое над слоем темно-серой супеси было обнаружено еще несколько нательных крестов. Из них особенно интересен прямоконечный с широкими ветвями, несущий на лицевой стороне в средокрестии изображение Спаса Нерукотворного (рис. 14, 7). На его ветвях и в подножии – изображения святых. Канал для продевания шнура проходит внутри верхней ветви. Форма и композиция креста характерны для XV–XVI вв. Из той же части пахотного слоя происходят два других экземпляра, характерных для XVI в.: один – с килевидным основанием (рис. 14, 11), другой – с изображением восьмиконечного креста на лицевой стороне и молитвенной надписью на оборотной (рис. 14, 13). Еще один крест относится к уже упомянутому типу с ромбовидными клеймами на концах ветвей, распространенному в XVII в. (рис. 14, 10).

В числе прочих нерядовых находок из слоя темно-серой супеси с углем следует отметить железную накладку с крючком (рис. 15, 5), фигурную орнаментированную рамку пряжки (рис. 15, 13), обломок перстня-печатки из медного сплава с изображением животного на шестиугольном щитке (рис. 15, 14) и свинцовую европейскую товарную пломбу (рис. 15, 7). Обломок железного прута с приклепанной к нему железной пластиной, возможно, являлся частью оковки ларца (рис. 11, 4). Из предметов вооружения имеются четыре пули XVI–XVII вв. (рис. 15, 6). При просеивании грунта из пятна углистой супеси был обнаружен фрагмент сосуда из прозрачного стекла, декорированного нитями молочно-белого стекла, оплавленного в огне (рис. 15, 4). Предметы быта представлены ключами, деталями замков, пряжками, каменными и керамическими рыболовными грузилами (рис. 15, 1).

В пахотном слое, залегавшем непосредственно над темно-серой супесью, найдена поясная накладка с декором, характерным для XIV–XV вв. (рис. 15, 12) и полая серебряная пуговица, нанизанная на стержень с петлей для пришивания и покрытая тонким орнаментом, частично позолоченным. Внутри сохранились остатки шерстяных волокон, плотно обмотанных вокруг стержня и придававших изделию дополнительную прочность (рис. 15, 15). К элементам снаряжения всадника относится обломок шпоры (рис. 15, 9). Заслуживают внимания фигурное железное звено цепи от паникадила (рис. 11, 3) и оковка верхней части ножен из медного сплава, покрытая гравированным орнаментом (рис. 15, 8). Неоднократно встречались пуговицы-гирьки (рис. 15, 2, 3). В завершение обзора нельзя не упомянуть иглу от древнерус-

ской подковообразной фибулы из медного сплава (рис. 15, 10). Данная находка существенно выбивается из ряда всех остальных материалов, происходящих с данной части селища, поскольку относится к более раннему периоду. При разборе керамической коллекции не была выявлена синхронная керамика, что позволяет предположить случайное попадание упомянутого предмета на территорию раскопа. Из заполнения близлежащей ямы 44 (участок 4) происходит еще одна находка древнерусского времени – шиферное пряслице, однако оно могло находиться во вторичном использовании у жителей позднесредневекового села.

В слое коричневой супеси, составлявший нижнюю часть заполнения природной ложбины, обнаружены 5 предметов, аналогичных вещевому материалу, встреченному выше (прямоконечный нательный крест с прямоугольными клеймами на концах ветвей можно датировать XVI–XVII вв.). Это заставляет предположить, что упомянутые предметы, как и керамика, попали в темно-коричневую супесь сверху в процессе локальных перемещений грунта, а сам слой отложился в ложбине в результате природных процессов (намывов грунта, происходивших до начала активного хозяйственного освоения территории). Углистые пятна, отмеченные на поверхности темно-коричневой супеси, очевидно, связаны с залегающими выше культурными напластованиями, а также свидетельствуют о неоднократном разведении здесь открытого огня (что само по себе характерно для мест утилизации бытовых и сельскохозяйственных отходов). Слой с выраженными признаками горения прослежен местами до материка.

На дне и склонах ложбины под темно-коричневой супесью залежала темно-серая супесь, не содержащая керамики и находок. Судя по всему, здесь сохранился участок погребенной почвы (рис. 5, 6). В восточном углу раскопа под темно-коричневой (серо-коричневой) супесью локально зафиксирована светлая подзолистая супесь, лежавшая непосредственно на материке. В ней собраны уже упомянутые фрагменты лепной керамики дьяковской культуры. Это древнейшие культурные отложения, встреченные в ходе раскопок. Возможно, они являются «шлейфом» дьяковского поселения, существовавшего далее к северо-востоку на территории нынешнего кладбища. О его близком присутствии может свидетельствовать и обломок умбоновидного украшения раннего железного века, обнаруженный на соседнем участке 4 в заполнении ямы 45 (Смирнов, Алексеев, Двуреченский, 2018. С. 281. Рис. 24, 73а, 73б).

Рис. 15. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Находки из слоя темно-серой супеси с углем и в пахотном слое над ним
 1 – керамическое рыболовное грузило; 2, 3 – пуговицы-гирьки (медный сплав); 4 – фр-т стеклянного сосуда; 5 – поясной крючок (железо); 6 – пуля (свинец); 7 – товарная пломба (свинец); 8 – оковка верхней части ножен (медный сплав); 9 – обломок шпory (железо); 10 – игла от подковообразной фибулы (медный сплав); 11 – обломок пряжки (медный сплав); 12 – накладка (медный сплав); 13 – рамка пряжки (медный сплав); 14 – обломок перстня-печатки (медный сплав); 15 – пуговица (серебро с позолотой)

Весь комплекс исследований, проведенных на участке 2 до выборки материковых ям, позволяет сделать некоторые общие выводы о характере отложившихся здесь культурных напластований и собранном археологическом материале. Залегавший по всей площади участка пахотный слой следует рассматривать как основательно переработанный пашней грунт, бывший некогда частью культурных напластований, отложившихся на поселении за время его существования. В первую очередь об этом свидетельствует отсутствие выраженной культурно-хронологической границы между пахотным горизонтом и находившейся ниже темно-серой супесью (по составу находок и керамическо-

го материала). В пахотном слое встречены характерные средневековые предметы, датированные в пределах XV–XVI вв., причем их значительное количество не позволяет объяснить данный факт только механическим перемещением «снизу».

По-видимому, до момента начала интенсивной, особенно механизированной, распашки в районе будущего участка 2 накопился достаточно мощный и сравнительно однородный слой, который успел «принять» некоторое количество поздних предметов, а затем видоизменился под мощным агрокультурным воздействием. В XX в. продолжалось насыщение пахотного слоя предметами материальной культуры, хотя основным «двигателем»

процесса выступала уже не поселенческая активность, а функционировавшее рядом кладбище.

Имеется очевидная связь между «культурной насыщенностью» пахотного слоя и залегающей ниже него темно-серой супесью, содержащей большое количество различных культурных остатков. Максимальная концентрация индивидуальных находок, отмечается в той части пашни, которая находилась над упомянутой темно-серой супесью. Скорее всего, это стало результатом турбирования ранее существовавшего в данном конкретном месте культурного слоя, наиболее насыщенного вещевым и керамическим материалом.

Часть слоя сохранилась благодаря естественному понижению, перекрытому пахотным горизонтом – это темно-серая супесь с углем. Обнаруженный здесь керамический материал не стратифицирован по глубине залегания, а потому позволяет составить лишь самое общее представление о времени формирования культурного слоя. Как показывает анализ керамики, активный процесс накопления слоя начался в первой половине XVI в. (хотя какое-то накопление культурных остатков происходило и ранее), шел по нарастающей в его второй половине, приобрел наибольшую интенсивность к середине XVII в. и менее интенсивно продолжался в следующем столетии. Индивидуальные находки, происходящие из темно-серой супеси, также датируются в основном периодом позднего Средневековья (XV–XVII вв.). Находившиеся здесь локальные пятна углистой супеси, угля и золы, по всей видимости, связаны с выбросами мусора с усадебных комплексов, располагавшихся на близлежащей территории (в том числе, не вошедшей в границы раскопа). Возможно интерпретировать их и как остатки пожарища, не сохранившегося на более возвышенных участках. С хозяйственной деятельностью, вероятно, связаны пятна материкового песка, являющие собой рассредоточенные по площади выбросы из материковых ям. Одним из таких пятен является линза желтого песка, зафиксированная при зачистке северо-восточного борта раскопа (рис. 5, 6). Ряд признаков позволяет считать всю выявленную свиту слоев и прослоек, ассоциированных с темно-серой супесью, результатом систематической утилизации различных бытовых отходов с территории окрестных дворовладений.

После выборки заполнения западины на ее зачищенной материковой поверхности были выявлены пятна 7 ям площадью от 0,4 до 4,5 м. Помимо ям, там же зафиксированы размытые пятна площадью менее 0,5 м, состоявшие из углистой и темно-серой супеси толщиной 5–7 см. Керамического и иного материала они не содержали. Внимания

заслуживают три сравнительно крупных комплекса, отражающих «культурный профиль» исследуемого участка.

Яма 4 выявлена в юго-западной части участка 2. Она представляет собой комплекс из трех взаимосвязанных углублений, располагавшихся цепочкой по направлению юго-запад – северо-восток, размером 4×1,3 м (рис. 3). Все углубления имели форму, близкую к овальной, их глубина составляла 0,35–0,45 м. Как показал разрез, углубления, составляющие яму, частично перекрывали друг друга. Заполнение углублений состояло из серой супеси со значительным количеством древесного угля и обожженного песка. Встречены крупные куски угля размером до 15×15×10 см, обугленные обломки веток длиной до 30 см и крупные обожженные камни. В придонной части зафиксированы прослойки углистой супеси, золы и угля мощностью до 8 см. Материковое дно и стенки всех трех углублений, сложенные дюнным песком, были прокалены до красно-бурого цвета на глубину до 6 см (в придонной части).

В заполнении комплекса был собран керамический материал из 22 фрагментов круговых сосудов. В его составе представлены основные разновидности позднесредневековой посудной керамики (хотя и в минимальном количестве). Имеются: стенка чернолощеного сосуда (из красножгущейся глины), стенка краснолощеного кувшина с основанием ручки, венчик сосуда мисковидной формы и четыре стенки белоглиняных сосудов с песком в тесте. Венчик красноглиняного горшка по форме схож с московскими красноглиняными горшками второй половины XV – первой половины XVI в. Заметное присутствие белоглиняной керамики позволяет датировать этот комплекс временем не ранее второй половины XVI в.

Судя по составу заполнения и характерной конфигурации, яма 4 использовалась на протяжении сравнительно длительного времени, скорее всего, для утилизации мусора. На это указывают следы прокаленности, ставшей результатом разведения открытого огня. Отдельные части ямы последовательно откапывались, в них разводился огонь, а затем они засыпались. Степень прокаленности говорит о том, что каждое из углублений могли использовать неоднократно. Использование одного и того же места для выполнения идентичных задач с определенным временным интервалом указывает на стабильность поселенческой структуры.

Яма 1 выявлена в северо-восточной части участка 2 (рис. 3). Как показала зачистка слоя темно-серой супеси, пятно ямы округлой формы раз-

Рис. 16. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Керамика из ямы 1

мером 2,00×1,75 м, состоявшее из смеси грунтов различной цветности (темно-коричневой супеси с углем и печиной, углистой супеси, желтого песка), образовывало характерные кольцевые структуры. В их центре находилось круглое пятно темно-серой супеси, вероятно, просевшей внутрь заполнения комплекса. Глубина ямы составляла 1,2 м. Как показал разрез, ее заполнение имело выраженную слоистую структуру, причем его нижняя часть (45–30 см) полностью состояла из тонких (0,5–1,5 см) прослоек серой и темно-серой супесей, перемежающихся желтым песком.

Керамический материал из комплекса насчитывает 202 обломка круговых сосудов. Из них 147 шт. (72,8%) принадлежали сосудам, изготовленным из красножгущейся глины с естественной примесью очень мелкого песка в тесте (еще 15 экз. принадлежали светлоглиняным и 8 – черномореным сосудам, изготовленным из аналогичной массы). Профилированные обломки показали, что это были в основном горшки с упрощенными «сглаженными» венчиками, слабовыраженной или

вовсе отсутствующей шейкой и покатыми плечиками. Такие сосуды относятся к местной традиции производства красноглиняной посуды (рис. 14, 2), ориентированной на образцы «красноглиняной гладкой» московской керамики. В ряде случаев венчик сильно укорочен, внешняя его сторона образует некое подобие короткой шейки, над которой выступает кромка края (рис. 16, 1). По шейке нанесены две линии, видимо, имитирующие орнаментацию белоглиняных коломенских сосудов. Имеются два обломка белоглиняных кувшинов из массы с песком, один из которых декорирован волной, другой – поясом косых насечек. Оба способа орнаментации со второй половины XVI в. использовались при изготовлении подобных кувшинов.

Производство кухонной посуды из красножгущейся «запесоченной» глины без дополнительных примесей характерно для достаточно позднего времени. Подобный керамический материал уместно датировать второй половиной XVI – XVII в. Учитывая характерную профилировку сосудов, заполнение исследованного комплекса можно относить

к первой половине – середине XVII в. Такую датировку подтверждают и 6 обломков чернолощеных сосудов с разреженным лощением. Немногочисленные индивидуальные находки, обнаруженные в комплексе (трензель, железная игла, пробой, кремневая пластина) не противоречат этому. По всей видимости, яма 1 являлась мусорной.

Яма 19 выявлена в самой глубокой точке природной ложбины (рис. 3). Пятно ямы интенсивного темного цвета, сложенное темно-серой и углистой супесью с углем, фиксировалось от уровня зачистки материка. Оно имело форму, близкую квадратной, со скругленными углами и размеры 1,65×1,70 м, глубина 46 см. Стенки ямы пологие. В залегавшем над ямой слое темно-коричневой супеси фиксировалось пятно мешаной серо-коричневой и углистой супеси нечетких очертаний.

Заполнение ямы состояло из темно-серой супеси с углем. Количество угля возрастало по мере углубления. В придонной части залегал практически однородный слой углистой супеси с углем. Некоторые куски обугленного дерева имели крупный размер до (15×15 см). Индивидуальные находки, керамический и остеологический материал в яме отсутствовали.

Материковый грунт на дне, состоящий из песка и мелкого щебня, перемешан и сильно обожжен (в юго-западной части ямы – на глубину до 25 см). Он имеет включения угля и углистой супеси. Исходное дно ямы, зафиксированное по нижней границе углистой супеси, практически плоское. Очевидно, на дне ямы происходил процесс очень интенсивного горения древесины. Отсутствие иных археологических остатков, кроме древесного угля, свидетельствует, что яма 19 была откопана целенаправленно для разведения огня и затем засыпана. Грунт засыпки, не содержащий керамики, находок и даже пачины, видимо, брался из окружающих отложений темно-коричневой супеси без признаков антропогенного воздействия. Поэтому возникновение данного объекта может относиться к начальному этапу хозяйственного освоения исследуемой территории.

Таким образом, исследованиями вскрыты три разновременных заглубленных объекта. В заполнении двух из трех исследованных материковых ям зафиксированы следы горения *in situ*, что может свидетельствовать об использовании данной местности как внеусадебного пространства.

По итогам представленной части исследования можно сказать следующее. Охранные раскопки селища Игнатьево 2 дали весьма ценный опыт исследования культурных отложений, приуроченных к локальным понижениям рельефа местно-

сти. На участке 2 была выявлена естественная западина, заполненная культурным слоем с высоким содержанием керамического и вещевого материала. Общая насыщенность культурными остатками свидетельствует о высокой интенсивности жизни и хозяйственной деятельности в этой части поселения. Судя по всему, на месте западины находилось межусадебное пространство, где концентрировался бытовой мусор с близлежащих усадеб, располагавшихся как в пределах раскопа (участок 4), так и за его пределами, северо-восточнее. Полученные данные расширили представления о характере и особенностях залегания культурных напластований на данном памятнике.

Собранная в ходе исследования керамическая коллекция относится, главным образом, к XV–XVII вв. Керамика служит своеобразным индикатором жилой и хозяйственной активности поселения, позволяя судить о динамике его развития. Результаты статистической обработки керамической коллекции позволяют констатировать, что основная масса материала, собранного в этой части памятника, датируется концом XVI – XVII в. Обращает на себя внимание преобладание посуды местного производства, зачастую изготовленной с применением архаичных форм и технологических традиций. Сырьем для большинства таких изделий служила местная глина, содержащая естественную примесь очень мелкого песка. В то же время показательно, что значительная часть собранных обломков (до 20%) принадлежала кувшинам (белоглиняным, краснолощенным, чернолощеным). Помимо горшков и кувшинов, номенклатура обнаруженной посуды включает фрагменты корчаг, сковород, крышек, чернолощенных кубышек, мисок и, предположительно, кружек. Наличие значительного количества столовой посуды свидетельствует о развитости материальной культуры. По данному показателю исследованный памятник приближается к городским поселениям. Керамика XIV–XV вв., маркирующая ранний этап существования поселения, на данной части памятника выявлена в незначительном количестве. Ее доля составляет один-полтора процента.

Завершая обзор проведенных работ, следует упомянуть о возможном присутствии нераспаханных культурных отложений и в других частях селища Игнатьево 2. Планиграфический анализ исследованной площади позволяет предполагать, что до начала XVII в. сельская застройка была рассредоточена по гребню дюнной гряды на значительное расстояние и, по-видимому, не имела сплошного характера, а культурные остатки накапливались в естественных понижениях рельефа местности.

Литература

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с. (Мат. охранных археологических исследований. Т. 12).

Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ. 429 с.

Булдыкин С. Н., Гоняный М. И., Ковалевский В. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2008. Средневековое селище Захарово-1 на реке Беляне // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 242–266.

Евдокимов Г. С., Рузаева Е. И., Яганов А. В., 2016. Комплекс печных изразцов, обнаруженных при исследованиях великокняжеского дворца в Московском Кремле в 1997 г. // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. Матер. I и II Всерос. науч.-практ. конференций 2014–2015. М., Новый Иерусалим. С. 88–91.

Коваль В. Ю., 2010. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 196–200.

Смирнов А. Н., 2005. Вязёмы и Вязёмский ям // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 137–152.

Смирнов А. Н., 2015. Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б. Ф. Годунова в селе Вязёмы // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 526–535.

Смирнов А. Н., Алексеев А. В., Двуреченский О. В., 2018. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // ТТЗ. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-центр, ИА РАН. С. 252–289.

Турова Е. А., 2015. Изразцы из раскопок археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 2005–2011 г. на территории «Царицына двора» Александровской слободы // АВСЗ. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 266–278.

A. N. Smirnov & A. V. Alexeyev

Stratigraphy and chronology of the settlement of Ignatovo-2 (based on rescue archaeology materials from 2015)

Summary

This article presents excavation finds (houseware items and ceramics) from the 15th–18th cultural layer at the village of Ignatovo-2. Most of the items related to the 16th and 17th centuries. They include items which are unusual for such rural loca-

tions (stove tiles, coin scales). The cultural layer of this settlement has been completely ploughed over, with the exception of a small area at the bottom of a natural hollow, which became used as a garbage tip.

Н. В. Жилина

Институт археологии РАН, Москва

Пуговицы в костюме Московской Руси второй половины XIII – начала XVII века

Материал о пуговицах данного периода анализировался в ряде работ, посвященных рассмотрению металлических деталей костюма и убора из украшений (Уткин, 1970. С. 76–78; Постникова-Лосева, 1987. С. 13–15; Сарачева, 2007. С. 80, 84; Солдатенкова, 2008. С. 154, 160, 161. Рис. 1; Жилина, 2012. С. 225–231. Рис. 6–10).

Развитие пуговиц связано с развитием застежки. Пуговичная застежка в одежде постепенно замещает застежки на петлю и крючок, центральная округлая часть в этом варианте застежки выглядит похоже на пуговицу. Пуговичные застежки подразделяются на застежки с воздушными петлями и часто с нашивными петлицами (пуговицы свисают с внешней стороны одежды) и застежки с прорезными петлями (пуговицы прилегают к ткани одежды). Расположение пуговиц в центре и на весу в застежке с воздушными петлями располагает к крупному размеру и декоративному оформлению пуговиц. Центр тяжести таких пуговиц находится, как правило, в нижней части. Прилегающие пуговицы застежки с прорезными петлями становятся все более плоскими. Большинство типов пуговиц, известных с домонгольского времени по XVII в., приспособлено для воздушных петель. Во второй половине XVII в. распространяется застежка на прорезные петли (Жилина, 2015).

Типология. Отделы пуговиц выделены по технологии и конструкции корпуса пуговицы: 1 – проволочно-каркасная: на проволочный каркас напаяются декоративные элементы или декоративные элементы образуют каркас¹; 2 – со сплошной поверхностью, полая внутри (как правило, тисненая, чеканная); 3 – ажурная²; 4 – со сплошной поверхностью и телом (как правило, литая)³.

Типы выделяются по форме пуговицы: I – со сферической нижней частью и удлинённо-цилиндрической средней и верхней (грушевидные); II – овальные в продольном сечении; III – сфероконические (яйцевидные); IV – шаровидные (сферические); V – ребристые или лопастные; VI – цилиндрические/палочковидные; VII – биконические; VIII – гранёные (четырёхугольные или многоугольные в сечении); IX – с выделенной полусферической или сферической застёгивающей частью и петель (грибовидные); X – бидисковидные (запонки, заклепки); XI – дисковидные (плоские); XII – пуговицы-грузики с центральным каналом; XIII – пуговицы-заклепки с верхней полусферической или плоской частью и штырем для закрепления⁴.

Форма, определяемая как грушевидная, во многом создается длинной овальной петлей, при этом нижняя часть пуговицы имеет разновидности: округлая, шаровидная, биконическая и даже грибовидная (рис. 1, 3, 4)⁵. У пуговиц, относимых

¹ В представленном материале такая конструкция пока не зафиксирована, но должна быть учтена, так как может быть выявлена.

² В рамках отдела 3 учтены и частично ажурные конструкции.

³ В определении отделов возможны уточнения.

⁴ Подтипы отражают орнаментальное членение и выделяются при необходимости: I – продольное; II – поперечное; III – без какого-либо; IV – совмещение поперечного и продольного; V – бордюрное; VI – сетка; VII – розетка.

⁵ В типологии возможно отнести все эти формы к одному грушевидному типу I, включив в него и лопастные, биконические и гранёные пуговицы (типы V, VII, VIII), выделив их как разновидности. В данной работе сохраняется разделение типов с целью лучшего наблюдения изменений.

Рис. 1. Основные типы пуговиц X–XIII вв.

1 – Гнёздово, Смоленская обл., кур. Дн-4 (Михайлов, 2016. Рис. 2, 2 – опубл. без масштаба); 2 – мог-к Шестовицы, кур. № 98 (Михайлов, 2016. Рис. 6); 3, 4 – Псков, камерное погр. 6, 2-я пол. X в. (Древнерусский некрополь... 2016. С. 298. № 12; клады – 5–7 – Гнёздово, 1993 г. (Жилина, 2014. № 180/3); 8 – Суздаль, XI в. (Седова, 1997. Рис. 29, 10); 9 – Белогостицкий мон-рь под Ростовом, 1836 г. (Жилина, 2014. № 63/9); 10 – Киев, Михайловский мон-рь, 1903 г. (Жилина, 2014. № 103/26); 11 – Владимир, Ветшаный город (Жилина, 2014. № 166/6); 12 – литейная форма для шарообразных пуговиц, Киев, гора Киселевка (Шовкопляс, 1958. Табл. 5, 9)

к типам сфероконических или шаровидных, петля пропорционально меньше и не влияет на форму, поэтому грушевидная форма теряется.

По древнерусскому археологическому материалу пуговицы известны с X в. В X – первой трети XIII в. встречаются шаровидные, овальные в сечении, сфероконические, грушевидные формы и приближающиеся к грибовидным. Фрагменты одежды с ними встречены в погребениях и кладах (рис. 1). Форма типа I была универсальной, удобной и для свисания благодаря более тяжелой и широкой нижней части, и для застегивания благодаря длинной пуговичной петле (рис. 1, 1, 2, 8, 10). Она стала прототипом для развития других форм пуговиц, усиливавших те или иные их функциональные свойства в зависимости от застежки.

В X–XI вв. на основе грушевидных уже оформилась близкая к грибовидной форма, приспособленная к более плотному застегиванию, плоскость наружной застегивающей части пуговицы становится строго перпендикулярна относительно петли. Общий абрис таких пуговиц остается все же

сходным с прототипной грушевидной формой именно благодаря крупной петле (рис. 1, 3, 4).

В связи с развитием дорогого княжеско-боярского костюма появляются более крупные и легкие тисненные пуговицы шарообразной, овальной в сечении и сфероконической формы (типы II–IV), нередко оформляемые филигранью (рис. 1, 5–7, 11). Они имеют вид подвесок и, вероятно, играют роль свисающих пуговиц, одновременно украшающих и скрепляющих полы одежды.

Это развитие отчасти повторяется и продолжается во второй половине XIII – XVII в. Долгое сохранение ранних форм пуговиц свидетельствует о существовании одежд, требующих разного застегивания. Небольшие грушевидные пуговицы остаются актуальными. В парадном костюме периода Московской Руси также большую роль играли крупные нарядные свисающие пуговицы сфероконической формы, развивающие другую сторону формы грушевидных. Но развитие рациональной одежды с плотно накладывающимися друг на друга полами стимулировало развитие выраженно-

грибовидных и плоских форм, вело к постепенному отказу от пропорционально длинной петли.

*Материал*⁶. По рассматриваемому периоду учтено 166 пуговиц. Большая их часть происходит из археологических контекстов: 140 экз.⁷ Эти пуговицы имеют стратиграфическую дату, более узкую или более широкую, в зависимости от условий залегания и полевой фиксации. Преимущественно это простые литые пуговицы не крупного размера⁸. 26 пуговиц сохранилось в музейных коллекциях, это наиболее дорогие и роскошные экземпляры, художественно оформленные. Тем не менее между данными сериями имеются важные для установления даты, типологические и орнаментальные аналогии.

Ученные пуговицы хронологически распределяются следующим образом: к XIII–XV вв. относится 27 экз.; к XVI в. – 78 экз.; к концу XVI – началу XVII в. – 61 экз.

Во второй половине XIII – XV в. продолжают бытовать грушевидные пуговицы типа I (рис. 2, 11, 15⁹, 22). Наиболее ранние из указанных в таблице можно относить к домонгольскому периоду или порубежному с ним. Пуговица из Ветшаного города во Владимире происходит из усадьбы конца XII – первой трети XIII в. (пятно перемешанного слоя) (рис. 2, 22). К XIII в. относится шитое пристежное ожерелье из раскопок Богоявленского монастыря в Москве (Беляев, 1989. С. 8, 10), где восстанавливаются пуговицы грушевидной формы (рис. 2, 11). Известны уплощенные снизу варианты (рис. 2, 14).

Довольно хорошо представлена биконическая форма (тип VII), известная для данного периода по археологическим памятникам. Пуговицы из средневековых погребений Дмитрова датированы XV–XVI вв. (рис. 2, 7–10, 12, 13). Отмечены полые варианты отдела 2 (рис. 2, 8). Пуговица на крупной петле усложненной биконической формы происходит из подъемного материала, в основном домонгольского периода с Деснинского селища в Подмоскowie, можно предполагать ее дату в рамках XIII–XV вв. (рис. 2, 25).

В XIV–XV вв. существовали пуговицы в виде палочек (тип VI) из кости и металла, прикреплявшихся к одежде на шнурах, охватывавших пуговицы, или вставлявшихся в отверстия (рис. 2, 21, 23). Оба экземпляра найдены в Москве при раскопках на ул. Ильинка в слоях этого времени, датировка бронзовой пуговицы подтверждена дендрохронологически: конец 60-х – 80-е годы XV в. (рис. 2, 21).

В XV в. распространена и шаровидная форма (тип IV). Такие пуговицы, как правило, полые, более крупные и нарядные (рис. 2, 2, 3, 4, 6, 16, 17). Хронологическую основу создает материал из тверского Затьмачья, пуговицы датируются от XV в. Среди них есть экземпляр, орнаментированный в нижней части завитками, что находит параллели с пуговицами из музейных собраний, орнаментированных филигранью (рис. 2, 2, 3, 16, 17).

Есть примеры пуговиц отдела 2, овальных в продольном сечении (тип II), для них также отмечается совпадение музейного и археологического материала из Твери, датирующегося от XV в. (рис. 2, 1, 18, 19).

Литые грушевидные и биконические пуговицы либо не орнаментируются, либо на них присутствует простая линейная орнаментация (рис. 2, 7, 9, 12, 14).

Более крупные шаровидные пуговицы оформляются геометрическими орнаментами из зерни или завитковыми из проволочной филигрании (рис. 2, 1–3, 17). Есть аналогии с орнаментальными схемами бусин и пуговиц X – первой трети XIII в. (рис. 1, 5–7) (Жилина, 2010. Рис. 87, 89, 95). Шаровидные пуговицы, как правило, поперечно разделяются (подтип II) и орнаментируются бордюрами из треугольников (рис. 2, 1–3). Орнаментация часто размещена в нижней половине пуговицы (рис. 2, 4, 7, 9, 17). Это неудивительно, поскольку именно эта часть была лучше видна в застегнутом положении. Наблюдается и орнаментальное членение (подтип V) узкими бордюрами из филигрании или колец (рис. 2, 4, 6).

⁶ Каталог пуговиц вследствие большого объема в данной статье не публикуется. Номера пуговиц на таблицах соответствуют номерам каталога в соответствующих хронологических разделах.

⁷ Благодарю авторов раскопок Л. А. Беляева, Н. Е. Чалых, а также коллектив ЦАИГУОПМ за возможность использовать материал. Благодарю М. Н. Фурсова, начальника отдела «Археология» МОММ, за помощь в работе с археологическим материалом.

⁸ Целый ряд находок имеют либо широкую дату, либо происходят из перемешанных слоев. При хронологической постановке пуговиц учтены данные о стратиграфии находок из полевых отчетов, о сопутствующих им находках, а также аналогии с более точной стратиграфической датировкой.

⁹ Суздальские пуговицы происходят из слоя с керамикой, вещами и монетами XIV–XVII вв.; в перекопах слой смешан с домонгольским. Поэтому не исключена датировка данных пуговиц домонгольским временем.

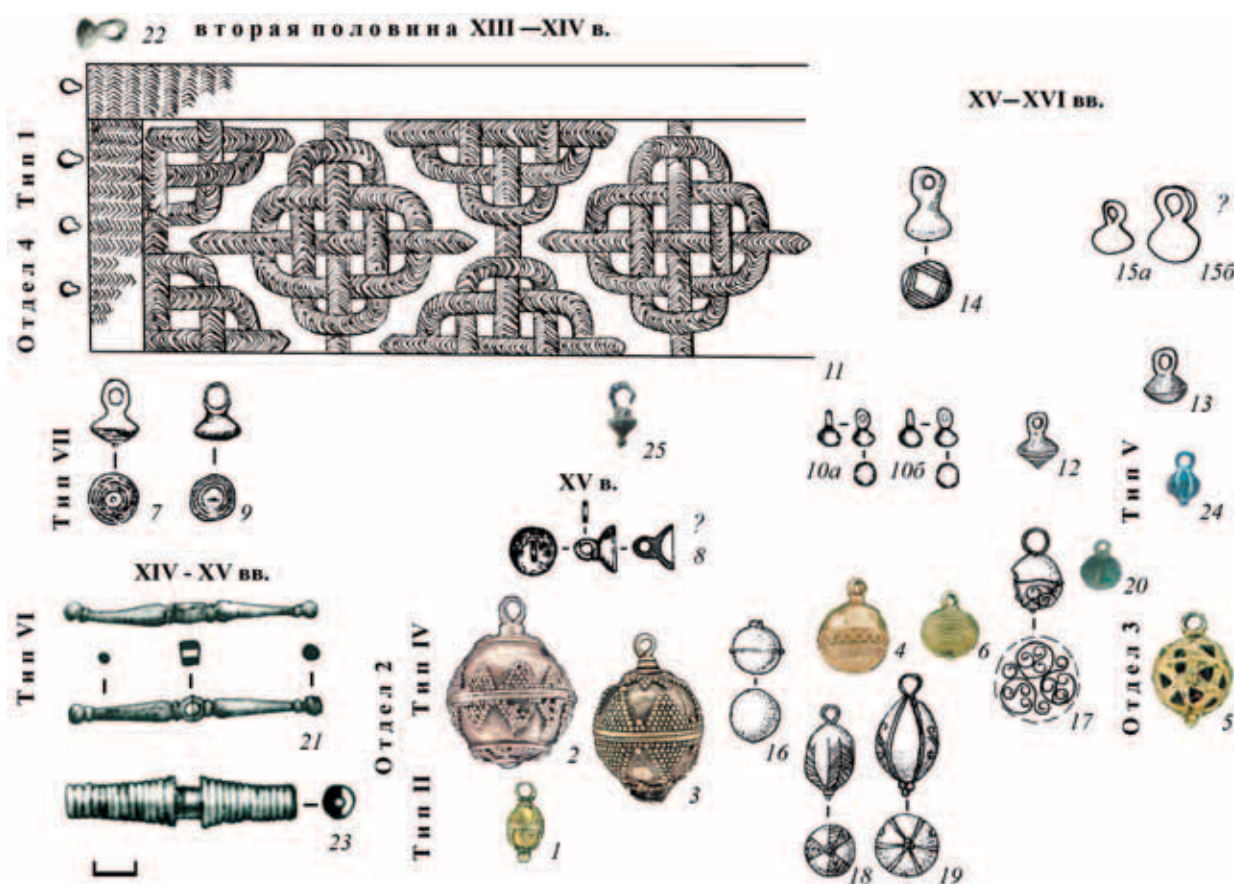

Рис. 2. Пуговицы XIII–XV вв.

1–5 – ГИМ, собр. П. И. Щукина (Русские ювелирные... 1987. С. 45, 44, 42. № 50, 49, 46, 43, 40); 6 – ГИМ, покупка в Москве, 1894 г. (Русские ювелирные... 1987. С. 46. № 52); 7 – Мосоловское селище, Среднее Подонье; 8 – селище Мякинино 2, Подмосковье; 9 – Куликовка 4, Тульская обл., случайная находка (Сарачева, 2007. № 343, 351, 344. Рис. 4, 10, 8, 9); 10а, б – Дмитров, кремль, мог-к, погр. № 7 и 47 (Энговатова, Гончарова, 2002. С. 209, 234, 238, 207, 208. Рис. 51, 33); 11 – Москва, Богоявленский мон-рь (Беляев, 1989. С. 8, 10. Чертеж III); 12, 13 – Муром, кремль (Чалых, 1985. С. 26, 33, 61. Рис. 14, 12, 11); 14, 16–19 – Тверь, Затмачье (Солдатенкова, 2008. С. 160, 161. Рис. 1, 11, 14, 15, 13, 16); 15, 20 – Суздаль, кремль (Седова, 1988а. С. 19, 21, 22, 25; 1988б. Л. 14. Рис. 27, 8, 9; 1999а. С. 23, 28; 1999б. Л. 26. Рис. 29, 2); 21, 23 – Москва, ул. Ильинка (Векслер, 1997в. С. 168, 169, 355; 1997 г. Л. 131об. Ил. 176. Табл. 10, 15; 1997а. С. 67–70, 81, 82; 1997б. Л. 41. Ил. 209. Табл. 5, 5.); 22 – Владимир, Ветшанный город (Жарнов, 1996а. С. 10; 1996б. Л. 50. Рис. 130, 4); 24 – Москва, Коломенское, зона ц. Вознесения (Векслер, Беляев, 2003. С. 61, 74, 126); 25 – Деснинское селище, Ленинский р-н Московской обл. (Станюкович, 1979. С. 10, 213. МОММ. ОФ 28959/373; Инв. 47166)

Для овальных в сечении пуговиц (тип II) более характерно продольное орнаментальное членение (подтип I), зоны гладкого металла чередуются с зонами, орнаментированными завитками или линиями (рис. 2, 18, 19).

Наиболее сложный вариант орнаментации имеет ажурная шарообразная пуговица, разделенная поперечно, на каждой половине в виде розетки размещены по три окружности с вписанными крестообразными фигурами (рис. 2, 5). Здесь также есть аналогия с орнаментацией бусин древнерусских трехбусинных колец XII – первой трети XIII в. (Жилина, 2010. Рис. 62, 71). Это непосредственное развитие прежних вариантов, либо новое воспроизведение сходной орнаментации на основе той же формы.

Письменные источники с упоминанием пуговиц при описании одежды, как правило, не характеризуют их форму. Тем не менее есть сведения о качестве пуговиц и конкретных видах одежды, на которых они употреблялись. В черновом варианте духовной грамоты князя Верейского и Белозерского Михаила Андреевича (около 1486 г.) пуговицы из драгоценного материала упомянуты на спороке из дорогой ткани и шубе: «...спорок аксамит зелен, пуговицы золоты с жемчюги, да шуба соболя, аксамит синь з золотом да с пугвицами, то все моему господину, великому князю» (ДДГ, 1950. С. 301, 302). Эти дорогие одежды и даже их части завещаны великому князю Ивану Васильевичу. В приписном списке к духовной грамоте

пуговицы упомянуты также на терлике и шубе, завешанных зятю, а также на опашне, завешанном дочери: «терлик камка голуба с пугвицами, шуба соболья камка червчата с пугвицами», «опашень рудожелт с пугвицами» (ДДГ, 1950. С. 312).

В XVI в. грушевидная форма пуговиц (тип I), судя по находкам из ряда городов, распространена. Хронологическую основу дают пуговицы из раскопок в тверском Затъмачье (рис. 3, 1, 3, 7). Точную стратиграфическую дату – вторая половина XVI в. – имеет пуговица из Романова двора в Москве (рис. 3, 34). Серия пуговиц из Замошворечья (ул. Б. Якиманка) происходит из сооружения конца XV – XVI в. (рис. 3, 40–42), две находки относятся к XVI–XVII вв. (рис. 3, 43, 44). Со слоем XVI в. связываются пуговицы из Заяузья (рис. 3, 45, 46). Датировка XVI–XVII вв. допустима для пуговиц, найденных при раскопках Казанского собора в Москве (рис. 3, 2, 4), а также для группы пуговиц из Суздаля и Владимира, часть которых происходит их перемешанных слоев (рис. 3, 5, 19, 21, 22, 55–59). Одна из пуговиц выполнена из стекла (рис. 3, 57¹⁰).

Этот тип показывает модификации, связанные с тенденциями к шарообразной (рис. 3, 3, 4, 20, 34, 40, 53), биконической (рис. 3, 2, 7, 46, 55, 56, 59), сфероконической (рис. 3, 54–56) и уплощенной форме без лишнего объема (рис. 3, 20–22). Есть пример пуговицы, приблизившейся к грибовидной форме (рис. 3, 57, 58). Более четкие контуры формы способствуют удобству застегивания. Биконическая пуговица с территории кремля в Муроме датируется второй половиной – концом XVI в.

Среди тисненых пуговиц (отдел 2) наиболее хорошо представлены шарообразные (тип IV). Время бытования филигранных пуговиц из собраний ГИМ (рис. 3, 8, 10, 16, 17) подкрепляется аналогиями по шарообразной форме более простых пуговиц из раскопок во Владимире, Москве (ул. Ильинка, Заяузье, Кадашевская слобода) и Коломенском (рис. 3, 20, 23, 33, 47, 50–52). Шарообразные пуговицы с территории церкви Вознесения в Коломенском залегали в слое 30-х гг. XVI в. (рис. 3, 20).

Мелкие шарообразные пуговицы оставались литыми (отдел 4). Некоторые шарообразные пуговицы являются ажурными или полуажурными (отдел 3). Пуговицы из ГИМ (рис. 3, 12, 13) также имеют в качестве аналогий филигранные пугови-

цы со стратиграфическими датами XVI в. из раскопок в Москве: серебряная пуговица из Зарядья (рис. 3, 49) и серия из 12 медных позолоченных полуажурных пуговиц из раскопок на территории Покровского собора (рис. 3, 24)¹¹. Такие пуговицы использовались для дорогих или верхних одежд. В частности, пуговицы с кладбища у Покровского собора относились к верхней мужской распашной одежде, с ними сохранилась и воздушная петля, сделанная из плетеного шелкового шнура (Елкина, 2017. С. 250, 251. Рис. 6, 7г).

Некоторые пуговицы имеют форму, близкую к шарообразной, но вытянутые пропорции. Они относятся к типу II овальных в продольном сечении. Филигранная пуговица с жемчугом из ГИМ (рис. 3, 14) и пуговицы с гравированным орнаментом из раскопок в Москве на ул. Ильинка и Дмитровка из слоев XVI в. сходны по форме (рис. 3, 37, 39).

Выделяется серия лопастных пуговиц (тип V), их форма колеблется от овально-конической к сфероконической. Опорные даты XVI в. дают пуговицы из раскопок в Твери и в Москве на ул. Ильинка и Кадашевской набережной. Последние представляют собой незаконченную продукцию, они не разделены после отливки и сохранились попарно (рис. 3, 32, 38, 48). Другие, из раскопок Казанского собора в Москве и кремля в Суздале, датированы по аналогиям (рис. 3, 25, 31).

Пуговицы типа VIII – граненые – относятся к отделам 2 и 4. Три находки из Твери дают хорошую основу для фиксации данной формы в XVI в., в числе находок есть и полуфабрикат – свидетельство о производстве (рис. 3, 26–28). Граненая пуговица, близкая шарообразной форме, происходит из слоя XVI в. на ул. Дмитровка в Москве (рис. 3, 60). Пуговица из Суздаля происходит из перемешанного слоя, но датировка XVI в. для нее допустима (рис. 3, 30). Такую форму имеют и пуговицы из Золотой кладовой ГВСИAXMЗ (рис. 3, 15, 18).

Выраженная сфероконическая форма (тип III) пока единична. Ко второй половине XVI в. относится такая пуговица с Романова двора (рис. 3, 35).

В единичных экземплярах известны палочковые пуговицы (тип VI, костяная из слоя XV–XVI вв. Суздаля) и грузики (тип XII, Москва, ул. Ильинка, дендрохронологическая дата: середина 40-х – начало 60-х гг. XVI в.), возможно, имевшие отношение к застежке (рис. 3, 9, 49).

¹⁰ Нельзя исключить более раннюю датировку для пуговиц из Владимира (рис. 3, 57, 58).

¹¹ Для этих пуговиц возможна широкая датировка XVI–XVII вв., они размещены в таблице XVI в. на основании аналогии с пуговицами из Затъмачья (рис. 2, 17).

Рис. 3. Пуговицы XVI в.

1, 3, 7, 26–28, 32 – Тверь, Затымачье (Солдатенкова, 2008. С. 160, 161. Рис. 1, 6, 10, 12, 9, 17, 8, 7); 2, 4, 31 – Москва, Казанский собор (Беляев, 1992в. С. 46–52, 36–40; 1992г. Л. 9, 11, 52; 1990. С. 15, 16, 34–38, 77); 5, 55–59 – Владимир, Торговые ряды (Седова, Мухина, 1993. С. 20–22, 25, 31, 134; 50, 51, 231, 33–36, 39, 181, 161); 6, 48, 50–54 – Москва, Замоскворечье, Калашевская слобода (Векслер, 2002б. С. 76–78, 58, 59, 62–64, 54, 70, 71; 2002в. С. 124, 151, 127, 155, 135. Ил. 135, 156, 161, 162, 273, 271; 138, 174, 166, 291; 146, 222); 8, 12, 17 – ГИМ, собр. неизвестного (Русские ювелирные... 1987. С. 42, 39, 40; № 42, 32, 34); 9, 21, 22, 25, 30 – Суздаль, кремль (Седова, 1999а. С. 28; 1999б. Л. 26; 1988а. С. 40, 43, 46, 9–14; 1988б. Л. 15, 130б. Рис. 29, 6, 26, 12; 1983. С. 28, 63, 70, 75, 64. Рис. 10, 3, 6); 10, 14, 16 – ГИМ, собр. П. И. Шукрина (Русские ювелирные... 1987. С. 46, 45, 37. № 51, 47, 27); 11 – Муром, кремль (Чалых, 1985. С. 7, 16–24, 59. Рис. 12, 2); 13 – ГИМ, дар (Русские ювелирные... 1987. С. 42. № 41); 15, 18 – ГВСИИХМЗ (Золотая кладовая, 2008. С. 77. № 57); 19 – Суздаль, Александровский мон-рь, погр. № 9 (Глазов, 2001. С. 22, 23, 29, 30, 66. Ил. 51, 4); 20 – Москва, Коломенское, зона ц. Вознесения (Векслер, Беляев, 2003. С. 7, 8, 49–51, 77, 121, 126); 23 – Владимир, Ветшаный город (Жарнов, 1999а. С. 6–8; 1999б. Л. 59. Рис. 193, 2); 24 – Москва, Покровский собор (Беляев, 2000а. С. 14, 15, 26; 2006б. Л. 45, 134. Фото 1); 29, 33, 38, 39 – Москва, ул. Ильинка (Векслер, 1997в. Л. 157, 158, 355, 37–40, 44–47; 1997г. Л. 1310б, 66. Ил. 176. Табл. 10, 8, 14; Ил. 61. Табл. 1, 1–3); 34, 35 – Москва, Романов двор/усадьба бояр Романовых (Археология... 2009. Рис. 144, 6, 15); 36, 37, 60 – Москва, Белый город, ул. Дмитровка (Векслер, 2002а. С. 96, 102, 167, 87, 92, 162); 40–44 – Москва, Замоскворечье, ул. Б. Якиманка (Векслер, 2002г. С. 39–43, 82–84, 117, 140–142; 2002д. С. 26, 27, 31, 39, 42); 45–47 – Москва, Земляной город, Заяузы, Гончарная слобода (Векслер, 2002е, С. 99, 100, 110–113, 57, 58; 2002з. С. 84. Табл. VI, I, 3; 2002ж. С. 119); 49 – Москва, Зарядье (Дубинин, 1954а. С. 55–57; 1954б. Л. 130б, 42. Табл. XXIV, рис. 2)

Наиболее красивыми пуговицами были серебряные филигранные. Иногда орнамент дополняется эмалью. Довольно распространено поперечное разделение сферы пуговицы, в качестве композиции на полусфере используется лепестковая розетка, внутри лепестков – гранулы зерни, напайные полусферы, крестовидные фигуры, миниатюрные кольца (рис. 3, 12, 14, 16, 24). Орнаментация остается геометрической. Иногда филигрань дополняется эмалью и жемчугом (рис. 3, 12, 14, 17). В ряде случаев используется бордюрная орнаментация, вторящая поперечному разделению (рис. 3, 17). Сложную и гармоничную орнаментальную композицию, сходную с композициями бусин древнерусских трехбусинных колец, имеет пуговица из Зарядья: между лепестками верхней и нижней розетки по средней линии пуговицы расположены ромбы, ромбы вписаны и в лепестки розеток (рис. 3, 49).

Более простые пуговицы орнаментированы гравировкой. На граненых пуговицах преобладает ромбический мотив, вторящий граням, дополняемый растительным или завитковым орнаментом (рис. 3, 15, 18, 27, 30). Грушевидные пуговицы орнаментированы линейными и точечными насечками (рис. 3, 3, 7, 40, 43).

В письменных источниках для этого времени упоминаются пуговицы из драгоценного металла. Пуговицы для верхних одежд отличались нарядностью и величиной: «пугвицы женские шубные серебряны золочены». Выражение «пуговицы женские» свидетельствует о том, что они отличались от пуговиц для мужских одежд, скорее всего, большей нарядностью. Специально оговаривается факт, когда на одежде пуговицы отсутствуют, что, вероятно, отражает меньшую стоимость: «да опошен скорлат червчет без пугвиц» (ДДГ, 1950. С. 349).

Роль пуговиц на парадных одеждах в XVI–XVII вв. выполняли драгоценные камни или жемчужины, закрепленные на тонких золотых гвоздиках – спнях (Постникова-Лосева, 1987. С. 14). В духовной грамоте княгини Юлиании, вдовы князя Бориса Васильевича Волоцкого (около 1503 г.), такие пуговицы упомянуты в комплекте с колпаком, завещанным сыну Федору: «...да колпак, полки сожаны жемчугом, да три у него пугвицы яхонты жемчуги и не пришиты». У неженатого сына Ивана, согласно духовной, был колпак с драгоценными камнями и жемчугом от демонтированных серег, часть которых, вероятно, использо-

валась в качестве пуговиц: «трои серги, двои яхонты, а третьи лалы, а тех серег каменье з жемчуги на калпаки у сына у моего у Ивана»¹². Примерно такими же могли быть пуговицы пристежных ожерелий; для них подходили, видимо, некрупные камни, использовавшиеся на серьгах. В той же духовной грамоте снохе завещаны «двои серги, одни яхонты, а другие лалы, а те серги у сына у моего у Ивана, у ожерелья у белого в пугвицах».

Пуговицы для застегивания ожерелий были многочисленны и разнообразны. Можно отметить специальный вид жемчуга – пуговичный: жемчужины, отобранные и предназначенные именно для изготовления пуговиц. Дочери Юлиании завещано «ожерелье зожно, а исподней ряд снизан, да четыре у него пугвицы жемчужны, да пятнадцать пугвиц сенчатых золочены с жемчугом невелики, да четыре жемчугы пугвичные». Есть сведения и о крупных пуговицах ожерелий: Юлиания завещала сыну Ивану «ожерелье сожено с пугвцами с большими» (ДДГ, 1950. С. 349).

Термин «сенчатые» знает и поздняя опись 1725 г. Покровского монастыря в Суздале, относящая его к пронизкам, украшающим крест (Георгиевский, 1927б. С. 72). По-видимому, термин отражает ажурный корпус изделий, то есть «сетчатый». Сетчатыми названы ажурные пуговицы XVI–XVII вв. из собрания монастыря (Георгиевский, 1927а. Табл. XXVI, 2).

В духовной грамоте князя углеицкого Дмитрия Ивановича (1521 г.) говорится о пуговицах из драгоценных камней для шубы-однорядки: «однорядка скорлатна, строка сажона жемчугом гурмыским, а пугвицы у нее лалцы и плохое каменье з жемчушки» (ДДГ, 1950. С. 409, 411).

Пристежное жемчужное ожерелье XVI в. с пуговицами-жемчужинами известно в составе приклада к иконе Богоматери (Иверской или Грузинской) Покровского монастыря Суздаля. Это дар одной из жен Ивана Грозного – Марии Темрюковны. О нем сообщает монастырская опись 1597 г.: «...ожерелье низано на четыре нити жемчуг большой а у него пугвицы шесть зерен жемчужных на золотых спнях» (Георгиевский, 1927а. Табл. I; 1927б. С. 3) (рис. 4). Просматриваются два края жемчужных лент с жемчужными пуговицами (рис. 4, 1, 2). В состав пуговицы могло входить две-три жемчужины, разных по величине и расположенных в длину, таким пуговицам соответствуют круглые петли (?) (рис. 4, 3а, б).

¹² Эти драгоценности Юлиания завещала будущей невестке.

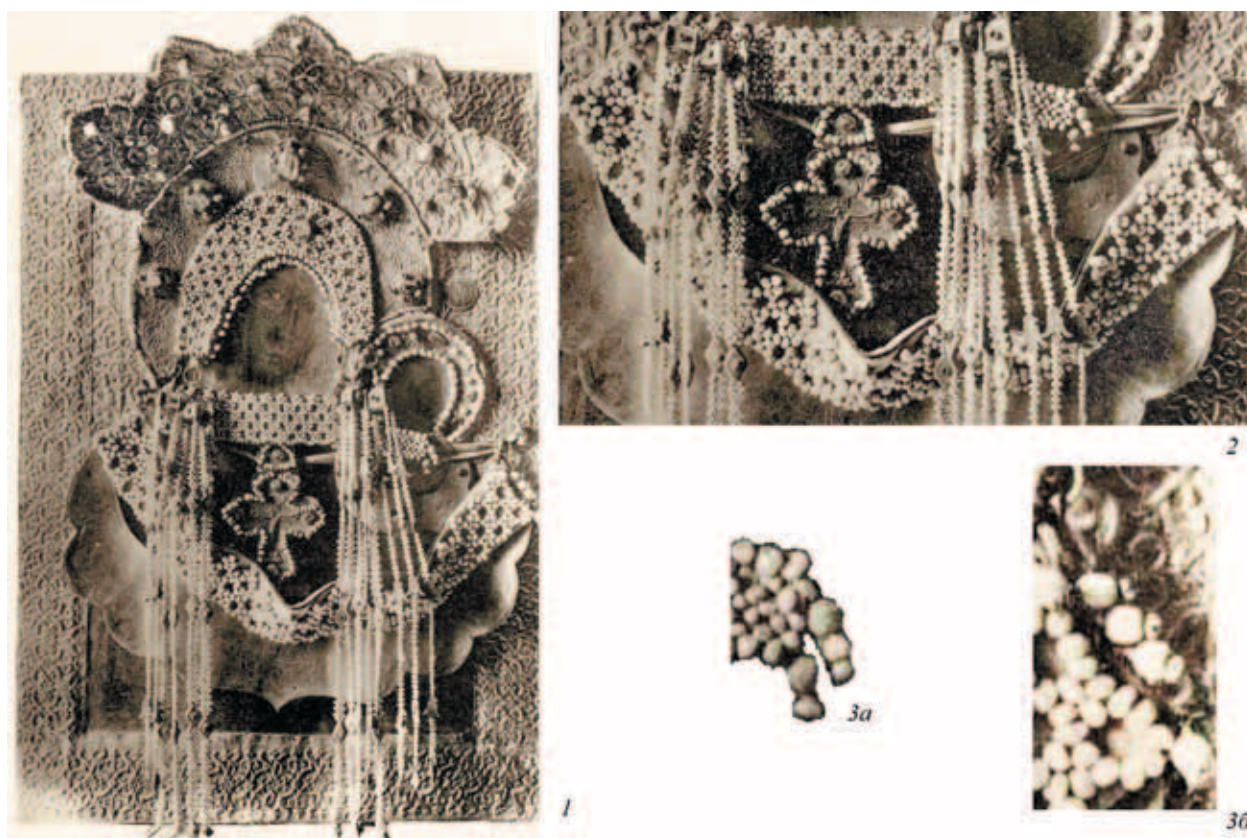

Рис. 4. Ожерелье с пуговицами в составе приклада к иконе Богоматери Покровского монастыря в Суздале

1 – общий вид иконы с прикладом; 2, 3 – украшения с жемчужными пуговицами (Георгиевский, 1927. Табл. I)

На другой иконе Богоматери в прикладе упомянуто «...ожерелеицо низано жемчугом невелико», у которого «четыре пуговки серебряны жемчужки» (Георгиевский, 1927б. С. 18). А опись 1725 г. упоминает серебряные позолоченные пуговицы в составе двух епитрахилей, на третьей указано количество – «десеть пугвиц серебряны» (Георгиевский, 1927б. С. 46, 47).

Некоторые пуговицы можно отнести к XVI–XVII вв., вероятно, к концу XVI – началу XVII в.

Шарообразные пуговицы (тип IV), имеют стратиграфические даты. Пуговица-бубенчик из раскопок в Москве на ул. Ильинка датируется рубежом XVI–XVII вв. по дендрохронологической дате яруса, а шарообразные пуговицы с ул. Ильинка и из Кадашевской слободы найдены в слое с находками XVI – первой половины XVII в. (рис. 4, 2, 22, 24, 33). К этому времени близка и аналогичная пуговица из раскопок Андроникова монастыря в Москве (рис. 5, 17). Шесть шарообразных пуговиц на овальных петлях в Кадашевской слободе найдены надетыми на шнурок (рис. 5, 24).

С этим временем можно связывать пуговицы из музейных собраний (рис. 5, 1, 5, 16).

С началом XVII в., вероятно, можно связывать шарообразные ажурные пуговицы, найденные при раскопках Казанского собора на Красной площади (рис. 5, 4б). Они аналогичны по оформлению пуговицам из Владимиро-Суздальского музея-заповедника (рис. 5, 6, 8, 12).

Представлена и форма овальных в сечении пуговиц (тип II). Филигранная пуговица из Замоскворечья (Овчинниковская ул.) происходит из слоя XVII в., но с более ранними находками XVI в. Другая пуговица из Занеглименья (Вознесенский пер.) найдена в яме с керамикой второй половины XVII в. и более ранними находками, по дате она может быть близка началу активной хозяйственной деятельности на этом участке (рубеж XV–XVI вв.) (рис. 5, 30, 31). К рубежу XVI и XVII вв. относится деформированная маленькая пуговица из Кадашевской слободы (рис. 5, 35).

Форма некоторых пуговиц удлинена и заострена книзу за счет гранул и пирамидок зерни, а также других декоративных элементов, приближаясь этим к сфероконической (рис. 5, 13, 14, 15, 30). Есть и сложившиеся сфероконические формы (тип III) (рис. 5, 7, 9). Они происходят из музейных собраний,

Рис. 5. Пуговицы кон. XVI – нач. XVII в.

1, 7, 9, 15, 16 – ГИМ, собр. П. И. Шуккина (Русские ювелирные... 1987. С. 36, 44, 41, 45; № 26, 44, 37, 48, 45); 2, 25 – Москва, ул. Ильинка (Векслер, 1997в. С. 150, 151, 355, 237, 238, 246; Векслер, 1997г. Л. 131об. Ил. 176. Табл. 10, 10, 9); 3, 4, 20, 21 – Москва, Казанский собор (Беляев, 1990. С. 15, 16, 34–38, 77; 1992а. С. 12–15, 71–80, 142 – МОММ. ОФ 29987/464–479; 1992в. С. 36–40; 1992г. С. 11, 53); 5, 6, 8, 12–14 – ГВСИАиХМЗ (Золотая кладовая, 2008. С. 76, 77. № 57); 10, 11, 22–24 – Москва, Кадашевская слобода (Векслер, 1999. С. 69–74, 252, 253; 2002б. С. 45–48; 2002в. С. 133. Ил. 144, 208); 17 – Москва, Андроников мон-рь (Беляев, 2001. С. 10, 17–19, 24. Ил. 88); 18, 19 – Москва, усадьба Романовых (Археология... 2009. Рис. 144, 7, 14); 25 – Москва, ул. Ильинка (Векслер, 1997в. С. 237, 238, 246; 1999г. Л. 131об. Ил. 176. Табл. 10, 9); 26 – Москва, Замоскворечье, ул. Якиманка (Векслер, 2002г. С. 80, 81, 108; 2002д. С. 29); 27, 28, 33 – Москва, ул. Дмитровка (Векслер, 2002и. С. 97, 98, 107, 74–76; 2002к. С. 54, 55, 94); 29 – Москва, Зауэзе (Векслер, 2002е. С. 17, 58; 2002ж. Л. 86); 30 – Москва, Овчинниковская слобода (Векслер, 2002л. С. 55–58, 63; 2002м. С. 54); 31 – Москва, Белый город, Занемилье, Вознесенский пер. (Векслер, 2002н. С. 91, 92, 97–99; 2002и. С. 17); 32 – Суздаль, кремль (Седова, 1986. С. 41–53, 109, 125. Рис. 18, 8); 34–38 – Москва, Климентовский острожек, Татарская слобода (Векслер А. Г., 2004а. С. 26, 62, 64, 83, 86, 99, 117–119; 2004б. С. 31, 114, 81, 82. Ил. 28, 102, 181, 182; 2004в. С. 42. Ил. 148)

по музейным атрибуциям датированы XV–XVI или XVI–XVII вв. На наш взгляд, возможно приблизить их датировку к данному переходному периоду, поскольку сфероконическая форма будет популярна в XVII в. Кроме того, наблюдается близкое сходство форм, происходящих из музейного и археологического материала (рис. 5, 13 и 30).

Деформированная пуговица из белого металла из Кадашевской слободы в Москве, возможно, была лопастной (тип V), она происходит из слоя с находками XVI – первой половины XVII в. (рис. 5, 23).

Граненая пуговица (тип VIII) (рис. 5, 19) найдена при раскопках усадьбы Романовых в Москве в позднем слое XVIII – начала XIX в., но можно предполагать, что она является более ранней на основании аналогий с пуговицами из слоев XVI в. (рис. 3, 27, 30).

В конце XVI – первой половине XVII в. по-прежнему известны грушевидные (тип I) пуговицы. С этим временем связана пуговица из Суздаля (рис. 5, 32), а также находки из Москвы с ул. Дмитровка и усадьбы Романовых (рис. 5, 18, 28). К этим датировкам близки пуговицы из Кадашевской слободы и раскопок Казанского собора (рис. 5, 32, 34, 36). Близка грушевидной остается форма ребристой пуговицы (тип V) с ул. Дмитровка с аналогичной датировкой (рис. 5, 27). Некоторые пуговицы становятся крупнее, имеют более орнаментированную, ребристую или граненую нижнюю часть. Такую тенденцию показывают пуговицы из Москвы (Климентовский острожек, Татарская слобода), к сожалению, не имеющие твердых дат, но происходящие из слоев и ям с материалом XVI в. Тенденция, читаемая по этим формам, свидетельствует о переходе к типу грибовидных (рис. 5, 34–38).

К началу XVII в. наблюдается важное новое конструктивное явление: формируются грибовидные пуговицы с четко выделенными и пропорционально крупными полусферическими или сферическими шляпками (тип IX). К началу – первой трети XVII в. могут относиться пуговицы из Казанского собора с ажурными наружными частями (рис. 5, 3, 4a). В формировании нарядного облика этих пуговиц сыграла роль и шарообразная форма (тип IV), изменение состояло в ее уплощении, но с сохранением сферичности.

Пуговица с ул. Ильинка с длинной петлей найдена при зачистке, куда попал материал XVI в.; пуговица из Замоскворечья находилась в слое XVII–XVIII в., включающего более ранние находки; пуговица из Заяузья происходит из ямы XVI–XVII вв. (рис. 5, 25, 26, 37).

Из раскопок Казанского собора происходят и заклепки грибовидной формы, возможно, так-

же игравшие роль пуговиц, по глубине залегания они соответствуют горизонту XVI – начала XVII в. (рис. 5, 20).

В отличие от домонгольских форм, приближающихся к грибовидным, петля таких пуговиц становится пропорционально меньше, а застегивающая наружная часть – пропорционально больше. Ранние формы имеют еще довольно длинные петли, обозначающие родственность с грушевидной формой, наружная часть пуговицы расположена четко перпендикулярно относительно петли, с выделением прямоугольных очертаний.

В орнаментальном отношении пуговицы данной хронологической группы продолжают тенденции XVI в. Часто используется геометрическое оформление пуговиц филигранными окружностями и вписанными в них гранулами зерни и еще более мелкими кольцами (рис. 5, 5, 8, 15, 16). Более сложной и плотной становится филигранная завитковая орнаментация, в том числе ажурная, также дополняемая крупными выделяющимися гранулами зерни (рис. 5, 4б, 4в, 6, 8, 12, 13).

Крупные сферические пуговицы (типы II–IV) чаще орнаментально разделяются поперечно (подтип II), при этом типично выделение орнаментацией нижней части пуговицы, которая была более заметна на одежде (рис. 5, 5, 6, 8, 12, 13, 15, 30). Наблюдается также продольное и бордюрное орнаментальное разделение. В этом случае используется наложение филигранной проволоки сплошными рядами (рис. 5, 7, 9, 14, 16). Крупная шляпка грибовидных пуговиц располагает к геометрическому орнаменту в композиции розетки (рис. 5, 4a, 37). Геометрическая орнаментация используется на граненых и шарообразных пуговицах (рис. 5, 19, 33). Обращает на себя внимание, что в рассматриваемый период растительная орнаментация на пуговицах практически не наблюдается.

Выводы. Рассматриваемый период демонстрирует продолжение актуальности некрупных грушевидных, биконических, лопастных и граненых пуговиц, в основном литых (отдел 4; типы I, V, VII, VIII). Они были удобны для застегивания нижней одежды, рубах, пристежных ожерелий. Вместе с тем развиваются более крупные сферические пуговицы, нарядно оформляемые филигранью (отдел 2, типы II–IV), предназначенные для застегивания дорогих парадных и верхних одежд. Пуговицы украшаются геометрическим и завитковым орнаментом, растительный пока не представлен. В художественном оформлении пуговиц основную роль играет филигрань различных видов. Пуговицы конструктивно соответствуют застегке на воздушные петли.

Литература

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с. (Мат. охран-ных археологических исследований. Т. 12).

Беляев Л. А., 1989. Отчет о результатах археологических исследований в ходе реставрации памятника истории и культуры собора Богоявленского монастыря в г. Москве за 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12672.

Беляев Л. А., 1990. Отчет об археологических исследованиях на участке памятника архитектуры XVII века Казанского собора на Красной площади в Москве в 1989 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 14029.

Беляев Л. А., 1992а. Казанский собор на Красной площади в Москве. Отчет об археологических исследованиях в 1991 году. Кн. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 16827.

Беляев Л. А., 1992б. Казанский собор на Красной площади в Москве. Отчет об археологических исследованиях в 1991 году. Кн. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 16804.

Беляев Л. А., 1992в. Казанский собор на Красной площади. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на участке Казанского собора на Красной площади в 1992 г. Т. I / Архив ИА РАН. Р-1. № 17945.

Беляев Л. А., 1992г. Казанский собор на Красной площади. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на участке Казанского собора на Красной площади в 1992 г. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 17947.

Беляев Л. А., 2001. Отчет о раскопках в Андрониковом монастыре в г. Москве в 2000 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23672.

Беляев Л. А., 2006а. Отчет об археологических исследованиях территории вокруг собора Покрова Богородицы на Рву в 2005 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 26844.

Беляев Л. А., 2006б. Альбом к отчету об археологических исследованиях территории вокруг собора Покрова Богородицы на Рву в 2005 году. Кн. 1. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 26846.

Векслер А. Г., 1997а. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20390.

Векслер А. Г., 1997б. Альбом к отчету об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20391.

Векслер А. Г., 1997в. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 1. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20392.

Векслер А. Г., 1997г. Альбом к отчету об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 1. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20393.

Векслер А. Г., 1999. Исследования в Земляном городе в 1999 г. в г. Москве. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22465.

Векслер А. Г., 2002а. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 4 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23542.

Векслер А. Г., 2002б. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу: Кадашевская наб., д. 30 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23365.

Векслер А. Г., 2002в. Альбом иллюстраций к отчету об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу: Кадашевская наб., д. 30 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23366.

Векслер А. Г., 2002г. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством жилищно-коммерческого комплекса по адресу: ул. Б. Якиманка, вл. 22 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23367.

Векслер А. Г., 2002д. Описание индивидуальных находок / Архив ИА РАН. Р-1. № 23368.

Векслер А. Г., 2002е. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23371.

Векслер А. Г., 2002ж. Альбом к отчету о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г. Ч. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23372.

Векслер А. Г., 2002з. Альбом к отчету о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23373.

Векслер А. Г., 2002и. Отчет об археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко по ул. Б. Дмитровка, 17 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23375.

Векслер А. Г., 2002к. Альбом к отчету об археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания Московского академического музыкаль-

ного театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко по ул. Б. Дмитровка, 17 в 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23378.

Векслер А. Г., 2002л. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством банковского делового центра по адресу: Овчинниковская наб., д. 22 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23381.

Векслер А. Г., 2002м. Альбом к отчету о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством банковского делового центра по адресу: Овчинниковская наб., д. 22 в 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23383.

Векслер А. Г., 2002н. Отчет об археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 3. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией жилого дома по адресу: Вознесенский пер., вл. 7 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23549.

Векслер А. Г., 2002и. Отчет об археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 3. Приложения к отчету об охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией жилого дома по адресу: Вознесенский пер., вл. 7 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23552.

Векслер А. Г., 2004а. Отчет об охранных археологических исследованиях, в связи со строительством здания по адресу: г. Москва, Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул., вл. 16/2 в 2003 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23575.

Векслер А. Г., 2004б. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях, в связи со строительством здания по адресу: г. Москва, Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул., вл. 16/2 в 2003 г. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23576.

Векслер А. Г., 2004в. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях, в связи со строительством здания по адресу: г. Москва, Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул., вл. 16/2 в 2003 г. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23577.

Векслер А. Г., Беляев Л. А., 2003. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных с прокладкой дождевой канализации и дренажей в центральной части ГМЗ «Коломенское» / Архив ИА РАН. Р-1. № 23585.

Георгиевский В., 1927а. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Глав. упр. науч. учреждениями. 59 с.

Георгиевский В., 1927б. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. Приложения. М.: Глав. упр. науч. учреждениями. 75 с.

Глазов В. П., 2000. Отчет о раскопках в г. Суздале на территории Александровского монастыря в 2000 г. Владимир / Архив ИА РАН. Р-1. № 26494.

Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2. СПб.: Нестор-история, 2016. 624 с.

ДДГ, 1950. М. – Л.: АН СССР. 588 с.

Дубынин А. Ф., 1954а. Отчет о работе Московской экспедиции за 1954 г. Ч. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 1061.

Дубынин А. Ф., 1954б. Московская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР. Раскопки и наблюдения в Зарядье г. Москвы / Архив ИА РАН. Р-1. № 1061а.

Елкина И. И., 2017. Текстиль из погребений собора Покрова на Рву // De mare ad mare. Археология и история. Сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке. М.; Смоленск: Свиток. С. 248–253.

Жарнов Ю. Э., 1996а. Отчет о раскопках в 22-м квартале исторического ядра г. Владимира в 1996 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 20032.

Жарнов Ю. Э., 1996б. Отчет о раскопках в 22-м квартале исторического ядра г. Владимира в 1996 году. Альбом иллюстраций / Архив ИА РАН. Р-1. № 20033.

Жарнов Ю. Э., 1999а. Отчет о раскопках в историческом ядре г. Владимира в 1999 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 23273.

Жарнов Ю. Э., 1999б. Отчет о раскопках в историческом ядре г. Владимира в 1999 году. Альбом иллюстраций / Архив ИА РАН. Р-1. 23274.

Жилина Н. В., 2010. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН; Гриф и К. 260 с.

Жилина Н. В., 2012. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII–XVII в. на материале Северо-Восточной Руси // АВСЗ. Вып. 4. М.: СПб.: Нестор-История. С. 215–235.

Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS; Либроком. 400 с.

Жилина Н. В., 2015. Застежки в костюме Московской Руси (предварительный очерк) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 227–253.

Золотая кладовая. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Владимир: Аркаим, 2008. 128 с.

Михайлов К. А., 2016. Костюм из псковских камерных погребений 2-й пол. X в. на фоне ранне-средневековых европейских аналогий // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2. СПб.: Нестор-История. С. 415–427.

Постникова-Лосева М. М., 1987. 16–17 века // Русские ювелирные украшения 16–20 веков. Из собрания Государственного ордена Ленина Исторического музея. М.: Советский художник. С. 11–70.

Русские ювелирные украшения 16–20 веков. М.: Советский художник, 1987. 344 с.

Сарачева Т. Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.

Седова М. В., 1983. Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции за 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9084.

Седова М. В., 1986. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 год. Т. I / Архив ИА РАН. Р-1. № 11962.

Седова М. В., 1988а. Отчет о раскопках в г. Суздале в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14100.

Седова М. В., 1988б. Отчет о раскопках в г. Суздале в 1988 г. Альбом к отчету (без названия) / Архив ИА РАН. Р-1. № 14101.

Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.

Седова М. В., 1999а. Отчет об археологических раскопках в кремле г. Суздаля в 1999 г. Т. I / Архив ИА РАН. Р-1. № 22494.

Седова М. В., 1999б. Отчет об археологических раскопках в кремле г. Суздаля в 1999 г. Т. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 22495.

Седова М. В., *Мухина Т. Ф.*, 1993. Отчет о раскопках в г. Владимире в 1992–1993 гг. (ул. III Интернационала – Торговые ряды) / Архив ИА РАН. Р-1. № 19630.

Солдатенкова В. В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (По материалам раскопа 56 на территории Затымацкого посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. С. 153–169.

Станюкович А. К., 1979. Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях на территории Ленинского района Московской области и Анапского района Краснодарского края в 1977–1978 гг. / МОММ. НВФ 15371/134.

Уткин П. И., 1970. Русские ювелирные украшения. М.: Легкая индустрия. 164 с.

Чалых Н. Е., 1985. Отчет о работе Муромского отряда Владимиро-Суздальской археологической экспедиции за 1984 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 11195.

Шовкопляс Г. М., 1958. Археологічні пам'ятки гори Киселівки в Києві // Праці київського державного музею. Вип. I. Київ. С. 133–157.

Энговатова А. В., *Гончарова Н. Н.*, 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Археологическое изучение Подмосквья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка) М.: ИА РАН. С. 203–295. (Тр. ПЭ ИА РАН; Т. 1).

N. V. Zhilina

Buttons in costume of Muscovian Rus' in the second half of the 13th – to early 17th century

Summary

Data on buttons known upon archaeological material, museum collections and written sources are combined. Cast small buttons on large hinges, convenient for fastening of everyday clothes are still used. Larger spherical

embossed buttons are developed, designed to adorn and fasten the best and outer garments. Geometric and curl ornaments in techniques of engraving and filigree prevail. Buttons correspond to a fastener on air loops.

С. В. Шполянский

Государственный исторический музей, Москва

Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя

Одним из заметных событий последних десятилетий в изучении восточноевропейских древностей развитого Средневековья стало выявление и систематизация железной ременной гарнитуры, обозначаемой обычно как изделия «аскизского круга» (*Кызласов*, 2000; 2010; *Руденко*, 2000; 2001; 2003а; 2003б; *Белорыбкин*, 2001; *Двуреченский*, 2004; *Гоняный*, 2005). Оставив в стороне полемику о происхождении разного рода железных изделий в поясных и сбруйных наборах из степей Евразии и Поволжья, отметим лишь, что в целом не подвергается сомнению привнесенный характер этого явления для древнерусской материальной культуры. Распространение этих вещей на русских памятниках происходит или незадолго до монгольского нашествия (*Кызласов*, 2000. С. 3–4), или преимущественно уже в золотоордынское время (*Коваль*, 2010. С. 82).

В тех случаях, когда вещи происходят из раскопок и их датировка может быть установлена достаточно достоверно, она определяется, за редким исключением, в пределах XIII – первой половины XV в. (*Двуреченский*, 2004. С. 47; *Грибов*, 2007; *Лапишин*, 2009. С. 92, 326–327; *Шполянский*, 2009. С. 180; *Мухина*, 2011. С. 161, 162).

С территории Суздальского Ополя известны находки более 80 разного рода накладок и почти двух сотен пряжек. Хронология бытования многих из них сейчас может быть установлена только приблизительно, поскольку большинство вещей найдены в процессе проведения поверхностных сборов на памятниках, существовавших длительное время. Однако серий предметов, уверенно датированных временем ранее XIII столетия, сейчас выделить нельзя. Это представляется определяющим моментом характеристики материалов Ополя, что принципиально отличает их от обширных коллек-

ций вещей из Волжской Болгарии, обстоятельно опубликованных К. А. Руденко (2001).

Обозначение рассматриваемых находок как принадлежащих изделиям «аскизского круга» представляется сейчас лишь следованием используемой в последние два десятилетия терминологии. Значительная часть публикуемых вещей относится к числу изделий, несущих выраженные черты «аскизского стиля», но отличается своеобразием форм, что, по-видимому, является хронологическим признаком (*Руденко*, 2003б. С. 72).

В отличие от материалов Волго-Камья, железные накладки, найденные на территории русских земель, лишь начинают вводиться в научный оборот. Это означает, что характеристика их распространения и особенностей бытования возможны только после публикации полученных в последние десятилетия достаточно объемных коллекций.

К настоящему моменту предметы ременной гарнитуры, изготовленные из железа, встречены на 29 памятниках (в том числе в трех городах) Суздальского Ополя (рис. 1).

В выборку не включены пряжки, за исключением трех выразительных предметов. В настоящей работе рассматриваются только вещи (всего 70 находок), обнаруженные в процессе археологических исследований в регионе с 2001 г. Из раскопок во Владимире учтены только опубликованные изделия. Основу представленных материалов составляют находки, полученные в результате работы Суздальской археологической экспедиции под руководством Н. А. Макарова, охранных работ последних лет в Суздале, исследований Гос. Эрмитажа в Юрьеве-Польском. В процессе раскопок найден 31 предмет из учтенных, остальные получены при проведении сборов на распахиваемых селищах.

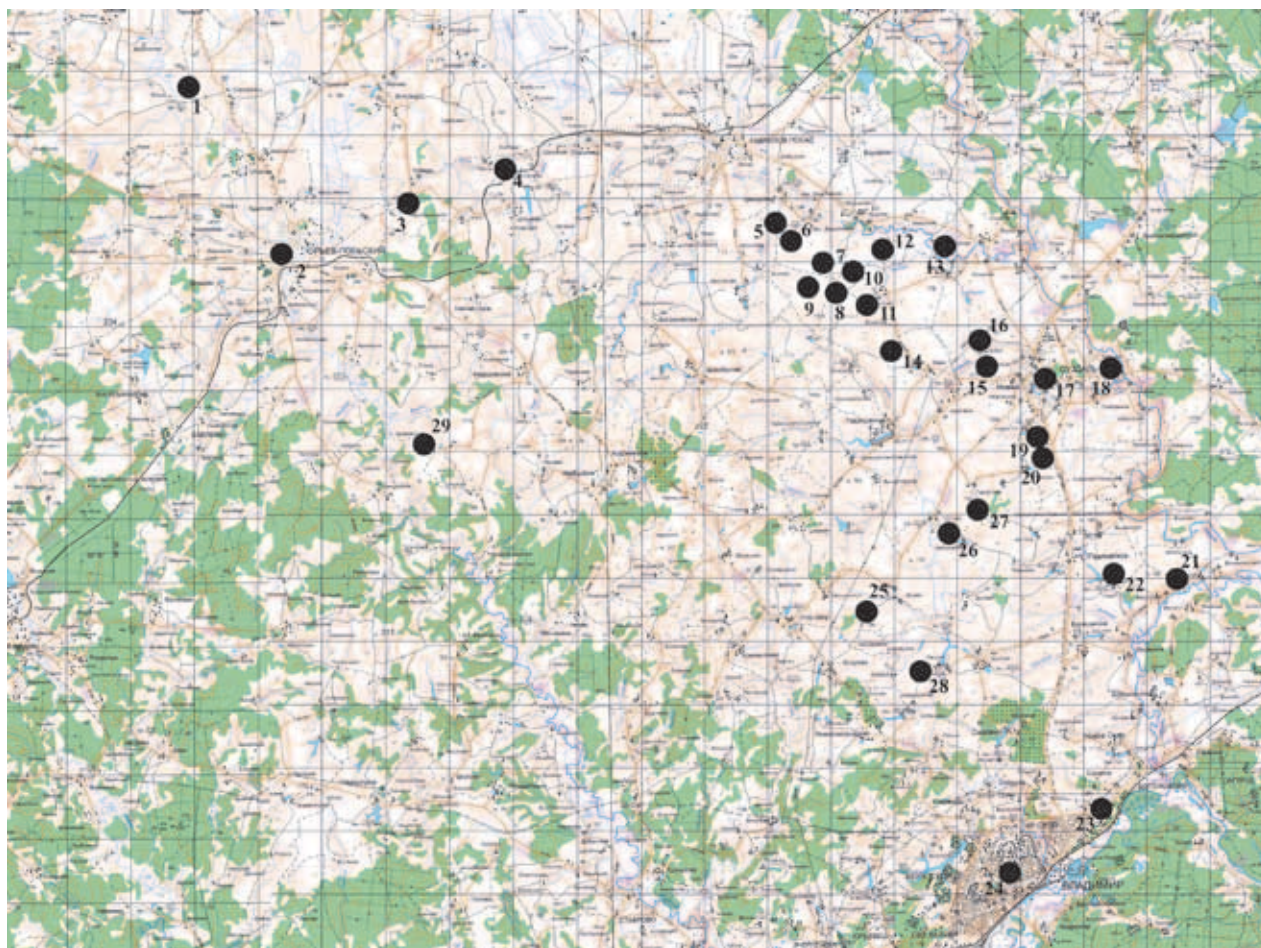

Рис. 1. Средневековые памятники Суздальского Ополья с находками накладок из черного металла

1 – Волствиново 2; 2 – г. Юрьев-Польский; 3 – Кубаево 6; 4 – Парша 4; 5 – Шекшово 2; 6 – Большое Давыдовское 2, 6; 8 – Гостево 1; 9 – Гостево 3; 10 – Ратницкое 9; 11 – Кистыш 3; 12 – Подолец 1; 13 – Весь 5; 14 – Янево 4; 15 – Кибол 3; 16 – Кибол 5; 17 – г. Суздаль; 18 – Кидекша 1; 19 – Михали 3; 20 – Михали 4; 21 – Мордыш 1; 22 – Улово 1; 23 – Сунгирь 1; 24 – г. Владимир; 25 – Раславское 1; 26 – Гнездилово 11; 27 – Туртино 4; 28 – Овчухи 1; 29 – Озерцы 1

Частично представленные материалы уже публиковались в качестве выборки, как хронологический маркер памятников Суздальского Ополья времени золотоордынского господства (Шполянский, 2015. С. 203–207). Рассмотрение всех доступных сейчас железных накладок позволяет лучше представить эти вещи в контексте материальной культуры средневекового населения центральных районов Северо-Восточной Руси.

Наиболее выразительны с точки зрения внешней схожести с вещами из Волго-Камья и восточноевропейской степи 12 предметов, представленные наконечниками ремней, или уздечными распределителями (рис. 2, 1–10, 12). Пять из них найдены в процессе раскопок во Владимире и опубликованы Т. Ф. Мухиной (2001. С. 167). Еще один наконечник ремня обнаружен в 2005 г. в Юрьеве-Польском С. В. Томсинским (2007. С. 103). Осталь-

ные вещи найдены в процессе работ Суздальской экспедиции.

Ближе всего к поволжским аналогам по своей форме узкая уздечная накладка (Кистыш 3) с «шлемовидным» завершением и окончанием в виде «ласточкина хвоста» (тип БЗд по К. А. Руденко), отличается от них меньшими размерами и отсутствием выраженной профилированности. Длина изделия составляет 39 мм (рис. 2, 12).

Основываясь на типологии ременной гарнитуры, разработанной на материалах Волго-Камских памятников (Руденко, 2000; 2001), с незначительными оговорками могут быть отнесены к типам Д-7, Д-8 два предмета, найденные при раскопках в Торговых рядах Владимира (рис. 2, 7–8). Это наконечники ремней вытянутых пропорций (длина 41–42 мм) с раздваивающимся завершением в виде «ласточкина хвоста», с расширением

Рис. 2. Ременные наконечники удлиненные с ромбовидным расширением, трапециевидные. Накладки, имеющие аналоги в Поволжье и степи. Т-образные застёжки и редкие формы пряжек
 1 – Весь 5; 2 – Янево 4; 3, 5, 11 – Кистыш 3; 4, 4А (увел. в 2,5 раза) – Юрьев-Польский; 6 – Суздаль, Торговая пл.; 7, 8, 14, 15, 16 – Владимир, Торговые ряды; 9 – Мордыш 1; 10, 18, 19 – Суздаль, ул. Теремки; 12 – Суздаль, территория Музея деревянного зодчества; 13 – Торки 5; 17 – Гостево 1

в центральной части пластины и сужающимся окончанием с тупоугольным или дугообразным краем. В одном случае центральная часть наконечника имеет округлую форму, в другом пластина изделия образует трапециевидное расширение, что позволяет в целом обозначить его форму как пятиугольную.

Не имеет прямых восточноевропейских аналогов (по крайней мере, среди опубликованных материалов), но сопоставима со степными древностями находка, обнаруженная в 2005 г. при раскопках в Юрьеве-Польском экспедиции Гос. Эрмитажа (руководитель С. В. Томсинский). Это *ременный наконечник* удлинённо-трапециевидной формы (рис. 2, 4), имеет дугообразное завершение с небольшими боковыми выступами («рожками» по терминологии К. А. Руденко) и плавно сходящимися к узкому концу изделия краями. Наконечник крепился на основе двумя штифтами, которые с лицевой стороны были оформлены в виде полусферических выступов. Лицевая поверхность наконечника декорирована инкрустацией цветным металлом.

Орнамент, украшающий изделие (рис. 3, А, 4), образован тонкими, буквально толщиной в волос, косыми прерывистыми линиями, занимавшими большую часть площади трапециевидной пластины и формирующими фон для изображения в центре накладки. Контур зоны инкрустации выполнен такой же тонкой, но сплошной линией. В центральной части наконечника угадывается изображение животного (дракона?).

Среди остальных предметов с морфологически выразительными признаками «аскизского стиля» вещи близкие, но не тождественные известным поволжским образцам.

Четыре из них (из окольного города Суздаля, селищ Кистыш 3, Янево 4 и Весь 5) (рис. 2, 1–3, 6) – это вытянутые (длиной 41–43 мм) пятиугольные изделия (*наконечники ремней*), завершение которых расширяется и оканчивается в виде «ласточкина хвоста» или дугообразного края, с небольшими боковыми выступами, а сужающееся окончание имеет на конце округлое расширение. В центральной части накладок, ближе к зауженному концу, располагается ромбовидное расширение. Два отверстия для крепления находятся у основания «ласточкина хвоста» или на дугообразном выступе, и на самой оконечности изделия в округлом выступе узкого конца. Еще одна накладка (Кистыш 3) имеет близкую форму и отличается тем, что узкий конец у нее завернут и приклепан с противоположной стороны, образуя петлю (тип Б8 по К. А. Ру-

денко), а крепление ее со стороны завершения осуществляется с помощью двух штифтов, помещенных симметрично на выступах «ласточкина хвоста» (рис. 2, 5). По-видимому, близкая по форме накладка была найдена на селище Мордыш 1, от которой сохранился только обломок фигурного завершения с двумя штифтами (рис. 2, 9). В целом при внешней схожести форм хорошо заметны и различия между широко известными поволжскими предметами и суздальскими образцами. Это наличие ромбовидного расширения, размещение штифтов на округлом выступе узкого конца изделия, сужение в центральной части изделий, не позволяющее обозначить общий абрис предмета как прямоугольный.

Три ремённых наконечника из рассмотренных, очень близкие по форме, размерам и качеству исполнения (рис. 2, 1–3), найдены на памятниках, расположенных в пределах компактной территории в 7,5–10,0 км к северу – северо-западу от Суздаля. Расстояние между селищами, на которых сделаны эти находки, составляет от 4,5 до 7,0 км (рис. 3, 1). Два из них (Кистыш 3 и Янево 4) – довольно крупные поселения, существовавшие в течение длительного времени. Их датировка определяется в пределах второй половины XII – XV в. Еще один наконечник из этой небольшой серии происходит с селища Весь 5, где материалы развитого Средневековья датированы в пределах последней трети XII – первой половины XIV столетия. Наиболее вероятная датировка позднего этапа существования селища (ранний относится ко второй половине IX – X в., комплекс этого времени был ранее опубликован: Макаров, Захаров, Шполянский, 2010), учитывая находки срезня типа 67 по А. Ф. Медведеву, кудельных булавок с фигурной головкой (Шполянский, 2015. С. 204, 211. Рис. 3, 23–24), щитковых перстней, плетённого на дроте браслета, вряд ли выходит за пределы XIII – начала XIV в.

Важным дополнительным аргументом такой хронологии позднего горизонта селища являются результаты радиоуглеродного датирования, проведенного в процессе раскопок и бурения геомагнитных аномалий. Суммарный интервал вероятностей для четырех поздних образцов – 1160–1390 гг. Поскольку нижний хронологический рубеж двух из них соответствовал последним десятилетиям XIII в., а образцы были взяты из котлованов двух больших построек, к этому времени и стоит относить процесс формирования их заполнения (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010. С. 132).

Наличие серии однотипных предметов, найденных сразу на трех расположенных рядом селищах

Рис. 3. Находки ремennых наконечников с ромбовидным и округлым центральным расширением в Суздале и его ближайшей округе

I – ремennые наконечники с ромбовидным расширением на селищах суздальской округи; А – ремennые наконечники и накладки из раскопок селища Першино 1 под Городцом-на-Волге (по Д. А. Антонову); II – накладка с округлым расширением в центре и завершением в виде гирьки. Фон: Боголюбово, дворцовый комплекс, аркатурно-колончатый пояс северной стены башни

близкой суздальской округи, делает очень вероятным их изготовление в одной мастерской. Поскольку речь идет о предметах из железа, очевидным представляется целенаправленное тиражирование изделий, имеющих практически одинаковые размеры и особенности формы, не известные почти нигде, кроме окрестностей Суздаля.

В связи с этим обстоятельством очень важными представляются находки, сделанные далеко к востоку от Суздальского Ополя, в окрестностях Городца-на-Волге, на селище Першино 1, опубликованные Д. А. Антоновым (2016. С. 216–226). В процессе раскопок селища широкой площадью автором получена обширная вещевая коллекция, в составе которой шесть железных накладок (рис. 3, I, A), в том числе четыре ременных наконечника. Только один из них можно считать завершенным изделием, остальные представляют собой разные этапы изготовления вещей или (что даже вероятнее) производственный брак. Но при этом хорошо читаются пропорции, декоративное ромбовидное расширение в средней части пластины, трехчастное деление завершения наконечников с попыткой формирования дугообразного края и боковых выступов. В целом не вызывает сомнений производство на Першино 1 вещей очень близких по форме находкам с суздальских селищ, но более простых (даже грубых) в исполнении.

Автор раскопок датирует памятник первой половиной XIII в. (Антонов, 2016. С. 216, 225), однако упоминание в числе находок на селище кашинных бус, наблюдения за составом керамического комплекса (Антонов, 2016. С. 222, 225) заставляют предполагать возможность его существования в более позднее время.

От остальных заметно отличается *накладка из раскопок на ул. Теремки* в пределах окольного города Суздаля (рис. 2, 10). Штифт под крепление у нее сдвинут в центр, где вместо ромбовидного расширения располагается круглый медальон, а окончание оформлено в виде гирьки, вероятно, имеющей прототип в архитектурной резьбе белокаменных соборов (рис. 3, II). Длина накладки составляет 45 мм. Совсем недавно была опубликована аналогия суздальской находке, происходящая из материалов исследований на Рюриковом городище (Носов, Плохов, Хвоцинская, 2017. С. 215, 216. Рис. 120, I). Железная накладка с северного берега Сиверсова канала, судя по публикации, значительно крупнее суздальской и обнаружена в слое второй половины X в.

Очевидна технологическая и конструктивная близость обоих изделий: изготовление из железа,

размещение крепежных штифтов только в верхней и центральной частях предметов, что предполагает один и тот же способ крепления на основе. Наличие редкого общего декоративного элемента – окончания в виде гирьки на длинной (в половину изделия) «ножке», украшенной косой насечкой (почти не сохранившейся на суздальском экземпляре), не оставляет сомнений в стилистической и хронологической близости обеих вещей. При этом датировка их второй половиной X в. представляется маловероятной.

Во-первых, в материалах раскопок окольного города Суздаля, проводившихся на ул. Теремки в 2015 г. (Баранов, 2016), отсутствуют материалы X–XI вв.

Во-вторых, дугообразная форма края завершения суздальской находки с выраженными боковыми выступами – характерный элемент оформления вещей «аскизского стиля» – не позволяет датировать суздальскую находку столь ранним временем (Кызласов, 1983. С. 34; Руденко, 2000, 74). Ну и наконец, если верно предположение о связи форм железных накладок с резным декором белокаменных соборов Владимиро-Суздальской земли, ранее последней трети XII столетия их появление вряд ли возможно.

По-видимому, как уздечный *наносный султанчик* (рис. 2, 14) можно интерпретировать предмет, представляющий собой конусовидную втулку высотой 12 мм и диаметром в верхней части около 5 мм, крепившуюся в центре железной пластины, расширяющейся к краям, на которых располагались обломанные штифты. Длина пластины составляет 42 мм, ширина у краев в месте размещения крепежных штифтов – 5–7 мм. Наносные султанчики, украшавшие узду верховых коней, встречены на подмосковных памятниках: в средневековом слое городища Настасьино (Двуреченский, 2004. С. 46) и при раскопках селища Мякинино 1 (ГИМ, Оп. В-2820, № 174). Таким образом, можно говорить о небольшой серии подобных находок, происходящих с русских средневековых памятников.

Т-образные накладки-застежки представлены тремя находками. Только одна из них сохранилась полностью (раскоп на месте Торговых рядов во Владимире). Она имеет пятиугольный щиток – «ножку», по терминологии Е. А. Армарчук (2006. С. 88–90), расширяющийся кверху, с тремя клепками, две из которых располагаются у боковых выступов пластины, в месте наибольшего расширения, а одна – внизу, в центре сходящегося тупоугольным острием ее нижнего края. Окончание

пятиугольной пластины пострадало от коррозии, но форма ее завершения достаточно хорошо читается. В верхней части щиток резко сужается, переходя в выгнутый стержень, который завершается поперечной прямой перекладиной. Общие размеры предмета 43×19 мм (рис. 2, 10). Про форму щитка и характер крепления накладки, обнаруженной на селище Торки 5, ничего сказать нельзя, поскольку от нее сохранились только выгнутый стержень с поперечной перекладиной (рис. 2, 9), но длина перекладины (18 мм), позволяет предполагать сопоставимость размеров обоих изделий.

Третья находка происходит с территории Музея деревянного зодчества в Суздале (рис. 2, 12; Несмиян, Федорина, 2016. С. 167). Это фрагмент верхней части накладки с узким стержнем и перекладиной, которая в отличие от первых двух экземпляров не прямая, а состоит из двух сходящихся дугообразно изогнутых ответвлений. Сохранившаяся часть щитка – «ножки», в месте максимального расширения не имеет выраженных углов, что позволяет предполагать ее миндалевидную форму.

Аналогия вещам из Владимира и Торки 5 известна на селище Березовка 5 района Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 89, 94. Табл. 2, 1) и датируется серединой – второй половиной XIII столетия. Верхнедонская накладка имеет ромбовидный щиток, крепилась к основе двумя клепками, расположенными вертикально в верхней и нижней частях пластины. И. Л. Кызласов отмечает эту находку в числе собственно аскизских железных изделий, найденных на русских памятниках верхнего Дона (Кызласов, 2010. С. 149). Серия из пяти железных Т-образных накладок-застежек происходит с Золотаревского поселения в Посурье, которые Г. Н. Белорыбкин также уверенно относит к кругу аскизских древностей. Именно в материалах этого памятника можно назвать довольно близкие аналогии находке из Суздаля (Белорыбкин, 2001. С. 162, 167. Рис. 99, 15–19). Сходную форму (в виде двух дугообразно выгнутых сходящихся ветвей) имеет поперечная перекладина у застежки с селища Вединец 1а на верхнем Дону (Гоняный, 2005. С. 93. Табл. 1, 20).

Не так однозначно в отношении культурной атрибуции Т-образных накладок высказывается Е. А. Армарчук (2006. С. 88–89, 208. Рис. 44), отмечая наличие технологического своеобразия исполнения вещей, происходящих из северо-восточно-

го Причерноморья, сделанных из цветного металла. Исследователь выделяет четыре типа Т-образных застежек, указывая на морфологические особенности причерноморских находок, свидетельствующих о местном их изготовлении на основе «каких-то образцов».

Важным обстоятельством представляется отсутствие среди опубликованных накладок из Волжской Болгарии вещей, морфологически близких находкам из Владимира и верхнего Подонья. Немногочисленные экземпляры Т-образных застежек с болгарских памятников, имеют заметно отличающиеся формы (Руденко, 2001. С. 192, 204. Табл. XXIII, XXX).

Вместе с тем аналогий, происходящих с территории Северо-Восточной Руси, можно назвать, как минимум, три. Две накладки с пятиугольным, расширяющимся кверху щитком, размерами 43–44×18–20 мм, найдены на Москворецких селищах. Одна из них (ГИМ. Оп. В-2818 № 69) происходит из раскопа 2003 г. селища Мякинино 1, вторая с селища Сафонтьево 1, расположенного на левом берегу р. Истры (Соловьев, 2013. Илл. 206, 207). Еще одна Т-образная накладка обнаружена на небольшом селище Василево 1, в Шуйском районе Ивановской области (раскопки О. А. Несмиян 2017 г.)¹. Накладка имеет ромбовидный щиток, размеры 35×20 мм и, так же как экземпляр из Владимира, на основу крепилась с помощью трех штифтов.

Таким образом, можно предположить наличие некоторых особенностей Т-образных накладок, происходящих со средневековых русских памятников. Они проявляются в формах щитка (вытянутая пятиугольная или ромбовидная пластина с расширением в верхней части), периодическом использовании для крепления на основу трех, а не двух штифтов. Небольшая серия вещей (шесть экземпляров из восьми найденных) не позволяет говорить об отмеченных особенностях как о стойких признаках.

Пряжки с треугольным приемником, редкие находки в восточноевропейских средневековых материалах, представлены в коллекции двумя предметами (рис. 2, 16–17). Одна из них найдена при раскопках на территории Торговых рядов во Владимире (Мухина, 2011. С. 167). Это крупное изделие, общая длина которого вместе с фигурной пластиной щитка достигает 113 мм. Размеры самого треугольного приемника составляют 34×23 мм. Примечательна

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность О. А. Несмиян и Д. Б. Соловьеву за возможность ознакомиться с материалами их работ.

форма пластины – держателя рамки, которая в срединной своей части имеет декоративное ромбовидное расширение, так же, как и накладки с селищ ближайших окрестностей Суздаля. Оканчивается она трехчастным расширением, на котором располагаются штифты для крепления к основе.

Вторая пряжка найдена в комплексе ямы 1 второй половины XIII – XIV в., в раскопе на селище Гостево 1, в урочище Ясень, в 15 км к северо-западу от Суздаля. Она гораздо меньше владимирской находки, общая длина изделия составляет 47 мм, размеры рамки 17×13 мм. Щиток пряжки имеет пятиугольную форму, резко сужается к противоположному от рамки концу, на котором находится округлое расширение с отверстием под штифт. Второй штифт располагался в центральной части щитка. По-видимому, находку из Ясеня можно отнести к числу пряжек от портупейных (подвесных) ремней.

Небольшие размеры находки на селище Гостево 1 сближают ее с пряжкой из раскопа на ул. Теремки в Суздале (рис. 2, 19), которая отличается трапециевидной формой приемника и отсутствием отверстий под штифты в щитке. Единственный способ крепления этой пряжки – подвижное соединение через петлю, находившуюся на противоположном от рамки конце щитка и повернутую по отношению к его плоскости на 90 градусов. Вероятно, находка из Суздаля использовалась для крепления шпор (Двуреченский, 2018. С. 151, 156. Рис. 5, 1; 10, 6).

Пряжки, сходные по форме треугольного приемника с найденными в Ополе, но изготовленные из цветного металла, известны из раскопок золотоордынского некрополя у с. Усть-Курдюм (Гарустович, Ракушкин, Яминов, 1998. С. 211, 213, Афоньков, 2012. С. 158–163), из Болгара и с Водянского городища (Полякова, 1996. С. 197, 199, 211. Рис. 66, 22). Автор реконструкции стрелкового пояса из кургана № 8 могильника, расположенного у впадения р. Курдюм в Волгу, констатирует отсутствие сопоставимых аналогий рассматриваемому комплексу накладок (Афоньков, 2012. С. 159), что лишь увеличивает интерес к находкам из Ополя.

Крупный железный крюк из окольного города Суздаля, обычно определяемый как колчаный, вероятнее всего, относится к крюкам-застежкам (Афоньков, 2012. С. 158). Длина предмета составляет 74 мм, ширина 21 мм, крюк крепился на основу четырьмя штифтами, расположенными на овальном расширении в его центральной части и на раскованном трапециевидном завершении стержня. Крюки такой формы известны в по-

гребальных памятниках золотородынского времени в бассейне среднего Дона и на Южном Урале (Ефимов, 1999. С. 102. Рис. 6, 9; Иванов, Кригер, 1988. С. 32. Рис. 8, 11, 24).

Две накладки так называемой геральдической формы найдены на селище Янево 4 (рис. 4, 6–7). Одна из них, представляющая собой наконечник ремня типа Д4 по К. А. Руденко (2001. С. 50), размерами 31×19–21 мм, украшена по краю рельефной полосой, которая с двух концов завершения наконечника образует небольшие декоративные выступы. Через центр накладки из вершины ее треугольного окончания проходит углубленная полоса, разделяющая ее на две части. На основу наконечник крепился с помощью трех штифтов. Вторая накладка прямоугольная, в нижней своей части имеет сужающийся выступ, который, очевидно, является обломком петли, крепившейся на шпенье, расположенном у ее основания. Размеры накладки без учета петли составляют 37×18 мм. Прямоугольная накладка имеет точно такое же декоративное оформление, как и наконечник (рельефная полоса по краю, углубленная – через середину накладки), что позволяет предполагать, по меньшей мере, синхронность бытования этих вещей.

«Геральдические» накладки представляют собой одну из распространенных форм ременной гарнитуры Доно-Волжского региона золотоордынского времени, известны среди вещей, изготовленных как из железа (Федоров-Давыдов, 1966. С. 48, 50), так и из цветного металла (Полякова, 1996. С. 203, 206; Кравец, 2005. Табл. 8, 25). Предметы, близкие по форме наконечнику из Ополя, широко представлены на русских средневековых памятниках. Подобные вещи происходят с подмосковных селищ Настасьино (Двуреченский, 2004. С. 246), Софьино 1 (Гоняный, 2009. С. 26. Рис. 1, 4), Котово 1 (Шебанин, 2005. № 27, яма 3), Мякинино 1 (ГИМ, Оп. В-2818 № 99; В-2831 № 92), посадка Можайского кремля (Меньшиков, 2008. С. 148). Близкий по форме наконечник обнаружен на селище Исканское 1 в Калужской области (Прошкин, Фролов, 2015. С. 200, 202) и поселении Устье 3 на Куликовом поле (Гоняный, 2005. С. 95. Табл. 3, 13). Интересная накладка происходит из культурного слоя Рюрикова городища. Она отличается от перечисленных наличием в зауженной части шарнирного соединения (Носов, Плохов, Хвоцинская, 2017. С. 40. Рис. 5, 25).

По-видимому, часть одного поясного набора была найдена при раскопках селища Кибол 5. Из слоя конца XIII – XIV в. в заполнении постройки (яма 1) происходят три однотипные накладки

Рис. 4. Накладки и ременные наконечники распространенных форм: фигурные и простые трехчастные, геральдические, трехлопастные, прямоугольные, выпуклые

1–4, 15 – Кибол 5; 5 – Гостево 1; 6–7, 16 – Янево 4; 8 – Раславское 1; 9, 13, 21 – Кистыш 3; 10–12, 25 – Суздаль, разные раскопы; 14 – Гнездилово 11; 17, 24 – Кидеша 1; 18 – Большое Давыдовское 6; 19–20 – Весь 5; 22 – Большое Давыдовское 2; 23 – Михали 3

и поясной наконечник (рис. 4, 1–4). Накладки фигурные, состоящие из трех соединенных между собой розеток, имеют близкие аналоги в поволжских материалах (тип Д1). Кибольские накладки немного различаются по размерам. Одна из них длиннее остальных, размеры накладок составляют 49×15 и 44–45×15 мм (ширина определена по центральной розетке). Центральная розетка у накладок крупнее, она имеет восемь лепестков, крайние розетки – шестилепестковые. Точную аналогию накладкам из Кибола можно указать среди верхнедонской ременной гарнитуры (Гоняный, 2005. С. 89, 100.), у тверской накладки все три розетки – шестилепестковые (Лапшин, 2009. С. 327).

Поясной наконечник, найденный вместе с накладками, представляет собой удлинённый предмет с треугольным окончанием и фестончатым завершением, который может быть определен как тип В IV по Г.А. Федорову-Давыдову (1966. С. 48, 50). Размеры наконечника составляют 66×12–15 мм, он плавно расширяется в сторону окончания, внешняя сторона изделия слабо выпуклая, на нее насечкой нанесен геометрический орнамент в виде смыкающихся ромбов. На основу наконечник крепился с помощью трех штифтов, два из которых располагались в завершении изделия, а один – в треугольном окончании.

К числу изделий с шестилепестковыми розетками относится и накладка из ямы 2 из раскопа на селище Гостино 1. Накладка состоит из двух соединенных между собой розеток и прямоугольного расширения, в центре которого, так же, как и в центре розеток, располагались крепежные шпеньки. Противоположный от прямоугольного расширения конец накладки заканчивался петлей. Размеры изделия – 68×14–15 мм.

Стоит отдельно отметить, что при раскопках на селище Кибол 5, по-видимому, впервые в регионе зафиксирован комплекс вещей, представляющий собой часть одного набора железной ременной гарнитуры, происходящего со средневековых памятников золотоордынского периода. Значимым является и то обстоятельство, что, исходя из имеющихся данных, из трех пунктов (Тверь, Суздальское Ополье, Верхний Дон) с территории русских земель известно уже восемь фигурных накладок типа Д1. Это небольшое количество тем не менее превышает число опубликованных сейчас находок из Волго-Камья. Вещи встречены в каждом из пунктов небольшими сериями, что демонстрирует, по-видимому, существование довольно устойчивой традиции использования ременной гарнитуры, включавшей такие предметы.

Трехчастные накладки с отверстиями под крепеж, аналогичные накладкам с многолепестковыми розетками, но более простых форм, были, по-видимому, достаточно широко распространены на русских средневековых памятниках. Они представлены серией находок на селищах Куликова поля, датированных XIV столетием (Гоняный, 2005. С. 89. Табл. 8, 1, 2, 4, 5, 8, 11). Одна такая накладка найдена на селище Раславское 1, расположенном в центре Ополя (рис. 4, 8). Обломок еще одного подобного предмета простой формы в виде узкой полосы с округлым расширением в центре под шпенек обнаружен на Кистыше 3 (рис. 4, 9). Один из концов накладки заострен, другой обломан, характер ее использования и способ крепления не вполне ясен. Длина сохранившейся части изделия составляет 64 мм.

Из городских раскопок в Суздале происходят три накладки, которые имеют вид удлиненных пластин с *раздваивающимся или расширяющимся завершением* (рис. 4, 10–12).

Аналоги их известны в кочевнических древностях золотоордынского времени, использовались в качестве декора поясных ремней и обозначаются как *трехлопастные* (Красильников, 2001. С. 224. Рис. 5, 13–18). Размеры двух суздальских находок составляют 26–30×11–15 мм, третья гораздо крупнее, ее окончание обломано, общие размеры сохранившегося части изделия 51×24 мм. Накладки крепятся на основу с помощью трех штифтов, два из которых располагаются на «ветвях» или широком завершении, а один – на окончании предмета.

Подобная накладка найдена на селище Грязновка 2, в бассейне верхнего Дона (Гоняный, 2005. С. 95. Табл. 3, 12), известны аналогичные вещи и с сельских памятников Москворечья (Шполянский, 2009. С. 179, 180. Рис. 6, 4).

Вероятно, так же, как и трехлопастные использовалась накладка, происходящая с селища Гнездилово 11 (рис. 4, 14). Ее завершение имело форму «ласточкина хвоста», сама накладка представляла собой треугольный в сечении стержень, который оканчивался фигурным расширением. Фигурный конец накладки обломан, но частично читается отверстие, в котором мог располагаться крепеж.

Сопоставимое по форме находкам в Суздале изделие происходит из сборов на селище Кистыш 3 (рис. 4, 13). В отличие от городских находок, в *завершении накладки размещается круглое отверстие*, оканчивающееся по бокам небольшими отростками, на которых находятся шпеньки. Очень похожая вещь известна на верхнедонском

памятнике Устье 3, но она отличается от накладок с Кистыша 3 своими размерами (Гоняный, 2005. С. 89, 94. Табл. 2, 10).

Изделия с отверстиями в широкой части щитка, только не круглыми, а прямоугольными, представлены на памятниках Ополья еще тремя вещами, сохранившимися фрагментарно. Аналоги таким накладкам происходят с памятников района Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 94, 99. Табл. 2, 9; 7, 16). В двух случаях (рис. 4, 15–16) предметы сохранились на большую часть своей формы, хорошо видны контуры прямоугольного отверстия в центре широкой части накладок (селища Кибол 5 и Янево 4). У третьей накладки форму и размеры отверстия можно только предполагать (рис. 4, 17 – селище Кидекша 1).

Среди суздальских материалов выделяется небольшая серия предметов простой прямоугольной формы, сохранивших отдельные декоративные элементы в упрощенно-стилизованном виде. В одном случае это подтреугольное завершение накладки в сочетании с окончанием в виде «ласточкина хвоста» (рис. 4, 18), шлемовидная (рис. 4, 19) или округлая (рис. 4, 20) форма окончаний.

Как декоративные детали узды (украшение налобного ремня), по-видимому, можно интерпретировать выпуклые объемные накладки ладьевидной или округлой формы (рис. 4, 21–23). Такие изделия на суздальских селищах представлены тремя находками, несколько отличающимися по форме и размеру.

Наиболее крупная накладка (Кистыш 3) – ладьевидный, максимальными размерами 48×27 мм предмет, крепилась к основе через три отверстия в небольших округлых выступах, располагавшихся с противоположных сторон изделия по его длинной оси и по центру одного из боков. С четвертой стороны накладки крепеж обломан, но, судя по несимметричному расположению обломка петли, она была шире крепежных отверстий и, возможно, предназначалась для неширокого ремня.

Второе налобное украшение, найденное при раскопках на селище Большое Давыдовское 2, состояло из выпуклой ладьевидной части с двумя штифтами в небольших выступах, размещенных по длинной оси изделия, размерами 33×16 мм, и боковых ромбовидных пластин, симметрично примыкавших к выпуклой части накладки. По центру ромбовидных пластин располагались крепеж-

ные штифты. Ее общая ширина вместе с ромбовидными пластинами составляет 49 мм.

Третья накладка (селище Михали 4) – округлой формы полусферическое изделие, по краю которого располагается узкий, около миллиметра шириной, бортик с четырьмя симметрично размещенными выступами, с проделанными в них отверстиями для штифтов. Диаметр накладки без учета выступов с отверстиями составляет 23–24 мм. Диаметр окружности, в которую может быть вписана накладка вместе с крепежом, 27–29 мм.

В качестве аналогий последней из трех объемных накладок можно привести предмет, найденный на селище Устье 3 на Куликовом поле, который определяется как накладка «овальная объемная скорлупообразная с уплощенным верхом». У накладки из Устья 3 сохранились три штифта в боковых выступах и прослежен валик по краю (Гоняный, 2005. С. 87, 98. Рис. 6, 11). Там же, на территории Устьинского археологического комплекса, при впадении в Дон р. Мокрая Табола, по данным М. И. Гоняного, собрана целая серия объемных накладок. В их числе овальные с ромбовидными выступами, аналогичные ладьевидной накладке с селища Большое Давыдовское ².

К числу изделий с тисненными выпуклостями относятся еще две находки: из раскопок на территории с. Кидекша (рис. 4, 24) и из раскопа на ул. Теремки, в пределах валов окольного города Суздаля (рис. 4, 25).

В первом случае накладка обнаружена в заполнении крупной постройки второй половины XIII в. (Шполянский, 2011. С. 41, 42). Она имеет форму, близкую прямоугольной, один из краев закруглен, в центре, занимая почти все пространство накладки, размещается тисненый округлый выступ. По периметру изделия, размерами 29×18–19 мм, располагаются три отверстия для крепления.

Точные аналоги такой накладке неизвестны, но типологически близкие вещи представлены в золотоордынских древностях (Федоров-Давыдов, 1966. С. 48, 50). Железная накладка с полусферическим выступом в центре, правда, другой формы, найдена на селище Вединец 1 в районе Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 89, 98).

Находка с ул. Теремки – круглая бляшка с небольшой тисненой выпуклостью, окруженная широким бортиком (тип АII по Федорову-Давыдову). Диаметр накладки составляет 31–32 мм, ширина

² Пользуюсь случаем выразить благодарность М. И. Гоняному за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами исследований Устьинского археологического комплекса.

бортика – 10–11 мм. На основу бляшка крепилась четырьмя симметрично расположенными штифтами.

Накладки с разной формой щитка с петлями для подвешивания на памятниках Суздальского Ополя представлены значительной серией, включающей 13 предметов (рис. 5, 1–11, 18–19).

Изделия с *прямоугольным щитком* найдены на четырех памятниках (Большое Давыдовское 2, Михали 3, Волствиново 2, Кубаево 6) (рис. 5, 1–3, 6). В отличие от большинства находок из Волго-Камья они имеют петлю для подвешивания с одного из узких торцов, крепятся на основу с помощью двух штифтов, пластина щитка гладкая, без следов рельефного декора. Верхний край накладок в двух случаях разделен двумя насечками на три части. В результате абрис края отдаленно напоминает дугообразные с боковыми выступами завершения ремennых наконечников (рис. 5, 1–2). Размеры накладок (без учета размера петли) варьируются в диапазоне 31–38×9–13 мм.

Аналоги прямоугольным накладкам с колечками для подвешивания известны на селище Грязновка 2 района Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 87, 99. Табл. 7, 15), Золотаревском поселении на Суре (Белорыбкин, 2001. С. 143. Рис. 4, 20–25). Но там они меньших размеров, крепятся к основе одним штифтом, и часто на щитке располагается декор в виде рельефных продольных или поперечных полос или симметричных насечек по длинному краю пластин. находка с «рифлением» верхнего края, аналогичного декору двух вещей из Ополя, есть только на Куликовом поле. Типологически накладки с прямоугольным щитком из Суздальского Ополя можно соотнести с типом Б1в по К. А. Руденко (2001. С. 213). Судя по опубликованным материалам, в Волго-Камье они немногочисленны, не имеют декоративного «рифления» верхнего края и используются в качестве уздечных распределителей.

Предмет с *пятиугольной формой щитка* происходит с селища Улово 1 (рис. 5, 7). Он отличается от прямоугольных накладок шириной пластины, наличием выступа в нижней ее части, который является основанием петли, крепится на основу тремя штифтами. Кроме того, посередине верхнего края пятиугольной накладки из Улово 1 располагается треугольный вырез, в результате чего форма завершения предмета становится похожа на «ласточкин хвост». Общие размеры изделия вместе с петлей 33×18–19 мм.

Возможно, к числу вещей пятиугольной формы можно отнести и находку из Суздаля (рис. 5, 10), однако ее плохая сохранность не позволяет сделать это наверняка.

Две накладки, имеющие *миндалевидную или каплевидную*, форму, довольно сильно различаются между собой и по характеру крепления и возможного назначения.

В одном случае (селище Парша 4) (рис. 5, 4) это накладка с одним шпеньком в центре, на котором крепится петля для подвеса, повернута вершиной вверх, в противоположную от петли сторону. Размеры щитка накладки 20×18 мм, а общая длина вместе с петлей – 32 мм.

Аналоги таким накладкам известны в Волжской Болгарии и на Куликовом поле, где получили определение листовидных или ромбовидных – тип Д22 по К. А. Руденко (Руденко, 2001. С. 41, 215. Табл. 9; Гоняный, 2005. С. 88, 99. Табл. 7, 10–11). От них предмет из Ополя отличается креплением на основу одним центральным шпеньком, а не двумя или тремя по краям. Такой способ крепления характерен для одношпенокных накладок в виде многолепестковой розетки – типы А4б-в (Руденко, 2001. С. 37, 213. Табл. 7).

Во втором случае (Большое Давыдовское 2) (рис. 5, 5) накладка имеет форму перевернутой капли (или миндалевидного щита), украшена тонкой вертикальной углубленной полосой, проходящей сверху вниз через центр изделия. Накладка крепилась на основу тремя шпеньками, два из которых располагались симметрично в месте максимального расширения изделия, по его краям, а один в центре зауженного окончания. Сверху, по центру широкого завершения накладки, находясь на одной оси с орнаментальной полосой, располагалась обломанная крепежная петля. Размеры изделия (без учета петли) 29×18 мм.

Довольно близкие аналогии накладки из Большого Давыдовского известны в курганном могильнике Усть-Курдюм в Саратовской области (Афоньков, 2012. С. 160, 163. Рис. 3). Здесь найдена пара накладок каплевидной формы, использовавшихся в качестве крепежных, для подвешивания к поясу кожаной сумки. Накладки из Усть-Курдюма сопоставимы с находкой из Ополя и по размеру, но отлиты из цветного металла.

«*Листовидной*» форму щитка можно назвать у накладок с селищ Янево 4 (рис. 5, 8) и Ратницкое 9 (рис. 5, 9). Накладки различаются между собой размером и тем, что у вещи из Янево максимальное расширение щитка находится внизу – у обломанной петли подвеса, а у предмета из Ратницкого – в верхней части щитка. Накладка из Ратницкого 9 крупнее, размеры находки 45×18 мм. Это одна из немногих вещей, которая, исходя из условий обнаружения, может быть

Рис. 5. Накладки прямоугольные с подвесом и редких форм

1, 5, 12 – Большое Давыдовское 2; 2, 24 – Михали 3; 3 – Волствиново 2; 4 – Парша 4; 6 – Кубаево 6; 7 – Улово 1; 8 – Янево 4; 9 – Ратническое 9; 10 – г. Суздаль, ул. Теремки; 11 – Шекшово 2; 13 – Кибол 3; 14, 18, 19 – Кибол 5; 15 – Сунгирь 1; 16 – Подолец 1; 17 – Гостево 1; 20, 21 – Кистыш 3; 22 – г. Суздаль, Торговая пл.; 23 – Озерцы 1; 25 – г. Владимир, Торговые ряды; 26 – Овчухи 1

датирована до середины XII столетия. Именно так определяется время прекращения существования памятника.

Накладка с массивной петлей подвеса и небольшим трапециевидным щитком, расширяющимся кверху с тремя отверстиями под шпеньки, найдена на селище Шекшово 2 (рис. 5, 11). По торцу щитка проходит мелкая небрежная насечка. Размеры изделия 30×9 мм.

Небольшие *круглая и фигурная накладки с петлями* для колец найдены в культурном слое селища Кибол 5 (рис. 5, 18, 19), они имеют большое количество аналогий в поволжских древностях – типы Д6 и А46 по К. А. Руденко (2000. С. 84; 2001. С. 37, 40).

Формы накладок, представленных единичными находками или очень небольшими сериями из Ополя, не всегда находят аналогии среди известных степных и поволжских типов изделий.

Удлиненно-прямоугольная накладка найдена на селище Кибол 3 (рис. 5, 13). Предмет имеет размеры 62×11 мм, фиксировался на основе двумя штифтами, расположенными по разным концам пластины. По краям длинных сторон накладки прослеживается мелкая насечка. Головки штифтов крепления утоплены на уровень плоскости накладки.

Накладка в виде *стержня с раскованными концами*, в которых проделаны отверстия под штифты (Большое Давыдовское 2), длиной 36 мм, уплощенно-овальная в сечении, похожа на накладку с Раславского 1, названную ранее *простой трехчастной* (рис. 4, 8). Эти накладки кроме наличия или отсутствия центрального отверстия отличаются еще и сечением (трехчастная – плоская), поэтому сравнение возможно в первую очередь в характере использования изделий.

Достаточно близкие аналогии этой накладке, имеющие плоское сечение, найдены на памятниках Куликова поля (Куликовка 4 и Вединец 1). При этом накладка с Куликовки 4 датируется М. И. Гоняным, как и памятник в целом, концом XII – серединой XIII в. (Гоняный, 2005. С. 89. Табл. 1, 18; 8, 6).

Ременный наконечник пятиугольной формы, расширяющийся к завершению (селище Подолец 1), по-видимому, был сделан из двух склепанных пластин, между ними зажимался кожаный ремень, который фиксировали два штифта (рис. 5, 16). Ближе к концу наконечника по обеим его сторонам располагаются небольшие выемки, что придает окончанию изделия шлемовидную форму. Размеры наконечника 40×18 мм. Аналогичная по конструкции накладка прямоугольной формы происходит с селища Грязновка 2 на Куликовом поле (Гоняный, 2005. С. 95. Табл. 3, 14).

Из двух склепанных между собой пластин состоит *ромбовидная накладка с полым валиком* (Михали 3), протянувшимся по центру предмета на всю его длину (рис. 5, 24). Нижняя пластина сохранилась частично, имеет неровные края и, очевидно, была обломана. Размеры сохранившейся части изделия 36×19 мм.

Двумя находками представлены *округло-овальные с выступом* накладки, происходящие с селища Кистыш 3 и из раскопок на Торговой площади в Суздале (рис. 5, 21, 22). Они плоские, крепились на основу тремя штифтами, два из которых расположены по краям накладки и один – в узком выступе. Размеры предметов 37–41×25–31 мм.

Фрагмент *фигурной накладки* из Владимира сохранил только одно отверстие для крепления, расположенное в большом округлом расширении на окончании уплощенного стержня. С другой стороны стержня, напротив округлого расширения располагается обломанная прорезная часть накладки с верхним волнистым краем (рис. 5, 25).

К числу вещей, аналоги которым пока неизвестны, можно отнести прямоугольную *асимметричную плоскую наладку с фигурным краем* (рис. 5, 20). Накладка представляет собой четырехугольную рамку с выступами на углах. В двух случаях с одного края округлые выступы в центре имеют отверстия для штифтов. С другой стороны изделия угловые расширения получили лилиевидную форму, рамка между ними также расширяется и имеет дугообразный внешний край, а отверстия для штифтов расположены в основании выступов. Общие размеры накладки 23–26×28 мм.

Вероятно, прямоугольную форму имела крупная *прорезная накладка*, но наверняка этого сказать нельзя, поскольку от нее сохранился только фрагмент с одним ровным краем (рис. 5, 17). В центре сохранившейся части накладки внутри шестиугольной рамки располагается фигура в виде стилизованного цветка лотоса, очень похожая по форме и размерам на одну из небольших накладок с подвесом, найденных в слое селища Кибол 5 (рис. 5, 18).

Две *прямоугольные накладки с фигурным краем* довольно сильно различаются между собой, сопоставимы общим абрисом и размером изделий. Накладка с Сунгирьского селища (рис. 5, 15) – это тонкая пластина с гладкой поверхностью и отверстиями для крепления по концам. Один из краев накладки – дугообразной формы с выступами по углам. Второй, вероятно, обломан, но с двух сторон напротив отверстия под штифт располагаются небольшие, выходящие на 2–3 мм от края

пластины выступы со сглаженными углами, шириной также 2–3 мм. Размеры накладки без учета выступов 33×9–10 мм.

Другая накладка, из раскопа на селище Кибол 5 (Шполянский, 2007. С. 24. Рис. 2, 11) – довольно тщательно сделанная вещь (рис. 5, 14). Прорезная, в виде двух смыкающихся между собой рельефно оформленных окружностей, которые отделены от фигурных краев накладки рельефными же прямыми линиями. Окончания накладки сделаны симметрично в виде трапецевидных фигур с отверстиями для крепежа в центре. Расширяющиеся края оформлены в виде дуги с угловыми выступами. Размеры изделия 33×11–12 мм.

Накладка, аналогичная кибольской, происходит из раскопок селища Мякинино 1 (ГИМ, В-2831 № 75). Этот предмет сделан гораздо грубее, округлые отверстия в центральной части накладки меньше, рельефные вертикальные полосы только намечены, но хорошо читается трехчастное оформление дугообразных с угловыми выступами краев изделия.

Последние две находки, по-видимому, сделаны по общему образцу или в рамках единого стиля. В материалах средневековых восточноевропейских древностей можно указать пока одну, довольно дальнюю аналогию, сходную по декору и форме.

В погребении Ve-161 могильника Альт-Велау в Восточной Пруссии (Валуев, 2003. С. 104–116) среди прочего инвентаря были обнаружены металлические накладки, определенные В. И. Кулаковым как сумочные. Им же была предложена реконструкция сумки (Кулаков, 2016. С. 26. Рис. 12). Несмотря на всю условность реконструкции, очевидным является сходство трех накладок, помещенных автором в нижней части сумки в качестве декоративных деталей, с предметами из Киболы и Мякинино. Датировка могильника временем не ранее второй половины XIII в. вполне соответствует хронологическим позициям вещей, происходящих с обоих селищ.

К числу накладок редкой формы относятся две находки, обнаруженные на селищах Озерцы 1 и Овчухи 1 (рис. 5, 23, 26). Предметы имеют контур, который можно назвать *X-видным*, в центре накладок – округлое отверстие диаметром 8–9 мм. У накладки с Озерцов 1 в отверстие помещена вставка с массивной округлой уплощенной головкой. С тыльной стороны накладки основание головки расклепано, в результате чего она плотно закреплена в гнезде в центре накладки.

На концах лучей-держателей, расходящихся из центра накладок, располагаются штифты для крепления. Окончания лучей уплощены и украше-

ны декоративными выступами, придающими им звездчатую форму. У накладки из Овчухов 1 лучи имеют в средней части треугольное сечение. Обе накладки сделаны с небольшой асимметрией; лучи, расположенные по диагоналям, смещены по оси в противоположные стороны один относительно другого. Размеры накладок 38–42×27–31 мм.

Полных аналогий накладкам из Ополя нет, однако четырехконечный предмет с центральным округлым отверстием, с небольшой асимметрией формы, образованной смещением относительно диагональных осей лучей-держателей, правда, меньших размеров, найден на селище Куликовка 4 на Верхнем Дону (Гоняный, 2005. С. 93. Табл. 1, 16). Очень близка по форме, размерам и декоративному оформлению (лучи имеют треугольное сечение) накладка, происходящая с селища XIV в. Вединец 1 на Куликовом поле (Гоняный, 2005. С. 89, 100. Табл. 8, 12), но отличается отсутствием центрального отверстия.

Наличие серии (хотя и небольшой) находок очень характерной редкой формы, не встречавшихся до сих пор в восточноевропейских средневековых древностях, делает уместным сравнение с материалами географически удаленных регионов.

В материалах средневекового Йорка (Великобритания) известна очень похожая накладка, представляющая собой близкую аналогию находке с селища Вединец 1. Практически совпадают форма, включая характерную для всей серии вещей асимметрию, и датировка предмета началом – первой половиной XIV столетия. Концы стержней, на которых расположены штифты, сопоставимы по характеру декора со звездчатыми завершениями накладок из Суздальского Ополя (Ottaway, Rodgers, 2002. P. 2908. Fig. 1480. № 14440).

Наличие в числе металлических накладок из Ополя вещей, имеющих западное происхождение, представляется вполне вероятным в свете публикаций последнего времени, где представлены свидетельства бытования западноевропейской ременной гарнитуры XIII–XV вв. в Восточной Европе. Наряду с известными новгородскими материалами (Серёжникова, 2014. С. 272–279) стоит также обратить внимание на находки наборных поясов европейского происхождения из Карпато-Балканского региона (Рябцева, 2012. С. 269–280; Павлова, 2004. С. 165–178; Йотов, 2013. С. 460–464), в кочевнических погребениях степного Поднепровья (Отрощенко, Рассмакин, 1986. С. 14–36). Наличие этих материалов позволяет считать находки таких вещей во Владимиро-Суздальской земле вполне ожидаемыми.

Представляется важным, что среди накладок, происходящих с Верхнего Дона и опубликованных М. И. Гоняным, присутствует предметы, которые можно связать с поясной гарнитурой европейского происхождения. Помимо уже упомянутых это ажурная рельефная Х-видная накладка с селища Грязновка 2 (Гоняный, 2005. С. 89, 100. Табл. 8, 7). Как замечает Д. С. Серёжникова, этот тип накладок был весьма популярен в Европе во второй половине XIII – первой половине XIV в., есть они в Новгороде (Серёжникова, 2014. С. 276–277, 278), в болгарских материалах (Павлова, 2004. С. 172–178. Табл. 1–8) и на венгерских поясах (Йотов, 2013. С. 462. Рис. 4). Трехчастные накладки с округлыми отверстиями по краям и в центре (Гоняный, 2005. С. 89, 100. Табл. 8, 1–2, 4–5), аналогичные накладке с селища Раславское 1 в Ополе (рис. 4, 8), очень близки формам так называемых накладок-брусков (Серёжникова, 2014. С. 277, 278).

Эти предметы широко известны в качестве декора наборных западноевропейских поясов в течение всего Средневековья (Egan, Pritchard et al., 2002. Р. 26, 214). Следуя мнению об интернациональном характере средневековой европейской моды и широкому распространению поясных украшений из неблагородных металлов (Серёжникова, 2014. С. 278), определение вещей из Ополя и с Куликова поля как сделанных по западным образцам вполне оправдано. Тот факт, что предметы с русских памятников изготовлены из железа, а не из цветного металла, говорит скорее в пользу их местного производства.

В степном Поднепровье также известны пояса с подобными накладками (Отрощенко, Рассаматин, 1986. С. 14–36). Это позволяет предполагать разные пути проникновения образцов европейской ременной гарнитуры в восточноевропейские степи и русские земли.

Подводя итог обзору накладок из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя, следует отметить:

1. Не подлежит сомнению правомерность соотнесения значительного количества форм изделий из Ополя с поволжскими и степными вещами. Использование традиционной железной ременной гарнитуры кочевников в качестве прямого импорта или образцов для подражания на русских памятниках представляется очевидным.

2. Вместе с тем типологическое разнообразие, выраженная вариативность форм, отличающихся от известных аналогов, позволяет оценивать представленные материалы как свидетельство развитой традиции использования железной ременной гар-

нитур в центральных районах Северо-Восточной Руси. Довольно большое количество вещей, наличие местного производства, появление региональных вариантов форм изделий характеризует эти предметы как часть материальной культуры населения Ополя. Наличие свидетельств использования в качестве образцов изделий не только «аскизского» или золотоордынского, но и европейского происхождения дает возможность видеть в бытовании разнообразных накладок из неблагородных металлов не столько копирование ордынского «имперского» стиля, сколько следование общим тенденциям восточноевропейской моды. Отдельно стоит обратить внимание на то, что речь идет не о дорогих статусных вещах, а о достаточно многочисленных изделиях, по-видимому, довольно широко используемых.

3. Вместе с тем изложенные наблюдения отражают только начальный этап изучения железной ременной гарнитуры как части материальной культуры русского Средневековья. Среди важных задач, без решения которых невозможно дальнейшее продвижение в исследовании этой категории находок, выделяется вопрос о хронологии бытования отдельных видов накладок и развитии их форм.

4. На настоящий момент нет оснований сомневаться в отсутствии (в отличие от Волго-Камья) железных накладок в слоях древнерусских поселений ранее рубежа XII–XIII вв., за исключением самых простых форм, использование которых связано не с декорированием, а конструкцией вещей (как в Ратницком 9).

Возможная датировка первой половиной XIII в. изделий (в том числе бракованных или недоделанных) с селища Першино 1 у Городца-на-Волге ставит вопрос не только о появлении, но и изготовлении накладок из черного металла на русских памятниках до монгольского нашествия. В любом случае уже сейчас можно предположить бытование некоторых типов вещей, в том числе и местного производства (удлиненных с ромбовидным расширением и завершением в виде «ласточкина хвоста» или дугообразным с боковыми выступами) в XIII в., еще до формирования развитой ремесленной культуры золотоордынских городов Поволжья.

Такое заключение не согласуется с мнением В. Ю. Ковалю, согласно которому большая часть железной ременной гарнитуры изготавливалась в поволжских ремесленных центрах, и ее использование прекращается после упадка городов Поволжья в XV в. (Коваль, 2010. С. 82). В связи с этим задача разработки хронологии металлических накладок и прояснения длительности и характера их бытования кажется еще более актуальной.

Литература

- Антонов Д. А., 2016. Раскопки русского средневекового селища XIII в. Городецкой округи // АВСЗ. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 216–226.
- Армарчук Е. А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН. 250 с.
- Афоньков Н. Н., 2012. Стрелковый пояс и кошель золотоордынского времени из курганного могильника у с. Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Научная книга. С. 158–163.
- Баранов Н. А., 2016. Спасательные археологические работы по адресу ул. Теремки, 12, г. Суздаль Владимирской области в 2015 году / Архив ИА РАН.
- Белорыбкин Г. Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб. – Пенза: Изд. ПГПУ. 197 стр.
- Валуев А. А., 2003. Итоги изучения грунтового могильника Альт-Велау // Проблемы балтийской археологии. Калининград: Калининградский гос. унив-т. Вып. 1. С. 104–116.
- Гарустович Г. Н., Ракушкин А. И., Яминов А. Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV вв.). Уфа: Гилем. 336 с.
- Гоняный М. И., 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С. 85–100.
- Гоняный М. И., 2009. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмоскovie // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 23–42.
- Грибов Н. Н., 2007. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII–XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 58–67.
- Двуреченский О. В., 2004. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино. М.: Гриф и К. С. 41–51, 245–261.
- Двуреченский О. В., 2018. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. // Военная археология. Сб. матер. науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 118–182.
- Ефимов К. Ю., 1999. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону: РГУ. С. 93–108.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука. 92 с.
- Йотов В. В., 2013. О двух неточно определенных поясных накладках болгарского средневековья // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Изд. дом Марджани. С. 460–464.
- Коваль В. Ю., 2010. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 76–85.
- Кравец В. В., 2005. Кочевники среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ. 206 с.
- Красильников К. И., 2001. К вопросу о монгольском периоде в среднем Подонцовье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Средневековые древности Евразийских степей. Вып. 15. Воронеж: ВГУ. С. 214–224.
- Кулаков В. И., 2016. Изображения на плакированных серебром железных изделиях пруссов и куршей // Res Humanitariae. Vol. XX. University Klaipėda. P. 10–30.
- Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири в X–XIV вв. 128 с. (САИ. Вып. ЕЗ–18).
- Кызласов И. Л., 2000. Успехи в изучении древнехакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань: Любимый город. С. 3–7.
- Кызласов И. Л., 2010. Особенности появления аскизских изделий в Европе // Русь и Восток в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 139–162.
- Лапишин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV веках. СПб.: СПбГУ. 540 с.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141.
- Меньшиков М. Ю., 2008. «Мастерская» бронника на посаде Можайского кремля (по материалам раскопок 2006 г.) // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 146–151.
- Мухина Т. Ф., 2011. Проблема выделения строительного горизонта второй половины XIII–XIV вв. (на примере на примере раскопа в Торговых рядах г. Владимира в 2004 г.) // АВСЗ. Вып. 3. М. – СПб.: Нестор-История. С. 154–164.
- Несмиян О. А., Федорина А. Н., 2016. Результаты археологического исследования на месте прокладки электросетей по адресу: город Суздаль, улица Пушкарская (Музей деревянного зодчества) // АВСЗ. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 165–176.

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В., 2017. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. 288 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLIX).

Отрощенко В. В., Рассамкин Ю. Я., 1986. Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археология. № 53. Киев: Наукова думка. С. 14–36.

Павлова В., 2004. Принос към средновековния мъжки колан от XIII–XIV век (по данни от колекцията във Варненския музей) // Антична древност и средние века. Вып. 35. Екатеринбург: УрГУ им. А. М. Горького. С. 165–178.

Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. С. 154–268.

Прошкин О. С., Фролов А. С., 2015. Поселение у села Исканское (к вопросу о локализации древнерусской Иконы) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 198–209.

Руденко К. А., 2000. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Болгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань: Любимый город. С. 47–127.

Руденко К. А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман. 256 с.

Руденко К. А., 2003а. Происхождение и развитие элементов аскизской культуры в Поволжье и Прикамье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза: ПГПУ. С. 476–489.

Руденко К. А., 2003б. О верхней границе бытования вещей аскизского облика в Поволжье и Прикамье // Проблемы истории России. На перекрестке эпох и традиций. Вып. 5. Екатеринбург: УрГУ им. А. М. Горького. С. 68–79.

Рябцева С., 2012. О находках поясных наборов XIII–XVI вв. в Карпато-Балканском регионе // Tyragetia. Serie nouă. Vol. VI (XXI). nr. 1. Chişinău. Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei. P. 269–280.

Серёжникова Д. С., 2014. Западноевропейские предметы поясного набора из раскопок Великого Новгорода // ННЗ. Вып. 28. Матер. науч.

конф., посвященной 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина. Великий Новгород, 28–30 января 2014 г. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 272–279.

Соловьев Д. Б., 2013. Отчет об археологических раскопках на селище 1 «Сафонтьево» (XIV–XVI вв.) в Истринском районе Московской области в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 35499–35501.

Томсинский С. В., 2007. Юрьев Польский: ближайшие перспективы археологического изучения // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 98–104.

Шебанин Г. А., 2005. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении 1 у д. Котово Истринского района Московской области в 2004 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 33148–33150.

Шполянский С. В., 2007. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г. Опыт археологического изучения исторических сел Суздальской округи // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 18–26.

Шполянский С. В., 2009. Раскопки селищ в пределах волости Перемышль в Подмоскowie и некоторые общие вопросы динамики освоения региона в конце XII – первой половине XV века // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 170–183.

Шполянский С. В., 2011. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздалем // АВСЗ. Вып. 3. М. – СПб.: Нестор-История. С. 34–48.

Шполянский С. В., 2015. Датировочные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура (к 60-летию Николая Андреевича Макарова). М. – Вологда: Древности Севера. С. 199–212.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 276 с.

Egan G., Pritchard F., Bayley J., Heyworth M., Johnson R., Stott P., 2002. Dress Accessories: Medieval Finds from Excavations in London. Museum of London. P. 1150–1450.

Ottaway P., Rogers N., 2002. Craft, Industry and Everyday Life: Finds from Medieval York // The Archaeology of York / The Small Finds 17/15. York: Council for British Archaeology. P. 2673–3162.

S. V. Shpolyanskiy

Belt fittings of iron from the medieval sites of Suzdal Opolye

Summary

Items from belt sets made of iron, referred to typically as the product “askizsky circle” became one of the noticeable events in the study of East European antiquities of the developed Middle Ages of the last decades.

Leave aside polemic about any origin of various kinds of iron products in the belt and harness sets of steppes of Eurasia and the Volga region, we note only that, in general, the introduced nature of this phenomenon for Old Russian material culture is not open to question.

The items of the belt fittings made of iron are met on 26 sites (including 3 cities) of Suzdal Opolye. Only those things (70 finds) which were found in the course of the archaeological researches in the region since 2001 are examined in the present work.

A considerable typological variety, the expressed variability of forms, different from the known analogues, allows readers to evaluate the items presented as evidence of the developed tradition of use of iron belt fonts in the central regions of North-Eastern Russia. Quite a lot of things, the existence of regional versions of product forms, characterize these items as part of the material culture of the population of Opolye.

Existence of evidence of use as product samples, not only by the Golden Horde, but also of Western European origin, makes it possible to see in the existence of a variety of bar mounts not only copying the Golden Horde “Imperial” style, but also following the pan-European (both Volga and steppe, and western) fashion.

В. В. Хухарев*, А. Л. Каретников**

* *Кировский историко-краеведческий музей, г. Киров (Калужская обл.)*

** *Музей-заповедник «Ростовский кремль», г. Ростов Великий (Ярославская обл.)*

Прикладная костяная печать-матрица с острова Рождественский на озере Неро близ Ростова Великого

Среди находок сфрагистических материалов, относимых к русскому Средневековью, прикладные печати-матрицы из кости для получения воско-мастичных оттисков представляют небольшую, но информативную группу источников (Станюкович, Авдеев, 2007; Хухарев, 2013; и др.).

Устойчивый интерес к ним обеспечивает уникальная потенциальная возможность установления связей между данными материальных и письменных источников. Существующая историография, начиная с публикации печати-матрицы с изображением архангела, найденной в 1899 г. на городище Дуна (исследования Ю. Г. Гендуне), вплоть до печатей из раскопок 2017 г. в Новгороде Великом на раскопе Дубошин II в Славенском конце с надписью «**ГАМГОНОВА ПЧТ**» и в Старой Руссе на Пятницком раскопе – с изображением архангела¹, неизменно вызывает интерес не только у археологов и специалистов смежных дисциплин, но и у историков, остро чувствующих их важность для понимания вех становления древнерусской сфрагистики и дипломатики (Гендуне, 1903. С. 20, табл. II, 11; Чернецов, 1988; Хухарев, 2018. С. 369. Рис. 2, 7, 8 и др.).

Из известных на сегодня 50 костяных печатей-матриц с территории средневековой Руси и Золотой Орды порядка 35 находок представляют собой печатки в виде конусов или «шахматных» фигур и происходят из Великого Новгорода, Твери, Берестья, Серенска, Белоозера, Болгара, Ста-

рой Руссы, Пскова и других городов. Остальные 15 – в виде плоских дисков или призм различной высоты – происходят из Великого Новгорода, Смоленска, Москвы, Твери, Витебска, Ростова Великого, Переславля Рязанского и других городов (Милонов, 1946; Полубояринова, 1971; 1983; Хохлов, Хухарев, 1992; Кукушкин 1995; Лапшин, 1997; Травкин, Хухарев, 1999; Станюкович, Авдеев, 2007; Хухарев, 2013; 2018; Хухарев, Карпов, 2014; и др.).

Данное сообщение посвящено находке печати-матрицы, несколько выбивающейся из ряда подобных древностей не только своей формой, но и наличием двух площадок для получения оттисков. Она происходит из случайных находок лета 1972 г. с западного берега острова Рождественский² на оз. Неро, вблизи Ростова Великого и хранится в фондах Ростовского краеведческого музея (рис. 1). Печать сделана из круглого в сечении костяного³ стержня, обработанного на токарном станке в форме уплощенных шариков (бусин), чередующихся с кольцами, при этом каждый элемент украшен кольцевыми проточками. Кость имеет темно-коричневый цвет. Общая длина печати-матрицы составляет 40 мм, диаметр 12 мм. На обоих торцах матрицы, в боковинах, круглые отверстия для шнура. Торцы плоские, на одном изображении св. воина Христофора (?) с копьем и мечом в руках и тремя точками-бусинами с одной стороны; на другом – трехстрочная

¹ Благодарим за сообщение об этой находке П. П. Колосницына.

² Находка была сделана в песке западного берега острова учеником 4-го класса средней школы № 3 Сергеем Шумиловым и в 1973 г. была передана в Музей-заповедник «Ростовский кремль» (МЗРК Пр-65).

³ Определение материала печати специалистами не проводилось. Вероятно, подобно другим таким печатям данный экземпляр изготовлен из плотного рога. Однако по имеющейся традиции все такие печати именуются костяными.

Рис. 1. Печать-матрица (МЗРК Пр-65). Фото А.Л. Каретникова

надпись в негативе «**ШИМѢКЪ**»⁴, стилизованная под вязь и украшенная тремя точками-бусинами с одной стороны (рис. 2). Отметим, что изображение фигуры святого воина и буквы надписи выполнены в технике углубленного рельефа треугольного профиля.

Среди аналогий нашей печати-матрицы можно выделить две группы. В одной – печати с именем владельца, в другой – с изображением святого воина. В первой группе отметим новгородскую печать первой половины XV в. в виде низкой призмы из Неревского раскопа Великого Новгорода с надписью «**ОФАНАСА ОНЧИФ**» (Станюкович, Авдеев, 2007. С. 10, 11. Рис. 1, 20) и псковскую печать конца XIII – начала XV в. из работ 1970 г. В. Д. Белецкого в Довмонтовом городе, внешне представляющую фигурку типа шахматной, с негативной надписью «**ТЕРЬТѢЕВА**» (Белецкий, 1975; Станюкович, Авдеев, 2007. С. 18. Рис. 2, 14). Во второй группе (с изображениями воинов) можно назвать рязанскую печать середины XIII в. из исследований 1971 г. В. П. Даркевича в виде шахматной фигурки с изображением святого воина с копьем и мечом (Станюкович, Авдеев, 2007. С. 18. Рис. 2, 2) и мглинскую печать из работ 2002 г. Д. А. Карпова в виде шахматной фигурки с изображением святого воина с поднятыми вверх руками, перед отрубленной головой (св. Георгий), датированную XIII – началом XIV в. (Хухарев, Карпов, 2014).

Изображение на одном из торцов нашей печати-матрицы фигуры в длиннополой одежде, перехваченной поясом, вооруженной копьем и мечом и имеющей на голове небольшие уши и вытянутую зооморфную личину, позволило предположить в ней изображение святого воина и мученика Христофора. Обращение к древнерусской живописи дает схожие примеры этого редкого сюжета на иконах XVI–XVII вв. из собрания ГИМ (Москва) и ЕИХМ (Егорьевск Московской обл.). По преданиям, св. воин Христофор⁵, будучи телом как человек, имел голову собаки (считалось, что он происходил из страны кинокефалов – людей с собачьими головами). Когда будущий святой был крещен, он приобрел человеческий облик. По преданию, он был воином римской армии и пострадал за свою веру. При дворе императора-язычника будущий святой подвергся искушениям и пыткам, однако не отрекся от истинной веры, за что и был обезглавлен (Энциклопедический словарь... 1903. С. 709).

Таким образом, нашу печать-матрицу можно предварительно датировать серединой XV – первой половиной XVI в. и связывать с практикой применения подвесных актовых воско-мастичных печатей.

Необходимо отметить, что рассматриваемая находка не уникальна для Ростовской земли и входит в группу печатей-матриц, происходящих из ар-

⁴ К сожалению, выявить по актовым материалам исторического персонажа с таким именем пока не удалось. Правда, известен ряд производных от этого имени упоминаний, таких как: под 1565 г. Ивана Конанова сына Шемякина, сына боярского московского митрополита, или под 1657 г. землевладельца Переславль-Залесского уезда Олексея Васильева сына Шемякова (Тушков, 2004. С. 837). Кроме того, словарь В. Даля дает нам примеры толкования таких, на наш взгляд, близкородственных слов, как «шеметнуться» – метнуться, кинуться и «шемеха» – шатун, бродяга (Даль, 1980. Т. 4. С. 628).

⁵ Святой воин-мученик Христофор (память 9 мая) – защитник от болезней. Он покровительствует путешественникам, мореплавателям и паломникам. Молитва святому давала безопасную дорогу и избежание внезапной смерти без покаяния. Почитание св. Христофора на Руси особенно возросло в XVI в., о чем свидетельствуют строительство храмов в его честь, большое число сохранившихся икон и фресок в храмах Вологды, Коломны, Москвы, Свияжска и Ярославля. Особенно святой прославился как защитник от заразных болезней и эпидемий. Большой Московский собор 1667 г. запретил писать образ св. Христофора-кинокефала. Большинство изображений Христофора с песьей головой, как в росписи Спасо-Преображенского собора в Ярославле, были переписаны, но следы образа собаки остались заметны по графье.

Рис. 2. Оттиск в пластилине с печати-матрицы.
Фото А. Л. Каретникова

хеологических исследований в Ростове Великом. Одна из них, из раскопок в Ростовском кремле (исследования А. Е. Леонтьева), имеет конусовидную форму и отверстие в верхней оконечности со следами разношенности. На ее рабочей поверхности помещено изображение ладони, сама же находка связана со слоями первой половины XIII в. Вторая печать (точнее, заготовка для нее) происходит из работ 2001–2005 гг. на Конюшенном раскопе в Ростовском кремле (исследования Н. Г. Самойлович). Изделие представляет собой костяную призму с несколько округлым верхом, украшенную двумя линиями двойного линейного орнамента, в котором сделаны три сходящиеся отверстия (боковые и с выходом наверх, хорошо известные на других печатях-матрицах), предназначенные для пропуска шнура, и гладким торцом. Найдена в пласте, соотносимом автором исследований с шестым строительным горизонтом усадьбы Б, который датируется по керамическому материалу и более 770 индивидуальных находок (предметов хозяйственного инвентаря и инструментария, наконечника стрелы, височного кольца с на-

пускными бусинами, нательных крестов из шифера и янтаря, обломков стеклянных браслетов, стеклянных бус, фрагментов «бородавчатого» кубка и др.) периодом со второй половины XIII до XV в. (Самойлович, 2007. С. 26. Рис. 47, 14).

Прикладные печати-матрицы из кости (известны из камня и металлические) относятся к артефактам, фиксируемым при исследовании многих владельческих центров и их округ. Датируются они обычно в рамках XI–XVII вв. При этом в их форме наблюдается определенная эволюция от конусовидных к сложной форме типа «шахматной» фигурки, а затем к плоским призмам с ушком и без них. Форму рассматриваемой печати-матрицы с острова Рождественский можно относить к редкому типу сложных, имеющих вид стержня, украшенного шарообразными утолщениями. Эта находка существенно дополнила сводку существующих печатей-матриц как топографическими сведениями, так и типологически (Станюкович, Авдеев, 2007. С. 10–12; Хухарев, 2013; Хухарев, Карпов, 2014. С. 97).

Находки печатей-матриц вполне могут маркировать комплексы, связанные с административными и владельческими отношениями. Как правило, такие печати, имея изображения или надписи, предназначались для получения «особых заверений» (печатей-оттисков), скреплявших документ, наглядно свидетельствовали о его происхождении от определенного лица или учреждения, что порой находило отражение даже в текстах самих источников: «...подлинная грамота писана на хартии с вислой печатью на черном воску...» (Хорошкевич, 1972; Соболева, 1981). Находки печатей-матриц, в отличие от множества несохранившихся актов с заверявшими их восковыми оттисками, показывают вовлеченность населения в правовые отношения. Будучи связанными с археологическим контекстом, они отмечают не только зоны бытования печатей в материальной культуре средневековых центров, но и маркируют комплексы (постройки и усадьбы), непосредственно связанные с административными и владельческими отношениями, давая потенциальную возможность сопоставления и изучения связей археологического материала с данными письменных источников⁶.

⁶ Выражаем признательность А. А. Ореховой (Тверь) за помощь в подготовке иллюстраций и К. М. Секретёву (Москва) за информацию о почитании и изображениях св. Христофора.

Литература

- Белецкий В. Д., 1975. Костяная печать из Пскова // СГЭ. Вып. 40. Л.: Наука. С. 24–25.
- Гендуне Ю. Г., 1903. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб.: Тип. А. П. Лопухина. 22 с.
- Даль В. И., 1980. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык. 683 с. (Переизд. 1882 г.).
- Кукушкин И. П., 1995. Первая находка прикладной печати в Вологде // Послужить Северу: Историко-художественный и краеведческий сб. Вологда: Ардвисура. С. 75–78.
- Лапшин В. А., 1997. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). Т. I. СПб. – Псков: ИИМК РАН. С. 400–401.
- Милонов Н. П., 1946. Тверская печать XV в. // СА. Вып. VIII. С. 499.
- Полубояринова М. Д., 1971. Костяная печать из Серенска // КСИА. Вып. 125. С. 95–97.
- Полубояринова М. Д., 1983. Две костяные печати из Болгара // КСИА. Вып. 175. С. 95–97.
- Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. М.: ТАУС. 88 с. (Матер. охраненных археологических исследований ИА РАН. Т. 9).
- Соболева Н. А., 1991. Русские печати. М.: Наука. 240 с.
- Станюкович А. К., Авдеев А. Г., 2007. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Изд-во Д. Б. Нужненко. 190 с.
- Травкин П. Н., Хухарев В. В. Печать-матрица из Плеса // ТТЗ. Вып. 3. Тверь. С. 139–143.
- Тупиков Н. М., 2004. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Русский путь. 904 с. (Переизд. 1903 г.).
- Хорошкевич А. Л., 1972. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // ВИД. Т. IV. Л.: Наука. С. 130–145.
- Хохлов А. Н., Хухарев В. В., 1992. Новые находки печатей-матриц из Твери // ННЗ. Новгород: НГОМЗ. С. 160–163.
- Хохлов А. Н., Хухарев В. В., 1999. Прикладные печати-матрицы из раскопок Затьмацкого посада в Твери // ТТЗ. Вып. 3. Тверь: Старый город. С. 131–138.
- Хухарев В. В., 2013. Печати-матрицы из кости в контексте русских средневековых древностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (53). М.: Индрик. С. 145–147.
- Хухарев В. В., 2018. Прикладные печати-матрицы из кости среди находок в Твери // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 365–374.
- Хухарев В. В., Карнов Д. А., 2014. Печать-матрица из Мглина // ТТЗ. Вып. 7. Тверь: Старый город. С. 95–98.
- Чернецов А. В., 1988. Светская феодальная символика Руси XIV–XV вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН. 36 с.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXXVIIa (74). СПб: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1903. 520 с.

V. V. Khukharev, A. L. Karetnikov

Applied bone stamp-matrix from Rozhdestvensky Island on Lake Nero near Rostov the Great

Summary

The article is devoted to stamp-matrix of random finds in 1972 on the western shore of Rozhdestvensky Island on Lake Nero, near Rostov the Great. It is stored in the Rostov Regional Museum. The stamp is made of a round cross-section of the bone rod. Length 40 mm, diameter 12 mm. At one end of the seal is an image of the holy warrior Christopher (?) with a spear and a sword in his hands and

three points-beads; on the other – a three-line inscription in negative “ШИМЕКЪ”. The stamp-matrix can be dated to the middle of the 15th – first half of the 16th century and can be associated with the practice of using pendant wax and mastic seals. This find substantially complemented the summary of existing stamp-matrixes with both topographical information and typologically.

С. В. Зацаринный

Тульский областной краеведческий музей, Тула

Кистень XVI века из раскопок в Тульском кремле (к вопросу о хронологии кистеней с гирей биконической формы)

В 2014 г. в ходе охранных археологических исследований в Тульском кремле в слое XVI в. была найдена железная гиря кистеня¹. Редкость находок подобных предметов вооружения вообще и в слоях позднесредневековых памятников в частности, а также имеющиеся в нашем распоряжении возможности для датировки данного артефакта обуславливают актуальность настоящей публикации.

Рассматриваемый кистень является первой находкой вооружения подобного рода как в самом кремле, где раскопками исследовано в общей сложности около 2300 кв. м площади крепости, так и в границах позднесредневековой Тулы. Предмет был обнаружен в раскопе 19 (траншея под ливневую канализацию) в нижней части 7-го пласта культурного слоя (кв. 17). Нижележащий 8-й пласт на данном участке раскопа археологических артефактов не содержал и был сложен в основном переложенной материковой глиной, являвшейся выбросом либо из траншеи под ленточный фундамент самого кремля, либо из котлована какого-то сооружения начального этапа городской застройки (20-е годы XVI в.)².

Таким образом, по стратиграфическим данным, находка отложилась в культурном слое на этапе функционирования ранней застройки крепости. В 6-м и в верхней части 7-го пласта в соседних квадратах были обнаружены железные боеприпасы сферической формы диаметром 18–20 мм при

весе 20–30 г, аналогичные встреченным при расчистке участка мощеного въезда на подворье Приказной избы XVII в., расположенного поблизости³. Узкодатирующих индивидуальных находок в пласте 7 на этом участке раскопа выявлено не было.

На момент обнаружения поверхность предмета была покрыта толстой коркой железных окислов с налипшими фракциями мелкой древесной щепы, в связи с чем его окончательная атрибуция была осуществлена лишь после предварительной механической расчистки в лабораторных условиях⁴.

Ударная гиря кистеня (било) имеет биконическую форму (рис. 1). Ее длина 7,2 см, максимальный диаметр 4,0 см. Верхняя часть изделия увенчана плоской петлей прямоугольной формы с двумя трапециевидными выступами на углах для фиксации подвеса. Отверстие проушины имеет подпрямоугольную форму (ширина 1,2 см), что указывает на вероятное продевание через него именно ремня. Коническое основание гири завершается округлой декоративной шишечкой (диаметр 0,6 см). Вес находки 182 г. Органических остатков подвеса в канале проушины зафиксировано не было, что косвенно указывает на то, что гиря была утрачена в результате перетирания ремня в месте его продевания через прямоугольное ушко (в противном случае во влажном грунте благодаря минерализации кожи железными окислами ремень должен был бы сохраниться).

¹ Работы проводились археологической экспедицией ГУК Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» под руководством автора (Зацаринный, 2017).

² Застройка территории каменной крепости, по-видимому, была осуществлена уже по окончании возведения ее стен и башен в 1520 г. и, следовательно, к этому времени относится начало формирования раннегородских культурных отложений.

³ Упомянутые снаряды могли являться как картечью, так и ядрами затинных пищалей (Кирпичников, 1959. С. 271).

⁴ Выражаю благодарность реставратору по металлу высшей категории В. Н. Шмельёву (ФГБУК «ГВИИПМЗ «Куликово поле») за последующую реставрацию и консервацию публикуемой находки.

Ввиду отсутствия узко датирующего вещевого материала в горизонте залегания кистеня (площадь квадратов № 16–17) уточнить время его бытования позволяет небольшая, но сравнительно информативная керамическая серия, происходящая как из пласта 7 (кв. 16–17), так и из котлована небольшого погребца (яма № 4), частично исследованного в этих квадратах. Он был заглублен в нижележащий слой и материк с уровня основания пласта 7. По всей видимости, керамический материал и кистень отложились в рассматриваемых квадратах в период функционирования деревянной наземной постройки (конструктивные остатки не сохранились), заглубленной частью которой и являлась хозяйственная яма № 4.

Тульская керамическая посуда XVI–XVII вв. так же, как и московская белоглиняная керамика 2-го вида (МБК-2) (Коваль, 2001), принадлежит к т.н. керамике коломенского типа (Коваль, 2005) и обладает аналогичным набором диагностических признаков (технологических, морфологических и орнаментальных). Керамическая серия из пласта 7 культурного слоя (кв. 16–17) представлена кухонной и столовой посудой, которая изготовлена из нежелезненной (беложгущейся) глины без визуально фиксируемых примесей (единственным исключением является венчик крынки с мелкодисперсным песком в формовочной массе), т.е. из формовочной массы типа 1 (1.1 и 1.2 по В. Ю. Ковалю) (2014. С. 506). Выборка включает 103 экз.: 15 венчиков, 78 стенок, 10 днищ (табл. 1). Подавляющая часть сосудов обожжена в окислительной среде. Посуда восстановительного обжига составляет 15,4%. Почти все ее обломки покрыты с внешней стороны сплошным тщательным лощением и принадлежат, судя по характерной морфологии, одному или двум кувшинам.

Из 15 венчиков 9 обломков соотносятся с горшками (рис. 2, 1–9). Все венчики вертикальные либо слегка отогнуты наружу. На их внутренней стороне сформован небольшой полукруглый или уплощенный валик, образованный заворотом чернового края сосуда. По внешней стороне шейки

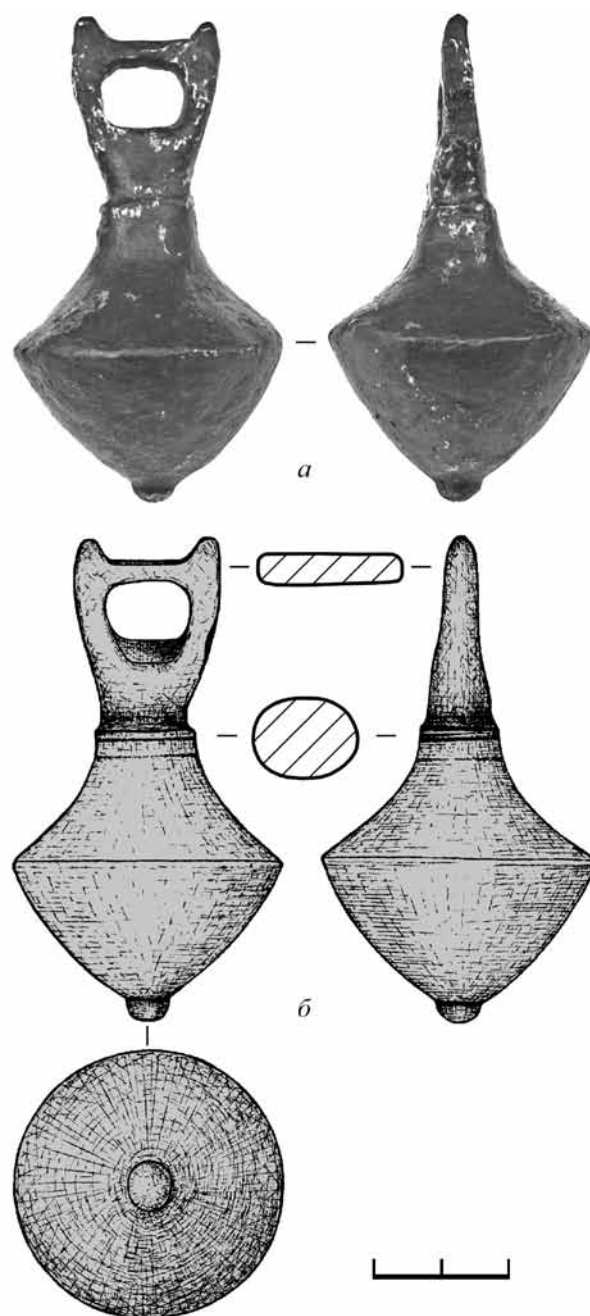

Рис. 1. Железная ударная гиря кистеня. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп № 19, кв. 17, пл. 7. Фото и рисунок

Таблица 1. Статистика круговой керамики из слоя и х/ямы № 4.

	Кв. 16, пл. 7				Кв. 17, пл. 7				Яма № 4				Итого
	Венч.	Стен.	Дн.	Всего	Венч.	Стен.	Дн.	Всего	Венч.	Стен.	Дн.	Всего	
Окисл. обжиг	10	50	8	68	3	14	–	17	3	11	–	14	99
Восст. обжиг	–	11	2	13	2	3	–	5	–	–	–	–	18
Всего	10	61	10	81	5	17		22	3	11		14	117

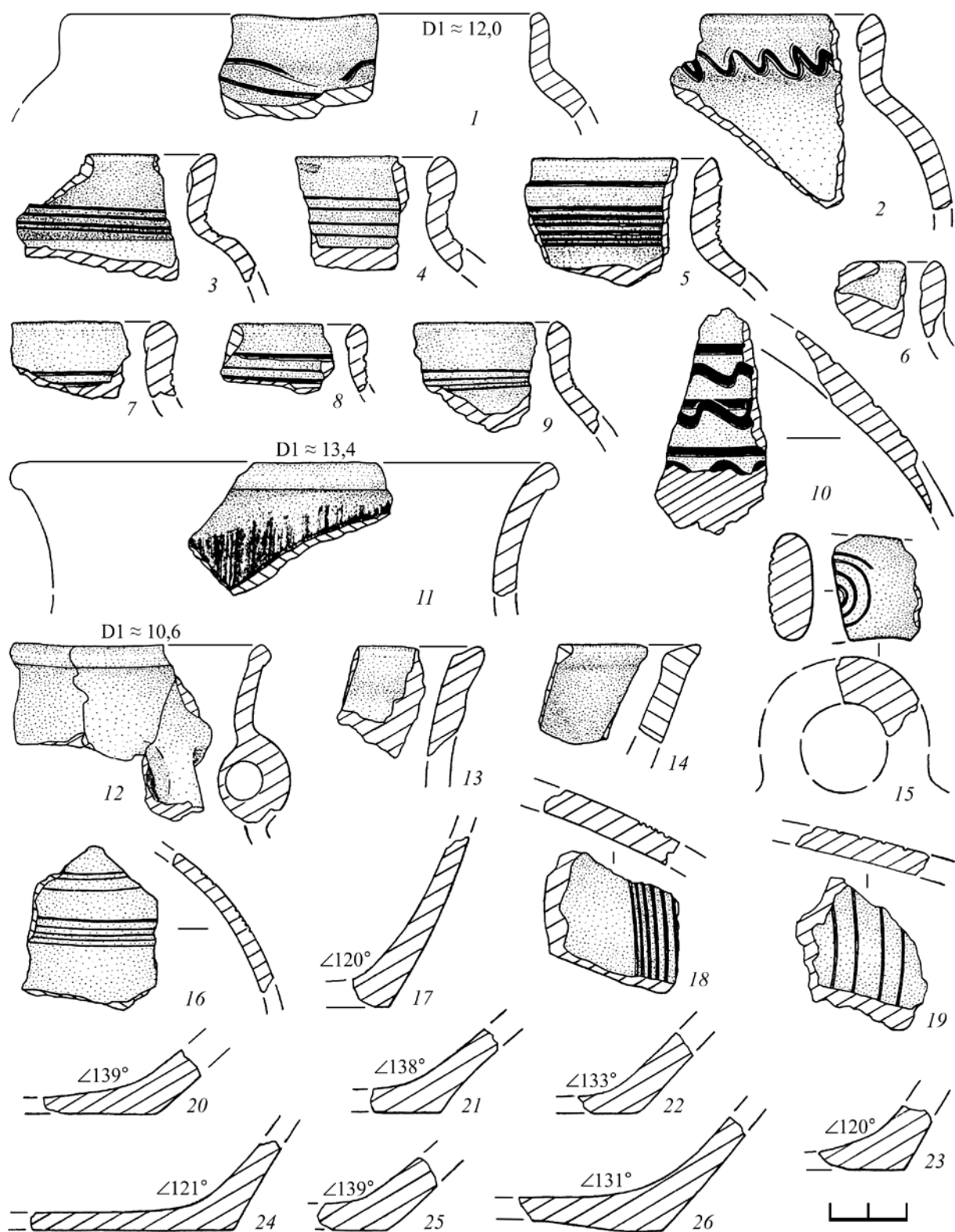

Рис. 2. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп № 19. Образцы круговой посуды из пл. 7 (кв. 16–17), где обнаружен кистень

1–9 – венчики горшков; 10 – стенка корчаги (?); 11–13, 16–17 – фр-ты кувшинов и крынок; 14 – венчик миски; 15, 18–19 – фр-ты крышек горшков; 20–26 – донца сосудов. 1–10, 12, 14–19, 21–26 – окислительный обжиг;

11, 13, 20 – окислительно-восстановительный обжиг

7 горшков украшены линейным орнаментом, преимущественно в виде редких горизонтально прочерченных линий. Два сосуда декорированы по шейке одиночной прочерченной волной (рис. 2, 1–2). В целом горшки этой серии могли бытовать на протяжении всего XVI в. Венчики с подрезами по внешнему краю (рис. 2, 7, 9), слегка отогнутые наружу (рис. 2, 3–4, 7), с редко прочерченными линиями по нижней части и основанию шейки с большой долей вероятности могут быть отнесены к первой половине – середине XVI в. (*Зацаринный*, 2002; *Зацаринный и др.*, 2007; 2011; *Воронцов, Фомин*, 2009). В то же время отдельные фрагменты (венчик горшка с валиком подтреугольной формы, декорированный уплотненным линейным декором (рис. 2, 5), так же, как и венчик, украшенный в нижней части шейки частой косой волной) могли бытовать еще и в первой половине XVII столетия. Единственный толстостенный фрагмент плечевой зоны сосуда, украшенный чередующимся линейным и волнистым декором, является, по-видимому, обломком корчаги (рис. 2, 10). Обломок корчаги с такой же орнаментацией был найден в Тульском кремле в комплексе первой половины XVI в. (*Зацаринный и др.*, 2007. С. 163, 194. Рис. 29, 1). К горшкам относится и подавляющая часть днищ (рис. 2, 20–26). Технологические следы крепления и снятия сосудов с круга на них отсутствуют ввиду тщательной заглаженности внешней поверхности руками гончаров, о чем свидетельствуют сохранившиеся папиллярные отпечатки их пальцев. Профилированные фрагменты донных частей горшков, маркирующие их пропорции, демонстрируют углы отгиба стенки сосуда от линии его дна в пределах 120–139° (рис. 2, 17–26). При этом параметры углов основной части днищ не превышают 135°, что в целом диагностирует тульские горшки XVI в. (*Зацаринный*, 2004. С. 216). Три днища (с углами в 138–139°), очевидно, принадлежат приземистым горшкам XVII в.

Крышки горшков выделены по трем фрагментам – двум стенкам и ручке. Стенки украшены плотным и разреженным линейно-концентрическим прочерченным орнаментом (рис. 2, 18–19). Обломок ручки сверху декорирован прочерченным узором в виде четырехвитковой спирали (рис. 2, 15).

Узкогорлые сосуды представлены четырьмя венчиками, принадлежащими двум крынкам (рис. 2, 11, 12) и, вероятно, кувшину (рис. 2, 13). Первая крынка характеризуется окислительным обжигом, наличием валика на внешней стороне венчика (диаметр около 11 см), образованного заворотом чернового края, и небольшой петельчатой про-

ушиной на горловине (рис. 2, 12). Очевидно, ей же принадлежит небольшой фрагмент верхней части тулова сосуда, украшенный двумя зонами линейного прочерченного орнамента (рис. 2, 16), и обломок придонной части, имеющий угол отгиба около 120° (рис. 2, 17). Основным периодом бытования подобных сосудов приходится на XVI столетие (*Коваль*, 2005. С. 255, 264. Рис. 5, 2–3; *Зацаринный и др.*, 2007. С. 159). Вторая крынка отличается наличием в формовочной массе мелкодисперсного песка (возможно, естественной примеси в глине) и окислительно-восстановительным обжигом (рис. 2, 11). Она покрыта по шейке плотным вертикальным лощением и имеет диаметр устья около 13,5 см. В Туле такие крынки распространены мало и, вероятно, являются привозными. Они появляются в слоях второй половины XVI в. и эпизодически встречаются в горизонте XVII в. Небольшой венчик кувшина окислительно-восстановительного обжига выделяется скошенным внутрь уплощенным краем (рис. 2, 13). На внешней его стороне сформован слабовыраженный декоративный валик. Начало распространения этого типа венчиков узкогорлых сосудов приходится на XVII столетие.

Открытые мискообразные сосуды усеченно-конической формы представлены двумя венчиками окислительного обжига. Один из них характеризуется сформованным на внутренней стороне уплощенным валиком (рис. 2, 14). Другой сосуд, представленный еще и втульчатой ручкой, является сравнительно крупной и глубокой сковородой (?) (рис. 3, 2). Диаметр ее устья 21,6 см, а реконструируемая высота – около 9,5 см. Длина ручки около 5,0 см, ее внешний диаметр 3,4 см, диаметр канала до 2,2 см. В Тульском кремле сосуды такого типа происходят преимущественно из слоев XVI в. (*Зацаринный и др.*, 2007. С. 181, 187. Рис. 16, 9; 22, 3; *Воронцов, Фомин*, 2009. С. 28. Рис. 6, 5). Примерно с уровня залегания кистеня (но из слоя просада над ямой № 4) происходит обломок глиняной дисковидной погремушки диаметром около 7,8 см (рис. 3, 1). В центре фронтальной стороны изделия расположено тональное отверстие, следы росписи на внешней поверхности отсутствуют, что характерно для тульских раннегородских игрушек.

Керамическая серия из хозяйственной ямы № 4 включает 14 фрагментов сосудов (3 венчика и 11 стенок). Все они имеют окислительный обжиг. Два венчика принадлежат двум небольшим горшкам: диаметры их устья – 11,6 см и 14,0 см (рис. 3, 3–4). По внутренней стороне венчики оформлены уплощенным валиком, образованным

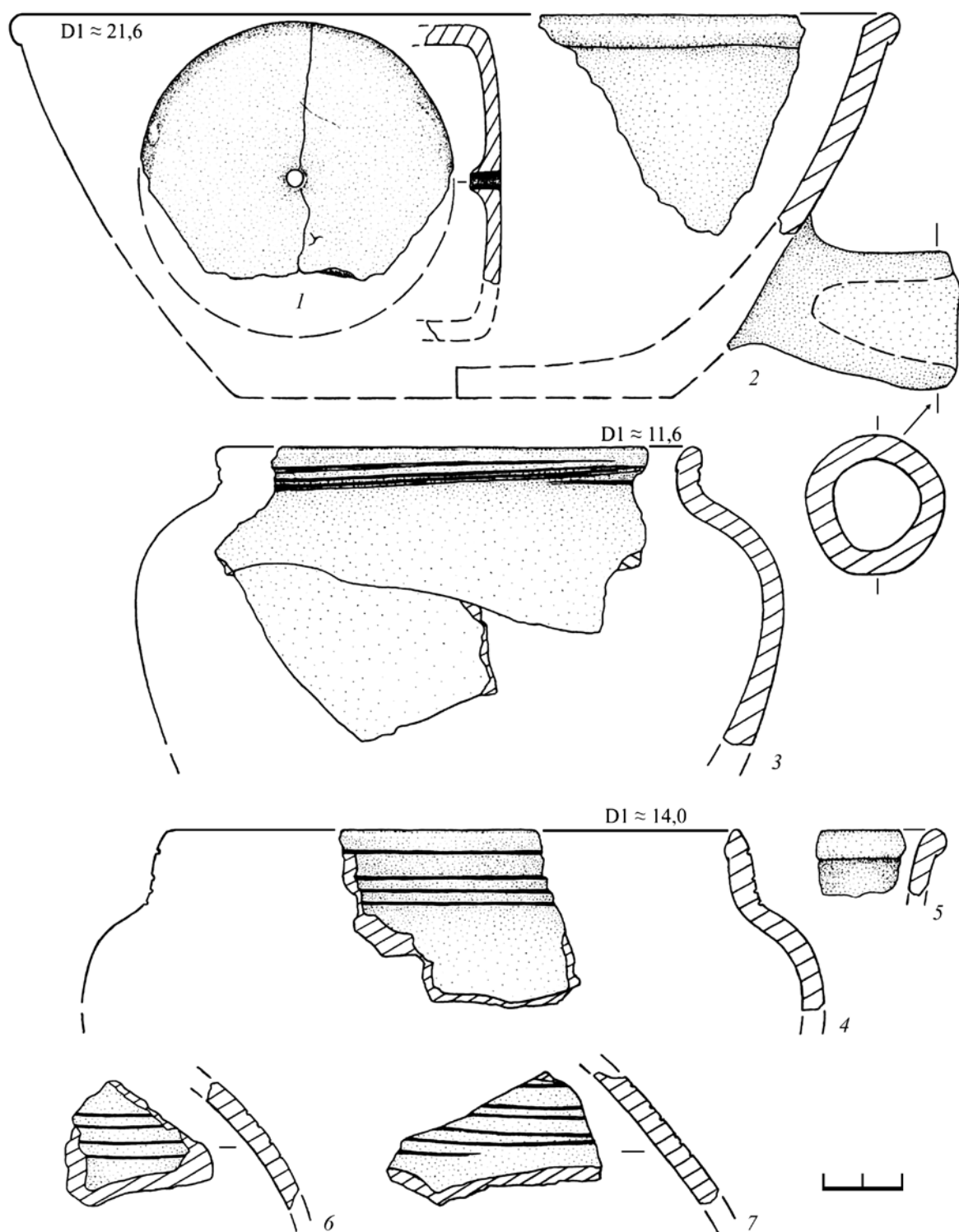

Рис. 3. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп № 19. Керамическая серия из пл. 7 (1–2) и хозяйственной ямы № 4 (3–7) строительного горизонта, где обнаружен кистень

1 – дисковидная погремушка; 2 – реконструкция сковороды; 3–4 – венчики горшков; 5–7 – фр-ты крынок.
1–7 – окислительный обжиг

заворотом черного края. Шейка второго сосуда слегка наклонена вовнутрь, край венчика с внешней стороны слегка подрезан. Исключительно по шейке горшки орнаментированы несколькими (3–4) горизонтально прочерченными линиями. Набор отмеченных признаков позволяет датировать эти сосуды серединой – второй половиной XVI в. Третий венчик с валиком, образованным заворотом черного края наружу, принадлежит крынке или кувшину (рис. 3, 5). В его формовочной массе присутствует мелкозернистый песок. Из стенок к крынкам или кувшинам уверенно относятся два обломка верхней части тулова сосудов, украшенных редкими горизонтально прочерченными линиями (рис. 3, 6–7).

Таким образом, по совокупности диагностирующих признаков и с учетом полного отсутствия в заполнении ямы № 4 посуды восстановительного обжига, данную керамическую серию, видимо, следует датировать серединой – третьей четвертью XVI в.

К этому же времени относится и подавляющая часть керамики из пласта 7. Присутствующие в выборке из слоя обломки посуды, которые могут быть отнесены к XVII в. (сосуды восстановительного обжига, отдельные венчики и днища горшков), по-видимому, происходят из самой верхней части пласта (либо из слоя просада над ямой № 4), т. к. вышележащий пласт 6 уже включает отложения XVII – начала XVIII в. Следовательно, их хронология не распространяется на кистень, залегающий в нижней части пласта 7. Кроме того, выпадению в слой этого предмета вооружения должен был предшествовать некоторый период его использования. В этой связи мы полагаем, что датировка публикуемой находки в рамках XVI в. (с более вероятным интервалом ее бытования в пределах второй и третьей четвертей этого столетия) является достаточно обоснованной.

По типологии А. Н. Кирпичникова тульский кистень относится к типу VI, который датируется исследователем XIII–XIV вв. (Кирпичников, 1966. С. 63, 64. Табл. 16). В совместной статье 1985 г. А. Н. Кирпичников и А. Ф. Медведев указывают на то, что железные кистени биконической формы с прямоугольным ушком (тип VI) являются «переходными к формам XIV в.», хотя в иллюстративной таблице на них все же распространяется общая датировка – X–XIII вв. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 312, 343. Табл. 131). В монографии «Военное дело на Руси в XIII–XV вв.» А. Н. Кирпичников, ссылаясь на случайную находку кистеня типа VI в руинах Каунасского замка, разрушенно-

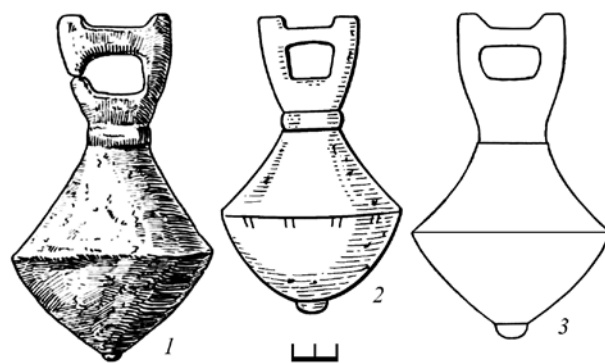

Рис. 4. Аналоги тульскому кистеню

1 – Старая Ладога (по: Кирпичников, 1966. Табл. XXIX, 6); 2 – Киевская обл. (по: Кирпичников, Медведев, 1985. Табл. 131, 22); 3 – Серенск (схематичный рисунок по фото)

го в 1362 г., отмечает, что «она может иметь отношение к верхней дате русских находок» (Кирпичников, 1976. С. 27).

Таким образом, широко используя в своих работах позднесредневековые письменные источники (записки С. Герберштейна, П. Иовия, И. Вундерера), свидетельствующие об использовании в снаряжении русского войска XVI в. кистеня как вспомогательного ударного оружия, А. Н. Кирпичников, опираясь на археологические материалы, все же не допускал бытование кистеней выделенных им типов позднее XIV в. Лишь находка детского бронзового кистенька в горизонте конца XV – первой половины XVI в. (раскопки в г. Орешке 1968 г.) убедила исследователя в более длительном бытовании кистеней типа V (Кирпичников, 1976. С. 27).

В «Своде археологических источников» на территории Древнерусского государства А. Н. Кирпичниковым было зарегистрировано 127 находок кистеней, датированных X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. С. 64. Табл. 15). На фоне представительных выборок надежно датированных кистеней типов I–IV, кистени типа VI (как, впрочем, и V) представлены всего тремя экземплярами! Уже это обстоятельство выделяет эти предметы из общей серии и косвенно свидетельствует в пользу их инородности в данном свode (рис. 4). Географически они происходят из Киевской области, Старой Ладоги и Серенска (Кирпичников, 1966. С. 138).

Находка из Киевской области, хранящаяся в Кременецком краеведческом музее, является случайной и, следовательно, собственной датировки не имеет. Второй кистень происходит из слоя Староладожского городища. Источником полевых данных об этом предмете являются «сведения» Г. Ф. Корзухиной (Кирпичников, 1966. Каталог).

Таблица 2. Параметрические данные тульской находки и кистеней типа VI из свода А. Н. Кирпичникова (в см).

Место находки	Длина	Диаметр гири
Тула	7,2	4,0
Старая Ладога	7,7	4,5
Киевская область	6,6	4,0
Серенск	7,2	4,4

Наличие на этом памятнике слоев позднее XIII в. настоятельно требует уточнения стратиграфического контекста ее залегания. Без этих данных хронологическая позиция данного предмета неоднозначна. Третья находка была обнаружена в слое Серенского городища (Калужская область) в результате раскопок Н. И. Булычёва конца XIX в. (Булычёв, 1899. Табл. XXV, 6)⁵. Помимо Н. И. Булычёва и А. Н. Кирпичникова этот артефакт в комплексе древнерусских материалов рассматривала и Т. Н. Никольская (Никольская, 1974. С. 41; 1981. С. 259). Заметим, что эта же исследовательница выделяла на городище и слои XIV–XVI вв. (Никольская, 1986. С. 41)⁶. Заселенным вплоть до XVII в. включительно оставался и посад Серенска (Хохлова, 2001; Кашкин и др., 2006. С. 179–180). Таким образом, при отсутствии убедительной полевой документации по данному предмету датировка его XIII в. (или XIII–XIV вв.) представляется весьма субъективной.

Общий обзор и краткая характеристика кистеней XV–XVII вв. изложены О. В. Двуреченским в недавно изданном монографическом исследовании (2015. С. 205–210). В его выборке несколькими экземплярами представлены и кистени биконической формы. Одна ударная гиря происходит из раскопок Волоколамского городища и датируется исследователем XVI–XVII вв. (Ивченков, 1987; Двуреченский, 2015. С. 206, 209, 210. Рис. 120, 11). Другой кистень (к сожалению, беспаспортный) хранится в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга (Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи). На его позднюю датировку указывает наличие сохранившегося кожаного ремня, заправленного в петлю пря-

моугольной формы (Двуреченский, 2015. С. 209. Рис. 120, 9). Еще один сравнительно близкий по форме кистень с прямоугольной петлей был обнаружен при раскопках *in situ* в пожарном слое подвала во дворце Б. Ф. Годунова в Вязёмах, уничтоженного в первых десятилетиях XVII в. (Двуреченский, 2015. С. 206, 209, 210. Рис. 120, 10). В отличие от первых двух (бронзовых) кистеней, последняя находка является железной. Полностью аналогичный «тульскому» железный кистень происходит из раскопок 2016 г. на территории Зарядья в Москве⁷. Данный предмет вооружения также был выявлен в горизонте XVI в.

Очевидная близость параметрических и морфологических данных трех «древнерусских» кистеней биконической формы из свода А. Н. Кирпичникова с тульским кистенем (рис. 4), как, впрочем, и с московским, определенно свидетельствует о явной унификации вооружения этого типа (табл. 2). Столь высокая степень стандартизации подобного оружия вряд ли могла иметь место в удельный период, т. е. ранее образования Русского централизованного государства.

Сигизмунд Герберштейн сообщает, что било кистеня изготавливалось из «меди, железа или оленьего рога» (Герберштейн, 1988. С. 114). По-видимому, основным материалом боевых гирь кистеней являлось все-таки железо. Оно типично и для родственного типа подвесного ударного оружия – боевых цепов и моргенштернов, массовое распространение которых приходится на XVI–XVIII вв. (Двуреченский, 2015. С. 206; Ефимов, Рымша, 2009. С. 345–348).

Кистень с гирей биконической формы изображен на широко известной гравюре из базельского издания книги С. Герберштейна «Сказание о Московии», иллюстрирующей снаряжение русских воинов (рис. 5).

На наличие кистеней в составе вооружения мелкопоместного конного войска указывают письменные и изобразительные источники (С. Герберштейн, П. Иовий, И. Вундерер и др.). Редкость находок позднесредневековых кистеней, очевидно, может объясняться их статусным характером. На одной из гравюр в упомянутом выше издании

⁵ Кистень из раскопок Серенского городища хранится в ГИМ и экспонируется в отдельной витрине, посвященной древнерусским материалам с этого памятника (Серенск – город в земле вятичей, 2014. С. 12).

⁶ Наличие среди находок сапожных комбинированных подков с пятью гвоздевыми отверстиями (Никольская, 1986. С. 48. Рис. 3, 17) позволяет допустить заселенность площадки городища и в XVII в.

⁷ В настоящее время предмет экспонируется в подземном археологическом музее «Зарядье». Информация о данной находке была получена из совместного доклада Лебедева В. И., Молошникова М. А., Храпова В. И. «Оружейный горизонт Зарядья: предварительная датировка» на семинаре «Археология Подмосковья» в 2016 г.

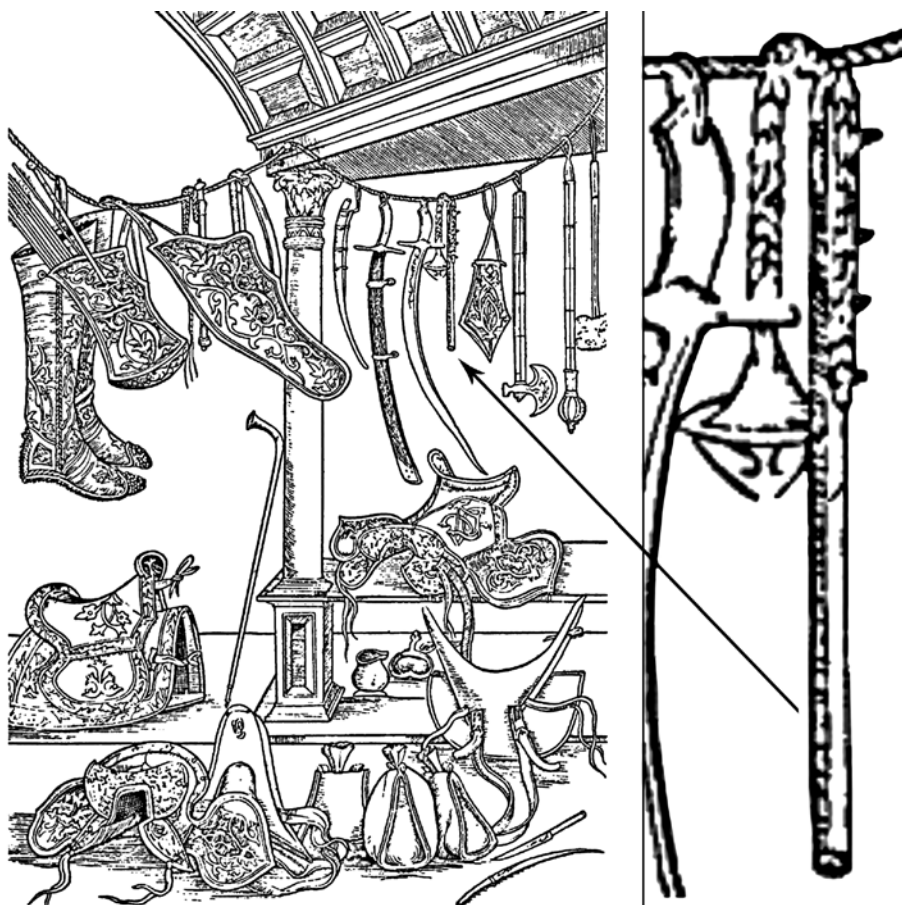

Рис. 5. Кистень с билом биконической формы. С гравюры базельского издания книги С. Герберштейна «Сказание о Московии» (1556)

Рис. 6. Представители русской знати: боярин, дворянин, воин и татарин. С гравюры базельского издания книги С. Герберштейна «Сказание о Московии» (1556)

именно дворянин (и, судя по характерному облачению, вероятно, окольный) изображен с кистнем в руках (рис. 6). Последнее вряд ли является случайностью, принимая во внимание подробность и тщательность составленных С. Герберштейном описаний, что отмечается и другими исследователями (Фёдоров, 2009).

Таким образом, проведенный анализ ставит под сомнение однозначность определения как нижней, так и верхней хронологической границы бытования железных кистней биконической формы в работах А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева. По-видимому, распространение кистней типа VI относится к более позднему времени,

и они не имеют «домонгольских прототипов» (Двуреченский, 2015. С. 210). Следовательно, период их употребления не был столь продолжительным (с XIII по XVII в.). Заметим, что среди нескольких десятков кистней, обнаруженных в ходе исследования древнерусских слоев в Новгороде Великом, не было найдено ни одного (!) кистня типа VI по А. Н. Кирпичникову (Артемьев, 1988).

Уточнение хронологии вооружения этого типа практически невозможно без расширения выборки этих предметов, которая пока весьма ограничена. Тульский кистень является пока одной из немногих надежно документированных находок, позволяющих приблизиться к решению данного вопроса.

Литература

- Артемьев А. Р., 1988. Кистени и булавы из раскопок Великого Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. М.: МГУ. С. 5–28.
- Булычёв Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова. 78 с.
- Воронцов А. М., Фомин К. Н., 2009. Комплекс постройки XVI в. из Тульского кремля // Позднесредневековый город II: Археология. История. Тула: ГВИИПМЗ Куликово поле. С. 19–34.
- Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.: МГУ. 430 с.
- Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: ГВИИПМЗ Куликово поле. 498 с.
- Ефимов С. В., Рышма С. С., 2009. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. 1. Доспехи, клинковое оружие, оружие на древках, орудия правосудия. СПб: Атлант. 400 с.
- Зацаринный С. В., 2002. Керамический комплекс раннего этапа заселения Тульского кремля (по материалам постройки № 4) // Троицкий Н. И. и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула: ГВИИПМЗ Куликово поле. С. 255–266.
- Зацаринный С. В., 2004. К вопросу об информационных возможностях придонных частей позднесредневековых круговых горшков (Морфологический аспект) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула: ГВИИПМЗ Куликово поле. С. 212–223.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В., 2007. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок 1999–2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула: ГВИИПМЗ Куликово поле. С. 132–206.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Наумова Т. В., 2011. Керамические комплексы XVI – начала XIX века из раскопа по улице Спортивная, 15 в исторической части Тулы // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула: ГВИИПМЗ Куликово поле. С. 111–203.
- Зацаринный С. В., 2017. Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013–2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль. Тула: ООО БОРУС-Принт. С. 176–194.
- Ивченко, 1987. Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12341.
- Кашкин А. В., Краснов Ю. А., Массалитина Г. А., Прошкин О. Л., Смирнов А. С., Сорокин А. Н., Фролов А. С., 2006. АКР. Калужская область. М.: ИА РАН. 312 с.
- Кирпичников А. Н., 1959. Описная книга пушек и пищалей как источник средневековой русской артиллерии (к характеристике городского наряда Московского государства второй четверти XVII в.) // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. IV. Л.: АИМ. С. 265–285.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М.-Л.: Наука. 182 с. (САИ. Вып. Е1-36).
- Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука. 104 с.
- Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 298–363. (Археология).

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула: ООО РИФ Инфра. С. 251–265.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–556.

Никольская Т. Н., 1974. Военное дело в городах Земли вятичей (по материалам древнерусского Серенска) // КСИА. Вып. 139. С. 34–42.

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 296 с.

Никольская Т. Н., 1986. Новые данные к истории Серенска // КСИА. Вып. 187. С. 41–51.

Серенск – город в земле вятичей / Авторский коллектив: Г. А. Массалитина, И. В. Болдин, И. Е. Зайцева, В. А. Бессонов, В. Г. Пуцко, Т. Ф. Бессонова, В. П. Есипов. Тула: ООО Борус-Принт, 2014. 272 с.

Фёдоров О. А., 2009. Реконструкция облика знатного дворянина на московской службе (первая половина – середина XVI в.) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига. С. 228–253.

Хохлова Т. М., 2001. К вопросу о заселении Серенска и его ближайшей округи // Материалы VIII региональной научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья». Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой. С. 45–48.

S. V. Zatsarinny

Brushstone from excavations conducted in 2014 in the Tula Kremlin (connected to the chronology of biconical weights)

Summary

This paper publishes details of the find of an iron biconical brush mould – discovered in a cultural layer of the 16th century in the Tula Kremlin (during excavations in 2014). Study of this example of percussive weapon, along with other analogous weaponry items, illustrated drawbacks in the existing periodization of

this type of weapon over the periods of the 13th–16th centuries, which was drawn up by Dr A. N. Kirpichnikov. Dating of the analogous pieces, along with pictorial sources, enables attribution of biconical brushstones to the weaponry of the armies of the Muscovian state during the 15th–17th centuries.

М. Ю. Меньшиков, М. А. Молошникова, С. В. Малых
ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва

Уникальная находка простого деревянного рекурсивного лука в Зарядье (Москва)

Осенью 2016 г. в Москве на раскопках в Зарядье (руководители раскопа С. В. Малых и М. А. Молошникова) в слоях второй половины XVI в. был обнаружен деревянный лук (рис. 1). Находка сделана в слое навоза, который составлял заполнение наземной хозяйственной постройки. Других предметов вооружения или охоты в этом слое обнаружено не было. Контекст находки не позволяет сказать что-то определенное об условиях попадания лука в слой.

Лук изготовлен из дубового массива¹. Длина лука около 123 см. На внешней стороне сохранились фрагменты дубовой коры (рис. 1, 1), а это говорит о том, что на момент выпадения в слой данный предмет практически не использовался или был еще на стадии изготовления. В известных по этнографии наставлениях по изготовлению луков говорится о том, что кору необходимо снимать в последний момент. Данный технологический прием способствует более равномерному высыханию древесины лука. В районе максимального выгиба одного из плечей с внутренней стороны обнаружены фрагменты шерсти или войлока (рис. 1, 1). Теоретически место расположения фрагментов шерсти идеально подходит под участок, на который приходилось бы давление чопика, которым формировался выгиб плеча лука. Для сохранения структуры древесины, чтобы избежать ее повреждения, между чопиком и кибитью делалась прокладка из ткани или кожи. Нельзя с полной уверенностью говорить о том, что данный фрагмент шерсти является частью такой прокладки, но исключать этой вероятности не стоит. Благодаря указанному выше выгибу можно говорить, что обна-

руженный в Москве лук относится к типу простых рекурсивных, т. е. его плечи были отвернуты в сторону от стреляющего еще на стадии изготовления (это позволяло усилить мощность лука при сокращении его размеров). Подобный технологический прием был широко распространен на Руси, но относился к сложным составным лукам. В данном же случае такую форму лука сформировали с помощью подрезки с внутренней стороны и выгибания плечей лука.

На сегодняшний день накоплено достаточно много информации о сложных составных луках в Восточной Европе. Подобная форма традиционна для кочевников и имеет долгую хорошо изученную историю от луков скифских племен и гуннов до луков монголов и других кочевников Средневековья (Медведев, 1964; Савин, Семенов, 1998). Всадники всегда были заинтересованы в оружии, которое обеспечивало большую убойную силу при минимальных размерах, позволявших стрелять с коня. Идея использования дополнительных накладок, усиливающих лук, быстро получила широкое распространение в Восточной Европе и местами дошла до северных земель. Отголоски знаний о сложных кочевнических луках прослеживаются в мифе о Беовульфе (Lundstrom et al., 2009. Р. 105). Отдельные находки импортируемого с юга вооружения встречены в погребениях Скандинавии (Lundstrom et al., 2009). Многочисленные фрагменты и детали многокомпонентных луков встречаются как в погребениях, так и в анаэробных слоях древнерусских городов (Медведев, 1966. С. 10–16; Каинов, Михайлов, 2009). В силу сложности и дороговизны исполнения, вероятно, составные луки

¹ Определение А. Л. Александровского.

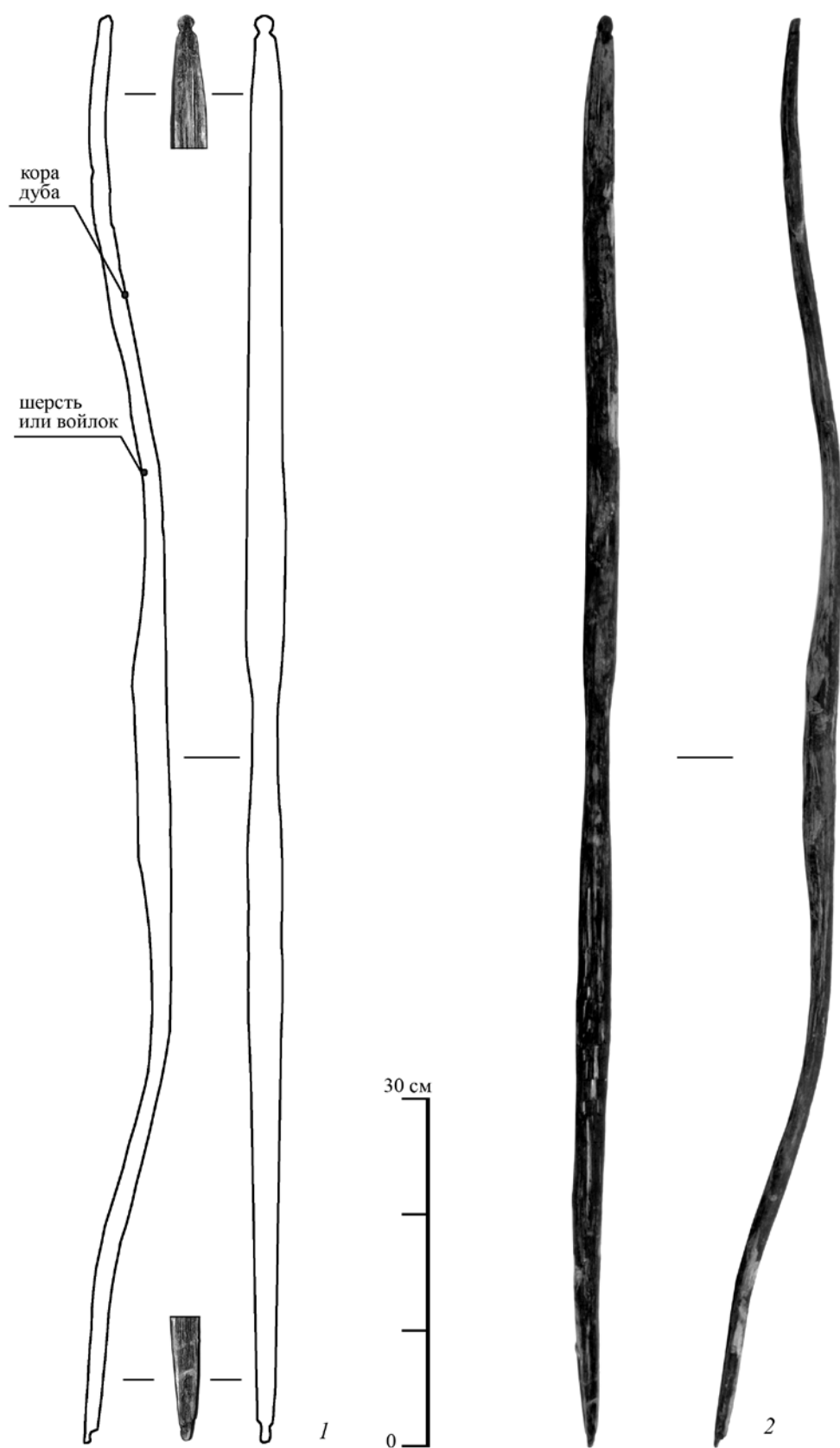

Рис. 1. Простой рекурсивный деревянный лук из Зарядья (г. Москва)
1 – рисунок лука на момент обнаружения; 2 – лук после реставрации, фото

преимущественно использовались воинским сословием. Наиболее широко данная разновидность метательного оружия получила распространение на Руси с началом процесса ориентализации русского войска (Кирпичников, 1976. С. 13–18). Изменения в тактике действий конницы привели к тому, что снаряжение конного лучника «московита» максимально приблизилось к снаряжению южных кочевых соседей. Таким образом, чаще всего, когда встает вопрос о том, как выглядел «древнерусский» лук, нам представляется сложносоставное изделие с активным использованием роговых элементов (Медведев, 1964. С. 117. Табл. 1).

Тем не менее, несмотря на широкую популярность составных луков в развитом и позднем средневековье, отличие северного лесного уклада от степного образа жизни позволило сохраниться и простым, более дешевым формам луков, иногда просто усиленным за счет сухожилий. Финское население в лесах и арктические охотники полярных широт сохранили традицию изготовления простых длинных луков на протяжении всего Средневековья и в Новое время. Возможно, простые луки имели более широкое, чем нам представляется, распространение на Руси, однако, в отличие от изделий, которые включают твердые роговые элементы, простые деревянные луки не смогли сохраниться в большом количестве до наших дней. Также, возможно, негативную роль сыграли относительная простота их исполнения и дешевизна – такие луки не стремились беречь, подобно сложносоставным аналогам, а в случае поломки разбросанные детали легко утрачивали визуальную схожесть с деталями лука. Поэтому находка в Москве полной формы деревянного простого рекурсивного лука стала уникальным явлением. Ранее на территории средневековой Руси было известно о находках четырех деревянных луков, не считая детских игрушек: в Великом Новгороде, в Ярославле и на территории Беларуси (2 экз.). Из них только находка из Витебска может быть отнесена к типу простых деревянных луков (Колединский, 1995). При этом данный образец, в отличие от московского, не является рекурсивным и наиболее близок по форме и пропорциям к длинным английским лукам. Лук из Великого Новгорода является моделью сложного составного лука (Артемьев, Гайдюков, 1992). Две другие находки не опубликованы, но, по имеющейся информации, их нельзя отнести к категории простых деревянных луков.

Одним из наиболее интересных и важных элементов лука, обнаруженного в Зарядье, который позволяет говорить о его уникальности, является

система окончания плечей лука в местах крепления тетивы. Традиционно на всех составных луках этого времени надрез под петлю оформлялся с внешней стороны, и его прорезали в роговой пластине, формирующей окончание плеча. В данном случае для фиксации петель тетивы были подрезаны боковые грани торцевых окончаний, что сформировало два выступа, за которые и должна была фиксироваться тетива. Подобное крепление встречено впервые для всех известных нам образцов русских средневековых луков и, вероятно, связано с иным распределением нагрузки при отсутствии концевых накладок с вырезом для тетивы. Такой тип крепления тетивы можно назвать архаичным, и встречается он преимущественно у простых луков, не имеющих роговых или костяных накладок. Одна из наиболее ярких и ранних находок лука с подобным креплением происходит из раскопок в городе Хардинксвелд-Гиссендам (*Hardinxveld-Giessendam*) в южной Голландии, где простой лук происходит из мезолитического слоя (*Louwe Kooijmans*, 2001). Аналогичные способы крепления тетивы встречены у неолитического лука, который был найден в Швейцарских Альпах в 2003 г. (лук имел длину 160 см, датировался 2900–2300 гг. до н. э.) и у луков начала II тысячелетия до н. э., обнаруженных в торфяниках Норвегии. Во многих случаях знаменитые английские «длинные луки» и японские луки «юми» периода Камакура имели подобную систему крепления тетивы. Такой же способ встречается на традиционных напряженных (*reinforced bow*) луках арктических охотников от Гренландии до Восточной Сибири и Аляски (луки имеют длину около 110–140 см) (*Grayson*, 2007. Р. 178–179; коллекция музея в Копенгагене). В XIX в. подобный способ крепежа тетивы на простых луках (*self-bow*) встречается в Индии (длина лука 137 см) (*Grayson*, 2007. Р. 77). Поэтому можно говорить, что данный архаический прием крепления тетивы имел широкое распространение, особенно в Европе, до появления составных восточных луков. Но в Средневековье подобный метод крепежа был полностью вытеснен и не прослеживается ни у кого из соседей Руси, за исключением арктических охотников. При этом следует отметить, что у наиболее близких северо-западных соседей, не подверженных идеям «ориентализации», система крепления тетивы на простых луках также отличается от системы лука из Зарядья (*Insulander*, 1999. Р. 82–84).

Таким образом, мы имеем уникальную в своем роде находку, которая на фоне распространенных в русском войске и у практически всех ближайших

соседей восточных составных луков, представляется достаточно архаичной. Однако при изготовлении лука применена такая технологическая особенность, как рекурсивное направление плечей лука. Этот технологический прием мог быть воспринят как от современных ему составных луков, так и достаться по наследству от более ранних древнерусских простых луков, информацией о которых мы не располагаем, которые, в свою очередь, возможно, восходили к более ранней общеевропейской традиции. Нехарактерное для широко распространенных составных луков XVI в. окончание плечей и крепление тетивы говорит об ином пути развития данного варианта метательного оружия. Вероятно, житель Москвы, который изготовил этот

лук, руководствовался устойчивым представлением о том, что для простых луков оптимальным является окончание плеча с боковыми срезами, а не с поперечным надрезом с внешней стороны, как это характерно для практически всех известных нам средневековых составных луков. Отсутствие схожих технологических приемов у соседей Руси как с юга и востока, так и с запада, позволяет говорить, что в данном случае мы имеем либо удачную компиляцию восточной степной и северной арктической традиций изготовления лука, либо, что на наш взгляд более вероятно, мы имеем первую находку собственно традиционного русского лука, изготовленного по устойчивой традиции обитателей восточноевропейских лесов.

Литература

- Артемьев А. Р., Гайдуков П. Г., 1992. Лук XIII века с Троицкого раскопа // ННЗ. Новгород. С. 92–94.
- Каинов С. Ю., Михайлов К. А., 2009. Находки деталей сложносоставного лука на территории Древней Руси и их культурная атрибуция // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. СПб. – М.: ИИМК РАН. С. 339–359.
- Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука. 104 с.
- Колединский Л. В. 1995. Находка лука из раскопок Верхнего замка Витебска // ГАЗ. № 6. Минск. С. 198–201.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ. Е1–36).
- Медведев А. Ф. 1964. Из истории сложного лука // КСИА. Вып. 102. С. 3–8.
- Савин А. М., Семенов А. И., 1998. О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: ГЭ, ИИМК. С. 290–295.
- Grayson Ch. E., French M., O'Brien M. J., 2007. Traditional Archery from Six Continents: The Charles E. Grayson Collection. Columbia, MO: University of Missouri Press. 256 p.
- Insulander R., 1999. Den samiska pilbågen rekonstruerad: en jämförande analys av fynd från Sverige // Norge och Finland Fornvännen. Vol. 94.2. P. 73–87.
- Louwe Kooijmans L. P., 2001. Archeologie in de Betuweroute Hardinxveld-Giessendam Polderweg: Een mesolithisch jachtkamp in het rivierengebied (5500–5000 v. chr.). Amersfoort: Rijksdienst voor Oudheidkundig Bodemonderzoek. 488 p. (Rapportage Archeologische Monumentenzorg 88).
- Lundstrom F., Hedenstierna-Jonson C., Holmquist Olausson L., 2009. Eastern archery in Birka's garrison // The Martial Society. Aspects of warriors, fortifications and social change in Scandinavia. Stockholm: ARL, Stockholm University. P. 105–116.

M. Yu. Menshikov, M. A. Moloshnikova, and S. V. Malykh

The unique find of a simple recursive wooden longbow at Zaryade (Moscow)

Summary

This oakwood longbow was found during excavations at the Zaryade site in Moscow, in a cultural layer dating for the 16th century, in a back-filled former farm building. Unlike composite bows with their bone lin-

ings, this is an example of a simple bow, and – as previously thought – dates to the 16th century, when such bows were going out of use. This find shows that such simple bows were still in use at that period for hunting.

Археология Нового времени

В. Г. Бездудный, М. А. Курицын
Институт археологии РАН, Москва

Проведение геофизических исследований в Подольном монастыре (город Сергиев Посад Московской области)

В октябре 2017 г. были проведены геофизические (георадарные) исследования на территории памятников археологии: «Исторический культурный слой Подольного монастыря» и «Некрополь Подольного монастыря» в городе Сергиев Посад Московской области.

Наиболее ранние документальные свидетельства о монастырской церкви Введения относятся к концу XV – началу XVI в. При ней находилась богадельня, которая содержалась на средства Троицкого монастыря; одновременно эта церковь являлась приходской для живших поблизости монастырских слуг. В первой половине XVI в. здесь устраивается мужской монастырь, а в 1546–1547 гг. возводятся две каменные церкви – холодная на подклете Введения Богородицы с приделом Константина и Елены и теплая с трапезной – Параскевы Пятницы. В течение XVI в. «малый» (в отличие от «большого» Троицкого) монастырь упоминается как место вкладов троицкой братии и светских лиц. Собственных вотчин и других доходов, кроме вкладов, Подольный монастырь не имел и находился в подчинении Троицкому.

В Смуту, при осаде Троицкого монастыря в 1608–1610 гг., Подольный монастырь был разорен, но уже в 1611 г. Пятницкую церковь возобновили. Прошение троицких властей об освящении Введенского храма относится к 1621 г. Представление о постройках монастыря и внутреннем убранстве Введенской и Пятницкой церквей дает опись 1641 г. К теплой церкви примыкала трапезная палата, над которой устроили колокольницу. На территории находилось 13 келий старцев и кельи игумена и черного священника; монастырь обнесен забором. «Посторонь Пятницкого монастыря колодязь чудотворца Сергия, выложен белым камнем; над ним шатер, покрыт тесом, на шатре крест».

В конце XVII в. Пятницкий храм середины XVI в. был разобран, вместо него построена небольшая теплая церковь с колокольней, существующая и поныне. Точное время ее возведения в письменных источниках не прослеживается, о времени создания свидетельствуют только композиционные особенности здания и его архитектурный декор. В первой половине XVIII в. здесь был устроен придел Архангела Михаила.

Введенская церковь XVI в. в первой половине XVIII в. находилась в крайне аварийном состоянии, поэтому в 1740 г. проведены капитальные работы по ее перестройке. Конфигурацию участка Введенского прихода можно проследить по планам города XIX в. Его окружала многоугольная в плане ограда, с запада примыкавшая к трассе старой дороги из Москвы в Сергиев Посад, с севера небольшой ее участок выходил в сторону Красноторской площади; южный проходил по левому берегу реки Кончуры. В пределы приходского участка входил небольшой пруд, аккумулирующий излишки подпочвенных вод.

Границы Введенского прихода скорректированы в середине XIX в. при прокладке новой московской дороги, которая прошла по восточной части приходской территории, в непосредственной близости от алтарных апсид церквей (*Преображенский*, 1892. С. 754–758; *Арсений*, 1894. С. 1–28) (рис. 1).

Археологические работы, проводившиеся на исследуемом участке и вблизи него в XX–XXI вв., имели характер наблюдений, в связи с чем сколько-нибудь полная информация о структуре, первоначальной территории монастыря, его некрополе получена не была. Однако спорадические находки белокаменных надгробий и погребений свидетельствуют о функционировании здесь

Рис. 1. «План Сергиевского посада Московской губернии в Дмитровском уезде» 1865 г. (ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 182. Д. 29а)

монастырского некрополя, по крайней мере, с XVI в. Но, в связи с многократным изменением границ Подольного монастыря, а затем Введенского прихода, особенно в XVIII–XIX вв., эта территория практически не изучена, не были ясны местоположение и степень сохранности средневекового некрополя. Цель проводившихся георадарных работ – выявить изменения в грунте, связанные с древним кладбищем. Возможность применения методики исследования ранее продемонстрирована на других памятниках археологии (Бездудный, Кочкаров, 2015; Бездудный и др., 2016).

Исследовались три участка, два из которых, смежные (№ 1, 2), были расположены к северу от комплекса зданий XVI–XVII вв.; еще один (№ 3) – к юго-западу от Введенской церкви. При работах на памятнике применялся одноканальный георадар 200 МГц, импульс которого излучается передающей антенной, распространяется в грунте, отражается от объектов и принимается затем приемной антенной. Одноканальная георадарная система 200 МГц – среднечастотный видеоимпульсный георадар для зондирования различных объектов в грунте с низким и умеренным затуханием радиоволн, с рабочей частотой 200 МГц. Система представляет собой совокупность передающей и прием-

ной антенны, блока управления и питания, а также компьютера. Передвижение георадара обеспечивалось пешим порядком, на скорости не более 0,5 м/с, что позволяет сохранить плавность его движения на неровной поверхности. Одно георадарное измерение, в среднем приходится на 0,1 м профиля прохода. Методика исследования состоит в непрерывной съемке параллельными проходами. Ширина полосы охвата устройства за один проход – 0,25 м. Для работы георадара и обработки радиолокацион-

Рис. 2. Рабочий момент георадарного исследования участков

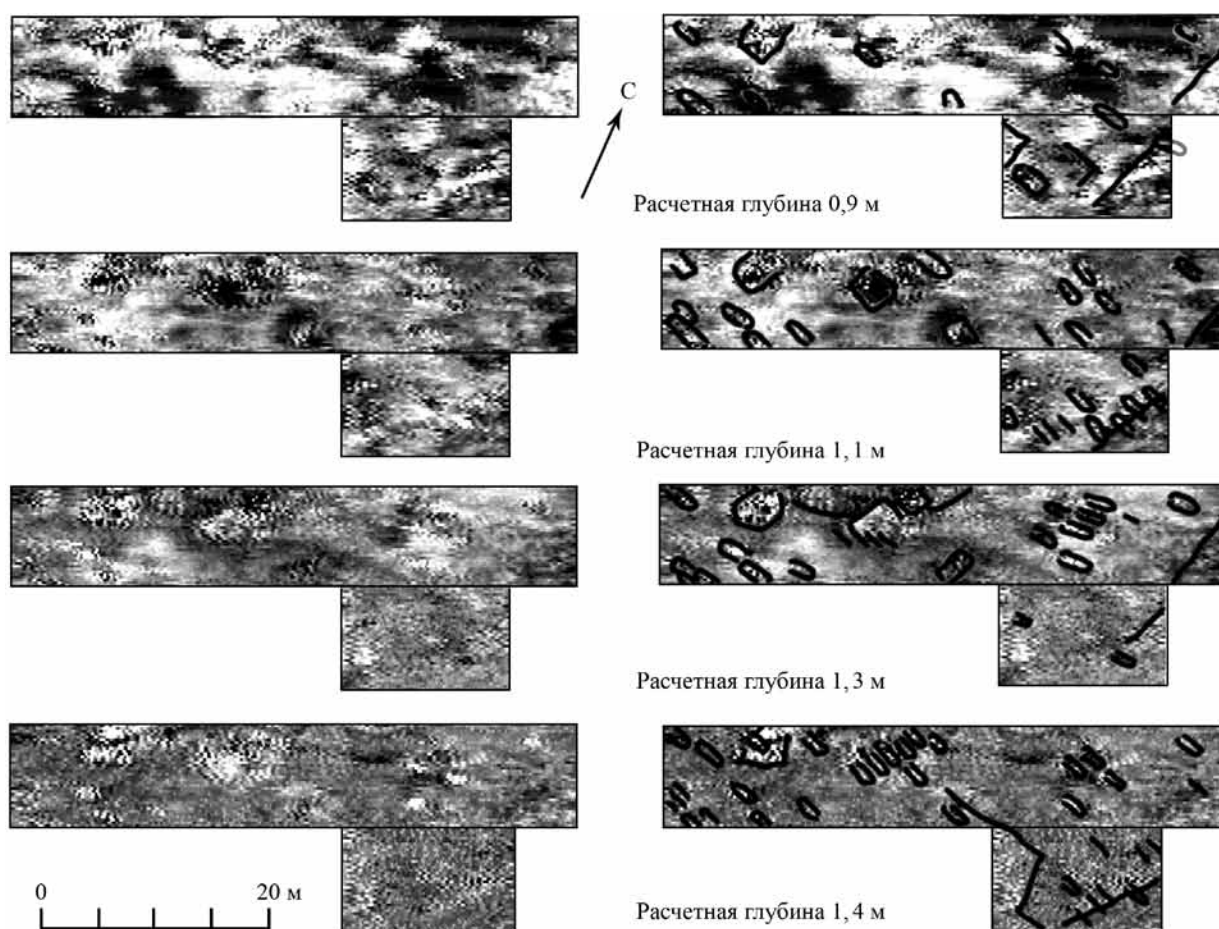

Рис. 3. Послойные планы участков на основе георадарных данных

ных данных применяется пакет программ: для сбора, объединения и обработки данных. Выбор месторасположения и конфигурации участков геофизических работ, в первую очередь, был задан местонахождением погоста – северо-восточная часть монастырского некрополя.

На момент начала геофизических работ территория площадок георадарного исследования на памятнике была полностью свободна и покрыта скошенной травой. Сложность в разбивке участков заключалась в наличии зеленых насаждений, деревьев и кустов. Также мешали исследованиям погодные условия: переувлажненная поверхность, осадки в виде мокрого снега в момент проведения полевых работ.

На участках № 1–3 георадаром исследована площадь 650 кв.м. (рис. 2). Произведено 2600 м профилей. После обработки полученных данных выстроено распределение электромагнитного импульса на радарограммах по каждому георадарному профилю и их объединение в послойные планы (планиграфические разрезы, на различные расчет-

ные глубины исследования). В результате получены послойные планы на расчетные глубины в диапазоне 0,9–1,4 м (рис. 3).

Диэлектрическая проницаемость грунтов на момент исследования не определялась, введено табличное значение ($\epsilon = 15$). Привязать относительную глубину полученных послойных планов к истинной глубине весьма затруднительно. Можно предположить, что нижние слои даны в диапазоне истинных глубин порядка 1 м от поверхности исследования, дальнейшие археологические исследования помогут точнее привязать их к истинным глубинам. Планы даны дублированно, с прорисовкой и без прорисовки границ изменений в грунте под поверхностью георадарного исследования, на каждую отдельную расчетную глубину. Зафиксировано множество локальных изменений в грунте предполагаемыми размерами 0,5–1×2 м, ориентировкой запад – восток. Вероятно, зафиксированы отдельные погребения погоста. Возможно, часть из них содержит каменные элементы. По итогам исследований

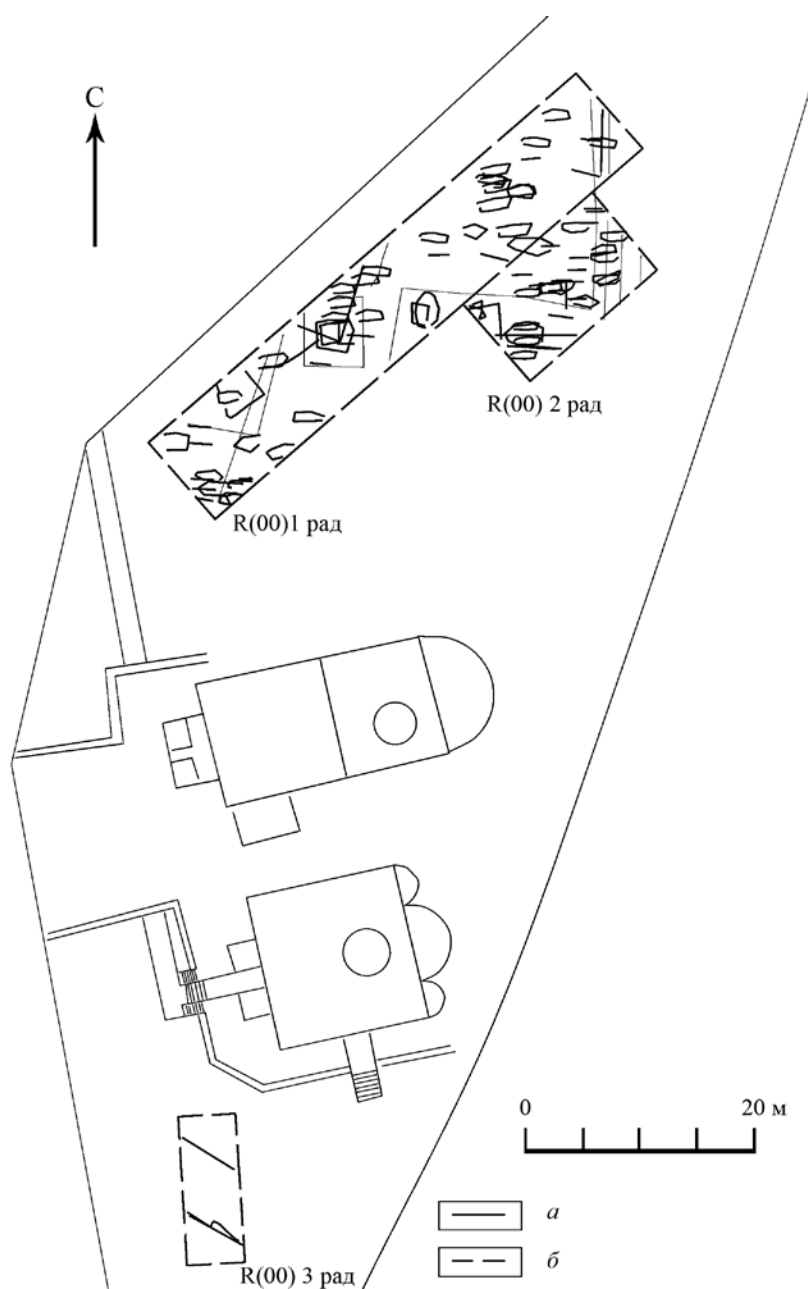

Рис. 4. Топоъемка со схемой расположения участков георадарных исследований

а – граница участка георадарного исследования; б – граница изменений в грунте

участка № 3 (13×5 м) изменений в грунте, которые возможно однозначно связать с объектами, находящимися под поверхностью, не зафиксировано. После наложения границ участков с контурами изменений под поверхностью на план современного состояния, можно сделать некоторые выводы по итогам исследования (рис. 4).

В восточной части участка неразрушающими методами выявлено множество линейных изменений в грунте (размерами 0,5–1,0×2,0 м) под поверх-

ностью участков исследования, ориентированных в направлении восток – запад, предположительно, захоронений на кладбище. Часть из них, вероятно, содержит каменные либо кирпичные остатки. Можно обоснованно предполагать, что результатом геофизического исследования является фиксация части сохранившегося погоста с множеством погребений. Дальнейшие археологические исследования позволят уточнить и интерпретировать результаты выполненных геофизических работ.

Литература

Арсений, иеромонах, 1894. Введенская и Пятницкая церкви в Сергиевском Посаде Московской губернии // ЧОИДР. Кн. 4. М. С. 1–28.

Преображенский Ф., 1892. Историческая справка о храмах Введенского, что при Троице-Сергиевой Лавре, прихода // Московские церковные ведомости. № 49. С. 754–758.

Бездудный В. Г., Кочкаров У. Ю., 2015. Опыт применения геофизического исследований на Хумаринском городище в КЧР // Археология и Геоин-

форматика. Вторая междун. конф. (тез. докл.). М.: ИА РАН. С. 10–11.

Бездудный В. Г., Стародубцев Г. Ю., Кайзер Э., Вингер К., Лясковская Л. Е., Щеглова О. А., 2016. Начало комплексных исследований Гочевского средневекового поселения (северо-восточная часть посада, городищ Крутой Курган и Царский Дворец) // Естественные методы в изучении и сохранении памятников Костенко-Борщевского археологического района: Матер. научно-практич. конф. Воронеж. С. 17–26.

V. G. Bezdudny & M. A. Kuritsyn

Carrying out geophysical surveys at the Podolny Monastery (at Sergiev Posad, in Moscow County Region)

Summary

This study presents the results of geo-radar surveys carried out in 2017 on the grounds of this monastery at Sergiev Posad. A substantial number of the resulting anomalies can be regarded as traces of

graves at the monastery – which was founded in the early part of the 16th century. Full-scale archaeological research would be required to test the hypotheses made in the report.

В. Г. Бездудный*, С. В. Зацаринный, И. А. Сапрыкина***

** Институт археологии РАН, Москва;*

*** Тульский областной краеведческий музей, Тула*

Локализация фундамента Успенского собора XVII века в Тульском кремле по результатам георадарных исследований 2017 года

В 2017 г. на территории Тульского кремля были проведены широкомасштабные научные геофизические (георадарные) изыскания¹. Работы осуществлялись с целью определения участков с хорошо сохранившимися конструктивными остатками позднесредневековых строительных сооружений и их соотнесения с известными по письменным источникам элементами средневековой городской инфраструктуры для дальнейшей консервации и музеефикации археологических объектов *in situ*. Основной целью работ являлась локализация фундаментов несохранившегося кирпично-каменного Успенского собора XVII в.

Исследования проводились по единой методике на трех площадках в разных частях кремля. Общая площадь геофизических исследований составила около 4400 кв. м. В настоящей статье нами обобщаются результаты изучения одного из трех исследованных участков, где работы были направлены на локализацию Успенского собора XVII в. (участок 1).

Участок 1 расположен на Соборной площади к северу от здания существующего Успенского собора 1762–1764 гг. Этот участок находится у пересечения двух центральных («Больших») улиц крепости. Здесь же в XVI–XVII вв. располагались приходские храмы (первоначально деревянные) с примыкающим к ним некрополем. Первый каменный храм – собор Успения Пресвятой Богородицы был построен только в 1645 г. (Енишерлов, Потапов, 2000). В середине 1680-х гг. он был расширен за счет пределов во имя Архангела Гавриила и Тихона Амафунтского Чудотворца (Тула... 1884. С. 44)². Храм просу-

ществовал до возведения нового Успенского собора с колокольней в 60–70-х гг. XVIII в., когда он был разобран в связи с ветхостью конструкции.

Предполагаемое местонахождение утраченного Успенского собора было приблизительно локализовано на плане кремля на основе данных писцовых книг XVII в. (Тула... 1884), исторических реконструкций внутренней планировки Тульской крепости (Жилин, 1955; Годлевский, 1969) и плана города Тулы 1742 г. (рис. 1).

За всю историю многолетнего археологического изучения территории Тульского кремля фундаменты, предположительно связываемые с Успенским собором XVII в., выявлены лишь раскопками

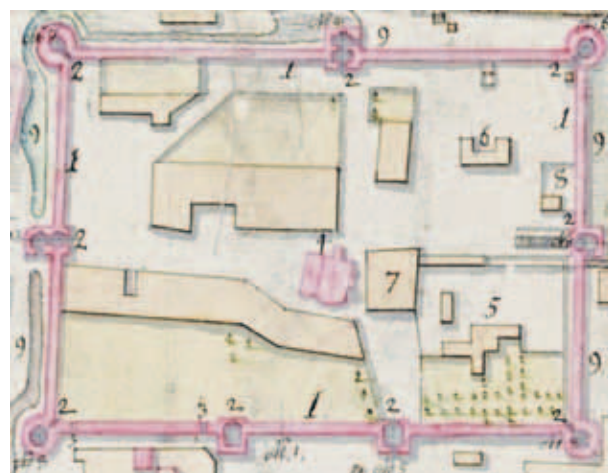

Рис. 1. Тульский кремль на плане города 1742 г.

¹ Исследования проводились в рамках комплекса подготовительных мероприятий в преддверии празднования в 2020 г. 500-летия с момента окончания строительства этой пограничной крепости Московского государства.

² В краеведческой литературе распространено ошибочное мнение о строительстве первого каменного Успенского собора в 1684–1685 гг. (Аиуурков, 1958. С. 35).

Рис. 2. Участок № 1 георадарного исследования на выкопировке современного плана Тульского кремля

1979 г., проводившимися под руководством А. Б. Варенова (1979). В шурфе № 2 исследователем был обнаружен участок белокаменного ленточного фундамента, сохранившегося на высоту 60–70 см над материком и перекрытого слоем строительного мусора (известь, щебень, битый кирпич) мощностью до 0,9 м (Варенов, 2001). Судя по этим данным, сохранившийся верх фундаментной кладки может находиться на глубине до 1,9–2,0 м от современной дневной поверхности.

Имеющиеся архивные данные явились ориентиром при определении границ участка 1. В ходе полевых исследований решалось несколько задач, связанных:

- 1) с выявлением и фиксацией на плане изменений в грунте, которые могли быть связаны с остатками утраченного архитектурного объекта;
- 2) с определением ориентировки собора относительно сторон света;
- 3) с оценкой степени сохранности его археологизированных фундаментов.

Выбор георадарной съемки (как метода неразрушающих исследований) для решения поставленных задач был обусловлен спецификой изучаемого объ-

екта (исторически ценный культурный слой в границах памятника оборонного зодчества XVI в.; наличие поблизости памятников архитектуры – соборов XVIII–XIX вв.; развитая городская инфраструктура с разветвленной сетью подземных коммуникаций) и необходимостью обеспечения его физической сохранности в связи с возможностью выявления исторически значимых и зрелищных археологических объектов, потенциально пригодных для последующей музеефикации *in situ*. Метод георадарной съемки хорошо зарекомендовал себя при решении подобных задач на других памятниках археологии (Бездудный, Кочкаров, 2015; Бездудный и др., 2017). В рамках решения поставленной задачи применялась одноканальная георадарная система 200 МГц. Принцип работы георадара состоит в излучении и приеме отраженной электромагнитной волны. Георадар фиксирует разницу диэлектрических проницаемостей грунтов (их неоднородности), связанную с природными причинами (промоины, лощины, овраги, погребенные каменные осыпи и т. п.), а также антропогенным воздействием (остатки конструкций и сооружений) и позволяет их локализовать. Импульс георадара генерируется пе-

Рис. 3. Рабочий момент георадарного исследования участков

редающей антенной, распространяется в грунте, отражается от объектов и принимается затем приемной антенной. Отраженный сигнал дает любая достаточно большая по размерам локальная или протяженная неоднородность в грунте, отличающаяся по диэлектрической проницаемости от окружающего или лежащего выше грунта. Передвижение георадара обеспечивается пешим порядком, на скорости не более 1 м/с, что позволяет сохранять плавность его движения. Методика исследования – непрерывная съемка параллельными проходами. Ширина полосы охвата георадара за один проход – 0,25 м. Для работы георадара и обработки радиолокационных данных применяется пакет программ: сбора, объединения, обработки полученных данных.

Участок 1 имел прямоугольную форму (50×38 м, площадь 1900 кв.м) и был ориентирован длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Он находился в границах современной Соборной площади Тульского кремля. Поверхность плоская, не требовала дополнительной подготовки. Она имела незначительный общий уклон к северо-востоку (в сторону р. Упы).

При разметке участка принимались во внимание результаты архивных и археологических исследований и наличие многочисленных (преимущественно подземных) современных коммуникаций, проходящих вблизи участка или через него (рис. 2). Особенностью участка 1 явилось наличие на всей его площади неснимаемого покрытия – тротуарной плитки, положенной на подсып-

ку из шлаковой мучки и песка толщиной до 0,2 м. Это современное мощение перекрывало белокаменную мостовую 2-й половины XIX в. с подсыпками песка и щебня, общая мощность которых достигала 0,5 м. Ниже залегал исторически ценный культурный слой XVI–XIX вв., мощность которого в южной и юго-западной части участка 1 достигала 0,6–0,7 м (по данным раскопа № 20 2014 г. – *Зачаринный*, 2017), а в восточной – до 1,6 м (по данным шурфа № 2 1979 г. – *Варенов*, 1980). Таким образом, уровень материкового основания от современной дневной поверхности находился на глубине от 1,4 м в южной и в юго-западной части участка до 2,5 м в восточной, где возрастает мощность средневековых наслоений и в большей степени сохранились подсыпки XIX–XX вв. Аналогичную структуру напластований выявили и археологические исследования А. Н. Наумова 1991–1992 гг. на трассе ливневой канализации, проложенной вдоль северо-западной стороны исследуемого участка (*Наумов*, 1991; 1992).

Фиксация значений электромагнитного импульса по профилю осуществлялась с интервалом не более 10 см. В процессе исследования участка (1900 кв.м) было произведено 7600 м георадарных профилей (рис. 3). По результатам полевых исследований осуществлена обработка полученных данных. Выстроено распределение электромагнитного импульса на радарограммах по каждому георадарному профилю и произведено объеди-

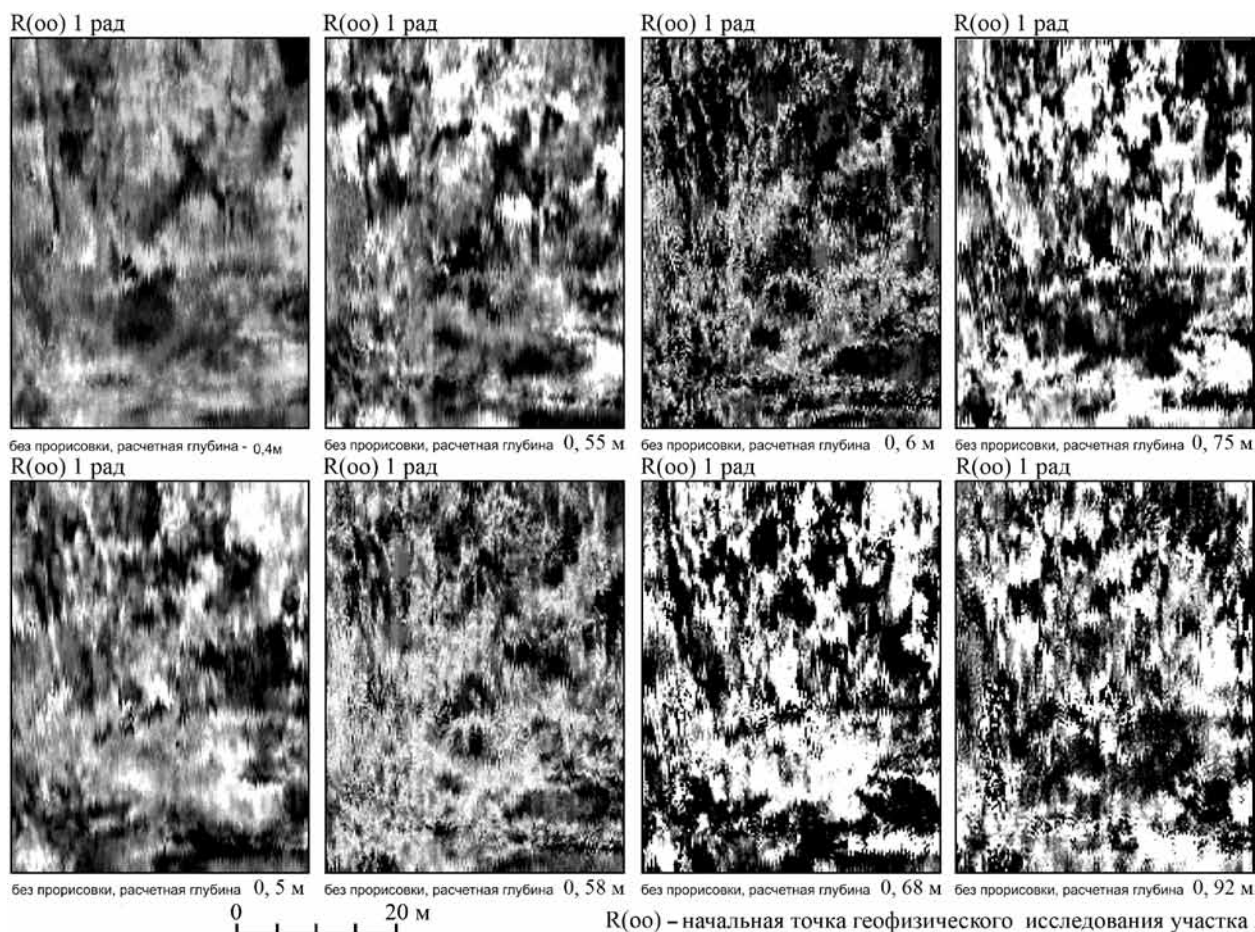

Рис. 4. Послойные планы участков на основе георадарных данных

нение их в послойные планы (планиграфические разрезы на различные расчетные глубины исследования с масштабированием).

В данной публикации приводятся выборочные, наиболее информативные результаты георадарного исследования в виде послойных планов (рис. 4). Эти планы даны в порядке последовательного заглубления их от поверхности исследования на расчетные глубины 0,4–0,9 м. Диэлектрическая проницаемость грунтов на момент исследования не определялась, было введено табличное значение $\epsilon = 15$. Соотнести относительные глубины полученных послойных планов с реальными уровнями выявленных аномалий не всегда возможно. Однако следует допустить, что нижние послойные планы даны в диапазоне их реальных глубин, т. е. до 1 м от современной поверхности, с которой производились исследования. В границах участка зафиксирован ряд структур: сплошной линией обозначены более выраженные структуры на послойных планах, пунктиром – коммуникации. При анализе полученных результатов принималось во внимание

местоположение и направление современных коммуникаций; отсутствие остатков собора в раскопе 1992/93 гг. на трассе ливневого водостока, который проходит почти вдоль северо-западной стороны участка; отсутствие остатков собора в раскопе 2014 г. на трассе газопровода, который проходит вдоль юго-западной границы участка 1; предполагаемая реконструкция контуров фундамента и местоположения Успенского собора XVII в. на основе архивных данных (рис. 5).

В результате проведенных работ было выявлено множество небольших линейных изменений в грунте, на различных расчетных глубинах от 0,5 до 0,9 м от современной дневной поверхности (плитка Соборной площади). При сборке они образуют картину нечетких контуров, сходных с абрисом фундаментов утраченного Успенского собора XVII в., что, с одной стороны, по-видимому, свидетельствует в пользу его локализации на данном месте, а с другой – косвенно указывает на неудовлетворительную сохранность кладки его фундаментов.

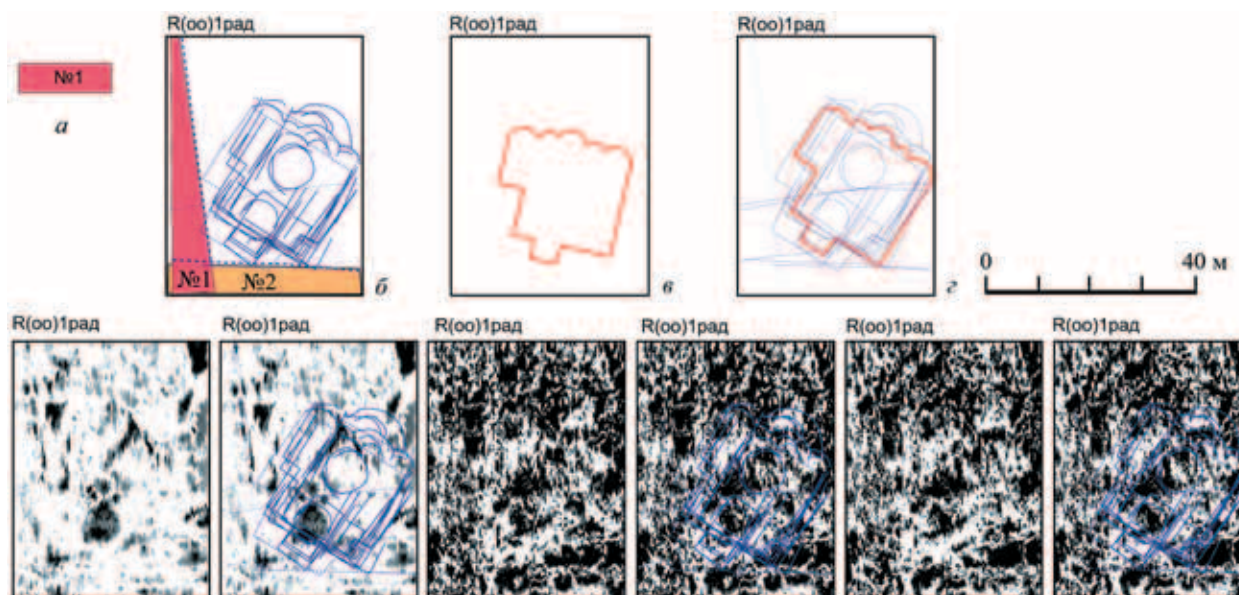

Рис. 5. Объединение и сравнение прорисовок результатов исследования местоположения Успенского храма XVII в.

a – зоны, в которых археологически доказано отсутствие остатков собора; *б* – объединение прорисовок изменений в грунте; расчетная глубина 0,4–0,9 м; *в* – реконструкция контура Успенского собора и его положение на участке № 1 по выкопировке топоплана; *г* – реконструкция контура Успенского собора и его положение по данным георадарной съемки

В то же время, нам не удалось выявить четкий контур ленточного фундамента храма. Одними из возможных причин этого могут являться как отсутствие или плохая сохранность остатков кладки фундаментов, так и технические ограничения выбранного метода исследования, проявившиеся при работах на данном участке (слишком большая толщина техногенных напластований, перекрытая тротуарной плиткой, поглощающей электромагнитный импульс антенны прибора).

Полученные в ходе этих исследований данные вполне сопоставимы с результатами шурфовки

А. Б. Варенова 1979 г., который зафиксировал участок кладки белокаменного фундамента крупного средневекового сооружения и предварительно соотнес его с Успенским собором XVII в. (Варенов, 2001. С. 61–65. Илл. 1).

Проверка археологическими методами предложенной локализации фундаментов утраченного Успенского собора XVII в. позволит скорректировать полученные результаты и внести необходимые уточнения в методику проведения георадарных исследований на объектах археологического наследия, расположенных в сложной городской среде.

Литература

Ашурков В. Н. Город мастеров. Очерки по истории Тулы с XVI века до установления власти Советов. Тула: Тульское книжное изд-во. 144 с.

Бездудный В. Г., Кочкаров У. Ю., 2015. Опыт применения геофизического метода исследований на Хумаринском городище в КЧР // Археология и Геоинформатика. Вторая международная конференция. (Тез. докл.). М.: ИА РАН. С. 10–11.

Бездудный В. Г., Стародубцев Г. Ю., Кайзер Э., Вингер К., Лясковская Л. Е., Щеглова О. А., 2017. Начало комплексных исследований Гочевского средневекового поселения (северо-восточная часть посада, городищ Крутой Курган и Царский Дворец) // Естественно-научные методы в изучении

и сохранении памятников Костенко-Борщевского археологического района: материалы Международной научно-практической конференции. Воронеж: Изд. дом ВГУ. С. 17–26.

Варенов А. Б., 1979. Отчет об исследованиях Тульского кремля / Архив ИА РАН. Р-1. № 7833.

Варенов А. Б., 2001. К вопросу о первоначальной застройке и благоустройстве Тульского кремля (по материалам раскопок 1979–1980 гг.) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 4. М.: Стройиздат. С. 61–65.

Годлевский Н. Н., 1969. Планировка и застройка Тульского кремля в XVI–XVII вв. // АН. Вып. 18. М.: Стройиздат. С. 25–29.

Енишерлов М. В., Потапов Л. А., 2000. Счастлив тот город, где сохранился кремль // Мир и музей. Вестник ассоциации музеев России. Вып. 1–2 (5). Тула: Изд. дом «Ясная Поляна». С. 30–37.

Жилин В. В., 1955. Из истории развития города Тулы и его укреплений. (рукопись) // Кафедра истории архитектуры и градостроительства МАрхИ.

Зацаринный С. В., 2017. Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013–2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль. Тула: БОРУС-Принт. С. 176–194.

Наумов А. Н., 1991. Отчет об археологических исследованиях в кремле г. Тула в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17196.

Наумов А. Н., 1992. Отчет об археологических исследованиях в кремле г. Тула в 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17178.

Тула. Материалы для истории города XVI–XVII столетий, 1884. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°. 240 с.

Косточкин В. В., 1960. Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М.: АН СССР. С. 42–95.

V. G. Bezdudny, S. V. Zatsarinny, I. A. Saprykina

Pinpointing the foundations of the Uspensky (Assumption) Cathedral at the Kremlin in Tula, based on geo-radar results obtained in 2017

Summary

The process of geo-radar studies shows that even in the testing conditions of a modern city which has a complex network of contemporary underground sanitation system, the powerful capabilities of geo-radar

examination make it possible to pinpoint stone foundations – even those which have been severely disturbed. Even so, the results obtained would require confirmation by conventional archaeological means.

К. В. Воронин*, А. А. Медынцева*, Д. О. Осипов**

** Институт археологии РАН, Москва;*

*** Государственный исторический музей, Москва*

Памятники письменной культуры из раскопок 2017 года на Биржевой площади в Москве

Охранные раскопки на Биржевой площади, расположенной на пересечении ул. Ильинка и Богоявленского переулка, проводились ООО «Столичное археологическое бюро»¹ летом 2017 г. на месте предполагаемого строительства фонтана. Общая площадь раскопок составила 140 кв. м, что соответствовало габаритам заглубленной подземной части фонтана (рис. 1). Мощность культурного слоя на разных участках составляла от 3,5 до 5,0 м.

При раскопках был зафиксирован фундамент каменной церкви Пресвятой Богородицы, раскрыто несколько заглубленных деревянных подклетов, собрана обширная коллекция индивидуальных находок, включавшая комплекс предметов вооружения, металлический сосуд XVI – начала XVII в., украшенный арабскими надписями (Воронин, 2018), а также изделия из кожи, описанию которых посвящена данная публикация.

Основная часть небольшой коллекции кожаных предметов, насчитывающая 67 единиц, представлена деталями сапог жесткой конструкции XVI–XVIII вв., обрывком лаптя, сплетенного из кожаных ремешков, тремя ножнами, футляром для гребня, цельнокроеной кожаной рукавицей и несколькими обрезками кожи вторичного кроя. Методом органолептического обследования установлено, что все найденные в раскопе обувные детали и обрезки от раскроя изготовлены из шкуры крупного рогатого скота, дубленной растительными экстрактами.

Отсутствие на исследуемой территории большого количества деталей изношенной обуви и скоплений кожаных обрезков свидетельству-

ет о соблюдении чистоты на территории подворья, а также отсутствии поблизости сапожной мастерской.

В группе кожаных футляров наибольший интерес представляют двое декорированных ножен, найденных в заполнении сооружения № 2, представлявшего собой остатки деревянного сруба, сохранившегося на высоту семи венцов. Сруб был опущен в яму, являясь подпольной (подвальной) частью наземного сооружения, расположенного на территории подворья Иосифо-Волоцкого монастыря (рис. 2). Заполнение постройки датируется концом XVI – началом XVII в.

Первый чехол размерами 21×4 см имел асимметричный крой, скрепленный переметочным швом со стороны лезвия. Судя по форме отверстий, ножны были сшиты с помощью тонкого кожаного ремешка. С наружной стороны чехол украшен аппликацией (рис. 3).

Вторые ножны с аналогичным декором имели симметричный крой с выворотным нитяным швом, проходящим с тыльной стороны чехла. Ближайшей аналогией нашей находке является экземпляр, найденный при раскопках в Московском Кремле (рис. 4) в слое середины XVI в. (Осипов, 2014. С. 84. Илл. 50, 3). Еще одна подобная находка, происходящая из раскопок 1949 г. в московском Зарядье, хранится в Музее Москвы (ОФ 7396/1). По мнению Т. С. Варфоломеевой, подобная техника отделки характерна для ножен западноевропейского производства (Варфоломеева, 1993. С. 165), что подтверждается соответствующими аналогиями из Магдебурга (Nickel, 1980. Р. 47–49).

¹ Руководители раскопок К. В. Воронин, Н. В. Зубарев, М. А. Молошникова.

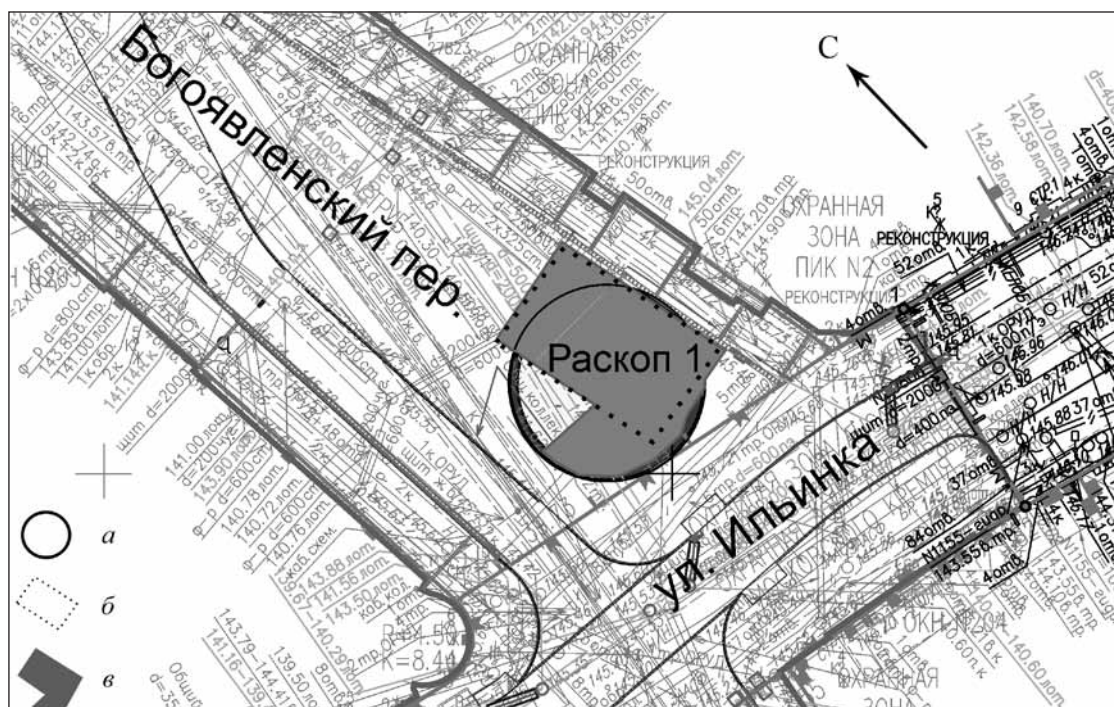

Рис. 1. Биржевая площадь. Раскоп I. Ситуационный план

а — границы чаши фонтана; б — граница подземной части фонтана; в — раскоп 1

К материальным свидетельствам письменной культуры принадлежит обрезок дубленой кожи крупного рогатого скота подтреугольной формы размерами 17,0×6,5 см, также найденный в заполнении сооружения № 2. На обрезке хорошо виден ряд буквенных кириллических знаков, написанных в одну строку (рис. 5). Десять букв² вырезаны с лицевой стороны кожного листа с помощью острого инструмента, предположительно шила.

Вырезанные буквы представляют собой начало кириллического алфавита. Первые шесть букв следуют обычному порядку кириллицы, за исключением второй буквы — **Б** (буки), от которой просматривается только верхняя часть, что делает похожей ее на **Г** или **В**. Скорее всего, нижняя петля **Б** была прочерчена слабее и не сохранилась, поскольку буквы **В** (веди) и **Г** (глаголь), следующие далее, присутствуют на своем «законном» месте.

Это не единственное нарушение алфавитного порядка букв, начерченных на найденном обрезке. На седьмом месте вместо буквы **Ж** (живете) начерчена буква **П** (покой). Тщательное визуальное обследование позволяет утверждать, что это именно **П**, хотя эта буква при обычном алфавитном порядке должна находиться на 17-й позиции, после

буквы **О** (он). Далее следуют две буквы почти одинакового начертания, в которых нужно видеть буквы **З** (земля) и **С** (зело), именно в таком порядке, хотя обычное расположение в алфавите — обратное: «зело», «земля». Местонахождение буквы «зело» перед следующей за ней буквой «земля» подтверждается в кириллице ее цифровым значением 6, без учета буквы **Б**, которая не имела цифрового значения, так как цифровое значение получили только буквы, общие для кириллицы и для греческого (византийского) алфавита.

В ранний период древнерусского письма буква «зело» использовалась только в цифровом значении, в то время как в южнославянских кириллических памятниках обе буквы использовались и в звуковом значении, обозначая разные звуки. Только со времени так называемого юго-славянского влияния (конца XIV — XV в.) в русских рукописях буквенный знак «зело» стал использоваться иногда для обозначения звука, обозначаемого знаком «земля». Таким образом, буквы стали взаимозаменяемыми. Особенно часто совпадения этих двух знаков встречаются безразлично (взаимозаменяемо) в деловом письме XVI в. (Тихомиров, Муравьев, 1982. С. 21)

² Размеры букв (в мм): А — 9×3; (Б) — 10×4; В — 9,5×3; Г — 9,1×4,1; Д — 12,6×6; Е — 7×1,8; П — 4,5×4; З — 14,4×2; С — 15,3×2; Н — 7×3,8.

В нашем случае буквы начерчены одной линией, без отрыва писала (шила?) от кожи, что является проявлением навыков скорописного письма. В прототипе буквы «земля» и «зело» ближе всего к латинским **Z** и **S**, в кириллическом письме они в общем следуют этой же традиции. Особенно она сказывается в начертании **З** (зело), использовавшейся, как правило, в цифровом обозначении. Облик же буквы **З** (земля) сильно видоизменялся в зависимости от времени: от древнейшего начертания, напоминавшего латинское, до сложных и разнообразных форм, где сначала видоизменяется «хвост», а затем и верхняя часть – так называемая «головка». Особенно разнообразны начертания этой буквы в русском полууставе XV–XVII вв. «во всевозможных переходах от зигзага к тройке» (Щепкин, 1967. С. 133).

Написание этих двух букв в азбуке на коже очень близки и различаются лишь размером «головки» – у буквы «земля» (восьмое место данной азбуки) она тоже загнута вправо, напоминая латинскую букву **S**. Несколько меньшая и вытянутая головка у **З** и более загнутый вправо длинный хвост предполагаемой буквы **З** позволяют различать эти две буквы и предполагать, что порядок их в азбучном ряду нарушен. Но в исполнении мастера-сапожника они трудноразличимы, представляя почти зеркальное их начертание. Отличает их исполнение нижних частей: у предполагаемого знака «зело», как и должно быть, основной рисунок более изогнут, а «хвост» более длинный и загнут вправо, верхние же части у обеих букв загнуты вправо, различаются только по размерам, что позволяет предположить нарушенный их порядок, а именно «земля», «зело». Образцы «классического» начертания этих буквенных знаков можно обнаружить в эпитафиях на надгробных московских

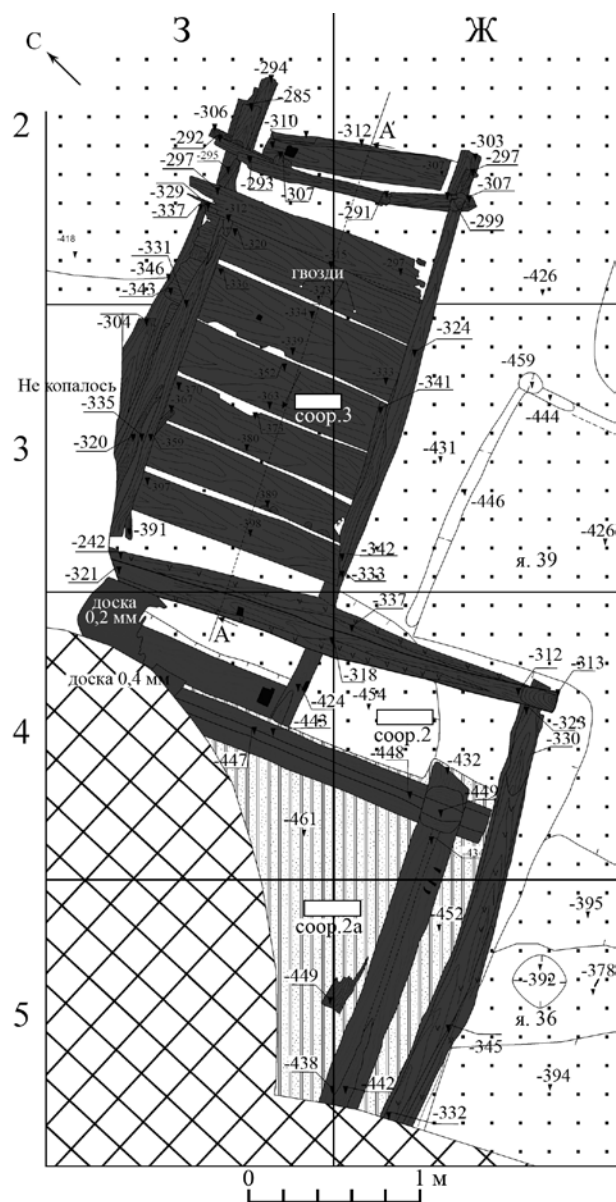

Рис. 2. Биржевая площадь. Раскоп I. Сооружения № 2, 3

Рис. 3. Декорированные аппликацией ножны из заполнения сооружения 2. Биржевая площадь

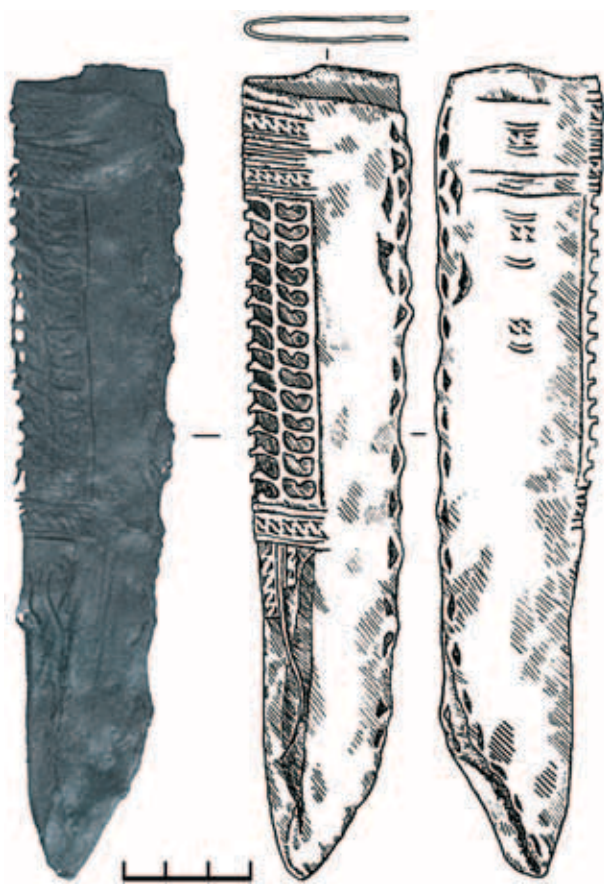

Рис. 4. Кожаные ножны из раскопок ИА РАН 2007 г. в Московском Кремле

плитах, например на надгробии-плите Якова Яковлевича, датированной 7106 (1496 г.), где эти графемы используются, как и положено в дате, «земля» – для обозначения тысяч, а «зело» – для обозначения единиц (Беляев, 1996. С. 327). В то же время на плите Михаила Прокофьева в дате 1598 г. вырезана на месте тысяч «земля» классического облика, а на месте единиц, вероятно, «зело» в виде цифры 3 с длинным хвостом, что уже напоминает обычное начертание знака «земля», но с головкой, обращенной влево (Беляев, 1996. С. 271). Этот пример говорит о том, что мастер различает эти графемы, но по написанию они были близки.

Особенности начерченного на обрезке кожи алфавитного порядка этим не ограничиваются. За упомянутыми выше буквами следует знак **Δ** – точная копия латинского **N**, хотя на этом месте должна быть **И** (иже). Буква **N** латинского облика характерна для древнейшего устава, но в эпиграфике, как и берестяных грамотах, сохраняется и позднее, на всем протяжении использования письма по бересте (Зализняк, 2000. Табл. 15. С. 178, 179). Местонахождение этого буквенного знака на «законном» месте **И** (иже), представляющий ее зеркальный вариант, позволяет понять ее как **И**. Наиболее вероятным объяснением является ошибка писца (сапожника), написавшего букву «иже» зеркально.

Подобное начертание буквы **И**, совпадающее с современным (в обычном, не зеркальном

Рис. 5. Обрезок кожи с процарапанными буквами из заполнения сооружения 2. Биржевая площадь

начертании), появилось впервые в «русском» полууставе во второй половине – конце XIV в. и использовалось снова в скорописных памятниках (Щепкин, 1967. С. 119, 140. Рис. 59). По-видимому, заметив свою ошибку, «ученик» прекратил упражнения в письме (по крайней мере, на этом обрезке кожи), хотя место для его продолжения оставалось достаточно.

О том, что автором надписи на обрезке выделанной кожи является сапожный мастер, косвенно свидетельствует уверенное владение резцом (шилом?), гораздо более уверенное, чем знание грамоты. Как уже отмечалось, надпись (алфавит) начерчена полууставом с элементами скорописи. Ее палеографическая датировка затруднительна в силу фрагментарности и своеобразия написания и предполагаемых ошибок в начертаниях букв. Относительно датирующее начертание имеет так называемое «стоячее» **Ѣ** – узкое с язычком, обращенным вниз. Однако хронологические рамки такого начертания довольно широки. В берестяных грамотах подобное начертание отмечено в группе документов, датируемых 1120–1420 гг.³ (Зализняк, 2000. Таб. 6. С. 162–163). Но в эту же группу включены **Ѣ** разнообразного начертания. Наиболее близки начертанию буквы **Ѣ** на обрезке с Биржевой площади (стоячее, со слегка изогнутой спинкой и язычком, обращенным вниз) образцы на берестяных грамотах с датировкой от 1400–1450 гг.

В данном случае следует понимать, что даже эта, более ограниченная, датировка может указывать только время появления этой формы, не определяя ее верхнюю хронологическую границу. Другие буквы алфавита на коже не имеют даже таких широких хронологических рамок. Единственное указание на хронологию может дать «смешение S/Z», особенно распространенное в рукописных памятниках XVI в., и сочетание полууставных букв с элементами развитой скорописи, что тоже указывает приблизительно на это время. В данном случае более точную датировку обеспечивает археологический контекст. Напомним, что по стратиграфии и составу находок авторы раскопок датируют заполнение сооружения, где была сделана эта находка, концом XVI – началом XVII в.

Найденный на Биржевой площади обрезок с надписью – редкое, но не единственное свидетельство материальной культуры в виде кожаных изделий с надписями или буквами. Среди опубликованных находок наиболее близкой аналогией

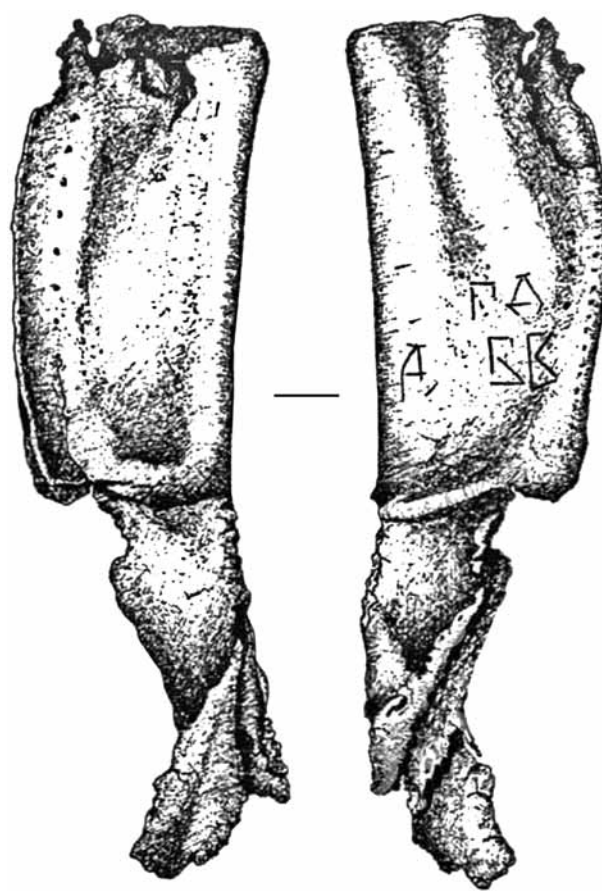

Рис. 6. Кожаные ножны с прочерченными буквами алфавита из раскопок в г. Пинске (Белоруссия)

является надпись-алфавит на кожаных ножнах, случайно обнаруженных в котловане в городе Пинске (Белоруссия). На внешней стороне ножен, изготовленных из грубой кожи, в два ряда нанесены первые пять букв алфавита. Причем в верхней строке **ГД**, под ними **БВ** и несколько левее отдельно **А**. Несмотря на разбросанность, они, несомненно, представляют упражнение в написании первых пяти букв алфавита (рис. 6). И. А. Калечиц, опубликовавшая эти ножны с началом кириллического алфавита, датировала находку первой половиной XIII в. (Калечиц, 2011. С. 101–102. Рис. 83).

Таким образом, в обоих случаях, на обрезке кожи и ножнах, начерчено начало алфавита. Конечно, в первую очередь это упражнение в письме, следы обучения грамоте и свидетельство ее распространения в быту. В первом случае автор – сапожный мастер, профессия которого не принадлежала к привилегированным. Тем не менее очевидно, что он обучался грамоте.

³ Грамоты более позднего времени нам не известны.

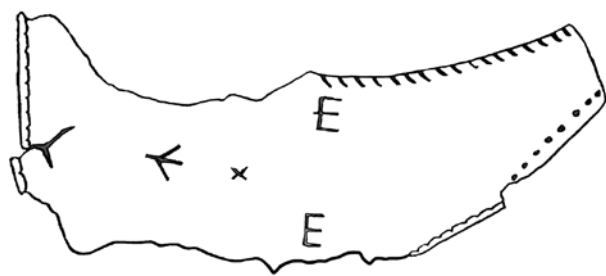

Рис. 7. Обрезок сапожного поднаряда с процарапанными знаками из раскопок ЦАИ в 1995 г. на ул. Моховой в Москве

В неопубликованных коллекциях «археологической кожи» нам известно еще два обреза с начерченными буквами. Первый обнаружен в 1995 г. в Москве, на заключительной стадии охранных раскопок ЦАИ, проводившихся в районе Манежной площади и прилегающей территории (Векслер, 1996. С. 619–632). На обрывке сапожного поднаряда размером 10×24 см, найденном в шурфе 6 (начало Моховой улицы), прочерчены буквообразные знаки. По виду первый слева напоминает букву Ψ (пси), расположенную строго посередине обрывка, далее на той же линии начерчен крестик и, наконец, два знака, симметрично расположенных один под другим, совпадающих по форме с гражданской Е (есть) (рис. 7).

На наш взгляд, нанесенные знаки не имеют буквенного значения, на что указывает их симметричное расположение и присутствие здесь же орнаментального крестика.

Второй известный нам обрезок кожи обнаружен в 2014 г. во время раскопок в городе Енисейске (Красноярский край). На нем сохранились две буквы **Г****И**, также прочерченные с помощью шила со стороны бахтармы, поэтому на лицевой поверхности надпись видится зеркально. В отличие от находки с Биржевой площади, эта надпись обрезана. По мнению А. А. Гиппиуса⁴, буквы, сохранившееся на самом краю обреза, могут быть частью текста, который следует читать как **Г**(оспод)**И**, написанное без титла. Скорее всего, это молитва, остальной текст которой утрачен (Осипов, в печати).

О грамотности сапожников свидетельствуют и меченые новгородские обувные колодки с Ярославова дворища, происходящие из слоя XV в. (Арциховский, Тихомиров, 1953. С. 48). В случае с ножнами определить профессию писавшего труднее, так как начало алфавита мог начертить их владелец.

В этой связи хотелось бы отметить, что начальные буквы алфавита встречаются довольно часто в надписях-граффити на стенах храмов почти всех регионов средневековой Руси и на бытовых предметах: пряслицах, церах, гребнях, что свидетельствует о грамотности населения. В то же время на стенах и предметах зачастую начерчены лишь первые буквы азбуки даже в тех случаях, когда место для продолжения азбуки имеется. Очевидно, что помимо практического значения (упражнения в написании азбуки) мы видим примеры азбучной молитвы, ведь написание азбуки (даже ее начала) имело и сакральный (благопожелательный смысл), поскольку алфавит, особенно славянский, в Средневековье считался боговдохновенным делом, совершенным для просвещения славян равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием.

В «Сказании о письменех» черноризца Храбра, сочинении одного из учеников Кирилла (Константина) и Мефодия, подчеркивается святость славянских букв по сравнению с греческими и римскими письменами. «И потому (еще) славянские письмена более святы и [более достойны почитания], ибо создал их святой муж, а греческие – язычники эллины» (Флоря, 1981. С. 104). Порядок букв и их названия, дожившие до XX в. и давшие название самому слову *азбука*: «Аз, буки, веде, глаголь, добро...», известны по сохранившимся «Азбучным молитвам» – акростихам, где каждая строка начиналась с названия буквы в определенном порядке, составляя молитвенный текст. Авторство их приписывается Кириллу (Константину) и его ученикам. Нужно учесть, что обучение грамоте начиналось именно с азбучной молитвы, которую запомнили целиком. Позднее неизвестный книжник для облегчения процесса обучения письму ввел вместо заучивания целых стихов запоминание только начальных слов, которые и составили названия букв – азбуки (абecedария, алфавита) в определенном порядке, когда затверживали полные названия букв, запоминая и первые звуки слов – названий букв. Древнейшие абecedарии со славянскими названиями букв сохранились в некоторых латинских рукописях (XI–XII вв.). Не все абecedарии следуют раз и навсегда установленному порядку. Изменились и некоторые первоначальные названия, не все ясно и с первоначальным текстом азбучных молитв. Но несомненно, что процесс обучения письму, названия букв неразрывно связаны с молитвенным текстом и обучение грамоте шло одновременно с за-

⁴ Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность А. А. Гиппиусу за помощь в прочтении этой надписи.

Рис. 8. Горшок с надписью по сырой глине из раскопок В. Ю. Коваля на городище Ростиславль

поминанием молитвы. Поэтому и написание алфавитов имело не только обучающий, практический смысл, но и сакральный, так как пишущий произносил не звуки, как в современном обучении, а первые слова азбучных молитв или всю ее полностью. Следовательно, начерченный алфавит, даже его начало, имел и сакральный, благожелательный смысл, что иногда подчеркивается изображением креста рядом с азбукой.

О существовании грамотности среди ремесленников рядовых специальностей свидетельствуют надписи, оставленные другими мастерами. Кроме сапожников, пишущих на обрезах кожи или обувных колодках, существует еще одна группа ремесленников, в авторстве которых не приходится сомневаться. Мы имеем в виду гончаров, прочертивших буквы или надписи в процессе изготовления сосудов, т. е. по сырой глине, до обжига сосуда. По публикациям нам известны следующие свидетельства.

1. Кириллическая надпись – заклятие на венчике белоглиняного горшка из Ростиславля Рязанского (рис. 8), датированного концом XII – первой половиной XIII в. (*Коваль, Медынцева, Еремеев, 2013. С. 134–145*).

2. Надпись на сосуде с селища Автуничи (Черниговская обл., Украина), найденная при раскопках 1988 г. (*Моця, 1997. С. 50. Рис. 14, 10*). Датировка сосуда также конец XII – начало XIII в.

3. Фрагмент стенки сосуда с буквами, найденный в подмосковной усадьбе Бориса Годунова в Вяземах в позднесредневековых напластованиях (*Смирнов, 2009. С. 340–357*).

4. Клеймо мастера-гончара из Торжка (Сте/пан), датированное серединой – второй половиной XIII в., отпечатавшееся на днище обычного гончарного сосуда (*Малыгин, Бодунов, 1985. С. 65–66*).

В данной публикации мы привели далеко не все свидетельства письменной культуры, оставленные сапожниками и гончарами. Однако совершенно очевидно, что кроме опубликованных случаев подобных находок значительно больше. К сожалению, зачастую они не привлекают внимания исследователей и, соответственно, не включаются в научный оборот, как, например, упоминавшийся выше обрывок сапожного поднаряда из раскопок ЦАИ на Манежной площади, случайно обнаруженный одним из авторов статьи при просмотре музейной описи.

Функциональное назначение упомянутых выше надписей различно. В одних случаях они носят характер оберега-заклятия (горшок из Ростиславля), молитвы (обрезок кожи из Енисейска), являются меткой заказчика (обувные колодки с Ярославова дворища) или клеймом гончара (мастер из Торжка). В другом случае это письменные упражнения и одновременно заучивание молитвы в процессе обучения грамоте (обрезок с Биржевой площади).

Введение в научный оборот новых свидетельств поможет расширить наши представления о культурном уровне рядовых ремесленников и уточнить палеографические датировки, поскольку ремесленники, в отличие от профессиональных писцов, писали так, как было принято в «бытовом письме».

Литература

- Арциховский А. В., Тихомиров М. Н., 1953. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР. 68 с.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффи-ти. 567 с.
- Варфоломеева Т. С., 1993. Кожаные ножны из раскопок в Новгороде // ННЗ. Вып. 7. Новгород. С. 162–169.
- Векслер А. Г., 1996. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19607.
- Воронин К. В., 2018. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) на территории объекта археологического наследия федерального значения «Культурный слой Китай-города XI–XVII вв.» в г. Москва, Биржевая площадь, в 2017 г. / Архив ИА РАН. Р-1.
- Зализняк А. А., 2000. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 годов. М.: Русские словари. С. 134–429.
- Калечыц І. І. Эпіграфіка Беларусі X–XIV ст. Мінск: Беларуская навука. 2011. 274 с.
- Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев А. А., 2013. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. № 3. С. 134–145.
- Малыгин П. Д., Бодунов Е. В., 1985. Раскопки в г. Торжке // АО 1983. М.: Наука. С. 65–66.
- Моця О. П., Орлов Р. С., Коваленко В. П. и др., 1997. Поселення X–XIII ст. біля с. Автуниці // Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури). Київ: ІЗМН. С. 34–68.
- Осипов Д. О., 2014. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО Изд. дом «Актеон». 270 с.
- Осипов Д. О., в печати. Коллекция изделий из кожи из раскопок в городе Енисейске Красноярского края.
- Смирнов А. Н., 2009. Дворцовый комплекс Б. Ф. Годунова в селе Вяземы // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 340–357.
- Тихомиров М. Н., Муравьев А. В., 1982. Русская палеография. М.: Высшая школа. 200 с.
- Щепкин В. Н. Русская Палеография. М.: Наука. 1967. 255 с.
- Флоря Б. Н., 1981. Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука. 200 с.
- Nickel E., 1980. Zur materiellen Kultur de sp' ten Mittalters der Stadt Magdeburg // Zeitschrift fur archäologie. Jargang 14. Berlin. P. 47–49.

K. V. Voronin, A. A. Medyntseva, D. O. Ospiov

**Written culture relics from excavations of 2017
at Birzhevaya (Stock Market) Square in Moscow**

Summary

A piece of leather, bearing Cyrillic letters, was found at a building dating to the turn of the 16th and 17th centuries, in Moscow. The letters had been cut into the leather with a sharp tool. It is suggested, by indirect evidence – the expertise with which the letters were cut – that the author of this inscription had been

a shoemaker, who had used their awl with great precision. Paleographic evidence from the inscription is insufficient to be able to date the inscription, owing to fragmentation, and alleged errors in the lettering. The authors suggest that the lettering on the leather scrap recovered might have been a kind of alphabet primer.

Ю. А. Лихтер

ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва

Стекло XVII–XVIII веков из раскопок на Биржевой площади (работы Столичного археологического бюро 2017 года)

Летом 2017 г. ООО «Столичное археологическое бюро» провело археологические исследования на Биржевой площади (руководитель работ – К. В. Воронин, исполнитель – Н. В. Зубарев). Вскрытая площадь – 140 кв. м, мощность культурного слоя – 3,2 м, с учетом ям – до 4,5 м. В процессе работ обнаружены изделия из стекла, относящиеся к различным историческим эпохам. В частности, найдено большое количество домонгольских браслетов (исследуются Е. К. Столяровой) и фрагменты стеклянных сосудов XVII–XVIII вв., рассмотренные ниже.

Комплекс стеклянных сосудов из раскопок на Биржевой площади представлен как формами, хорошо известными в Москве, например, штофами, декорированными накладными цветными палочками, так и редкими формами: обломками расписных стоп, фрагментом кувшина – пивной кружки. Подобные им не встречались до сих пор при раскопках в Москве, а возможные параллели указывают на ранние даты (не позднее первой половины XVII в.).

Для некоторых образцов сделан анализ химического состава стекла (табл. 1). Эмиссионно-спектральный анализ выполнен сотрудником лаборатории археологической технологии ИИМК РАН кандидатом технических наук А. Н. Егорьковым. Результаты анализа мы интерпретировали по методике Ю. Л. Щаповой (1989. С. 105–107).

Декорированные сосуды

Расписные сосуды

Реконструкция форм показывает, что мы имеем дело с открытыми сосудами цилиндрической или

конической (конус расходящийся) формы. Роспись нанесена непрозрачными эмалевыми красками.

№ 416. Стопа (?), обломок (рис. 1, 2). Кв. Е5, гл. -315. Тулово округлое (точнее сказать нельзя); толщина тулова (стенки) – 0,22¹. Декор: сохранилось изображение головы ангела с крылом и часть надписи латиницей. Цвет основы – серо-голубой слабый; стекло прозрачное. Цвет декора – белый ахроматический (буквы); желтый сильный (волосы и крыло); красно-коричневый средний светлый (лик). Основа выдута в форму.

Как аналогию можно указать венецианский кубок с изображениями ангелов, датирующийся концом XV в. (рис. 1, 1) (*Vavra*, 1954. Fig. 111). Однако можно предполагать, что этот сюжет использовался и позднее. Судя по дате комплекса, этот фрагмент вряд ли относится к концу XV в. Как параллель буквам можно указать обломок, найденный при раскопках на территории Манежа (2004 г., № 4512 по нашему каталогу стекла).

№ 147. Стопа (?), обломок (рис. 1, 4). Кв. Е4; гл. -305. Тулово округлое (точнее сказать нельзя); толщина тулова (стенки) – 0,16. Декор: по-видимому, распятие, на обломке виден ствол креста и нимб. Цвет основы – серый слабый; стекло прозрачное. Цвет декора – желтый сильный темный (нимб); коричневый средний темный (крест); коричневый слабый (неясный элемент). Основа выдута в форму.

Как аналогию можно указать стопу из Богемии, датированную 1585 г. (рис. 1, 3) (*Glas aus...* 1977. № 07).

№ 324. Стопа или кубок, обломок (рис. 2, 2). Кв. 34, гл. -355, заполнение сруба сооружения 2.

¹ Здесь и далее все измерения даны в сантиметрах.

Таблица 1. Результаты химического анализа стекла из раскопок на Биржевой пл. в Москве в 2017 г.

№ по оп.	№ анализа	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	CuO	PbO	SnO ₂	TiO ₂	NiO
б/№	894:20	0,10	14,0	14	3,3	2,0	0,3	0,9	0,05	0,3	1,10	0,10	0,02
679	894:21	0,70	9,3	12	4,3	2,5	0,9	1,2	0	0,1	0,20	0,10	0,02
597	894:22	0,08	9,3	11	3,5	2,2	0,6	2,5	0	0,2	0,20	0,10	0
411	894:23	1,00	11,0	14	4,3	2,6	0,4	1,5	0	0	0	0,20	0
451	894:24	1,00	9,7	11	3,3	2,7	0,4	0,9	0	0	0,05	0,08	0,02
543	895:02	0,70	8,2	14	2,3	1,5	0,5	1,2	0,02	0	0	0,20	0,02

Тулово округлое (точнее сказать нельзя); толщина тулова (стенки) – 0,17. Декор – в центре две горизонтальные полосы, над и под ними – дуги, образующие бордюр. На тулове под росписью – наклонная выпуклая прямая линия. Цвет основы – серо-голубой слабый; стекло прозрачное. Цвет декора – желтый сильный. Основа выдута в форму.

Как аналогию декору можно указать на стопу из Нидерландов, датируемую первой половиной XVII в. (рис. 2, 1) (*Ruempel*, 1991. Р. 193 № F5171).

№ 543. Стопа, обломок (рис. 2, 4). Кв. Е5; гл. -340. Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; диаметр тулова внизу – 6,24; тол-

щина тулова внизу – 0,30. Дно вогнутое; диаметр дна – 6,24; толщина дна – 0,31. Поддон зонный кольцевой сплошной, как отдельный элемент, расположен вокруг дна. Высота поддона – 0,63; диаметр поддона – 7,07; ширина поддона – 0,69. Декор – на тулове – пучки травы; на поддоне – бордюр из овалов. Цвет основы – серо-голубой средний темный; стекло прозрачное. Цвет декора – коричневатый средний темный (пучки травы); белый ахроматический (овалы на поддоне). Основа выдута в форму, затем навит поддон.

Роспись на тулове практически не сохранилась, над поддоном видны только стилизованные пучки травы. Подобные пучки травы имеются на стопе,

Рис. 1. Сосуды с росписью из раскопок на Биржевой пл. (2, 4) и аналогии им

1 – кубок, Венеция, кон. XV в. (*Vavra*, 1954. Fig. 111); 2 – фр-т стопы (?), № 416;
3 – стопа, Богемия, 1585 г. (*Glas aus...* 1977. № 07); 4 – фр-т стопы, № 147

Рис. 2. Сосуды с росписью из раскопок на Биржевой пл. (2, 4) и аналогии им

1 – стопа, Нидерланды, 1-я пол. XVII в. (Ruempel, 1991. Р. 193 № F5171); 2 – фр-т стопы или кубка, № 324; 3 – стопа, Германия, 1663 г. (Glaeser vom... № 44); 4 – фр-т стопы, № 543

послужившей аналогией № 147 (рис. 1, 3). Аналогичные пучки травы и роспись на поддоне можно увидеть на стопе из Германии (рис. 2, 3), датированной 1663 г. (Glaeser vom... № 44).

Анализ № 895:2; тип стекла – K-Ca-Mg-Si; краситель – Fe_2O_3 ; источник щелочей – зола континентальных растений.

Сосуды с цветными накладными палочками

При изготовлении подобных сосудов на заготовку накладывали палочки из цветного стекла и покрывали сверху тонким слоем стекла основы. Затем завершали формовку. Кроме того, заготовку могли дополнительно закрутить. При использовании этого приема полосы на стенках штофа наклонные, а на донце – спиральные (рис. 3, 1). Если эта операция не производилась, то полосы на стенках расположены вертикально, а на донце – радиально (рис. 3, 12).

Использовали разные комбинации четырех цветов: красного, синего, желтого и белого. Сами палочки иногда сплошные, а иногда – двухслойные. В этом случае на палочки из естественно окрашенного стекла накладывали слой цветного стекла. Как правило, стекло основы прозрачное, а декора – непрозрачное. Однако зачастую стекло основы выглядит полупрозрачным, что, по-видимому, происходит из-за помутнения стекла, то есть начала его коррозии. В некоторых случаях палочка составлена из нескольких тонких палочек. При этом нити, ее образующие, могут быть прямыми либо дополнительно закрученными (мы их называем филигранными). В зависимости от сте-

пени нагрева основы и палочки она может полностью погрузиться в стекло основы либо выступать над ним. В целом рассмотренная технология соответствует венецианской технологии изготовления сосудов с филигранным декором (Качалов, 1959. С. 114–118).

Сосуды этого типа в нашей выборке представлены небольшими обломками тулова. В описаниях, представленных ниже, отмечены в основном отличающиеся детали.

Штофы закрученные (рис. 3).

Б/№. Обломок (переход к венчику). Кв. Ж4, гл. -308, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,45. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – белый ахроматический. Профиль палочки – выпуклый. Палочки сплошные и составные закрученные.

Анализ № 894:20; тип стекла – K-Ca-Mg-Si; краситель – CoO ; обесцвечиватель – MnO ; глушитель – SnO ; источник щелочей – зола континентальных растений.

№ 282a. Фрагмент. Кв. 34; гл. -310, заполнение сруба сооружения 2. Край сколот под металлическое горло. Венчик наклонный внутрь, дугообразный; толщина венчика – 0,51. Толщина тулова (стенки) – 0,51. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – белый ахроматический. Профиль палочки – плоский. Палочки сплошные и составные закрученные.

№ 282b. Обломок (угол тулова). Кв. 34; гл. -310, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,32. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – белый ахроматический; красно-коричневый сильный темный непрозрачный.

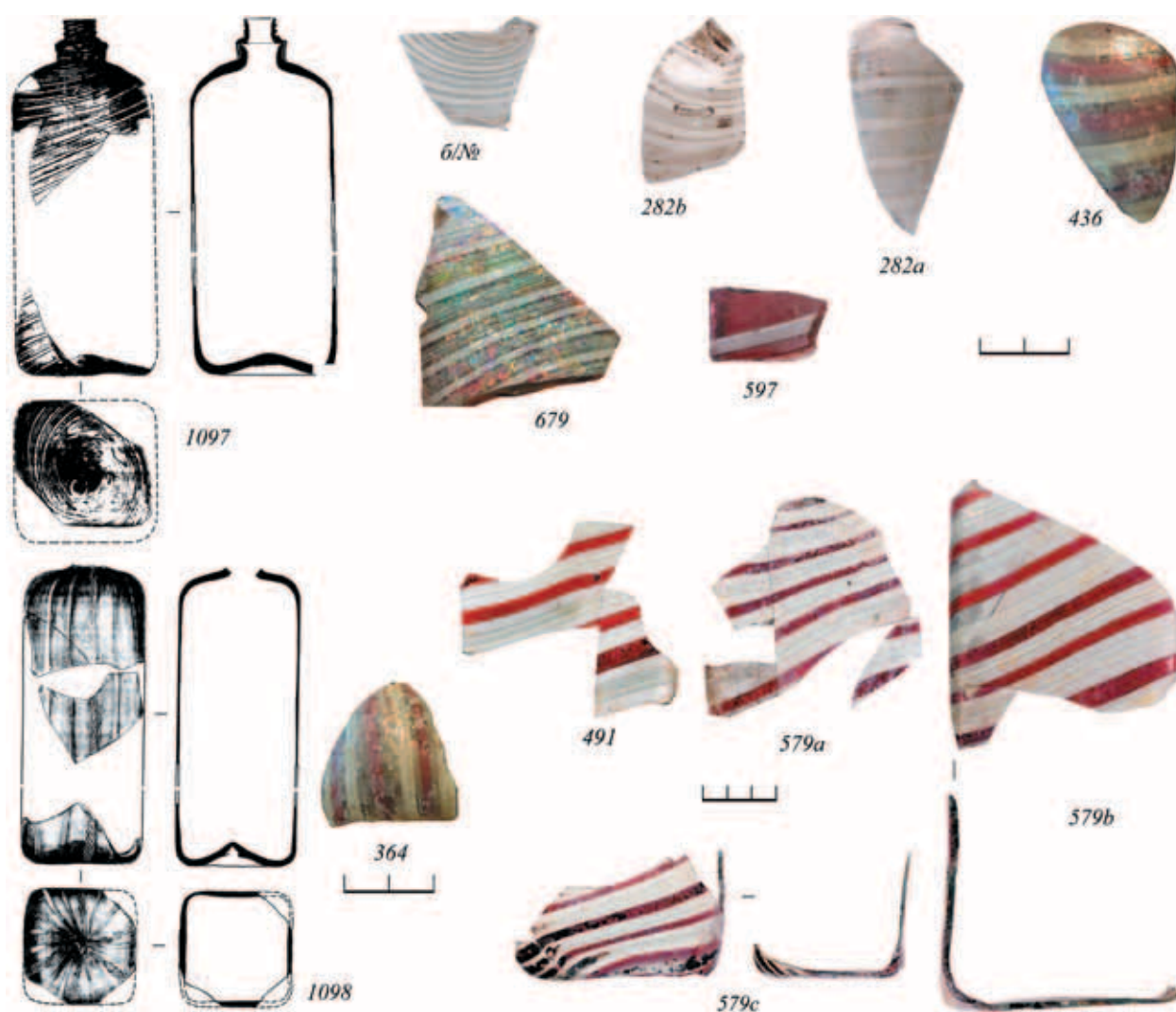

Рис. 3. Штофы с накладными цветными полосами из раскопок на Биржевой пл.
(номера соответствуют коллекционной описи)

1097, 1098 – по общему каталогу, 1995 г., реконструкция; остальные – находки 2017 г.

Профиль палочки – плоский. Палочки составные закрученные (на белую основу наложены красные нити и белые нити).

№ 436. Обломок. Кв. Ж4, гл. -364, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,44. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – красно-коричневый сильный; белый ахроматический. Профиль палочки – плоский. Палочки составные прямые (белые) и сплошные (красные).

№ 491. Обломок. Гл. -400, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,19. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – красно-коричневый сильный; белый ахроматический. Профиль палочки – плоский. Па-

лочки сплошные (красные) и составные прямые (белые).

№ 597. Обломок. Гл. -426, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,19. Цвет основы – красно-коричневый средний. Цвет декора – белый ахроматичный. Профиль палочки – выпуклый. Палочки составные.

Анализ № 894:22; тип стекла – К-Са-Mg-Si; обесцвечиватель – MnO; Источник щелочей – зола континентальных растений.

№ 679. Обломок. Кв. 35, гл. -402, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,49. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – белый ахроматический. Профиль палочки – плоский. Палочки сплошные и составные прямые.

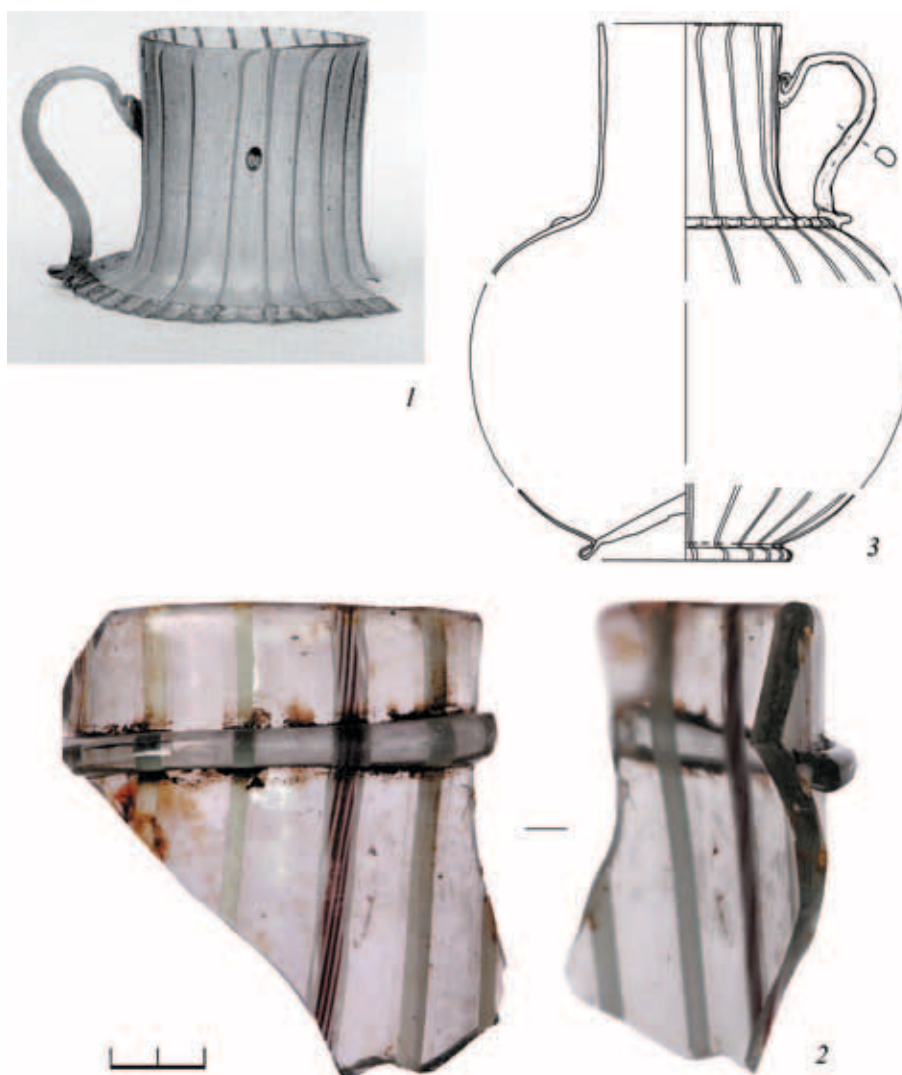

Рис. 4. Кувшин – пивная кружка из раскопок на Биржевой пл. (2) и аналогии ему
1 – кувшин *Tankard*, 1581–1600 гг. (Lazar, Willmott, 2006. P. 40; S8b); 2 – кувшин, № 451;
3 – реконструкция кувшина *Tankard* (Lazar, Willmott, 2006. P. 114, pl. 6)

Анализ № 894:21; тип стекла – К-Са-Mg-Si; обесцвечиватель – MnO; Источник щелочей – зола континентальных растений.

№ 579a. Штоф. Обломок. Кв. 35, гл. -399, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,24. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – красно-коричневый сильный; белый ахроматический. Профиль палочки – плоский. Палочки сплошные (красные) и составные прямые (белые).

№ 579b. Фрагмент (угол). Кв. 35; гл. -399, заполнение сруба сооружения 2. Ширина тулова – 9,10; толщина тулова (стенки) – 0,40. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – красно-коричневый сильный; белый ахроматический. Профиль

палочки – плоский. Палочки сплошные (красные) и составные прямые (белые).

№ 579c. Фрагмент (угол – придонная часть?). Кв. 35; гл. -399, заполнение сруба сооружения 2. Ширина тулова – 8,83; толщина тулова (стенки) – 0,30. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – красно-коричневый сильный; белый ахроматический. Профиль палочки – плоский. Палочки сплошные (красные) и составные прямые (белые).

Штофы прямые (рис. 3).

№ 364. Обломок. Кв. Ж4; гл. -340/-343, заполнение сруба сооружения 2. Толщина тулова (стенки) – 0,33. Цвет основы – серо-голубой слабый. Цвет декора – красно-коричневый сильный

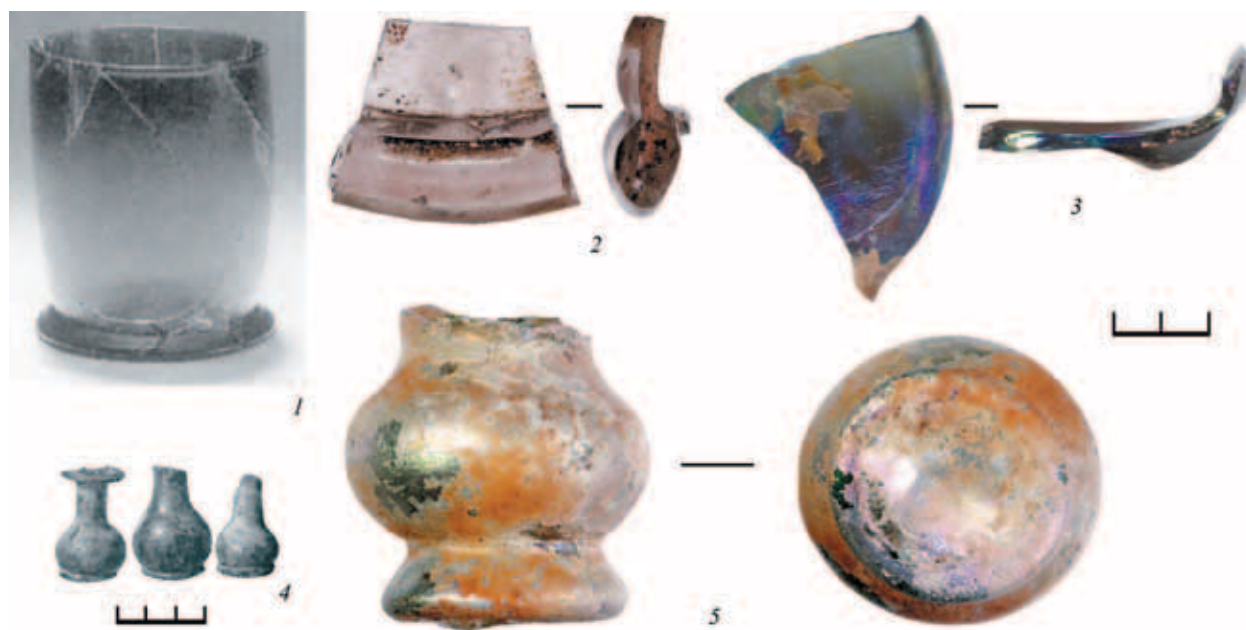

Рис. 5. Сосуды без декора из раскопок на Биржевой пл. (2, 3, 5) и аналогии им

1 – стопа на поддоне, Германия или Нидерланды, XVI в. (Ruempel, 1991, Р. 133. № 10070); 2 – фр-т стопы, № 411; 3 – фр-т стопы, № 441; 4 – флаконы из слоя XVIII в., Москва (Юшко, 1987. С. 55, рис. 2); 5 – флакон, № 576

темный; белый ахроматический. Профиль палочки – плоский. Палочки сплошные (красные) и двухслойные (белые).

Граненые штофы, декорированные цветными стеклянными палочками, часто встречаются в культурном слое Москвы XVII в. и, по всей вероятности, являются нидерландским импортом (Векслер, Лихтер, 2001).

Округлый сосуд.

Помимо граненых штофов отметим один округлый фрагмент, декорированный по той же технологии.

№ 451. Кувшин – пивная кружка. Фрагмент (рис. 4, 2). Кв. 35, гл. -342, заполнение сруба сооружения 2. Край выпуклый сходящийся; диаметр края – 6; толщина края – 0,35. Горло цилиндрическое или коническое расходящееся усеченное снизу (точно определить нельзя). Диаметр горла вверху – 6; толщина горла вверху – 0,35; толщина горла внизу – 0,23. Декор: на горле наклонные выпуклые полосы – сплошные и филигранные, чередующиеся между собой. Сплошные полосы – белые, филигранные составлены из белых и пурпурных нитей по технологии венецианской филигрании. Под краем наложена горизонтальная выпуклая нить, сделанная из того же стекла, что и основа. Цвет основы – серый слабый; стекло полупрозрачное (помутнение). Цвет декора – белый ахро-

матический и пурпурный сильный темный, стекло непрозрачное; в цвете предмета; стекло полупрозрачное. Основа выдута в форму.

Как аналогию можно указать сосуд, опубликованный в числе изделий из стекла, входивших в груз корабля, затонувшего в конце XVI в. на Средиземном море возле г. Биоград в Хорватии (Lazar, Willmott, 2006. Р. 40; S8b). По конструкции он выглядит как кувшин (рис. 4, 1, 3), но публикаторы именуют его *Tankard*. Этим словом обозначают высокую пивную кружку (часто с крышечкой).

Анализ № 894:24; тип стекла – К-Са-Mg-Si; обесцвечиватель – MnO; источник щелочей – зола континентальных растений.

Сосуды без декора

№ 411. Стопа. Фрагмент (рис. 5, 2). Кв. Ж4, гл. -370, заполнение сруба сооружения 2. От тулова сохранились небольшие куски, возвышающиеся над поддоном, поэтому нельзя установить, было оно эллипсоидным или коническим расходящимся. Диаметр тулова внизу – 7; толщина тулова внизу – 0,28. Дно, по-видимому, вогнутое; диаметр дна – 7; толщина дна – 0,25. Поддон зонный кольцевидный, отдельный элемент, расположен вокруг сосуда. Высота поддона – 0,65; диаметр поддона – 9; ширина поддона – 0,99. Цвет основы: серый слабый; стекло

полупрозрачное (помутневшее). Техника изготовления: основа выдута в форму, на нижнюю часть тулова навита нить, образующая поддон.

Аналогичные поддоны встречаются как у стоп, так и у кувшинов, однако небольшой диаметр дна позволяет говорить скорее о стопе. Стопы на подобных поддонах известны в Германии и Нидерландах в XVI в. (рис. 5, 1).

Анализ № 894:23; тип стекла – K-Ca-Mg-Si; обесцвечиватель – MnO; источник щелочей – зола континентальных растений.

№ 441. Стопа? Обломок (рис. 5, 3). Кв. Ж4, гл. -422, заполнение сруба сооружения 2. От тулова сохранился небольшой обломок, поэтому нельзя установить, было оно эллипсоидным или коническим расходящимся. Диаметр тулова внизу – 7; толщина тулова внизу – 0,19. Дно вогнутое; диаметр дна – 7; толщина дна – 0,21. Цвет основы: серо-голубой средний темный; стекло полупрозрачное, возможно, помутневшее. Техника изготовления основы – выдувание в форму.

Из-за небольшого размера сохранившегося фрагмента аналогию подобрать нельзя.

№ 576. Флакон. Фрагмент (рис. 5, 5). Кв. К3, гл. -180. Горло, по-видимому, цилиндрическое; диаметр горла внизу – 2,13; толщина горла внизу – 0,35. Тулово шаровидное, усеченное дважды; высота тулова – 2,07; максимальный диаметр тулова – 3,25; диаметр тулова сверху – 2,13; диаметр тулова внизу – 2,02. Дно вогнутое; диаметр дна – 2,02. Поддон округлый конический – лепешка; сплошной, отдельный элемент, расположен под сосудом. Высота поддона – 0,77; диаметр поддона сверху – 2,02; диаметр поддона внизу – 2,50. Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное. Техника изготовления: основа выдута в форму, затем вытянуто горло, и на дно навита нить, образующая поддон.

Поскольку верх флакона не сохранился, нельзя определить форму венчика. По конструкции он похож на флаконы, часто встречающиеся в культурном слое Москвы XVIII в. (Юшко, 1987. С. 55, рис. 2; Беляев, 1994. Табл. 102, 4), однако они, как

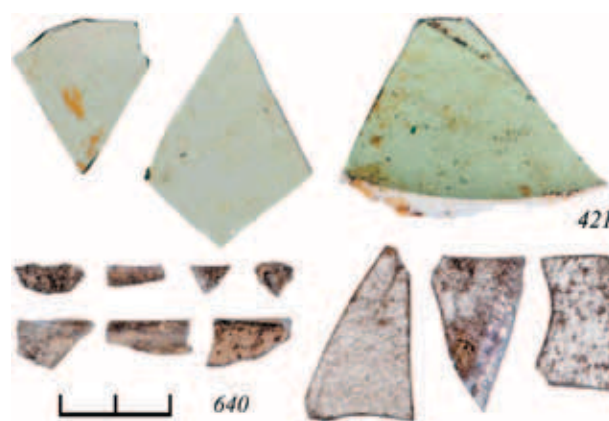

Рис. 6. Фрагменты оконного стекла (421) и неопределимого предмета (640). Биржевая пл., 2017 г.

правило, сделаны из зеленоватого стекла и немногие другие по пропорциям (рис. 5, 4). Можно предположить, что этот флакон относится к более позднему времени.

Другие стеклянные изделия (рис. 6)

№ 421. Оконное стекло. Обломок. Кв. 34, гл. -290. Пластина округлая; толщина – 0,21. Край плоский неровный; толщина края – 0,23. Цвет основы: серо-голубой средний светлый; стекло прозрачное.

Оконное стекло изготовлено по технологии так называемого цилиндр-процесса, когда выдувается большой цилиндр, от которого отрезают оба основания, после чего цилиндр разрезают вдоль. Получившийся прямоугольник выкладывают на ровную поверхность. Эта технология была в ходу начиная с XVIII в. и до начала XX, когда изобрели метод механического вытягивания больших плоских листов стекла.

№ 640. Категорию нельзя установить. Обломок. Кв. Е5, гл. -440, объект А. Сохранился небольшой плоский кусок толщиной 0,12. Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло полупрозрачное. Техника изготовления – выдувание.

Литература

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН. 310 с. 144 табл.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2001. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы XVII в. // Тр. конф. «Древние ремесленники Приуралья». Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН. С. 365–375.

Качалов Н. Н., 1959. Стекло. М.: Изд-во АН СССР. 466 с.

Щапова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: Изд-во МГУ. 120 с.

Юшко А. А., 1987. Новые археологические памятники на территории Москвы // КСИА. № 190. С. 53–57.

Glaeser vom XVI bis XIX. Jahrhundert. aus dem Bestandder Kunstsammlungen zu Weimar. Weimar. (б/г).

Glas aus zwei Jahrtausenden. Bestaende der Galerie von 700 v. d. Zt bis 1975. Staatliche Galerie Moritzburg Halle: Staatliche Galerie Moritzburg, 1977. 98 s.

Lazar I., Willmott H., 2006. The glass from the Gnalić Wreck. Koper: Založba Annales. 144 p.

Ruempel A. P. E., van Dongen A. G. A., 1991. Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam: Pre-industrial Utensils 1150–1800. Amsterdam: de Bataafsche Leew. 304 p.

Vavra J., 1954. Das Glas und die Jahrtausende. Prag: Artia. 406 s.

Yu. A. Likhter

**Glass of the 17th & 18th centuries found at excavations at Birzhevaya
(‘Stock Market’) Square in Moscow (a study by the Capital Archaeological Bureau,
in 2017)**

Summary

The report present a description of glass vessel fragments, and other items from the 16th–18th centuries, which were recovered during excavations at

Kitai-Gorod – Moscow’s former trading quarter. Results are given for a series of finds which show their spectral emission data.

Г. Н. Пронин*, Ю. Н. Шорин**

** Институт археологии РАН, Москва;*

*** Журнал «Край Смоленский», Смоленск*

Питейные заведения Смоленска XVII – первой половины XVIII века (по археологическим данным)

В 1611 г. после двадцатимесячной осады Смоленск был взят войсками Сигизмунда III и почти на половину столетия перешел под юрисдикцию Речи Посполитой. В результате осады и боевых действий город сильно пострадал и в значительной мере обезлюдел. Заднепровский посад на правом берегу Днепра был выжжен воеводой Шеиным еще в 1609 г. из соображений безопасности, ввиду грозившей угрозы со стороны Речи Посполитой (Писарев, 1898. С. 39). Во время осады в городе погибла значительная часть населения: по некоторым данным, только в крепости погибло более 25 000 человек (Мурзакевич, 1804. С. 95). Хотя это, наверное, преувеличение. Был взорван собор Богоматери в Старом Замке, разрушены и разорены многие храмы, значительная часть деревянных построек была уничтожена пожарами. Уцелевшие жители старались покинуть город. Смоленск лежал в руинах и представлял собой практически пустое место, огражденное каменной стеной.

Но надо отдать должное Сигизмунду III: осознавая важное стратегическое значение Смоленска в противостоянии с Москвой, он предпринимает энергичные и целенаправленные меры по возрождению города. Целый ряд привилегий Сигизмунда был посвящен его послевоенному обустройству. Прежде всего были восстановлены оборонительные укрепления Смоленска. В крепости оставался значительный войсковой контингент, который был размещен для жительства в башнях крепостной стены, приспособленных для этой цели под жилые помещения. Городу было даровано Магдебургское право (Мурзакевич, 1804. С. 96), что создавало условия для развития торговли и ремесел. В массовом порядке в Смоленск на постоянное жительство привлекались переселенцы с тер-

ритории Речи Посполитой, в первую очередь, купцы, ремесленники и т. д. Им давались особые льготы – освобождение от податей, выделялись земли для строительства жилья, земельные угодья для ведения хозяйства, уволоки леса для строительства, право свободной, не облагаемой пошлинами, рыбной ловли и т. д. Было дано право на проведение двух ярмарок в году, где торговля велась практически без каких-либо ограничений. Отдельно в привилегиях предписывалось обустройство общественных учреждений: заезжих и гостинных, дворов, бань, мельниц, ратуши и торговых рядов (Писарев, 1898. С. 46–48). Следует подчеркнуть, что в привилегиях Сигизмунда относительно Смоленска особо оговаривается, что все средства от пошлин, податей и проч. идут на нужды города. Эта целенаправленная политика принесла результаты – в сравнительно короткие сроки Смоленск возродился к жизни и на протяжении всего периода пребывания в составе Речи Посполитой, вплоть до 1654 г., представлял собой типичный средневековый европейский город. Особо отметим, что после возвращения в 1654 г. города в Российскую державу, царь Алексей Михайлович «подтвердил привилегии граждан и должностных лиц, дарованных смолянам королями» (Писарев, 1898. С. 52).

Среди прочего, в привилегиях Сигизмунда III относительно Смоленска нашлось место и распоряжениям по поводу торговли медами, пивом, алкогольной продукцией и соответствующих ей общественных учреждений. «Позволяется тем же Смоленским нашим обывателям всякие напитки как делать дома, так и из других мест привозить и продавать назначенную от Магистрата мерою в силу сей Грамоты. За сию продажу напитков Смоленские наши обыватели не имеют платить никакой

подати через целые двенадцать лет считая от нынешнего числа...» (*Мурзакевич*, 1804. С. 14. Грамота № 2. Ноября 4-го дня 1611 года).

«...предоставляем городу нашему Смоленску, в крепости расположенному, дабы нигде на форштате не были торги, складываемы товары, также мастерства и всякие питейные дома ни под каким видом не существовали, но дозволяем производить оные в крепости под смотрением городского правления и по цеховому обряду ... Только Смоленскому городскому правлению иметь за крепостью две корчмы одну у мельницы, а другую у моста над рекою Днепром, и притом выстроить гостиный двор для московских купцов, и иметь им в тех двух корчмах в общую городскую пользу продажу напитков...» (*Мурзакевич*, 1804. С. 21. Грамота № 6. Апреля 29 дня 1625 года).

Письменные свидетельства о существовании в городе по обоим берегам Днепра общедоступных питейных заведений, нашли подтверждение в ходе археологических раскопок Смоленской экспедиции ИА РАН в 2009 и 2011–2012 гг. Одно из них, которое можно трактовать как городскую усадьбу, состоявшую из трактира (корчмы, кабака), жилого дома трактирщика и сопутствующих хозяйственных помещений, было открыто в ходе спасательных раскопок на ул. Беляева в Заднепровье (правый берег Днепра) в 2009 г. (*Гусаков*, 2009; *Пронин, Соболев*, 2015). Судя по полученным в ходе исследований материалам, заведение функционировало с конца XVII вплоть до середины XVIII столетия. Второй питейный дом находился на левобережье Днепра, на Смоленском Подоле в пределах Пятницкого конца (*Пронин*, 2014). Он также представлял собой отдельную городскую усадьбу. Но, в отличие от заведения на правобережье, здесь трактир и жилые помещения находились в одном строении (плюс сопутствующие хозяйственные постройки). Хронологически этот комплекс функционировал, вероятно, раньше заведения на правобережье – во второй четверти – середине XVII в.

Усадьба трактирщика в Пятницком конце Смоленска была зафиксирована в раскопе 3 (рис. 1) в 3-м строительном горизонте¹. Усадьба состояла из основного жилого двухэтажного дома (постройка № 1), в котором и размещался трактир, и трех хозяйственных построек (постройки № 2, 4–5) (рис. 2).

Постройка № 1 представляла собой жилой трехкамерный двухэтажный деревянный дом раз-

мерами 8,8–9,1×4,2 м. Сохранилась на один, местами два, венца (рис. 3). Погибла при пожаре – бревна сруба и доски пола частично обуглены. Дом ориентирован по линии ССЗ – ЮЮВ, практически перпендикулярно руслу Днепра. Возведен с использованием разных строительных приемов. Поскольку постройка рубилась на насыпном грунте, то под ее углы вкапывались вертикальные столбы-стулья, которые препятствовали усадке сруба в грунт. Столбы имели высоту до метра при толщине 24–27 см. Углы венцов соединялись рубкой в чашку с остатком, чашка вырубалась в верхней части бревна. Длина остатков бревен составляла 15–20 см. Для строительства дома использовались сосновые бревна диаметром 21–27 см. Пазы между бревнами венцов и дно чашек конопатились болотным мхом (его остатки обнаружены на бревнах).

Дом состоял из трех помещений. Северное имело размер 4,2×4,0 м, южное было меньше – 4,2×2,85 м. Между ними находились сени размером 4,2×1,8 м.

В северном помещении целиком сохранился деревянный пол из досок (рис. 3; 4). Он уложен в продольном, по отношению к входу, направлении. В южном помещении горелые доски пола выявлены только у западной стенки. Пол настился на уровне первого венца из колотых досок шириной 18–24 см, торцы отпилены пилой. В обоих помещениях дома сохранились остатки печей. В северном помещении печь стояла в юго-восточном углу. Ее основание покоилось на сделанной из деревянных брусьев раме размером 1,8×1,6 м. Толщина брусьев 23–24 см. Брусья между собой на углу соединены в замок, который выпиливался пилой на половину толщины брусьев. Под печи выложен из красного кирпича форматом 24,5–27,2×12–13 х 5,5–6,2 см (рис. 5). На уровне пода внутри печи собрано много обломков кухонной и столовой посуды XVII в. Судя по обилию фрагментов битого кирпича, можно говорить о том, что печь была сложена из кирпича, обмазана красной глиной с добавлением мелкого дробленого щебня и обложена рамочными коробчатыми изразцами. Устье печи находилось с северной стороны. Оно обозначилось в культурном слое серым пятном, обильно насыщенным золой и древесным тленом. Фронтон устья печного свода в качестве декоративной детали оформлялся дугообразным глиняным жгутом. В ряде случаев жгут украшался нанесенным по сырой глине штампованным орнаментом.

¹ В этом раскопе зафиксированы культурные напластования мощностью более 6 м от уровня современной дневной поверхности. Их хронологический диапазон – вторая половина – конец XI – XVIII в. Весь массив культурного слоя членится на 10 строительных горизонтов (отсчет идет сверху вниз).

Рис. 1. Расположение раскопов в Пятницком конце и Заднепровье

Заметим, что печи не примыкали вплотную к стенкам сруба. Между ними оставался зазор 10–20 см шириной. В досках пола северного помещения возле западной стенки выявлены две пары выдолбленных углублений. Очевидно, в них закреплялись ножки скамьи, либо полатей.

В южном помещении дома печь также находилась в юго-восточном углу. Она имела в основании размер 1,2×1,2 м.

Вход в оба жилых помещения был из сеней. Он обозначен парами столбов. В северном помещении они врублены в пазы южного бревна нижнего венца. Ширина дверного проема составляет 0,9 м. В южном помещении дверные столбы врыты в землю возле северного бревна нижнего венца (рис. 2). Ширина входного проема здесь была

0,6 м. В сенях деревянный пол отсутствовал. Вместо него был насыпан слой мелкой кирпичной крошки, смешанной с красной глиной толщиной 10 см. Кстати, под полом обоих помещений дома был зафиксирован такой же слой кирпичной крошки. По-видимому, перед началом строительства площадка под нижние венцы была засыпана кирпичной крошкой, смешанной с глиной. Благо, битого кирпича после войны 1609–1611 гг. вблизи крепостной стены было много.

В сенях рядом с восточной стенкой обнаружен нижний опорный брус лестницы, которая вела на второй этаж. Брус длиной 0,95 м имел на концах врубки. В них были обнаружены остатки ступеней – квадратных в сечении брусков размером 14×14 см и 16×18 см. В сенях в нижних бревнах

Рис. 2. Пятицкий конец Смоленска (ул. Студенческая). Раскоп 3. 3-й строительный горизонт

Рис. 3. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Усадьба XVII в. Вид с северо-запада

Рис. 4. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1 – полы в северной камере. Вид с севера

Рис. 5. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Печь в северной камере постройки № 1. Вид с севера

восточной и западной стенок были врублены вертикальные столбы с выдолбленными с южной стороны продольными пазами. В них впускались шипы бревен венцов южного помещения дома.

Вход был с западной стороны дома. Он обозначен парой столбов-брусев. Один, размерами 24×21 см с продольным пазом, был впущен в нижнее бревно (ширина паза 12 см, глубина 9–10 см). Другой, размером 14×10 см, был вкопан в грунт внутри сеней. Ширина дверного проема составляла 0,9 м. Дверь открывалась внутрь сеней, справа налево. К входной двери дома снаружи вела дорожка шириной 1,2 м (рис. 2), выложенная из мелкого и среднего по размерам камня (в т. ч. известняка). Перед домом с западной стороны южного помещения зафиксирована отмостка из мелких камней и битого кирпича. К северо-западному углу дома примыкал частокол, который тянулся на 3,2 м вдоль его западного главного фасада (рис. 2), а всего он прослежен с севера на юг на расстоянии более 10 м. Частокол состоял из кольев диаметром 5–8 см, заточенных топором в нижней части. Пространство, огороженное частоколом, предназначалось, скорее всего, для содержания мелкого скота (рис. 6).

С западной и восточной сторон дома найдены остатки жердей обрешетки и тонкая кровельная доска толщиной 1,5–2,0 см. В архивных источниках такая доска называется «дор». Можно предположить,

что двухэтажный жилой дом был крыт в XVII в. дощатой крышей, лежавшей на обрешетке из жердей.

На расстоянии 0,8–1,0 м к востоку от жилого дома (постройка № 1) располагалась *постройка № 2* (рис. 2). Она представляла собой однокамерный наземный сруб размерами 3,15×3,2 м, сохранившийся на один нижний венец. Рублен в чашку (врубки сверху, дно конопачено болотным мхом) с остатком, вероятно, из хвойных пород дерева, бревна диаметром 25–29 см. Концы остатков бревен выдаются на 10–24 см. Западное и южное бревна сруба повреждены перекопами более позднего времени. Следов пола и печи в срубе не найдено. Вход в постройку шириной всего 0,45 м был, по-видимому, с восточной стороны. Инвентаря, в том числе и керамики, мало. Большая его часть происходит из зачистки площади в пределах контура сруба на уровне 3-го строительного горизонта. Исходя из выше сказанного, можно предположить, что данный сруб был хозяйственной постройкой, которая могла служить подсобной клетью, либо использовалась для хранения сена.

Постройка № 4 располагалась вблизи юго-восточного угла жилого дома. Это двухкамерный наземный сруб размерами 4,2×3,3 м (рис. 2). Сохранился только один его нижний венец. Рублен из толстого (20–25 см) плохо обработанного дерева, на его поверхности сохранились обрубки веток. Рублен в чашку с остатком,

Рис. 6. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт.
Постройка № 1 – частокол около северной камеры постройки. Вид с юга

Рис. 7. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 4. Вид с юга

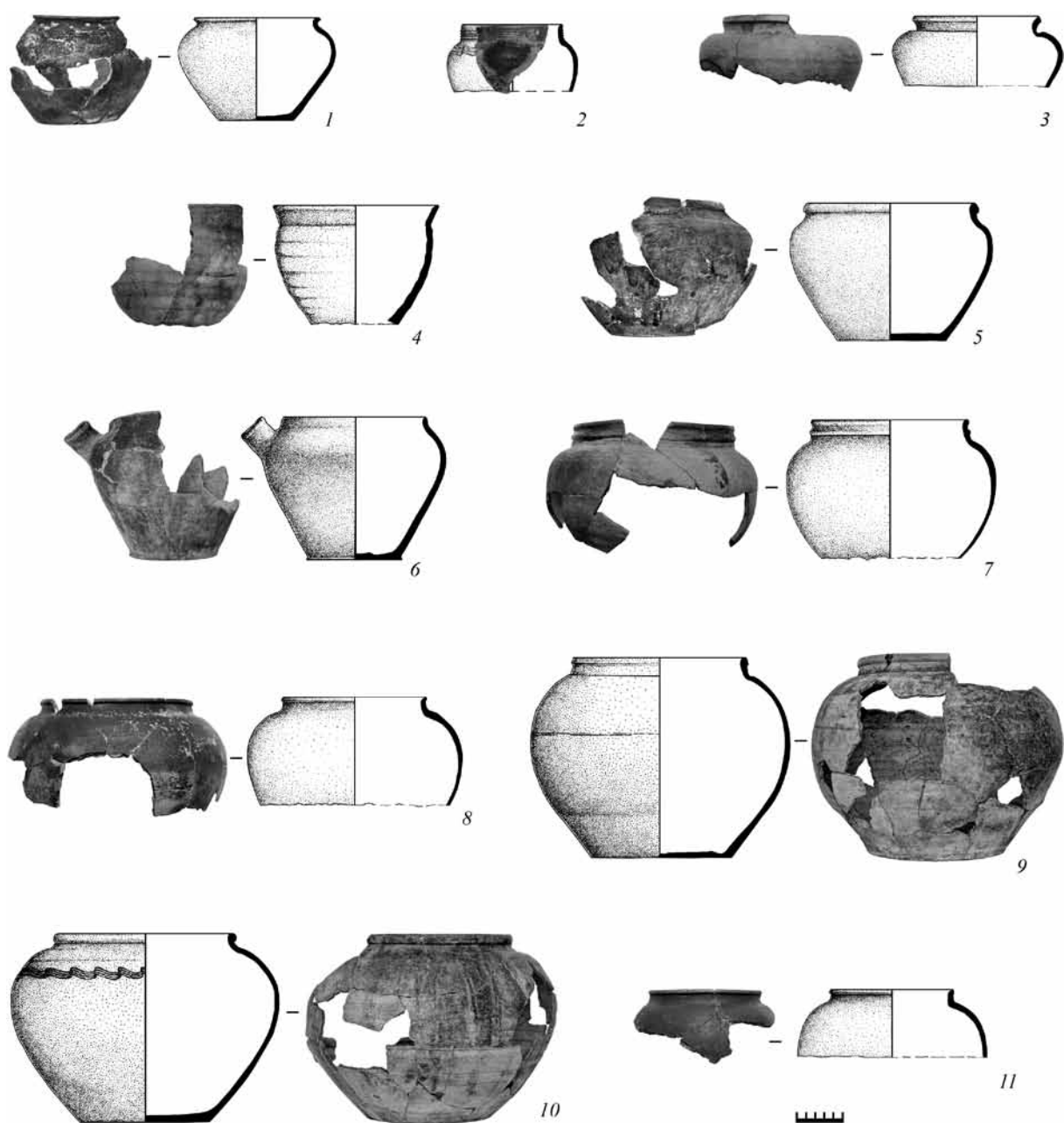

Рис. 8. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1. Основные формы кухонных горшков

который выступает наружу на 12–26 см. Чашка расположена в верхней части бревен. Постройка состоит из двух помещений: сеней с внутренним размером 2,6×0,9 м и основного помещения размером 2,8×2,6 м (рис. 2; 7). Вход в постройку находился с восточной стороны. Его ширина не прослеживается из-за позднейших нарушений. Сени, по-видимому, имели деревянный пол, от которого сохранился фрагмент лаги длиной 0,42 м при толщине 10 см. В основном помещении, в юго-восточном углу, располагалась печь размерами 1,2×0,95 м, сложенная из красного кирпича

и камней, обмазанная светло-коричневой глиной. Ее топка была с западной стороны. Основание печи имело по периметру деревянный бордюр, который отделял его от пола постройки. В северной части помещения сохранился деревянный дощатый пол, который покоился на остатках более раннего по времени настила. Его пять колотых досок имели ширину 25–30 см при толщине 5–6 см. Торцы досок отпилены пилой. В досках пола при северной стене постройки были углубления для ножек скамьи. Данная постройка, вероятно, служила баней.

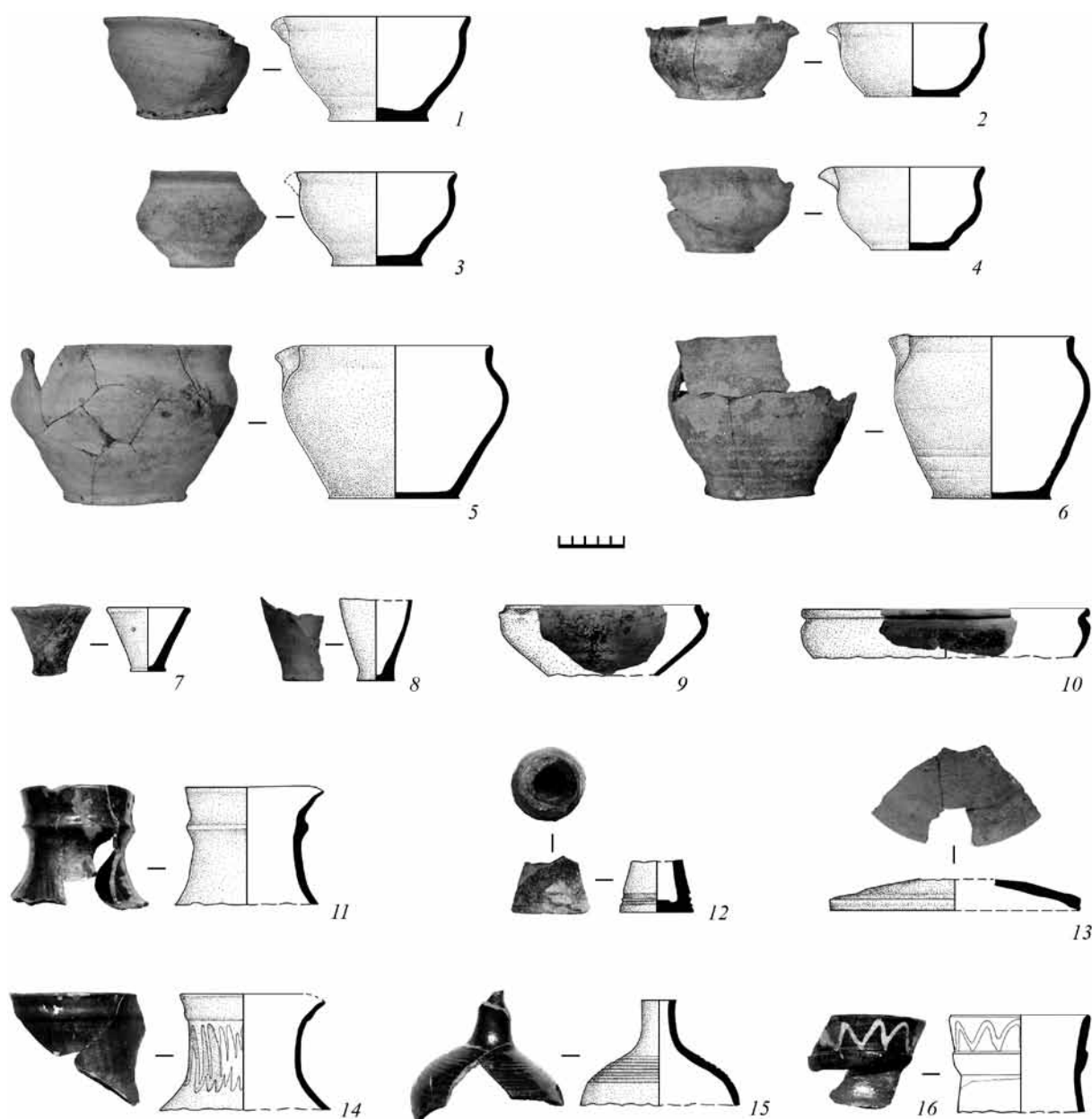

Рис. 9. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 1. Столовая посуда

И, наконец, последнее сооружение усадебного комплекса – *постройка № 5*. Она выявлена в 2 м южнее постройки № 2 и в 0,4 м восточнее жилого дома. Это конструкция чисто хозяйственного назначения – навес с крышей размером 3,3×3,15 м, опиравшейся на четыре столба из бревен толщиной от 22 до 30 см (рис. 2). Настил пола отсутствовал. Навес мог использоваться для хранения дров, телег, саней, либо крытым стойлом для домашних животных. В темно-коричневом слое в пределах ее контуров есть включения навоза.

Из культурного слоя 3-го строительного горизонта в пределах границ усадебных построек происходит значительное количество находок (в том

числе нумизматического материала и несколько тысяч обломков керамики). К сожалению, жестко увязывать те или иные вещевые находки с конкретными постройками, было бы весьма легкомысленно, т.к. в данном случае мы имеем дело не с закрытыми комплексами. Исключение составляет лишь коллекция массового материала из постройки № 1. Здесь на уровне пола, в развалах обеих печей и подпечных ямах, было найдено огромное количество фрагментов керамической посуды, в том числе весьма характерного ассортимента – сосудов для питья и хранения напитков. Из чего, собственно, и напрашивается вывод, что в части жилого дома (первый

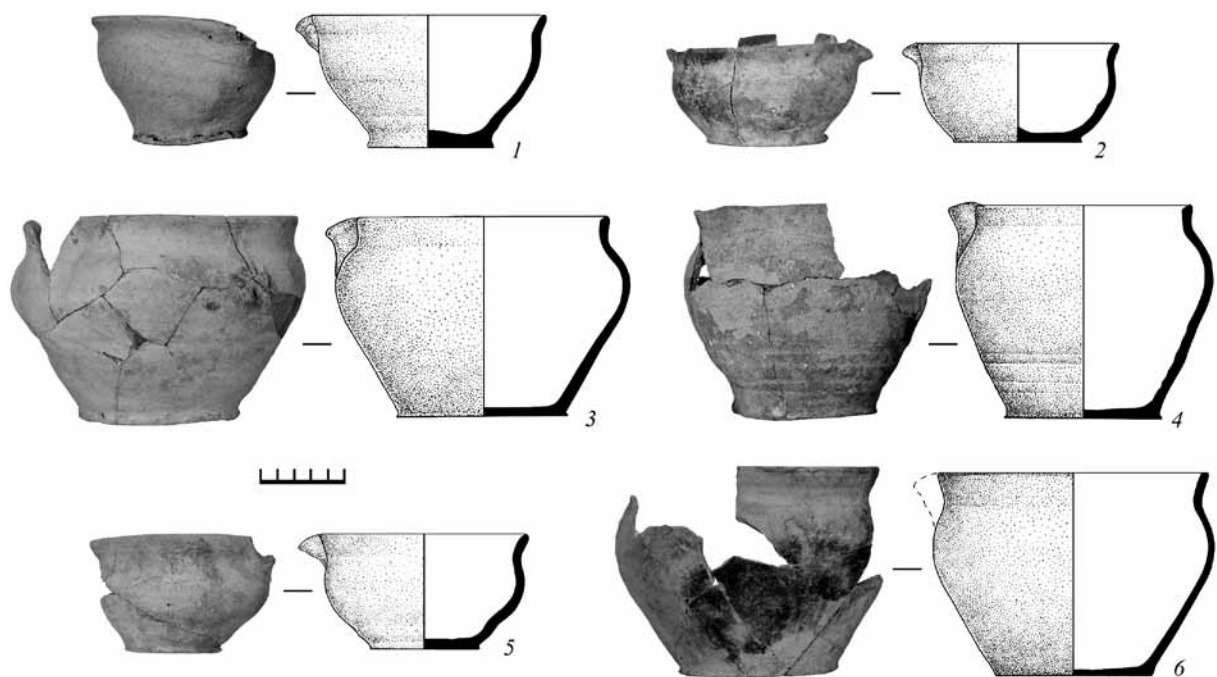

Рис. 10. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Емкости для розлива напитков из постройки № 1 (трактира)

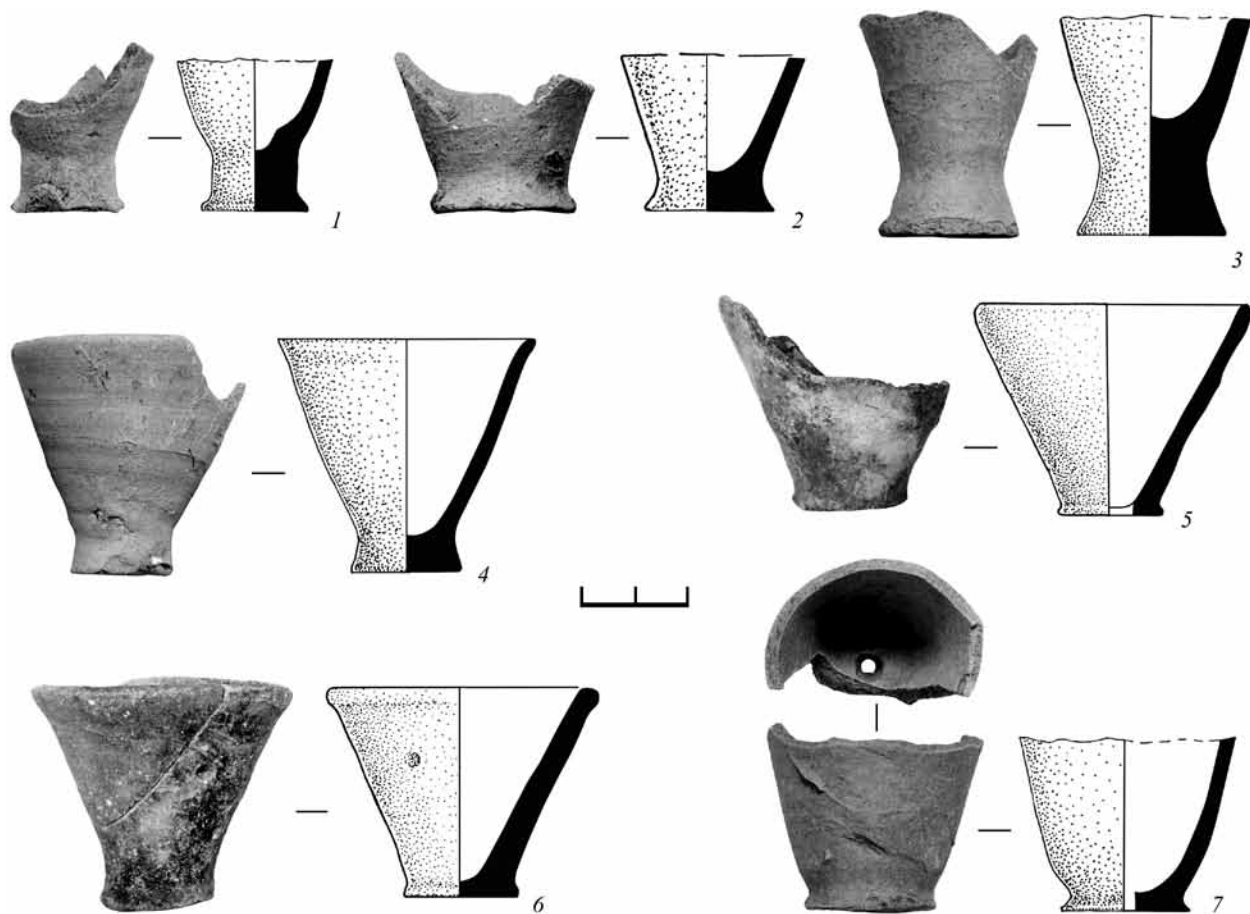

Рис. 11. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Керамические стопки из подпечных ям постройки № 1 (трактира)

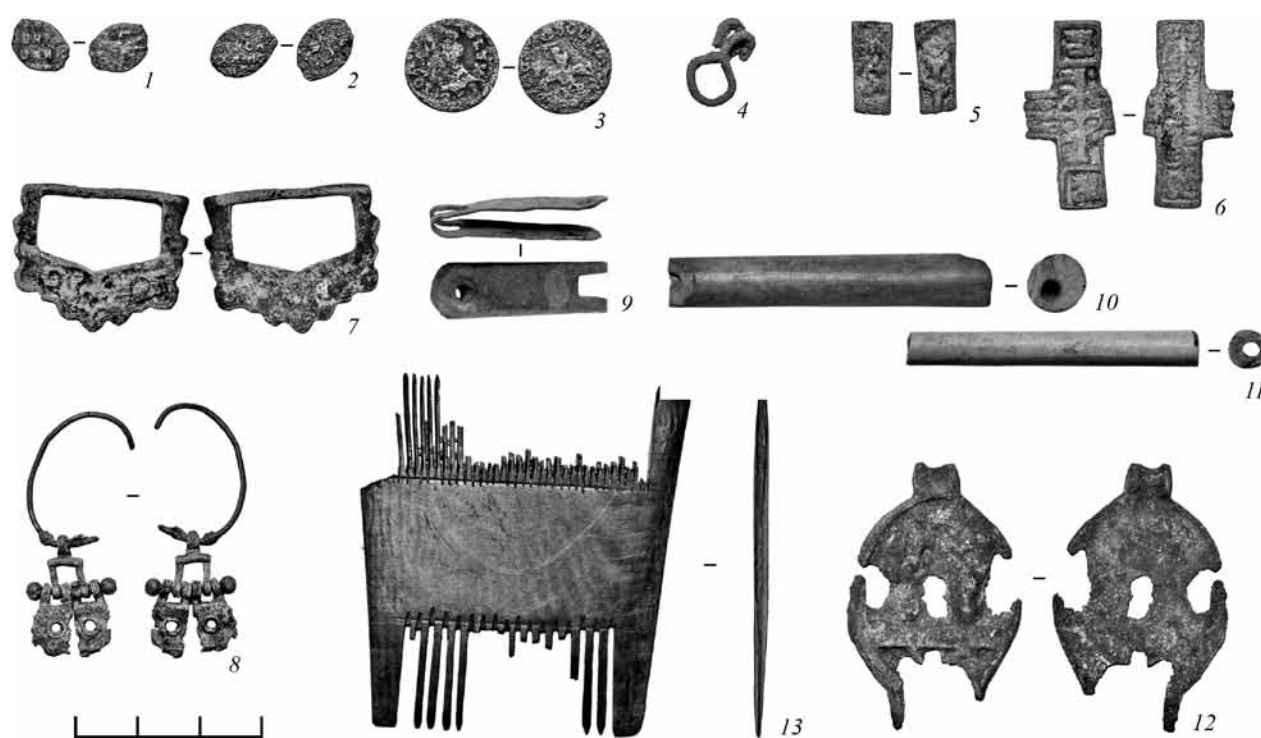

Рис. 12. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Находки из постройки № 1

1–2 – медные пуло; 3 – солид; 4 – одежный крючок (?); 5–6 – фр-ты крестов-тельников; 7 – поясная пряжка; 8 – серьга из белого металла; 9 – декоративная накладка; 10–11 – керамические чубуки голландских трубок; 12 – накладная личина замка; 13 – костяной гребень

этаж) функционировало общедоступное питейное заведение.

Подавляющее большинство керамики – гладкостенная неполированная. На долю глазурованной посуды приходится не более 5–6%. Чернолощенная керамика практически отсутствует – в целом, в культурном слое 3-го строительного горизонта ее не более процента. Это хотя и косвенный, но важный момент, напрямую связанный с датировкой, потому что появление и устойчивое бытование в городском слое Смоленска чернолощенной керамики является достаточно надежным хронологическим маркером. Пик ее распространения (хотя и при сравнительно незначительном процентном соотношении – в пределах 2–4% в общей массе материала) в городском слое приходится на середину – вторую половину XVII столетия.

Преобладающий тип кухонных горшков – сосуды с уплощенно-сфероидальным туловом и валикоподобным венчиком, в ряде случаев с четко профилированной шейкой (рис. 8, 1, 3, 5, 10). Другая распространенная форма – сосуды с вертикальным или слегка отогнутым наружу прямым венчиком (рис. 8, 2, 7–9, 11). Встречены также обломки крышек (рис. 9, 13) и сосуды индивидуальных

форм (рис. 8, 4). Орнаментация в целом не характерна для этой посуды (рис. 8, 1, 2). Наиболее часто встречаются сосуды с диаметром устья 16–22 см.

Значительная часть керамики из постройки № 1 относится к разряду столовой посуды. Это маломерные сосуды для питья и розлива жидкостей. Последние – глубокой мисообразной формы, с носиком-сливом (рис. 9, 1–6). Изготовлены из красножгущейся глины, слеплены небрежно, на скорую руку. Частью деформированы и как будто предназначены на заведомый бой (рис. 10, 1–6). В эту группу входят также небольшие красноглиняные стопки (рис. 9, 7–8; 11, 1–7). Единичным экземпляром представлен обломок дна глиняного бокала или стакана на высоком поддоне с глубоким рифлением у основания (рис. 9, 12). Встречены также несколько фрагментов мисок (рис. 9, 9–10).

Сосуды для хранения жидкостей, как правило, глазурованы и имеют носик для слива (рис. 9, 11, 14, 16). Встречен один обломок верхней части узкогорлого кувшина, целиком покрытого зеленой глазурью, с рифленным орнаментом на плечиках (рис. 9, 15).

Следует особо отметить, что ни в одной другой постройке усадьбы, ни в целом в культурном слое

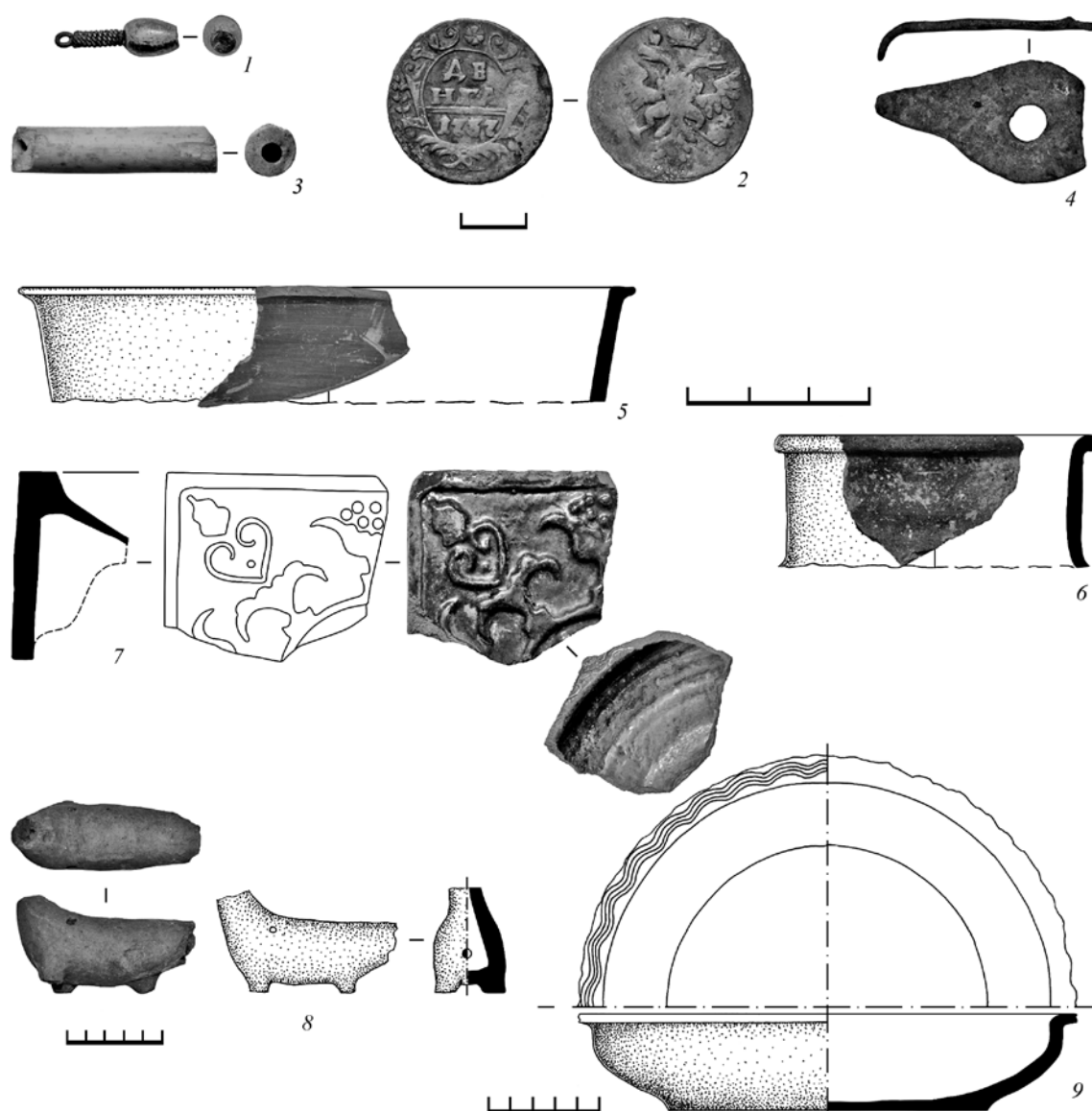

Рис. 13. Раскоп 3. 3-й строительный горизонт. Постройка № 4. Комплекс находок из заполнения постройки

3-го строительного горизонта подобной концентрации «питейной» посуды нет.

Вещевые находки, которые с большей или меньшей степенью вероятности можно связывать с этой усадьбой, невыразительны и не могут служить основанием для узкой датировки. Это изделия хозяйственно-бытового назначения, единичные ювелирные изделия и предметы личного благочестия. Так, в пределах границ контура постройки № 1 найдены: 10 железных обувных подковок, два ножа, несколько декоративных обойных гвоздиков, свинцовый грузик, железная оковка лопаты, оловянная обоймица для оконного стекла, обломки керамических курительных трубок (рис. 12, 10–11), одежная пряжка (рис. 12, 7), костяной гре-

бень (рис. 12, 13), серьга из цветного металла (рис. 12, 8), фрагмент креста-энколпиона (рис. 12, 12) и два креста-тельника (рис. 12, 5–6).

Еще менее выразительны находки из постройки № 2 – железная обувная подковка, кусок войлока и обломок пластины из цветного металла. В пределах контуров постройки № 4 найдены: фрагмент женского украшения – серьги из цветного металла со стеклянной бусиной на конце (рис. 13, 1), обломок мундштука керамической курительной трубки (рис. 13, 3), фрагмент керамической игрушки (рис. 13, 8). Обычными выглядят находки железной обувной подковки и костяной пуговицы, обломка железного ключа и полосы дверной жиковины (рис. 13, 4). Несколько

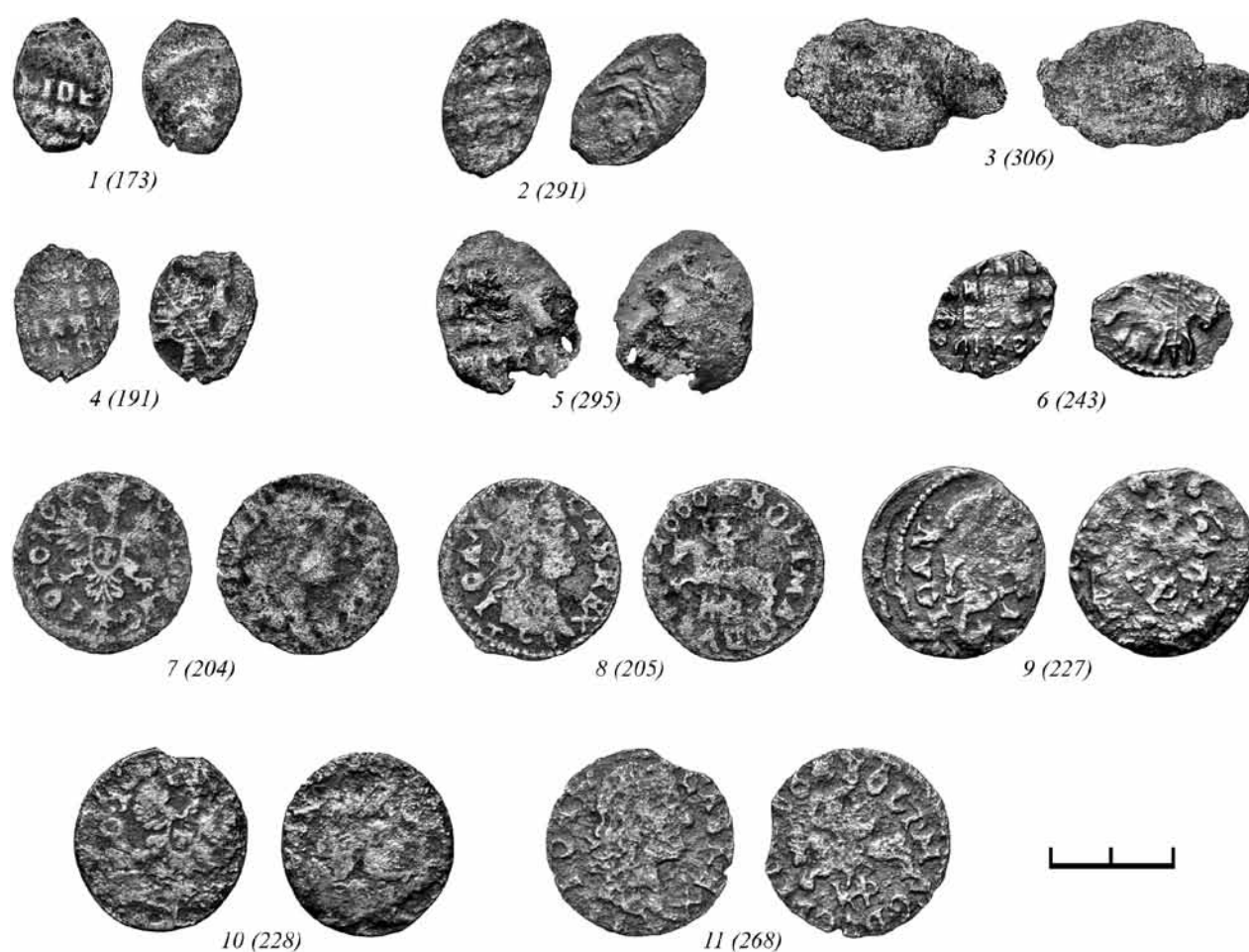

Рис. 14. Раскоп 3. Монеты из 3-го строительного горизонта (в скобках номера по полевой описи)

1 (173) – Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг.; 2 (291) – Михаил Федорович (1613–1645). Копейка, серебро. Московский денежный двор; 3 (306) – медная монета XVI–XVII вв.; 4 (191) – Алексей Михайлович (1645–1676). Медная копейка 1655–1663 гг.; 5 (295) – Борис Федорович Годунов (1598–1605). Копейка 1603 г., серебро. Московский денежный двор; 6 (243) – Федор Алексеевич (1676–1682). Копейка, серебро. Московский денежный двор; 7 (204) – Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) польский, 1664 г.; 8 (205) – Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1660 г.; 9 (227) – Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1663 г.; 10 (228) – Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1663 г.; 11 (268) – Ян II Казимир (1649–1668). Солид (шеляг) литовский 1664 г.

сапожных подковок, железный нож и деталь металлической пряжки можно связать с постройкой № 5 (дворовый навес).

Легко заметить, что до сих пор ничего не говорилось о нумизматическом материале. И дело здесь вот в чем. В культурном слое пластов 3–5, относившихся к строительному горизонту 3, найдена 21 монета Русского государства и Речи Посполитой (рис. 14, 1–11). Большая их часть имеет дату чеканки от первой трети до третьей четверти XVII в., что формально, за неимением других ярко выраженных хронологических маркеров, заставляет нас датировать в целом строительный горизонт 3 этим же временем. С другой стороны, в слое горизонта 3 присутствуют и монеты как более раннего периода, например, большое московское пуло 1533–1535 гг.

(условно – из постройки № 5), так и более позднего времени – медная российская деньга 1737 г. (рис. 13, 2) из постройки № 4. Это позволяет говорить о том, что нумизматический материал в напластованиях 3-го строительного горизонта явно перемешан. А это дает нам основание предположить, что усадьба вместе с трактиром функционировала с более раннего времени – по меньшей мере, со второй четверти XVII столетия. Упомянем и два косвенных признака в подтверждение этой гипотезы. Так, на одной из гравюр Гондиуса 1636 г. (*Борисовская*, 1992. С. 126–142) ориентировочно в месте расположения раскопа 3 (насколько, с известной степенью допущения, можно соотнести гравюру с современной позиционно-ландшафтной картиной), изображено большое, вытянутое перпендику-

Рис. 16. Заднепровье, ул. Беляева. Раскоп 1. Постройка 1. Печь в южной половине дома. Вид с юга

лярно к реке строение явно не культового назначения. В целом оно соответствует расположению открытого нами жилого строения. Вторым косвенным признаком более раннего существования усадьбы является, как уже упоминалось выше, крайне малое количество чернолощеной столовой посуды в слое 3-го строительного горизонта.

Второе питейное заведение было открыто в Заднепровье, в районе Колхозной площади, на современной улице Беляева (рис. 1). Так как материалы этих раскопок уже частично публиковались (*Пронин, Соболев*, 2015а; 2015б), то ограничимся лишь самой общей характеристикой комплекса.

В ходе раскопок 2009 г. здесь была исследована городская усадьба, состоящая из здания трактира, жилого дома трактирщика и сопутствующих хозяйственных построек (*Гусаков*, 2009).²

Здание трактира представляло собой большую наземную постройку, рубленную из сосновых бревен диаметром 25–40 см по технологии чашка с остатком. Строение попало в пределы раскопа не полностью – часть его уходила в южную стенку раскопа (рис. 15). Дом (постройка № 1) имел размеры 15×10 м,

был разделен на две половины бревенчатой перегородкой – «чистую» горницу для благородной публики и «грязную» для контингента попроще (рис. 15). Помещение отапливалось огромной (длина более 5 м при ширине 1,4 м) печью, сложенной из кирпича на глиняно-песчаном растворе (рис. 16). Основание печи покоилось на брусках толщиной 10–12 см. Печь с внешней стороны была покрыта глиняной обмазкой толщиной 4–6 см и обложена изразцами, покрытыми в основном темно-зеленой поливой и декорированными различными вариациями растительного орнамента (рис. 17). Наряду с ними, широко использовались и неглазурованные терракотовые изразцы (*Пронин, Соболев*, 2013) (рис. 18). Полы в заведении были выложены из коротких плах, с тыльной стороны которых вырубалась чаша, которая, примыкая к опорным бревнам-лагам, давала устойчивость всей конструкции пологого настила. Любопытно, что в южной половине дома полы были уложены в направлении север – юг, а в северной – запад – восток.

Поблизости от трактира, в 10–11 м к востоку от него, находился жилой дом трактирщика – постройка № 3 (рис. 15). К сожалению, в пределы

² Пользуемся случаем еще раз выразить признательность держателю открытого листа М. Г. Гусакову за предоставленную возможность использовать эти материалы.

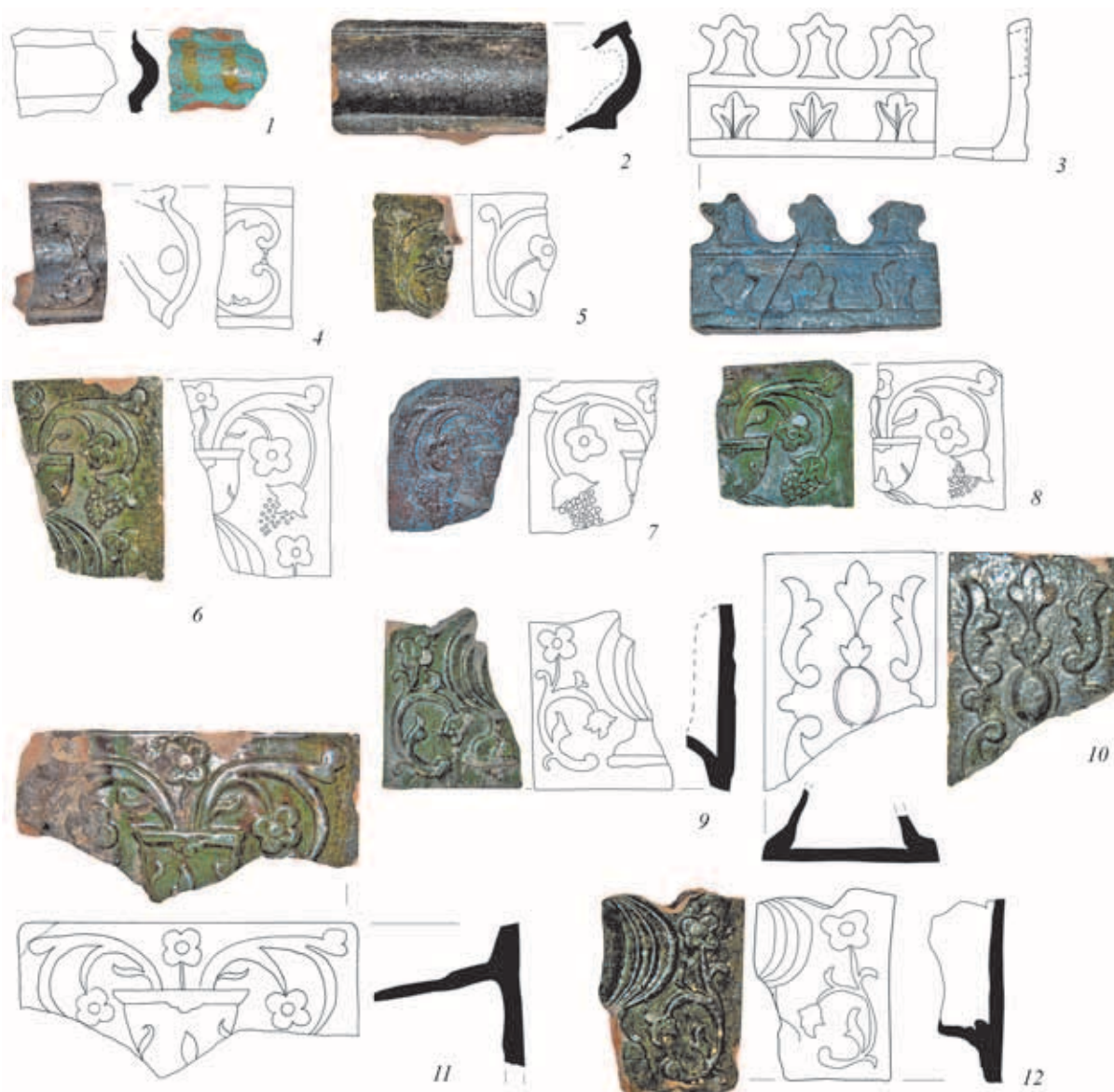

Рис. 17. Заднепровье, ул. Беляева. Раскоп 1. Постройка 1 (трактир)

1–12 – фр-ты глазурованных и расписных изразцов убранства печи

вскрытой площади он также вошел лишь частично. Строение представляло собой двухкамерный (северная и южная половины) сруб, рубленный из сосновых бревен толщиной до 30 см по технологии «чистый» или «немецкий» угол (замок). Насколько можно судить, общая площадь дома составляла не менее 90 кв. м. Помещение делилось на две части бревенчатой перегородкой (рис. 19). Полы настелены из длинных (до 7 м) плах, крепившихся на опорных бревнах-лагах с помощью вырубленной с тыльной стороны чашки. Дополнительную жесткость конструкции придавало то, что концы половых досок были врезаны в пазы на одном из нижних бревен сруба.

Так же, как и в случае с помещением трактира, полы постелены разнонаправлено: в северном помещении – запад – восток, в южном – север – юг. В ходе исследований выявлен еще ряд любопытных конструктивных деталей. В частности, дом имел двойные бревенчатые стены (рис. 20). То есть, состоял из внутреннего и внешнего срубов, между которыми присутствовала забутовка из глины. При этом бревна внутреннего сруба были тщательно ошкурены. Нижние три-четыре венцов обоих срубов были заглублены в материк. А в целях дополнительной гидроизоляции деревянной конструкции пространство фундаментного котлована с внешней стороны строения было

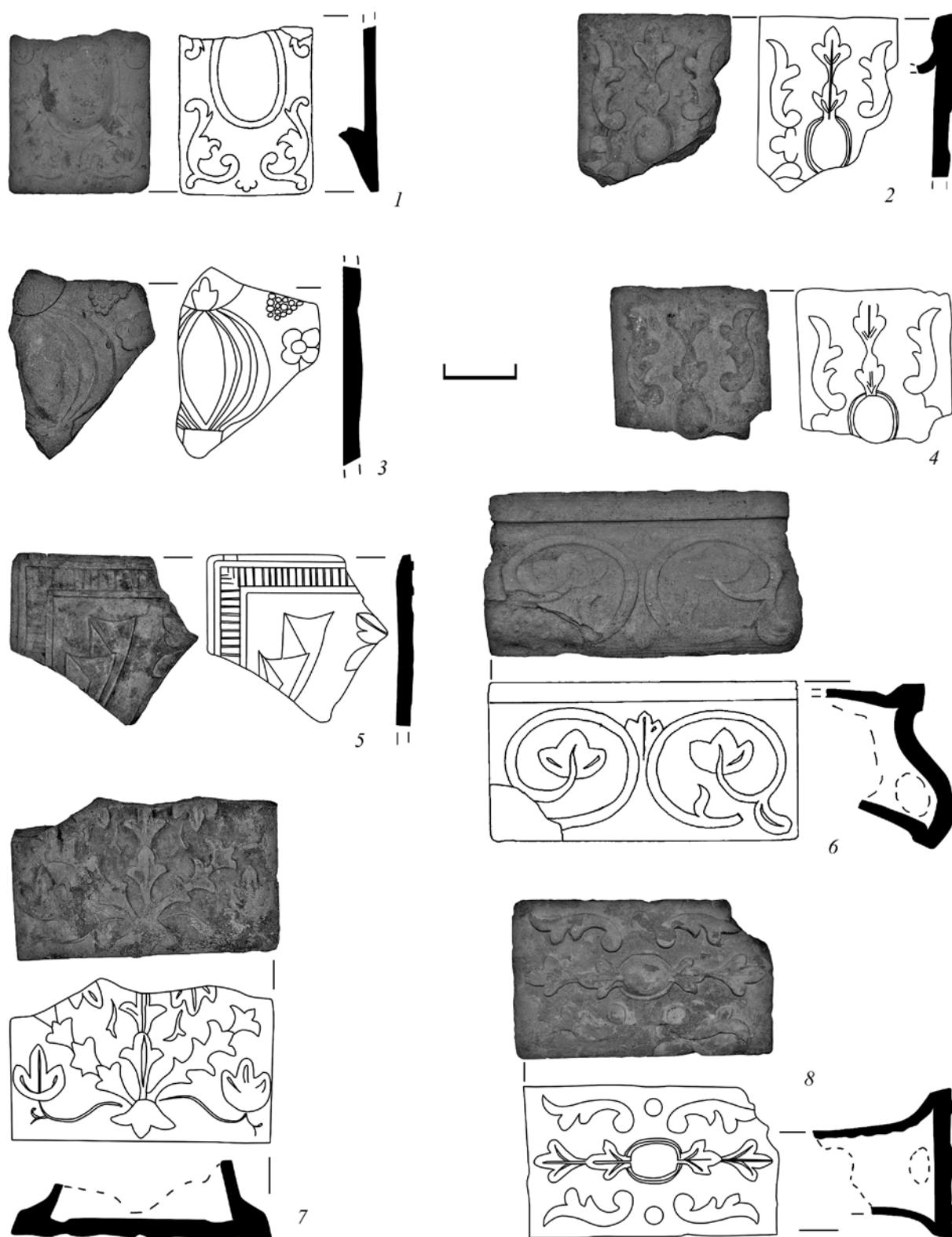

Рис. 18. Заднепровье, ул. Беяева. Раскоп 1.
Терраотовые изразцы из печного набора из здания трактира

Рис. 19. Заднепровье, ул. Беяева. Раскоп 1. Постройка 3 – жилой дом трактирщика в ходе раскопок. Вид с юга

Рис. 20. Заднепровье, ул. Беяева. Раскоп 1. Постройка 3. Двойной венец западной стенки жилого дома. Вид с юга

плотно забутовано материковой глиной (технологический прием «глиняный замок») (рис. 21). Надо отдать должное строителям – благодаря применению этих технологических приемов, деревянные конструкции хорошо сохранились.

Помещение отапливалось кирпичной печью в северо-западном углу северной половины дома. От печи сохранился развал в виде смеси обожженной глины и кирпичного боя. Печь, так же, как в трактире, была обложена изразцами. Не представляется возможным судить о том, отапливалась ли вторая половина дома. Это совсем не обязательно. И в наше время многие деревенские избы-пятистенки делятся на зимнюю и холодную (летнюю) половины.

Оба строения погибли в пожаре, предположительно, 1747 г., когда, по данным Н. А. Мурзакевича, Заднепровский посад выгорел почти полностью. Пожар этот упоминается в книге Н. А. Мурзакевича без отсылки к каким-либо архивным документам или первоисточникам. Правда, автор в преамбуле к книге обозначает свой труд как «сокращенную Смоленскую историю, взятую мною из древних летописей» (Мурзакевич, 1804. Третий титульный лист). Вполне вероятно, что автор пользовался источниками, утраченными и в период пребывания в городе армии Наполеона в 1812 г., в период немецкой оккупации Смолен-

Рис. 21. Заднепровье, ул. Беляева. Раскоп 1. Постройка 3. Глиняный замок по периметру сруба. Вид с северо-востока

ска и проч. Но все же редкие архивные документы об этом пожаре сохранились до наших дней. Так «Репорт» от главного Магистрата Смоленска подробно описывает это трагическое событие: «22 июня 1747 года Правительствующему Сенату от Главного магистрата. Репорт. Из Смоленского магистрата сего де 747 году марта против 18 числа, ночи часу в седьмом в Смоленску, в земляной крепости и за городом, за Новою крепостию учинился превеликой пожар, от которого пожара згорело в Новой крепости церковь во имя Святого Николая Чудотворца, гостиный двор и при том обывательских дворов и торговых лавок, и анбаров погорело немало, и чрез реку Днепр казенный мост згорел без остатку, тако ж и за Новою крепостию погорело обывательское строение и казенные анбары» (Дело о расследовании... Л. 753).³ Далее в документе подробно описывается, что, где и у кого погорело, какие потери были понесены купцами и торговцами, а также какие меры долженствует предпринять для возмещения в какой-то мере понесенного ущерба. И, любопытнейшая деталь – приводится название сгоревшего в Заднепровье кабака: «...весь Днепровской мост и несколько купеческих дворов да за Новою крепостию анбары, где была казенная соль, кабак, на-

зываемой Бабушкин, с ледником, и купеческие дворы, богадельня...» (Дело о расследовании... Л. 754). Причину возникновения пожара установить не удалось. По свидетельствам очевидцев, пожар начался «...от лавки», но чьей – неизвестно. Хотя: «...можайской купец Афонасей Анохин да поверенной Михайла Михайлов признают, что не от небрежения смоленских мешанок, ибо они во время своего торгу для тепла держали в своих лавках с жаром горшки, а более не признают» (Дело о расследовании... Л. 755).

Наряду с упомянутыми в пределах вскрытой раскопом площади (500 кв. м) были выявлены и другие конструкции, сооружения и хозяйственные ямы, возможно, относящиеся к этой же усадьбе. Но достоверно это утверждать нельзя.

Комплекс находок в пределах усадьбы (прежде всего в постройке № 1) позволяет утверждать, что мы имеем дело с общественным заведением (корчма, трактир). Здесь найдено большое количество специфической посуды, предназначенной для хранения, розлива и питья – осколки стеклянных бутылок, штофов, бокалов, стопок (рис. 22, 1–9; 23, 1–8). В изобилии, для такой небольшой площади, встречены обломки характерных керамических сосудов – маломерных кувшинчиков

³ Особая благодарность авторов за проделанную огромную работу с архивными материалами И. С. Юденичу.

Рис. 22. Заднепровье, ул. Беяева. Раскоп 1. Постройка 1. Стекланные бутылки, штофы, бокалы и кружки из помещения трактира

с носиком-сливом, фрагменты керамических чайников и рукомоев⁴ (рис. 24, 1–9).

Помимо этого, значимым признаком публичного назначения открытого комплекса, является наличие большого количества лощеной посуды. Достаточно сказать, что если в целом по городу ее присутствие колеблется в пределах 2–4%, то в ке-

рамической коллекции питейного заведения она составляет 15–20% от общего количества керамики. Что не удивительно, так как парадная чернolощеная посуда использовалась либо для хранения больших объемов жидких продуктов (вино, пиво и т. д.), либо – в маломерном варианте – как столовая посуда.

⁴ Коллекция керамики (без фрагментов изразцов и индивидуальных керамических изделий) насчитывает более 3500 единиц. Более половины этого количества происходит из здания трактира и дома трактирщика, и нескольких ям хозяйственного назначения вблизи них.

Рис. 23. Заднепровье, ул. Беляева. Раскоп 1. Постройка 1. Стекланные стопки для питья горячительных напитков

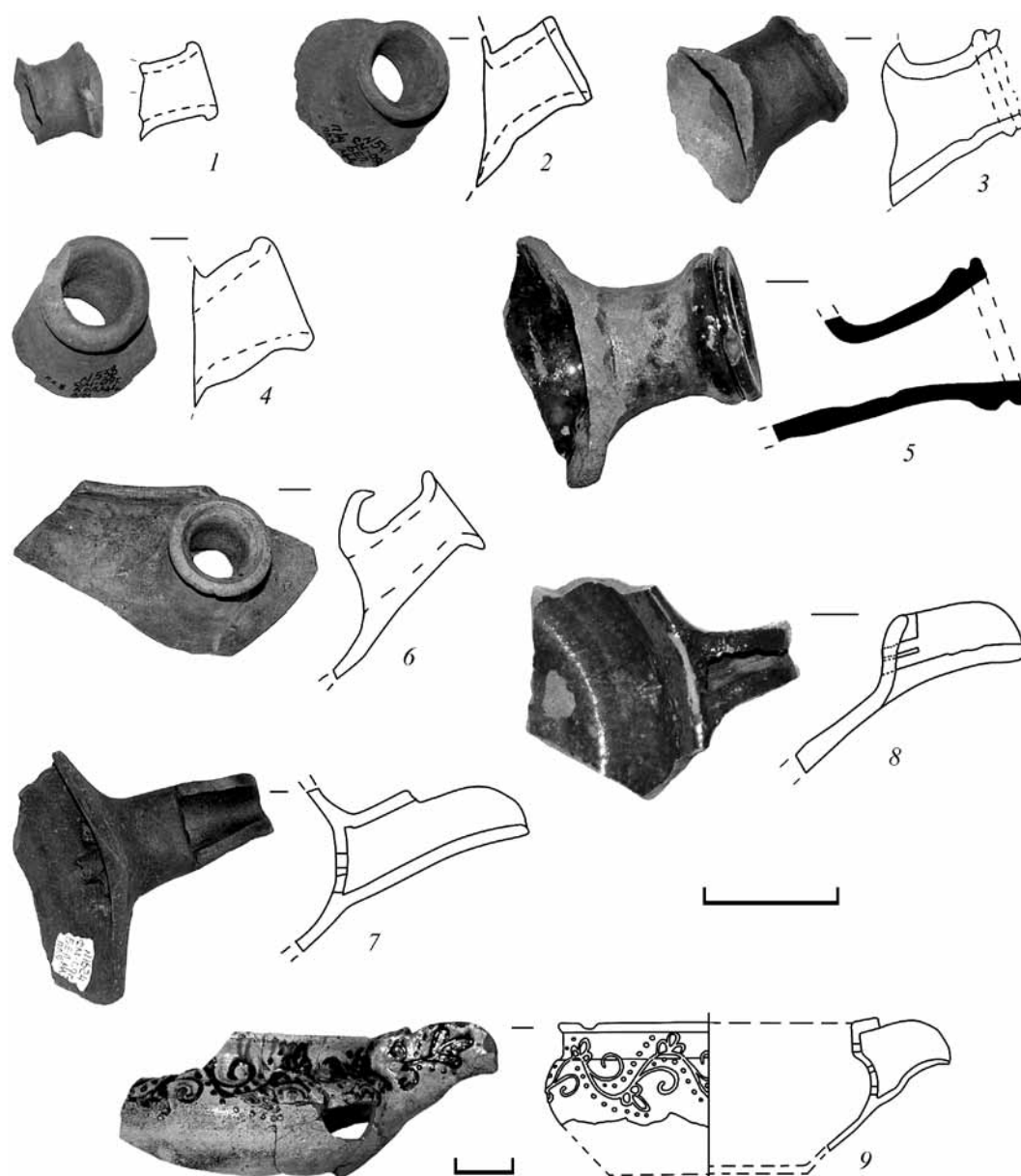

Рис. 24. Заднепровье, ул. Беляева. Раскоп 1. Постройка 1. Фр-ты неполивных, глазурованных и расписных чайников и рукомоев из здания трактира

Об общественном назначении объекта свидетельствует также обилие найденных на уровне пола постройки № 1 монет – полушек, денег, копеек с датами чеканки преимущественно 20–40-х годов XVIII в. (рис. 25; 26). Отметим, что наряду с монетами первой половины – третьей четверти XVIII в., в нумизматической коллекции с раскопа устойчиво представлены и более ранние материалы – монеты

второй половины – конца XVI – XVII в. Это свидетельствует о том, что питейное заведение функционировало здесь достаточно долгое время, – как минимум, со второй половины – конца XVII в.⁵ (Гусakov, 2009). Не противоречит предложенной интерпретации комплекса и остальной инвентарь – обломки курительных трубок, мелкая глиняная пластика, предметы хозяйственно-бытового назначе-

⁵ Еще одну часть нумизматической коллекции составляют медные пулы с датой чеканки от второй половины XV по XVI в. Мы не останавливаемся на детальном рассмотрении этой части коллекции, поскольку это выходит за рамки тематики данной статьи.

Рис. 25. Заднепровье, ул. Беляева. Раскоп 1. Монеты медные (денга) 1-й тр. – сер. XVIII в. (в скобках номера по полевой описи)

Рис. 26. Заднепровье, ул. Беляева. Раскоп 1. Монеты медные «полушки» 1-й четв. – сер. XVIII в. (в скобках номера полевой описи)

ния и личного благочестия (кресты-тельники), сравнительно небольшое количество ювелирных изделий и т. д. (Пронин, Соболев, 2015а; 2015б).

Таким образом, исследования в Заднепровье (совр. ул. Беляева) и на территории Пятницкого конца Смоленска (раскоп 3 на ул. Студенческая), впервые за всю историю археологических раскопок в городе позволили наглядно подтвер-

дить данные архивных источников о существовании общественных питейных заведений в XVII и XVIII вв. При этом, если заведение XVII в. на левобережье, в Пятницком конце, по набору инвентаря выглядит сравнительно скромно – что-то вроде «рюмочной» наших дней, то трактир в Заднепровье – куда более солидное предприятие общественного назначения.

Литература

Гусаков М. Г., 2009. Отчет о выполнении работ по теме: «Археологические работы (раскопки) на земельном участке предполагаемого строительства предприятия общественного питания быстрого обслуживания «Макдональдс» по адресу: г. Смоленск, ул. Беляева в 2009 г. » / Архив ИА РАН. Р-1. № 37608.

Борисовская Н., 1992. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. М.: Галактика. 270 с.

Дело о расследовании причин пожара в г. Смоленске / РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 677.

Мурзакевич А. Н., 1804. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Кн. 5. Смоленск. 86 с.

Писарев С. П., 1898. Памятная книга г. Смоленска. Указатель и путеводитель. Историко-со-

временный очерк. Смоленск: Книжн. магазин С. А. Клестова. 202 с.

Пронин Г. Н., 2014. Отчет о выполнении работ по теме: «Проведение научно-исследовательских спасательных археологических работ в ходе реконструкции набережной р. Днепр в г. Смоленске» / Архив ИА РАН. Р-1. № 41853–41858.

Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2013. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск: Свиток. 239 с.

Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2015а. Спасательная археология Смоленска: открытия и проблемы // Край Смоленский. № 1. С. 3–13. Смоленск.

Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2015б. Спасательная археология Смоленска: открытия и проблемы // Край Смоленский. № 2. С. 14. Смоленск.

G. N. Pronin & Yu. N. Shorin

Tavern locations in Smolensk, from the 17th and early 18th centuries (based on archaeological evidence)

Summary

This study presents the results of excavations by the Smolensk expedition team of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences over 2011 and 2012, studying the remains of taverns (inns)

during the 17th and 18th centuries. The archaeological interpretations are confirmed by evidence in written sources of the existence of public taverns at the locations of the excavations.

С. И. Андреев

Тамбовский государственный университет, Тамбов

Двор крестьян Цнинского Троицкого монастыря в начале XVIII века

Начальные страницы истории Цнинского Троицкого монастыря, не очень долго существовавшего, но успевшего оказать культурное влияние на округу, относятся к концу XVI в. В 1615 г. первыми писцами Верхоценской волости на берегу реки Цны, близ речки Пишляйки, была найдена новая Троицкая пустынь, в которой их встретил игумен Нифонт, показавший хозяйство. Только что возникший монастырь имел благоустройство, какого не было во многих обителях XVII в. На деревянной колокольне над его воротами висели 6 колоколов, один из которых, благовестный, являлся вкладом стольника и воеводы Р. Ф. Боборыкина, руководившего в 1636 г. строительством Тамбовской крепости в 40 км южнее обители. В монастыре царские посланники-писцы увидели две хорошо выстроенные и оформленные церкви – Троицкую и Благовещенскую, многие иконы которых украшали серебряные ризы и венцы. В храмах использовалась оловянная утварь, медные кадила, а в ризницах хранилась богослужебная одежда из дорогих тканей и собрание книг. На территории монастыря находились 10 просторных келий, надворные службы и амбары с закромами, полными хлеба. В обители проживали 5 иеромонахов, 15 монахов и послушники (ГАТО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 303. Л. 4).

Впоследствии монастырю принадлежали деревни Гулынки, Поганка и Поповка. В 1666 г. стольник и тамбовский воевода И. С. Хитрово, составивший переписные книги, насчитал в тех деревнях, вместе с Троицкой Слободкой, 197 жилых дворов с 655 работниками. В их числе были 10 дворов новокрещеных из мордвы, просветившихся христианским учением в 1653–1654 гг. Их приписали к монастырю и поселили в деревне Городище.

Благодаря тому, что Троицкий монастырь был окружен поселениями служилых казаков и нахо-

дился в лесу, в стороне от основных дорог, по которым ходили кочевые народы, то избегал разрушительных вторжений вплоть до 1670 г., когда во время Разинского бунта были сожжены все его постройки. Цнинские монахи остались верными царской власти, поэтому многие погибли. Тогда пострадали и монастырские селения, так что число их обитателей уменьшилось на треть, а количество жилых дворов наполовину. Из всех церковных построек уцелел лишь слободской Троицкий храм.

Чтобы восстановить монастырь, жалованной грамотой царя Алексея Михайловича его земельная собственность, крестьяне и угодья были приписаны к Московскому Чудову монастырю, отстроившему цнинскую обитель заново.

В 1682 г. была учреждена Тамбовская епархия и Троицкий монастырь со всеми владениями, как и Мамонтова Никольская пустынь, приписанная к Саввино-Сторожевскому монастырю, царским указом были переданы в управление местному владыке. Однако второй по времени епископ, святитель Питирим Тамбовский, отказался от этих обителей, которые должны были составить экономическую основу епархии. Он начал строить новую Трегуляевскую Иоанно-Предтеченскую пустынь, а также добился присоединения к епархии нескольких других монастырей, а Цнинский сохранил свою связь со столичным Чудовым.

Таким образом, Цнинский Троицкий монастырь, выйдя из подчинения Тамбовской епархии, оказался в стороне от ее истории. Во время церковной реформы 1764 г. он был упразднен, а его храм получил статус приходского для села Троицкая Дубрава.

Крестьянский двор расположен в 0,6 км к юго-востоку от южной окраины села Троицкая Дубрава Тамбовского района Тамбовской области,

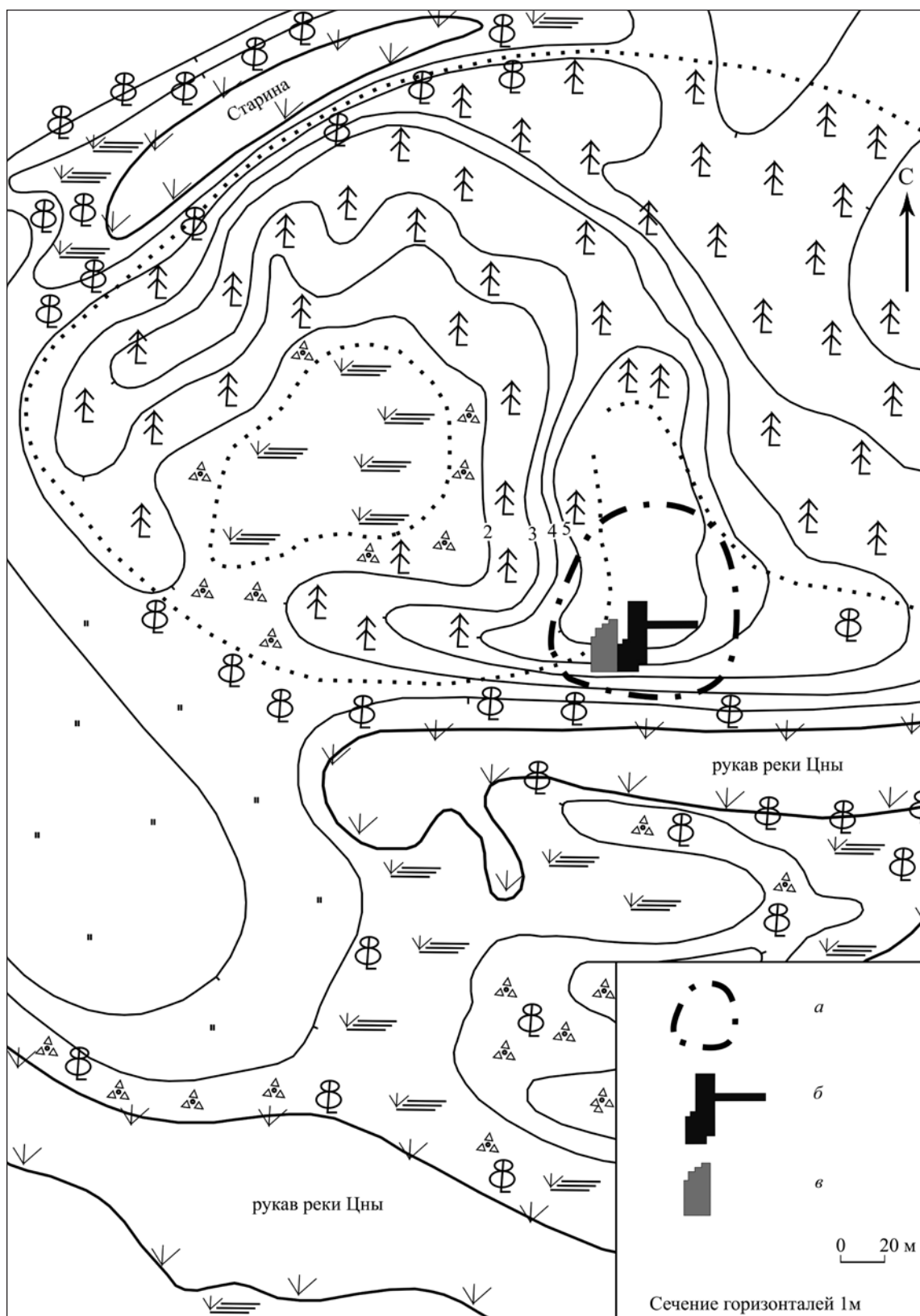

Рис. 2. Раскопы на топоплане поселения Коровий Брод. Съемка 2013 г. С. И. Андреева
 а – граница поселения; б – раскоп 2004 г.; в – раскоп 2013 г.

Рис. 3. Поселение Коровий Брод. Общий вид основания печи и подпольной ямы на уровне материка

обугленных плашек. При зачистке второго слоя, были выявлены новые конструктивные особенности постройки. В частности, выявлены опорные столбы, соединенные между собой плашками, которые сохранились в виде истлевших и частично обугленных фрагментов дерева, а также выявлена подпольная яма. При зачистке по материк было установлено, что постройка являлась наземной, в материк углублены только опорные столбы, а также подпольная яма. Постройка была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Однако ее точные размеры установить не удалось. Культурный слой представлял собой сильно гумусированную супесь с включениями углей и фрагментов обожженной глины. Диаметр столбовых ям варьирует от 0,2 до 0,45 м, глубина в материке – от 0,05 до 0,3 м. При расчистке ямы 6 обнаружены обугленные остатки столба и углубленного в землю деревянного предмета, возможно бочки.

Подпольная яма имела округлую форму, с небольшим сужением ко дну. Диаметр по верху 1,5×1,25 м, по дну – 1,2×1,2 м. Глубина в материке около 0,56 м. В средней части выявлены прослой-

ки древесных углей и древесного тлена, возможно, от перекрытия ямы. Дно ее плоское, было выложено в два слоя березовой корой. Береста хорошо сохранилась. Видимо, эта яма предназначалась для хранения продуктов, т.к. кора березы отпугивает грызунов (Андреев, 2011. С. 222–232).

В 2013 г. исследования были продолжены. Общая вскрытая площадь памятника в этом году составила 254 кв. м (Андреев, 2013).

Центральным объектом раскопа 2013 г. является постройка 1 (яма 7). Яма имеет неправильную форму с закругленными углами. Наиболее углублена в материк центральная часть ямы. Она состоит из пяти частей, включавших основную подпольную яму (рис. 3), расширенную подпольную яму, отопительное сооружение (печь) с окопкой по периметру, примыкавшую с южной стороны небольшую яму и канавку неправильной формы.

Основой жилой постройки является подпольная яма подквадратной формы, размером 3×2,8 м, с максимальной глубиной в материке 1,17 м (рис. 4). Стенки ямы были укреплены бревнами диаметром около 0,15 м и закреплены по углам и серединам

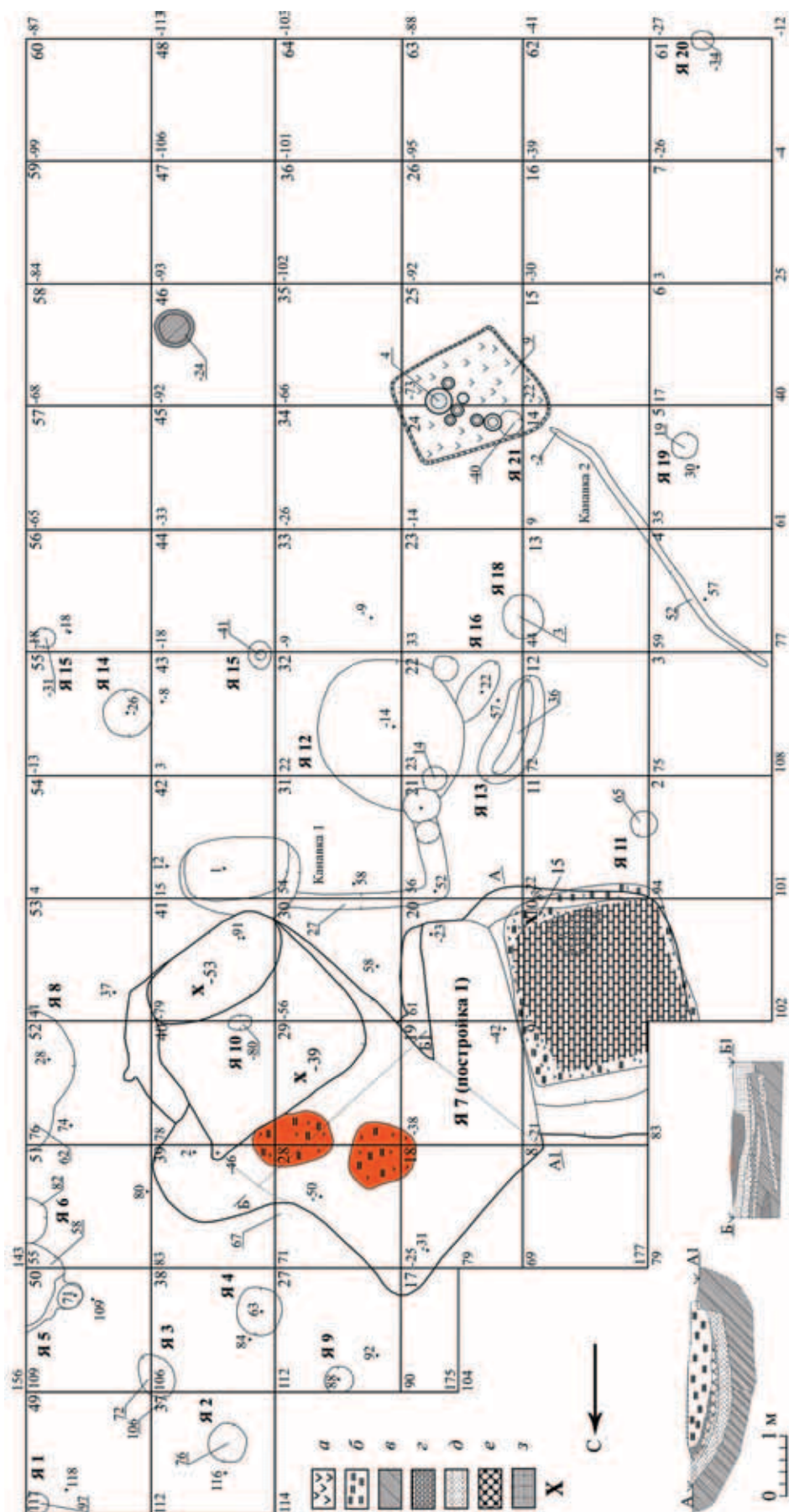

Рис. 4. Поселение Коровий Брод. План раскопа 2013 г. и профили ямы 7

а – уголь; б – обожженная глина; в – гумус; г – кирпичная кладка; д – древесный тлен; е – перемешанный слой; ж – сулесь; з – местонахождение монет

Рис. 5. Поселение Коровий Брод. Скопления керамики *in situ*

колами. При расчистке ямы были выявлены упавшие в нее лаги пола в виде полусгнивших бревен диаметром около 0,2 м. Пол был обмазан глиной. Позже эта яма была расширена в юго-восточном направлении (рис. 3), но уже без крепления стен. Общая длина ямы составляет 6,4 м и ширина 3,4 м. Максимальная глубина от репера –91 см, глубина ямы в материке составляет 1,45 м. Посреди пристроенной части находился столб (яма 10). С северо-восточной стороны было сооружено углубление в виде ступеньки, шириной до 2 м, длиной до 1,1 м (рис. 4).

С западной стороны к подполу примыкает яма, возникшая при рытье котлована и строительстве печи, ее размеры 4,2×1,4 м, глубина в материке 1,28 м.

Заполнение ямы представляет собой насыщенную гумусированную супесь с прослойками песка, включениями золы, угольков, костей животных, фрагментов керамики. Нижняя часть представляет особо насыщенный гумус маслянистого цвета.

С южной стороны постройки примыкает канавка, которая имеет неправильную форму в виде буквы «Г» с закругленными углами (рис. 4). Ее размеры: длина по верху – 4 м, ширина до 0,25 м, глубина в материке до 0,3 м. Стенки покатые, дно закругленное, заполнение аналогично выше распо-

ложенному культурному слою в виде гумусированной супеси. Находок не обнаружено. Назначение канавки неясно.

Южнее постройки 1, в кв. 4, 14, выявлена канавка 2 (рис. 4). Длина по верху до 5,4 м, ширина до 0,2 м, глубина в материке до 0,07 м.

При расчистке скоплений угольков в кв. 14, 15, 24, 25, 35 были выявлены семь целых гончарных сосудов, находившихся, по всей видимости, в небольшом деревянном сооружении – внешней кладовой? (рис. 5). Эти сосуды, судя по всему,

Рис. 6. Поселение Коровий Брод. Железный топор из ямы 7

Рис. 7. Поселение Коровий Брод. Находки из ямы 7

1–2 – ножи; 3–4 – светцы; 5–8 – гвозди; 9 – конские удила; 10 – игрушка-свистулька; 11 – наконечник пояса; 12 – пуговицы; 13 – фр-т нательного креста; 14–15 – монеты; 16 – вставка перстня; 17 – щитковый перстень. 1–9 – железо; 10 – глина; 11–15, 17 – медный сплав; 16 – стекло

оказались погребены пожаром. Самый крупный горшок был накрыт деревянной крышкой (часть ее обуглилась и упала внутрь сосуда). Сооружение немного углублено в материк. Его размеры примерно 1,5–2,3 м. Дно было выстлано сгоревшей органикой, возможно, щепой. Внутри нее находилась яма № 21, округлой формы, диаметром 0,4 м по краю, глубиной в материке 0,14 м – возможно, от столба, или, что вероятнее, от сосуда,

стоявшего здесь ранее. Восточнее, в кв. 46 выявлено круглое пятно древесного тлена диаметром 0,7 м, ширина слоя тлена до 0,08 м. Внутри кольца слежен слой насыщенного гумуса. Можно предположить, что это остатки вкопанной деревянной бочки.

При разборе основания печи была установлена ее стратиграфия (рис. 4). На материке, максимальная глубина которого от репера составля-

Рис. 8. Поселение Коровий Брод. Находки из пласта 3 (1–8) и основания печи (9–14)

1 – звено конских удили; 2 – обломок нательного креста; 3 – перстень со стеклянной вставкой; 4 – звено очажной цепи; 5 – катушка для ниток; 6 – пробой; 7, 8 – пряслица; 9 – фр-т навесного замка; 10 – подковка сапога; 11 – фр-т лезвийной части топора; 12 – плотницкий гвоздь; 13 – полушка 1735 г.; 14 – щитковый перстень. 1, 4, 6, 9–12 – железо; 2, 3, 12, 13 – медный сплав; 5 – кость; 7, 8 – глина

ет -46 см, а от уровня материка 1,15 м, был уложен грунт, предположительно из поднятого культурного слоя толщиной до 0,4 м, на него были уложены деревянные плахи, общая толщина которых до 0,25 м, далее шел слой глины, толщиной до 0,1 м. Поверх этого слоя зафиксировано основание печи, состоявшее из обожженной глины и обломков битого кирпича, толщиной до 0,5 м, на который укладывались кирпичи самой печи. От кирпичей остались только аморфные отпечатки на основании и небольшие фрагменты, размеры целых кирпичей по ним установить было невозможно. Тело самой печи, по всей видимости, было тщательно разобрано после пожара. При зачистке основания было выявлено скопление угольков в южной части в форме полуовала. Это скопление по-

вторяет форму устья печи, которое, по всей видимости, здесь и располагалось.

В заполнении ямы 7 и теле основания печи найдены 25 индивидуальных находок (рис. 6; 7). Это бытовые предметы из разных материалов. Выделим выявленный в заполнении ямы 7 железный плотницкий топор утяжеленной формы (рис. 6). Топоры этого типа появились в Новгороде в слоях XV в., наибольшее распространение получили в XVII в. (Никитин, 1971. С. 38). Важны также полушка 1734 г. с пробитым отверстием (рис. 7, 14) и полушка с нечитаемым годом, относившаяся к типу, бытовавшему с 1717 по 1723 гг. (рис. 7, 15).

В толще основания печи были найдены следующие предметы: обломок подвесного замка (рис. 8, 9); сапожная подковка (рис. 8, 10); обломок

Рис. 9. Поселение Коровий Брод. Круговая керамика из ямы 7

лезвийной части топора (рис. 8, 11); плотницкий гвоздь (рис. 8, 12); полушка 1735 г. (рис. 7, 13), обломок щиткового перстня с зооморфным орнаментом (рис. 8, 14).

Кроме того, найдены 123 венчика, 59 обломков днищ, 697 стенок гончарных русских сосудов (рис. 9–11). Глина сосудов жирная, обжиг ровный, в качестве отощителя в тесто добавлен мелкий

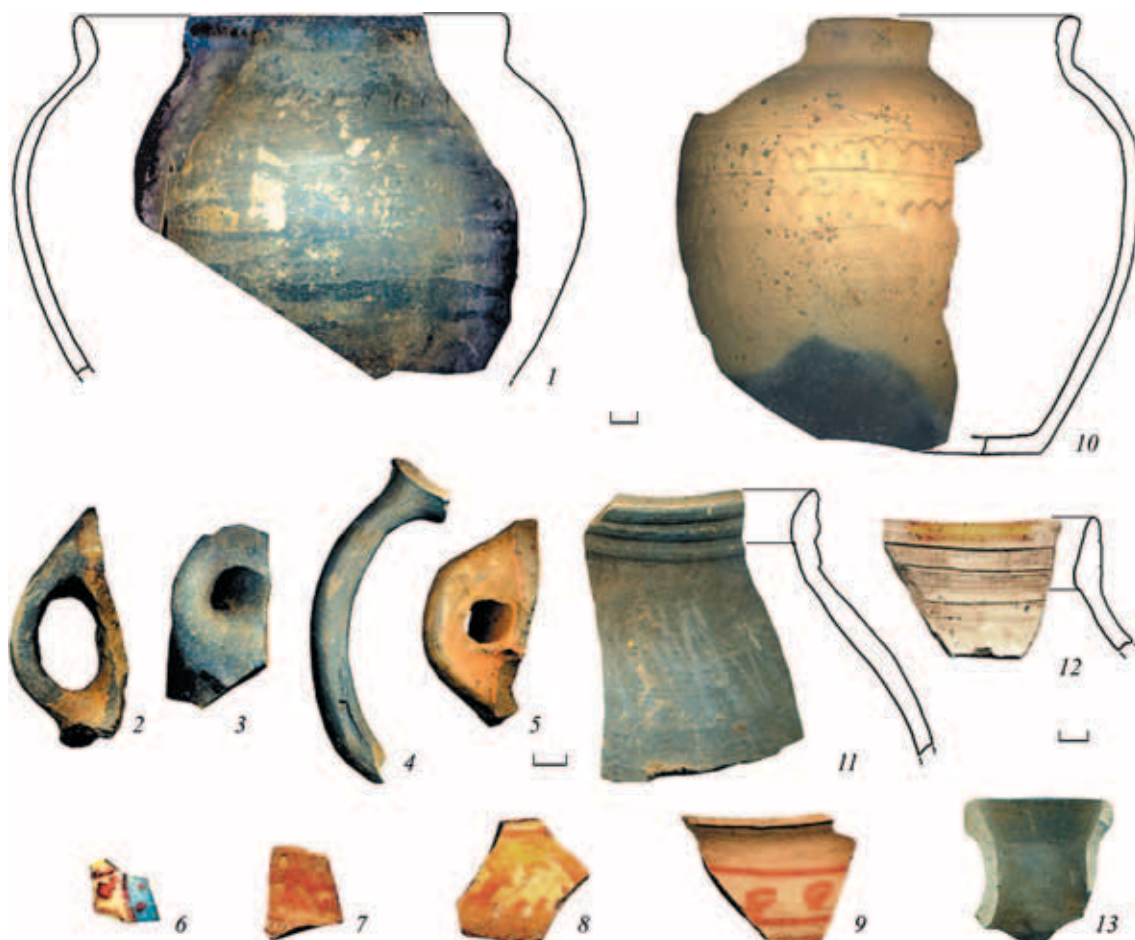

Рис. 10. Поселение Коровий Брод. Круговая керамика из слоя

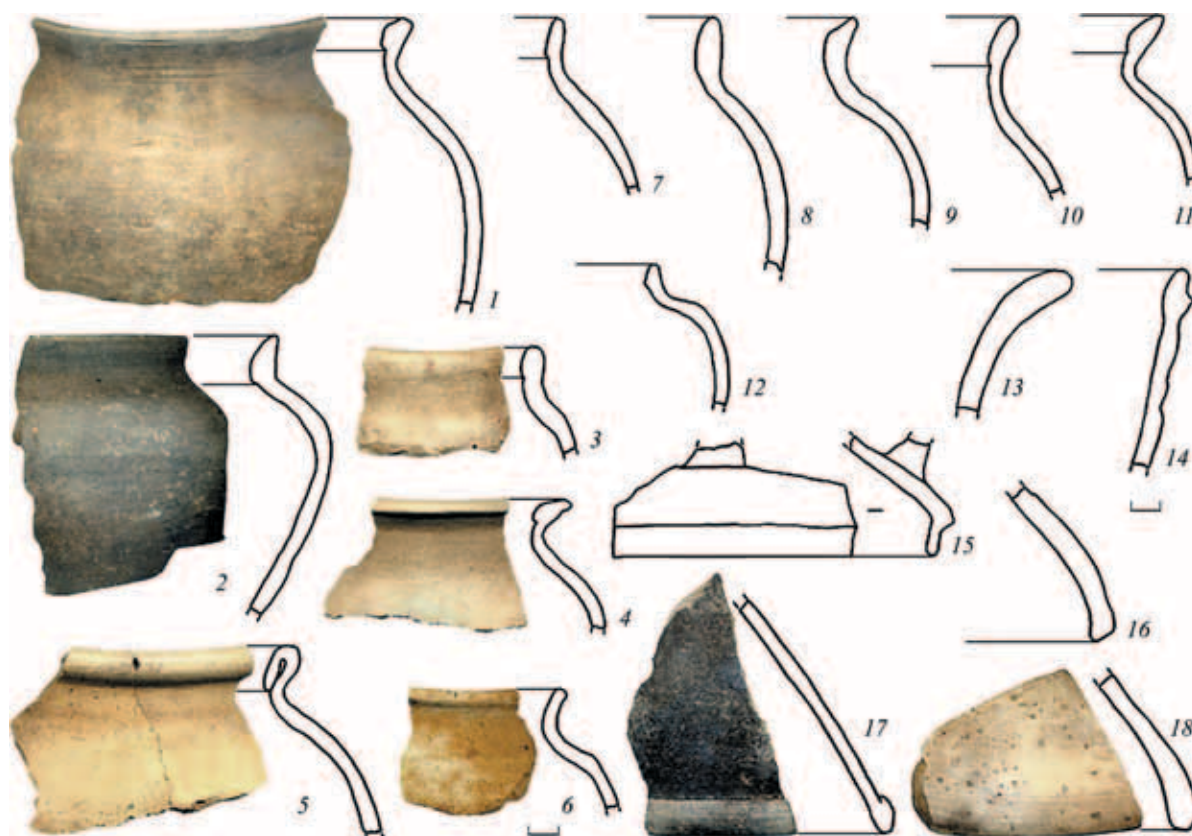

Рис. 11. Поселение Коровий Брод. Круговая керамика из слоя

шамот. Посуда как чернолощенная и мореная, так и сделанная из красножгущихся глин без лощения с серым и черным цветом поверхности, а также белоглиняная. У значительной части посуды, обожженной в восстановительной среде, поверхность дополнительно обрабатывалась лощением (так называемая серо- и чернолощенная керамика). Преобладает лощение полосами. Сосуды в редких случаях украшены волнистым многорядным, чаще – линейным орнаментом. Белоглиняные сосуды имеют линейный орнамент по венчику. В заполнении найдены также 39 фрагментов костей животных, 19 кусков глиняной обмазки.

В слое раскопа найдены разнообразные предметы (рис. 8; 12; 13). Выделим следующие: обломок нательного биллонового креста (рис. 12, 4), причем тип этого креста довольно редкий и встречается практически только на Тамбовщине. Серебряная серьга-двойчатка, украшенная металлическими шариками и двумя разноцветными стеклянными бусинами синего и розового цвета (рис. 12, 11). По классификации Н.В. Жилиной (2018. С. 282) эта серьга относится к отделу 1а тип 1, подотдел 1г группа 2, появляется в начале XVII в. Две стеклянные бусины, одна из которых из синего стекла (рис. 13,

6), другая – из прозрачного белого стекла, с шишечками (рис. 13, 7). Судя по всему, эта бусина от серьги-двойчатки отдел 1а тип 3, подотдел 2б (Жилина, 2018. С. 286), бытует в первой трети XVII в. Интересна пястная кость свиньи с просверленным отверстием (рис. 8, 5), поскольку в отношении подобных предметов нет единого мнения: они могли служить как детской игрушкой (брунчалкой), так и применяться как «катушка» для ниток (Судаков, 1996. С. 168). Кроме того, найдены две проволочные серебряные копейки, идентифицировать которые не удалось из-за практически стертых легенд.

Всего в слое раскопа на территории предполагаемой усадьбы найдено 9511 фрагментов гончарной керамики, в том числе целые формы. Это 6 горшков и 1 кувшин. Два горшка серолощенные, с диаметрами венчиков 25 и 21 см (рис. 14, 1, 2). Венчики украшены горизонтальными линиями, на тулове – пояса вдавлений (гребенчатого штампа на одном и ямчатые на втором) и линейный орнамент. Судя по высокому качеству, эти сосуды не местного происхождения. 4 других горшка небольшие по объему, кухонные, со следами нагара, украшены горизонтальными линиями, один (рис. 15, 1) имел ручку (утрачена в древности).

Рис. 12. Поселение Коровий Брод. Находки из пласта 1

1, 3 – обломки ножей; 2, 4, 15 – нательные кресты; 5 – накладка рукояти ножа; 6 – шило; 7 – пуговица; 8, 13, 16 – пряслица; 9 – обломок браслета; 10 – фр-т свистульки; 11 – серьга; 12 – подпружинная пряжка; 14 – обломок грузила. 1, 3, 6, 12 – железо; 2, 4, 7, 9, 15 – медный сплав; 11 – серебро; 5 – кость; 8, 10, 13, 14, 16 – глина

Кувшин серолощенный, украшен нарезными горизонтальными линиями, а по горлу – рельефным валиком с наклонными отпечатками гребчатого штампа (рис. 15, 3). Днища всех сосудов простые, без следов среза, заглаженные.

В целом, гончарная керамика из слоя грубая, в тесто добавлен песок, в некоторых случаях шмот. В основном керамика изготовлена из беложущихся глин, без лощения, обожжена в окислительном режиме, со следами бытового морения (рис. 10, 10). Такой керамики около 80%, остальная керамика – черно-коричневая, в редких случаях коричневого и серо-коричневого цвета, посуды красного цвета практически нет. Сосуды очень бедно орнаментированы, только в двенадцати случаях имеется орнамент по верху сосуда и венчикам

в виде «волны» (рис. 10, 10), или подреугольных вдавлений (рис. 9, 3–4). Примерно 30% венчиков белоглиняных горшков орнаментировано по шейке тонкими прочерченными линиями (рис. 9, 2, 7; 10, 12). Посуды красного цвета практически нет.

Днища встречены как срезанные с круга, так и формовавшиеся на песчаной подсыпке и золе.

Найдено 48 фрагментов крышек горшков (рис. 11, 15–18), из них только в двух случаях они орнаментированы радиально прочерченными линиями.

Особняком стоит черно- и серолощенная посуда (восстановительный обжиг). Если вся остальная керамика в подавляющем большинстве является фрагментами горшков, т.е. относится к кухонной посуде (это подтверждается преобладанием посуды с нагаром), то лощеная относится к категории

Рис. 13. Поселение Коровий Брод. Находки из пласта 2

1 – обломок грузила от сетей; 2 – пряслице; 3 – обломок точильного бруска; 4 – бурав; 5, 14 – гвозди; 6, 7 – бусы; 8 – нательные кресты; 9–11 – крепежные кольца; 12 – звено конских удили; 13 – ушко от ведра. 4, 5, 9–14 – железо; 8 – серебро; 6, 7 – стекло; 1, 2 – глина; 3 – камень

столовой. Это 4 фляги (рис. 10, 13), кувшины с петельками для подвешивания (рис. 10, 1, 2, 5), таких петелек найдено 14, кувшины с ручками – 30 фрагментов кувшинов и 4 ручки (рис. 10, 4), а также миски. Днища в трех случаях формовались на песчаной подсыпке. Лощеная керамика хорошо обожжена, в тесте заметен очень мелкий песок, на изломе черепок белый. Судя по всему, это керамика не местного изготовления.

Кроме того, встречен единичный фрагмент фаянсовой расписной чашки (рис. 10, 6), обломки сосудов, покрытых глазурью (рис. 10, 7–8), и венчик

белоглиняного горшочка с росписью красной краской (рис. 10, 9).

Таким образом, судя по найденным материалам, вся центральная и северная часть раскопа (ямы с 1 по 18) представляют собой остатки центрального дома крестьянской усадьбы, функционировавшей, судя по монетам и некоторым предметам, с начала по середину XVIII в. (возможно с конца XVII в.). После произошедшего пожара ямы были засыпаны, печь разобрана, а усадьба была заброшена. Возможно, это связано с Манифестом о секуляризации монастырских земель. Этот

Рис. 14. Поселение Коровий Брод. Сосуды из скопления

Рис. 15. Поселение Коровий Брод. Сосуды из скопления

документ был принят Екатериной II в ходе реформы 1764 г. Целью реформы была секуляризация монастырских земель в пользу государства. Подписан он был 26 февраля (8 марта) 1764 г. и опубликован 29 (11 марта) 1764 г. Манифест объявил

об изъятии земель и крепостных крестьян из монастырской собственности и передаче их в государственную казну. По этому Манифесту был ликвидирован Троицкий Цнинский монастырь, бывший хозяин этих земель.

Литература

Андреев С. И., 2004. Отчет об охранных работах археологической экспедиции ГУ Инспекция охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2004 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 31054.

Андреев С. И., 2011. Позднесредневековая постройка поселения Коровий Брод // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. Воронеж. С. 222–232.

Андреев С. И., 2013. Отчет о раскопках поселения Коровий брод у с. Дубрава Тамбовского рай-

она Тамбовской области в 2013 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 37874.

Жилина Н. В., 2018. Серьги в уборе Московской Руси // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 278–306.

Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука. 84 с. (САИ. Вып. Е1-34).

Судаков В. В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области. С. 159–186.

S. I. Andreyev

The Peasant's Courtyard at the Tsninsky Trinity Monastery, in the early 18th century

Summary

This paper presents the materials found during excavations at a site from the early 18th century, including an interesting set of completely-preserved vessels, a cellar, and the foundations of a brick-built furnace,

which could be dated with the aid of coins. A specification is given for the extensive ceramic materials. The courtyard may have been abandoned as the result of the secularisation of church lands.

В. Э. Демидов*, С. В. Губин**

* *МООО Центр прикладной и экспериментальной археологии, г. Пушкино*

** *Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пушкино*

О происхождении «волчьих ям» у села Подмоклово Серпуховского района

Впервые о находке в лесу возле с. Подмоклово на правом берегу Оки «волчьих ям» со следами обжига железной руды сообщил в 1854 г. горный инженер Г. Д. Романовский (1854. С. 337). В 1957 г. разведка этих ям была проведена А. В. Успенской (1959. С. 107). Оба исследователя высказали мнение, что их происхождение связано с добычей и варкой железной руды в IX–X вв. В дальнейшем эти сведения неоднократно повторялись в работах историков и археологов, как свидетельство древнейшего на территории Центральной России способа варки железа в «волчьих ямах» (Рыбаков, 1948. С. 128, 129; Струмилин, 1954. С. 13). В результате сложилось представление, что на территории Центральной России наиболее ранние следы добычи и обработки железа относятся к древнерусскому времени и отмечены они у с. Подмоклово.

Настоящая работа направлена на уточнение сведений о ямных скоплениях в южном Подмоскowie. Обнаружение в ходе целенаправленного поиска новых участков «волчьих ям», анализ встречаемости их в регионе, положения в ландшафте, количества ям в пределах контуров, строения, состава и свойств заполняющего ямы материала, следов и признаков их использования, сравнение с известными по литературным данным железорудными разработками, позволяют поставить под сомнение сложившиеся ранее представления и связать возникновение ямных полей в регионе исключительно с добычей полезных ископаемых в период XVI–XX вв., главным образом с добычей руды для производства железа и стали (так называемого серпуховского уклада) в XVI–XVII вв., а также с кустарной добычей жернового кремня и строительного известняка.

История изучения «волчьих ям» у с. Подмоклово и на смежных территориях

Горный инженер Г. Д. Романовский, прибыв в 1853 г. во время проведения геологоразведочной экспедиции по Тульской губернии в с. Подмоклово, первым обратил внимание на местные ямы и предложил для них термин «волчьи». Он дал следующее описание: «Близ села Подмоклаго, находится огромнейшая площадь, вся изрытая ямами уже заросшими травой и деревьями. Владелец этого села Г. Васильчиков, желавший найти железные руды в своем имении, по моему совету, заложил на этой площади шурф и прорыл несколько старых ям; эти разведки показали присутствие пластов бурого глинистого железняка, лежащего весьма близко от поверхности. При разрытии ям, на некоторой глубине, встречались иногда: древесный уголь, куски ошлакованной руды и красная, как бы обожженная железная охра. Наконец, в одной из ям нашли две серебряные монеты («с татарской надписью год ... 189 по Хеджи», – в прим. Романовского), подобные тем, которые не раз были находимы в земле около огромного Подмокловского кургана. Нахождение упомянутых ям и отвалов руды показывают следы бывших разработок; присутствие же в этих ямах древесного угля и шлаков ясно свидетельствуют о старинном способе добычи железа из руд, которые, за неимением печей, вероятно, расплавлялись в простых ямах, при чем получались куски ковкого железа и шлаки. Подобный способ получения железа, в так называемых волчьих ямах, сохранился еще ныне между кочующими цыганами юго-восточной Австрии (и в Сибири, в Якутской области – примечание редакции Горного журнала)».

Кроме подмокловских ям, в ближайших окрестностях Серпухова на берегах р. Нара Г.Д. Романовский описал другие остатки старых разработок, опросив при этом местных жителей: «В лесу, около деревни Клейменовой (в 14 верстах от Серпухова), находятся старые ямы и отвалы, заросшие кустарником. Разрывая эти отвалы и частью самые ямы, находили куски глинистой железной руды. Существование этих ям и рассказы старожиллов свидетельствуют, что здесь некогда была разработка железных руд. Утверждают, что самое название деревни «Клейменова» произошло от того, что на здешние разработки руд посылались клейменные преступники. Нельзя ничего сказать утвердительно относительно богатства Клейменовского месторождения. Для решения этого вопроса необходимо прорыть несколько разведочных шурфов. Точно такие же признаки присутствия железных руд находятся почти по всему пространству дач села Подмоклаго. Об этом я уже писал в своей диссертации, напечатанной в № 9 Горного Журнала за 1854 год» (Романовский, 1856. С. 140, 141). Итогом исследований стало заключение о присутствии в Серпуховском, Подольском и Московском уездах незначительного количества зерен бурого глинистого железняка и кусков железной охры в «глинистых песках и рухляках, относящихся к юрской формации», а также об отсутствии месторождений, «достойных разработки» (Романовский, 1856. С. 173).

Несколько позже, в 1889 г., окрестности с. Подмоклово исследовал геолог П.А. Замятченский, направленный в Тульскую губернию для описания месторождений железных руд. Подмоклово он посетил специально для проверки сведений Г.Д. Романовского о наличии железной руды и следов ее древней добычи, поскольку до этого весь район в рудном отношении оставался «совершенно неисследованным» (Замятченский, 1889. С. 19). Самих «волчьих ям» П.А. Замятченский не осмотрел, но в отчете отметил множество известняковых ломов в окрестностях Серпухова, Подмоклово и соседних районах, а также указал, что возле с. Подмоклово «в естественных обнажениях мы нигде не видим признаков нахождения железных руд» (Замятченский, 1889. С. 25).

В 1938 г. окрестности д. Клейменово посетил инженер-геолог Московского геологического Управления В.П. Епифанов вместе с сотрудником Серпуховского историко-художественного музея С.В. Голлобовым (Мамонтов, 2009. С. 104). Ими было подтверждено наличие железной руды в ближайших к деревне местностях «Ямники» и «Рудинки». На 1939 г. комиссией Московского геологическо-

го Управления было запланировано «полное обследование залежей железных руд и красочных глин в Серпуховском районе», которое, однако, не состоялось из-за недостатка средств и начала войны.

В 1957–1958 гг., базируясь на сообщении Г.Д. Романовского, археолог А.В. Успенская провела разведку в районе с. Подмоклово. Как следует из описания работ, была выполнена шурфовка двух ям: «Летом 1957 года нам удалось обследовать этот памятник (урочище Ямы), и оказалось, что некоторые ямы действительно, как мы увидим ниже, представляют собой остатки металлургического производства.

...Остатки древнерусского угольного производства в виде неглубоких ям обследовались нами в окрестностях с. Подмоклово Серпуховского района Московской области. Ямы эти расположены в лесу рядом с местом добычи руды и примитивными металлургическими сооружениями. В одной из обследованных нами в 1957 г. ям было обнаружено большое количество угля, мощная угольная прослойка, заполнявшая яму чуть ли не до половины, встречены обгоревшие длинные головни. Под угольной прослойкой прослежен слой материковой глины, сильно обожженной. В плане яма овальной, почти круглой формы, диаметр ее (у современной поверхности) около 3,5 м, глубина около 1 м...

...Наиболее древним способом получения железа из руды деревенскими мастерами была варка железа в ямах, обмазанных глиной, в так называемых волчьих ямах, которые обычно устраивали или на окраине деревни, или на некотором расстоянии от нее. Примером таких примитивных железоплавильных сооружений и являются уже упомянутые выше ямы близ с. Подмоклово, в 1,5–2 км к юго-западу от обследованного нами славянского селища (селище обследовалось рядом с современной д. Подмоклово). На площади 2,5–3 га насчитывается более 60 беспорядочно расположенных ям, отстоящих друг от друга на расстоянии 5–10 м. По величине эти ямы различны, самые малые имеют в диаметре у поверхности земли 3 м, большие – до 5 м. Из двух более детально обследованных нами ям одна оказалась угольной. В другой найдено много небольших кусков обожженной глины и угля, два куска железного шлака и несколько черепков лепной толстостенной керамики, аналогичной керамике из верхнего слоя Подмокловского селища. Сопел не найдено. Очевидно, необходимое для процесса восстановления железа дутье осуществлялось путем естественного притока воздуха. Что касается времени существования железоделательного производства близ с. Подмоклово, то по арабским

монетам, найденным в одной из ям инженером Романовским в 1853 году, оно датируется IX–X вв. Население славянского селища в соседнем лесу копало руду, здесь же жгло уголь и здесь же получало из руды железо. На территории самого селища (хотя и была вскрыта раскопками сравнительно большая площадь – более 800 кв. м) остатков металлургического производства не обнаружено; лишь в одном углубленном в землю жилище, относящемся к XI–XII вв., найдены обломки глиняного горшка, сделанного на гончарном круге, с приварившимися к его стенкам сильно окислившимся кусками железной крицы» (Успенская, 1959. С. 107–111).

Итогом исследований Г. Д. Романовского и А. В. Успенской стало заключение о том, что подмоковские ямы являются следами добычи и выплавки железной руды. По серебряному дирхему 805 г., найденному Г. Д. Романовским в заполнении одной из ям, и черепкам лепной посуды, обнаруженным А. В. Успенской, «волчьих ямы» (название, данное Г. Д. Романовским) получили соответствующую датировку – IX–X вв.

Ямы у с. Истье Рязанской области, отчасти схожие по облику с подмоковскими (они гораздо крупнее последних), описаны в работе В. М. Буланкина, В. И. Завьялова и Д. А. Иванова (2012. С. 167). Истинские ямы, так называемые «дудки», достоверно относятся к разработкам железной руды 1719–1910 гг. Авторы выдвигают предположение, что руда добывалась здесь также и в древнерусское время для местной выплавки и дальнейшей отправки готового металла в столицу Рязанского княжества.

В 2015 г. была опубликована работа о происхождении системы валов и курганов в районе д. Тульчино, находящейся на правом берегу Оки в 20 км восточнее Подмоклово (Демидов, 2015), в которой было показано, что эти сооружения, считавшиеся засечными укреплениями, являются отвалами кустарной добычи и обработки жернового и строительного камня в XVII–XIX вв. Вместе с системой валов и курганов были описаны прилегающие к ним поля ям, аналогичные по облику подмоковским «волчьим ямам», и обосновано предположение, что ямы в районе д. Тульчино одновременны отвалам и являются результатом добычи жернового и строительного камня.

Цели, объекты и методы исследований

Противоречие в трактовках назначения «волчьих ям», расположенных на соседних территориях, потребовало проведения дополнительных исследований для выявления распространения ям,

уточнения цели и времени их возникновения. Первоочередной задачей являлся поиск ямных полей на территории Серпуховского района. Пешие маршрутами были обследованы уже известные и обнаружен ряд новых участков распространения ям (рис. 1). Каждый участок по контуру обводился GPS треком и выносился на план на базе космоснимка для определения площади. На участках проводился подсчет общего количества ям, оценивалось их взаиморасположение, фиксировалась морфология и основные параметры. По возможности проводился опрос местных жителей о ямах вблизи их деревень.

С целью оценки времени сооружения ям применены методы почвоведения, в частности, по степени развитости профилей почв на окружающих ямы отвалах оценивалась длительность их существования. На отвалах были заложены почвенные шурфы, захватывавшие и заполнение самих ям. Для определения строения подстилающих пород три шурфа были доведены до глубины 3 м. Состав, возраст этих пород, признаки рудопроявления фиксировались с целью определения назначения древних ям и установления конкретного вида извлекавшегося полезного ископаемого. Параллельно на целинных, нетронутых древними разработками участках, расположенных вблизи ям, изучалось морфологическое строение фоновых почв. Длительность протекавшего на отвалах почвообразования оценивалась по степени развитости профилей формирующихся здесь почв, для чего были использованы материалы ранее проведенных Институтом физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН исследований почв, развивающихся на разновозрастных искусственных насыпях исторических памятников возраста 2500–50 лет, расположенных на юге Подмоскovie.

Для анализа сходства и различий «волчьих ям» с другими аналогичными по морфологии природными и искусственными ямами были произведены разведки в районах развития карстовых воронок на левобережье р. Оки и в районах старинных железных рудников у г. Малоярославец Калужской области, где на отвалах обнаруженных разведками ям также были заложены почвенные шурфы.

Геологическое строение и почвы исследуемой территории

Северная часть Серпуховского района на левом берегу Оки приурочена к Москворецко-Окской пологоволнистой эрозионной равнине. Правобережье реки находится в пределах Заокского эрозионного

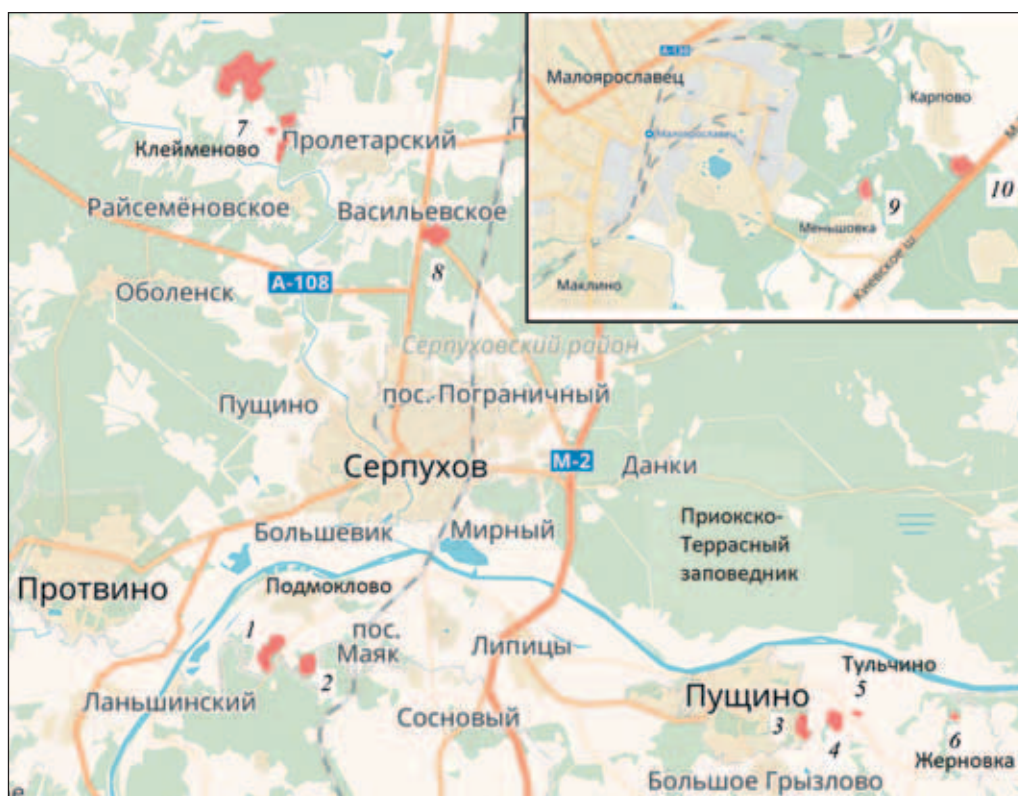

Рис. 1. Исследованные участки с ямами на юге Подмосковья (отмечены красным)

1 – подмокловский Западный уч.; 2 – подмокловский Восточный уч.; 3 – Митинский участок; 4 – тульчинский Лесной уч.; 5 – тульчинский Водораздельный уч.; 6 – Жерновский участок; 7 – клейменовские участки; 8 – Васильевский участок; 9 – Меньшовский участок; 10 – Карповский участок

плато. Строение четвертичных отложений в обеих частях района сходно. С поверхности они представлены лессовидными покровными суглинками, перекрывающими валунные суглинки и супеси основной морены раннеплейстоценового Донского оледенения (Геологическая карта... 1998). Валунный материал в морене представлен, в основном, обломками осадочных пород, в первую очередь кремнями, а также известняками и доломитами (Госгеолкарта, 2015. С. 104, 105). Железняк также встречается, хотя и редко (Данышин, 1947. С. 143). На отдельных участках покровные суглинки отсутствуют и на поверхность выходят моренные отложения. Общая мощность четвертичного покрова составляет от 5 до 30 м. Глубже залегают морские глины и пески юрского возраста, под которыми находится кровля карбоновых известняков, доломитов и мергелей каширского яруса (Госгеолкарта, 1997; Государственная Гидрогеологическая карта... 1980). На склонах долины Оки и ее притоков юрские глины размыты и ледниковые и покровные суглинки залегают непосредственно на известняках.

В почвенном отношении рассматриваемый район относится к зоне контакта серых лесных

почв, распространенных на правобережье Оки, и дерново-подзолистых, формирующихся на ее левом берегу. Общие мощности профилей достигают метра, при 25–30 сантиметровой мощности хорошо прокрашенных темным гумусом зернистых верхних горизонтов у серых лесных почв. Гумусовые горизонты дерново-подзолистых почв менее мощные (20–25 см), гумусированность их ниже, структура более крупная, комковатая. В профилях «молодых» почв, формирующихся на насыпях, свежий материал отвалов в условиях формирования дерново-подзолистых почв менее активно прорабатывается темными гумусовыми соединениями и лучше сохраняет исходные признаки породы, на которой идет формирование почвы.

Геологическое строение четвертичных и дочетвертичных отложений в районе д. Карпово и Меньшовка Калужской области в общих чертах повторяет картину, наблюдаемую в Серпуховском районе. Здесь сходным образом покровные и ледниковые суглинки залегают над кровлей юрских глин и известняков карбона. Под еловыми лесами распространены дерново-подзолистые почвы.

Рис. 2. Ямные участки в окрестностях с. Подмоклово Серпуховского р-на

Расположение полей «волчьих ям» и морфология отдельных ям

Первостепенное внимание было уделено подмокловским «волчьим ямам», поскольку для них имеются данные предыдущих разведок, на базе которых указанными выше авторами были сделаны выводы о назначении ям. В отчете о раскопках Подмокловского городища указано, что ямы располагались «в 2-х километрах к юго-западу от городища» (Успенская, 1957. С. 9). В ходе разведки в ближайшем лесу, расположенном в 2,5 км к юго-западу от городища, действительно была обнаружена, в соответствии с характеристикой Г. Д. Романовского, «огромнейшая площадь, вся изрытая ямами уже заросшими травой и деревьями».

Все подмокловские ямы находятся на водораздельном плато с единичными неглубокими (до 1,5 м) овражками, в верхней части формирующейся овражной системы в зрелом лесу с преобладанием липы и осины. Кустарниковый ярус – орешник, бересклет. Под пологом преобладает сныть и осока. Лес захламлен упавшими гниющими деревьями. Признаки рубки отсутствуют.

Ямы располагаются двумя скоплениями на двух участках – Западном и Восточном (рис. 2). Площадь первого – 49 га (0,5 кв. км), второго – 29 га (0,3 кв. км). Участки заняты чистыми липняками либо липовым лесом с примесью осины и березы.

В более молодых по сукцессионным признакам соседних березовых и сосновых рощах ямы отсутствуют. По внешнему облику ямы на обоих участках идентичны. Глубина их от 0,5 до 1 м, отдельные могут достигать 1,5 м. Диаметр – 1–3 м, наиболее часто встречаются ямы диаметром 2 м. Вокруг ям хорошо заметны пологие отвалы высотой до 0,5 м. В единичных случаях на стыках соседних ям их высота достигает метра. Наличие подобных отвалов отвергает карстовое или ветровальное их происхождение.

Большинство ям заложены очень близко одна от другой, расстояние между краями составляет 2–5 м, в среднем 2 м, все оно занято слившимися отвалами. Между ямами практически не сохранилось нетронутой поверхности.

Группа самых глубоких ям и крупных отвалов, слившихся между собой в валообразные насыпи метровой высоты, отмечена по северной кромке Восточного участка. По северному краю Западного участка тянется низкий (0,5 м) земляной вал, вероятно выполнявший роль межевого. За пределами вала ямы отсутствуют.

На дне и в отвалах некоторых ям обнаружены наполовину погруженные в грунт крупные обломки кремня, как угловатой глыбистой формы, так и слегка скругленные. На поверхности отвала одной из ям встречены три крупных, до 0,5 м в поперечнике, угловатых кремневых плиты. У межевого

вала на северной границе Западного участка обнаружены четыре частично погруженные в грунт плиты известняка до 0,8 м в поперечнике толщиной 0,3–0,4 м со следами обработки инструментом на грани одной из них.

Весьма важным представляется следующее наблюдение. Большинство ям имеют полусферическую или конусообразную форму и представляют собой частично заплывшие западины. В южной половине Западного участка и в северной половине Восточного участка обнаружены ямы размерами от 1×1 до 2×3 м, сохранившие прямоугольную форму. Отдельные ямы на самой южной кромке Западного участка имеют свежий прямоугольный профиль с еще вертикальными стенками. Сооружения выглядят настолько свежими, что могли бы быть отнесены к землянкам 1941–1942 гг., которые были встречены при разведке в соседних лесных массивах. Но в них отсутствует типичный вход, на отвалах растут зрелые липы и поблизости нет никаких следов укреплений или окопов. Прямоугольные ямы, по всей видимости, следует отнести к общему массиву ям, связав с поздними этапами их возникновения. Судя по облику, созданы они относительно недавно, в XIX или начале XX в.

Для подсчета общего количества ям на четырех контрольных участках площадью 100 кв.м каждый была определена плотность расположения ям. В среднем она составляет 4 ямы на 100 кв.м. Таким образом, Западный участок содержит около 19600 ям, Восточный – 11600 ям.

Отметим, что если Г.Д. Романовский видел «огромнейшую площадь», занятую ямами, то А.В. Успенская зафиксировала только один участок в 2,5–3 га с 60 ямами. Идентичная площадь с такой малой плотностью ям у с. Подмоклово разведками не обнаружена, хотя исследованный район был покрыт плотной сеткой пеших маршрутов, включая лес к востоку от Подмокловского городища. Возможно, А.В. Успенская наблюдала только краевую зону ямных полей, либо какая-то площадь с ямами была после 1957 г. уничтожена путем рубки леса и запашки.

Тульчинский массив ямных полей разделяется на два участка – Лесной и Водораздельный, сведения о которых опубликованы ранее (Демидов, 2015. С. 20–25). Облик подмокловских ям и ранее исследованных тульчинских сходен.

В согласии со сведениями Г.Д. Романовского, в окрестностях д. Клейменово обнаружены еще четыре ямных участка, самый крупный из которых расположен уже на территории Чеховского района. Общая площадь их составляет 200 га. Ямы

здесь по своему облику и плотности сходны с подмокловскими, но на дневной поверхности не было найдено каких-либо крупных обломков кремня или известняка. Все ямные участки располагаются в лесу с преобладанием липы в древостое.

Особое место в ряду обнаруженных объектов занимает найденный во время разведок Васильевский участок ям, расположенный между д. Съяново 1 и Васильевское в липовом лесу с примесью березы. Площадь его около 45 га. Облик ям здесь в значительной степени отличается, поскольку наряду с обычными ямами наблюдаются очень крупные, не встречающиеся на других участках. Глубина их достигает 3–4 м, ширина до 9 м. Отмечены прямоугольные ямы размерами 5×5 м. Некоторые из них сливаются в прямоугольные карьерообразные выемки. Высота отвалов достигает 2 м. В пределах контура участка отмечен одиночный крупный карстовый провал, в котором исчезает русло временного водотока. Диаметр его около 30 м, глубина до 5 м.

Разведками также обнаружены и окарены площади распространения ям, аналогичных подмокловским, в районе д. Жерновка и д. Митинка. Детальными исследованиями они не затрагивались. Не были исследованы также ямные поля у д. Бавыкино на р. Лопасня в Чеховском районе Московской области, где по сообщению краеведа А.Н. Воронкова (1966. С. 9), находятся крупные ямы от добычи кремня.

Общая площадь всех обследованных участков составляет 416 га, на них расположено около 150 000 ям, имеющих антропогенное происхождение.

Природные ямы в виде карстовых воронок осматривались в окрестностях д. Лужки, Данки и Сушка, а также в кварталах 31 и 41 Приокско-Террасного биосферного заповедника. Все эти участки развития карстового рельефа были ранее описаны и исследованы геоморфологической партией В.П. Лидова НИИ Географии МГУ (Лидов, 1947). При нашем осмотре ни на одном из этих участков не было выявлено плотных ямных скоплений. Карстовые воронки различной глубины (от 0,5 до 7 м) и диаметром от 1 до 30 м располагаются на значительном удалении друг от друга, иногда образуя цепочку. У подавляющего большинства воронок отсутствуют отвалы, прямоугольные формы и другие элементы, характерные для искусственных сооружений. В то же время, были встречены единичные воронки с невысокими отвалами по краям, что позволяет усомниться в принадлежности их к карстовым. В.П. Лидовым (1947. С. 127) во время геологической шурфовки одной из крупных воронок

в пределах Приокско-Террасного заповедника был отмечен прослой гумусированного песка, содержащий остатки углей. В этой связи необходимо отметить, что в заповеднике недавними археологическими разведками зафиксированы следы углежогого промысла в виде невысоких курганов, сложенных смесью грунта и угля, а также сыродутной плавки железа в виде находок железных криц и шлака (Осипов и др., 2005. С. 39). Вопрос об атрибуции карстовых воронок не входит в задачи настоящего исследования, но, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения. В нашей работе к ямным участкам искусственного происхождения отнесены только плотные скопления ям с четко выраженными отвалами и наличием под отвалами вне пределов ям погребенных почв.

Для анализа сходства и различия морфологии «волчьих ям» Серпуховского района с достоверными железорудными разработками XVII в. был произведен поиск следов добычи бурого железняка в Малоярославецком районе Калужской области, где, согласно сообщению Гамеля (1826. С. 22), между д. Карпово и Меньшовка, а также вблизи д. Калиново, Старая и Веткино копалась руда для единственной домны Протовского завода, действовавшего с 1656 по 1678 гг., и где она могла добываться также для двух домен местного Меньшовского завода (действовал с 1705 г.). Разведками в зрелом еловом лесу между д. Карпово и Меньшовка в правом борту долины р. Нечайка вблизи частичной размывной плотинной насыпи Меньшовского завода были найдены остатки двух открытых карьеров (шириной от 50 до 100 м, глубиной от 3 до 5 м), а также два участка ямных полей. Первый участок расположен на лугу на северной окраине Меньшовки и занимает площадь около 1,5 га. Здесь, на расстоянии 30–50 м друг от друга расположены 5 крупных ям диаметром 5–6 м и глубиной 1,0–1,5 м. Отвалы достигают высоты не более 30–40 см. Второй участок расположен по кромке елового леса на юго-восточной окраине д. Карпово. Прослеженная площадь его около 2 га. Участок по облику сходен с ямными полями Серпуховского района. Характеризуется обилием тесно примыкающих друг к другу мелких ям, при полном отсутствии крупных и редкой встречаемости средних. Большинство ям имеют заплывшую, блюдцеобразную форму диаметром 1,5–2,0 м глубиной 0,2–0,5 м. Отвалы высотой 0,2–0,4 м сильно сглажены и слабо проявляются в рельефе. Диаметр наиболее крупных ям может достигать 3 м при глубине 1 м и высоте отвала 0,5 м. По площади Меньшовский и Карповский участки очень невелики

и занимают лишь малую часть лесного массива между двумя деревнями.

Ямы у с. Истье Рязанской области, оставшиеся от добычи бурого железняка 1719–1910 гг., судя по описаниям, крупнее абсолютного большинства изученных в Серпуховском районе (Буланкин и др., 2012. С. 167). Диаметр достигает 8 м, глубина 3,0–3,5 м. По размерам они схожи с ямами Меньшовского и Васильевского участков.

С большой долей уверенности можно утверждать, что кроме обнаруженных разведками ямных полей в Серпуховском районе и на смежных с ним территориях в Малоярославецком, Жуковском, Чеховском, Ступинском, Каширском и Заокском районах, есть и другие поля ям, которые пока еще не разведаны. Все вместе они занимают значительные площади современного лесного фонда. По степени переработки исходной поверхности, где практически не сохранилось ненарушенных фоновых почв, все подобные ямные поля можно отнести к древним зарастающим карьерам, сохранившимся в рельефе ввиду непригодности их к распахке. По занимаемой площади и характерному сочетанию ямных скоплений и зрелых старостойных лесов подобные территории необходимо рассматривать как древние техногенные ландшафты, что дает возможность более детально оценить масштабы и роль ранних техногенных воздействий на развитие и перестройку природных и ландшафтных условий рассматриваемых территорий.

Строение ям, характеристика вмещающего материала и формирующихся на отвалах почв

На Западном подмокловском, Клейменовском, Карповском, Лесном и Водораздельном тульчинских участках были заложены почвенные шурфы, показавшие следующее строение фоновых горизонтов.

В районе с. Подмоклово распространены серые лесные почвы на песках и супесях с включением множества мелких угловатых обломков кремня. На глубине 60–70 см пески переходят в неоднородный моренный суглинок серого и буровато-охристого цвета с пятнами охристого сильно ожелезненного песка, множеством включений обломков кремня и единичной кварцевой галькой. Глубже отложения приобретают буровато-красный оттенок, на котором хорошо выделяется окрашенная серым цветом сетка по отмершим корневым ходам.

В районе д. Клейменово дерново-подзолистые почвы формируются на моренном неоднородно

Таблица 1. Результаты шурфовки ям.

Характеристики шурфов	Подмоклово		Тульчино		Клейменово	Васильевское	Карпово
	шурф № 1	шурф № 2	шурф № 3	шурф № 4	шурф № 5	шурф № 6	шурф № 7
Координаты	N 54.85100, E 037.33553	N 54.85133, E 037.33101	N 54.82442, E 037.67818	N 54.82568, E 037.68803	N 55.02933, E 037.33690	N 54.99497, E 037.42479	N 55.00508, E 036.53174
Нахождение	зрелый липовый лес на водоразделе	зрелый липовый лес на водоразделе	зрелый липовый лес на водоразделе	зрелый липовый лес на водоразделе	зрелый липовый лес на водоразделе	зрелый липовый лес на водоразделе	зрелый еловый лес на водоразделе
Положение	радиально от центра ямы к отвалу	радиально от центра ямы к отвалу	радиально от центра ямы к отвалу	радиально от центра ямы к отвалу	радиально через отвал	радиально через отвал	радиально через отвал
Глубина	3,5 м	3,5 м	3,5 м	1,0 м	1,5 м	1,5 м	1,0 м
Размеры ямы и отвала	диам. 2,5 м, гл. 0,6 м. Отвал 0,4 м	диам. 1,5 м, гл. 0,25 м. Отвал 0,1 м	диам. 2,5 м, гл. 0,6 м. Отвал 0,3 м	диам. 1,5 м, гл. 0,3 м. Отвал 0,4 м	диам. 2,0 м, гл. 0,5 м. Отвал 0,4 м	диам. 7,0 м, гл. 3,5 м. Отвал 2,0 м	диам. 1,7 м, гл. 0,3 м. Отвал 0,2 м
Гл. древнего раскопа	2,5 м	более 2,5 м	более 3 м	не определялась	не определялась	не определялась	не определялась
Вмещающие отложения	моренный суглинок	моренный суглинок	покровный суглинок	покровный суглинок	моренный суглинок	вмещающие отложения не вскрывались	покровный суглинок
Отвал	перекоп. моренный суглинок с линзами голубовато- серой и охристой глины	перекоп. моренный суглинок с линзами голубовато- серой и охристой глины	линзы охристой глины	перекоп. моренный суглинок с линзами голубовато- серой и охристой глины	перекоп. моренный суглинок с линзами серой и охристой глины	однородный мелкий охристый песок с линзами голубовато- серой глины	линзы голубовато- серой и охристой глины
<i>Включения во вмещающих отложениях</i>							
Бурый железняк	до гл. 3,5 м не обнаруж.	до гл. 3,5 м не обнаруж.	до гл. 3,5 м не обнаруж.	до гл. 1 м не обнаруж.	до гл. 1,5 м не обнаруж.	вмещающие отложения не вскрывались	до гл. 1 м не обнаруж.
Кремень	крупные глыбы в основании древнего раскопа	только кремниевый щебень	только кремниевый щебень	только кремниевый щебень	только кремниевый щебень	вмещающие отложения не вскрывались	только кремниевый щебень
Уголь	отсутст.	отсутст.	отсутст.	отсутст.	отсутст.	вмещающие отложения не вскрывались	отсутст.
Известняк	отсутст.	отсутст.	отсутст.	отсутст.	щебень и валуны доломити- зирванного известняка	вмещающие отложения не вскрывались	отсутст.
<i>Включения в отвале и заполнении ямы</i>							
Бурый железняк	един. мелкие желвачки (до 3 см в попереч.)	редкие жел- ваки и обл-ки слоистой структуры (до 10 см в попереч.)	множ. очень мелких желвачков и охры (до 1,5 см в попереч.)	един. мелкие желвачки (до 3 см в попереч.)	не обнаруж.	един. мелкие желвачки (до 3 см в попереч.)	множ. очень мелких желвачков и охры (до 1,5 см в попереч.)
Кремень	глыба до 0,4 м в отвале у бровки ямы	глыба до 0,4 м в заполнении ямы	только кремниевый щебень	только кремниевый щебень	только кремниевый щебень	только кремниевый щебень	только кремниевый щебень
Уголь	не обнаруж.	един. уголек в заполнении древнего раскопа	един. угольки в заполнении древнего раскопа	не обнаруж.	не обнаруж.	редкие угольки в песчаной толще отвала	един. угольки в толще отвала

Таблица 1. Результаты шурфовки ям (окончание).

Характеристики шурфов	Подмоклово		Тульчино		Клейменово	Васильевское	Карпово
	шурф № 1	шурф № 2	шурф № 3	шурф № 4	шурф № 5	шурф № 6	шурф № 7
Известняк	отсутст.	отсутст.	крупная плита в заполнении древнего раскопа	битый известняковый щебень	щебень и валуны доломитизированного известняка	отсутст.	отсутст.
<i>Находки</i>							
Керамика, монеты и пр.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.
Железные шлаки	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.
Следы обжига, сопел и глиняной обмазки	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.	не обнаруж.
<i>Почва</i>							
на отвалах, мощн. гумус. гориз.	10–15 см	10–15 см	10–15 см	10–15 см	10–15 см	5–10 см	10–15 см
погребенная, мощн. гумус. гориз.	серая лесная, 25 см	серая лесная, 25 см	серая лесная, 25 см	серая лесная, 25 см	дерново-подзолистая, 20 см	горизонт не достигнут раскопом	дерново-подзолистая частично уничтоженная, 10 см

окрашенном суглинке с зонами, имеющими серую, охристую и красновато-коричневую окраску с множеством включений обломков кремня и доломитизированного известняка.

В районе д. Тульчино распространены серые лесные почвы на лессовидных бурых покровных суглинках, лишенных включений обломочного материала.

В районе д. Карпово распространены дерново-подзолистые почвы на лессовидных бурых покровных суглинках, лишенных включений обломочного материала.

Строение ям исследовано в почвенно-геологических шурфах, заложенных на отвалах и в заполнении ям на ключевых участках (табл. 1).

Шурф № 1. Расположен у с. Подмоклово. Размеры 3×1 м, глубина 3 м. Заложен на Западном участке в яме среднего размера радиально, от ее центра к отвалу (рис. 3). Вскрыл древнюю яму глубиной 2,5 м с вертикальными стенками, в основании которой находились крупные глыбы кремня, достигавшие полуметра в поперечнике.

Шурф № 2. Заложен в 200 м к западу от шурфа № 1 в небольшой по размерам яме диаметром 1,5 м, глубиной 0,25 м. Размеры шурфа 1×3 м, глубина 3,0 м. Вскрыл древнюю яму более чем 2,5 м глубиной с вертикальными стенками (рис. 4), не достигнув основания древнего раскопа.

Шурф № 3. Заложен возле д. Тульчино на Лесном участке (контуры участка см.: Демидов, 2015. С. 20) в средней по размерам яме. Размеры шурфа 3×1 м, глубина 3 м, расположен радиально, от центра к отвалу. Вскрыта яма, судя по рисунку прослоев, не достигает основания древнего раскопа (рис. 5). На глубине 2 м в заполнении ямы встречена крупная глыба известняка, видимая часть которой в поперечнике имеет около 0,5 м.

Шурф № 4. Заложен в 650 м к востоку от шурфа № 3 на Водораздельном участке для проверки глубины залегания пластов известняка. Фактически шурф продолжал неглубокий раскоп (0,5 м), который упирался в крупный плитчатый известняковый щебень, принятый ранее за верхний выветренный слой коренного известняка (Демидов, 2015. С. 24). После разборки щебня, оказавшимся отвальным прослоем мощностью около 20–30 см, удалось войти в нижележащие бурые суглинки. В борту ямы был вскрыт отвал из неоднородного суглинка и тощей глины серого и охристого цвета с единичными включениями мелких бурых ожелезненных желвачков. Результат шурфовки показал, что коренной известняк каширского яруса залегает на этой площади глубже, чем предполагалось ранее, и не подходит к дневной поверхности, а основание древней ямы располагается значительно ниже вскрытого шурфом уровня.

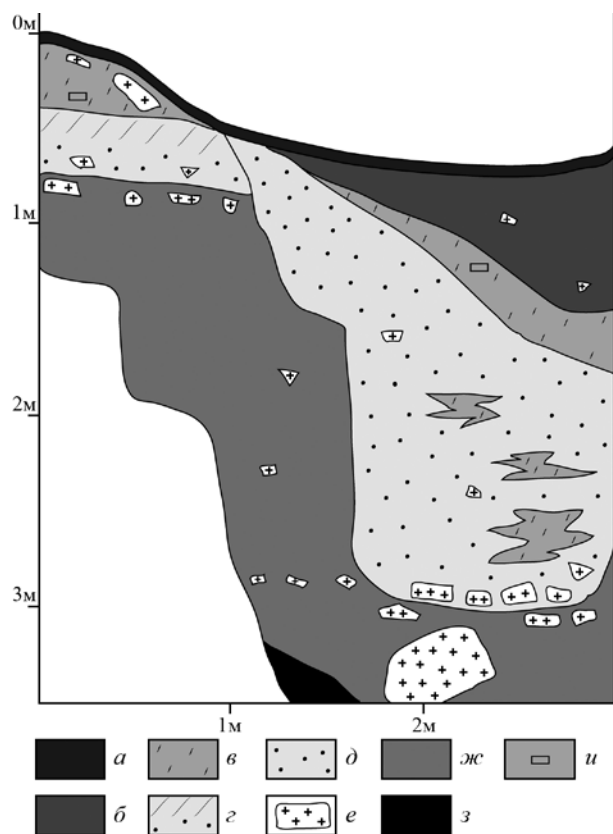

Рис. 3. Подмоклово 1, ш. № 1. Заполнение средней по размеру ямы на уч. Западный

a – гумусированный горизонт (10–15 см); *б* – песчаный рыхлый темно-серый суглинок; *в* – неоднородный охристый и буровато-красный суглинок с пятнами тощей голубовато-серой и охристой глины; *г* – погребенная серая лесная почва на песчаном субстрате; *д* – песок и светло-коричневая легкая супесь; *е* – кремнь; *жс* – легкий песчаный буровато-красный суглинок с отдельными пятнами песка и серой сеткой по корневым ходам; с включениями кремниевго гравия, дресвы и щебня; *з* – тяжелая фиолетовая глина с прожилками ожелезнения; *и* – единичные желвачки бурого железняка (до 3 см в поперечнике)

Шурф № 5. Заложен на Клейменовском участке на отвале средней по размерам ямы. Глубина шурфа 1,5 м. Разрез вскрыл маломощный (10–15 см) гумусированный горизонт, формирующийся на материале отвала, представляющего собой перемешанную массу неоднородного суглинка и тощей глины серого, буровато-охристого и буровато-красного тонов с включением обломков кремня и доломитизированного известняка. Мощность отвала 40 см. Под ним вскрыта погребенная дерново-подзолистая почва, в нижней части профиля сложенная серой супесью, под которой залегает буровато-красный суглинок с включениями обломков кремня и доломитизированного известняка слабой и средней степени окатанности. В толще отвала отмечены отдельные мелкие пятныш-

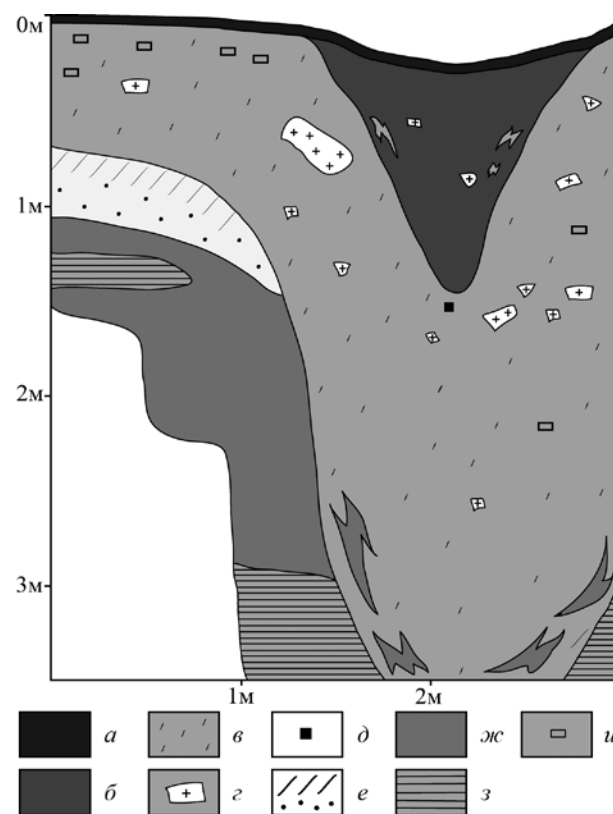

Рис. 4. Подмоклово 2, ш. № 2. Заполнение небольшой по размеру ямы на уч. Западный

a – гумусированный горизонт (10–15 см); *б* – рыхлый легкий темно-серый суглинок с редкими кремнями; *в* – неоднородный охристый и буровато-красный суглинок с пятнами тощей голубовато-серой и охристой глины; *г* – крупный щебень и глыбы кремня; *д* – кусок древесного угля (1×1×1 см); *е* – погребенная серая лесная почва на песчаном субстрате; *жс* – легкий песчаный буровато-красный суглинок с отдельными пятнами песка и серой сеткой по корневым ходам; с включениями кремниевго гравия, дресвы и щебня; *з* – тощая голубовато-серая сланцеватая глина с прожилками ожелезнения без обломочного материала; *и* – желвачки и обломки слоистого бурого железняка (до 10 см в поперечнике)

ки ожелезнения, но желвачки бурого железняка отсутствуют, также как и включения угля. Центральная часть ямы разрезом не вскрывалась.

Шурф № 6. Заложен на Васильевском участке. Располагается на гребне высокого (2 м) отвала над глубокой ямой (3,5 м). Вскрытая толща оказалась по облику отличной от состава наблюдавшихся в предыдущих шурфах отвальных выбросов. Под тонким (5–10 см) слоем гумусового горизонта формирующейся почвы до глубины 1,5 м залегает желтовато-охристый мелкозернистый однородный песок и легкая супесь, содержащая в нижней части линзочки (до 5–7 см) выброшенной в отвал голубовато-серой глины. В толще отвала присутствуют рассеянные в песке отдельные угольки размером около 1 см. В отвале обнаружено несколько

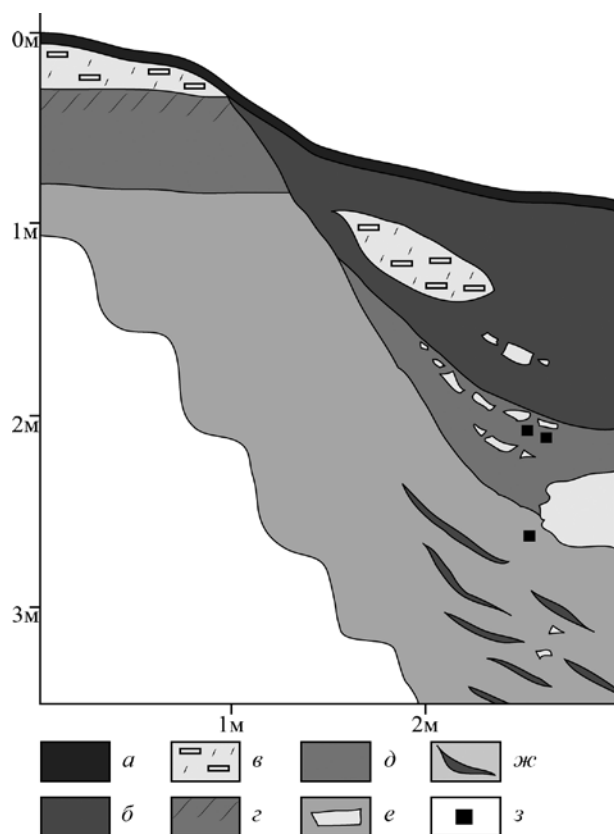

Рис. 5. Тульчино 1, ш. № 3.
Заполнение ямы на уч. Лесной

а – гумусированный горизонт (10–15 см); б – рыхлый легкий темно-серый суглинок; в – тощая охристая глина с обл-ми тонко-песчанистого бурого железняка; г – погребенная серая лесная почва на светло-серой супеси; д – светло-серая супесь; е – щебень, глыбы и крошка известняка; ж – пылеватый серый суглинок без включений, с линзами темно-серого суглинка в средней части ямы; з – единичные куски древесного угля (1×1×1 см)

желвачков бурого железняка. Сама яма разрезом не вскрывалась.

Шурф № 7. Заложен на Карповском участке рудокопных ям Протовского и Меньшовского заводов в зрелом еловом лесу на отвале типичной для участка неглубокой (0,3 м) ямы. Вскрытая толща сходна с отвалом шурфа № 3 у д. Тульчино. Под гумусовым горизонтом формирующейся почвы (15 см) залегает маломощная (10–15 см) толща отвала, сложенная пятнами голубовато-серой сланцеватой глины с кусочками желтовато-коричневой охры и редкими мелкими (до 3 см) кусочками слабо сцементированного бурого железняка. Ниже находится срезанный по верхней кромке горизонт погребенной дерново-подзолистого почвы, залегающий на толще светло-бурого лесовидного суглинка без включений обломочного материала.

В отвале ямы на Меньшовском участке в толще неоднородного гумусированного и буровато-коричневого суглинка встречены единичные обломки бурого железняка.

Результаты проведенных исследований материала ям и отвалов представлены в таблице 1.

Результат изучения строения стенок древних ям и заполняющего их материала позволяет утверждать, что ямы изначально являлись не полусферическими западинами, а глубокими шурфами прямоугольной формы с вертикальными стенками. Их глубина достигала трех и более метров. Заполнение ям совершенно не похоже на известные по археологическим данным остаткам углубленных металлургических горнов, где практически вся толща ямы с четкими обожженными стенками заполнена шлаками, камнями с глиной и пр. (Шрамко, 1962. С. 134). Следы углежжения или варки железа в исследованных шурфах отсутствуют. Здесь не встречено зольных прослоев, шлаков, сопел, глиняной обмазки или следов обжига.

Уголь в виде скоплений нигде не встречен, но в заполнении ям и в отвалах нередко попадаются отдельные единичные угольки, размером около 1 см. По своему количеству и рассеянности в заполнении они не могут быть связаны ни с варкой железа, ни с углежжением.

Отвалов бурого железняка и рудных пластов близко к поверхности, как их описывал Романовский, в шурфах не наблюдалось. Желваки бурых окислов железа присутствуют в отвалах практически всех изученных ям, но не в виде значительных скоплений, а в форме единичных либо редких глинистых, песчаных и корковых оруденелых бобовин, желвачков и обломков (размером обычно не более 3 см в поперечнике), не имеющих следов воздействия огня. Эти желвачки в состоянии *in situ* не обнаружены ни в покровных суглинках, ни в моренных толщах. Наиболее насыщенным обломками бурого железняка оказался отвал шурфа № 2 у с. Подмоклово. Здесь встречены отдельные крупные обломки слоистой структуры, достигающие 10 см в поперечнике. В отвалах появлению бурого железняка сопутствуют пятна перекопанной тощей голубовато-серой, серой и охристой глины.

Кроме железосодержащего материала, продуктами добычи могли являться встреченные в заполнении ям крупные глыбы кремня, известняковые плиты, прослои глин. Некоторые кремневые глыбы по своей угловатой форме мало соответствуют валунному материалу моренных отложений и предположительно были извлечены из залегающих глубже известняков карбона.

Возраст ям

Наиболее типичный разрез молодых почв, сформировавшихся в заполнении ямы и на ее бортах описан в шурфе № 2. Исходные горизонты фоновых серых лесных почв здесь были полностью уничтожены. В бортах на поверхность выходит толща неоднородного буровато-серого суглинка, проработанного в самой верхней части начавшимся после сооружения ямы почвообразованием. Формирующаяся почва обладает хорошо прокрашенным гумусом верхним горизонтом мощностью всего 3 см с мелкокомковатой структурой. Среди комковатых структурных отдельностей часто встречаются слабо прокрашенные гумусом и сохраняющие в центре окраску исходного материала.

В заполнении древней ямы под темным гумусовым горизонтом, мощностью до 30 см, следует слой материала темно-серой неоднородной окраски с включением комковатых отдельностей буроватых или желтоватых тонов, характерных для заполняющего ее суглинка. Структура средне-мелкокомковатая, сохраняющая в центральных частях отдельностей окраску исходного суглинка. Нижняя граница формирующегося на дне ямы почвенного профиля неровная: здесь увеличивается размерность комков, уплотняется их сложение. В стенке разреза единично встречаются небольшие зоны, более интенсивно прокрашенные темными гумусовыми соединениями и связанные происхождением с отмершими древесными корнями. Границы этих зон четкие, что указывает на их относительно молодой возраст. Относительно слабая проработанность материала верхней части заполнения ямы почвообразованием, отсутствие признаков дифференциации материала на генетические горизонты, присутствие комковатых отдельностей, сохраняющих внутри не затронутый гумусированием исходный минеральный материал, хорошая сохранность морфологии корневых ходов, являются признаками относительно недавно идущего здесь почвообразования.

Процесс почвообразования, в первую очередь, накопление гумуса в аккумулятивных горизонтах, в данном регионе по времени может занимать 800–1000 лет (Геннадиев, 1990. С. 212). Формирующиеся гумусовые горизонты на отвалах ям явно находятся на более ранних стадиях образования, а это позволяет утверждать, что сооружение отвалов не может быть датировано древнерусской эпохой IX–XII вв.

На основании результатов ранее проведенных в близлежащих районах Южного Подмосковья,

в зоне распространения серых лесных почв, исследований почв, формирующихся на датированных искусственных насыпях, длительность периода формирования почвы рассматриваемых отвалов ям можно оценить в 200–300 лет и определить время создания ям XVIII в. Аналогичное строение и датировку имеют верхние горизонты почв, сформировавшихся на отвалах шурфов № 1 и № 3.

Данный вывод хорошо согласуется с результатами шурфовки рудокopной ямы второй половины XVII – первой половины XVIII в. на Карповском участке, где мощность и характер формирующегося на отвале гумусового горизонта полностью тождественны мощности и характеру гумусовых горизонтов отвалов «волчьих ям» Серпуховского района.

Изучение фоновых почв на подмокловских и тульчинских участках также показало, что в почвенных профилях на глубине около 15–20 см по уплотнению материала и резкой смене структуры местами можно выделить границу бывшего пахотного горизонта. Подобная граница отмечена также в профиле почв, погребенных под отвалами в шурфе № 1, заложенном под лесом на Западном подмокловском участке, и в шурфе № 3, заложенном под лесом на Лесном участке тульчинских ям. Наличие признаков пахотной подошвы в фоновых почвенных разрезах и в погребенных почвах под отвалами ям свидетельствует, что ямы, в настоящее время расположенные в лесных массивах, исходно закладывались на территориях, лишенных леса – на пашнях, залежных участках, выпасах.

Назначение ям

Результаты проведенного изучения строения содержащегося в ямах и насыпях материала показывают, что древние ямы в районе с. Подмоклово и Тульчино нельзя отнести к сооружениям, предназначенным для углежжения или варки металла, поскольку в их заполнении отсутствуют характерные признаки – шлаки, обожженная глина, угольные прослой, головни и т.п. Этот вывод, по-видимому, также может быть распространен на поля ям в районе д. Клейменово и Васильевское, несмотря на фрагментарность проведенных на этих участках исследований.

Само название «волчьи ямы» не является специфичным для подобных объектов и, тем более, для мест выплавки металла. В России существует множество подобных топонимов, в большинстве своем относящихся к пещерам и карстовым воронкам, где в представлении местного населения

располагаются логова волков. Кроме того, волчьими назывались также звероловные ямы. Таким образом, нельзя утверждать, что термин «волчьи» относится именно к варке железа, как это делает С. Г. Струмилин, приводя тождество немецкого слова «люппе», обозначающего железную крицу, с латинским «*lupus*» – волк (Струмилин, 1954. С. 13). Рассматриваемые ямы Серпуховского района у местного населения носили название «ямы» либо «ямники». Термин «волчьи» присвоен им, начиная только с работ Г. Д. Романовского. В наши дни местные жители часто именуют ямы воронками и объясняют их появление немецкими бомбардировками 1941 г., что неверно.

Время возникновения ям, оцененное по профилям формирующихся на отвалах почв, как XVIII в., не соотносится с древнерусской эпохой, когда, по данным предшественников, использовались подмокловские «волчьи ямы». Таким образом, есть достаточные основания поставить под сомнение первоначальные выводы Г. Д. Романовского и А. В. Успенской о рассматриваемых ямах как железоплавильных IX–X вв. с «естественным притоком воздуха». В этой связи надо отметить, что IX–X вв. – это эпоха варки железа в горнах, которые в лесной полосе распространились в V–VI вв. (Колчин, 1953. С. 54). Начиная с этого времени на территории России, а в исторический период и Якутии (пример использования «волчьих ям», приведенный редакцией Горного журнала), имеется множество археологических находок технологически совершенных горнов и домниц (Колчин, 1953. С. 22–23, 27–31). Выплавка пригодного дляковки кричного железа из руды требует очень мощного поддува воздуха мехами через сопла (Колчин, 1953. С. 57), а изучавшая подмокловские ямы А. В. Успенская специально отмечала, что в ямах и вокруг них «сопел не найдено». В крайнем случае, горн в виде обмазанной глиной ямы устраивался на краю обрыва, чтобы получить хоть какую-то тягу и возможность поставить в основании горна меха и вывести шлаки во время плавки. Поэтому обоснованы серьезные сомнения в возможности выплавки пригодного для дальнейшей проковки железа в простой «волчьей яме». Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, можно допустить, что старые и заплывшие углубления в земле, оставшиеся от прошлой добычи, могли использоваться для предварительного обжига кусков бурого железняка. Такой обжиг наряду с сушкой являлся важным этапом подготовки руды к собственной доменной плавке (Колчин, 1953. С. 39). Возможно, именно этим занимались описанные в работе

Г. Д. Романовского австрийские цыгане и якутские рудокопы. В Подмоклово обжиг мог проводиться в единичных ямах, подобных тем, которые вскрыли Г. Д. Романовский и А. В. Успенская, если только попадание керамики, шлаков и монет в заполнение ям не вызвано перекопом в древности более раннего культурного горизонта расположенного рядом славянского селища, чего нельзя полностью исключать.

Кроме Подмоклово, в других частях Серпуховского района археологами не отмечались какие-либо ямы для варки железа. Зафиксированы только остатки позднесредневековой горновой плавки. В частности, фрагменты сопел и железные шлаки найдены у д. Родионовка (АКР, 1997. № 2415. С. 171) и д. Ивановское (Павлихин, 2010. С. 107). Интересно, что обе эти деревни располагаются в пределах 3–5 км от Васильевского ямного участка.

Что же касается углежжения, то оно не требует рытья десятков тысяч ям в тяжелом суглинке, поскольку уголь извлекался на поверхность и яма могла быть использована повторно. Исходя из этих соображений, можно допустить, что небольшая часть уже существовавших в лесу у с. Подмоклово ям действительно могла использоваться под выжигание угля. Остальные тысячи и десятки тысяч ям не могут являться следами углежжения или металлообработки, что и подтверждается проведенными исследованиями. Единственное разумное объяснение рытью стольких ям на огромной площади – это исключительно поиск и добыча полезных ископаемых. Результаты шурфовки отвалов ям в Серпуховском и отвалов рудокопных ям в Малоярославецком районах показали, что наблюдается значительное сходство их структуры и материала. Однако этого все же недостаточно для однозначных выводов. Чтобы разобраться в том, что именно добывалось в «волчьих ямах», необходимо привлечь сведения письменных источников.

Обзор и анализ письменных источников

В литературе имеется целый ряд сведений о добыче в историческую эпоху вблизи Серпухова железной руды, жернового камня, известняка и глины. В первую очередь следует обратиться к литературным свидетельствам по добыче и выплавке руды в районе исследований.

Можно предполагать, что добыча руды начала активно развиваться с ростом города Серпухова в конце XIV в., в правление князя Владимира Андреевича Храброго. Масштабное производство

по письменным источникам фиксируется только с XVI в. Первые сведения содержатся в записках Сигизмунда Герберштейна за 1517–1526 гг.: «Василий овладел городом Серпуховом, расположенным в восьми милях от Каширы на реке Оке, где прямо на ровном месте добывается железная руда» (*Герберштейн*, 1866. С. 105). В эпоху Герберштейна Серпухов был важнейшим центром производства железа и сырцової стали – уклада (*Колчин*, 1949. С. 200; *Бахрушин*, 1950. С. 43). В самом городе добыча и обработка железа стояли на втором месте после кожевенного ремесла. В 1552 г., согласно Сотной князя Фуникова, здесь проживало 64 кузнеца, еще некоторое количество неучтенных кузнецов проживало на церковных и монастырских дворах и в крепости (*Гарин и др.*, 1989. С. 21). Под словом кузнец в обозначенную эпоху подразумевался не только собственно кователь железа, но и человек, добывающий или обрабатывающий металл (*Тихомиров*, 1962. С. 142). В царской грамоте игумену Серпуховского Владычного монастыря 1556 г. упоминаются особые подати местного населения, связанные с добычей и выплавкой руды – ровское и горновщина (СИХМ, Фонд письменных источников. КП 2409) (Земля Серпуховская, 2000. С. 83).

Уголь для домниц, несомненно, производился в окрестных лесах. В частности, небольшие курганообразные насыпи высотой до метра, диаметром 2–6 м, сложенные смесью древесного угля и грунта, найдены на поляне Угольница в Приокско-Террасном заповеднике и двух других локациях в кварталах 17 и 30 (*Осипов и др.*, 2005. С. 39). Что касается железной руды, то всего вероятней, в окрестностях Серпухова добывался не болотный лимонит, а бурый железняк из коренных месторождений на водоразделах также, как это описывал в 1565 г. (в терминах, неприменимых к болотам или пойменным лугам) итальянец Барберини для окрестностей Каширы, где находились «большие железные и стальные рудокопни» (*Барберини*, 1843. С. 14). Сохранились царские жалованные грамоты Серпуховскому Высоцкому монастырю, в которых начиная с 1542 по 1621 г. неоднократно повторяется, что «серпуховичи и иных городов люди ископали монастырскую землю на руду на железною», и вводится запрет добывать руду без разрешения властей монастыря (*Тренев*, 1902. С. 103, 107). Болота невозможно ископать настолько, чтобы потребовалось царское вмешательство. Очевидно, что руда бралась на водораздельных лугах, залежных участках либо в лесах, и места эти занимали настолько большую площадь, что

деятельность копателей становилась болезненной для хозяев земли.

На двух верстовой карте межевания Серпуховского уезда 1796–1797 гг. между д. Клейменово и Нижние Велеми (последняя входила в состав владений Высоцкого монастыря) отмечена река с характерным названием Руденка. На правом борту ее долины вблизи впадения в р. Нара находится один из четырех осмотренных клейменовских ямных участков и местность «Рудинки».

В относительном соседстве с Серпуховом бурый железняк добывался на упомянутых месторождениях в среднем течении р. Протвы (*Гамель*, 1826. С. 22). Начиная с XVII в. по 1780 г., они служили источником для Поротовского, Угодского, Истинского и Меньшовского металлургических заводов (ныне Малоярославецкий и Жуковский районы). С 1653 г. до середины XVIII в. на р. Скнига, впадающей в Оку чуть ниже с. Подмоклово, работали металлургические заводы Марселиса. На одном из них, Ченцовском, действовали домны по плавке руды, которая поступала из Тулы с Декиловских месторождений (*Чекан*, 1928. С. 158). Из окрестных районов заводы получали только уголь. Его заготовки, требующие большого количества древесины, вероятно, велись на широком пространстве Каширского, Алексинского и Серпуховского уездов, поскольку ни один конкретный массив леса не мог долговременно обеспечивать потребности заводов.

Железо продолжало производиться в Серпухове и окрестных селах в XVII в., и только в начале XVIII в. его производство постепенно пошло на спад (*Гарин и др.*, 1989. С. 40, 41, 55). В 1703 г. вышел указ о запрете крестьянских домниц в Туле, Серпухове и окрестных уездах, но некоторое время кустарное производство продолжало существовать (*Струмилин*, 1954. С. 32). Использовалась ли в Серпухове местная железная руда в тот период, или привозилась тульская, можно только догадываться. На карте железоделательных заводов и прилегающих рудников И. Гамеля (1826. Т. I.) на территории современного Серпуховского района мест добычи железа не отмечено, а в тексте указано, что «уклад с давних времен делался в Серпухове из Тульского ручного железа. Из пудовой крицы онаго выходило по восемь связок уклада, весом по 2 1/3 фунта» (*Гамель*, 1826. С. 35). Последнее сообщение входит в некоторое противоречие с более ранними известиями о копании руды на землях Высоцкого монастыря. Вероятно, добыча руды в Серпуховском районе постепенно пошла на спад с середины XVII в. Именно тогда стала быстро

развиваться добыча богатых рудных пластов Тульского уезда, а приостановка набегов крымских татар и расширение сети дорог снизили стоимость перевозки руды от месторождений к домам. Если предположить, что в XVII–XVIII вв. в Серпуховском районе железная руда все-таки продолжала добываться кустарным способом, то последние рудники должны были быть заброшены в середине XVIII в., спустя небольшой промежуток времени после запрета крестьянских домиц.

В XIX в. бурый железняк здесь уже не добывался. В районе с. Подмокловое Г. Д. Романовский выполнял шурфовку ям с целью разведки площади на рудоносность для владельца села, что говорит о том, что местным жителям о какой-либо добыче руды здесь не было известно. В последующее время и до наших дней в Серпуховском районе никакой добычи бурых железняков не велось. Месторождений с мощностью рудного пласта свыше 0,5 м здесь не выявлено (Госгеолкарта, 2015. С. 191).

Как видно из перечисленных источников, основной объем добычи железной руды в исследуемом районе производился в период с XVI по XVII в., когда Серпухов в больших количествах производил стальной уклад из местной руды. Следы ее добычи должны выглядеть близко к тому, как описывали старинные железные рудники документы Пушкинского приказа (XVI–XVII вв.). В Тульском уезде это были глубокие шурфы квадратной формы, заканчивающиеся в основании выемками вдоль рудного пласта: «Добывают тое железную руду в земли глубиною сажень по 6 и по 8 и по 10 и по 12, а сверху те ямы зачинаютца вдоль и поперек всякая яма в аршин с четью на четыре угла, и как дойдут до руды и тое де руды бывает в яме слоем толщиной в полсажени и в сажень и больше, и скрозь де тот слой проходят в нем вдоль середкою сажень по 5 и по 10 и по 15 и по 20 в сторону и из середки тово слоя ломают... У одной де ямы бывают по четыре человека ровщиков а из ямы руды вытаскивают они на день по возу на человека а в ямах бывают всегда с огнем, светят лучину» (Гамель, 1826. С. 10).

Описание методов извлечения бурого железняка на поверхность также содержится в подробной сводной работе П. А. Замятченского, где приводится описание всех без исключения разрабатываемых в середине XIX в. месторождений железа в Тульской губернии. Основные сведения из этой работы следующие.

Железная руда, добывавшаяся старателями, залегает в морских глинах (реже в песках) юрского, триасового и карбонового возраста. Формировались ее залежи метасоматическим путем мигра-

ции вещества в осадочных толщах. Выглядит пригодная для добычи руда как скопление железистых желваков, конкреций и глыб обычно в глинистом заполнителе, образующее горизонтальные пласты и линзы мощностью, чаще всего, около метра. Залегают эти линзы на разной глубине, но всегда в нижней части глинистых толщ, вблизи кровли подстилающих глины известняков либо уже непосредственно между прослоями известняка. В глинах вместе с рудой во множестве встречаются пласты кремня или отдельные кремневые конкреции. В самых верхних геологических горизонтах, в ледниковых и покровных суглинках, связанные пласты бурого железняка отсутствуют.

Добыча бурого железняка в XIX в., согласно описаниям П. А. Замятченского, велась двумя способами. Либо закладывались открытые карьеры, если руда выходила в борта оврагов и речных долин. Либо, что случалось гораздо чаще, руду брали на водоразделах, копая глубокие шурфы-дудки. Самые мелкие дудки имели глубину 4 м (2 сажени). Но в описаниях П. А. Замятченского такие дудки редкость. Дудка в 2 м (1 сажень) автором отмечена всего один раз. Чаще глубина дудок составляла 15 м, а самые глубокие уходили вглубь более чем на 40 м. В основании дудок боковыми ходами вынимались залегающие горизонтально пласты бурого железняка. Работу останавливали только тогда, когда опасность обрушения становилась чересчур высока. При этом никаких крепей не использовали, а работу вели зимой, чтобы мороз скреплял стенки шурфа. Хорошая руда представляла собой крупные желваки и глыбы весом иногда в десятки килограммов. Из богатой дудки добывали до 500 тонн руды; из бедных удавалось извлечь меньше, но в тех же порядках, что характеризует дудки скорее как полноценные шахты, чем ямы. Расстояние от одной дудки до другой, очевидно, зависело от глубины залегания руды, т. е. экономической целесообразности закладки нового глубокого шурфа.

В описаниях П. А. Замятченского имеются указания на удаленность разных дудок друг от друга на 30 м (15 саженей), 100 м (50 саженей). Как исключение, упомянуты две соседние дудки глубиной 16 м, расположенные всего в 3 м друг от друга. Однако у автора встречаются и определения вроде: «множество рудокопных ям в лесу», «места обширных старинных рудных разработок» (Замятченский, 1889. С. 15, 139) и т. п.

Мы можем сопоставить свидетельства П. А. Замятченского с осмотренными рудокопными ямами Малоярославецкого района. Удаленные друг

от друга глубокие дудки должны оставлять на местности следы, подобные Меньшовскому ямному участку. Относительно менее глубокие дудки располагались более тесно и должны были оставить следы, подобные ямным полям Карповского участка. Большинство исследуемых ямных полей Серпуховского района относятся именно к этому второму типу. Единственное место, где встречаются крупные ямы и отвалы, похожие на остатки глубоких дудок, – это Васильевский участок, для которого пока имеются только данные шурфовки отвала. Вскрытие крупной ямы по всей площади на ожидаемую глубину более 3,5 м требует масштабных раскопок.

Отнести вся ямные поля к железорудным дудкам невозможно. Ямами разной глубины в рассматриваемую эпоху добывался не только бурый железняк, но и глина, известняк, кремль и другие ископаемые продукты. Существуют письменные свидетельства, объясняющие появление изучаемых ям (или какой-то их части) в районе исследований в процессе добычи жернового и строительного камня.

В актах Каширской приказной избы, которая ведала правобережьем Оки в смежных с Подмокловым районам, за 1687 г. сохранились жалобы уездных помещиков «о разрытии лугов для добычи камня», «о самовольном рытье камня на помещичьей земле», сказки «о порченных лугах, копаючи камень на 24 рубля с полтиною» (РГАДА, Ф. 1126. Оп. 2. Д. 217, 227; Оп. 1. Д. 374). Термин «камень» мог относиться и к бурому железняку (*Струмилин*, 1954, С. 10). Однако есть прямое указание на добычу в исследуемом районе именно жернового камня. О том, что в Каширском уезде «подле Оки лежащих мест, где промышленники копают жернова, и во множестве они белой земли выкапывают» писал А. Т. Болотов (1766. Ч. 2. С. 131). В примечаниях относительно неплодородия выброшенной в отвал белой глины он указал, что «те пашни, на которых ямы для искания жерновов копаны, и помянутая белая земля или глина наверх выкопана... так испортятся, что их ничем уже исправить невозможно».

С большой долей уверенности можно утверждать, что в число ям, о которых идет речь в тексте А. Т. Болотова, входили исследованные ямы у д. Тульчино, поскольку родовое имение автора в д. Дворяниново находилось поблизости от Тульчино, а сам Болотов неоднократно посещал своего приятеля Полонского, помещика из д. Зыбинка, расположенной рядом с Лесным участком тульчинских ям (см. эпизод за 1771 г.: *Болотов*, 1871. С. 1066).

К вопросу об использовании ям для выжигания угля и близкого по технологии выжигания дегтя следует отметить свидетельство о крайне небольших масштабах смолокурения на правобережье Оки в Каширском уезде «по неимению годных к тому лесов» (*Болотов*, 1766. Ч. 2. С. 188).

Свидетельство А. Т. Болотова о том, что ямы еще рылись в XVIII в., подтверждается данными о возрасте почв, успевших сформироваться на отвалах и в заполнении ям. Полученные цифры в 200–300 лет соответствуют времени возникновения ям в XVIII в. Можно предположить, что часть ям для поиска жернового камня вырыта несколько раньше, в XVI–XVII вв. Это следует из особенностей местной топонимики. Рядом с д. Тульчино находится упоминаемое еще в 1589 г. как центр дворцовой волости «село Жерновка на речке на Яменце» (Писцовые материалы... 1997. С. 126). На высоком берегу последней также обнаружено скопление ям, подобное подмокловским и тульчинским. Названия не случайны и связаны с промыслом местного населения. В литературе известно описание добычи жернового камня на реке с названием Жерновка (Хозяйственное описание... 1811. С. 59). Очевидно, что и на правобережье Оки жерновой промысел имеет древнюю историю. Временем исчезновения из обихода местных крестьян ручных жерновов можно считать середину XX в. По свидетельствам старожилов д. Тульчино (опросы проведены пушкинским краеведом Ю. В. Беспаловым в 1989 г.), ручными жерновами здесь мололи муку еще во время Великой Отечественной войны. Находка подобного жернова была сделана в 1984 г. в д. Семеновское Серпуховского района.

Важным является вопрос, какой именно материал следует понимать под жерновым камнем, добывавшимся на правобережье Оки. Это не песчаник, так как в верхних геологических пластах он здесь отсутствует. В районе г. Пушкино в 2010 г. обнаружен крупный известняковый мельничный жернов диаметром 1,2 м. Но, известняк, не являясь достаточно прочным материалом, мало подходит для жернова. Гораздо большую ценность представлял в этом отношении кремль или окремненные известняки. Поскольку размер кремниевых желваков сравнительно небольшой, их использовали для высекания ручных жерновов (*Севергин*, 1821. С. 88, 93; *Максимов*, 1881. С. 183). Кремль добывали раскопом, и, достав из ямы, сразу приступали к обработке. Лежащие на поверхности желваки никогда не подбирали, поскольку высохший кремль не годится к насаждению и отбивке (*Севергин*, 1821. С. 89). Замятченский в одном из случаев

описывает нахождение в железорудной дудке громадных сплюснутых наподобие хлебов кремней, залегающих непосредственно над пластом руды (*Замятченский*, 1889. С. 117). Такие кремни могли являться самостоятельным объектом добычи, ввиду близости по форме к готовому жернову. Найденные на поверхности и в заполнении ям на подмокловских участках кремниевые глыбы по своим размерам также соответствуют заготовкам для создания ручного жернова.

Кроме жерновов, кремль в больших количествах шел на ружейные замки (*Севергин*, 1821. С. 88). Следы такой добычи (одновременно шахтным и ямным способом), зафиксированы в 1927 г. серпуховским краеведом А. Н. Воронковым на берегу р. Лопасни у д. Бавыкино и Горки. По его свидетельству, в это время местные крестьяне еще продолжали изготавливать кремневые жернова для Мельстрога, а на вопрос о происхождении шахт и ям «неуверенно говорили, что здесь во времена Наполеоновых войн было производство ружейных кремней для тульского завода» (*Воронков*, 1966. С. 9).

Бавыкинские ямы, по описанию А. Н. Воронкова, гораздо крупнее подмокловских, глубиной до 5 м, шириной до 7–8 м. По размерам они больше похожи на карстовые западины. Но в отчете А. Н. Воронков показал их крупное скопление, напоминающее ямное поле, что позволяет предположить, что рассматриваемые воронки все-таки следует отнести к заплывшим дудкам. По масштабам к ним близки ямы на Васильевском участке и группа ям на Меньшовском участке.

Иногда ямным способом (причем со значительной глубины) добывался строительный камень – известняк и доломит. Добычу его описывает П. А. Замятченский: «...известняк добывают из ям, не глубже 3 саженьей. Разрабатываемая толщина до 2 аршин. Известняк покрыт только валунной глиною и растительною землею». «Около самой д. Телятинки на огородах добывают синеватый известняк, залегающий на глубине 1 сажени и имеющий толщину около 1 аршина» (*Замятченский*, 1889. С. 10). «Описываемый известняк разрабатывается местными крестьянами, неуглубляющимися, однако, более чем аршина на 2» (*Замятченский*, 1889. С. 85).

Следует отметить, что термин «ямы» употреблялся, в том числе и П. А. Замятченским, также в отношении открытых карьеров или выемок в борту оврагов. Но во многих случаях из контекста ясно, что именно имеет в виду автор, упоминая, например, добычу «на огородах» и т. п.

Большинство ям по добыче известняка, наблюдавшихся П. А. Замятченским, находились в непосредственной близости от железорудных дудок, вскрывая, по сути дела, одну и ту же толщу отложений. Из известняковых ям, а яму в 3 сажени вполне можно назвать дудкой, в отвал могли доставать желваки руды, а из рудной дудки каменные плиты (см. *Замятченский*, 1889. С. 136). Очевидно, что спустя столетия на местности и в разрезе отвалов чрезвычайно трудно определить, какие ямы остались от добычи известняка, а какие – от добычи бурого железняка.

Найденные на водоразделе вдали от каких-либо обнажений или карьеров у межевого вала на Западном участке у с. Подмоклово крупные плиты известняка со следами обработки свидетельствуют, что из подмокловских ям добывался и строительный камень. Крупный обломок известняка был встречен в шурфе № 3 в засыпке ямы на Лесном участке у д. Тульчино. О том, что здешние ямы – «ровы» делались в XIX в. для добычи камня на строительство Митинского сельского храма сообщали местные жители (*Демидов*, 2015. С. 27). При этом в ближайшем соседстве с ямами располагаются масштабные отвалы известнякового щебня, формирующие валы и высокие насыпи, похожие на курганы.

Наблюдавшиеся на подмокловских участках прямоугольные ямы, судя по морфологии, могли копаться в относительно недавнее время, в XIX или даже XX в., когда никакой добычи железняка уже не велось, а из ям извлекался только кремль и известняк.

Тесаные блоки известняка широко использовались в рассматриваемом районе для строительства фундаментов и хозяйственных построек до конца XX в. Вид подобных камней, степень выветрелости, отполированность поверхности указывают на их длительное использование в хозяйстве, включая неоднократное перемещение при перестройках.

«Волчьи ямы» также могли появиться в местах добычи гончарной и красящей глины. О «рудниках и ямах для добывания огнеупорной глины» свидетельствует Замятченский (1889. С. 120). Сводка о местах копания глин и ее видах в Серпуховском районе в XX в. содержится в работе Б. С. Мамонтова (2005. С. 112–117). Указаны открытые карьеры и выемки в бортах оврагов и речных долин. Добыча ямами не зафиксирована. Исследуемые поля ям не могут быть отнесены к местам добычи глины, т. к. выведение столь обширных площадей из хозяйственной деятельности только для

добычи глины не рационально. Глина могла быть добыта без ущерба и при меньших затратах в обнажении любого оврага. Кроме того, добыча приповерхностных слоев ледникового суглинка или морских глин юрского возраста не требуют проходки до кровли более древних известняков каширского яруса, а тем более, извлечения крупных его блоков на поверхность, как это наблюдается на исследованных участках.

Из перечисленного списка сведений о добыче полезных ископаемых ямные поля в Серпуховском районе, в первую очередь, следует связывать с добычей бурого железняка для масштабной выплавки серпуховского уклада в XVI–XVII вв. До настоящего времени существуют две точки зрения на источник железной руды для этой выплавки. Первая, что точное географическое положение месторождений неизвестно (*Бахрушин*, 1950. С. 43). Вторая, что базой для производства железа были болотные руды, добывавшиеся где-то в окрестностях Серпухова (*Гарин и др.*, 1989. С. 20).

Данные настоящего исследования ямных полей и обзор сведений письменных источников позволяют говорить о том, что в рассматриваемое время в Серпуховском районе добывался бурый железняк из коренных месторождений на водоразделах. Местами его добычи являются исследованные ямные поля, в первую очередь, расположенные на левобережье Оки.

На настоящем этапе исследования Васильевский участок по его морфологии, нахождению бурого железняка в отвалах и расположению по соседству археологических объектов со следами позднесредневековой горновой плавки, следует признать одним из источников железной руды для производства серпуховского уклада XVI–XVII вв.

Ввиду свидетельств о наличии руды и ее добыче в районе д. Клейменово все четыре ямных участка возле этой деревни следует также признать местом добычи бурого железняка.

Подмокловские и тульчинские участки по морфологии ям, возрасту гумусовых горизонтов, формирующихся на отвалах почв, и наличию в отвалах железосодержащих образований, количество которых хотя и невелико, но сходно по типу и объемам с железняком в составе рудокопных ям Карповского участка, также возможно признать следами добычи железной руды. Однако здесь в заполнении ям и в отвалах были встречены и другие полезные ископаемые, а именно, кремнь и плиты известняка, пик добычи которых приходился на XVIII в., и которые могли продолжать добываться здесь вплоть до начала XX в.

Относительно современного расположения ямных полей в лесах можно утверждать, что такая картина наблюдалась с конца XVIII в., когда большая часть бывших ям была уже отработана и заросла лесом. На картах генерального межевания Каширского уезда 1790 г. зафиксирован лес на месте Лесного участка тульчинских ям. Вероятно, в то время еще продолжал разрабатываться Водораздельный тульчинский участок, где на плане нет отрисованного леса.

На карте межевания Алексинского уезда 1790 г. лес отрисован также на месте Западного и Восточного подмокловских участков ям. Он показан и на карте межевания Серпуховского уезда 1784 г. на Клейменовском и Васильевском участках.

О том, что ямы изначально закладывались на свободных от леса участках, свидетельствуют полученные данные о пахотных горизонтах в почвах на подмокловских и тульчинских участках. Таким образом, крестьяне-промышленники «ископали землю» и «испортили луга», что полностью согласуется с монастырскими грамотами и актами приказной избы. К 1784–1790 гг. все основные площади разработок были уже брошены и заросли лесом.

Выводы

В Серпуховском и Чеховском районах Московской области, а также в Малоярославецком районе Калужской области выявлен ряд ямных скоплений, подобных подмокловским «волчьим ямам». Они занимают десятки гектаров, а количество ям на каждом участке насчитывает десятки тысяч. Масштабы занимаемой ими территории, а также характерное сочетание старостойных липовых лесов и полностью изрытой с поверхности толщи моренных и покровных суглинков в совокупности позволяют рассматривать ямные поля как древний техногенный ландшафт.

Видимые с поверхности ямы представляют собой остатки шурфов прямоугольной формы с вертикальными стенками, уходящими от древней дневной поверхности на 2,5 м, а в ряде случаев и намного глубже.

Не обнаружено каких-либо признаков использования древних шурфов или оставшихся после их заплывания западин под выжигание угля или варку железной руды.

По данным изучения степени развитости почв, сформированных на материале отвалов древних ям, время, прошедшее со времени их сооружения, составляет 200–300 лет, что противоречит

предложенной предыдущими исследователями датировке «волчьих ям» IX–X вв.

Отсутствие в ранее опубликованных работах Г. Д. Романовского и А. В. Успенской детальных привязок, точных описаний, чертежей раскопов и ряда других важных фактических материалов, не дает возможности аргументировано подтвердить или опровергнуть выводы авторов о времени и целях сооружения ям в районе с. Подмоклово. Полученный новый фактический материал и массив исторических данных позволяют утверждать, что ямные участки на левобережье Оки в окрестностях Серпухова являются следами добычи бурого железняка для производства серпуховского стального уклада, основной объем которой пришелся на XVI–XVII вв. Участки на правобережье Оки в районе с. Подмоклово и д. Тульчино являются остатками добычи сразу нескольких ви-

дов сырья, в числе которых рудный материал, известняк и кремень. Последний продолжал извлекаться из ям в XVIII в., а отдельные ямы могли быть выкопаны в XIX и начале XX в.

Следы добычи ямным способом различных видов полезных ископаемых обладают большим сходством. Точное определение происхождения каждого конкретного ямного поля или отдельных серий разновременных ям в пределах одного участка требует дополнительных исследований, в частности, углубленного сравнительного подхода с изучением полей с заведомо известным видом добываемого полезного ископаемого, а также применения ряда аналитических методов, включая радиоуглеродное датирование древесных углей, извлеченных из раскопов, а также анализ вещественного состава железистых образований, предположительно использовавшихся в качестве источника для плавки железа.

Литература и источники

АКР. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.

Барберини Р., 1843. Путешествие в Москву в 1565 г. // Сказания иностранцев о России в XVI–XVII вв. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений. С. 2–64.

Бахрушин С. В., 1950. Железодобывательные районы в Русском государстве в XVI веке // Вопросы географии. Сб. 20: Историческая география СССР. М.: Географиздат. С. 42–68.

Болотов А. Т., 1766. Описание свойств и доброты земель Каширского уезда // Тр. ВЭО. СПб.: Тип. при Императорской АН. С. 129–219.

Болотов А. Т., 1871. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 2. СПб.: Печатня В. И. Головина. 1120 с.

Буланкин В. М., Завьялов В. И., Иванов Д. А., 2012. Поселение Истье 2 – сырьевая база Старой Рязани // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 166–174.

Воронков А. Н., 1966. Отчет об археологических разведках на территории Серпуховского р-на Московской области в 1925–1966 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3232.

Гамель И., 1826. Описание Тульского оружейного завода, в историческом и техническом отношении. М.: Тип. Августа Семена. 263 с.

Гарин Г. Ф., Савоскул С. С., Шилов В. В., 1989. Серпухов. М.: Московский рабочий. 303 с.

Геннадиев А. Н., 1990. Почвы и время: Модели развития. М.: МГУ. 232 с.

Геологическая карта четвертичных отложений Московской области / Под ред. С. М. Сычкина. Масштаб 1:500000. М.: МЦГК, 1998.

Герберштейн С., 1866. Записки о Московии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°. 229 с.

Госгеолкарта РФ. Масштаб 1:200000. Сер.: Московская. Лист N–37–VIII. М.: Геоцентр-Москва, 1997.

Госгеолкарта РФ. Масштаб 1:1000000. Сер.: Центрально-Европейская. Лист N–37–Москва. СПб.: Картографическая фабрика ФГУП ВСЕГЕИ, 2015. 462 с.

Государственная гидрогеологическая карта / Под ред. Л. А. Давыдова. Масштаб 1:200000. Сер. Московская. Лист N–37–VIII. М.: ПГО «Центргеология», 1980.

Даньшин Б. М., 1947. Геологическое строение и полезные ископаемые Москвы и ее окрестностей (пригородная зона). М.: МОИП. 301 с.

Демидов В. Э., 2015. Происхождение «сторожевых» курганов и «засечных» валов у Сенькина перевоза на реке Оке // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: Сб. матер. VII и VIII региональной науч.-практ. конф. Коломна: Инлайт. С. 18–31.

Замятченский П. А., 1889. Железные руды центральной части Европейской России (Южной части Московского каменноугольного бассейна). СПб. 310 с. (Тр. СПб. общества естествоиспытателей. Отд. геол. и минерал. Т. 20. Вып. 1).

Земля Серпуховская. Серпухов: ГУМ МО Серпуховская тип, 2000. 138 с. (Сб. докум. и матер. по истории города и края. Вып. 1).

Колчин Б. А., 1949. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.–Л.: АН СССР. С. 192–208. (МИА. № 12).

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. (Домонгольский период). М.: АН СССР. 259 с. (МИА. № 32).

Лидов В. П., 1947. Геоморфологический очерк Приокско-Террасного участка Московского государственного заповедника. Отчет. НИИ Географии МГУ / Архив Приокско-Террасного заповедника. № 10.

Максимов С. В., 1881. Куль хлеба и его происхождения рассказанные С. Максимовым. СПб.: Тип. Л. В. Фомина. 183 с.

Мамонтов Б. С., 2009. Южный берег Московии: Каменные страницы. М.: URSS. 192 с.

Осипов И. Н., Станюкович А. К., 2005. Археология территории Приокско-Террасного заповедника. Пушкино: ОНТИ ЦНБИ. 74 с.

Павлихин А. В., 2010. Памятники археологии Серпуховского района, не учтенные в археологической карте России // История города Серпухова и Серпуховского края. Очерки по археологии. Тула: Лев Толстой. 222 с.

Писцовые материалы дворцовых владений XVI века. М.: ИРИ РАН, 1997. 126 с.

Романовский Г. Д., 1854. Исследование нижнего яруса южной части подмосковного каменноугольного образования // Горный журнал. Кн. IX. Ч. III. СПб.: Типография И. Глазунова и К. С. 305–351.

Романовский Г. Д., 1856. Общий геогностический обзор почвы в уездах: Московском, Подольском и Серпуховском // Горный журнал. Кн. 2. СПб. С. 125–176.

Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР. 802 с.

Севергин В. М., 1821. Начертание технологии минерального царства. Т. 1. СПб.: Тип. при Императорской АН. 437 с.

Струмилин С. Г., 1954. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодальный период (1500–1860 гг.). М.: АН СССР. 531 с.

Тихомиров М. Н., 1962. Россия в XVI столетии. М.: АН СССР. 583 с.

Тренев Д. К., 1902. Серпуховской Высоцкий монастырь. Его иконы и достопамятности. М.: Тип. М. Борисенко. 152 с.

Успенская А. В., 1959. Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 105–122. (Тр. ГИМ. Вып. 33).

Успенская А. В. Отчет о раскопках на городище Подмоклово Серпуховского района в 1957 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1572.

Хозяйственное описание Пермской губернии, 1811. Ч. 1. СПб.: Императорская тип. 395 с.

Чекан И. В., 1928. Тульские и каширские железные заводы XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII – начале XVIII столетия. М.: тип. Нижполиграф (Н. Новгород). С. 143–162. (Тр. ГИМ. Вып. 4)

Шрамко Б. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков: Гос. Унив.-т. 402 с.

V. E. Demidov & S. V. Gubin

The origin of the “wolf pits” near the village of Podmoklovo, Serpukhov district

Summary

The earliest evidence of brown iron ore mining and smelting in Central Russia in the Medieval period was first discovered in 1854 near the village of Podmoklovo, in the vicinity of Serpukhov (Moscow Region) – where crater-like pits occupy large areas of the nearby woods. In previous studies it was proposed that the so-called “wolf pits” were used in the 9th–10th centuries both for mining and smelting. This study shows that within the craters there are no traces of smelting, and all pits are the remains of brown ore mining – supplemented with flint excavation (for millstone) and limestone (for construction purposes). Usage of a chrono-

logical method of soil-formation and study of historical documents led to the conclusion that the pits appeared mostly in the 16th–17th centuries as a result of iron ore mining for the Serpukhov smithies, which were famous at the time; and digging continued to as late as the beginning of the 20th century, focusing more on flint and limestone excavation. Pit fields similar to the Podmoklovo “wolf pits” were mapped during fieldwork all across southern parts of Moscow region. Some of the pit fields number tens of thousands of craters – and they occupy large share of presently wooded area, noticeably changing the terrain.

М. С. Андреева

ООО ЦАИ «Куликово поле», Подольск (Московская обл.)

Белокаменные надгробия некрополя Троицкого собора Серпуховского кремля

В последнее время исследования средневековых надгробий, как исторического источника, значительно расширились. Существует довольно много описаний, как отдельных могильных плит, так и коллекций средневековых надгробий, происходящих из одной территории – монастыря или приходского кладбища. Л. А. Беляев разработал методику описания, рассмотрел типологию оформления и вопросы хронологии подобных памятников (Беляев, 1996). В настоящее время идет активная работа над каталогизацией находок средневековых надгробий и их фрагментов (см. напр.: Беркович, Егоров, 2017).

Целью данной работы является введение в научный оборот материалов некрополя Троицкого собора г. Серпухова, обнаруженных в ходе археологических и реставрационных работ в 2017 г.

На территории храмов и монастырей Серпухова за последние 50 лет собрана большая коллекция белокаменных надгробий. Часть надгробий местных монастырей уже введена в научный оборот сотрудником СИХМ Виктором Валентиновичем Шиловым (Дрбоглав, Шилов, 1979; Шилов, 1979). Эти же надгробия, хранящиеся в фондах музея, опубликованы в научно-популярных изданиях (История города Серпухова... 2010. С. 132–152; Серпуховский историко-художественный музей, 2008. С. 190–193). Среди средневековых надгробий приходских кладбищ города опубликован только один надгробный камень – Евдокии Зыковой (1685 г.), дочери серпуховского воеводы К. Т. Зыкова. Камень найден в ходе реставрационных работ под руководством Н. Н. Свешникова в 1970-х гг. под колоннадой южного портала Троицкого собора, построен-

ной в XIX в. Размеры неорнаментированного надгробия составляли: 32×57×18/30 см. Текст из трех строк резан по графье вязью (Шилов, 1979. С. 221).

Первое упоминание Троицкого собора относится к концу XIV в. По сообщению летописи, первый храм Св. Троицы был освящен в Серпухове 15 июня 1380 г. (Присёлков, 2002. С. 419). В середине XVI в. построено кирпичное здание Троицкого собора. В конце XVII в. собор перестраивается. С запада к зданию пристроили притвор с небольшой звонницей, а с севера – придел св. Дмитрия Солунского, были переложены восточная и южная стены четверика. В начале XVIII в. звонницу заменили шатровой колокольней. Следующая масштабная перестройка собора произошла в 1820-х гг. Вместо небольшого притвора выстроили обширная двухпридельная трапезная. Северный престол освятили во имя Дмитрия Солунского вместо разобранного старого придела. При реставрации 1970-х гг. памятнику частично возвратили первоначальный облик: восстановили фасадный декор рубежа XVII–XVIII вв., разобрали ампирные надстройки колокольни (История города Серпухова... 2010. С. 117, 118).

В 2017 г. началась новая реставрация Троицкого собора, в ходе которой в зоне прокладки коммуникаций у стен храма проводились охранные археологические раскопки¹. В результате этих работ исследованы участки кладбища конца XIV–XVIII в., фундамент XVIII–XX вв., остатки сооружений IX–X, XVII–XVIII и XIX–XX вв. (Гоняный, 2018). При археологических и реставрационных работах найдены две целые надгробные плиты и несколько фрагментов (рис. 1).

¹ Автор статьи благодарит М. И. Гоняного, А. В. Шекова и Г. А. Шебанина за предоставленные материалы.

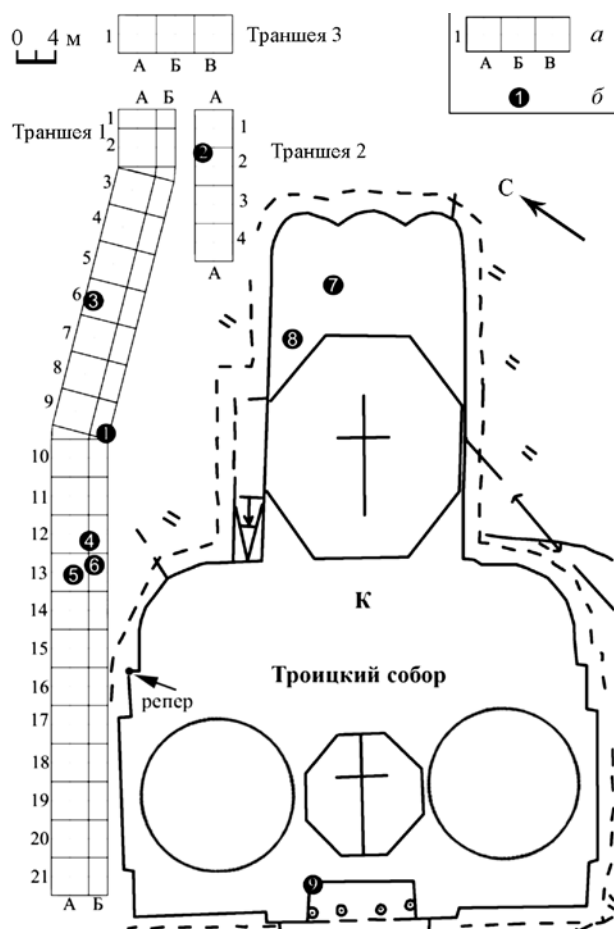

Рис. 1. Серпуховской кремль. Участки охранных археологических раскопок с местами находок белокаменных надгробий

а – участки исследований; б – находки надгробий и их фр-тов

1. *Надгробие дьякона Троицкого собора Афанасия, 1684 г.* Надгробие представляет собой трапезиевидную неорнаментированную плиту с надписью на западном торце (рис. 2). Размеры камня: 138×66/47×28/22 см. На западном торце располагается надпись из трех строк вязью, буквы ровные, резаны по графье:

1. [ЛЕТА] 7192 ИЮЛЯ ... 17 ПРЕСТАВИ[СЯ]
РАБ БОЖИЙ
2. СЕЙ СОБОРНОЙ Ц(Е)РКВИ ЖИВОНАЧАЛ(Ь)
НЫЯ ТРОИЦЫ СВЩН
3. ДИАКОН АФОНАСЕ(Й) ХАРИТО(НО)В СЫН

Оформление надгробия довольно типично для второй половины XVII – начала XVIII в. и имеет многочисленные аналоги среди московских находок. Это плиты из Богоявленского монастыря (№ 31–35; Беляев, 1996. С. 308–310), церковью Успения Богородицы на Чижевском подворье (№ 1, 2), Харитона Ис-

поведника в Огородниках (№ 7), Космы и Дамиана в Нижних Садовниках (№ 7, 8), Вознесения Господня за Серпуховскими воротами (№ 4) (Беркович, Егоров, 2017. С. 107, 109, 369, 493, 494, 537).

Надгробие найдено в траншее 1 на глубине около 0,45 м от современной дневной поверхности, оно располагалось *in situ* над погребением мужчины (№ 87), захороненного с северной стороны Троицкого собора. Над изголовьем надгробия зафиксированы тесаные каменные плитки вымостки, связываемые авторами раскопок с разрушенным приделом Дмитрия Солунского XIX в. Под изножием надгробия находилась подсыпка из осколков белого камня и щебня. Заполнение могильной ямы было сложено темно-серой гумусированной супесью, с включениями строительного мусора: угля, кирпичной крошки и щебня. Могильная яма, плохо читаемая в плане, подовальной формы в районе ног, уходила в юго-восточный борт и была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 3). Приблизительные размеры ямы составляли 2,26×0,55 (в ногах) м, глубина – около 0,95 м от подошвы надгробия. Могильная яма погребения 87 перебивала более раннее погребение 85 с северо-запада, а также многоярусные захоронения 57, 58, 83 с запада. В западной части перекоп, связанный с могильной ямой, включал в себя разрозненные человеческие кости, в том числе переотложенный череп (погребение 86). Вероятно, чрезмерно большая длина могильной ямы связана с перезахоронением разрушенных при погребении дьякона Афанасия захоронений. Погребение было консервировано (Гоняный, 2018. С. 72, 73). После прокладки коммуникаций и засыпки траншеи, надгробие возвращено на место (рис. 4).

Рис. 2. Серпуховской кремль. Надгробие дьякона Афанасия Харитонов из траншеи 1

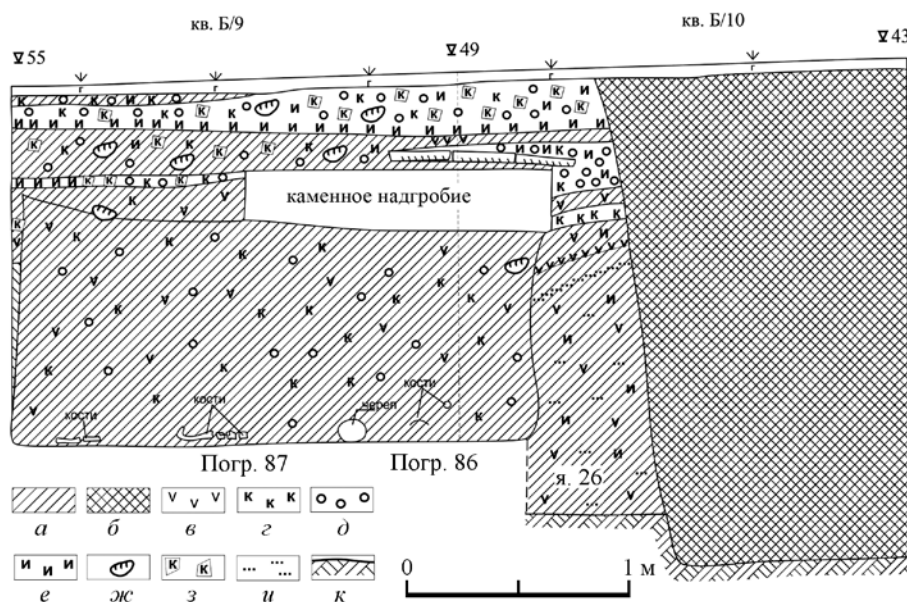

Рис. 3. Серпуховской кремль. Профиль юго-восточного борта траншеи 1

а – темно-серая гумусированная супесь; б – перекоп; в – уголь; г – кирпичная крошка; д – щебень; е – известь; ж – камни; з – фр-ты кирпича; и – песок; к – материк

2. *Надгробие XV – первой половины XVI в.* Надгробие представляет собой белокаменную плиту асимметричной формы плохой сохранности, камень расслоился, плита расколота на четыре фрагмента и мелкие осколки. В центральной части плиты обломана по контуру более поздней ямы с остатками деревянного столба (рис. 5) (Гоняный, 2018. С. 204).

Примерные размеры анэпиграфного неорнаментированного надгробия составляли 168×60×10 см.

Рис. 4. Серпуховской кремль. Надгробие дьякона Афанасия Харитонов после окончания археологических работ

Такие надгробия характерны для некрополей конца XIV–XV в. В Москве они происходят, например, с территории селища Каменная Плотины-1 (№ 21, 27), с бывшего Спасо-Преображенского монастыря на Восток (№ 2) (Беркович, Егоров, 2017. С. 609, 612, 621).

Надгробие обнаружено в заполнении траншеи 2 у апсиды Троицкого собора (рис. 1), на глубине около 0,90–0,95 м от современной дневной поверхности и располагалось *in situ* над погребением 82. Заполнение могильной ямы было сложено светло-бурой гумусированной супесью с включениями ярко-бурой супеси и гумуса. Могильная яма размерами 2,3×0,92 м была ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Глубина могильной ямы от уровня надгробного камня составляла около 0,95 м. Костяк хорошей сохранности располагался вытянуто на спине, руки скрещены на груди. Заполнение могильной ямы и надгробие перекрывали слои, датированные авторами раскопок концом XVI–XVII в. Точная датировка надгробия затруднена, поскольку в заполнении могильной ямы не встречено индивидуальных находок и керамического материала. (Гоняный, 2018. С. 204, 211, 245, 246).

3. *Фрагмент надгробия второй половины XVI в.* Фрагмент представляет собой левый угол изголовья белокаменной надгробной плиты, расслоившийся на три части, размерами: 26×22×10 см (рис. 6). Найден у Северо-западной

Рис. 5. Серпуховской кремль. Неорнаментированное белокаменное надгробие из траншеи 2

стены Троицкого собора в заполнении траншеи 1 при разборке ямы для гашения извести, датированной XVIII в. (рис. 1) (Гоняный, 2018. С. 36, 144).

Рамка по краю плиты, а также прямые боковые тяги набраны двумя поясами очень мелких равнобедренных треугольников, противопоставленных вершинами. Внутренняя рамка набрана прямоугольными треугольниками, разделенными по гипотенузе графьей – «косынки». Полосы орнамента очерчены графьей. Боковые грани плиты не орнаментированы.

Аналогичные по оформлению плиты происходят с некрополем серпуховских Высоцкого и Владычного монастырей. Это плиты инок-схимника Никифора 40–50 гг. XVI в., инок Ферапонта Бибикова 1565 г. (Шилов, 1979. С. 215–224), «немецкая» надгробная плита 1536 г., плита Федора Куликова 1587 г. (Дрбоглав, Шилов, 1979. С. 248–258). Таким образом, аналогии позволяют датировать рассматриваемый фрагмент второй половиной XVI в.

4. *Фрагмент надгробия конца XVI–XVII в.* Фрагмент представляет собой скол края белокаменной плиты, размерами: 9×13×10 см. Лицевая сторона украшена орнаментом в виде полосы жгута в два перевива, из трех нитей каждый. На боковой грани – пояс орнамента «крупный треугольник». Такое орнаментальное оформление было широко распространено и имеет многочисленные аналоги, что позволило определить примерную датировку фрагмента (Беляев, 1996).

5. *Фрагмент надгробия конца XVI–XVII в.* Фрагмент представляет собой скол боковой грани бе-

локаменной плиты, размерами: 10×11,5×9 см. Сохранились детали поясов орнамента «лента с гранями» и «каннелюры». Такое орнаментальное оформление было широко распространено и имеет многочисленные аналоги, что позволяет определить примерную датировку фрагмента (Беляев, 1996).

Рис. 6. Серпуховской кремль. Фр-т надгробия 2-й пол. XVI в. из траншеи 1

Рис. 7. Серпуховской кремль. Фр-т надгробия 1682 г., обнаруженный при реставрации Троицкого собора

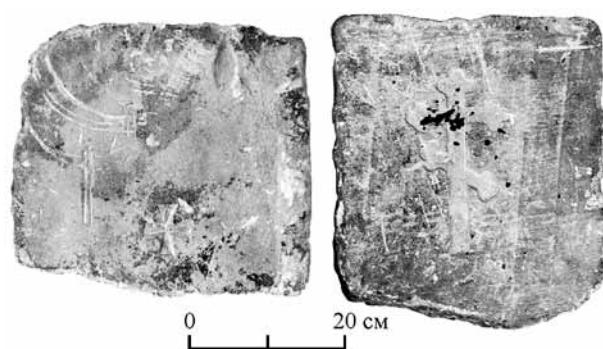

Рис. 8. Серпуховской кремль. Фр-т надгробия (?), обнаруженный при реставрации Троицкого собора

6. *Фрагмент надгробия второй половины XVI–XVII в.* Фрагмент представляет собой скол верхней грани белокаменной плиты, размерами: 14×13×17 см. Орнамент на боковой части фрагмента сбит, сохранились последние буквы одной строки, вырезанные вязью по графье очень аккуратно:

1. ЛА

Палеографические особенности надписи имеют многочисленные аналоги, что позволяет определить примерную датировку фрагмента (Беляев, 1996).

Фрагменты 4–6 найдены на глубине 0,80–1,20 м от современной дневной поверхности в остатках фундамента, который связывается авторами раскопа с располагавшимся на этом участке северным приделом храма, освященным во имя Дмитрия Солунского. По всей видимости, в данном случае фрагменты надгробий использовали вторично

в качестве строительного материала (Гоняный, 2018. С. 41, 130, 133).

7. *Фрагмент надгробия 1682 г.* Фрагмент представляет собой обломок верхней части белокаменной плиты, размерами: 22×21×14 см (рис. 7). Сохранились части двух строк, вырезанные вязью по графье:

1. [ЛЕ]ТА 7190 ГА...
2. ... ПРЕСТА[ВІСЯ]

8. *Фрагмент надгробия XVII – начала XIX в. (?)*. Это прямоугольный обработанный камень с резбой, размерами: 35×39×14,5 см. На одной стороне камня резан шестиконечный «трилистниковый» крест, выполненный очень аккуратно. По краям камня прослеживается прямоугольная рамка, сработанная не так хорошо, как изображение креста. В верхнем перекрестии сохранились следы воска от свечи, которая, по всей видимости, устанавливалась на камень.

На другой стороне камня резаны кресты различных форм: «латинский», «греческий» и «мальтийский». Резьба неуверенная, линии разной толщины и глубины, неровные. Возможно, резьба представляет собой тренировочные работы мастера-камнереза (рис. 8).

Подобные небольшие могильные камни с резным на верхней грани крестом известны среди находок Москвы, например, с территории Семеновского кладбища (№ 5) и кладбища у селища Каменная Плотина-1 (№ 13). Находки интерпретируются авторами как детские надгробия XVII – начала XIX в. (Беркович, Егоров, 2017. С. 583, 605).

9. *Фрагмент белокаменного надгробия XVII в.* Фрагмент надгробия (возможно, верхняя часть плиты), размерами 73×77×35 см, обнаружен в стене Троицкого собора у западного входа. На лицевой грани плиты нанесен орнамент в виде полосы жгута, резанного в два перевива из трех нитей каждый, пущенный по одному краю плиты. У края резана розетка из того же жгута, свернутая «кренделем» (четырёх лепестковая розетка). Полоса жгута и верхняя часть плиты очерчены графьей. Поверхность плиты сильно повреждена при сбивании штукатурки, текст отсутствовал (рис. 9).

Плита с подобным оформлением найдена на территории церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Красном Селе (№ 2), при этом на торце камня располагалась надпись (Беркович, Егоров, 2017. С. 558).

Фрагменты 7–9 найдены рабочими при реставрации Троицкого собора, проводившейся одновременно с археологическими раскопками.

Таким образом, на территории некрополя Троицкого собора найдены надгробия и фрагменты могильных плит XV – последней трети XVII в. Надгробие последней трети XVII в. дьякона Афанасия Харитоновна орнаментировано в традиции московских памятников этого времени и имеет многочисленные аналоги среди опубликованных находок (Беляев, 1996). Фрагменты надгробий XVI–XVII вв. оформлены геометрическим и более поздним жгутовым орнаментом. Неорнаментированная могильная плита из траншеи 2 представляет особенный интерес, т.к. в отрыве от археологического контекста находки таких камней только предположительно можно связать с надгробиями. В связи с этим такие плиты редко описываются в научной литературе и заносятся в каталоги, что затрудняет их изучение. Фиксация таких могильных камней позволяет сделать вывод о распространенности этого вида погребальных конструкций наряду с орнаментированными плитами, а также проследить впоследствии количественные соотношения их использования и предпочтения разных видов надгробий на той или иной территории.

Рис. 9. Серпуховской кремль. Верхняя часть белокаменной плиты XVII в., обнаруженная при реставрации Троицкого собора

Литература

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 567 с.

Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ТМ Продакшн. 765 с.

Гоняный М. И., 2018. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических раскопках на территории Серпуховского городища (Кремль) в г. Серпухов Московской области в зоне прокладки коммуникаций к Троицкому собору / Архив ИА РАН. Р-1.

Дрбоглав Д. А., Шилов В. В., 1979. Надгробия иноземцев из Серпухова // СА. № 4. С. 248–258.

История города Серпухова и Серпуховского края: очерки по археологии. Тула: Лев Толстой, 2010. 224 с.

Присёлков М. Д., 2002. Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб.: Наука. 515 с.

Серпуховский историко-художественный музей. Тула: Лев Толстой, 2008. 269 с.

Шилов В. В., 1979. Надгробные плиты с надписями из Серпухова // СА. № 3. С. 214–226.

M. S. Andreyeva

Whitestone tombstones from the cemetery of the Holy Trinity Cathedral of the Serpukhov Kremlin

Summary

A description is provided of tombstones from the 16th to 18th centuries, which were excavated during archaeological excavations in 2018 in the south-

ern part of Moscow County Region. It is noted that all the tombstones were decorated in the Muscovite tradition.

К. И. Панченко

Институт археологии РАН, Москва

Традиция погребения с сосудами на примере некрополя Нового времени Московской Духовной академии

Погребения с сосудами известны на территории Троице-Сергиевой Лавры¹ с начального этапа ее существования и до закрытия в советское время (Панченко, 2016. С. 547–554; Столярова, Энговатова, 2016. С. 410–422; Энговатова, Богатенков, 2004. С. 361–374). Не стали исключением из этой традиции и захоронения на кладбище Московской Духовной академии² (1871–1919 гг.). Формально его территория была отделена от владений Лавры забором, имела отдельный вход только из академического сада, и находилась в расположении исключительно академической администрации, но фактически являлось продолжением близлежащего монастырского кладбища при церкви иконы Смоленской Богородицы. До появления в 1871 г. у МДА своего некрополя, студентов хоронили именно на смоленском кладбище (Соколов, 1916. С. 17).

Территория академического кладбища полностью исследована в 2014 г. Подмосковный экспедицией ИА РАН. При его изучении применялся комплексный подход на базе археологии, антропологии, криминалистики и архивных данных, благодаря чему удалось персонифицировать почти половину погребений. Результаты проведенных научных исследований публиковались ранее (Энговатова и др., 2016. С. 381–397; Васильева, Энговатова, 2016. С. 423–431). В настоящей статье основное внимание будет уделено погребениям с сосудами.

В ходе археологических раскопок на кладбище МДА зафиксировали 37 захоронений, из них 31 исследовано, среди исследованных в четырех

погребениях находились с сосуды (рис. 1). По техническим и другим причинам у четырех из изученных погребений не вскрывались восточные части, соответственно по ним нет полных данных о погребальном инвентаре. Предположительно, шесть захоронений никак не связаны с МДА и относятся к советскому периоду, когда академия прекратила свое существование.

Таким образом, доля погребений с сосудами составляет не менее 11%, а если исключить захоронения, предположительно относящиеся к советскому периоду, то процент погребений с сосудами вырастает до 13%. Такие показатели близки к данным по крупным некрополям Нового времени (Моисеевский монастырь – 9%, Тихвинский – 8% – Векслер, Беркович, 1999. С. 192; Воробьева, Калыгина, 2013. С. 279–280) и более раннего периода (Чудов монастырь – 11%; Панченко, 2018. С. 164). Все захоронения с сосудами находились в южной трети академического некрополя (рис. 1). Однако, учитывая небольшие размеры кладбища и количество погребений, вряд ли можно предполагать, что для подобных захоронений была выделена особая зона.

Погребение № 31 (рис. 2) стало самым первым на кладбище МДА, положив начало академическому некрополю (Соколов, 1916. С. 15). Это захоронение было исследовано полностью. Погребенный похоронен в грунтовой яме, в деревянном гробу. Тело лежало вытянуто, на спине, руки согнуты в локтевых суставах, предплечья скрещены на груди. Неплохо сохранилась студенческая одежда погребенного, от обуви почти ничего не осталось.

¹ Далее ТСЛ.

² Далее МДА.

Рис. 1. Схема расположения погребений некрополя МДА. Косой штриховкой отмечены погребения с сосудами

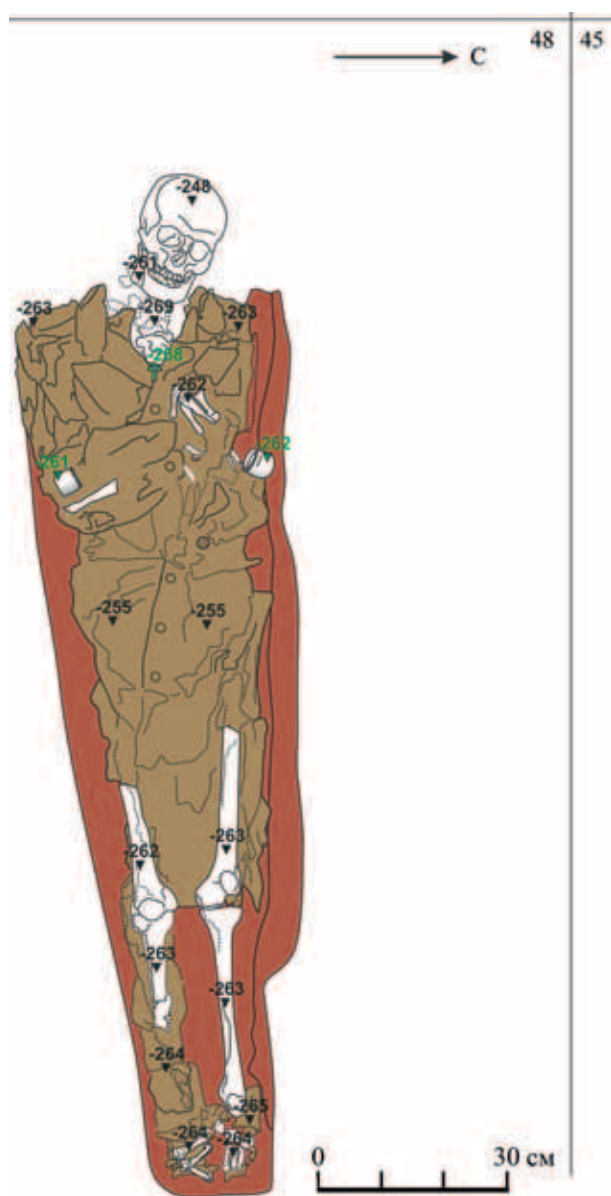

Рис. 2. Погребение № 31

В области грудины обнаружен простой крестик из цветного металла (медный?) на кожаном шнурке. По обеим сторонам от тела у локтей обнаружены две баночки, лежавшие на боку на одежде погребенного. В ходе антропологического³ изучения останков погребенного установлено, что они принадлежат молодому мужчине, умершему в возрасте 20–25 лет от менингита. В целом результаты комплексных исследований с высокой долей вероятности установили, что погребение № 31 является

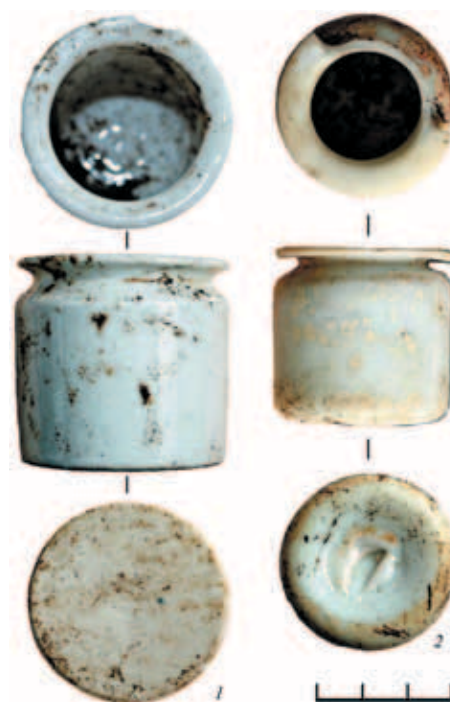

Рис. 3. Аптечные банки из погребения № 31

1 – фаянс; 2 – стекло

захоронением студента второго курса академии В. Д. Головина, умершего 21 октября 1871 г. (Энгелова и др., 2016. С. 386).

Возвращаясь к сосудикам из захоронения можно сказать, что это самые обычные аптечные баночки, повсеместно распространенные в Новое время. В археологических публикациях такой формы изделия также относят в основном к помадным или аптечным банкам (Розенфельдт, 1968. С. 55; Векслер, Беркович, 1999. С. 207, 210). Внутри сосудиков находилась только земля и корни растений, никаких следов когда-то хранившегося в них вещества не зафиксировано. Баночка, лежавшая слева, фаянсовая и покрыта белой непрозрачной глазурью (рис. 3, 1), вторая изготовлена из стекла белого цвета (рис. 3, 2). Форма обоих изделий практически одинаковая, это почти правильный цилиндр с отогнутым горизонтально наружу венчиком. Высота фаянсового сосудика 4,5 см, диаметр 4,5 см; высота стеклянного сосудика 3,9 см, диаметр 3,9 см; объем фаянсового 45 мл, объем стеклянного 29 мл.

Подобные баночки не часто встречаются в погребениях Нового времени, наибольшее их количество найдено на кладбище Моисеевского монастыря

³ Исследование костных останков проводилось группой антропологов ИА РАН М. Б. Медниковой, М. В. Добровольской, И. К. Решетовой, Т. Ю. Шведчиковой, А. А. Тарасовой совместно с ведущим специалистом Московского бюро судебно-медицинской экспертизы С. А. Никитиным.

конца XVII–XVIII в. на Манежной площади, где их доля среди всех погребальных сосудов составляла около 12% (Векслер, Беркович, 1999. С. 207, 210).

Хотелось бы обратить внимание на некоторые нестандартные детали этого захоронения. Во-первых, погребенному в гроб положили два сосуда, что является исключительным случаем. Во-вторых, сосудики находились не в области головы или ног погребенного, а поставлены или положены у его локтей.

Один случай погребения с двумя сосудами зафиксирован также в ТСЛ на Смоленском кладбище в захоронении 1894 г. Есиповой Зинаиды Николаевны. Оба сосуда находились в ногах, но стеклянная бутылочка была на крышке гроба, а фарфоровая чашка в гробу (Энговатова, Богатенков, 2004. С. 371). В средневековый период в одном из погребений (пол не известен) при церкви Жен Мироносиц, аналогично захоронению со Смоленского кладбища, одна чашечка стояла на крышке гроба, вторая в гробу (Дубынин, 1956. С. 142). Расположение сосудов в области груди или у локтя тоже известны в погребениях Нового времени, но это очень редкие, практически единичные случаи (Векслер, Беркович, 1999. С. 192; Энговатова, Богатенков, 2004. С. 370).

В связи с тем, что захоронение В. Д. Головина с точки зрения погребального обряда действительно уникально, поэтому интересно посмотреть архивные данные об этом студенте. В исторических источниках обстоятельства смерти Головина уделено относительно много внимания по сравнению со многими другими студентами. Возможно, это связано с тем, что именно его могила положила начало некрополю МДА.

Из личного дела: В. Д. Головин – сын дьякона, родился 22 апреля 1850 г., окончил пермскую духовную семинарию (1864–1870 гг.). В семинарии посвящен в стихарь в 1868 г. (низший духовный чин), 4 августа 1870 г. принят в МДА. Семья Головина очень бедная, поэтому на пошив одежды для учебы в академии деньги отправлены из пермской духовной семинарии. О его смерти сказано: «*после врачевания в Академической больнице, от летучаго ревматизма (Rheumatismus Vagus) 21 сего Октября волею Божию, умер, быв напутствован пред кончиною святыми таинствами покаяние и причащение Святых таин*». В воспоминаниях В. А. Соколова о смерти В. Д. Головина он пишет следую-

щее: «... заболел ревматизмом в ногу и поместился в нашу академическую больницу. Его болезнь никому из нас не представлялась серьезной, но будто бы, по словам врача, от того, что он коротко остригся, ревматизм пал на голову и менее чем чрез месяц свел его в могилу. Почивший юноша окружен был всеми знаками молитвенного внимания со стороны начальства и товарищей. Александр Васильевич⁴ с сонмом духовенства два раза в день совершал при гробе панихиды, при участии хора певчих и всех студентов, а мы, однокурсники почившего распределили между собою очередь чтения псалтири на все дни до погребения». На погребении присутствовала профессорская корпорация почти в полном составе (Соколов, 1916. С. 15, 16).

Как видно в исторических сведениях ничего не говорится о елее или обряде соборования. По этим данным можно предположить только то, что аптечные баночки попали в погребение из больницы, где лечился Головин. Учитывая столь участливое отношение к этому студенту, возможно, для излечения над ним совершали обряд соборования (см. также ниже) или елеосвящения, но тогда, исходя из количества сосудов, он должен был быть совершен дважды. Такая ситуация возможна только в случае, если врачи посчитали, что он сначала заболел одной болезнью, вылечился, а потом заболел другой. Согласно одному из правил таинства соборования, врачевание нельзя повторить над больным, пока он находится в одной и той же болезни, но можно совершить вновь в другой болезни (Забелин, 1884. С. 268, 269). Однако в XIX в. существовало и другое мнение, по которому таинство елеосвящения подобно покаянию и причащению, поэтому его можно повторять в течении одной и той же болезни (Булгаков, 1913. С. 1278). В целом обряд погребения В. Д. Головина с двумя баночками в гробу на сегодняшний момент действительно уникален и пока трудно поддается объяснению с церковной точки зрения.

Погребение № 35 неизвестного студента (рис. 4) относится ко второму этапу (1879–1894 гг.) существования кладбища Академии, когда распространились тиф, чахотка и др., ставшие в те годы причиной смерти многих студентов МДА (Васильева, Энговатова, 2016. С. 426). Захоронение № 35 было исследовано полностью. Погребенный похоронен в грунтовой яме, в деревянном гробу. Тело лежало вытянуто, на спине, руки согнуты в локтевых

⁴ Церковный историк протоиерей Александр Васильевич Горский (1814–1875), ректор МДА в 1862–1875 гг., добился создания академического кладбища на территории сада Академии.

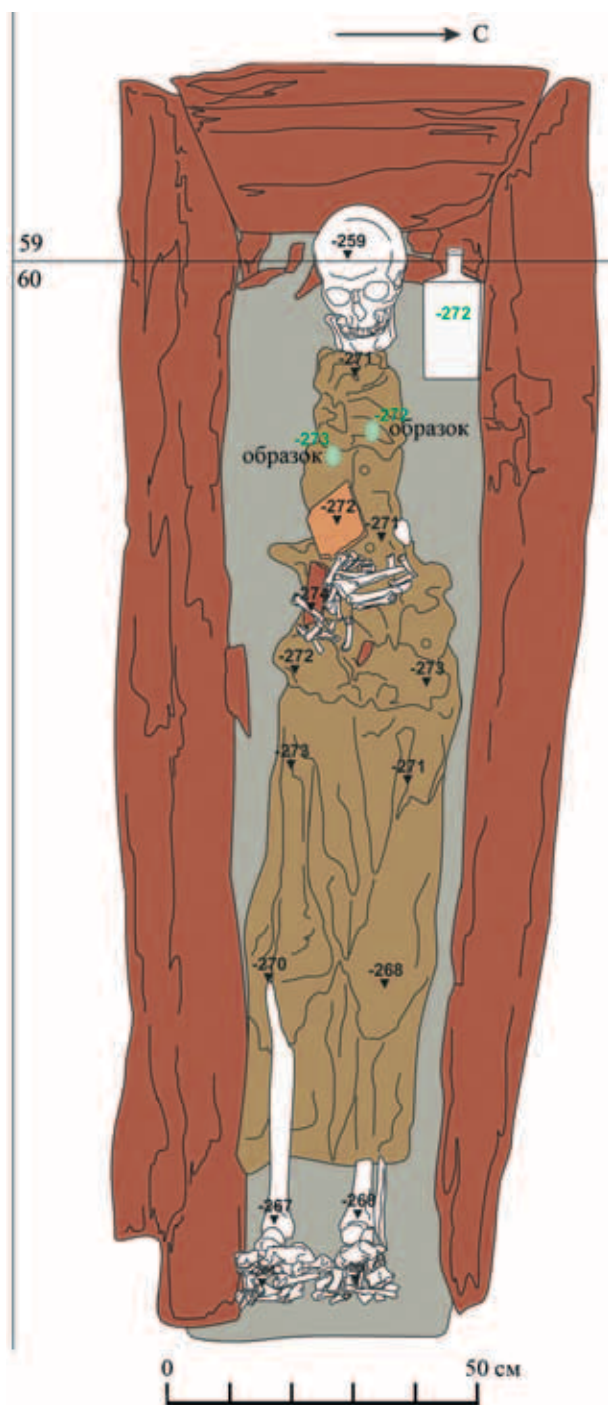

Рис. 4. Погребение № 35

суставах, предплечья сложены на животе. Предположительный биологический возраст около 25 лет, каких-либо серьезных заболеваний по костным останкам не выявлено. Сохранность одежды в захоронении не очень хорошая, однако по отдельным фрагментам можно сделать вывод, что она аналогична форме, в какой хоронили студентов академии. Обувь не сохранилась.

Рис. 5. Стекланный флакон из погребения № 35

Слева от головы погребенного лежал стеклянный флакон, а поверх одежды, рядом с руками – деревянная иконка, изображение на ней не сохранилось. На груди захороненного найдено две овальных подвески-образка: первая с образом Сергия Радонежского с одной стороны и Черниговской Богоматери с другой; вторая, худшей сохранности, с изображением Богоматери с младенцем (кто изображен с другой стороны, непонятно). Кроме того, под головой захороненного найдено много тонких железных прутьев, предположительно, от металлического венка.

Флакон (рис. 5) из захоронения имел почти овальное в сечении тулово с чуть расширяющимися к верху стенками, цилиндрическим горлом и венчиком в виде кольцевого выступа. Высота сосуда 21 см, максимальная ширина тулова 9,5 см, толщина – 4,1 см, высота тулова 17 см. Объем флакона – 498 мл. На его стенке курсивом изображены рельефные буквы «Т.С.Л.», а на дне цифра «12». Стекло прозрачное слегка сероватого оттенка. Внутри сосуда находилась только земля и мелкие корни растений. Такие флаконы производились для Троице-Сергиевой Лавры в XIX – начале XX в. и, вероятно, использовались для святой воды, лампадного масла и т.п. Обращает на себя внимание факт, что в студенческом захоронении найден достаточно значительный набор погре-

бального инвентаря и самый большой по объему сосуд из всех найденных.

Погребение № 56 неизвестного студента (рис. 6) относится ко второму этапу (1879–1894 гг.) существования кладбища МДА. Захоронение исследовано полностью. Погребенный похоронен в грунтовой яме, в деревянном гробу. Предположительный биологический возраст 25 лет. Следов серьезных заболеваний не обнаружено. Тело лежало вытянуто, на спине, руки согнуты в локтевых суставах, предплечья сложены на животе. На погребенном была не полностью сохранившаяся студенческая форма. Обувь не зафиксирована.

Справа у головы лежал стеклянный флакончик, а на груди деревянная прорезная иконка, накрытая сверху стеклом. На стекле никакого изображения не зафиксировано. Флакончик (рис. 7, 2) из захоронения имел овальное в сечении тулово со скругленным верхом и почти вертикальными стенками. Горло цилиндрическое, с венчиком в виде кольцевого выступа. Стенки флакончика декорированы двумя узкими арочными валиками по периметру, а на лицевой стенке отсиснуты рельефные буквы «В.Б.». На дне сосуда отпечатано рельефное клеймо в виде цифры «1». Высота сосуда 9,7 см, ширина тулова 3,8 см, толщина 2,6 см, высота тулова 7,5 см. Объем флакончика 35 мл. Стекло прозрачное чуть сероватого оттенка. На одной из стенок сосуда имелся темно-коричневый налет. Подобные флакончики часто встречаются в отложениях конца XIX – начала XX в., в основном они использовались для лекарств и т. п. (Лихтер, 2017. С. 290–295).

Погребение № 37 неизвестного монаха (рис. 8) связано предположительно с четвертым периодом существования академического кладбища (1915–1919 гг.), это время было самым тяжелым для МДА (Васильева, Энговатова, 2016. С. 427). Захоронение № 37 исследовано полностью. Погребенный похоронен в грунтовой яме, в деревянном гробу. Предположительный биологический возраст около 50 лет, каких-либо серьезных заболеваний по костным останкам не обнаружено. Тело лежало вытянуто, на спине, руки согнуты в локтевых суставах, предплечья скрещены на груди. Голова погребенного лежала на подушке из древесной стружки. На лицевой части черепа сохранились следы от ткани. Тело завернуто в мантию с медной застежкой у шеи. Тело перевито двумя сохранившимися тканевыми (ткань такая же, как и у мантии) крестами. Один крест у колен, второй – на груди, украшен крестообразной розеткой, вышитой металлизированной нитью. Ноги связаны обрезками мантии. Одевание у головы нарушено, поэтому третий тряпичный

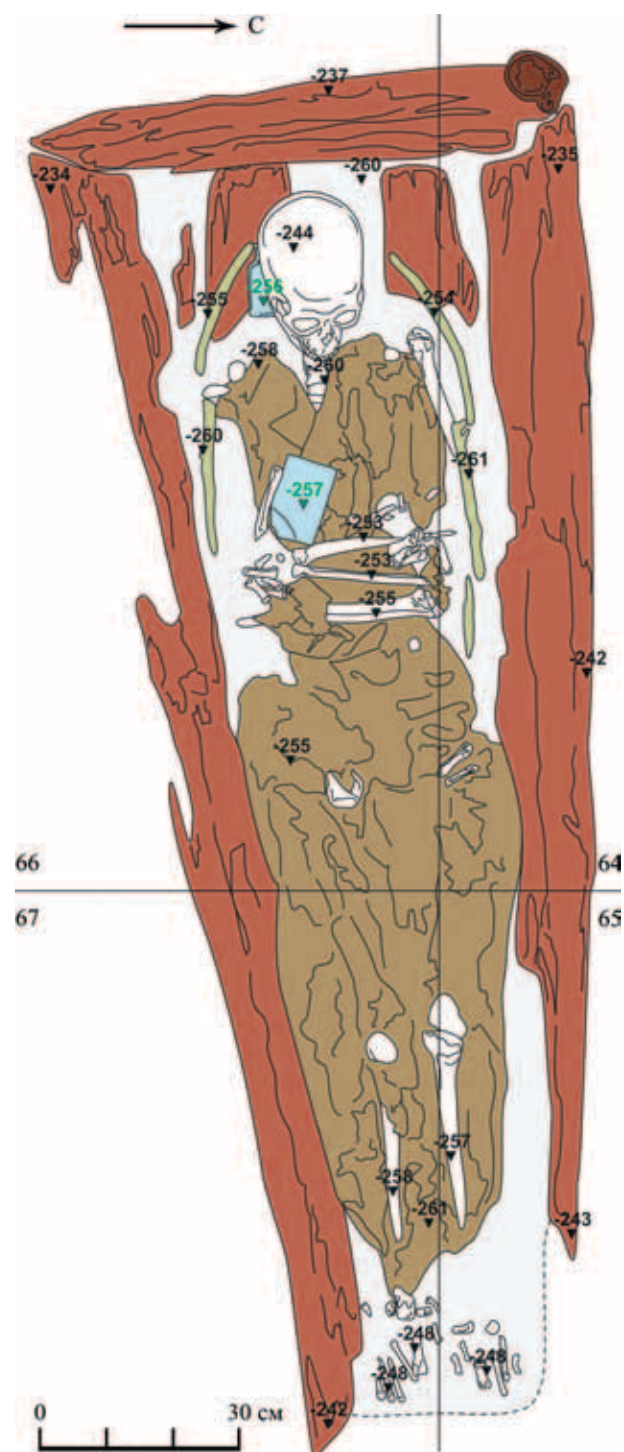

Рис. 6. Погребение № 56

крест не сохранился. Под мантией фиксировались многочисленные фрагменты тонкой ткани плохой сохранности. В районе живота под мантией найден фрагмент розетки подобной той, что лежала сверху. На поясе обнаружен монашеский кожаный ремень с железной пряжкой. Обувь не сохранилась.

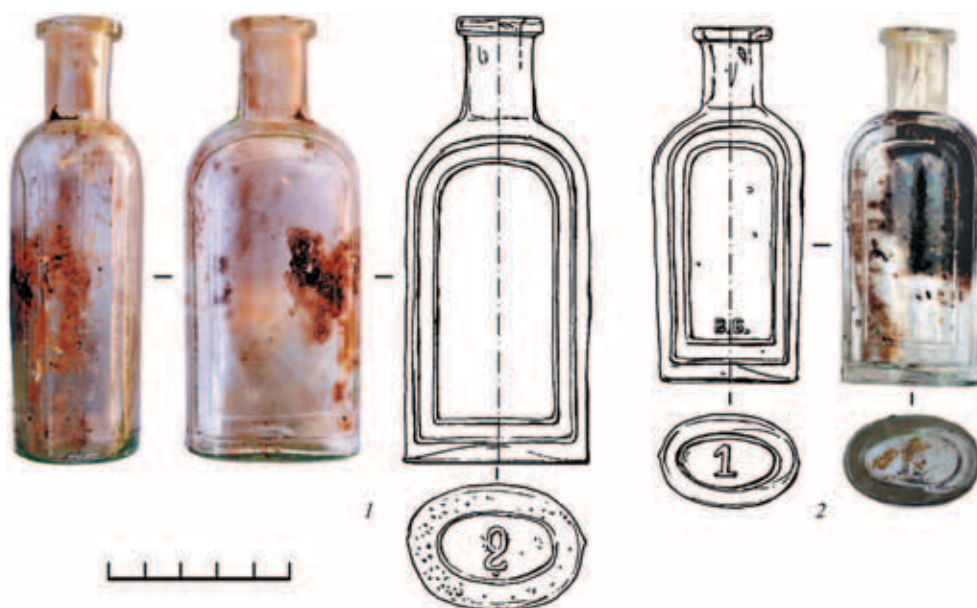

Рис. 7. Стекланные флакончики

1 – из погр. № 37; 2 – из погр. № 56

У левого плеча погребенного лежал стеклянный флакончик, в правую руку вложен деревянный постригальный крест, а в левую – веревочные четки. На груди захороненного было два креста: один нателный янтарный (?) в серебряном окладе, второй параманный деревянный крест. Также в гробу зафиксированы остатки восковых свечей. Флакончик (рис. 8, 1) из захоронения полностью аналогичен флакончику из погребения № 56. Он отличался только отсутствием букв на стенке сосуда. На его дне стояло клеймо в виде цифры «2». Высота флакончика 12 см, ширина тулова 4,9 см, толщина 3,5 см, высота тулова 9,3 см. Объем флакончика 90 мл.

Одеяние тела в захоронении совершенно согласно чину погребения монахов. По этому чину монаха одевают в одежды, соответствующие его статусу, поверх них зашивают в мантию, которую разрезают и делают из отрезков три креста: у головы, на груди и у колен, а оставшейся частью связывают ноги. Поверх погребального одеяния кладут икону (Булгаков, 1913. С. 1290; Тихомиров, 1893. С. 266).

Как видно из описания, в погребения положили самые обычные для XIX – начала XX в. аптечные сосуды (рис. 9), которые не создавались специально для погребального обряда или религиозных ритуалов, за исключением стеклянного флакона из ТСЛ. При этом отличительной чертой некрополя МДА является отсутствие чашек, стаканов и рю-

мок, обычно встречающихся на кладбищах нового времени (Алексеев и др., 2005. С. 19–23; Воробьева, Калыгина, 2013. С. 282–289; Беляев, 2012. С. 123; Лихтер, 2018. С. 409). Такая особенность набора посуды вполне объяснима, т.к. все похороненные на академическом кладбище умерли не в домашней обстановке, а в больнице МДА, откуда, вероятно, и были взяты аптечные сосуды, положенные потом в захоронение. Как и в Средние века (Панченко, 2018. С. 162), в Новое время предпочитали использовать в качестве погребальных сосуда небольшого объема. Хотя один флакон большого объема найден на некрополе МДА, он вряд ли свидетельствует о каком-то особом статусе погребенного. Если в такой крупный сосуд действительно наливали елей, возможно, его взяли случайно, по причине отсутствия маленького сосуда.

Чтобы понять, какую роль играли в Новое время погребальные сосуды, нужно обратиться к описаниям XIX – начала XX в. вещей, которые сопровождали умерших в соответствии с чином погребения. При погребении священника в правую руку ему вкладывали крест, на грудь клали Евангелие, а лицо покрывали «воздухом». Церковными правилами не указывается, возлагать ли на умершего иерея постригальный крест и следует ли класть потир в гроб священника⁵. Дьякону влагали в руку кадило. Монаху клали икону, но нигде

⁵ На последнее обращено особое внимание в описании.

в чине погребения монахов не говорится о положении в гроб постригальных крестов или четок. Мирянину на лоб клали венчик, в руки икону, а на юге – крест (Булгаков, 1913. С. 1290, 1291; Тихомиров, 1893. С. 266–268).

Как видно, в источниках ничего не говорится о погребальных сосудах: «елейницах», «слезницах». Подобных сосудов нет и в описании ритуальной посуды. И это при том, что именно в Новое время обычай класть в гроб умершему сосуд получает наибольшее распространение. Более того, у того же С. В. Булгакова уделено серьезное внимание суевериям, обычаям и поверьям в разных губерниях России при совершении погребального обряда и мерам по противостоянию им, но нигде он не упоминает положение сосуда в погребение, как суеверный обычай (Булгаков, 1913. С. 1293, 1294). Значит, это соответствует христианским неписаным нормам, а пресвитеру фактически предоставляется свобода выбора, зависевшего от его личного опыта.

Объясняя назначение сосуда в погребениях ранней Москвы, археологи с самого начала говорили только об обряде соборования (елеосвящения), именно по причине распространенности обычая соборовать больных и умирающих в России XIX в. (Беляев, 2017. С. 126, 128). Однако елеосвящение вообще не имеет никакого отношения к погребальному обряду, наоборот, в православной традиции это таинство связано с исцелением телесным и душевным. Больному испрашивается исцеление от болезней и отпущение грехов, но нет никакого намека на приготовление заболевшего к смерти. Это таинство ни в коем случае не должно совершаться над умершим (Булгаков, 1913. С. 1273–1280; Забелин, 1884. С. 268–272).

Тогда имеет ли вообще какое-либо отношение елеосвящение к погребальной традиции? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть некоторые детали обряда, описанные С. В. Булгаковым (1913. С. 1277–1279). Для елеосвящения в христианстве используют оливковое, или, как раньше называли, деревянное масло, смешанное с небольшим количеством красного вина. Елей при совершении таинства соборования становится носителем божественной благодати, соответственно предметы, в т. ч. и сосуд, в который налили елей, становятся причастными к освящению, и его уже нельзя использовать в быту. В XIX в. была распространена практика наливать елей для соборования в чистый благоприличный сосуд «домашнего употребления», в богатых домах обычно стакан, а в бедных рюмка (по Булгакову). В случае смерти больного, едва ли не везде было принято елей,

Рис. 8. Погребение № 37

оставшийся от соборования, возливать на тело после отпевания. О том же пишет и П. П. Забелин: елей, оставшийся от помазания, принято крестообразно возливать на умершего (Забелин, 1884. С. 272). Соответственно сосуд, в котором было освященное масло, не может больше находиться в бытовом обращении, и его кладут в гроб.

В связи с вышесказанным хотелось бы обратить внимание еще на один факт, связанный с сосудицами для хранения еля. В XIX – начале XX в.

Рис. 9. Ассортимент аптечной посуды начала XX в.

священникам рекомендовалось хранить елей в небольшом стеклянном сосудике, желательного, нешироком пузырьке из толстого шлифованного стекла со стеклянной пробкой и подписывать пузырек буквой «Е» (Забелин, 1884. С. 143, 144). Подобного вида пузырьки или флакончики найдены в погребениях некрополя МДА и других могильниках Нового времени (см. выше).

Как видно из источников, соборование совсем не имело никакого отношения в Новое время⁶ к погребальному обряду. С погребальным обрядом

связан только елей и ничто другое. Не менее важный для нас факт состоит в том, что елей выливается на тело из сосуда, а не наливается в сосуд, чтобы потом поставить его умершему. Соответственно, все рассуждения о сосудах с остатками еля в захоронениях XVIII – начала XX в. пока относятся к ничем не подтвержденным домыслам.

В целом, имеющиеся археологические данные и исторические описания, хотя бы отчасти объясняют на данный момент появление разнообразной бытовой посуды в захоронениях XVIII – начала XX в.

Литература

Алексеев А. В., Гончарова Н. Н., Зайцев В. В., Лазукин А. В., Седов Д. А., 2005. Охранные исследования церкви Вознесения Господня на нижнем посаде Звенигорода. М.: ИА РАН. 150 с. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 3).

Васильева Е. Е., Энговатова А. В., 2016. Деревянные гробы, обнаруженные в ходе исследования некрополя Московской духовной академии в 2014 году (город Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра) // АП. Вып. 12. С. 423–431.

Векслер А. Г., Беркович В. А., 1999. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади

в Москве // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.: Наука. С. 181–225.

Воробьева Е. Е., Калыгина Ж. С., 2013. Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевко-кшайска: предварительные итоги изучения // Поволжская археология. № 2 (4). С. 279–290.

Беляев Л. А., 2012. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках. М.: ИА РАН. 504 с.

Беляев Л. А., 2017. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 119–136.

⁶ Упоминание исключительно Нового времени не случайно, т.к. относить все сказанное также к раннему периоду будет некорректно и требует обращения к ранним источникам.

Булгаков С. В., 1913. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Изд. 3-е. Киев. 1772 с.

Дубынин А. Ф., 1956. Отчет о работе Московской экспедиции за 1955 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 1110.

Забелин П. П., 1884. Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской церкви и церковно-гражданским постановлениям русской церкви, Ч. I. Киев. 484 с.

Лихтер Ю. А., 2017. Стекланные сосуды из раскопок в 2015 году в Черниговском переулке (Москва) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 284–298.

Лихтер Ю. А., 2018. Погребения со слезницами. Археологические исследования Нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря в 2016 году // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 409–413.

Панченко К. И., 2018. Керамические сосуды из некрополя при церкви чуда Архистратига Михаила в Чудовом монастыре Московского Кремля // КСИА. Вып. 251. С. 158–167.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с. (САИ. Вып. Е1-39).

Соколов В. А., 1916. Годы студенчества (1870–1874) // Богословский вестник ТСЛ. Т. 2. № 5. С. 3–36.

Столярова Е. К., Энговатова А. В., 2016. Стекланные слезницы из некрополя церкви Сошествия святого Духа Троице-Сергиевой лавры // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 410–422.

Тихомиров Е. 1893. Загробная жизнь, или Последняя участь человека. СПб. 608 с.

Энговатова А. В., Богатенков Д. В., 2004. Исследования некрополя XIX века у храма Смоленской иконы Божьей Матери в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году // АП. М.: ИА РАН, С. 361–374.

Энговатова А. В., Медникова М. Б., Добравоольская М. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Тарасова А. А., Васильева Е. Е., Панченко К. И., Никитин С. А., 2016. Исследования некрополя Московской духовной академии в 2014 г. // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 381–397.

Личное дело студента МДА Головина Василия Дмитриевича / ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4 Д. 948.

K. I. Panchenko

The tradition of burials with funerary vessels, with examples from the modern-day cemetery of the Moscow Academy of Divinity (Sergiev Posad)

Summary

This study presents a description of burials with funerary vessels, along with the vessels themselves, from the cemetery of the Moscow Academy of Divinity.

Some specific aspects of burial rites with such vessels are described, along with the connection of the archaeological results obtained and historic source materials.

Керамологические исследования

И. С. Аникин, А. М. Фатьков
Институт археологии РАН, Москва

Группа керамики из Южного Подмосковья: следы локальной позднесредневековой гончарной традиции (по материалам раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2, 2013 год)

При обработке керамической коллекции из раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2, исследованного в 2013 г. (Фатьков, 2013. С. 540–541, 545–546), расположенного на левом берегу р. Пахра, в комплексах второй половины XIV (?) – второй трети XVI в. были зафиксированы многочисленные серии специфической круговой керамики из светложгущейся глины, составляющей по своим характеристикам целостную группу, которая ранее не была описана в археологической литературе. В качестве ее временного рабочего названия предлагается такое: *«светлоглиняная керамика с примесью некальцированного песка»*. Общее количество найденных на раскопе фрагментов гончарной посуды, принадлежащих к данной группе, составило 2845 шт.

За методическую основу статистической фиксации всей керамической коллекции из раскопа была принята сокращенная система статистики керамики, предложенная В. Ю. Ковалем (2016б). Подавляющее большинство обломков керамики было найдено в заполнении углубленных в материк объектов, выявленных в пределах раскопа 2, где изучены многочисленные условно закрытые керамические комплексы, что позволило сделать общие выводы относительно статистики комплексов однородного состава. Данные наблюдения, с опорой на опубликованные материалы (Розенфельдт, 1968; МК, 1991; Коваль, 2001; 2016а; 2018; Кренке, 2009; Богомолов и др., 2009; 2012) по времени бытования и характеристикам хорошо известных в Москве и Подмосковье керамических типов, встреченных и на селище Большое Саврасово 2, легли в основу предварительных датировок как отдельных комплексов, так и их групп («типов»), определенных на основании однородности состава наборов керамики в различных объектах.

Относительно узкая датировка большей части объектов раскопа лишь по имеющимся в них индивидуальным находкам представляется затруднительной. Дело в том, что практически все хорошо датированные находки на раскопе 2 (за исключением девяти монет) имеют довольно широкий период бытования – до двух столетий (обычно – XV–XVI вв.). При этом репрезентативные керамические комплексы, выявленные в различных слоях заполнения объектов, в большинстве случаев характеризуются несколькими устойчивыми сочетаниями различных групп керамики, которые и рассматриваются в качестве «типов» керамического комплекса. Каждая группа керамики обладала технологическими и морфологическими особенностями, изменявшимися со временем, что позволяет использовать данные материалы для предварительной относительной датировки. Соотношение в комплексе различных групп керамики с определенным сочетанием хроноиндикаторов позволяет существенно сузить датировку, а повторяемость подобного соотношения в нескольких комплексах (т. е. наличие «типов» комплексов) показывает, что она не случайна.

Итак, в результате анализа керамического материала было выделено несколько типов керамических комплексов, каждый из которых был датирован по аналогам. Естественно, что подобная датировка имеет вероятностный и относительный характер, однако, как минимум, в одном случае (о котором будет сообщено ниже) она была достоверно подтверждена монетными находками.

Для исследования рассматриваемой группы керамики было отобрано 18 наиболее репрезентативных комплексов из различных объектов – № 6, 29, 120, 140, 176, 203, 234, 242, 246, 249, 276, 279, 283, 299, 301, 314, 315, 339 (табл. 1; 2). За минимально

Таблица 1. Селище Большое Саврасово 2. Раскоп 2 (2013 г.). Распределение основных разновидностей посудной керамики в наиболее представительных комплексах 2-й пол. XIV в. (?) – XV в.

Объекты, №	Тесто с примесью дресвы				Тесто с примесью только песка										Всего фр-тов керамики в комплексе	Датировка комплекса
	С неопределимым исходным цветом	Из красножгутихся глин (неполный обжиг)	Из беложгутихся глин		С неопределимым исходным цветом	Неполный обжиг	Из красножгутихся глин				Белоглиняная (полный обжиг)	Светлоглиняная с примесью некальцированного песка		Белоглиняная без видимых примесей (полный обжиг)		
							кухонная	столовая	краснопопечная	антобированная						
№ разновид. (столб.) по отчету	1, 6	2, 3	4	5	7, 19	8	12	13	14, 15	9–11	16	18	18а	25		
276	3	17			5	9	6	26				4 (5,7)*			70	2-я пол. XIV в. (?) – 1-я пол. XV в.
301		10**			7	23	12	24				8 (9,5)			84	2-я пол. XIV в. (?) – 1-я пол. XV в.
120	5	6		6***	15	66	2	81	4	4	4	109 (36,6)			298	XV в.
234, ниж. гор.	3	4	1		1	19	8	4	13			32 (37,6)			85	XV в.
242		1	24		1	22		6	4			47 (44,8)			105	XV в.
246				4		14	2	25	6			29 (36,3)			80	XV в.
279	3	7			12	49	3	54	3			113 (45,9)	2 (0,8)		246	XV в.
283	2				2	3		8	5			55 (73,3)			75	XV в.
314						6		8				97 (87,4)			111	XV в.
315	1							5	7			340 (96,3)			353	XV в.
339, ниж. гор.	3				3	1		1				132 (93)	2 (1,4)		142	XV в.

* Количество фр-тов данной разновидности в комплексе (% от общего количества фр-тов в комплексе).

** Как 1 фр-г здесь учтен развал горшка с примесью большого количества дресвы и венчиком типа 7 (состоял из 62 фр-тов).

*** В столбцах 5 и 16 данной таблицы по формальным признакам учтены обломки, не относящиеся к стандартной гжельской белоглиняной керамике.

Таблица 2. Селище Большое Саврасово 2. Раскоп 2 (2013 г.). Распределение основных разновидностей посудной керамики в наиболее представительных комплексах 2-й пол. XV – 2-й тр. XVI в.

Объект №	Тесто с примесью дровы				Тесто с примесью только песка										Всего фр-тов керамики в комплексе	Датировка комплекса
	С неопределимым исходным цветом черепка	Из красножгутихся глин (неполный обжиг)	Из беложгутихся глин		Из красножгутихся глин				Белоглиняная (полный обжиг)	Светлоглиняная с примесью некалиброванного песка		Белоглиняная без видимых примесей (полный обжиг)				
					Полный обжиг		красноощенная	антобированная								
					кухонная	столовая										
													с примесью средне и крупнозернистого песка	с примесью мелкозернистого песка		
№ разновид. (столб.) по отчету	1, 6	2, 3	неполный обжиг	полный обжиг	8	12	13	14, 15	9–11	16	18	18а	25	341	2-я пол. XV в. – нач. XVI в.	
6, ниж. гор.		8	3	44	7	1	5	12	1	17	28	1	126 (37)* 6 (1,8)**	1	45 (40,9)	2-я пол. XV в. – нач. XVI в.
203, ниж. гор.		1		133	1	1	1	3		3	34 (16,5)***			1	206	1-я пол. XVI в.
29		4		76	1	2	1	2		7	17 (13,7)				124	1-я пол. XVI в.
176				67	1		1	45		6	11 (7,2)		1 (0,7)	1	153	1-я пол. XVI в.
249										35	70 (9,7)		2 (0,3)		722	1-я пол. XVI в.
299, ниж. гор.	1	2	1	354	5	4	2	17	2	233	55 (6,9)					1-я пол. – 2-я тр. XVI в.
140	2	3	2	240	14	2	2	51	5	233	55 (6,9)	2 (0,3)	21	796		

* Количество фрагментов данной разновидности в комплексе (% от общего кол-ва фр-тов в комплексе).

** Как 1 фрагмент здесь учтен развал горшка (из 84 обломков).

*** Как 1 фрагмент здесь учтен развал горшка (из 35 обломков).

допустимый размер представительного комплекса был принят набор из 70 обломков керамической посуды, самый большой содержал 796 фрагментов. Общее количество керамики всех учтенных разновидностей составило для перечисленных комплексов 4279 фрагментов. Совокупная численность в них обломков светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка равна 1456 шт. (немногим более половины от суммы всех ее находок на раскопе 2). При первичной полевой фиксации фрагменты данной посуды учитывались в основном как разновидность 18 (либо 18а), в соответствии с номерами столбцов в таблицах статистики массового керамического материала. В представленных в настоящей публикации сводных таблицах 1 и 2 полевая нумерация разновидностей (впоследствии вошедшая в отчет) сохранена. Используемые здесь применительно к керамическим материалам термины «группа», «тип» (кроме комплексов в целом и венчиков), «традиция» подразумеваются как синонимы, без присвоения им четкого систематического значения.

В рассматриваемой группе светлоглиняной посуды представлены обломки сосудов (и реконструированные целые формы) с устойчивым сочетанием технологических и морфологических признаков, относящиеся, по-видимому, к отдельной локальной традиции производства керамики. Следы этой традиции достаточно сильно контрастируют с хорошо известными группами позднесредневековой керамики, широко распространенными в Москве и Подмосковье. Ее самобытность выражается в особенностях технологии изготовления (в том числе – в составе керамического теста и в характеристиках обжига), ассортименте посуды, отчасти – в наборе форм венчиков и пропорциях горшков.

В составе этой группы встречен широкий спектр видов керамической посуды: горшки, корчаги, миски, сковороды (латки со втульчатыми ручками), кувшины, крышки для горшков (с петельчатыми ручками, крепящимися посредством двух шипов), кумган (Баранов, Фатков, 2017), ендова (табл. 3). Все они технологически единообразны. Они изготовлены на ручном гончарном круге на этапах РФК-3-4 по А. А. Бобринскому (1978. С. 27), с подсыпкой под днище песка (в намного более редких случаях – золы), начин донно-емкостный, на днищах горшков прослеживается невысокий бортик («закраина») от присоединения дополнительной ленты к основанию тулова. Очень часто с внутренней стороны посуды видны следы незаглаженных швов между лентами, из которых методом скульптурной лепки было сконструировано полое тело сосудов, в том числе на самых поздних образцах горшков и кувшинов (рис. 1). В целом,

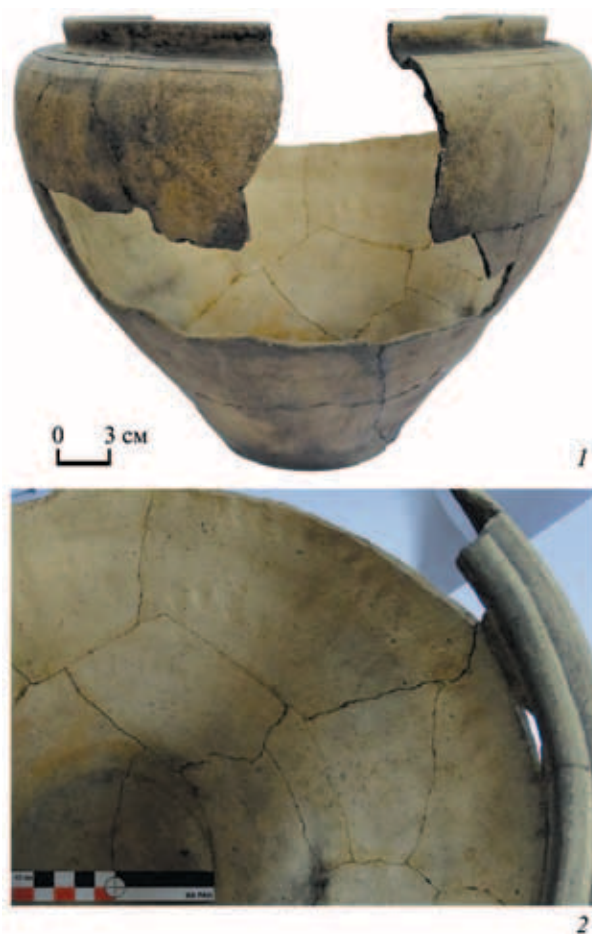

Рис. 1. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Светлоглиняный горшок из объекта № 29 (1–2). На внутренней поверхности в местах соединения лент видны цепочки следов от пальцев гончара

сосуды имеют визуально определяемые особенности способа конструирования, профилирования, обработки поверхности, характерные для более ранней круговой керамики – древнерусской.

Относящаяся к этой группе керамика имеет светлый цвет поверхностей фрагментов (рис. 2) – от белого до (изредка) светло-коричневого, с вариантами желтоватого, розоватого, светло-серого оттенков; чаще всего встречается беловато-кремовая окраска, позволившая первоначально считать эту посуду белоглиняной. На изломе цвет черепков иной – от серого до черного. Повторный обжиг образцов этой керамики в лаборатории ИА РАН «История керамики» под руководством Ю. Б. Цетлина показал, что глины, из которых они были изготовлены, относятся к светлоглинистым (с очень небольшой степенью ожелезнения). К этой же группе принадлежит относительно небольшое количество керамики, отдельно учтенной при статистической обработке как очевидно слабоожелезненная (при соответствии всех остальных признаков группы),

Таблица 3. Селище Большое Саврасово 2. Раскоп 2 (2013 г.). Распределение определенных форм светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка в наиболее представительных комплексах*.

Объекты, №	Венчики горшков (№ типов по В.Ю. Ковалю)										Всего	Корчаги	Крышки от горшков	Миски	Сковороды (латки)	Кувшины	Кумган	Ендова
	2	3	4	5	6	7	9	10										
276					1					1								
301						2				2								
120	2		2	3	5	4				16			1					
234, ниж. гор.			3							3	1					1		
242			4				1	5		10			1					
246			3							3								
279	1		6	4	2					13				1	1	1		
283			2		2		1			5				2				
314			5		2	1	2			10			1	1	1			
№ 315			16				11			27	1							
339, ниж. гор.	4		4		2					10			2					
6, ниж. гор.				22	1	12				35				2				
203, ниж. гор.	2		1	1						4								1
Итого 2-й пол. XIV(?) – нач. XVI в. (%)	9 (6,5)		46 (33,1)	30 (21,5)	15 (10,8)	19 (13,7)	15 (10,8)	5 (3,6)		139 (100)	2	6	3	4	1	1	1	1
29	3	9				1				13					1			
179				1						1			1					
249			1							1								
299, ниж. гор.	1		2		3					6	1		1		1			
140	3			3						6					1			
Итого 1-й пол. – 2-й тр. XVI в. (%)	7 (25,9)	9 (33,3)	3 (11,1)	4 (14,8)	3 (11,1)	1 (3,7)				27 (100)	1		2		3			

* Венчики горшков учитывались по общему количеству найденных фрагментов с определенным типом, без разделения их совокупностей на уникальные сосуды.

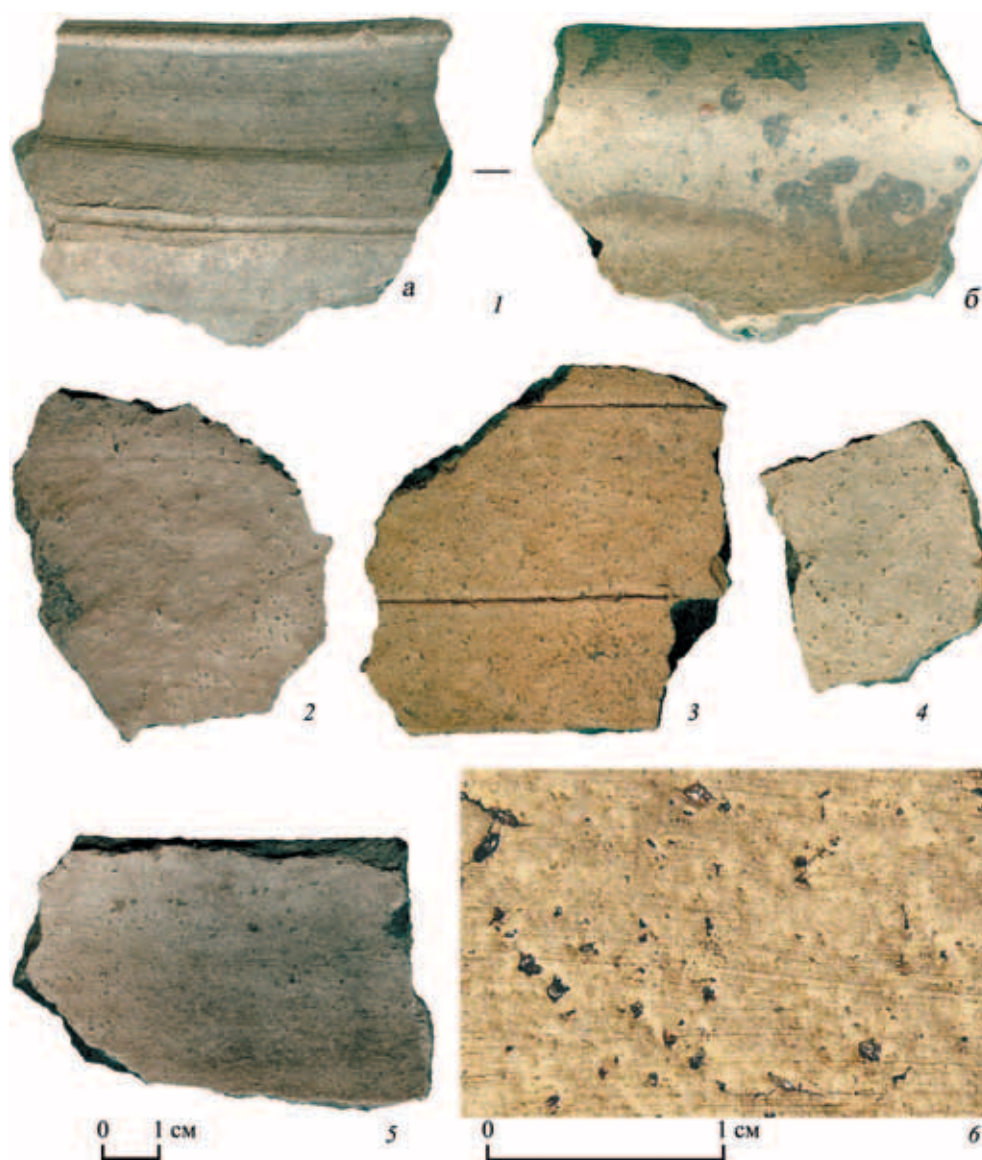

Рис. 2. Селище Большое Саврасово 2 (р. 2, 2013 г.).

Фото поверхностей обломков светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка

1а, 2–3 – внешние поверхности; 1б, 4–5 – внутренние поверхности. 1–5 – в натуральную величину; 6 – увеличено в 4 раза

часть обломков имела цвет поверхностей от темно-серого до черного – из-за кухонного копчения. Одним из важных отличительных признаков данной керамической традиции является неполный окислительный (трехслойный) обжиг – его имело подавляющее большинство такой посуды. Встречены также отдельные фрагменты с полным окислительным обжигом, но они являются единичными исключениями из общего правила (наиболее показательным здесь является один из полностью реконструированных горшков: наиболее тонкие стенки его тулова имели полный обжиг, а остальные – трехслойный).

Специфичен характер керамического теста и его состав (рис. 3). Почти всегда оно имеет плотное, в целом слитное строение на изломе, зачастую – с обусловленной течением глины «микро-слоистостью» (ориентированной вдоль черепка): тесто не сплошь однородное по фактуре, но образует между зернами примесей (либо между границами отдельностей «микро-слоистости») ровные участки с «раковистым» изломом и матовой гладкой поверхностью. В ямках от зерен примесей внутренняя поверхность отпечатков песчинок – гладкая глянцевая (в большинстве случаев – блестящая). Эти визуаль-но фиксируемые признаки, по-видимому, являются

Рис. 3. Селище Большое Саврасово 2 (р. 2, 2013 г.). Фото изломов светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка (в произвольном увеличении)

следствием постоянных характеристик глины, которую отбирали, скорее всего, из отдельных глинищ с едиными физико-химическими характеристиками сырья, однообразных параметров неполного обжига, традиционной примеси – специфического очень гладко окатанного некалиброванного песка. В тесте почти каждого из сосудов встречается песок самых

разных размеров. Среднезернистый и крупнозернистый песок, как правило, – меньшая фракция примеси в каждом черепке; его немного, но он встречается регулярно и присутствует почти всегда (обычно – в редкой концентрации). Большую часть примесей составляет мелкозернистый песок размерами до 1 мм. Перечисленные признаки примесей

в формовочную массу имеют некоторое сходство с примесями белоглиняной посуды гжельской традиции («белоглиняной грубой» керамики московской шкалы), из-за чего фактура поверхности этих двух групп керамики иногда может быть довольно близка. Однако весь набор признаков технологии у этих двух групп керамики Подмосковья все же существенно различается. Гжельская керамика XVI в. изготавливалась преимущественно из нежелезненных глин и проходила, как правило, полный обжиг; присутствуют также отличия в концентрации и обычном гранулометрическом составе примесей, в фактуре изломов, по сумме характеристик (при рассмотрении наиболее характерных массовых образцов) формирующие у исследователей *обособленные* эталонные «визуальные образы» керамики описываемой группы и гжельской традиции.

Орнаментация светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка достаточно разнообразна (табл. 4). Почти всегда она нанесена инструментом с одним рабочим концом (палочкой). Абсолютно преобладает разреженный линейный орнамент, размещавшийся на плече и тулове горшков. Образцы с волнистым и комбинацией волнистого и линейного орнаментов встречены намного (в 9 раз) реже линейного; волна прочерчивалась обычно на плече (предплечье) или шейке горшков. Найдены обломки одного горшка, орнаментированного по плечу волной, а по предплечью и верхней части тулова – штампованным орнаментом (прокатанным зубчатым колесиком). Кувшины украшались по плечу зоной линий в сочетании с рядом наклонно поставленных наколов зубчатого штампа. Богато и разнообразно орнаментированы изделия индивидуальных форм – кумган и ендова: волной, линиями, нарезками (формирующими достаточно сложные композиции), ямками.

Общий период бытования керамики данной традиции на селище Большое Саврасово 2 по материалам раскопа 2: вторая половина XIV (?) – вторая треть XVI в. На протяжении этого времени ее доля среди использовавшейся здесь посуды демонстрирует достаточно четкую динамику. Для обоснования датировки каждого этапа существования этой керамики представляется необходимым рассмотреть основные характеристики включающих ее комплексов, так как весь массив материалов селища Большое Саврасово 2, к сожалению, пока еще не опубликован.

В двух комплексах, из объектов № 276 и 301 (табл. 1), предварительно датированных второй половиной XIV (?) – первой половиной XV в., неболь-

шое количество светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка (4–8 фрагментов на комплекс – от 5,7 до 9,5% от общего числа обломков) было встречено в наиболее архаичном контексте, состоявшем исключительно из красноглиняной кухонной посуды. Особенностью данных комплексов является значительная доля керамики с примесями дресвы (разновидности 1, 6, 2, 3) либо средне- и крупнозернистого песка (разновидности 12 и частично 7, 19 и 8), составляющая 45–47% комплексов. Кроме того, в объекте № 301 был обнаружен развал горшка из красножгущейся глины неполного окислительного обжига с примесью значительного количества дресвы и венчиком типа 7 (по типологической таблице из сокращенной системы статистики керамики В. Ю. Ковалья) (2016б. Рис. 51. Далее типы венчиков горшков также представлены по этой таблице)¹. Все венчики красноглиняной керамики из данных комплексов относились к типам 5 и 7 (с небольшим преобладанием типа 5). Учитывая материалы раскопок на Подоле Московского Кремля (Коваль, 2016а. С. 443) и отсутствие на площади раскопа 2 селища Большое Саврасово 2 ярко выраженного периода XIV в. с обилием керамики, комплексы из объектов № 276 и 301, вероятнее всего, сформировались в первую половину XV в. Однако, по-видимому, не стоит полностью отвергать и возможность несколько более ранней датировки.

Наиболее представительные керамические комплексы, датированные в целом XV в. (всего 9 – из объектов № 120, 234, 242, 246, 279, 283, 314, 315, 339), свидетельствуют о резком возрастании использования светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка в течение этого столетия (табл. 1). Ее доля варьирует от 36 до 47% в объектах № 120, 234, 242, 246, 279. В комплексах из объектов № 283, 314, 315, 339 она абсолютно преобладает, составляя от 73 до 96%. В этих наборах с ней соседствует московская красноглиняная кухонная керамика с примесью песка в формовочной массе (разновидности 8, 13 и обычно немногочисленные фрагменты разновидности 12); ее доля, соответственно, от 27 до 51% и от 1,4 до 15%. Эта красноглиняная посуда имеет «стадиально ранний» облик (Бойцов, 1991. С. 37. Рис. 1, В, Г) относительно стандартных образцов XVI в.: венчики в основном типа 5 (намного реже – типа 2), линейный орнамент разреженно размещен на плече и тулове. Экземпляров развитой красноглиняной гладкой керамики

¹ Этот горшок состоял из 62 обломков, но был учтен в таблице 1 как одна единица.

Таблица 4. Селище Большое Саврасово 2. Раскоп 2 (2013 г.). Характеристики орнаментации светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка в наиболее представительных комплексах.

Объект №	Обломки с орнаментацией, всего шт.	Всего венчиков и стенок в комплексе	Орнамент											Средняя доля орнаментированных фр-тов от общего числа венчиков и стенок
			Линейный разреженный (нанесен палочкой)	Линейный плотный (нанесен гребенкой)	Волнистый, всего	Волнистый разреженный (нанесен палочкой)	Волнистый плотный (нанесен гребенкой)	Линейный + волнистый	Штапованный (прокатанный)	Штапованный (прокатанный) + волнистый	Штапованный (наколотый) + линейный	Ямочный + линейный	Ямочный + линейный + нарезной	
276	1	2	1	1										43,4 % в комплексах 2-й пол. XIV(?) – нач. XVI в.
301	2	8	2											
120	53	103	38	37	7	6		3	3	2				
234, ниж. гор.	6	32	6	6										
242	23	45	21	21	2	2								
246	9	27	9	9										
279	43	98	42	42	1	1								
283	12	46	10	10	1	1		1						
314	34	89	34	34										
315	130	326	105	105	12	12		13						
339, ниж. гор.	55	121	55	55										
6, ниж. гор.	74	124	71	71				3				3	4	
203, ниж. гор.	19	42	12	12										30 % в комплексах 1-й пол. – 2-й тр. XVI в.
29	25	63	17	17							8			
179	7	16	3	3	4	3	1							
249	-	12												
299, ниж. гор.	19	68	17	17	2	2								
140	13	54	11	11							2			

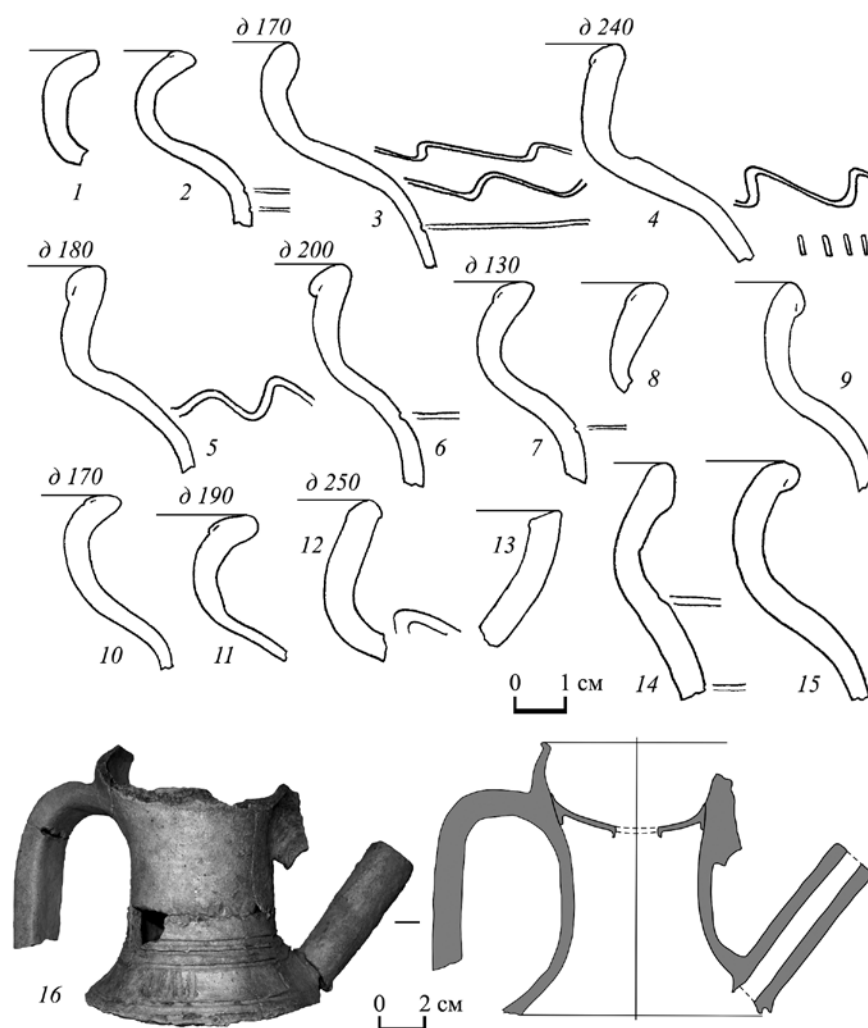

Рис. 4. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов 2-й пол. XIV (?) – XV в.

1 – объект № 276; 2 – объект № 301; 3–13 – объект № 120; 14–16 – объект № 234 (нижний горизонт)

конца XV – XVI в. здесь не выявлено. Почти во всех этих комплексах присутствуют обломки краснолощенной посуды (обычно – от 1,2 до 7,5%). В объекте № 234 найдены три монеты (Фатков, Федонин, 2015. С. 161), атрибутированные В.В. Зайцевым: денга 1380–1389 гг. (Великое княжество Московское, Дмитрий Иванович, 1362–1389 гг., колл. № 144), денга 1415–1426 гг. (Боровское удельное княжество, Семен Владимирович, 1410–1426 гг., колл. № 174) и денга 1422–1425 гг. (Великое княжество Московское, Василий Дмитриевич, 1389–1425 гг., колл. № 141). Денга 1422–1425 гг. (колл. № 141) обнаружена в нижнем горизонте заполнения этого объекта.

Два наиболее репрезентативных комплекса (№ 6 и 203) (табл. 2) были предварительно датированы второй половиной XV – началом XVI в. По доле светлоглиняной керамики с примесью некалибро-

ванного песка, составляющей 39–41%, они практически не отличаются от ряда комплексов, отнесенных к XV в. в целом. Красноглиняной кухонной керамики здесь 35–45,5%, по своим характеристикам (включая полное отсутствие венчиков типа 3) она аналогична описанной выше посуде разновидностей 8 и 13 из объектов XV в. Обломков краснолощенных сосудов – 4–8%. Датировка этих комплексов определяется заметной долей в них белоглиняной керамики с примесью дресвы полного окислительного обжига (разновидность 5) – 6–13%. Возможно, это ранние образцы продукции гжельских мастеров. Единичные подобные находки были встречены также в двух объектах (№ 120 и 246), отнесенных в целом к XV в.; в объекте № 242 обнаружены близкие по ряду характеристик фрагменты неполного обжига (разновидность 4). Среди венчиков этой керами-

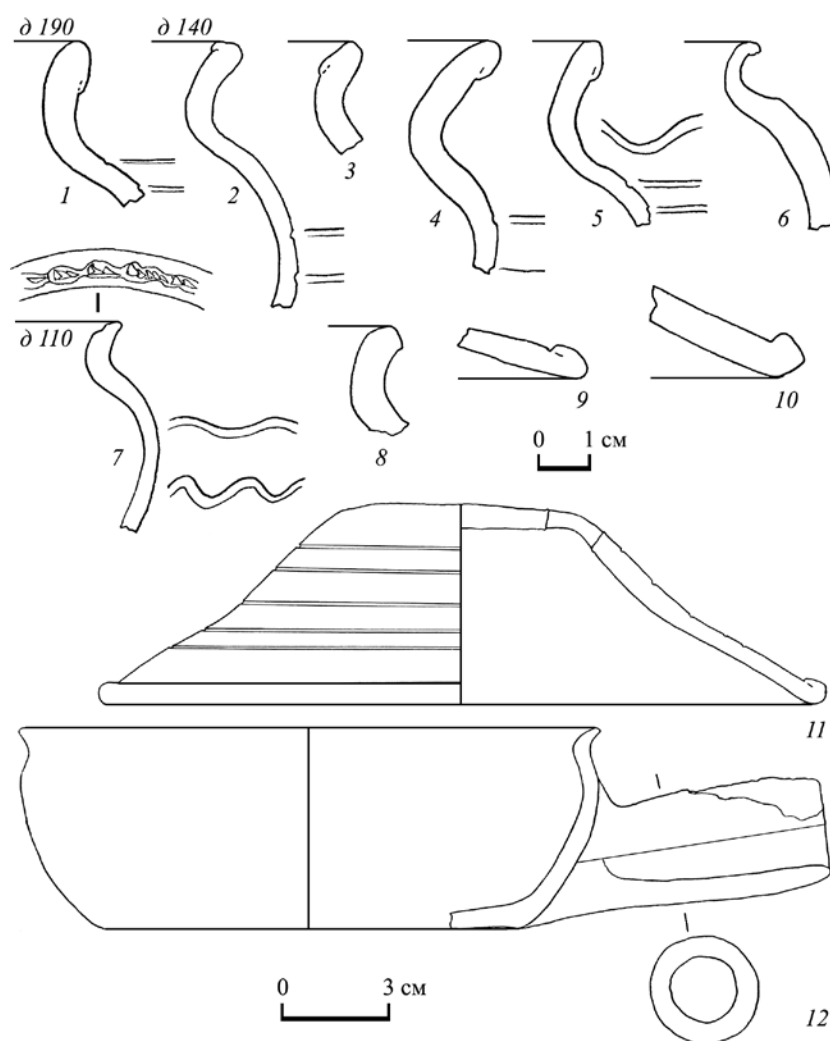

Рис. 5. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов XV в.

1 – объект № 246; 2–3, 11–12 – объект № 279; 4–10 – объект № 283

ки обычно отсутствуют стандартные для белоглиняных «грубых» горшков формы (типа 4), но преобладает тип 6; зачастую на шейке присутствует волнистый орнамент. Еще при первичной статистической фиксации было сделано наблюдение, что данные образцы несколько отличаются от массовой гжельской керамики (разновидности 5) по концентрации и размерности примесей, фактуре поверхностей и излому черепков: для первых характерна примесь большого количества мелкозернистой (реже – среднезернистой) дресвы, для последней – дресва средних и крупных фракций более редкой концентрации. По материалам Подола Московского Кремля была отмечена повышенная доля венчиков типа 6 в комплексе начала XVI в. за счет их присутствия на ранних гжельских горшках с дресвой в тесте (Коваль, 2016а. С. 453). Данный факт позволяет более уверен-

но связывать находки такого облика на селище Большое Саврасово 2 с первыми следами появляющейся гжельской традиции.

Совершенно иная картина распределения и характеристик керамических материалов наблюдается в объектах XVI в. (табл. 2). Относительная датировка четырех из наиболее представительных комплексов (из объектов № 29, 176, 249, 299) представляется возможной в рамках первой половины XVI в. Один комплекс (из объекта № 140) можно предположительно отнести к первой половине – второй трети XVI в. Доля светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка в это время резко падает – до 7–16,5%, причем, по-видимому, какую-то часть ее составляют переотложенные образцы, попавшие в заполнение объектов из культурного слоя. Тем не менее,

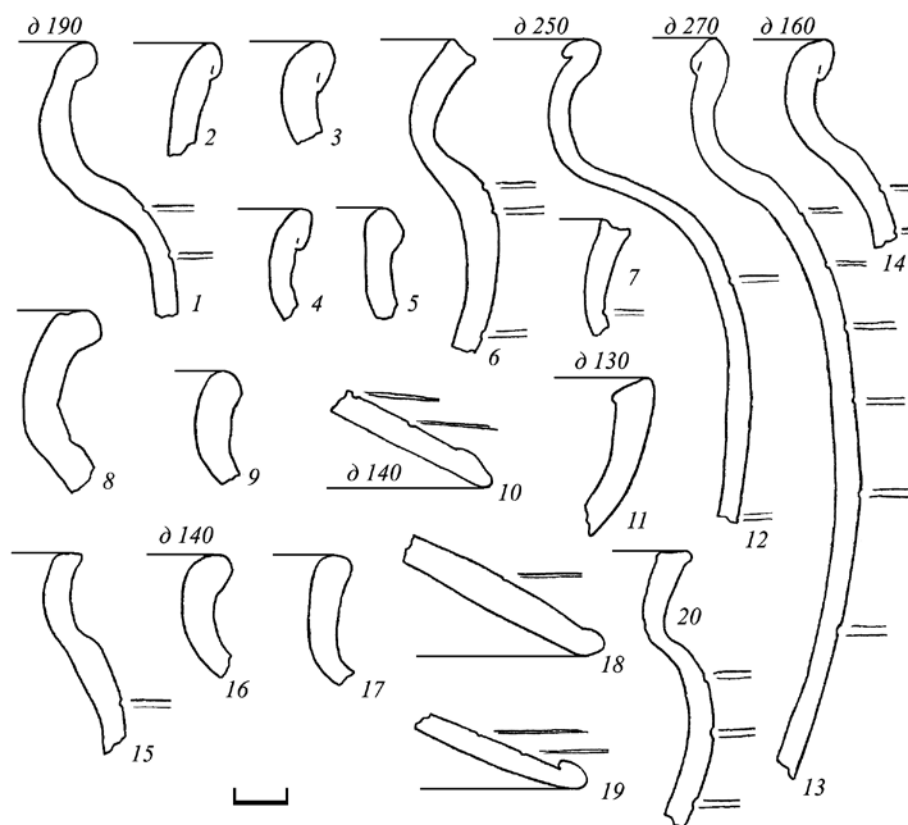

Рис. 6. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов XV в.

1–12 – объект № 314; 13–19 – объект № 339 (нижний горизонт); 20 – объект № 320

исходя из количества найденных фрагментов, эта посуда в комплексах первой половины – второй трети XVI в. занимает третье место по частоте встречаемости. Наиболее массовым типом в данный период здесь была гжельская белоглиняная керамика – от 48 до 67%. В объектах № 29, 176, 249, 299 среди нее абсолютно преобладает посуда с примесью дресвы (разновидность 5), составляя от 91% до 98% находок этой керамической традиции. Крупный комплекс (796 экз.) из объекта № 140 отличается присутствием практически равных долей образцов гжельской керамики с примесью в тесте дресвы (разновидность 5) либо только песка (разновидность 16), что позволяет предположить для него несколько более позднюю датировку. На Подоле Московского Кремля количество гжельской белоглиняной керамики с примесью дресвы достигает максимального значения

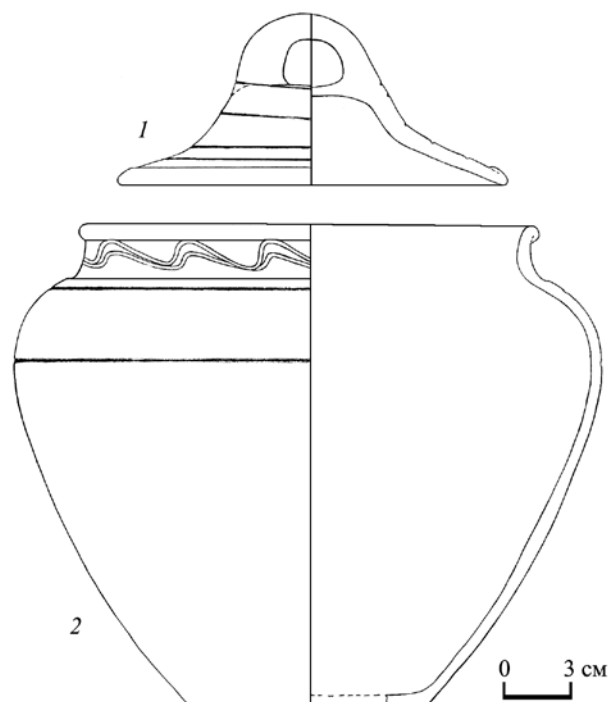

Рис. 7. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов XV в.

1 – объект № 314; 2 – объект № 315

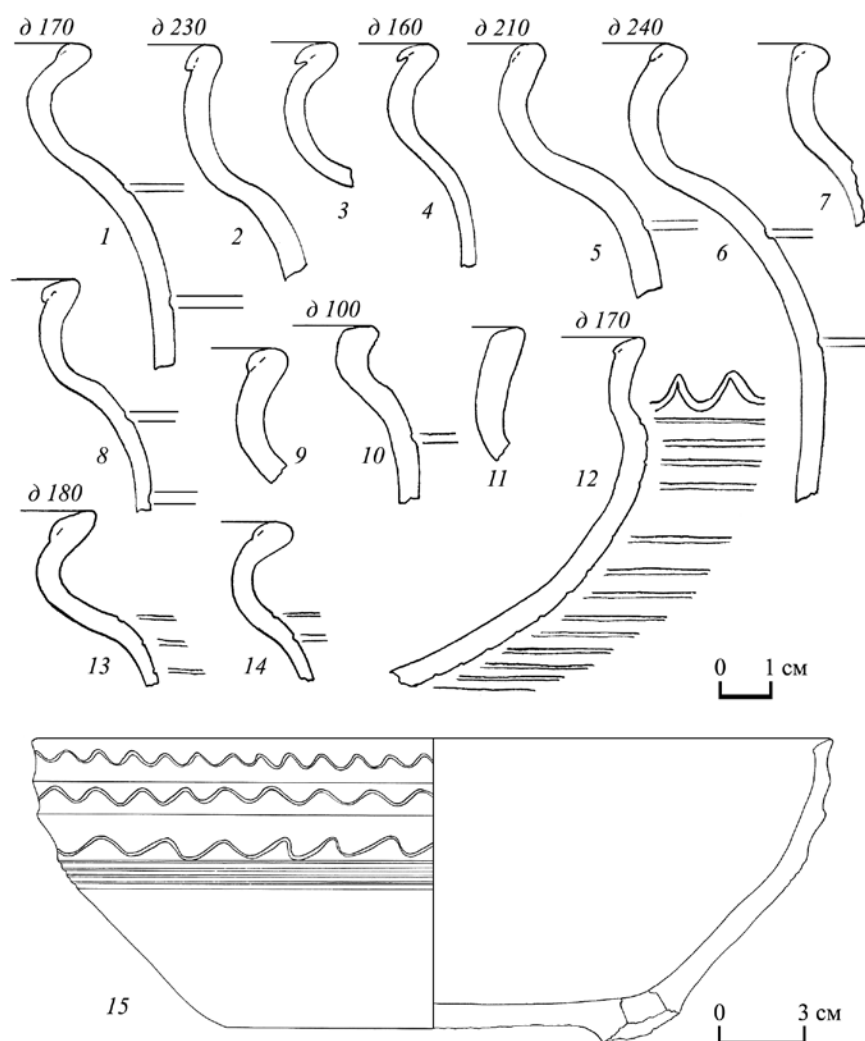

Рис. 8. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов 2-й пол. XV – нач. XVI в.

1–12, 15 – объект № 6 (нижний горизонт); 13–14 – объект № 203 (нижний горизонт)

(до 13%) в комплексах первой трети XVI в. Относящаяся к данной традиции посуда с примесью песка в формовочной массе практически отсутствовала там на этом этапе, но уже во второй трети XVI в. зафиксирована ее доля в размере 28% (синхронно с исчезновением белоглиняной керамики с дресвой в тесте) (Коваль, 2016а. С. 445).

В комплексах первой половины – второй трети XVI в. селища Большое Саврасово 2 на втором месте по встречаемости (14–37%) находится московская красноглиняная гладкая керамика конца XV – XVI в. (в основном разновидности 13) (Бойцов, 1991. С. 37. Рис. 1, Д, Е): с представленными в равных долях венчиками преобладающих типов 2 и 3, с узкой зоной линейного орнамента на плече. Регулярно встречаются обломки краснолощеной посуды (1,4–6,5%). Впервые в комплек-

сах появляется небольшое количество столовой ангобированной керамики (в том числе – развал кумгана с росписью красным ангобом из синхронного объекта № 54 (Фатков, Баранов, 2015)) и единичные осколки чернолощенных сосудов. В объекте № 140 выявлено небольшое количество (2,6%) обломков коломенской белоглиняной посуды без видимых примесей в формовочной массе (разновидность 25).

Более поздние комплексы из 14 объектов (№ 1, 11, 14, 35, 49, 53, 64, 84, 96, 104, 109, 198, 310, 311) маркируются абсолютным преобладанием гжельской белоглиняной керамики с примесью песка при значительной доле коломенской белоглиняной посуды. Они были отнесены ко второй половине XVI в. В них светлоглиняная керамика с примесью некалиброванного песка не составляет значительного

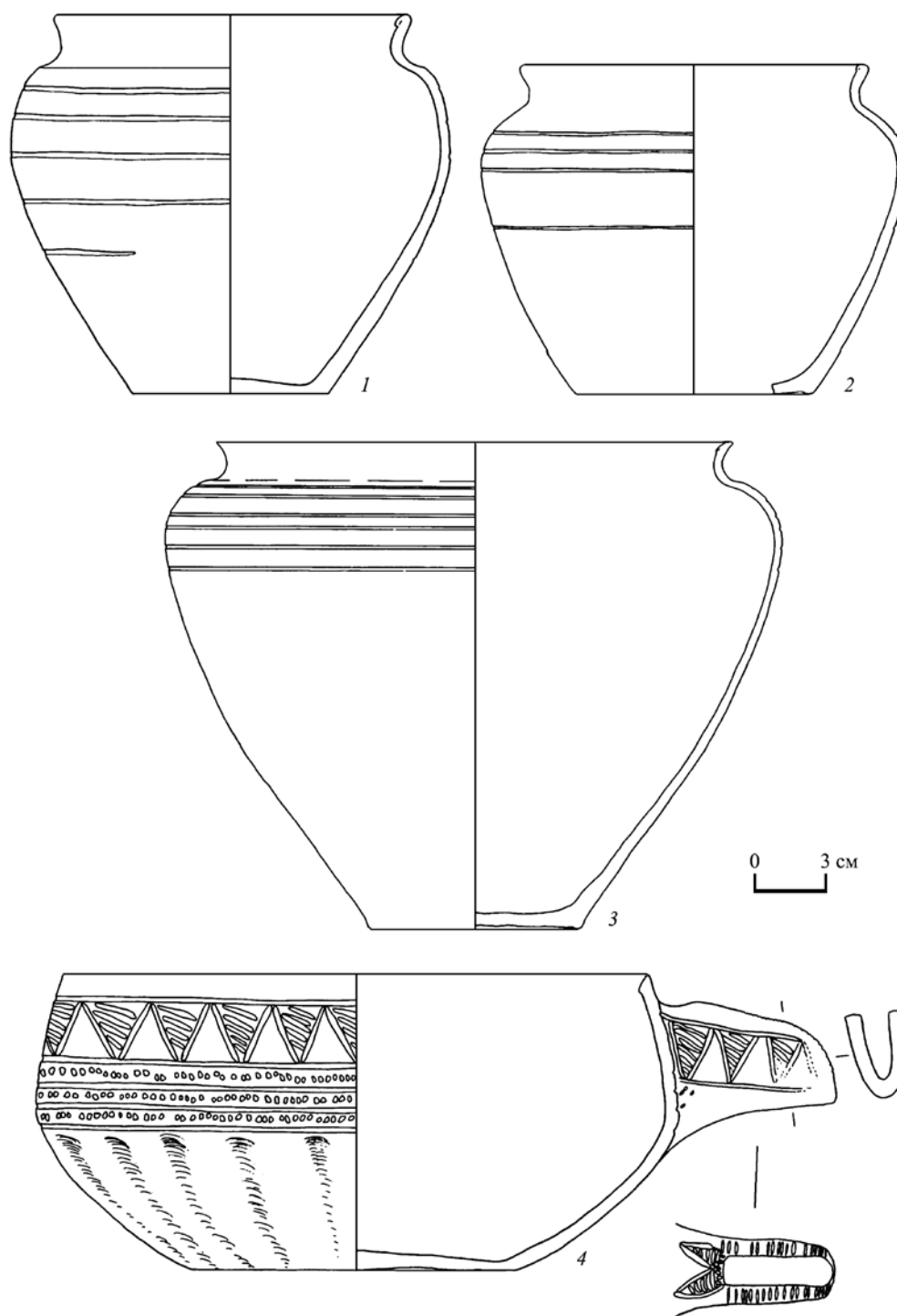

Рис. 9. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов 2-й пол. XV – нач. XVI в.

1–3 – объект № 6 (нижний горизонт); 4 – объект № 203 (нижний горизонт)

процента, встречаются лишь единичные такие находки, скорее всего, только в переотложенном состоянии.

Датируя рассмотренные выше комплексы второй половиной XV – XVI в. (с точностью прибли-

зительно до половины столетия) нельзя не принять во внимание, что вопросы о периодах появления и наибольшего распространения гжельской керамики, появления заметного количества коломенской белоглиняной посуды в Москве и разных районах

Рис. 10. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Светлоглиняный горшок из нижнего горизонта заполнения объекта № 6

Подмосковья остаются пока открытыми и нередко рассматриваются исследователями с различных точек зрения. Особенностью селища Большое Саврасово 2 (Богомолов и др., 2015) в XVI в., по-видимому, являлось более широкое использование гжель-

ской и коломенской белоглиняной посуды, чем в Москве этого времени. Тем не менее, вполне логичная, на наш взгляд, *относительная* датировка рассмотренных выше типичных наборов керамики, выстраивающая их (на основании определенного сочетания одних хроноиндикаторов и отсутствия других, более поздних) в стройный хронологический ряд, вероятно, может быть несколько сдвинута по абсолютной временной шкале.

Таким образом, по материалам раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2 наблюдается появление светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка в комплексах второй половины XIV(?) – первой половины XV в., наибольшее ее распространение в течение XV в. (до абсолютного преобладания в значительном количестве объектов) и почти полное исчезновение данного керамического типа ко второй половине – последней трети XVI в.

Прослеживается определенная эволюция форм (табл. 3) и характера орнамента рассматриваемой керамической группы. Горшки из комплексов второй половины XIV(?) – XV в. имеют, в основном, венчики типов 4 (45%), 9 (15%), 6 (14%), 5, 7, 2 (по 7%). Их пропорции и орнаментация близки образцам древнерусской керамики (рис. 4–7)², – в це-

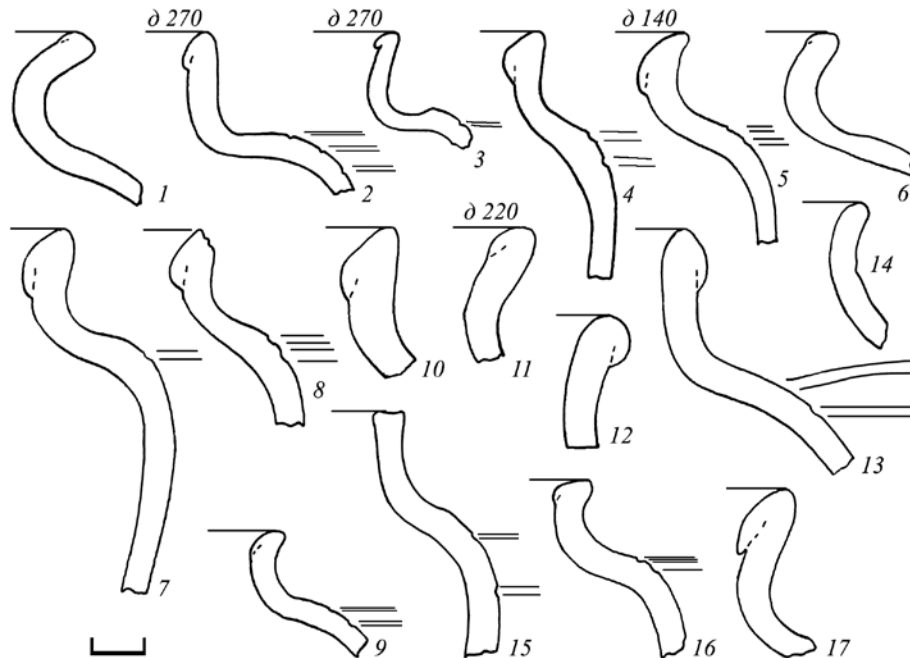

Рис. 11. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов 1-й пол. – 2-й тр. XVI в.

1 – объект № 29; 2–3 – объект № 42; 4 – объект № 47; 5–15 – объект № 54; 16–17 – объект № 140

² Все рисунки в настоящей статье выполнены А. Ефремовой, за исключением изображения части кумгана (рис. 3, 16; автор – Баранов Н. А.).

лом этой посуде свойственен «средневековый» облик. Высока доля фрагментов с орнаментом (табл. 4). Все эти особенности (вероятно, за исключением доминирования венчиков типов 4 и 9), по-видимому, преимущественно сохраняются до начала XVI в. (рис. 8–9), но в морфологии и орнаментации одного из реконструированных горшков из объекта № 6 прослеживаются уже черты подражания московской красноглиняной гладкой посуде, характерной для второй половины XV в. (рис. 9, 3; рис. 10). Интересна находка в объекте № 203 керамической енды (реконструирована полностью – рис. 9, 4), изготовленной в рамках описываемой традиции. Она имеет клювовидный слив-носик, богато украшена по верхней половине композицией из нарезов, линий и ямок; нижняя половина рельефно оформлена вертикальными «каннелюрами» в подражание металлическим прототипам. В комплексах первой половины – второй трети XVI в. среди рассматриваемой керамики появились в заметном количестве фрагменты кувшинов (стилистика их орнаментации скопирована у красноощенных сосудов), тогда как в более ранних материалах встречена лишь одна такая находка. Верхние части горшков в это время часто напрямую копируют формы московской красноглиняной гладкой керамики (с венчиками типов 2 и 3 – совместно их 59%) и характер ее орнаментации конца XV – XVI в. (рис. 11). Было полностью реконструировано два таких горшка, они и по пропорциям являются подражанием московским красноглиняным гладким сосудам (рис. 1; 12). Из-за перехода на новые стандарты снижается доля орнаментированных фрагментов (до 30%), причем, значительная часть их находок, вероятно, относится к переработанным более ранним материалам.

Район распространения следов этой керамической традиции пока еще не очерчен, но на территории Южного Подмосковья уже достоверно известны другие памятники с их присутствием. Такая керамика была встречена при раскопках в 2013 г. селища Скрипино 1, расположенного в 18 км к юго-востоку от Большого Саврасова 2 на берегу р. Гнилуши (левый приток р. Северки, правого притока р. Москвы)³. Абсолютное большинство состава (скромных по величине) керамических коллекций из раскопок селищ Русино 4 и 5 в 2016 г. относится к этой же традиции (Аникин и др., 2018; Фатков, 2016). Эти два памятника расположены в бассейне р. Мочи (правый приток

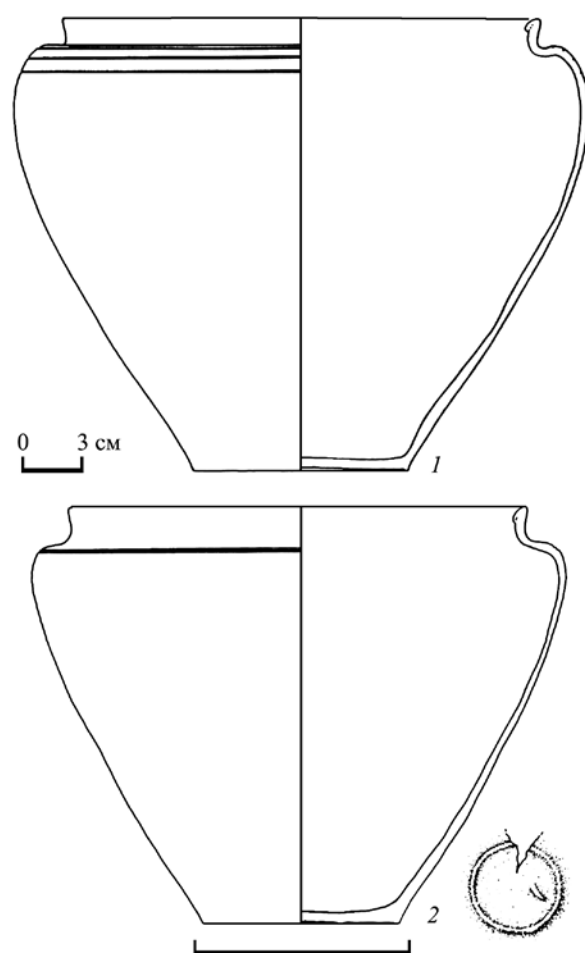

Рис. 12. Селище Большое Саврасово 2 (раскоп 2, 2013 г.). Формы светлоглиняной керамики с примесью некалиброванного песка из объектов 1-й пол.– 2-й тр. XVI в.

1 – объект № 29; 2 – объект № 54

р. Пахры), в 35 км к западу-юго-западу от селища Большое Саврасово 2 и приблизительно в 2,5 км от городища Сатино-Татарское, которое связывается с остатками города Перемышля Московского (АКР, 1994. С. 194–195). Вопросы происхождения, определения общей территории распространения и конкретных мест производства керамики этого типа нуждаются в самостоятельном исследовании и публикации уже его результатов. В этом направлении достаточно обоснованной и весьма перспективной представляется гипотеза С.В. Шполянско-го, согласно которой вероятным центром формирования рассматриваемой гончарной традиции мог быть Перемышль Московский.

³ Благодарим Н. А. Баранова за возможность ознакомления с частью керамической коллекции из этих раскопок.

Литература

- АКР. Московская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1994. 320 с.
- Аникин И. С., Фатков А. М., Чирков М. В., 2018. Посудная керамика из раскопок селищ Руси-4 и Руси-5 в 2016 году // КСИА. Вып. 253. С. 293–304.
- Баранов Н. А., Фатков А. М., 2017. Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 169–178.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI вв. у с. Рождественно Одинцовского района Московской области // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 281–326.
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 366–388.
- Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2015. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 339–411.
- Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА РАН. С. 33–40.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.
- Коваль В. Ю., 2016а. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. М.: ИА РАН. Вып. 12. С. 437–475.
- Коваль В. Ю., 2016б. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН. 126 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9).
- Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 414–441.
- Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: Предыстория и история центр. Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН. 521 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). МК. М.: ИА РАН, 1991. 198 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 99 с. (САИ. Вып. Е1-39).
- Фатков А. М., 2013. Отчет о проведении охранных научно-исследовательских археологических раскопок селища Большое Саврасово 2, расположенного в Ленинском районе Московской области в 2013 году. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 46031–46034, 46043–46046.
- Фатков А. М., Баранов Н. А., 2015. Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 422–432.
- Фатков А. М., Федонин Р. А., 2015. Средневековые монеты селища Большое Саврасово-2 // Новые материалы и методы археологического исследования. Матер. III Междун. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 160–163.
- Фатков А. М., 2016. Отчет о проведении археологических раскопок на территории объектов археологического наследия «Селище Руси-4» и «Селище Руси-5» в Троицком административном округе г. Москва в зоне строительства, содержания и ремонта Центральной кольцевой автомобильной дороги Московской области (пусковой комплекс № 1, первый строительный участок) в 2016 году. Т. 1 / Архив ИА РАН.

I. S. Anikin & A. M. Fatkov

A set of ceramics from the southern suburbs of Moscow County Region – traces of a local medieval pottery tradition (based on excavation materials from Excavation 2 at the Bolshoe Savrasovo-2 site, in 2013)

Summary

This is the first presentation of specific kind of late medieval ceramics – light clay with an admixture of sand in the molding compound – identified in the ceramics production of this rural settlement. Pottery can

be dated by the materials from this settlement, to the latter half of the 14th century and early 15th century. The article presents a detailed description of the specific features of this kind of ceramics.

В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Московская чернолощенная посуда

Вопрос о происхождении чернолощенной керамики остается одним из самых загадочных в археологии позднесредневековой Москвы, однозначный ответ на который не сделал ни один из исследователей XX в. Причина тому кроется в необычном для раннемосковского гончарства сочетании технологии изготовления и форм этой посуды, совершенно внезапно появившейся в Москве в XVI в. При этом уже достаточно давно высказывалась мысль, что появление чернолощенной керамики в Москве связано с восприятием западноевропейского культурного импульса, полученного в 1480–1530-х гг. (Беляев, 2008. С. 42). И с этим трудно не согласиться. Однако ощущается дефицит в скрупулезном исследовании всех обстоятельств и точного времени появления чернолощенной посуды в Москве, поскольку имеющиеся в научной литературе суждения на этот счет являются весьма расплывчатыми и неконкретными. Для того чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо понять, как или откуда были восприняты технология производства и набор форм такой керамики, т. е. откуда взялись гончары, начавшие ее производство, когда именно это произошло и что послужило причиной этого события.

Начнем с технологии, имеющей основополагающее значение, поскольку технологические навыки гончаров в наименьшей степени подвержены внешним воздействиям. Свойства исходного сырья, традиции подготовки формовочных масс, уровень развития функции гончарного круга и навыки в обжиге керамики в конечном счете диктовали, сосуды какой формы и каких размеров могли быть изготовлены при имеющемся в конкретном обществе уровне технологии гончарства. Появление новой технологии было возможно либо в ходе постепенной эволюции, либо в результате заимствования извне, связанного с появлением живых носителей

новых технологических знаний. Последнее неизбежно должно быть связано с политическими событиями (войнами и сопутствовавшими им захватами территорий и населения). И хотя письменные источники сохранили крайне мало сведений о перемещениях населения, они дают ориентиры в виде исторических событий, которые могли повлечь за собой такие миграции. Примером попытки установить связь между военно-политическими событиями и изменениями в гончарстве является гипотеза о резком расширении производства белоглиняной керамики в подмосковном с. Гжель и его округе в конце XV – начале XVI в. в результате перемещения сюда гончаров из какого-то района обширного региона Днепровского Левобережья в ходе русско-литовских войн (Коваль, 2001. С. 101–103). В развитие этой гипотезы И. В. Болдин предположил, что таким «исходным» пунктом новой для Подмосковья керамической традиции стал верхнеокский город Любутск, активно участвовавший в московско-литовских войнах на стороне Литвы и подвергавшийся репрессиям со стороны Москвы (Болдин, 2017). Этот тезис представляется вполне допустимым, хотя и требует дополнительной аргументации, в том числе скрупулезного сравнения керамики Любутска и Гжели конца XV – начала XVI в. Однако, где бы ни размещался регион, ставший исходным пунктом миграции гончаров, итогом переселения, не зафиксированного ни одним письменным источником, стало начало массового производства в гжельской волости белоглиняных горшков и кувшинов, сбывавшихся в Москве и южном Подмосковье (включая Среднее Поочье).

Вторым примером новаций в керамике Москвы является начало производства красноглиняной белоангобированной (в том числе расписной) керамики во второй половине XV в., толчком

для которого вполне могло послужить появление в Москве заметного числа иноземных мастеров (прежде всего итальянцев, но также и выходцев из иных стран Европы), приглашавшихся Иваном III для выполнения государственных заказов (*Векслер и др.*, 2015. С. 446, 447; *Коваль*, 2018. С. 422, 423).

Очевидно, новая и необычная для средневековой Москвы технология производства чернолощеной посуды характеризовалась двумя основными чертами: использованием восстановительного обжига и тщательным сплошным лощением поверхности сосудов. Восстановительный обжиг – специальный режим тепловой обработки керамических изделий, достигавшийся закрытием всех отверстий горна для предотвращения поступления в него воздуха, в результате чего внутри горна запусклся химический процесс превращения окислов в закись железа, придававшую посуду серый или черный цвет (в зависимости от концентрации). Проведение такого обжига требовало большого практического опыта, дававшего знания о том, когда достигнуто спекание керамической массы и горн пора закрывать для проведения финальной стадии обжига – восстановительной.

Надо заметить, что до XVI в. в Москве и других городах Северо-Восточной Руси целенаправленный восстановительный обжиг не применялся. Правда, в Москве второй половины XIII – XIV в. при производстве кухонной посуды зафиксирован режим обжига, придававший ей серый или черный цвет поверхности. Отсюда и родилось название такой керамики – «серая», применявшееся М. Г. Рабиновичем (1971. С. 22) и используемое сегодня рядом археологов Москвы (*Чернов*, 1991а; и др.), но не принимавшееся, например, таким исследователем, как Р. Л. Розенфельдт (1967). Поскольку обжиг такой керамики, по-видимому, осуществлялся в весьма несовершенных горновых устройствах (нельзя исключать, как считают некоторые исследователи, что таковыми могли выступать и обычные бытовые печи), то при недостатке кислорода режим восстановительного обжига мог достигаться естественным путем (без запечатывания печи), однако полностью такой процесс завершался далеко не всегда. На это указывает неравномерность цвета поверхности сосудов: среди московской керамики собственно «серый» цвет имеют лишь единичные образцы, тогда как большинство обломков отличаются бурой поверхностью с пятнами черного, серого и красноватого цветов. Такая пятнистость являлась частично результатом последующего бытового использования горшков, так что вы-

ходившие из рук гончаров новые сосуды действительно первоначально могли быть темно-серыми и черными, т. е. близкими позднейшей «мореной» керамике. Возможно, подобный результат не был только случайным явлением, и гончары сознательно старались достичь его, хотя опыта в проведении подобного обжига у гончаров Москвы золотоордынской эпохи было еще явно недостаточно. Недостаточной была и температура обжига, не позволявшая достичь полного спекания керамической массы, так что керамика, иногда называемая «серой», в сущности, является продуктом *неполного восстановительного обжига*. При этом московские гончары никогда не сочетали подобный обжиг керамики с лощением или иными способами дополнительной обработки поверхности сосудов. Надо заметить, что появление и широкое использование восстановительного обжига фиксируется в это же время и в других районах Руси, например, в Среднем Поочье, входившем в состав Рязанской земли. Причем здесь восстановительный обжиг не может рассматриваться как случайный, поскольку местные гончары пользовались специализированными горнами. Именно во второй половине XIII в. керамика восстановительного обжига появилась в Ростиславле, где она к XIV в. составляла до половины всей производившейся здесь бытовой посуды (*Коваль*, 2016. С. 179). Близкий процесс зафиксирован в Коломне этого периода (*Черкасов*, 2005а. С. 303; 2005б, С. 57). К сожалению, по другим регионам подобной информации нет, поскольку статистическая фиксация признаков керамики в них не проводилась.

Тем не менее по мере того, как в XV в. происходил прогресс в московском гончарном производстве (отказ от грубых масс с примесями дресвы, достижение более высоких температур обжига), вся керамика (как кухонная, так и столовая, включая лощеную) стала обжигаться исключительно в окислительном режиме, дававшем красно-коричневый цвет поверхности сосудов. Наибольшие успехи на этом пути были достигнуты как раз к концу XV в., когда вся московская керамика проходила уже только полный (сквозной) обжиг и приобретала ярко-красный цвет. Таким образом, в XV в. восстановительный обжиг керамики гончарами Москвы перестал использоваться. Тот же процесс происходил в Поочье (по материалам Ростиславля).

Между тем чернолощенная керамика демонстрирует самый высокий уровень знакомства выпускавших ее мастеров со всеми тонкостями организации процесса восстановительного обжига,

чему должен был предшествовать многолетний практический опыт. Если этот опыт не мог быть приобретен в Москве, значит, его привнесли из тех стран, где он имелся в XV в. Где же, в каких землях жили гончары, имевшие подобный опыт? Прежде всего в Западной Европе, откуда он в первой половине XV в. был воспринят в Литовской Руси (*Vaitkevičius*, 2004. Р. 226). В то же время не вся керамика восстановительного обжига производилась здесь по той же технологической схеме, что и московская: если в Вильнюсе изготавливали именно лощеную черную керамику по образцу польской, то в южнорусских землях (в частности, в Киеве) керамика восстановительного обжига имела равномерный серый цвет поверхности и излома, без чернения и одновременного лощения поверхности (*Чмиль*, 2018. С. 338). Это небольшое, но весьма существенное отличие, позволяющее исключать Киев из списка производственных центров, где могла сформироваться новая московская гончарная традиция. Совершенно иная ситуация складывается со Смоленском, где уже в XV в. треть керамики обжигалась в восстановительном режиме (*Сергина*, 2004. Табл. 5), а чернолощенная посуда производилась, возможно, уже в XIV в., причем для ряда образцов аналогии обнаруживаются, по мнению исследователей, в Польше (*Сергина*, 2004. С. 42–46). По другим западнорусским городам таких данных нет (в том числе количественных), так что круг производственных центров, гончары которых теоретически могли познакомить москвичей с хорошо отлаженной технологией и наладить на новом месте производство такой керамики, до конца не ясен. Очевидно лишь то, что Смоленск однозначно находится в этом круге.

Искусство обжига керамики в восстановительном режиме было известно и в странах Востока XIII–XIV вв. Например, он применялся в Хорезме, Мавераннахре, Иране и Сирии при производстве тисненой керамики, сфероконических и крупных тарных сосудов. Однако в XV в. именно эти производства переживали кризис и вскоре вовсе прекратились. К тому же в странах Востока керамика восстановительного обжига практически никогда не обрабатывалась лощением. В ближайших к Руси городах с восточными традициями гончарства, с которыми имелись прямые торговые и культурные связи в XIV в. – Казань и другие города Поволжья (например, оба Сарая), керамика восстановительного обжига не изготавливалась, так что получить оттуда навыки новой технологии было просто невозможно.

Следовательно, единственным направлением заимствования технологических навыков в данном случае могло быть только западное.

Второй технологической составляющей рассматриваемой керамики было лощение. Это как раз тот прием, который широко использовался в странах Востока и гораздо реже – в Европе. Ближайшим к Московии регионом, где лощеная керамика изготавливалась массово, было Казанское ханство, воспринявшее гончарные традиции из Волжской Булгарии. Однако в Волжской Булгарии, и в Поволжье вообще, сплошное лощение поверхности сосудов (а именно такой была вся ранняя московская чернолощенная керамика) применялось лишь в домонгольское время, причем преобладало все же полосчатое лощение (с интервалами между полосами лощения 0,5–1,0 см). В XIV–XV вв. полосчатое лощение становится единственным, применявшимся гончарами Поволжья. Линии лощения почти всегда были вертикальными или слегка наклонными. Именно эту манеру лощения принесли болгарские мастера в Москву в конце XIV в., так что вся московская краснолощенная посуда имела только такую фактуру. Чернолощенная керамика разительно отличалась от болгарской и московской краснолощенной посуды сплошным лощением поверхности (в том числе на дне с внешней стороны).

Указать традицию, из которой была заимствована манера сплошного лощения поверхности сосуда в XIV–XV вв., довольно трудно, поскольку центр с таким производством в Восточной Европе пока не обнаружен. Чернолощенная посуда этого времени, как уже указывалось, производилась в Смоленске, но ее целые формы там пока не найдены и не опубликованы, поэтому нельзя однозначно утверждать, что посуда со сплошным лощением бытовала в этом городе в XV в. Можно предположить, что манера сплошного лощения сосуда появилась на территории Восточной Европы, где техника лощения была уже известна. Учитывая сделанные выше наблюдения о территории, где получило распространение изготовление керамики восстановительного обжига (Литовская Русь), можно думать, что совмещение двух технологий произошло именно там.

Следует указать, что утверждение Т.В. Сергиной, будто бы М.Г. Рабинович и Р.Л. Розенфельд связывали происхождение русской чернолощенной керамики с Волжской Булгарией (*Сергина*, 2004. С. 43), является недоразумением: на страницах их трудов, указанных исследовательницей, в действительности говорится о краснолощенной посуде, а чернолощенная даже не упоминается. Правда,

М. Г. Рабинович с Волжской Булгарией связывал происхождение вообще всей лощеной керамики (Рабинович, 1949а. С. 63), т. е. он, вероятно, допускал, что все разновидности лощеной керамики в Москве развились, так сказать, из одного корня. Однако формы краснолощеной и чернолощеной посуды различались столь сильно, что говорить об эволюции одних в другие просто невозможно.

Необходимо обратить внимание еще на одну особенность ранней (XVI в.) серии рассматриваемой керамики – вся она изготовлена из сильнооже-лезненной глины и покрыта белым ангобом, по которому и проводилось сплошное лощение. Таким образом, до начала обжига внешне эта посуда была очень похожа (и технологически неотличима) на красноглиняную ангобированную керамику, уже производившуюся в Москве во второй половине XV в. Белое ангобное покрытие также требовало строжайшего соблюдения всех условий восстановительного обжига. В противном случае готовые изделия не могли бы приобрести черную гляцевитую поверхность, которая и была главной отличительной внешней чертой новой разновидности посуды.

Третьей составляющей решаемой задачи установления происхождения московской чернолощеной посуды является поиск истоков для того набора форм керамики, которые стабильно присутствуют в ней: кумганы, кувшины, кубышки, миски, блюда, фляги, рукомойники. При этом среди них имеется ряд функциональных форм, которые в предшествующее время практически не были тут известны и появились в Москве впервые во второй половине XV в. вместе с ангобированной расписной керамикой – это кумганы, кубышки, фляги, рукомойники.

Рассмотрим каждую из форм более подробно. Начнем с кумгана как самой характерной, узнаваемой и широко распространенной формы (Розенфельдт, 1968. Табл. 10, 5, 8–15). В Москве такая форма керамического сосуда, представленного красноглиняными белоангобированными изделиями, в том числе с красной росписью, появляется не ранее конца XV в., хотя все датированные образцы относятся только к XVI в. (Коваль, 2018. С. 421). Важно подчеркнуть, что чернолощенные кумганы (рис. 1, 1) точно повторяют все детали оформления красноглиняных белоангобированных кумганов, в том числе украшенных рос-

писью красной краской (рис. 1, 6; Розенфельдт, 1968. Табл. 5, 5–8; 6, 27; 7, 1–13; Фатьков, Баранов, 2017. Рис. 4). Они имели ложный поддон (расширение тулова у самого дна, имитирующее настоящий кольцевой поддон) и изогнутый трубчатый слив, прикреплявшийся к отверстию на середине тулова и поднимавшийся чуть выше края горла, с которым он соединялся вертикальной пластиной-перемычкой, обеспечивавшей надежное его крепление. В этой пластине проделывалось по нескольку (от 2 до 4) абсолютно нефункциональных круглых отверстий. Таким образом, расписные ангобированные и чернолощенные кумганы различаются только техникой обработки поверхности и режимом обжига. Сходство столь велико, что можно думать об их изготовлении если не одними и теми же гончарами, то в одних и тех же мастерских Москвы.

Происхождение самой формы сосуда, называемой ныне кумганом и практически не известной в материальной культуре Москвы и Руси до конца XV в., в целом неясно. Название этого сосуда имеет восточное происхождение и явно воспринято из исламской культуры, где сосуды, называемые также куман, афтоба, афтофа и пр., имели преимущественно гигиеническое назначение: для совершения омовений, в том числе ритуальных, перед совершением намаза (рис. 2, 1). Ближайшим к Москве местом, где изготавливались керамические кумганы, была Волжская Булгария, а позже Казанское ханство. Как столовая посуда кумганы на Востоке не использовались, подобно тому, как в Европе для еды не могли применяться «ночные вазы». Между тем московские «кумганы»¹ XVI в. предназначались не для мусульман и использовались как столовая посуда, вероятно, для розлива дорогих напитков (вина?) на столах зажиточных горожан. Их сходство с восточными кумганами состоит только в наличии трубчатого слива, который у настоящих кумганов был прямым, коротким и никогда не крепился дополнительно к краю горловины (в этом не было надобности, поскольку он обладал значительной прочностью из-за небольших размеров).

Единственной попыткой изготовить на Руси реплику восточного кумгана можно видеть в поливном сосуде, обломки которого были найдены на территории Московского Кремля, в заполнении постройки, где была найдена берестяная

¹ С этого момента начинаем писать это название в кавычках или называть их псевдокумганами, поскольку в действительности они кумганами не являлись.

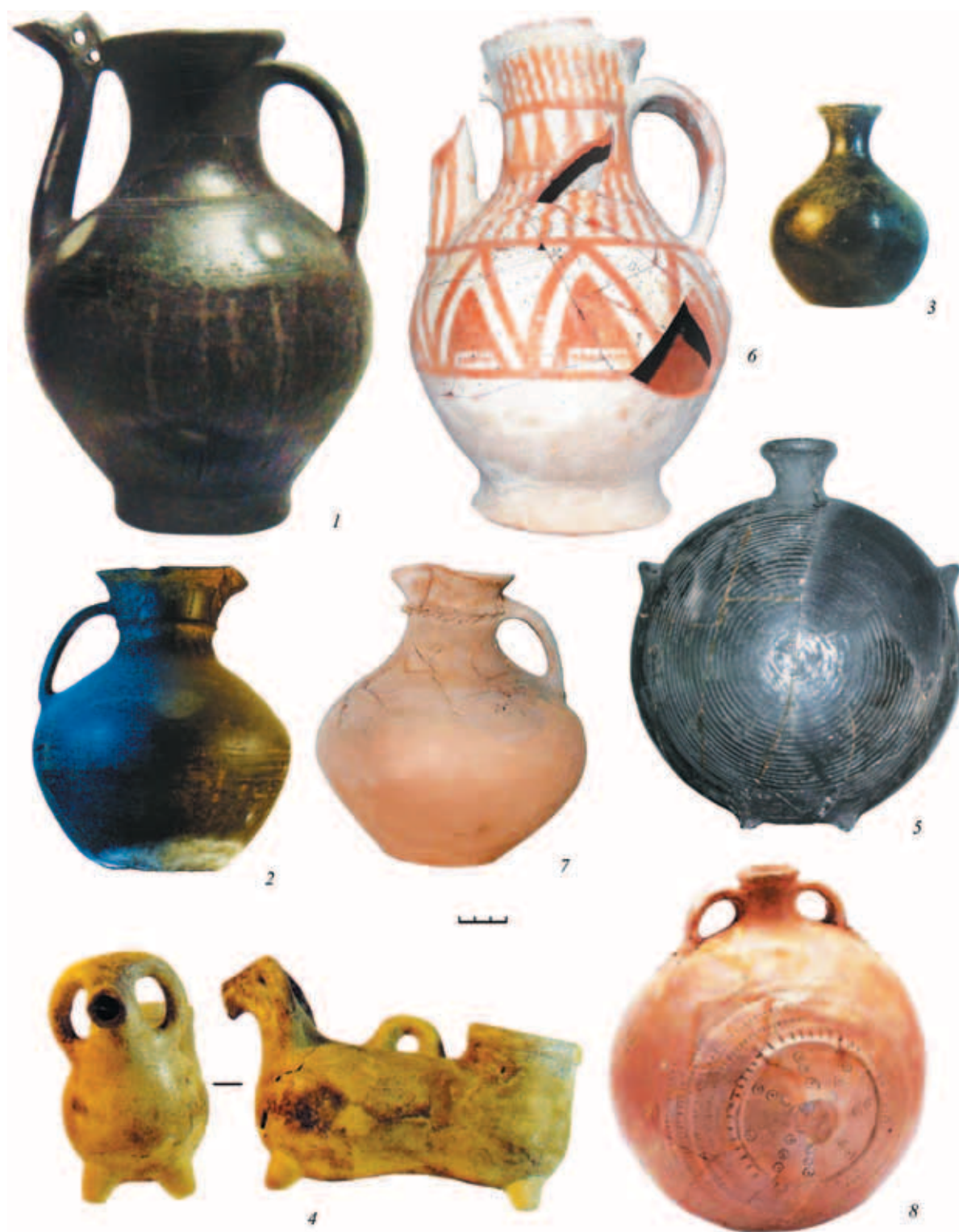

Рис. 1. Формы московских чернолощенных сосудов и аналогии

1 – псевдокумган; 2 – кувшин; 3 – бутылевидная кубышка; 4 – ручомойник (по: Векслер и др., 2016. № 189, 305, 139, 248/249); 5 – фляга; 6 – расписной белоангобированный псевдокумган (по: Фатьков, Баранов, 2015. Рис. 4); 7 – белоглиняный гжельский кувшин (по: Полюлях, 2017. Рис. 2, 1); 8 – фляга (Германия, XII–XIII вв.; по: Aus dem Pottland... 2012. S. 199. Kat. 06)

Рис. 2. Сосуды, имеющие сходство с московскими

1 – кумган (ручка утрачена) из Болгара (раскопки ИА РАН 2013 г. Раскоп 192. № 893); 2 – обл-к кумгана с селища Большое Саврасово 2 в южном Подмоскowie (по: Баранов, Фатков, 2017. Рис. 3); 3 – поливной кувшин XIII–XIV вв. из Чериньолы (Апулия, Италия) (*Busto, Ciminale, Aquila*, 2001. Tav. 1, 7); 4 – керамический кувшин кон. XIV в. из Схидама (зап. предместье Роттердама) в Голландии (*Gaimster, Verhaeghe*, 1992. Fig. 11); 5 – обл-к поливного кувшина из Твери (по: Романова, 2009. Рис. 8, 4); 6 – сербский кувшин XVI в. (по: Bicić, 2003. P. 50); 7 – фляга из Болгара (раскопки ИА РАН 2013 г. Раскоп 179. № 533); 8 – фляга из земли Гессен, кон. XVI – 1-й пол. XVII в. (по: Stephan, 1992. Abb. 157); 9 – поливной водолей (Германия, XIII–XIV вв.) (по: Aus dem Pottland... 2012. S. 201. Kat. 10). (5–9 – без масштаба)

грамота Турабия (московская грамота № 3), и которая входила, вероятно, в состав усадьбы служившего московскому князю выходцу из Орды в конце XIV – начале XV в. (Коваль, 2018. Рис. 8, 2). Этот кумган местного (русского, не обязательно московского) производства полностью копировал восточные сосуды для омовений. Можно предположить, что Турабий, перейдя на службу в Москву, оставался мусульманином и, следовательно, нуждался в кумгане хотя бы только для гигиенических целей. Сосуд был выполнен единично, на заказ, т.е. его производство не имело продолжения.

Таким образом, среди московской керамической посуды прямых прототипов псевдокумганам XVI в. найти невозможно. Трудно искать их в восточных металлических (бронзовых и серебряных) кумганах, которые хотя и имели поддоны и изогнутые трубчатые сливы, но не обладали крепежом слива с краем горла, а сами эти образцы относятся к достаточно позднему времени (не ранее XIX в.). Правда, изображения металлических сосудов с подобным крепежом известны на некоторых иконах XVI–XVII вв. (Новоселова, 2014. С. 419). Неизвестно только, были ли «кумганы», показанные на иконах, восточными импортами. Среди европейской металлической посуды имеются очень близкие по форме кувшины с изогнутыми трубчатыми сливами и крепежом этих сливов к горловине (например, образец с музейным номером H245 в экспозиции Кёльнского музея прикладного искусства). Возможно, именно металлические кувшины с трубчатыми сливами и стали теми образцами, по которым были изготовлены первые московские керамические псевдокумганы. Возможно, но очень сомнительно. Дело в том, что форма расписных ангобированных и чернолощенных псевдокумганов столь стандартна, что за ней ощущается наработанный многолетний опыт. Если бы выработка формы шла на месте, Москва оказалась полна редких необычных форм кумганов, из которых постепенно одна форма стала бы наиболее распространенной. Нам же известен только один образец необычного по форме псевдокумгана, происходящий с селища Большое Саврасово в Южном Подмосковье (рис. 2, 2; Баранов, Фатьков, 2017. С. 169–178). У этого сосуда был цилиндрический прямой трубчатый слив, врезанный в верхнюю часть тулова, но крепившийся также к горлу при

помощи соединительной пластины. Таким образом, в его конструкции соединены признаки московских псевдокумганов (пластина-соединитель с трубчатым сливом) и европейских кувшинов XIII–XV вв. с трубчатыми сливами, которые часто крепились к горловине глиняным хомутиком/муфтой (рис. 2, 3, 4; Busto, Ciminale, Aquila, 2001. Fig. 14. Tav. 1, 7) или же вообще не имели никакого крепления. Подмосковный гибридный экземпляр можно датировать в пределах XV в., но изготовлен он был не в Москве, а, вероятно, в не открытом пока гончарном центре Южного Подмосковья, поскольку его формовочная масса имела разительные отличия от всей московской продукции². Заметим также, что невозможно видеть в этом сосуде и европейский импорт – он относится к технологической группе изделий, включающей многочисленные кухонные горшки местного подмосковного производства.

Итак, никакого серийного производства псевдокумганов в Москве и Подмосковье не существовало до конца XV в., когда стали изготавливаться ангобированные (в том числе расписные) сосуды, а позже – их чернолощенные копии. Аналогичные московским по деталям профилировки глазурированные белоглиняные и красноглиняные «кумганы» (вернее, их обломки) известны в Твери и Казани в слоях и комплексах XV–XVI вв., правда, узких дат эти находки не имеют и на их основании невозможно строить гипотезы о времени появления этих форм на Руси. Допустимо лишь утверждать, что самые ранние псевдокумганы стали производиться не ранее XV в. В Твери известны верхние части «кумганов» с изогнутыми трубчатыми сливами и пластинами, крепившими эти сливы к горловине, в которых имелись отверстия (рис. 2, 5; Романова, 2009. Рис. 4, 1; 8, 4–6; 10, 1–2). Кроме того, тут зафиксированы обломки кувшинов с ложными поддонами, аналогичными днищам московских псевдокумганов (Романова, 2009. Рис. 7, 1). Крупные обломки белоглиняных зеленополивных псевдокумганов тверского производства известны в материалах раскопок XV–XVI вв. в Казанском кремле (Ситдииков, 2006. Рис. 151, 153). Один из них имел своеобразный штампованный (прокатка зубчатым колесиком) декор, но по форме тулова и слива все образцы идентичны московским кумганам (ангобированным расписным и чернолощеным).

² Описание этой разновидности керамики приведено в статье И. С. Аникина и А. М. Фатькова, публикуемой в этом же выпуске сборника, где такой центр предположительно связывается с Перемышлем Московским.

Стандартная форма всех перечисленных выше псевдокумганов, произведенных в Москве и Твери, не имевших никаких прототипов в русском гончарстве более раннего времени и существенно отличавшихся от настоящих восточных (в том числе ордынских и казанских) кумганов XIV–XV вв., заставляет искать их прототипы в Европе. Ведь именно здесь, в той же Италии, например, хорошо известны формы кувшинов, которые имели ложные поддоны³ (*Ravanelli Guidotti*, 2001. Fig. 3, b). И такое совпадение донных начинов с московскими псевдо-кумганами XVI в. не могло быть случайным, поскольку формовка подобного начина более трудоемка, чем при изготовлении дна простого профиля. Очень похожие расширения у дна имели и германские кувшины из каменной массы XIV–XV вв., среди которых известны и имевшие трубчатые сливы (*Aus dem Pottland...* 2012. P. 204. Kat. 20). Однако германские сосуды имели настоящие поддоны со специфическим оформлением зажимами, которые на московских кувшинах никогда не копировались, поэтому североевропейские формы приведены здесь не как прямые аналогии, а лишь с целью показать тот широкий круг керамических изделий, которые были повсеместно распространены в Европе. Кувшины с трубчатыми сливами производились в XVI–XVII вв. и на Балканах, в частности, в единоверной православной Сербии. Правда, сербские кувшины были синхронны московским, поэтому они вряд ли могли быть их прямыми предшественниками. Кроме того, сербские кувшины, хотя и имели керамические соединительные планки, удерживавшие длинные носики-сливы, отличались от московских тем, что эти планки имели вид брусков без каких-либо отверстий (рис. 2, 6; *Bicić*, 2003. P. 50, 52. Tip III/6, III/11). Впрочем, для таких планок имеется аналогия в Твери (*Романова*, 2009. Рис. 4, 1).

В целом же кувшины с трубчатыми сливами использовались в Европе не только как столовая посуда, но и в качестве рукомошников (*Theuerkauff-Liederwal*, 1975. P. 177–196). И хотя нет никаких сведений о том, каким именно образом использовались такие сосуды в Москве и других городах Руси, вся более поздняя история столовой посуды заставляет думать, что основным назначением псевдокумганов было все же служить столовым сосудом для разлива напитков.

Очень важно, что чернолощенные псевдокумганы неизвестны в археологическом материа-

ле XVII в., что было впервые замечено Р.Л. Розенфельдом (1968. С. 33), и, следовательно, время их бытования ограничено XVI в. А это означает, что чернолощенные и ангобированные расписные кумганы исчезли из московского керамического производства фактически *одновременно*. Возможно, эта форма изделий изготавливалась одной и той же небольшой группой гончаров, специализировавшихся именно на таких сосудах. Тогда прекращение производства указанной разновидности посуды можно связывать с гибелью этой группы гончаров, что могло случиться не ранее второй половины XVI в. и не позднее начала XVII в. Пока для установления точной даты этого события нет достаточных данных: оно могло быть связано как с разорением Москвы Дзвлет-Гиреем в 1571 г., так и со «смутным временем» начала XVII в. Правда, в XVII в. стали изготавливаться белоглиняные поливные «кумганы» близкой (хотя и несколько иной) формы (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 17, 22, 23, 29), но их производителями были, вероятно, уже совершенно другие люди, относившиеся к совсем иной гончарной традиции, которая использовала чернолощенные псевдокумганы в качестве образцов для подражания.

Самой распространенной формой чернолощенной керамики были кувшины. В отличие от «кумганов» эти сосуды не имели прямых аналогий в продукции московских гончаров предшествующего времени (конца XV в.). Чернолощенные кувшины имели уплощенно-сфероидальное тулово с плавным переходом в раструбовидное горло (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 9) (рис. 1, 2). Такая профилировка далека от форм московских краснолощенных кувшинов (с яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и резким переломом профиля у основания горла). Невозможно проследить никакого сходства московских чернолощенных кувшинов с кувшинами Казанского ханства. Остается искать прототипы их форм на территории Западной Руси, что затрудняется дефицитом публикаций материалов XIV–XV вв. из Украины, Беларуси и Верхнего Поднепровья. Однако большое сходство можно найти у московских чернолощенных кувшинов с профилировкой некоторых гжельских белоглиняных кувшинов, которые начали производиться в начале XVI в. (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 15, 13, 20; *Полюлях*, 2017. Рис. 1, 4; 2, 1, 3). Правда, гжельские кувшины были в подавляющем большинстве

³ Расширения у дна, которые копировали внешний вид поддонов, но никакими поддонами в действительности не являлись. Большинство кувшинов итальянского производства XIV–XV вв. имели такие расширения у дна.

не столовыми, а тарными, очень крупными по размерам, но некоторые столовые сосуды имеют высокую степень сходства с чернолощеными (ср. рис. 1, 7). Не исключено, что именно они послужили образцом для подражания в новой для Москвы технике.

Кроме стандартных кувшинов с уплощенно-сфероидальным (или сфероконическим) туловом недавно был обнаружен уникальный экземпляр чернолощеного кувшина с усеченно-коническим туловом и срезом у дна, который явно копировал краснолощенные московские «кувшины-кружки», широко бытовавшие весь XV в. (Коваль, 2018. Рис. 4, 6). Отсюда видно, что в ходе освоения нового производства проводились попытки копирования популярных в Москве форм столовой посуды, но эти попытки не имели продолжения и почти не оставили следов.

Чернолощенные кубышки – крупные бутылевидные (рис. 1, 3) и миниатюрные, служившие копилками, по форме тулова близки кувшинам (Розенфельдт, 1968. Табл. 11). Это самый сложный объект для поиска аналогий. Бутылевидных кубышек нет в гончарстве Москвы предшествующего времени. При этом обломки узкогорлых бутылеобразных сосудов самых разных профилировок известны как в Москве (Розенфельдт, 1968. Табл. 4, 22), так и во многих других городах Руси, в том числе среди поливной керамики Твери (Романова, 2009. Рис. 8, 1–2) и чернолощеной посуды Смоленска (Сергина, 2004. Илл. 93, 1), однако это очень редкие формы. Бутылевидные сосуды изготавливались в XV–XVI вв. как в странах Востока, так и в Европе, но везде это редкие формы, не имевшие полного сходства с московскими кубышками по профилировке.

Что касается миниатюрных кубышек без горловин, то они известны в материалах Москвы с XV в. В частности, такие кубышки изготавливались из красножгущихся глин, в том числе украшенные пятнами белого ангоба (Розенфельдт, 1968. Табл. 3, 14, 19). Это очень простые и широко распространенные формы, так что их трудно использовать в качестве индикаторов местного производства или заимствований.

Среди чернолощеной керамики Москвы известны также миски (Розенфельдт, 1968. Табл. 12, 3–5, 8–10), лохани (Рабинович, 1949а. Рис. 9, 2) и блюда с вертикальными бортами, которые часто неверно называют «сковородами» (Рабинович, 1949а. Рис. 8, 11). Как функциональные формы миски известны во всех русских городах, однако профилировка чернолощенных мисок находит

анalogии прежде всего среди красноглиняных белоангобированных (в том числе расписных) мисок московского производства XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. Табл. 4, 7; 6, 23). При этом узко датированных ранних экземпляров мисок всех перечисленных разновидностей практически неизвестно, так что трудно судить о том, когда именно они появились в Москве. Одним из редких исключений такого рода является точно датированная чернолощенная миска из подсыпки пола храма Отцов Семи Вселенских соборов в Даниловом монастыре (Беляев, 1991. Табл. 118, В), построенного в 1562–1563 гг. Это самая ранняя из датированных московских чернолощенных мисок.

Другой распространенной формой чернолощеной посуды является фляга – специализированный сосуд для переноса воды и других напитков в пути. В чернолощеной технике изготавливались фляги только одной формы – с дисковидным туловом, коротким воронковидным горлом, отверстиями для крепления шнура на боках и 4 маленькими ножками для установки на плоской поверхности (реже – овальным или подпрямоугольным поддоном) (Розенфельдт, 1968. С. 50. Табл. 12, 1; Рабинович, 1949а. Рис. 9, 3) (рис. 1, 5). Время появления чернолощенных фляг в Москве точно не установлено, однако наиболее ранняя надежно датированная белоглиняная поливная фляга в Центральной России датируется первой половиной 1580-х гг., согласно дате содержавшегося в ней монетного клада, зафиксированного в Твери (Бушлякова, Волков, 2010. С. 13–16. Ил. 4. Табл. 1). Эта фляга отличалась от чернолощенных не только технологией изготовления, но и формой – она имела вид низкого цилиндра со слегка выпуклыми стенками. Тем не менее пока это единственная точно датированная фляга из Центральной России. При этом в Твери, которая могла бы претендовать на место изготовления поливных фляг, известен только один обломок подобного сосуда в слое XVI в. (Романова, 2009. С. 325. Рис. 10, 3). Остальные поливные фляги, хорошо известные по находкам в Москве и других местах, датируются в основном XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 50. Табл. 18, 1–9).

Фляги, как функциональная форма керамической посуды, восходит к раннесредневековым (VIII–X вв.) прототипам, бытовавшим на Востоке, в Византии и Северном Причерноморье (Крым... 2003. Табл. 27, 20; 35, 9–10; Якобсон, 1979. Рис. 19). Территориально ближайшие к Москве аналогии восточных фляг происходят с территории Золотой Орды (причем их обломки известны и на Руси), однако они датируются второй

половиной XIV в., были изготовлены в Хорезме и имеют ряд важных технологических и морфологических отличий от московских: хорезмские фляги никогда не ложились, не имели ножек (т. е. не предназначались для установки на плоскость), а их ручки всегда размещались только рядом с горлышком, а не на боках сосуда (рис. 2, 7). Поэтому видеть в хорезмских флягах прототипы московских чернолощенных сосудов невозможно.

С Востока или из Византии, они были восприняты и в Западной Европе, где получили широкое распространение в XII–XV вв. (рис. 1, 8; Aus dem Pottland... 2012. P. 199. Kat. 06; *Scheidemantel, Schifer*, 2005. Taf. 19–21). С XVI в. фляги можно видеть и на картинах европейских художников, например, на полотне «Мастера из Алкмара» (города в провинции Северная Голландия) «The Seven Works of Mercy» (1504 г.), хранящемся в Королевском музее (Rijksmuseum) Амстердама. Интересно, что наибольшее внешнее сходство как по общему виду, так и по декору из концентрических окружностей на стенках московские фляги имеют с германскими, правда, практически синхронными, датирующимися концом XVI – XVII в. (рис. 2, 8; *Stephan*, 1992. Abb. 145, 157). Нельзя не обратить внимание в этой связи на полностью аналогичную московским по форме чернолощеную флягу из слоев XVI – начала XVII в. в Смоленске (*Сергина*, 2004. Илл. 95, 1).

Таким образом, восточные фляги не могли быть прямыми прототипами московских, которые, вероятно, копировали европейские (скорее всего, северогерманские) сосуды, являвшиеся, в свою очередь, результатом культурной адаптации восточных изделий (отсылаем тут к тонким наблюдениям Л. А. Беляева об этом культурном феномене – *Беляев*, 2008. С. 42).

Последней формой московских чернолощенных сосудов, которую следует назвать, являются зооморфные водолей-рукомойники в виде фигуры животного с головой барана, угадывающейся по завернутым в кольцо или спираль рогам (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 13, 7) (рис. 1, 4). У этих сосудов имеются синхронные и даже чуть более ранние аналогии конца XV в., представленные, к сожалению, только узнаваемыми обломками водолеев, принадлежавших иным типам московской керамики – белоглиняной с росписью черной краской (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 6, 19), красноглиняной белоангобированной (*Коваль*, 2018. Рис. 3, 4) и ангобированной с росписью красной краской (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 7, 14, 20), в том числе из недавних раскопок в Кремле (рис. 3). Эти находки показывают, что, как

и в случае с «кумганами», производство чернолощенной посуды в Москве было тесно связано с группой гончаров, ориентированных на удовлетворение запросов элитарных групп общества.

В отношении московских рукомойников исследователями уже указывалось, что аналогии им известны среди европейских акваманилов, которые, подобно флягам, были восприняты европейцами на Востоке в ходе Крестовых походов (*Беляев*, 2008. С. 42). Однако чернолощенные московские сосуды не копировали металлические (в основном бронзовые) европейские акваманилы, являвшиеся высокохудожественными произведениями и использовавшиеся в быту высшей аристократии либо в храмах как литургические сосуды. У них имелись более дешевые керамические прототипы, получившие в Северной Европе (Англия, Германия) широкое распространение уже в XIII–XV вв., которые как раз и были публичными дериватами элитарных бронзовых сосудов. Эти керамические водолеи хранятся во многих музеях мира (Germanisches nationalmuseum Nurnberg. Inv. Ke2564; Basel Historical Museum. Inv. 1935.2224; Köln city museum. Inv. KSM 1928246; Metropolitan Museum of Arts. Inv. 2007.142; British Museum. Inv. 1984.0603.1), но далеко не все они опубликованы. Керамические акваманилы Европы были разнообразны по формам и способам обработки поверхности, сосуды восстановительного обжига в литературе и музейных собраниях обнаружить не удалось, но имеются поливные изделия, очень близкие московским по форме тулова и способу заливания жидкости – в горловину на задней части тулова (Rotterdam papers, 1968. P. 41. Fig. 11; *Stephan*, 1981. Taf. 33; *Heyer-Boscardin*, 2002. S. 125; *Handbuch*... 2010. Abb. 135, 240). Притом имелись и другие конструктивные формы, с заливным отверстием в передней и средней частях сосуда. В отличие от московских водолеев, имевших небольшую ручку-петельку в верхней части тулова сосуда, европейские чаще всего снабжались изогнутой длинной ручкой, начинавшейся на «голове» и заканчивавшейся в задней части тулова. Таким образом, европейские акваманилы предназначались для того, чтобы один человек (слуга) мог держать такой сосуд в руках, выливая его содержимое на руки другого человека, тогда как московские предполагалось подвешивать на веревке, т. е. они были рассчитаны на индивидуальное (самостоятельное) использование.

Имеется и другое отличие: европейские акваманилы разнообразны по оформлению – в виде лошади, оленя (рис. 2, 9), барана, льва и даже ежа.

Рис. 3. Обломок красноглиняного белоангобированного расписного водолея из раскопок ИА РАН в Московском Кремле (2016 г., ш. 4, № 70)

Кроме того, довольно часто у них встречаются антропоморфные сливы (в виде головы человека). Московские водолеи удивительно стандартны – они изображали почти исключительно барана, различаясь лишь трактовкой рогов (которые могли быть завернуты в спираль или спускаться на плечи тулова. Впрочем, не исключено, что какую-то роль тут играла хронология, ведь московский материал в плане тонкого хронологического деления никогда не обрабатывался). Известны лишь единичные рукомытники, у которых вместо головы барана слив оформлен в виде головы лошади (Рабинович, 1949а. Рис. 9, 1).

Если же говорить не о Западной, а о Восточной Европе, то единственный город помимо Москвы, где обнаружены обломки ранних чернолощенных зооморфных рукомытников, это, как нетрудно до-

гадаться, Смоленск (Сергина, 2004. Илл. 95, 5). Самая ранняя находка датирована тем же временем, что и московские изделия (XVI в.), но отличается от них весьма значительно – специфической обработкой рогов барана, прорисованными глазами и остроконечным сливом. Такие черты на московских сосудах не замечены, так что связывать эту находку с привезенным из Москвы в Смоленск рукомытником невозможно.

Необходимо упомянуть и о второй форме чернолощенных рукомытников, производившихся в Москве, – в виде горшковидного сосуда, имевшего 1 или 2 трубчатых слива, оформленных в виде сильно стилизованной головы животного (вероятно, лошади?) с торчащими ушами (Розенфельдт, 1968. Табл. 13, 8, 11, 12), но никогда – в виде головы барана (рис. 4, 1). Эти рукомытники

Рис. 4. Московский чернолощеный рукомойник XVII в. (1) и керамический лавабо (Германия, XIV в.) (по: Först, 2003. Abb. 5a) (2)

стали изготавливаться в Москве позже зооморфных – в XVII в. При этом горшковидные рукомойники не имели никаких предшественников в русском гончарстве (в отличие от кувшинов, кубышек и даже псевдокумганов), смыкаясь в этом с флягами и блюдами. Зато они имеют многочисленные прототипы в Европе, где подобные рукомойники (лавабо) изготавливались по меньшей мере с XIII в. как в виде металлических, так и керамических сосудов (Gaimster, Verhaeghe, 1992. Fig. 12; Först, 2003. Abb. 3–6) (рис. 4, 2). Правда, чернолощеные изделия такого рода неизвестны и в Европе.

Подведем итоги. Чернолощеная керамика Москвы производилась по европейской технологии восстановительного обжига, воспринятой уже в XV в. на территории Великого княжества Литовского. Применявшееся при этом лощение не имеет прямого и полного соответствия ни в московском, ни в европейском гончарстве, хотя сама техника лощения была известна по всей Европе. Видимо, полное сплошное лощение – это индивидуальный почерк той группы гончаров, которая принесла новую традицию в Москву. Набор форм посуды, производившихся этой группой, был относительно узок, сосредоточившись исключительно на столовой утвари. В этом наборе можно выделить две группы:

1. Точно копировавшая уже изготавливавшиеся в Москве по меньшей мере с конца XV в. формы эксклюзивных (дорогих) столовых серви-

зов – псевдокумганы (кувшины с трубчатыми сливами), миски, маленькие кубышки без горловины, зооморфные рукомойники. Осуществлялись также попытки (не имевшие продолжения) копировать краснолощеные кувшины-кружки. Кувшины с трубчатыми сливами и рукомойники прямо восходили к западноевропейским прототипам.

2. Вторая группа форм не имела в Москве прямых предшественников и могла быть принесена только извне: это небольшие кувшины со сфероидальным туловом и раструбным горлом, бутылевидные кубышки, блюда и фляги. Среди них фляги также имели прежде всего европейские аналогии.

Если говорить о том, откуда именно могла быть принесена новая для Москвы гончарная традиция, то наиболее вероятным регионом является территория Великого княжества Литовского, а в ее пределах – Смоленск, поскольку именно там археологические материалы позволяют допускать производство чернолощеной керамики в XV в.

Очень важен, принципиален, вопрос о времени появления в Москве чернолощеной посуды. Он важен не только для датирования комплексов с подобной керамикой, но и для лучшего понимания истоков традиции ее изготовления.

М. Г. Рабинович датировал появление чернолощеной керамики в Москве 1530–1540-ми гг., опираясь на находку клада монет в миниатюрном сплошь лощеном кувшинчике, где самая поздняя монета была отчеканена, по его мнению, в 1533 г.

(не указав, правда, кто из нумизматов датировал клад 1533 г. и откуда конкретно он происходил)⁴. В то же время исследователь допускал бытование такой керамики и ранее названной даты, даже в конце XV в., исходя из того, что «единичные фрагменты» подобной керамики фиксировались в контекстах этого времени (*Рабинович*, 1971. С. 18). При этом в той же работе, в статистических таблицах, характеризующих керамические комплексы (в основном из раскопок в Кремле 1959 г.), датированные XV в., постоянно фигурирует как чернолощенная, так и мореная керамика, причем в весьма значительных количествах: до 10 и более процентов (*Рабинович*, 1971. С. 59–65). Однако доверять этим датам не приходится, поскольку в тех же комплексах фигурирует белоглиняная «грубая» керамика (т. е. гжельская), доля которой составляла в них от 5 до 10%. Отсюда становится ясно, что либо все описываемые комплексы изначально были смешанными, либо отобраны некорректно (без отделения материалов из поздних перекопов, не замеченных в ходе работ), либо, скорее всего, эти комплексы датируются в действительности не XV в., а первой третью или серединой XVI в. Нельзя также упускать из виду возможности фатальных ошибок в самой статистике керамики, обработку которой осуществлял на раскопах в основном аспирант ИИМК Э. А. Рикман, никогда не занимавшийся изучением керамики Москвы и в дальнейшем посвятивший себя археологии Молдавии, причем без обращения к керамическому материалу. Работа по учету керамики была для него формальной «нагрузкой», в ходе которой могли быть допущены самые разнообразные ошибки. В частности, к «мореной» керамике, скорее всего, была отнесена керамика, покрытая пищевым нагаром, т. е. прошедшая бытовое «морение» и внешне совершенно черная. С чернолощенной керамикой также могла быть спутана краснолощенная, побывавшая в пожаре и почерневшая в результате науглероживания поверхности. А вот присутствие белоглиняной гжельской керамики симптоматично и явно указывает на XVI в., как время формирования отложений. Таким образом, для удревнения чернолощенной керамики реальных оснований у М. Г. Рабиновича не было, но формальные данные статистики заставляли его допускать такое удревнение.

Р. Л. Розенфельдт датировал чернолощеную керамику Москвы также в основном XVI–XVII вв., но упомянул в своей монографии, что эта керамика встречена им в материалах раскопок в Зарядье 1954–1957 гг. в горизонте второй половины XV в., датировка которого проистекала только из того, что этот горизонт был перекрыт слоем, в котором нали серебряную гривну XV в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 28). Ясно, однако, что одна вещевая находка (даже если она продатирована верно, что само по себе требует проверки) не может датировать какой-либо слой, поэтому никаких твердых оснований для удревнения чернолощенной керамики материалы Зарядья не давали. Не случайно во всей остальной части книги Р. Л. Розенфельдт говорит лишь о находках чернолощенных кумганов в слоях конца XV – начала XVI в., но эти даты остались без подробного обоснования, так что могут рассматриваться лишь как интуитивные.

С. З. Чернов также обращался к датировке чернолощенной керамики и склонился к ее появлению в конце XV в., аргументируя это тем, что такая керамика присутствовала в комплексах нижних частей ям 1 и 4 Монетного двора, заполнения которых он, исходя из данных стратиграфии, полагает сформировавшимися до пожара 1493 г. (*Чернов*, 1991б. С. 50). Датировка этого пожара в целом выглядит убедительной, однако ее нельзя считать единственно возможной. И даже в том случае, если эта дата верна⁵, не может быть уверенности в том, что шесть мелких обломков чернолощенной керамики не попали в эти два комплекса (с суммарной численностью керамического материала более 700 шт.) по случайным причинам из вышележащих слоев. Хотя С. З. Чернов не указывал размеров обломков, можно уверенно считать их не просто мелкими, а мельчайшими, поскольку ни один из них не был воспроизведен в публикации, хотя в таблицы керамики там попали даже фрагменты размерами менее чем 1×1 см (*Чернов*, 1991б. Табл. 91–100). Соответственно, закрадывается сомнение в верности определения этих микрообломков в качестве чернолощенных. Сомнение усугубляется тем, что кроме чернолощенной керамики в тех же двух комплексах отмечены еще шесть обломков «мореной» керамики, однако это вовсе не те образцы посуды, идентичной лощенной и отличающейся от нее

⁴ Речь идет о кладе, хранящемся в ГИМ под № 78628, о котором будет подробно говориться ниже.

⁵ Мне уже приходилось высказывать сомнения в достоверности такой датировки (*Коваль*, 2001), и эти сомнения пока не оспорены.

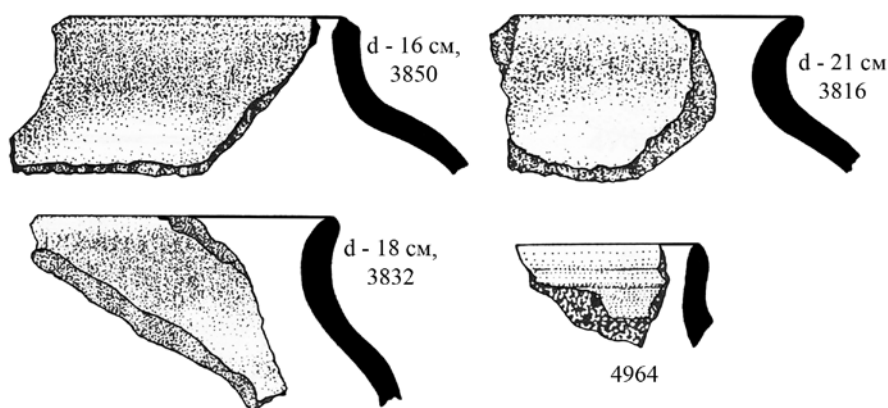

Рис. 5. Так называемая мореная керамика из нижних слоев ям 1 (№ 3850, 316, 3832) и 4 (№ 4964) (по: Чернов, 1991б. Табл. 100, 102)

только отсутствием лощения, которая хорошо знакома московским археологам и появляется в массе лишь в XVII в. Достоверных образцов такой «мореной» керамики в комплексах XVI в. не опубликовано, при этом хорошо известно, что в то время лощению подвергалась вся поверхность сосудов. В данном случае мореной, вероятно, названа керамика черного цвета, подвергшаяся бытовому морению (пропиткой нагаром), что видно по рисункам указанных образцов, даже без фото: все четыре попавшие в публикацию обломка – это венчики горшков, т. е. как раз те части сосудов, которые прежде всего пропитываются нагаром и приобретают черный цвет. Судя по профилировкам этих обломков, два венчика принадлежали коломенским белоглиняным горшкам (Чернов, 1991б. Табл. 100, 3850; 102, 4965), а два других относились к редким разновидностям красноглиняной керамики (Чернов, 1991б. Табл. 100, 3816, 3832) (рис. 5). Чернолощенные горшки для XVI в. в целом неизвестны, они появляются в XVII в. и имеют специфическую профилировку, отличавшуюся от горшков иных типов керамики.

Таким образом, никаких надежных свидетельств бытования чернолощенной керамики не дали и раскопки в Историческом проезде.

Материалы раскопок в Тайницком саду Московского Кремля показали, что в комплексах XV в. чернолощенная керамика отсутствует полностью, она появляется в виде единичных обломков лишь в заполнениях построек первой трети XVI в., несколько чаще ее можно встретить в комплексах середи-

ны XVI в., но действительно заметным присутствие этой посуды в постройках и слоях становится только во второй половине XVI в. (Коваль, 2018. С. 425, 426).

Становится ясно, что одним из важнейших аргументов для датировки появления в Москве чернолощенной керамики остаются клады, помещенные в подобные сосуды. К такимкладам уже обращались и нумизматы (Мец, 1949), и археологи (см. выше ссылку на один из них М. Г. Рабиновича). Все это подтолкнуло к проверке кладов, хранящихся в ГИМ и ММК⁶. Эта проверка показала, что на сегодняшний день в Центральной России известно только три клада в чернолощенных сосудах, отложившихся до середины XVI в.

Ключевым является клад, хранящийся в отделе нумизматики ГИМ под номером 78628, найденный в Москве на ул. Спартаковской, 6, в 1937 г. (Мец, 1949. С. 109, 110. Рис. 31, 1). Именно этот клад продатирован «не позднее 1533 г.» в упомянутой выше статье М. Г. Рабиновича без ссылки на автора определения. Клад содержал 173 монеты, среди которых преобладали монеты Ивана III, монет Василия III было 23 (определение Н. Д. Мец, относившей клад к первой четверти XVI в.). По мнению В. В. Зайцева, клад датируется рубежом первого и второго десятилетий XVI в., исходя из присутствия в нем ранних выпусков монет великого князя Василия III (правил с 1505 по 1533 гг.). Датировка, озвученная М. Г. Рабиновичем, исходила из даты смерти этого князя, после которой его монеты, понятно, уже не могли чеканиться. Однако

⁶ Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою глубочайшую признательность В. В. Зайцеву (ГИМ), а также С. В. Звереву и А. М. Колызину (ММК) за помощь в определениях и информацию о рассматриваемых ниже кладах и их публикациях.

отсутствие в этом кладе наиболее массовых серий монет Ивана III позволяет исключать его отложение в 1520–1530-х гг. Клад находился в миниатюрном чернolощеном кувшинчике (музейный номер КРОН 380955), у которого ручка и горло не сохранились, но все остальные признаки (прекрасное сплошное лощение, полный восстановительный обжиг) вполне соответствуют ранним сериям московской чернolощеной посуды. Находка происходит из того района Москвы (Спартакoвская ул. прежде называлась Покровской), где предполагается размещение древнего подмосковного с. Покровского, практически не изученного археологами.

Второй клад (ГИМ № 82525, в настоящее время имеет новый номер 113153), помещенный в маленькую чернolощеную кубышку, найден у платформы Текстильщики Курской ж.д., т.е. также за пределами средневековой Москвы. Точное место находки неизвестно, но очевидно, что оно располагалось в непосредственной близости к (или просто на месте?) д. Курсаково («Гавшино тож»), существовавшей в XVI в. Состав клада не публиковался, но он был достаточно велик (весом более килограмма). По мнению Н.Д. Мец, монеты клада датировались XV в., без каких-то комментариев и ссылок на чеканы тех или иных князей (Мец, 1953. С. 117), однако новое обращение к нему В.В. Зайцева, позволило уточнить датировку в пределах 1530-х гг. Кубышка из клада (музейный номер КРОН 1737177) залощена относительно небрежно, однако вполне вписывается в круг изделий XVI в.

Третий клад, помещенный также в чернolощеную кубышку (Зверев, Колызин, 2013. С. 74)⁷, найден в 1929–1930 гг. при строительстве здания корпуса № 14 Московского Кремля на месте Чудова и Вознесенского монастырей. Клад включал 1563 монеты, среди которых половину (765 экз.) составляли монеты Василия III. По мнению публикаторов клада, он мог отложиться в начале 1530-х гг. (Зверев, Колызин, 2017. С. 154).

Итак, на сегодняшний день в Москве и ее ближайших окрестностях найдены только три клада в чернolощеных сосудах, относящиеся к самой ранней серии подобных тезавраций. Судя по датировкам этих кладов, появление чернolощеной керамики в Москве можно относить не ранее чем ко второму десятилетию XVI в. Два клада отложились в 1530-х гг. Клады второй половины XVI в., помещенные в чернolощенные сосуды, в Москве и ее окрестностях пока неизвестны (как, впрочем,

и по всей Центральной России), но они массово появляются с началом Смуты и далее широко бытуют на протяжении XVII в.

Таким образом, нумизматика позволяет уточнить дату появления чернolощеной керамики в Москве. Однако имеются и иные способы для проверки полученных дат. Ведь кроме посуды чернolощеная техника применялась также для изготовления напольных керамических плиток, известных на памятниках архитектуры, которые иногда имеют довольно точные даты строительства. Самые ранние образцы таких плиток размещаются во владениях удельного князя дмитровского Юрия Ивановича (младшего брата Василия III, участника трех походов на Смоленск) – в Успенском соборе Дмитрова и в Никольском соборе Николо-Песношского монастыря (Яганов, Рузаева, 2015. С. 362. Илл. 8, 9). По мнению исследователей этих памятников, оба они возводились между 1514 и 1520 гг. (Яганов, Рузаева, 2003. С. 44). Таким образом, данные архитектурной археологии подтверждают даты, представляемые кладовыми комплексами.

С чем можно связать появление чернolощеной керамики в Москве во второй половине 1510-х? Поскольку выше уже было показано, что истоки этой новой для Москвы традиции гончарства следует искать на западе от нее, имеет смысл обратить внимание на исторические события, которые происходили в это время. Общеизвестно, что именно на второе десятилетие XV в. приходится крупные территориальные приобретения Московского государства как раз на этом направлении: в 1510 г. окончательно присоединен Псков, а в 1515 г. взят Смоленск. Причем оба приобретения сопровождались выводом населения из этих городов в центральные районы Московии. Однако из Пскова выводились преимущественно знатные семьи (которые, конечно же, сопровождались и каким-то зависимым населением), а из Смоленска вывод населения был значительно более массовым. При этом о производстве чернolощеной керамики в Пскове не известно ничего (хотя его гончарство изучено достаточно хорошо благодаря трудам В.И. Кильдюшевского и С.В. Степанова), тогда как в Смоленске такая керамика производилась. Тем не менее ясно, что захватить московский рынок кухонной посуды в начале XVI в. предполагаемым пришельцам из Смоленска было бы не под силу – тут имелась многочисленная корпорация мастеров Гончарной

⁷ В данной публикации кубышка по недоразумению названа покрытой поливой.

слободы, не заинтересованная в допуске на городской рынок новых производителей. Однако рынок столовой посуды в тот момент был занят только немногочисленными производителями красноглиняных белоангобированных изделий, а с приходом выведенцев (из состава наиболее богатых семей) из Пскова и Смоленска число потенциальных потребителей высококачественной столовой посуды должно было возрасти. Вероятно, это совпадение возросшего спроса и недостаточного предложения элитной столовой керамической посуды и стало причиной рождения московской чернолощеной керамики. Судя по археологическим данным, производство такой посуды сформировалось в Гончарной слободе, где оно фиксируется по материалам раскопок 1946–1947 гг., тогда были обнаружены гончарные горны и две ямы с бракованной керамикой, среди которой присутствовала и чернолощеноя (Рабинович, 1949б. С. 31. Рис. 17).

Участие Юрия Ивановича Дмитровского в походах на Смоленск объясняет появление именно в его владениях первых чернолощенных плиток для напольных покрытий. Впрочем, следует иметь

в виду, что кроме Смоленска в ходе Русско-Литовской войны 1512–1522 гг. московскими войсками был razoren Рославль (1515 г.), а в 1518–1520 гг. ими разорялись окрестности Вильно, Минска, Слуцка, Могилева, Витебска и из всех этих районов могли быть переселены местные жители, а в их числе и гончары. Разумеется, речь идет лишь о предположениях, но весь представленный выше материал заставляет рассматривать эти предположения как вполне допустимые.

«Смоленские» гончары не просто принесли в Москву доселе неизвестную там технологию, они сумели наладить отношения со своими московскими коллегами. Видимо, именно новые технологии смолян в сочетании с уже наработанным в русских городах опытом изготовления европейских форм посуды (кувшинов с трубчатыми сливами, водолеев и др.) послужили пусковым механизмом для организации на базе московского глиняного сырья производства необычной, новой для Северо-Восточной Руси традиции керамического производства, развивавшейся на протяжении последующих четырех столетий.

Литература

Баранов Н. А., Фатьков А. М., 2017. Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 169–178.

Беляев Л. А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // МК. М.: ИА РАН. С. 43–49.

Беляев Л. А., 2008. Новое в археологии Москвы: раскопки и культурно-исторические проблемы // Вестник истории, литературы, искусствоведения. Т. V. М. С. 40–56.

Болдин И. В., 2017. Московская белоглиняная керамика. Штрихи к портрету // ТТЗ. Вып. 10. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 170–176.

Бушлякова В. А., Волков И. В., 2010. Тверские клады XVI – начала XVIII в. Вып. 1. М. – Тверь: Нумизматическая литература. 80 с.

Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2015. Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 437–448.

Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В., 2016. Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по мате-

риалам исследований. М.: Департамент культурного наследия Москвы. 496 с.

Зверев С. В., Колызин А. М., 2013. Клады и древности Московского Кремля. Экспозиция в подклете Благовещенского собора. Путеводитель. М.: Московский Кремль. 80 с.

Зверев С. В., Колызин А. М., 2017. Клад русских монет XV – первой половины XVI в. из Московского Кремля // Девятнадцатая всерос. нумизм. конф. Тез. докл. и сообщ. М.: НГМЗ, ГЭ, ГИМ, ИА РАН. С. 153–154.

Зимин А. А., 1972. Россия на пороге Нового времени. М.: Мысль. 450 с.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2016. Керамика Рязанской земли в XIII веке // Stratum plus. № 5. Кишинев. С. 175–188.

Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 414–441.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Под ред. Т. И. Макаровой и С. А. Плетневой. М.: Наука, 2003. 533 с. (Археология).

Мец Н. Д., 1949. Датировка кладов черной лощеной керамики по собранию кладов нумизма-

тического сектора ГИМ // КСИИМК. Вып. XXIV. С. 108–115.

Мец Н.Д., 1953. Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1945–1952 годы) // КСИИМК. Вып. 52. С. 113–120.

Новоселова Т.Н., 2014. Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 419–425.

Полюях А.А., 2017. Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 346–371.

Рабинович М.Г., 1949а. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М. С. 57–105. (МИА. № 12).

Рабинович М.Г., 1949б. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М. С. 4–43. (МИА. № 12).

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. С. 9–116. (МИА. № 167).

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с. (САИ. Вып. Е1–39).

Романова Е.А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // ННЗ. Великий Новгород: НГМЗ. С. 310–338.

Сергина Т.В., 2004. Керамика Смоленска. Смоленск. 208 с. (Смоленские древности. Вып. 3).

Ситдигов А.Г., 2006. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ИИ АН РТ. 288 с.

Фатъков А.М., Баранов Н.А., 2015. Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 422–431.

Черкасов В.В., 2005а. Домонгольские традиции гончарного производства Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.) // Великое княжество Рязанское. М.: Памятники исторической мысли. С. 299–319.

Черкасов В.В., 2005б. Керамика Коломны второй половины XIII – первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху) // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 54–74.

Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики конца XIII – середины XV вв. // МК. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // МК. М.: ИА РАН. С. 50–58.

Чмиль Л.В., 2018. Результати і перспективи дослідження технології виготовлення керамічного посуду Середньої Наддніпрянщини XVI–XVIII ст. // Археологія і давня історія України. № 4 (29). Київ. С. 323–341.

Яганов А.В., Рузаева Е.И., 2003. Успенский собор в Дмитрове. М.: Северный паломник. 301 с.

Яганов А.В., Рузаева Е.И., 2015. Новые данные о Никольском соборе Николо-Песношского монастыря // Образ христианского храма. М.: Арткитчен. С. 343–376.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука. 164 с.

Aus dem Pottland in die Welt. Holzminden, 2012. 216 s.

Bicić V., 2003. Gradska keramika Beograda (16–17. vek). Beograd. 187 s. (Arheološki Institut. Posebna izdanja. № 39).

Busto A., Ciminale D., dell'Aquila C., 2001. Ceramiche da un sito dei Cavalieri Teutonici: lo scavo di Torre Alemanna in Capitanata // Albisola. Atti XXXII Convegno internazionale della ceramic 1999, Atti XXXIII Convegno internazionale della ceramic 2000. Firenze. P. 325–336.

Gaimster D.R.M., Verhaeghe M., 1992. Handles with face-masks: a cross-Channel type of late medieval highly decorated basin // Everyday and Exotic Pottery from Europe c. 650–1900. Oxford: Oxbow books. P. 303–323.

Först E., 2003. Alt- und Neufund – Zwei tönerne Gefäße des mittelalterlichen Handwaschgeschirrs aus Hamburg // Die Kunde. Zeitschrift für niedersächsische Archäologie. Neue Folge. Bd. 54. Oldenburg. S. 221–231.

Handbuch zur terminologie der mittelalterlichen und neuzeitlichen keramik in Österreich. Wien: FÖMat A, Sonderheft 12, 2010. 128 s.

Heyer-Boscardin L., 2002. Wider das “finstere” Mittelalter. Geburtstag Schweizerischer Burgenverein. 255 s. (Schweizer Beiträge zur Kulturgeschichte und Archäologie des Mittelalters. Bd. 29).

Ravanelli Guidotti C., 2001. Maioliche Faentine del Rinascimento “Famiglia gotico-florense a tavolozza fredda: gruppo Italo-Moresco” // Ceramiche da un sito dei Cavalieri Teutonici: lo scavo di Torre Alemanna in Capitanata // Albisola. Atti XXXII Convegno internazionale della ceramic 1999, Atti XXXIII Convegno internazionale della ceramic 2000. Firenze. P. 369–382.

Rotterdam papers. A contribution to medieval archaeology. Rotterdam, 1968. 175 p.

Scheidemantel D., Schifer T., 2005. Waldenburger Steinzeug. Archäologie und Naturwissenschaften.

Dresden. 360 s. (Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie mit Landesmuseum für Vorgeschichte. Bd. 44).

Stephan H.-G., 1981. Coppingrave. Studien zur Töpferei des 13. bis 19. Jahrhunderts in Nordwestdeutschland. Hildesheim. 146 s.

Stephan H.-G., 1992. Keramik der Renaissance im oberweserraum und an der unteren werra. Köln, Bonn.

137 s. (Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 7).

Vaitkevičius G., 2004. Puodininkystės profesionalizacija XIV–XVII a. Vilniuje // *Miestų praeitis*. Vol. 1. Vilnius. P. 175–276.

Theuerkauff-Liederwald A.-E., 1975. Die formen der Messingkannen im 15. Und 16. Jahrhundert // *Rotterdam Papers II*. Rotterdam. P. 177–196.

V. Yu. Koval

Moscow black-plate ceramic-ware

Summary

This is the first time in ceramics research that the origin and date of the appearance of Moscow black-plate ceramic-ware has been appraised – meaning items of black-glazed ceramics, which are polished and then given a protective kiln treatment. Items from both European Russia and heartland Russia are surveyed. The

author believes that the origin of such production lies in work by potters from Smolensk – who resettled to Moscow after their city was seized by Polish-Lithuanian forces in 1515. Their European technology and the designs of their ceramic-wares turned out to find considerable demand in the wealthier markets of Moscow.

О. Н. Глазунова

Институт археологии РАН, Москва

Красные широкорамочные изразцы Ново-Иерусалимского монастыря

Квадратные рельефные изразцы без поливы с широкой рамкой для печей готического типа не зря называют московскими. Исследователи неоднократно отмечали, что все подобные изразцы, найденные в провинции, сделаны, по-видимому, ограниченным количеством московских артелей (*Розенфельдт*, 1963. С. 63; *Султанов*, 1885. С. 36–37; *Филиппов*, 1938. С. 43). Совпадают не только сюжеты, но и композиция, хотя в деталях рисунка зачастую имеются незначительные отличия. Не исключение и комплект, собранный при раскопках Ново-Иерусалимского монастыря экспедицией ИА РАН под руководством члена-корреспондента РАН Л. А. Беляева в 2009–2017 гг. (*Беляев*, 2012; 2013). За эти годы найдено 67 фрагментов изразцов такого типа. Все они лицевые, в основном с отступающей румпой и размером лицевой пластины 16,0×16,0×10,0 см. Небольшая часть имеет более крупные размеры (20,0×20,0 см) и коробчатую румпу.

Надо сказать, что красные широкорамочные – это самые ранние русские изразцы. Временем их появления на нашей земле считается начало XVII в. И датируются они, соответственно, первой половиной столетия. Для Ново-Иерусалимского монастыря такая датировка по понятным причинам не может быть принята: монастырь был основан только в 1654 г. И хотя изготавливать изразцы здесь начали практически сразу же, но все равно не раньше середины века – третьей его четверти. Причиной организации патриархом Никоном изразцового производства в монастыре исследователи единодушно называют желание украсить строящийся собор многоцветными вставками. Однако красные широкорамочные изразцы в принципе поливой не покрывались, но их производство в монастыре сомнения не вызывает. Помимо самих из-

разцов найдены фрагменты двух глиняных штампов-матриц (*Глазунова*, 2015) (рис. 1).

Все сюжетные композиции (в Новом Иерусалиме найдено не менее 13) не просто имеют аналогии в московских сериях, а совпадают с московскими образчиками в деталях. Главное различие – в размерах и некоторых технологических приемах. Московские изразцы большой руки имеют размеры лицевой пластины 20,0×20,0 см. Монастырские же, как уже говорилось значительно меньше. Их размер 16,0×16,0 см. В тоже время это и не изразцы «малой руки», размеры лицевой пластины которых не превышают 14,0×14,0 см. Московские гончары изготавливали лицевую пластину тем же привычным способом, каким делали и горшки – на гончарном круге методом ленточного налепа (рис. 2, 3). Мастера из Нового Иерусалима раскатывали глиняный пласт примерно так, как хозяйки раскатывают тесто. На тыльной стороне таких пластин часто остаются отпечатки грубой ткани (рис. 2, 2). Москвичи белили готовые печи, новоиерусалимские изразечники наносили ангоб непосредственно перед обжигом изделий (рис. 2, 1). Причем это было не простое ангобирование, а более сложный технологический прием, когда в форму первоначально вбивали тонкий слой белой глины, а затем уже основной пласт красной (*Глазунова*, 2016. С. 89–90).

Особый интерес вызывают содержащиеся в коллекции, как уже отмечалось выше, единичные изразцы московского производства, т.е. с размерами 20,0×20,0 см, без ангоба и с лицевой пластиной, вылепленной на гончарном круге. Из всех московских экземпляров следы использования имеются только на двух фрагментах. Вкупе с наличием глиняных штампов это может свидетельствовать о том, что из столицы в монастырь были привезены

Рис. 1. Фр-ты глиняных штампов-матриц (1, 3) и оттиснутых с них изразцов (2, 4, 5)

лишь несколько образцов московского производства, на месте с них сделали глиняные отпечатки, ставшие матрицами для изготовления подобных же изделий. Дополнительным доказательством в пользу такого метода является меньший размер ново-иерусалимских изразцов, получавшийся при двойной усадке глины – сначала при изготовлении отпечатка, затем при производстве копий.

На трех изразцах имеются буквы: на первом буква «т» в правом верхнем углу, на втором (вернее, на двух с одинаковым сюжетом) – перевернутая буква «ш» в левом нижнем углу. Есть также изразец с тремя буквами: «т», «у» и «п». К сожалению, последняя комбинация сохранилась на небольшом фрагменте, не позволяющем достоверно реконструировать сюжет. Можно только предположить, что это часть изразца, изображающего войско Александра Македонского, идущее на приступ, и снабженного подписью, т.е. эти буквы – часть слова (Филиппов, 1938. № 54; Розенфельдт, 1963. Табл. 20, № 1; Султанов, 1894. рис. 27, С. 8). Впрочем, Н.В. Султанов считал надпись нечитаемой «тарабарщиной» (Султанов. 1804. С. 8).

Крайне интересно, что все встречающиеся несимметричные сюжеты демонстрируют изменение направления рисунка на противоположное при изготовлении копии. Это не может произойти при вышеописанном процессе двойного копирования. Та-

кое возможно, если с изразца резалась новая форма и при этом не учитывалась неизбежная зеркальность изображения. В том единственном случае, когда у нас имеется возможность сравнить московский образец, найденный в Новом Иерусалиме, со сделанной здесь же копией, перевернутая буква «ш» располагается на лицевой пластине в одном и том же углу, что указывает на изготовление копии с применением глиняного оттиска. Оба глиняных штампа происходят от изразцов с симметричным рисунком, то есть в данном вопросе помочь не могут. Исходя из этого, вполне возможно предположить, что в Новый Иерусалим привезли не просто закупленные или заказанные изразцы, а действительно эталонные экземпляры, с которых и в Москве резали формы. Только в этом случае в Москве при изготовлении «прямой» формы получалось бы зеркальное изображение, а в Новом Иерусалиме при простом копировании оттиска на глине направление рисунка сохранялось.

Какие же изразцы были выбраны для Нового Иерусалима?

Больше всего, 40 штук, найдено изразцов с изображением льва (рис. 3, 1). Значительная часть (21 шт.) происходила из комплекта печи, раскопанной в южной части монастыря. Семь штук найдено в гончарной мастерской Солодовых палат. Причем один из них частично залит зеленой (муравленой) поливой, то есть, по-видимому, или изготавливался,

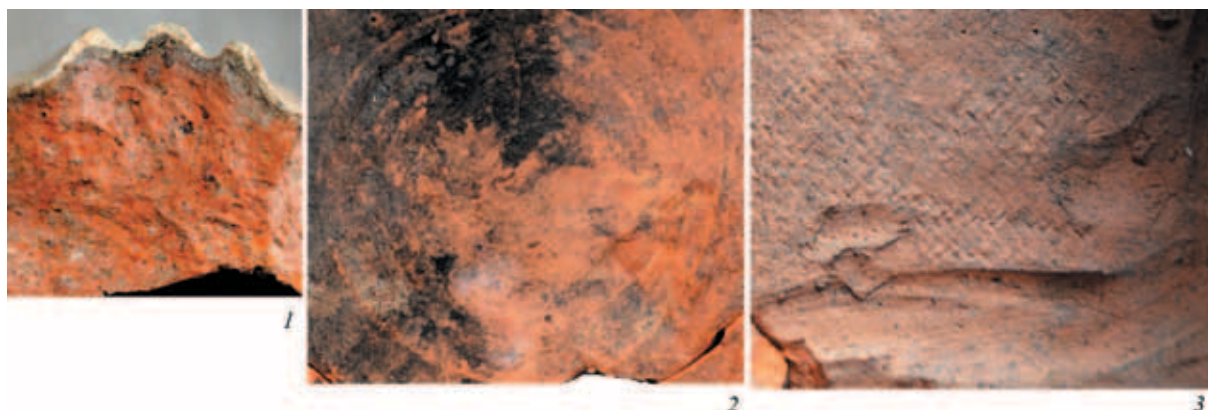

Рис. 2. Технологические приемы

1 – слой белого ангоба на поверхности лицевой пластины красного изразца; 2 – следы ленточного налепа на тыльной стороне лицевой пластины; 3 – отпечаток ткани на тыльной стороне лицевой пластины

или обжигался вместе с муравлеными изразцами. Восемь собрано при раскопках подсобного помещения, где хранилась изготовленная, но еще не использованная гончарная продукция. Оставшиеся изразцы являются случайными находками. В данном случае мы не обнаружили фрагментов московского прототипа. Однако сам рисунок хорошо известен в московских сериях. Он имеется в обоих альбомах С. А. Маслиха, у Р. Л. Розенфельда и других авторов (Маслих, 1976. № 23; 1983. № 23; Розенфельдт, 1963. Табл. 20, № 8). Размеры московских изразцов 20,0×20,0 см, румпа коробчатая, направление рисунка слева направо. Новоиерусалимские размером 16,0×16,0 см, румпа отступающая, направление рисунка справа налево, в тесте присутствует крупный песок, покрыты ангобом. Имеются угловые и доборные экземпляры. Свободное поле изразца заполнено пышными растительными элементами.

Собрано пять фрагментов изразцов необычного сюжета с осевой симметрией (рис. 3, 2). В центре изразца – сложное переплетение стеблей с листьями и цветами, от которого отходят растительные побеги, процветшие в верхней части изразца головами волков, а в нижней – опущенными головами птиц с открытыми клювами. Данный сюжет не попал в известные публикации, однако подобные изразцы известны по работам в Немецкой слободе и Новодевичьем монастыре. Реконструируемые размеры новоиерусалимских изразцов 16,0×16,0 см. Румпа отступающая, в тесте песок, покрыты ангобом. Имеется обломок большего размера.

Найдено пять изразцов с сюжетом «барсы у древа жизни» (рис. 3, 4). В московских сериях известно значительное количество вариантов композиции (Розенфельдт, 1964. Табл. 20, № 7; Маслих, 1976. № 19; 1983. № 22; Филиппов, 1938. № 38, 39). В Новый Иерусалим попал один из них: со стоящими

на тонких высоких ногах хищниками, отвернувшими головы от ствола пышного, похожего на цветок дерева (пальмы?), без птиц на ветвях, но с особыми прорисованными корнями. Свободное поле изразца заполнено мелкими «звездочками». Рисунок имеет осевую симметрию. Это московский экземпляр размерами 20,0×20,0 см, с лицевой пластиной, изготовленной на круге, и коробчатой румпой. В тесте включения шамота. Найден он в раскопанном хранилище готовой продукции. Следов использования на нем нет. При этом рисунок снабжен перевернутой буквой «ш» в левом нижнем углу лицевой пластины, которую некоторые исследователи считают своеобразным клеймом мастера (Розенфельдт, 1963. С. 61; Филиппов, 1938. С. 43). Из четырех сохранившихся новоиерусалимских изразцов три покрыты муравленой поливой по ангобу, в том числе один угловой, и только один без поливы. Возможно, изразцы с сюжетом «барсы у древа жизни» предполагалось использовать в муравленой печи. Реконструируемые размеры 16,0×16,0 см, румпа отступающая, в тесте крупный песок.

Тремя находками представлен растительный орнамент в виде прихотливо извивающегося стебля с листьями – возможно, стилизованное изображение древа жизни, так как внизу имеются корни, а крона увенчана короной (рисунок имеет осевую симметрию) (рис. 3, 3; Розенфельдт, 1963. Табл. 21, № 4; Филиппов, 1938. № 34). Причем два фрагмента происходят от «большого» московского образца с шамотом и органикой в тесте. А один целый изразец – новоиерусалимский, размерами 16,0×16,0 см, с отступающей румпой и крупным песком в тесте. В правом верхнем углу – буква «т». Отметим, что если такие буквы действительно были клеймом мастера (или мастерской), то в новоиерусалимской коллекции присутствуют экземпляры работы,

Рис. 3. Красные широкорамочные изразцы

1 – с сюжетом «лев»; 2 – с изображением растительных побегов, прорастающих головами животных и птиц; 3 – с растительным орнаментом; 4 – с сюжетом «барсы у древа жизни»

по крайней мере, двух разных мастеров. Извивающийся стебель с листьями данной трактовки (показанными как бы в профиль и вырастающими один из другого) присутствует на целом ряде разных московских сюжетов и, вполне вероятно, является своего рода визитной карточкой одного из мастеров.

Имеется фрагмент изразца с рисунком из повторяющихся стилизованных растительных элементов (Розенфельдт, 1963. Табл. 21, № 7). Лицевая пластина сделана методом ленточного наклепа. Для изразцов этого сюжета найден обломок глиняного штампа с толщиной плитки 2,5 см. В тесте песок.

Двумя обломками изразца и двумя соединяющимися фрагментами глиняного штампа представлен широко распространенный сюжет с восьми-

лучевым колесом, каждый луч которого заканчивается распускающимся бутоном: по углам семи-лепестковыми, по центру каждой стороны – пяти-лепестковыми (Розенфельдт, 1963. Табл. 21, № 5; Филиппов, 1938. № 30, 31; Султанов, 1894. Рис. 37. С. 13). Причем один обломок происходит от московского изразца с шамотом в тесте и без ангоба с лицевой пластиной, сделанной методом ленточного наклепа, а второй – от новоиерусалимского, ангобированного, с песком в тесте. Свободное поле заполнено декоративными элементами в виде серпообразных «ежиков».

На двух фрагментах представлен стилизованный растительно-геометрический узор с центральным ромбом и отходящими от него завитками

побегов, завершающимися «турецкими огурцами» (рисунок центральносимметричный) (Филиппов, 1938. № 32; Баранова, 2011. С. 69; Султанов, 1894. Рис. 42. С. 16). Реконструируемые размеры первого 20,0×20,0 см, румпа коробчатая, лицевая пластина изготовлена методом ленточного налёпа, в тесте шамот. Следов использования нет. Второй значительно меньше, на тыльной стороне следы сажи, т. е. он использовался в печи.

Имеется фрагмент изразца с восьмилепестковым цветком – розеткой на пышном стебле. Лицевая пластина сделана методом ленточного налёпа. В тесте шамот.

Найдено два фрагмента с изображением двойной пальметты (Маслих, 1983. № 25). На одном пальметта семилепестковая. На втором пятилепестковая, причем этот экземпляр залит поливой и происходит из мастерской в Солодовых палатах.

Из «военной серии» имеются три фрагмента.

На первом (левая часть изразца) сохранилось изображение головы лучника в высоком горшкообразном шлеме-шишаке, верхней части натянутого им лука и развешивающего стяга. В московской серии такой лучник расположен в правой части изразца (Маслих, 1983. № 20; Розенфельдт, 1963. Табл. 20. № 6).

От второго остался только фрагмент туловища человека в воинском одеянии, коротком подпоясанном кафтане с петлицами на груди, идущего справа налево. Однако наличие шамота и органики в тесте и следы формовки лицевой пластины методом ленточного налёпа позволяют говорить, что это изделие московского мастера.

На третьем (левая сторона изразца) изображение штурма – фрагмент лестницы, голова лошади и развешивающийся стяг. Причем изображение на третьем гораздо мельче, чем на первых двух. В тесте крупный песок. На аналогичном изразце из московской серии лестница находится не слева, а справа (Розенфельдт, 1963. Табл. 20. № 3; Филиппов, 1938. № 57).

Кроме того, собрано еще четыре фрагмента с растительными элементами, слишком маленькие для того, чтобы реконструировать сюжет, и уже упоминавшийся обломок с фрагментом надписи. У всех этих обломков зафиксирован шамот в тесте и коробчатая румпа, т. е. это изразцы московские.

При раскопках одного из ранних сооружений монастыря – южного братского корпуса – обнаружены остатки печи, облицованной красными широкорамочными изразцами. Особенности собранного комплекта является полное отсутствие перемычек, обычных для московских серий и необходимых для печей готического типа. Перемычек в Новом Иерусалиме вообще не было найдено ни одной.

Печник, складывавший печь, обложил ее изразцами готического типа, используя их как ренессансные. Не было найдено также ни поясков, ни валиков, ни карнизов. Большая часть обломков лицевых изразцов – это изразцы с изображением льва и побегов, процветших головами волков и птиц. Остальные изразцы представлены единичными фрагментами.

На фоне огромной коллекции новоиерусалимских изразцов сравнительно небольшая подборка красных широкорамочных изделий выглядит весьма незначительной. По-видимому, их изготавливали только в самом начале организации изразцового производства, при этом совершенно исключили военную серию и сделали лишь незначительное количество орнаментальных экземпляров. Большинство изготовленных изразцов использовали при облицовке печи в одной из ранних построек монастыря. Оставшиеся хранились на складе и в дальнейшем уже не понадобились. По-видимому, этот тип изразца не мог конкурировать с яркими поливными.

Скорее всего, московские мастера не участвовали в их производстве. Иная технология изготовления лицевой пластины, иная формула глиняного теста, другая румпа, применение глиняных штампов-матриц, ангобирование непосредственно при производстве и полное отсутствие конструктивных элементов готической печи – этот перечень неопровержимо доказывает, что в Новом Иерусалиме не работали люди, имевшие опыт производства красных широкорамочных московских изразцов. Сюда были привезены лишь образцы, с которых иные мастера делали копии, используя свою, привычную технологию и следуя своим привычным методам работы с глиной. Косвенным подтверждением этому могут послужить представленные в Новом Иерусалиме сюжеты, выполненные разными мастерами. Один заполнял свободное поле «звездочками», другой – «серпообразными элементами», третий – пышными растительными побегими, четвертый просто оставлял его незаполненным. Можно найти множество стилизованных различий – это лишь одно из них. Кроме того, имеется два варианта упомянутого выше буквенного клейма. Причем если перевернутая буква «ш» известна на изразцах с разными сюжетными композициями (у А. В. Филиппова, например, таковых показано четыре – см.: Филиппов, 1938. № 25, 45, 54, 55), то буква «т» до сих пор не упоминалась. К сожалению, приведенные в литературе примеры использования перевернутой буквы «ш» в отдельных сюжетах не совпадают с сюжетным изразцом с данным клеймом из Нового Иерусалима.

Широкорамочные изразцы – это лишь один из примеров работы мастеров и заказчиков XVII в.

с традициями разных изразцовых школ. Еще интереснее они поступили с изразцами производства Троице-Сергиевой лавры. Троицкие мастера клали на заказ печи в Иверском монастыре: изразцы для обкладки печей использовали тоже красные рельефные троицкой мастерской, имеющие ряд особенностей, характерных именно для данной школы. В Новом Иерусалиме сделали на пробу несколько разных изразцов (причем тоже только лицевых). Эти фрагменты сохранились: в них невозможно не узнать прототип. Однако полной копией они никак не являются,

имея множество серьезных отличий. Один из рисунков был отобран и запущен в массовое производство, но в муравленном варианте (Глазунова, 2018).

Что же касается широкорамочных изразцов, они в дальнейшем уже не использовались — этот тип печей отошел в прошлое. В самой Москве они к этому времени постепенно уступают свои позиции муравленным. Для нас чрезвычайно важно, что мастера испробовали и изучили с целью дальнейшего использования все, что можно было заполучить на тот момент, в том числе и красные московские изразцы.

Литература

Баранова С. И., 2011. Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ. 432 с.

Беляев Л. А., 2012. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников истории и культуры. М. Вып. 5. С. 23–30.

Беляев Л. А., 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. № 1. С. 30–41.

Глазунова О. Н., 2015. Изразцовые штампы XVII в. из ново-иерусалимских гончарных мастерских // КСИА. Вып. 240. С. 196–201.

Глазунова О. Н., 2016. История в ремесленной традиции: керамическое производство Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря во второй половине XVII в. // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.–Вологда: Древности Севера. С. 85–91.

Глазунова О. Н., 2018. Изобразительные мотивы изразцов Троице-Сергиевой лавры в Ново-Иерусалимском изразцовом производстве // Троице-Сергие-

ва лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад: Цветографика. С. 112–118.

Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство в XVI–XIX вв. М.: Изобразительное искусство. 30 с., 304 илл.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство в XVI–XIX вв. М.: Изобразительное искусство. 30 с. 308 илл.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ. Е-1. Вып. 39).

Султанов Н. В., 1894 г. Древнерусские красные изразцы // Оттиск из Арх. Изв. 1894 г. № 12. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова. 22 С.

Султанов Н. В., 1885. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению А. В. Прохоровым. Вып. 4. СПб. 64 с.

Филиппов А. В., 1938. Древнерусские изразцы. Вып. I. XV–XVII века. М.: Изд. Всесоюзной Академии Архитектуры. 90 с.

O. N. Glazunova

Red wide-framed tiles of the Novo-Jerusalem monastery

Summary

This article describes a collection of red, wide-framed tiles, retrieved by the Novo-Jerusalem excavation team of the Institute of Archaeology, RAS (based in Istra, Moscow County Region). Comparison is made of these tiles with similar tiles from Moscow, on the basis of their decoration and themes (including some little-known ones), and differences noted between the production technology of the tiles, and the kiln-firing pro-

cesses involved. Specific tiles were brought to the monastery from Moscow, to serve as examples. The steps of production of the tiles are outlined. The data presented not only allows for reconstruction of the early stages of the establishing of a tile-production tradition at the Novo-Jerusalem monastery, but also serves for an understanding of particular aspects and features of the production of their Moscow equivalents.

А. А. Полюлях

Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

Изникские блюда XVI века в декоре церкви Троицы в Хорошеве

В коллекции керамики Музейного объединения «Музей Москвы» находится блюдо, закупленное музеем в 1986 г. и записанное в Книге поступлений основного фонда под номером 27362 как «блюдо майоликовое с фасада церкви Троицы в Хорошеве, конец XVI в.».

Блюдо относится к группе глубоких (диаметр 34 см, высота 7 см) с характерной и используемой в настоящее время в производстве подобной формы профилировкой. Плоский борт (3,5 см) с фестончатым внешним краем имеет четкую грань перехода к сферическому склону, который выходит к неровному зеркалу с западинами и возвышением в центре. В нижней части блюдо имеет кольцевой поддон (рис. 1, 1, 4).

Борт блюда с четырьмя мелкими и одним крупным отколами, от которого по склону до кольцевого поддона проходит трещина, вызвавшая на поверхности сколы с потерей декора.

По визуальному определению поверхности и скола блюдо может быть соотнесено с одним из видов современной керамики – майоликой. Майоликовые изделия¹ изготавливаются из естественно окрашенных легкоплавких (огнеупорность ниже 1350° С) и тугоплавких (огнеупорность от 1350 до 1580° С) глин средней пластичности и, в подражание фаянсу и фарфору, покрываются непрозрачной («глухой») белой глазурью, скрывающей цвет глины с целью получения светлого фона для росписи. Первый, утильный обжиг майолики проходит при температуре 1040–1050°С, второй, политой – при 880–900° С (Августиник, 1975. С. 355).

В отличие от современных изделий и европейских майолик Нового времени рассматриваемое блюдо сформовано из силикатной массы (в западной литературе такая масса именуется кварц-фриттой или каменной массой – *stonepaste*) в специальной форме (возможно, с последующей подправкой на круге) (рис. 1, 5). По нашему мнению, блюдо было сплошь облицовано (кроме нижней кромки кольцевого поддона) непрозрачной (глухой) белой глазурью (рис. 1, 2, 5) с последующей (по сырой глазури) полихромной росписью. Глазурь без «цека» (сетки мелких трещин), с единичными точками «засорки» (приставших к поверхности глазури посторонних включений) и «выгорки» (углублений, образовавшихся после выгорания попавшего в глазурь инородного тела).

Декор в виде полихромной росписи с использованием следующей цветовой гаммы – белый (глазурь фона), синий или голубой, бирюзовый (зеленый), красный и черный – нанесен на внутреннюю и внешнюю поверхности блюда. Плоский борт блюда полностью покрыт сплошной чередующейся композицией из отдельных черных округлых завитков в синей сетке, выполненной в пространстве между одинарной, вдоль фестончатого края, и двойной, по грани перехода к сферическому склону линиями синей отводки. Также полностью покрыта росписью поверхность зеркала, на которой в синей отводке представлена симметричная композиция в виде распустившегося красного бутона розы в центре с четырьмя синими перпендикулярно расходящимися лепестками на бирюзовом

¹ Для оценки качества блюда автор использует ряд существующих в настоящее время национальных стандартов РФ (ГОСТ) керамических изделий, одним из которых является ГОСТ Р 53548-2009, описывающий технические и эстетические требования к майоликовым изделиям. Он отражает опыт отечественной и зарубежной производственной практики по изготовлению майоликовой посуды, и многие термины и их определения, вошедшие в современный ГОСТ, сложились в предшествующих столетиях.

Рис. 1. Изникское блюдо XVI в. из фондов МО «Музей Москвы»

1 – декор внутренней поверхности; 2, 3 – декор внешней поверхности; 4 – профиль; 5 – излом борта

фоне; лепестки и фон прописаны черными полукружиями в виде чешуек (рис. 1, 1). По внешней поверхности блюда, по склону борта, нанесены в линиях синей отводки отдельно расположенные синие и бирюзовые с черной контурной прорисовкой соцветия двух видов (рис. 1, 2, 3).

По мнению В. Ю. Коваля, изучавшего это блюдо ранее, оно относится к изделиям Османской Турции второй половины XVI–XVII в., производившимися в городе Изнике или Кютахье и, видимо, в других городах (разновидность с трехцветной росписью в черных контурах – серия 2, группа 9, тип 6 – Коваль, 2010. С. 17, 79, 80). В Восточной Европе эта керамика широко известна в городах Северного Причерноморья, находившихся под османским владычеством. В Московской Руси наибольшее ее количество (22 образца) найдено в Москве и единичные обломки – в Ярославле, Дмитрове, Коломне и Переяславле-Рязанском

(Коваль, 2010. С. 80). Это блюдо ранее также неоднократно упоминалось в публикациях как элемент декора церкви Троицы в Хорошеве (Ильин, Моисеева, 1979. С. 459; Памятники... 2004. С. 93; Баранова, 2012. С. 32–34). При этом все отечественные и зарубежные исследователи турецкой керамики рассматривают данную разновидность в качестве изделий с подглазурной росписью, наносившейся до глазурирования изделия (Коваль, 2010. С. 29; Миллер, 1972. С. 53; Henderson, Raby, 1989. P. 122). Тем не менее внимательный осмотр блюда заставляет утверждать, что оно облицовано именно непрозрачной (глухой) поливой, что исключает возможность нанесения подглазурного декора.

Фрагмент второго блюда (КП 17583), атрибутированного как элемент декора церкви Троицы в Хорошеве, хранится в коллекции керамики МГОМЗ «Коломенское – Измайлово – Люблино» (рис. 2). Фрагмент блюда закуплен музеем

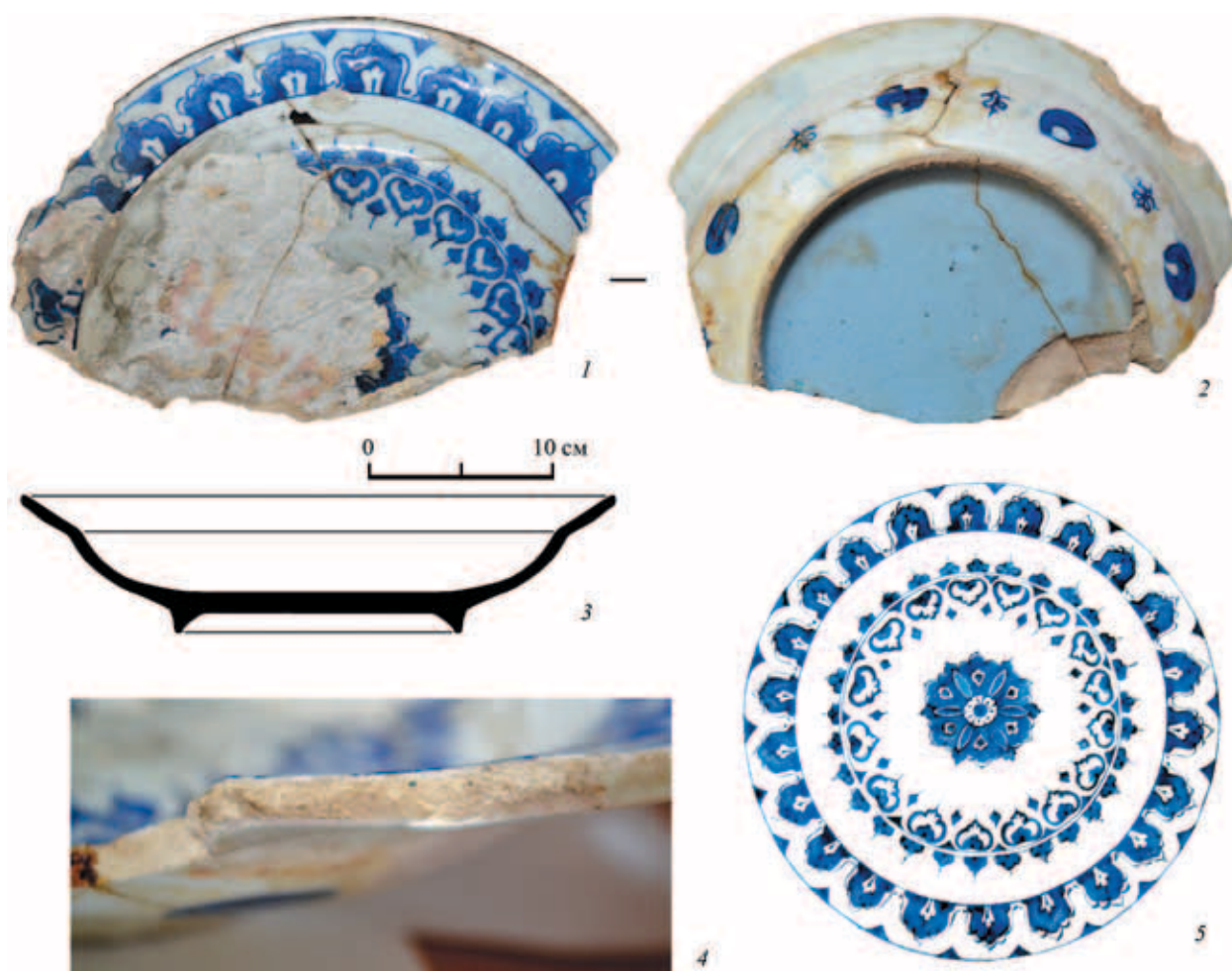

Рис. 2. Фрагмент изникского блюда XVI в. из фондов МГОМЗ

1 – декор внутренней поверхности; 2 – декор внешней поверхности; 3 – профиль; 4 – излом борта;
5 – реконструкция декора внутренней поверхности

в 2007 г., а до этого находился у родственников архитектора ВСРПО «Союзреставрация» (в настоящее время – ФГУП ЦНРПМ) Б. Л. Альтшуллера (1926–1998), руководившего в 1963–1964 гг. реставрационными работами в церкви Троицы в Хорошеве. Судя по фотографии, относящейся, видимо, к «Материалам предварительного обследования, обмерных и исследовательских работ 1962 г.»² Б. Л. Альтшуллера, фрагмент блюда до начала обследования и реставрационных работ находился на своем первоначальном месте – на фасаде церкви, в углублении кокошника (рис. 3).

Это блюдо также относится к группе глубоких (диаметр 32 см, высота 7,5 см) и имеет аналогичную профилировку (рис. 2, 3). Борт плоский

(3,5 см) с ровным, без фестонов, внешним краем, имеет четкую грань перехода к сферическому склону и ровному зеркалу. В нижней части блюдо имеет кольцевой поддон.

Фрагмент блюда склеен из трех крупных и двух мелких обломков. На половине площади зеркала и частично по борту расписной декор утрачен в результате отслоения глазури.

По визуальному определению поверхности и скола блюдо относится к майолике и также сформовано в специальной форме из силикатной массы (рис. 2, 4) с монохромной росписью синей росписью по сырой глазури.

Внутренняя и внешняя поверхности блюда имеют ровное покрытие глазурью без «цека» (сетки

² Архив ФГУП ЦНРПМ, шифр 133/7. В настоящее время эти материалы в архиве отсутствуют. Автор выражает благодарность сотруднику ФГУП ЦНРПМ И. В. Калугиной за предоставленные данные о блюдах церкви Троицы в Хорошеве.

Рис. 3. Фрагмент изникского блюда XVI в. из фондов МГОМЗ в углублении кокошника на фасаде ц. Троицы в Хорошеве (фото из отчета Б.Л. Альтшуллера (?) 1962–1964 гг.)

мелких трещин), с точками «засорки» (приставших к поверхности глазури посторонних включений).

Декор в виде монохромной росписи синей краской, выполненный кистью с перьевой обводкой элементов, нанесен на внутреннюю и внешнюю поверхности блюда. Борт покрыт, видимо, стилизованными соцветиями и треугольниками в пространстве между двумя линиями отводки. По склону борта с переходом на зеркало также нанесены группирующиеся у двух тонких линий отводки стилизованные соцветия трех видов (рис. 2, 1). В центре зеркала, по-видимому, было выполнено симметричное стилизованное соцветие, рисунок которого был реконструирован при изготовлении в 2002 г. копий блюд для воссоздания декоративного облика церкви (рис. 2, 5). По внешней поверхности блюда, на склоне борта нанесены отдельно расположенные синие, видимо, стилизованные соцветия двух видов (рис. 2, 2).

В.Ю. Коваль ошибочно относил этот обломок блюда к изделиям с трехцветной росписью в черных контурах, т.е. к тому же типу, что и целое блюдо, описанное выше (Коваль, 2010. С. 80), потому что аналогичные по декору турецкие сосуды не были ранее известны на территории Руси. Вместе с тем они вполне характерны для Турции XVI в. (Миллер, 1972. С. 142, 143).

Впервые на использование блюд в декоре церкви Троицы в Хорошеве указывает чертеж 1760-х годов, выполненный учеником архитектуры Николаем Мостинским по заданию «архитектурного помощника» Андреяна Афонасьева, где на трех ярусах кокошников показаны углубления, видимо, для блюд (рис. 4; Вайнтрауб, Карпова, Скопин, 2000. С. 78). Вид северного фасада не совсем точный. На нем изображены и не существовавшие

углубления на трех ярусах кокошников северного Никольского придела.

Первым документальным подтверждением наличия расписных блюд в декоре церкви является упоминание о них в описании П.П. Покрышкина, обследовавшего ее 13 июля 1917 г., опубликованном в Известиях Российской Государственной Археологической комиссии: «На западном фасаде в тимпанах закомар вставлены майоликовые тарелки с мелким узором» (ИАК, 1918. С. 221).

Позднее, в марте 1925 г., церковь Троицы в Хорошеве осматривал, будучи еще студентом МГУ,

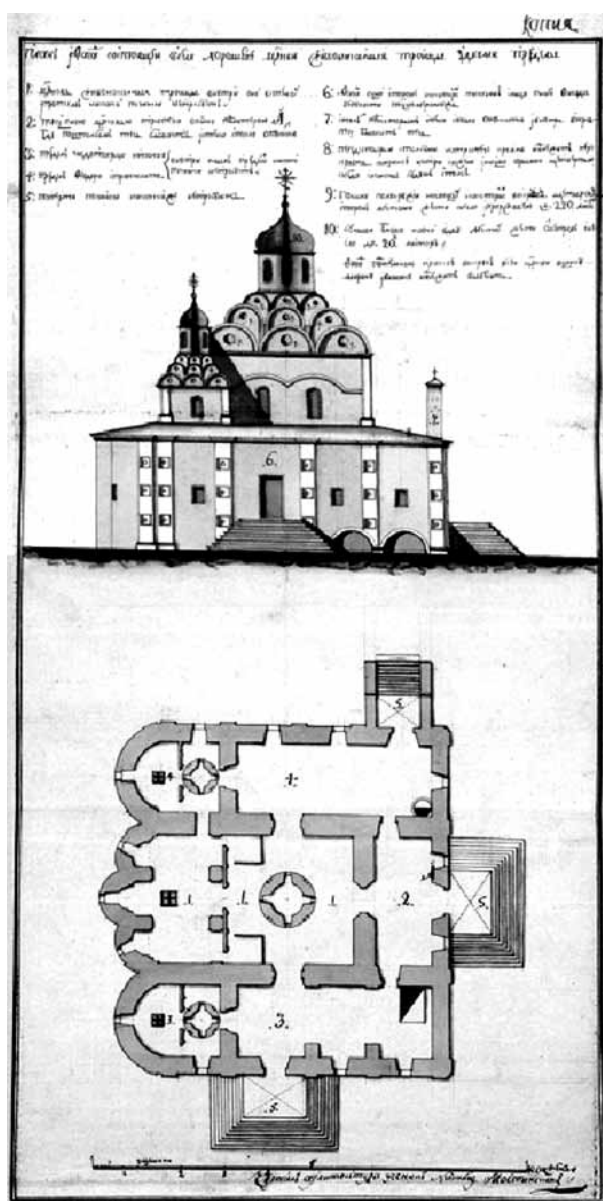

Рис. 4. Северный фасад ц. Троицы в Хорошеве. Чертеж Н. Мостинского 1760-х гг. (по: Вайнтрауб и др., 2000. С. 78)

искусствовед и историк архитектуры М. А. Ильин (1903–1981) и описал это в своих мемуарах «Пути и поиски историка искусства»: «Осмотрев храм внутри, я еще раз внимательно обошел его снаружи. Сходство с убранством Архангельского собора (в Московском Кремле. – *А. П.*) стало для меня еще более очевидным, когда я увидел круглые углубления, помещенные в центре кокошников западного и восточного фасадов. В одном из них, на западном фасаде, я заметил блестящую ярко-голубую точку. Не изразец ли? Отыскиваю лестницу и лезу на невысокую крышу трапезной и тут, в непосредственной близости от закомары-кокошника, обнаруживаю, что привлекавшая мое внимание голубая точка принадлежит вставленному в углубление сильно выгнутому изразцу. Но какой же это изразец? Вглядываюсь внимательнее. Теперь я различаю его край, нависший над выложенным в стене углублением. Вооружившись палкой, делаю попытку поскрести сильно забеленную поверхность «изразца». Внезапно он выскакивает из своего углубления и падает в рыхлый снег, лежащий на крыше трапезной. Беру выпавший предмет в руки и вижу, что это не изразец особой формы, а цветное расписное блюдо. Сквозь неоднократную побелку там и тут проглядывают яркие цвета – бирюзовый, кирпично-красный, зеленый. Фрагменты орнамента были явно не русского происхождения. Переворачиваю блюдо и по его отбитому краю вижу, что это фаянс. Здесь блюдо также покрыто орнаментальными мотивами, но более скромными по рисунку. Судя по характеру орнамента – блюдо явно восточного происхождения.

Приехав домой, я отмыл свою находку и повез ее к Борису Петровичу Деннике, профессору, читавшему нам историю восточного искусства. Он определил его как произведение родосского фаянса рубежа XVI–XVII веков. Очевидно, его в числе других (в одном из углублений я нашел мелкие фрагменты еще одного блюда) привезли Борису Годунову в подарок послы или гости-купцы из Турции» (*Ильин*, 1970. С. 13–14).

Таким образом, судя по приведенному тексту, М. А. Ильин извлек одно блюдо с полихромной росписью и отбитым краем борта, видимо, из нижнего ряда на западном фасаде, поднявшись на крышу трапезной церкви Троицы в Хорошеве. Это блюдо в настоящее время хранится в МО «Музей Москвы». Фрагмент второго блюда, находившегося в углублении там же на западном фасаде, был обнаружен и вынут при проведении реставрационных работ в 1963–1964 гг. под руководством архитектора Б. Л. Альтшуллера и позднее поступил в МГОМЗ.

Рис. 5. Церковь Троицы в Хорошеве в 1950-х гг. Вид с юго-востока (<https://www.troitsa-horoshevo.ru/wp-content/uploads/2012/02/122.jpg>)

Наличие углублений для блюд в кокошниках на фасаде церкви Троицы в Хорошеве фиксирует фотография предположительно 1950-х годов, сделанная до начала реставрационных работ 1963–1964 гг. (рис. 5).

В настоящее время церковь Троицы в Хорошеве находится на территории Москвы (Карамышевская наб., 15; рис. 6, А). Впервые загородное дворцовое село Хорошево упоминается в 1572 г., при Иване IV. По-видимому, уже тогда в Хорошеве для царя был построен деревянный дворец и церковь. В это время Хорошево вместе с Крылатским, д. Татарово, с. Щукино, Острогино, Святые Отцы (Всехсвятское) и простирающимися вокруг них лесами входили в дворцовое ведомство, являясь охотничьими угодьями (рис. 6, Б).

Ранее эта местность под названием Ходынский луг, где, по-видимому, были деревни и села, упоминается в духовной грамоте Димитрия Ивановича Донского 1389 г., по которой она перешла к его второму сыну – князю Юрию, а затем – в завещании 1462 г. великого князя Василия II Темного (ДДГ, 1950. С. 33, 169).

По-видимому, в 1594 г. Хорошево было подарено царем Федором Ивановичем брату своей жены

Рис. 6. Церковь Троицы в Хорошеве на современном плане Москвы (А), на «Плане Царствующего града Москвы» 1766 г. (Б) и «Плане села Хорошева» (В) В. Ключарева кон. 1760-х гг. (?)

1 – ц. Троицы; 2 – старый дворец; 3 – школа; 4 – с. Хорошево; 5 – старая конюшня и место нового дворца; 6 – конюшня

Борису Годунову для устройства личной загородной резиденции рядом с Москвой. Еще в 1584 г. при дворе Федора Ивановича Борис Годунов занял высокую должность конюшего, в ведении которого находился Конюшенный приказ, куда входили все царские конюшни, конные заводы и приписанные к ним волости, в том числе и конный завод в Хорошеве – первый государственный конный завод, созданный в конце XV в. (Витт, 1952).

В начале 1590-х годов состояние боярина Бориса Годунова было значительным. Имея огромные земельные владения, он получал около 100 тысяч рублей годового дохода (Зимин, 1986. С. 181; Павлов, 1992. С. 186–188). Это подтверждает посланник английской королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу Д. Флетчер, побы-

вавший в России в 1588–1589 гг.: «Ежегодный доход его с поместьев, вместе с жалованьем, простирается до 93700 рублей и более...» (Флетчер, 2002. С. 50, 51).

Высокие доходы позволяли Борису Годунову вести активное строительство. В Кремле рядом с Чудовым монастырем он построил для себя большой трехэтажный дом, в своих ближних загородных владениях возвел храмы не только в Хорошеве, но и в Вяземах.

Каменная церковь Троицы и дворец в Хорошеве на высоком берегу Москвы-реки были возведены в 1596–1598 гг. (Баталов, 1996. С. 58). Об этом, без указания точной даты, сообщает Пискаревский летописец: «Во дни благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси... по чело-

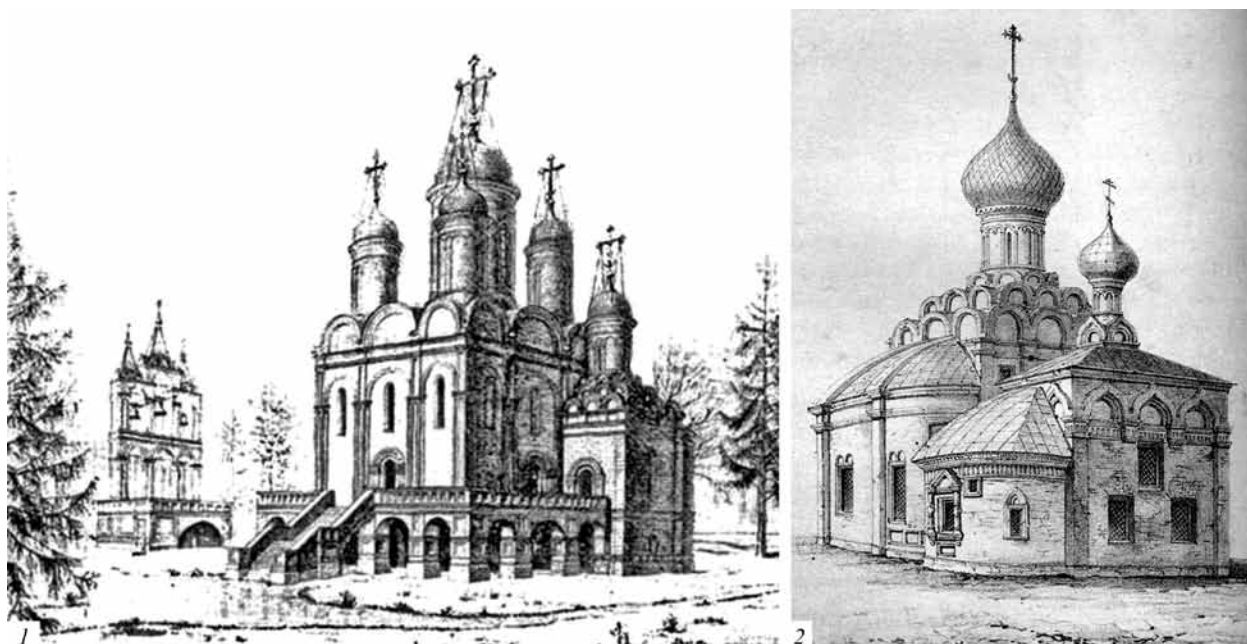

Рис. 7. Постройки годуновского периода

1 – ц. Троицы (Преображения) в Вязьмах (по: *Соболева*, 1972. Рис. 59);
 2 – ц. Николы Явленного на Арбате, 1593 г. (по: *Мартынов*, *Снегирев*, 1852. С. 65)

битью боярина Бориса Федоровича Годунова зделан храм каменной в селе его в Хорошеве» (ПСРЛ, 1978. С. 200).

О царской усадьбе Хорошево, служившей загородной резиденцией Бориса Годунова, где проходили деловые и дипломатические встречи, сообщает голландский купец Исаак Масса (1601 г.): «...у него повсюду были прекрасные имения... в числе коих один весьма красивый, на расстоянии мили от Москвы, называвшийся Хорошево (Gorossoya), что значит красивый. И был он построен на горе у реки Москвы; здесь он часто веселился, нередко приглашая к себе иноземных докторов и других подобных людей, превосходно угощал их и дружески обходился с ними, нисколько не умаляя своего достоинства» (*Масса*, 1937. С. 44).

Автор проекта и строитель каменной церкви в Хорошеве по документам неизвестен. Но при рассмотрении совокупности построек годуновского периода – собора Пафнутиева Боровского монастыря, церквей в Хорошеве, Вязьмах (рис. 7, 1), Борисовском городке, церкви Николы Явленного на Арбате (рис. 7, 2) и др., возводившихся в одно время, в 1590-х гг., отмечены их общие стилистические особенности, единство подхода к построению архитектурной формы, что предполагает авторство одного неизвестного мастера – «зодчего Бориса Годунова» (*Баталов*, 1996. С. 9, 10; *Ранпопорт*, 1966; *Щеболева*, 1991. С. 28–61). Учиты-

вая, что в последней четверти XVI в. крупнейшим зодчим являлся «государев мастер Федор Конь», допустимо предположение именно о его руководстве строительством церкви в Хорошеве. Несмотря на то, что Ф.С. Конь строил крупные оборонительные сооружения – Белого города Москвы (1586–1593 гг.) и крепостные стены Смоленска, он возводил также палаты и церкви. Поэтому-то в одном из документов, выданных в 1591 г. боярину и воеводе князю И.В. Сицкому, Ф.С. Конь именуется «церковным и палатным мастером» (*Косточкин*, 1964. С. 40).

Первоначально церковь Троицы в Хорошеве не была полностью побелена, оставаясь краснобелой с контрастом краснокирпичных стен с белокаменным цоколем и изящными элементами декора: пилястрами, арками, карнизами. Такое сочетание, характерное для XVI в., сохранил, например, собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (1555–1561 гг.), в кокошниках центрального шатра которого были впервые размещены поливные изразцы (рис. 8, 1, 2), что могло послужить примером для аналогичного украшения (но блюдами) церкви Троицы в Хорошеве. Так первоначально выглядел и Архангельский собор Московского Кремля (1509 г.).

Несомненно, размещение восточных блюд в кокошниках церкви автор проекта произвел не без согласования и одобрения самим Борисом Годуновым.

Рис. 8. Кокошники центрального шатра собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву в Москве (1) с поливными изразцами (2) (по: Баранова, 2013. С. 63, 103)

Изникские блюда могли попасть в Москву и к Борису Годунову в качестве личных даров от турецких, крымских и греческих послов или купцов. Годунов часто покровительствовал иностранным купцам, принимал у себя некоторых лиц, приезжавших в Москву с дипломатической миссией. Блюда могли быть куплены и на московском торге.

Вся восточная посуда в документах XVI в. обычно называлась «ценинной», считалась значимой и дорогой и входила в подарки русским царям и боярам. В описи имущества Бориса Годунова, составленной в 1579 г., перечислено несколько десятков предметов восточной посуды. Известна эта посуда и в качестве вкладов в церкви (Розенфельдт, 1968. С. 70).

Но более вероятным представляется предположение о целенаправленном дарении блюд Борису Годунову греческими купцами с пожеланием или предложением украсить ими церковь в Хорошеве, как это, например, делалось в греческом Афоне, где стены многих церквей в монастырях выложены блюдами и чашами, среди которых немало и изникских (Беляев, 2007. С. 138).

Связи с Турцией, с восточными патриархами и с различными представителями греческой общины, усилившиеся в первой четверти XVII в. (Флоря, 1992. С. 111), по-видимому, были давними и активными. Среди разнообразных и дорогостоящих посольских даров XVI–XVII вв., храня-

щихся в Музеях Московского Кремля, отмечены и предметы посуды, как, например, «сосуд хрустальный» (ароматник?), хрустальная кружка с рубинами и изумрудами, нефритовая чаша в золотой оправе, «бочечка хрустальная» с крышкой и драгоценными камнями (Загородняя, 2005. С. 20–22).

По сведениям Григория Котошихина, в середине XVII в. «гречаня» – греческие купцы – приезжают в Москву с товарами ежегодно от 50 до 100 человек и живут, торгуя «многие годы», и «привозят с собою товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные, с камнем с алмазы и с яхонты и с-изумруды и с лалы, и золотные портища, и конские наряды, седла и муштуки и узды и чапраки со всяким камнем, и царице и царевнам венцы и зарукавники и серги и перстни с розными ж камнями, немалое число» (Котошихин, 1884. С. 165).

Поливные блюда в виде декоративных вставок на фасадах средневековых кирпичных храмов в литературе получили название «бачини» (*bacini* – итал., большие сосуды, «ванны»). Этот художественный прием появился в Италии в конце X в., широко распространившись впоследствии (рис. 9); в XIV–XV вв. он повторялся в прибрежных районах европейского Средиземноморья, от Испании до Греции (подробнее см.: Беляев, 2007. С. 133–140). Подобно итальянским бачини, в Греции вставками в кладке кроме блюд

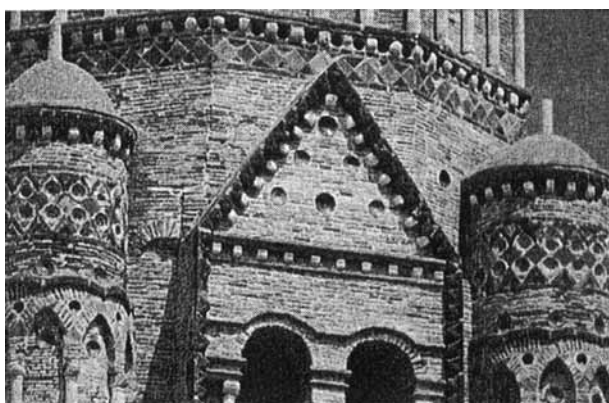

Рис. 9. Бачини в кладке кампаниллы собора в г. Газта, Италия (по: Беляев, 2007. С. 134, рис. 1)

использовали чаши, кувшины и поливные плитки. В частности, в кирпичной кладке церквей в монастырях Афона широко использовались изразцы, блюда и кувшинчики именно изникского производства (Беляев, 2007. С. 138), а золотоордынские чаши XIV в. были использованы для украшения стен собора монастыря Валтадон в городе Фессалоники (Салоники) в Северной Греции (Полубояринова, Седов, 2007. С. 131).

Вставки изразцов в кокошниках и на стенах храмов, имитирующие итальянские бачини, получили некоторое распространение в первой половине XVII в. не только в Москве, но и в других городах Московской Руси. Примером такого использования изразцов на фасаде не в случайном порядке, а ритмично, расцвечивая стеновую поверхность и подчеркивая архитектурные элементы, является церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове (рис. 10) и церковь Троицы в Никитниках в Москве, церковь Божьей Матери Одигитрии в г. Вязьме. Более того, в декоре Никольской церкви с. Урюпино, возведенной в 1664–1665 гг. боярином, князем Н. И. Одоевским и освященной в присутствии царя Алексея Михайловича, помимо изразцов и «шаров» использованы керамические тарелки (диаметром 27 см), видимо, московского производства (рис. 11). Тарелки изготовлены из красной глины и расписаны зеленой, желтой и черной эмалями (Маслих, 1983. № 112).

Следует отметить, что подобные посудные формы с полихромной росписью, изготовленные по майоликовой технологии, в Москве не производились. Впервые изготовление майоликовой столовой посуды началось в 1730-х годах на «Ценинной и табачных трубок фабрике» московского купца А. Г. Гребенщикова (Салтыков, 1952. С. 10–13). До этого с конца XV и в XVI–XVII вв. в Москве

бытовали поливные горшки, фляги, бочонки, чернильницы, погребальные сосуды и детские игрушки, покрытые зеленой и коричневой поливой (Розенфельдт, 1968. С. 48–53).

Вряд ли следует относить декоративный прием расположения изникских блюд в кокошниках церкви Троицы в Хорошеве к ренессансной архитектурной традиции «тондо» (круглых медальонов) в технике глазурованного эмалевого рельефа, характерной для Италии в XV–XVI вв. (Беляев, 2007. С. 138). В ренессансной архитектуре, как, например, в облике церкви Санта-Марии делье Грацие в Милане (1497 г.) и в ряде других аналогичных построек, «тондо» на фасаде – это в первую очередь окна, ритмично с которыми расположены другие круглые углубления и медальоны, как на фасаде, так и в интерьере (рис. 12, 1–3). Ничего этого нет в русской церковной архитектуре XVI–XVII вв.

Рис. 10. Изразцы-бачини на шатре церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове в Москве (по: Баранова, 2012. С. 42)

Рис. 11. Керамические тарелки-бачини, изразцы и «шары» в декоре Никольской ц. в с. Урюпино (по: Маслих, 1983. № 112)

Количество первоначально размещенных блюд в четырех рядах кокошников на фасадах церкви Троицы в Хорошеве установить точно не представляется возможным ввиду отсутствия отчетных материалов Б. Л. Альтшуллера по обследованию церкви. В трех нижних рядах кокошников с восточной, северной и западной сторон имеется 27 круглых углублений трех диаметров: в нижнем ярусе – 33–34 см, в среднем – 30 см и в верхнем – 28 см. Были ли аналогичные углубления и блюда в них с южной стороны, неизвестно. Считается, что их там не было и при реставрации церкви углубления с южной стороны не выполнены, хотя на чертеже реконструкции южного фасада церкви Б. Л. Альтшуллера (рис. 13, 1) обозначены углубления в нижнем ряду кокошников (Памятники... 2004. С. 49).

Блюда, по-видимому, находились в каждом из 27 углублений, иначе во фронтонах их сделано было бы меньше. Неслучайно они отсутствуют в верхнем ряду кокошников, и, видимо, их не было и с южной стороны. При этом следует отметить, что если бы еще девять блюд были установлены с южной стороны здания, то их общее число составило 36, то есть три дюжины (3×12) по бытовавшей в то время повсеместно двенадцатеричной системе счета.

Ничего не сообщает о наличии других блюд осматривавший в марте 1925 г. и лично снявший

одно из них М. А. Ильин. Более того, позднее, в 1970-х годах, он отмечал, что блюда «ныне утрачены» и их местонахождение неизвестно (Ильин, Моисеева, 1979. С. 508).

На сохранность блюд за продолжительный, более 360-летний период со времени постройки и до первой научной реставрации в 1963 г. могли повлиять как естественные климатические воздействия, так и происходившие вокруг церкви различные события русской истории. Проводимые те или иные ремонтные работы также увеличивали риск частичного или полного повреждения блюд. Не исключено, что некоторые блюда были утрачены или фрагментированы еще до начала XX в., как, например, блюдо из МГОМЗ. Золотоордынские чаши XIV в. собора монастыря Валтадон в Фессалониках также имеют частичные утраты, хотя и находились в лучших климатических условиях (Полубояринова, Седов, 2007. С. 129. Рис. 7, 8). Следует отметить и то, что в седьмом выпуске «Памятников архитектуры Москвы» (2004) в статье о церкви Троицы в Хорошеве, видимо, используя сведения из «Материалов предварительного обследования, обмерных и исследовательских работ 1962 г.» Б. Л. Альтшуллера, указывается, что при строительстве церкви «На оба яруса кокошников изникских блюд не хватило, и во втором ярусе их заменили имитациями – раскрашенными металлическими плакетками-«тондо», прикрепленными

Рис. 12. Ренессансные соборы Италии

1–2 – ц. Санта-Мария делле Грацие в Милане (1497 г.), фасад и интерьер; 3 – собор Санта-Мария Глорियोза деи Фрари в Венеции (XIII в.) (<http://travels-guid.ru/img/news/italia/czerkov-santa-mariya-delle-gracie-v-milane/santa-mariya-delle-gracie-1.jpg>; http://extrip.ru/img/photo/f/italy/milano/santa_maria_delle_grazie_3675.jpg; <https://intravel.net/venice/attractions/cathedral-of-st-mary-of-the-friars>)

Рис. 13. Церковь Троицы в Хорошеве

1 – южный фасад церкви; реконструкция архитектора Б. Л. Альтшуллера (по: Памятники... 2004. С. 49); 2 – колоколообразная кровля церкви; чертеж 1845 г. архитектора В. Г. Дергалова (по: <https://www.troitsa-horoshevo.ru/wp-content/uploads/2012/02/3.jpg>); 3 – церковь после реставрации; вид с юго-востока. Фото 1990-х гг. (по: Памятники... 2004. С. 89)

к тимпанам кованными гвоздями (их остатки сохранились)» (Памятники... 2004. С. 93). Подобное представляется маловероятным: видимо, утраченные в XVII–XVIII вв. блюда были в это же время заменены раскрашенными металлическими плакетками.

В Смутное время дворец и церковь были, по-видимому, разграблены: в 1607 г. через Хорошево войска захватчиков наступали на Москву, рядом – в Тушине – находился лагерь Лжедмитрия I, а в 1611–1612 гг. польские войска гетманов Топлевского и Ходкевича разбили свой лагерь к северо-востоку от села на Ходынском поле.

После восстановления дворца в Хорошеве здесь, в заповедных царских охотничьих угодьях, рядом с дорогой в Звенигород и Саввино-Сторожевский монастырь, в 1650–1670-х гг. часто бывал царь Алексей Михайлович. После этого его сын Федор Алексеевич некоторое время посещал Хорошево по пути в Звенигород. В 1688 г. по указу царевны Софьи Алексеевны в Хорошеве построили новый дворец (История... 2005. С. 282). Петр I, не желая после Софьи сохранять за Хорошевым статус государственной резиденции, в 1692 г. пожаловал его своему дяде М. К. Нарышкину, родному брату царицы Натальи Кирилловны. Хорошевым Нарышкины владели недолго, и вскоре оно вновь перешло в Дворцовое ведомство.

По указу прибывшего в 1727 г. в Москву Петра II вместо обветшавших хором в Хорошеве на случай приезда из Петербурга царственных особ в 1729 г. был возведен новый дворец, перестроенный в 1744 г. по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны. Но в XVIII в. царские посещения Хорошева были редкими. В 1749 г. во время паломничества в Саввино-Сторожевский и Воскресенский Новоиерусалимский монастыри во дворце останавливалась императрица Елизавета Петровна, изволившая «кушанье иметь в селе Хорошево». Проездом в 1767 г. побывала здесь и Екатерина II.

Во время Отечественной войны 1812 г. оккупированное французами с. Хорошево вместе с храмом было разграблено (Вайнтрауб, Карпова, Скопин, 2000. С. 83). Обветшавшие строения дворцового комплекса ликвидировали в 1820–1830-х годах.

Основанный еще в конце XV в. в Хорошеве первый государственный конный завод продолжал существовать в XVII–XVIII вв., и в 1835–1836 гг. архитектор Е. Д. Тюрин разработал для него новый проект. Однако он не был реализован, и территория Конного завода в последующее время использовалась для артиллерийских складов летне-

го военного лагеря, располагавшегося на Ходынском поле.

Периодически церковь ремонтировалась как внутри, так и снаружи, осуществлялись и перестройки. В начале 1670-х годов она была окружена с трех сторон крытыми галереями-папертями, видимо, проводился ремонт с наружной побелкой краснокирпичных стен. В 1738 г. церковь вновь ремонтировалась (Памятники... 2004. С. 94). Ее облик сильно изменился в результате ремонта в 1764–1768 гг. В 1764 г. причт церкви сообщал конюшенному надзирателю Христофору Рудерту, что церковь, построенная «в давних летах», сильно обветшала, протекает потолок, в стене, где на каменных столбах висят колокола, появились трещины. Конюшенная канцелярия направила на осмотр храма «архитектурии помощника» А. Афонасьева, подтвердившего плохое его состояние и составившего план ремонтных работ со списком необходимых материалов (Вайнтрауб, Карпова, Скопин, 2000. С. 77, 78). В ходе этого ремонта, по-видимому, ярусы кокошников с майоликовыми блюдами скрыли колоколообразной кровлей (рис. 13, 2), на что использовали «820 листов белой жести», включенные А. Афонасьевым в список строительных материалов. Полный ремонт церкви и строительство колокольни завершились в 1771 г.

В 1845 г. между церковью и колокольней была пристроена трапезная часть. Последний крупный ремонт с заменой полов и устройства нового отопления производился в 1904 г.

В 1939 г. по решению Московского областного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов церковь Троицы была закрыта, здание сначала передали детской консультации, а после войны 1941–1945 гг. – колхозному клубу. В 1950–1960-е годы церковь с прилегающим участком получил Искомбинат, позднее – Фабрика офсетной печати издательства «Детский мир».

После включения в 1960 г. села Хорошево в состав Москвы церковь Троицы поставили на государственную охрану. В 1963–1964 гг. специалистами объединения «Союзреставрация» под руководством Б. Л. Альтшуллера зданию был частично придан первоначальный облик, в частности, удалена колоколообразная кровля XVIII в. (рис. 13, 3) (Вайнтрауб, Карпова, Скопин, 2000. С. 90).

В 1989 году церковь Троицы возвратили РПЦ.

В 2002 г. в углубления трех нижних рядов кокошников вставлены изготовленные ярославским художником-керамистом Е. Тарабиным 27 копий изникских блюд (рис. 14). Роспись блюд повторяет декор двух представленных выше форм, а также

Рис. 14. Современные копии изникских блюд в декоре ц. Троицы в Хорошеве

1 – расположение копии блюд в кокошниках церкви (по: Баранова, 2012. С. 33); 2 – копии изникских блюд (<https://fotki.yandex.ru/next/users/veras-5431/album/487678/view/1078449?page=0>)

аналогичных блюд XVI–XVII вв. из собрания Эрмитажа и воспроизведенных в публикациях.

Таким образом, хранящиеся в коллекциях керамики Музейного объединения «Музей Москвы» и МГОИМЗ «Коломенское – Измайлово – Люблино» одно целое блюдо и фрагмент второго блюда следует считать элементами декора церкви Троицы в Хорошеве. Их датировку, с учетом вре-

мени возвышения боярина Бориса Годунова и даты постройки им церкви, можно отнести к последней четверти XVI в.

Представленные блюда характеризуют только два из 27, видимо, лично принадлежавших будущему царю Борису Годунову и размещенных первоначально на фасаде церкви. Местонахождение и сюжеты росписей остальных блюд неизвестны.

Литература

Августиник А. И., 1975. Керамика. Л.: Стройиздат. 592 с.

Баранова С. И., 2012. Изразцовая летопись Москвы. М.: Русский импульс. 231 с.

Баранова С. И., 2013. Московский архитектурный изразец XVII века. М.: МГОМЗ. 134 с.

Баталов А. Л., 1996. Московское каменное зодчество конца XVI в. // Проблемы художественного мышления эпохи. М.: НИИТИИИ. 433 с.

Беляев Л. А., 2007. «Бачини»: бытовая глазурованная керамика в архитектуре поздневизантийского периода // РА. № 3. С. 133–140.

Вайнтрауб Л. Р., Карпова М. Г., Скопин В. В., 2000. Святые православной Москвы. Храмы Северо-Западного округа и Зеленограда. М.: Знаменское. 412 с.

Витт В. О., 1952. Из истории русского коннозаводства. М.: Сельхозгиз. 360 с.

- ДДГ. М.–Л.: АН СССР, 1950. 586 с.
- Загородняя И. А., 2005. История царской казны в зеркале внешней политики России XVII столетия // «Во утверждении дружбы...». Посольские дары русским царям. Каталог выставки. М.: Художник и книга. 152 с.
- Зимин А. А., 1986. В канун грозных потрясений. М.: Мысль. 333 с.
- ИАК. Вып. 66. Пг., 1918. 239 с.
- Ильин М. А., 1970. Пути и поиски историка искусства. М.: Искусство. 134 с.
- Ильин М. А., Моисеева Т. В., 1979. Москва и Подмосковье. Справочник-путеводитель. М.: Искусство. 528 с.
- История московских районов / Под ред. К. А. Аверьянова. М.: АСТ, Астрель, 2005. 832 с.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука. 269 с.
- Косточкин В. В., 1964. Государев мастер Федор Конь. М.: Наука. 176 с.
- Котошихин Г., 1884. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изв. АК. XXXVI, 196, XX с.
- Мартынов А. А., Снегирев И. М., 1852. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М. 162 с.
- Масса И., 1937. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: ОГИЗ. 208 с.
- Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 208 с.
- Миллер Ю. А., 1972. Художественная керамика Турции. Л.: Аврора. 183 с.
- Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (северо-западная и северная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). М.: Искусство-XXI век, 2004. 295 с.
- Павлов А. П., 1992. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб.: Наука. 281 с.
- ПСРЛ. Т. 34. Пискаревский летописец. М.: Наука, 1978. 307 с.
- Полубояринова М. Д., Седов Вл. В., 2007. Золотоордынские чаши в стене собора монастыря Влатадон в Фессалониках // РА. № 1. С. 126–132
- Раппопорт П. А., 1966. Зодчий Бориса Годунова // Культура древней Руси. М.: Наука. 328 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с.
- Салтыков А. Б., 1952. Первый русский керамический завод. М.: ГИМ. 44 с.
- Соболева Л., 1972. Исследовательские и реставрационные работы по церкви Преображения в усадьбе Вяземы // Теория и практика реставрационных работ. Сб. № 3 НИИТИиППСА. М.: Стройиздат. 152 с.
- Флетчер Д., 2002. О государстве русском. М.: Захаров. 169 с.
- Флоря Б. Н., 1992. Россия и стамбульские греки в годы борьбы за Азов (1637–1642) // Славяне и их соседи. Вып. 4. М.: ИСБ. 219 с.
- Щеболева Е. Г., 1991. К вопросу о «годуновской школе» в древнерусской архитектуре конца XVI – начала XVII в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Пространство и пластика. М.: Наука. 192 с.
- Henderson J., Raby J., 1989. The technology of fifteen century Turkish tiles: an interim statement on the origins of the Iznik industry // World Archaeology. Vol. 21. 1. London. P. 117–132.

A. A. Polyulyakh

Iznik 16th-century dishes from the décor of the Holy Trinity Church at Khoroshevo

Summary

The collections of Moscow museums contain only one complete dish, along with a fragment of a second, from the former interior decoration elements of the Holy Trinity Church in Khoroshevo. The facade of this church – built in the last quarter of the 16th century – once featured no less than

27 such dishes, which were made in the town of Iznik, today in modern Turkey. Similar decoration of church facades with such dishes was common during the period of the 10th to 14th–15th centuries in coastal areas of the European Mediterranean – from Spain to Greece.

А. А. Полюлях

Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

Об одном из видов московских изразцов: изразцы с мраморовидным декором

Одним из видов московских плоских расписных изразцов XVIII в. являются изразцы с мраморовидным декором в виде круговых полихромных разводов черного, темно-красного и зеленого цвета, нанесенных на белую эмаль. Среди сохранившихся изразцовых печей с подобными изразцами нет. Но обломки изразцов с мраморовидным декором встречаются при археологических раскопках в Москве, хотя в целом в составе коллекций отдела археологии Музейного объединения «Музей Москвы», хранящего основной массив находок из раскопок в Москве, их число невелико.

Печи с такими изразцами находились в Москве в Новодевичьем монастыре, в имении Черная Грязь (Царицыно) князей К. Д. и С. Д. Кантемиров, в Троице-Сергиевой лавре в Сергиевом Посаде (рис. 1).

До настоящего времени изразцы этого вида не были предметом специального рассмотрения. Нет о них упоминаний в обзорной статье Н. В. Воронова «Русские изразцы XVIII века» (1960). В обобщающей монографии Р. Л. Розенфельдта по московской керамике XII–XVIII вв. рассмотрены только рельефные неполивные («красные») и рельефные неполивные зеленые («муравленые») изразцы (Розенфельдт, 1968. С. 58–68). Не отмечены изразцы с мраморовидным декором и в работе С. А. Маслиха «Русское изразцовое искусство XV–XIX веков» (1983).

Технология нанесения на поверхность изразцов мраморовидного декора неизвестна. По-видимому, такой полихромный декор получался при произвольном нанесении на белый ангоб или эмаль жесткой кистью красочной смеси, состоящей из плотных растворов (возможно, на масляной основе) отдельных

минеральных компонентов черного, темно-красного и зеленого цвета, соединенных без перемешивания.

Появление мраморовидного декора на изразцах, видимо, следует связывать с широким применением штукатурки («штукка», или «стукко») с росписью по ней, имитирующей мрамор при отделке интерьеров и фасадов зданий в XVIII в., в период распространения в России барокко, а затем классицизма. До этого в интерьерах применялись тканая обивка стен и расписная подволока потолка.

Одним из ранних примеров использования штукатурки в отделке интерьеров, но еще без росписи под мрамор, является подмосковный усадебный дом А. Д. Меншикова в Ново-Алексеевском, который в 1702 г. посетил нидерландский художник, путешественник и писатель Корнелиус де Бруйн (1652–1727). В нем стены и потолок большой столовой были оштукатурены и побелены, полы выложены из плит белого камня, интерьер украшали белокаменные резные каминные. Так же выглядели и остальные комнаты первого этажа (Евангулова, 1981. С. 113–114).

Впервые штукатурка с росписью под мрамор, видимо, была применена в отделке интерьера «мраморовой» палаты Большого Ораниенбаумского дворца архитектора И. К. Ферстера в 1719 г. (Павлова, 2002). Эта отделка стен, несмотря на происходившие изменения в оформлении жилого интерьера дворца, сохранялась до конца XVIII в.

В 1725 г. росписью под мрамор был декорирован центральный зал дворца Ф. М. Апраксина («Адмиральский дом»)¹, украшенный лепкой, хрустальными люстрами, зеркалами и живописью к свадьбе старшей дочери царя, Анны Петровны, с герцогом Голштинским, о чем мы узнаем из рисунка Х. Л. Бернера

¹ В 1732 г. дворец Ф. М. Апраксина вошел в комплекс зданий нового Зимнего дворца Анны Иоанновны.

Рис. 1. Изразцы с мраморовидным декором

1–6 – Царицыно; 7 – Москва, 1-й Гончарный пер.; 8 – Москва, Новодевичий монастырь;
9–12 – Троице-Сергиева лавра; 13 – Москва, Манежная пл.

(Калязина, Комелова, 1990. С. 67). В его отделке принимали участие Б. К. и Б. Ф. Растрелли.

Технология нанесения штукатурки с росписью под мрамор на основе гипса, применявшаяся в XVIII в., описана Д. И. Менделеевым (1893. С. 750):

«Наиболее обыкновенный и давно (из Италии) известный способ придания гипсу плотного сложения и способности полироваться составляет образование его теста на клеевой воде. Размоченный клей растворяют в горячей воде (около 1,5 ф. клея на ведро воды)

Рис. 2. Екатерининский дворец в Коломенском. 1766–1767 гг. (по: Достоверная история... 2016)

и на такой воде (остывшей) замешивают обыкновенный или квасцованный гипс. Такую штукатурку стен «под мрамор» наносят на смоченную подготовку и, по затвердевании притертого слоя, полируют пемзой, смачивая клеевой водой. Политиру кончают трепелом с водой, а по высыхании маслом, через что достигается блестящая и очень прочная поверхность, которую нередко разделявают под цветные и полосатые сорта мрамора, прибавляя к массе соответственных красок и нанося их в надлежащем порядке в углубления не вполне остывшей штукатурки».

В середине – второй половине XVIII в. этот декор интерьеров получил широкое распространение как в Петербурге, так и в Москве. Так были декорированы печи в новой императорской резиденции Елизаветы Петровны в Кремле – дворце архитектора Б. Ф. Растрелли. Их покрытием под мрамор занимался в 1754–1755 гг. будущий архитектор В. И. Баженов, который «в ту пору в оном по печам умел мрамор метать» (Бродская, 1993. С. 215).

Этот декор был применен и в отделке несохранившегося деревянного² Екатерининского дворца в Коломенском при отделке печей, каминов и, видимо, стен (рис. 2). Большой дворец, где находилось 49 печей и 12 каминов, был построен в 1766–1767 гг., бы-

стро, всего за один год, благодаря указанию Екатерины II, что «внутри никаких богатых украшений делать не надобно». Действительно, даже в спальне императрицы, согласно «Описи каменного Коломенского (Екатерининского) дворца 1768 года», камин был украшен не изразцами, а «обмазан штукатуром и вытянуты на нем карнизы и рамки, по которым лепное украшение». Таким же образом были украшены все 24 печи и 11 каминов парадных покоев Екатерины II, а также, видимо, и остальные печи и камины дворца (Бродская, 1993. С. 212–216). Этот декоративный прием, более простой и дешевый, позволил быстро произвести внутреннюю отделку дворца: не было необходимости искать готовые или заказывать 61 печной набор (при примерном количестве изразцов от 590 до 1298 штук в одном наборе)³ с последующей и трудоемкой облицовкой печей.

В то же время следует отметить, что в здании кухонь и других служб, соединенном с дворцом, по описи 1768 г., находилось 18 «голландских изразчатых» печей. По-видимому, определение «голландских» относится не к форме печи, а к украшавшим ее изразцам с синей росписью. Форма «голландской» печи, как следует из книги Ивана Лема «Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре»,

² Несмотря на то что в «Описи каменного Коломенского (Екатерининского) дворца 1768 года» указано, что дворец был каменным, строился он из дерева, о чем свидетельствует план № 7 его первого деревянного этажа из фонда рукописного отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Каменной была пристройка к дворцу, соединенная с ним деревянным переходом: там находились кухня и другие службы (Бродская, 1993. С. 213–214, 216).

³ Расчет произведен по первым 10 печам списка печей 1753 г. Головинского дворца (Ильенко, 1993. С. 77–78).

изданной в Москве в 1806 г. и обобщавшей опыт печного дела предшествующих лет, выбиралась архитектором: «...что же надлежит до фигуры печей, оная состоит в воле строителя» (*Лем*, 1806. С. 29–30).

Распространение декорирования стен, а также печей и каминов под мрамор отразилось в подражании при росписи изразцов.

В археологических коллекциях Музейного объединения «Музей Москвы», хранящего основной комплекс находок из раскопок в Москве 1940–1990-х годов, изразцов с мраморовидным декором выявлено немного, и, по-видимому, большее их количество будет получено из материалов последующих лет исследований культурного слоя Москвы.

Обломки изразцов с мраморовидным декором найдены в 1974 г. при наблюдениях в котловане в 1-м Гончарном пер. вместе с обломками изразцов XVII – первой половины XVIII в. Это фрагмент лицевого, лицевого углового изразцов и перемычки (рис. 1, 7).

Необычный фрагмент лицевого изразца с дополнительной подкраской черной краской в виде потеков найден в 1996 г. на Манежной пл. (рис. 1, 13).

Печи с мраморовидными изразцами находились в Москве, в Новодевичьем монастыре⁴. Целый изразец и фрагменты обнаружены при реставрационных работах, проводимых с середины 1970-х годов и до настоящего времени (рис. 1, 8; *Шиманова, Лобова*, 2016. С. 101, обр. 5). Из комплекта печи (печей?) найдены стенные (22,8×20,5 см и 23,5×>17 см) и поясковые изразцы (15×13,5 см и 9,5×>10 см).

Изразцы с мраморовидным декором найдены в 2005 г. в ходе реконструкции архитектурного комплекса «Царицыно» (*Полюлях*, 2010). Всего найдено 11 экземпляров: два поясковых (14×9 см, 15×9 см; рис. 1, 3), крупный фрагмент лицевого (20×>13 см; рис. 1, 1), лицевого углового (22×10×>11 см; рис. 1, 2) и семь небольших обломков лицевых изразцов. Некоторые обломки лицевых изразцов отличаются высокое качество изготовления: сложные цветные мраморовидные извилины и разводы нанесены ярко и четко (рис. 1, 4–6). Все они залегали в засыпке ямы раскопа 5, заложенного со стороны главного фасада Большого дворца архитектора М. Ф. Казакова. На этом месте ранее стоял большой двухэтажный деревянный дом, построенный в 1745 г. владельцем имения Черная Грязь князем Константином Дмитриевичем Кантемиром (1703–1747). Спустя десять лет после его смерти, в 1757 г., братья Константина Дмитриевича поделили имение, устроив два двора на смежных прямоугольных участках. Мат-

вей Дмитриевич жил в двухэтажном деревянном доме (*Байбурова*, 1992. С. 425–426). А Сергей Дмитриевич построил рядом, на своем участке, видимо, в 1758–1759 гг., небольшой одноэтажный дом.

Активная жизнь в имении с возможными ремонтами и перекладками печей проходила до 1770 г. В 1771 г. скончался князь Матвей Дмитриевич Кантемир, а в 1775 г. единственный владелец имения Черная Грязь – князь Сергей Дмитриевич Кантемир, долгое время не живший в нем, продал имение Екатерине II, переименовавшей его в Царицыно.

Оба дома князей Кантемиров были снесены в 1777 г. в связи с началом строительства дворца архитектором В. И. Баженовым (*Байбурова*, 1992. С. 433).

К какому из двух домов относятся найденные изразцы с мраморовидным декором, точно неизвестно. При их сносе и выравнивании поверхности, а также при рытье котлованов для дворца В. И. Баженова грунт вместе с обломками изразцов старых и уже не нужных печей мог быть распределен на большой площади, а также использован при засыпке хозяйственных ям, как это наблюдалось в раскопе 5. Всего в этом раскопе найдено 16 целых изразцов и 229 их фрагментов семи типов из 17 печных наборов.

Таким образом, изразцы и обломки с мраморовидным декором, найденные в Царицыно, относятся к периоду с 1745 по 1770 г.

Печи, облицованные изразцами с мраморовидным декором, находились в первой половине XVIII в. в палатах Ново-Иерусалимского монастыря. Найденные там в ходе археологических исследований лицевые изразцы имели размеры 18,5×15,5 см. Они послужили основой для полной реконструкции печи в Архимандричьих палатах монастыря (*Глазунова*, 2016. С. 47).

Декором под мрамор покрывалась настенная керамическая плитка, производившаяся в Нидерландах и найденная во время археологических исследований при строительстве метро в Амстердаме в 2003–2012 гг. (рис. 3, 1, 2). Несколько таких плиток размером 13×13 см найдено в слоях второй половины XVII – XVIII в., они бытовали в одно время с широко распространенными плитками с синей разносюжетной росписью (рис. 3, 3).

Комплекс целых изразцов и обломков с мраморовидным декором (12 экз.) хранится в фондах СПГИХМЗ (рис. 1, 9–12). Найденные в 1950-х годах, они в основном залегали в бойнице крепостной стены между Уточьей и Звонковой башнями Троице-Сергиевой лавры. В состав комплекса входят два фраг-

⁴ Один целый изразец и несколько фрагментов хранятся в отделе керамики ГИМ (см.: Госкаталог.РФ: <http://goskatalog.ru>).

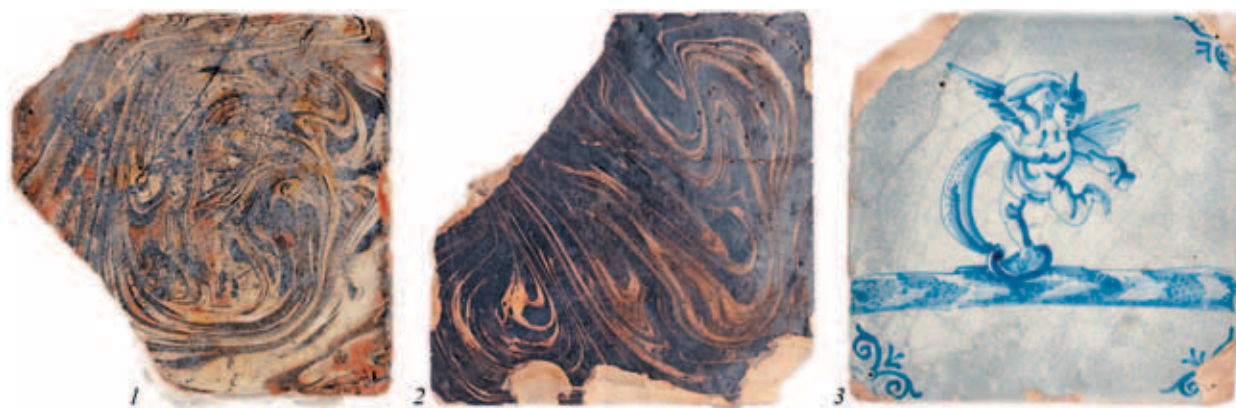

Рис. 3. Плитки с мраморовидным декором (1, 2) и синей росписью (3) из археологических исследований при строительстве метро в Амстердаме в 2003–2012 гг. (<https://belowthesurface.amsterdam>)

мента лицевых (18×13 см; рис. 1, 10), девять карнизных (16×8 см; рис. 1, 11) и поясковый (16×8 см; рис. 1, 12) изразец. Для них характерна двухцветная – черным и красно-коричневым – роспись по светло-желтому фону. Изразцы изготовлены из светло-розовой глины с желтым оттенком, что отличает их от аналогичных московских, имеющих темно-красную формовочную массу. Двухцветная цветовая гамма росписи и иная формовочная масса допускает возможность изготовления этих изразцов в Сергиевом Посаде.

Печей с изразцами с мраморовидным декором в строениях Троице-Сергиевой лавры, по-видимо-

му, существовало несколько, на что указывают еще четыре обломка с мраморовидным декором, найденные на территории лавры в ходе археологических наблюдений при проведении земляных работ в 2000–2002 гг. (Щербаков, 2008. С. 295).

Следует отметить факт облицовки внешних стен штукатуркой с росписью под мрамор некоторых храмов Троице-Сергиевой лавры, судя по изображениям в «Архитектурном альбоме Троице-Сергиевой лавры 1745–1789 гг.» (рис. 4). Так была декорирована, по-видимому, в конце 1740-х годов Предтеченская церковь (1699 г.), а в период

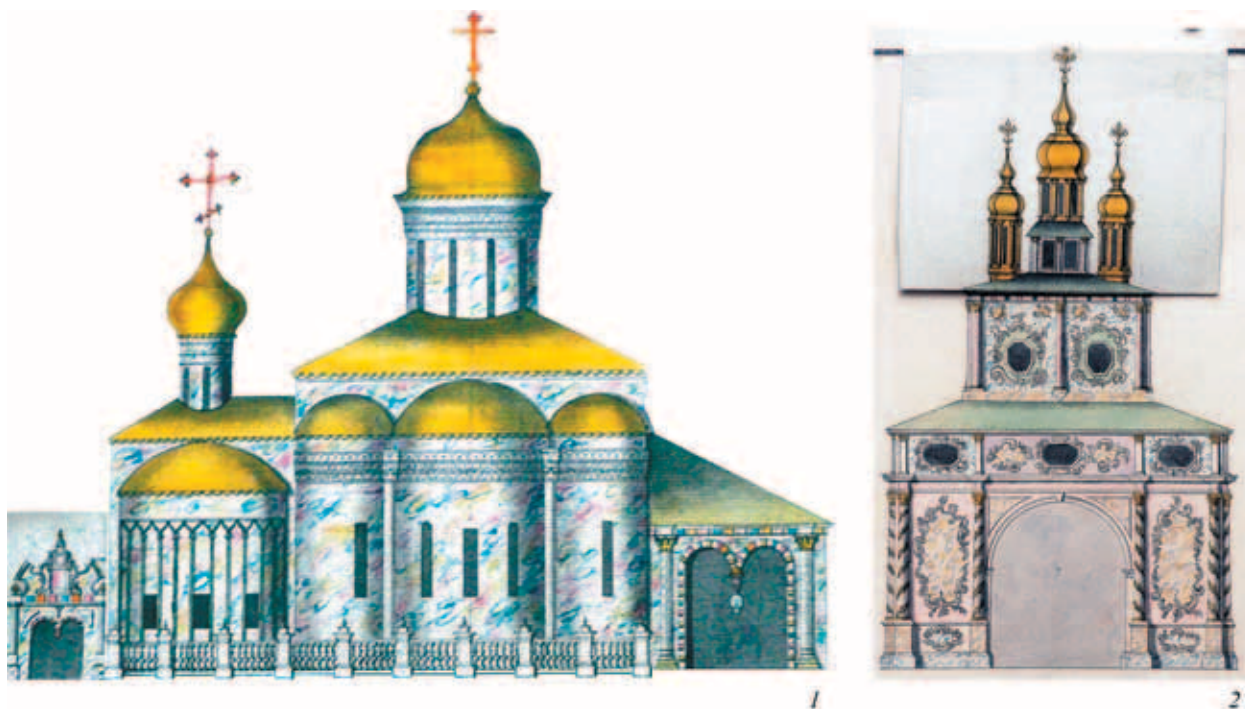

Рис. 4. Облицовка стен штукатуркой с росписью под мрамор построек Троице-Сергиевой лавры. Из «Архитектурного альбома Троице-Сергиевой лавры 1745–1789 гг.» (СПМЗ. Инв. 5562/14, 19 ИХО)

1 – Троицкий собор с Никоновской ц.; 2 – Предтеченская ц.

Рис. 5. Дворец П.Б. Шереметева в Кусково и вестибюль дворца с росписью под мрамор

1759–1768 гг. и Троицкий собор (1422 г.) с рядом стоящей Никоновской церковью (1548 г., 1623 г.) (Полюлях, Холодкова, 2018. С. 56).

Во второй половине XVIII в., в период зрелого классицизма в архитектуре, отделка штукатуркой с росписью, имитирующей мрамор, судя по сохранившимся интерьерам, широко применялась в церквях, во дворцах и жилых домах «именитых» и «зажиточных» горожан Москвы и Петербурга. В Москве так был оформлен дворец (рис. 5) и грот в загородной усадьбе Шереметевых в Кусково, дом Хлоповых (ул. Станиславского, 6), дом московских генерал-губернаторов (ул. Тверская, 13), дом А.И. Лобковой (Козицкий пер., 5), колокольня Рождественского монастыря (ул. Рождественка, 20), дом генерала Ф.И. Левашова (Армянский пер., 13), дом Лопухиных (М. Знаменский пер., 3), дом К.Г. Разумовского (ул. Воздвиженка, 6), дом А.Ф. Талызина (ул. Воздвиженка, 5), дом XVIII–XIX вв. (1-й Спасоналивковский пер., 4), церковь Николы в Толмачах (М. Толмачевский пер., 9), купеческий дом XVIII – начала XIX в. (1-й Кадашевский пер., 14/13), дом купцов Грачевых (Черниговский пер., 9/13) и др. (Памятники... 1989. С. 50–51, 77–78, 79–81, 120–122, 147–148, 154–155, 215–216, 291–292; Памятники... 1994. С. 130, 168–169, 174–175, 246–249; Памятники... 2007. С. 113).

В конце XVIII в. в Москве появилась специализированная мастерская С.П. Кампиони, выполнявшая работы по оформлению интерьеров под мрамор и занимавшаяся изготовлением каминов, барельефов, бюстов, ваз из мрамора и скульптурных моделей для отливки из металла. Открытая в 1783 г. в Санкт-Петербурге, а затем с переездом в 1795 г. владельца в Москву мастерская разместилась на Кузнецком мосту, 17. Работая во взаимодействии с известными архитекторами, С.П. Кампиони принимал участие в отделке интерьеров Благородного собрания на ул. Моховой, Странноприимного дома графов Шереметевых на Сухаревке, дворца графов Разумовских на Гороховом поле, дворца князей Юсуповых, дома Голицыных в Кузьминках в 1804 г., больницы князей Голицыных в 1796 г., во дворце графов Шереметевых в Останкино в 1797 г., дома («голубятня», 1780. М. Казаков) графа Г.А. Орлова-Чесменского за Калужской заставой (2-й Верхний Михайловский пр-д, 2), после 1812 г. – дома графа В.Г. Орлова на ул. Б. Никитской, французского костела Людовика Святого в Милютинском пер. в 1827 г. и, видимо, других зданий в Москве (Царева, 2011; 2012а; 2012б).

Мраморовидный декор наносился в XVIII в. не только на изразцы, но и на посуду. Обломки такой посуды, по наблюдениям автора, в верхнем горизонте культурного слоя исторического центра Москвы отмечаются нередко. Это фрагменты мисок, чашек, кумганов, кувшинов и других сосудов (рис. 6, 1–9).

Посуда с мраморовидным декором изготавливалась на ножном круге из белоглиняной или красноглиняной массы как вытягиванием формы из куска глины, так и в деревянной форме. Сосуды из красной глины до нанесения мраморовидной росписи покрывались белым ангобом. По характеру нанесенного декора посуда разделяется на два подвида – с полихромной, с использованием красок зеленого, черного, красного и коричневого цвета, и с монохромной, коричневым цветом, росписью. Известные обломки с монохромной, коричневым цветом, росписью имеют желтый, а не белый фон.

Датировки посуды с мраморовидным декором разнятся: Р.Л. Розенфельдт относил ее ко второй половине XVIII – началу XIX в., В.Ю. Коваль – к первой половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 55; Коваль, 1999. С. 225). По находкам обломков такой посуды в раскопе 5 архитектурного комплекса «Царицыно» ее появление в Москве следует относить до 1770 г. (Полюлях, 2010).

Эта техника декорирования изделий применялась и в XIX в. на керамических заводах Гжели. К 1840–1850 годам относится кумган (рис. 6, 13)

Рис. 6. Посуда с мраморовидным декором из археологических раскопок в Москве (1–9) и изделия заводов Гжели XIX в. (10–13)

6, 8, 9 – по: Коваль, 1999; 13 – по: Григорьева, Дулькина, 1988

с аналогичным декором темно-коричневого цвета по светло-желтому фону массы (Григорьева, Дулькина, 1988. С. 111. Рис. 106). Во второй половине XIX в. под мрамор расписывались чернильные приборы, цветочные горшки, водосвятные чаши и другие изделия (рис. 6, 10–12).

Декорирование интерьеров, печей и каминов с применением штукатурки и росписью под мрамор являлось не только новым модным явлением, но и более простым и дешевым их украшением. В свою очередь это могло привести к отказу от изразцового декора при сооружении и ремонте

печей, что повлекло бы к сокращению производства изразцов и к значительным убыткам для их производителей. По-видимому, во избежание этого и вслед за новыми тенденциями на московском рынке и, возможно, в других городах появляются изразцы с мраморовидным декором. В московском быту они не получили широкого распространения, здесь продолжали сохраняться старые традиции декорирования печей изразцами,

для которых во второй половине XVIII в. была характерна сюжетная полихромная роспись, сменявшаяся к концу столетия синей монохромной росписью с простыми изображениями отдельных ваз, веток и цветов.

Появление изразцов с мраморовидным декором пока возможно отнести к середине XVIII в. (по находкам в Царицыно), а время их бытования в Москве – вторая половина XVIII в.

Литература

- Бродская А. А., 1993. Коллекция изразцов XVIII века из села Коломенского // Коломенское. Матер. и иссл. Вып. 5. Ч. 2. М. С. 212–223
- Байбурова Р. М., 1992. Новопостроенный деревянный дом 1745 г. в Царицыне, бывшей Черной Грязи // Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука. С. 424–434
- Воронов Н. В., 1960. Русские изразцы XVIII века // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М.: АН СССР. С. 191–208.
- Глазунова О. Н., 2016. От археологии к реставрации: реконструкция печного декора второй половины XVII – XVIII века (результаты проекта 2014 года) // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство позднего Средневековья. Материалы I и II Всероссийских научно-практических конференций. Новый Иерусалим, 2014–2015. Сб. ст. и тез. / под ред. Л. А. Беляева. М.: Коллектор. С. 44–48.
- Григорьева Н. С., Дулькина Т. И., 1988. Керамика Гжели XVIII–XX вв. Л.: Художник РСФСР. 212 с.
- Достоверная история о многократном пребывании Ее Императорского Величества Екатерины Второй Императрицы и Самодержицы Всероссийской в дворцовом селе Коломенском. [Авторы С. И. Баранова, Е. Г. Горохова, А. Е. Ухналов, А. В. Топычканов]. М.: МГОМЗ, 2016. 48 с.; илл.
- Евангулова О. С., 1981. Светский интерьер Москвы и Подмосковья конца XVII – начала XVIII в. // Русский город. Москва и Подмосковье. Вып. 4. М.: МГУ. С. 100–120.
- Калязина Н. В., Комелова Г. Н., 1990. Русское искусство петровской эпохи. Л.: Художник РСФСР. 212 с.
- Ильенко И. В., 1993. Некоторые сведения об изразцовых печах XVII–XVIII веков // Коломенское. Матер. и иссл. Вып. 5. Ч. 1. М. С. 71–103.
- Коваль В. Ю., 1999. Позднесредневековая глазурованная керамика с мраморовидной росписью // ТТЗ. Вып. 3. Тверь. С. 222–229.
- Лем И., 1806. Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре. М. 44 с.
- Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 208 с.
- Менделеев Д. И., 1893. Гипс // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типолитграфия И. А. Ефрона. Т. VIIA (16). СПб. С. 747–751.
- Павлова М. А., 2002. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII – середины XIX века. История создания и опыт теоретической реконструкции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М.: Искусство, 1989. 380 с.
- Памятники архитектуры Москвы. Замоскворечье. М.: Искусство, 1994. 320 с.
- Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). М.: Искусство-XXI век, 2007. 360 с.
- Полюлях А. А., 2010. Предметы быта усадьбы Черная Грязь (по материалам раскопа 5 в Царицыно) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 328–349.
- Полюлях А. А., Холодкова Н. В., 2018. Мраморовидный декор Троицкого собора и Предтеченской церкви Троице-Сергиевой лавры середины – второй половины XVIII в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Матер. XI Междун. науч. конф. Тез. докл. Сергиев Посад. С. 56–58.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с.
- Царева С. М., 2011. Итальянские мраморщики в Москве конца XVIII – первой трети XIX в. // Россия – Италия. Общие ценности. Сб. науч. ст. XVII Царскосельской конф. ГМЗ «Царское Село». СПб. С. 593–601.
- Царева С. М., 2012а. Итальянец Сантино Кампиони и его скульптурная мастерская

в Москве // Архитектурное наследство. № 56. С. 168–162.

Царева С. М., 2012б. Работы русских и итальянских скульпторов-мраморщиков в усадьбах Москвы и Подмосковья первой трети XIX в. // Русская усадьба. № 17 (33). С. 320–342.

Шиманова М. А., Лобова Р. В., 2016. Изразцы из коллекции церковного музея московской епархии РПЦ (Новодевичий монастырь): опыт технологического изучения // Керамические строи-

тельные материалы в России: технология и искусство позднего Средневековья. Материалы I и II Всероссийских научно-практических конференций. Новый Иерусалим, 2014–2015. Сб. ст. и тез. / под ред. Л. А. Беляева. М.: Коллектор. С. 100–102.

Щербаков В. В., 2008. Расписные изразцы Троице-Сергиевой лавры XVIII века (по материалам раскопок 2000–2002 годов) // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 285–298.

A.A. Poliulakh

A specific kind of Moscow tile – tiles with marbled decoratio

Summary

Flat, painted stove tiles with marble-effect decoration first appeared in Moscow in the 1740s, and continued in popularity until the latter 18th century. The

author attributes this development to a rising fashion for interior decoration featuring marbled plaster for interiors, stoves, and fireplaces.

Л. И. Федорова, В. А. Ткаченко, В. В. Федоров
Калужский музей ремесла, архитектуры и быта, Калуга

Керамические гидрофонные свистульки «мокрый соловей» из Калужского края и их региональные особенности

На территории Калужского края, имеющего богатое историко-культурное наследие, многие традиции сохранили свою самобытность и неповторимые региональные особенности, ставшие неотъемлемой частью общероссийской культуры. Сотрудники Музея ремесел более 26 лет изучают калужский гончарный промысел и его составную часть – глиняные игрушки, бытовавшие в нашем городе в течение нескольких веков. Важным направлением исследования является изучение духовых свистковых керамических музыкальных инструментов (свистулек), которые в зависимости от способа изготовления можно подразделить на несколько разновидностей. Одной из них является гидрофонная свистулька «мокрый соловей», представляющая из себя небольшой сосуд с водой, в подводную часть которого открывается свободное отверстие гудушника – «дудочки». Сквозь отверстие в воду вдвывается воздух, создающий трели соловьиного свиста (Ткаченко, Федорова, 1995. С. 20). Приписывать возникновение такого оригинального музыкального инструмента, ставшего популярной детской забавой, конкретному месту России весьма трудно, так как ареал распространения «мокрого соловья» весьма обширен, но можно попытаться реконструировать историю возникновения этого музыкального инструмента. Свистулька «мокрый соловей» в миниатюре повторяет односторонний глиняный «рукомой вислый», популярный в русской бытовой культуре Нового времени. Рукомой вислый – горшок с одним или двумя рыльцами-сливами. От самых ранних калужских вислых рукомоев сохранились лишь сливы, в большинстве изготовленные на деревянной круглой палочке. Трубочки сливов не заходят внутрь тулова рукомойа и примазаны снаружи (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2013. С. 386).

Это натолкнуло нас на идею общности изготовления этих вроде бы далеких друг от друга бытовых предметов.

Самым ранним свидетельством бытования свистулек «мокрый соловей» в Калуге являются случайные находки двух обломков свистулек из светложущейся глины в 1993 г. при сносе домов в исторической части города. Это черноморенные гудушники длиной 41 и 71 мм, диаметром 8 и 11 мм. Благодаря увеличенной длине второго гудушника, посередине между пищиком и примазкой его к сосуду, проколото игровое отверстие диаметром 4 мм. Подобного конструктивного устройства гудушника у свистулек «мокрый соловей» мы больше не встречали (рис. 1). Керамическая свистулька из светложущейся глины, найденная в с. Каплино Мосальского района Калужской области, представляет собой чернолощенный кувшинчик-кубышку диаметром 76 мм, на ложном поддоне диаметром 42–43 мм, высотой около 8 мм, изготовлена она на гончарном круге. Высота сохранившейся части кувшинчика 63 мм. Верхняя часть тулова имеет сплошное лощение, в нижней части лощение полосчатое. Гудушник отсутствует, но видно, что он был изготовлен на палочке диаметром 8,2 мм, примазка к тулову кувшинчика наружная при помощи глиняной «колбаски» в верхней половине тулова под углом в 45 градусов (рис. 2). В подобном чернолощеном кувшинчике-свистульке «мокрый соловей» в апреле 1998 г. в г. Дмитрове Московской области найден клад русских серебряных монет XVI–XVII вв., что указывает на датировку данного типа свистулек (Клочков, 2001. С. 224). В Москве фиксировались находки чернолощенных свистулек «мокрый соловей» в виде кубышек, изготовленных на ручном круге в XVI и XVII вв. Р.Л. Розенфельд дал им такую

характеристику: «Соловьи XVI века черного цвета, хорошо вылощены, и на их тулове одна-две полоски линейного орнамента. Соловьи XVII века более тонкостенные, часто с рифлением преимущественно по верхней части тулова, светлее окрашены. Чернолощенные «соловьи» начала XVIII века залощены плохо, лощение узорами, часто встречается серповидный узор, вылощенный поверх рифления, изготовлены они на ножном гончарном круге». Чернолощенный «мокрый соловей», изготовленный на ножном круге, найденный с кладом монет времен Петра I, хранится в ГИМ (*Розенфельдт*, 1968. С. 39; *Мец*, 1949. С. 112, 113). Известна такая свистулька, служившая вместилищем для небольшого клада монет XVII в., названного «детским» (*Векслер, Мельникова*, 1999. С. 123), хотя правильнее было бы его называть «скоморошым». В 1975 г. в Москве найден мореный кувшинчик-свистулька XVII–XVIII вв. высотой 7,5 см (*Колызин*, 2002. С. 180). Белоглиняная чернолощенная кубышка-свистулька с гудушником, не входившим в сосуд, найдена в Коломне и датируется концом XVII – началом XVIII в. (*Черкасов*, 2004. С. 318). Чернолощенный красноглиняный «мокрый соловей» в виде кубышки зафиксирован в Ярославле в 2001 г. на ул. Кедрова. Там же при рытье канав на Толкучем рынке найдены еще две чернолощенные свистульки «мокрый соловей» в форме кувшинчика с грубым лощением XVIII в. (*Спиридонова*, 2007. С. 199–200). Позже свистульки приобретают форму кувшинчика с гудушником, входящим внутрь кувшинчика под углом 40–45 градусов, и росписью красным ангобом широкими косыми полосками. Примером могут служить калужские находки трех свистулек. Найденная в 1998 г. при сносе дома на ул. Первомайской свистулька – из светложгущейся глины, с горшковидным туловом (высотой 68 мм) на прямом поддоне диаметром 42 мм. Горловина украшена двумя слабо выраженными валиками, ее венчик диаметром 40 мм отогнут наружу, диаметр устья сосуда 21 мм. Расписана свистулька косыми полосками красного ангоба по тулову и двумя узкими круговыми полосками по горловине (рис. 3). Найденная в 2002 г. на ул. Знаменской, 41а свистулька высотой 67 мм отличается от предыдущей шаровидным туловом, более короткой горловиной и ребристым венчиком, диаметр устья 23 мм. Роспись широкими косыми полосками, заходящими в верхнюю часть горловины (рис. 4). Гудушник в виде дудочки с отогнутым пригубником входит внутрь первой свистульки на 2 мм под углом 40–45 градусов, у второй свистульки он входит внутрь сосуда

Рис. 1. Фр-т свистульки «мокрый соловей» (гудушник). Калуга

Рис. 2. Фр-т чернолощенной свистульки «мокрый соловей». Село Каплино Мосальского р-на Калужской обл.

Рис. 3. Свистулька «мокрый соловей» с росписью по тулову. Калуга, ул. Первомайская

Рис. 4. Свистулька «мокрый соловей» с росписью по тулову. Калуга, ул. Знаменская, д. 41а

Рис. 5. Свистулька «мокрый соловей» с росписью по тулову красно-коричневым ангобом. Калуга, ул. Воробьевская

Рис. 6. Свистулька «мокрый соловей» с росписью по тулову красно-коричневым ангобом. Серпухов

на 5 мм под углом 40 градусов. Они примазаны снаружи при помощи глиняной колбаски. В 2002 г. на ул. Воробьевской найден фрагмент свистульки «мокрый соловей» высотой 47 мм с утраченной горловиной. Поддон диаметром 33 мм, высотой около 6 мм. Гудушник входит внутрь сосуда на 5 мм под углом около 40–45 градусов. Роспись красно-коричневым ангобом широкими косыми полосками по тулову (рис. 5). Похожую свистульку нашли в 1998 г. в Серпухове при земляных работах. Она отличается шаровидным туловом на ложном поддоне, коротким горлом, широким уплощенным венчиком. Гудушник входит внутрь сосуда на 20 мм. Роспись сделана красно-коричневым ангобом по тулову косыми широкими полосками и круговой широкой полосой по венчику (рис. 6). К этой же разновидности свистулек относятся два гудушника длиной 62 мм, диаметром 20 и 18 мм, со следами внешней примазки, изготовленными на конусовидной палочке, прокол со стороны устья, входившего внутрь сосуда на 8 мм. Найдены гудушники и часть стенки кувшинчика от «мокрого соловья», расписанного широкими косыми полосками красного ангоба, при земляных работах по ул. Первомайской в 1998 г. В Нижнем Новгороде в 1999 г. археологическими раскопками найден белоглиняный «соловей», украшенный тремя красными поперечными полосами. Это небольшой сосуд с округлым туловом на ложном поддоне, датируемый XVIII–XIX вв. (Иванова, 2000. С. 30). В Москве при раскопках найден такой же по форме белоглиняный «соловей» (Розенфельдт, 1968. С. 100). Фрагмент свистульки, найденный в с. Рязанцево Мещовского района Калужской области, относился к широкогорлому кувшинчику из светложгущейся глины, высотой 62 мм, на простом поддоне. Отличается он тем, что гудушник не входит внутрь сосуда.

Около середины XVII в. в Калуге появляются поливные глиняные игрушки, в том числе и свистульки-соловьи. Их размеры в этот период невелики. Примером может служить найденная в 1997 г. на старой пристани поливная муравленая свистулька с поддоном диаметром 29 мм, с круговой подрезкой под углом 60 градусов, высота кувшинчика 51 мм. Поливой снаружи покрыта верхняя часть свистульки, гудушник входил внутрь кувшинчика на 12 мм (рис. 7). В том же году около старой калужской пристани была найдена еще одна подобная свистулька высотой 59 мм, но с большими утратами. Зеленой поливой покрыты горловина кувшинчика и часть гудушника сверху, затем от нижнего края поливы кистью

Рис. 7. Поливная свистулька «мокрый соловей». Калуга, Старая пристань

Рис. 8. Поливная свистулька «мокрый соловей». Калуга, Старая пристань

(видны ее следы) была нанесена крупными пятнами на плечики и тулово кувшинчика коричневая полива (рис. 8). Три фрагмента одного кувшинчика (часть венчика, поддона, стенки), часть второго кувшинчика с сохранившимся поддоном и стенкой тулова, две целые поливные свистульки высотой 60 и 56 мм найдены в 1987 г. при земляных работах в Григоровом переулке. Кувшинчики шаровидной формы на ложном поддоне покрыты зеленой поливой в верхней части горловины, где она переходит в коричневый крапленный фон. Гудушник у двух наиболее сохранившихся свистулек входит внутрь сосуда на 15 и 10 мм (рис. 9). Целая свистулька позволяет определить, как укладывались эти предметы в горн для обжига. Они ставились друг на друга в несколько ярусов между горшками, так как явственно наблюдается след по краю венчика одной свистульки, совпадающий по диаметру с поддоном другой свистульки, на донце которой,

в свою очередь, виден след поливы от венчика первой. Это может говорить о практике изготовления партий свистулек в мастерской.

Другим местом, богатым на находки, оказалась ул. Карпова, около ц. Покрова на Рву, где в 1994 г. нашли три обломка свистулек разной сохранности (рис. 10). У этой группы свистулек кувшинчик шаровидной формы на ложном поддоне, высотой (после реконструкции) 59, 56 и 54 мм, гудушник входит в сосуд на 16, 22 и 8 мм. Тулово кувшинчиков покрыто поливой, основной цвет которой темно-коричневый. Белоглиняный с покрытием коричневой и зеленой поливой «соловей» найден в Коломне и датируется концом XVI – началом XVIII в. (Черкасов, 2002. С. 318). В 2005 г. найдена свистулька с покрытием зеленой поливой в Москве на Земляном Валу, 11 (Векслер и др., 2016. С. 410, 483). Зафиксированы находки не менее трех свистулек «мокрый соловей» в Твери.

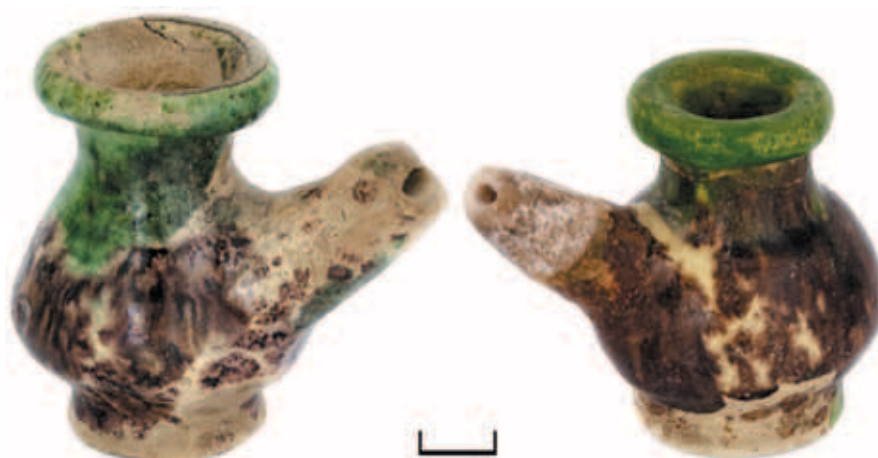

Рис. 9. Поливные свистульки «мокрый соловей». Калуга, Григоров пер.

Рис. 10. Поливные свистульки «мокрый соловей». Калуга, ул. Карпова

Большой вклад в изучение деревенского гончарного ремесла начала XX в. в Калужском крае внес местный краевед В. Н. Раков. Он выяснил, что в д. Жеремесло Мещовского района в 20–30-е годы XX в. гончары лепили свистульки разных форм, в том числе «котелочек» со свистком. Гончары из Щелканово описывают свистульку «мокрый соловей» как «котелочек, куда вмажут свисток, нальют воды, и он запоет на все голоса». В с. Красное Юхновского района свистульку «мокрый соловей» называли «горшочек со свистом» (Раков, 2009. С. 234–236). К сожалению, В. Н. Раков не смог найти материального подтверждения воспоминаниям сельских гончаров. Надо отметить, так же называли поливную свистульку в виде горшочка, изготовленную в 1922 г. на станции Сычевка Вяземского уезда Смоленской губ. Но именем «горшочек со свистом-соловей» называли и вылепленные вручную свистульки, более похожие на глиняные курительные трубки, например, изготовленные в 1920 г. в д. Филимоново Одоевского уезда Тульской губ. и в 1915 г. на ст. Сычевка Вяземского уезда (Дайн, 1987. С. 13, 165). Обе свистульки хранятся в Художественно-педагогическом музее игрушки им. Н. Д. Бартрама в Сергиевом Посаде. Бытование свистулек «мокрый соловей» в более позднее время выявить не удалось. Однако в настоящее время свистулька «мокрый соловей» входит в ассортимент изделий двух калужских мастеров: народного мастера России Александра Заборских – мастера народного художественного промысла глиняной игрушки д. Хлуднево Думиничского района (работа на круге) и народного мастера России Владимира Ткаченко – мастера народного художественного промысла глиняной игрушки г. Калуги (ручная лепка).

К сегодняшнему дню на территории Калужского края удалось зафиксировать около 39 экземпля-

ров свистулек «мокрый соловей», большинство из которых находится в фрагментарном состоянии. Их фиксация и изучение происходит в экспериментальной мастерской-лаборатории керамики Калужского музея ремесла, архитектуры и быта. Нам удалось выделить следующие особенности в изготовлении калужских изделий:

- гудушник у большинства изделий изготовлен на палочке, пищик у всех калужских свистулек «мокрый соловей» проколот отверстием вверх при помощи плоского конца рабочей палочки;

- в ранних экземплярах свистулек «мокрый соловей» резервуаром для воды служит изготовленный на гончарном круге сосуд типа кубышки. Такие свистульки могли использовать в качестве музыкальных инструментов;

- более поздние экземпляры свистулек «мокрый соловей» имеют резервуар для воды в виде кувшинчика, уменьшаются в размерах, а гудушник входит внутрь сосуда, хотя примазка его к кувшинчику остается наружной, но для прочности добавляется глиняная колбаска, фиксирующая наклон гудушника под определенным углом. Гидрофонная свистулька «мокрый соловей» становится уже детской забавой;

- поздние экземпляры свистулек «мокрый соловей» изготавливаются на гончарном круге мелкими партиями в гончарных мастерских.

Хотелось бы также отметить, что статистика находок свистулек «мокрый соловей» в Калужском крае в несколько раз превышает данные по соседним регионам, что косвенно подтверждает их местное, калужское производство. Сохранение знаний, отражающих многогранную жизнь коренного населения края, – трудолюбивых создателей, бережных хозяев своей земли и ее защитников, – одна из основных целей сотрудников Музея ремесел.

Литература

- Векслер А. Г., Мельникова А. С., 1999. Российская история в московских кладках. М.: Жираф. 272 с.
- Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В., 2016. Москва. Раскопки на Великом Посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.: Департамент культурного наследия города Москвы. 496 с.
- Дайн Г. Л., 1987. Русская игрушка. М.: Советская Россия. 200 с.
- Иванова Н. В., 2000. Нижегородская глиняная игрушка: по материалам археологических раскопок 1999 г. в Крутом переулке // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. С. 87–92.
- Клочков К. В., 2001. Редкие неизданные типы русских монет XVI–XVII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 115. С. 203–229.
- Колызин А. М., 2002. Керамические игрушки XII–XVII вв. из раскопок в Московском Кремле // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 178–182.
- Мец Н. Д., 1949. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. Вып. XXIV. С. 108–115.
- Раков В. Н., 2009. Родники народного творчества. Из истории калужских промыслов. Калуга: Офсет плюс. 400 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с.
- Спиридонова Е. В., 2007. Керамическая игрушка XIII–XVIII веков из Ярославля // Археология: история и перспективы. Сб. ст. третьей межрег. конф. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 193–203.
- Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 1995. Звуковые и безмолвные игрушки города Калуги // 1-я науч.-практ. конф. по проблемам сохранения и развития фольклора калужской области. Калуга: Комитет по культуре и искусству администрации Калужской области. С. 19–24.
- Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В., 2013. Посуда личной гигиены Калужского региона // Калуга в шести веках. Матер. 9-й городской краевед. конф. Калуга: Управление культуры г. Калуги. С. 380–389.
- Черкасов В. В., 2004. Коломенская игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // АП. М.: ИА РАН. С. 309–319.

L. I. Fyodorova, V. A. Tkachenko, & V. V. Fyodorov

**Ceramic hydrophone bird-whistles ('water nightingales')
from Kaluga province and their regional details**

Summary

The article provides a description of a kind of variety of ceramic children's toy, which was made in

towns in Central Russia from the 17th to early 20th centuries.

Авторский указатель выпусков [1]–15 «Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН»

Годы издания: [вып. 1], 2004; вып. 2, 2005; вып. 3, 2007; вып. 4, 2008; вып. 5, 2009; вып. 6, 2010; вып. 7, 2011; вып. 8, 2012; вып. 9, 2013; вып. 10, 2014; вып. 11, 2015; вып. 12, 2016; вып. 13, 2017; вып. 14, 2018; вып. 15, 2019.

Авдеев А. Г. Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславля **10, с. 177–178**

Авдеев А. Г., Яганов А. В. Храмовая надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области **7, с. 271–277**

К вопросу об эпиграфических источниках датировки собора Бориса и Глеба Борисоглебского Дмитровского монастыря **12, с. 265–273**

Аверьянов К. А. О дате основания Андроникова монастыря [1], **с. 387–395**

О времени основания Троице-Сергиева монастыря **2, с. 88–96**

О времени основания Николо-Угрешского монастыря **3, с. 345–348**

Азаров Е. С., Чаукин С. Н. Финал бронзового века на городище Александрова гора **14, с. 14–25**

Азаров Е. С. см. *Кравцов А. Е.*

Александровская Е. И. см. *Александровский А. Л.*

Александровский А. Л. Погребенные почвы в разрезе поймы реки Москвы у поселка РАНИС **4, с. 344–246**

Александровский А. Л., Воронин К. В., Александровская Е. И., Дергачева М. И., Мамонтова Д. А., Долгих А. В. Естественнонаучные методы изучения многослойных доисторических памятников с однородным культурным слоем (на примере поселения Песочное-1 на озере Неро) **7, с. 11–25**

Александровский А. Л., Воронин К. В., Долгих А. В., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В., Главатская Е. В. Радиоуглеродные исследования культурного слоя поселения эпохи бронзы – неолита Песочное-1 на озере Неро **8, с. 35–44**

Александровский А. Л., Панин А. В. Закономерности формирования поймы реки Москвы в контексте ее освоения человеком (на примере ключевого участка в районе Звенигородской биостанции МГУ) **9, с. 249–258**

Александровский А. Л. см. *Ершов И. Н.*
см. *Кренке Н. А.*

Алексеев А. В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи [1], **с. 177–192**

Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода. Материалы к археологической карте **2, с. 111–118**

Новые исследования в округе Звенигорода. Опыты локализации географической номенклатуры разьежей грамоты 1504 года **3, с. 332–344**

Археологические исследования на селище Голицыно **26, с. 258–270**

Археологические исследования Успенского собора в подмосковном Звенигороде **7, с. 189–196**

Костяные пластины-вставки с изображениями пророков из раскопок на Звенигородском Городке **10, с. 89–93**
Средневековый каменный крест из Звенигорода **11, с. 449–454**

Алексеев А. В., Кузьменко С. В. «Московские» каменные кресты XV–XVI веков с геометрическим декором. Каталог памятников **14, с. 307–329**

Алексеев А. В. см. *Кренке Н. А.*

см. *Смирнов А. Н.*

Алешинская А. С. см. *Гольева А. А.*

см. *Кренке Н. А.*

см. *Спиридонова Е. А.*

Алибеков С. Я. см. *Кабатов С. А.*

Андреев С. И. Исследования селища Городок 1 **7, с. 249–267**

Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества **14, с. 209–235**

Двор крестьян Цнинского Троицкого монастыря в начале XVIII века **15, с. 316–329**

Андреев С. И., Терехова Н. В. Комплекс украшений Давыдовского городища **7, с. 103–108**

Андреева М. С. Белокаменные надгробия некрополя Троицкого собора Серпуховского кремля **15, с. 350–355**

Андрианов И. М. см. *Русаков П. Е.*

Аникин И. С. Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Муром (район села Карачарово) **9, с. 152–167**

Аникин И. С., Фатьков А. М. Группа керамики из Южного Подмосковья: следы локальной позднесредневековой гончарной традиции (по материалам раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2, 2013 год) **15, с. 366–382**

Аникин И. С. см. *Фатьков А. М.*

Аносов Д. В. см. *Сарачева Т. Г.*

Антипина Е. Е. см. *Энговатова А. В.*

Бабкина Е. В. см. *Кравцов А. Е.*

Бадеев Д. Ю. Фигурки настольных игр из Ростиславля Рязанского **3, с. 229–233**

Изделия из кости и рога с селища Мякинино-14, **с. 20–26**

Село Луцкое по письменным источникам и результатам археологических исследований **5, с. 224–229**

Шахматы и шашечные игры (по данным археологических исследований Московского Кремля) **6, с. 271–277**

Бакунова Т. Н. см. *Кренке Н. А.*

Балашов А. Ю. Редкие могильные плиты XVII века из Лужецкого монастыря Можайска **7, с. 324–330**

- Балашихов А. Ю., Мойланен Е. В. Микромагнитное исследование Можайского Лужецкого монастыря **8, с. 431–434**
- Балашихов А. Ю., Смольников К. А., Прохоровский А. С., Куликовский К. В., Симочкин П. И. Геофизические исследования территории Лужецкого монастыря города Можайска **6, с. 226–232**
- Балашихов А. Ю. см. Ерохин С. А.
см. Лихтер Ю. А.
- Баранов Н. А., Модин Р. Н., Попов А. А., Прошкин О. Л., Терещенко Е. И. Селище Скрипино-1: результаты археологических исследований 2013–2014 годов **15, с. 96–131**
- Баранов Н. А., Супренков А. А. Керамический комплекс селища Немчиново **10, с. 166–176**
- Баранов Н. А., Фатков А. М. Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Саврасово 2 **13, с. 169–178**
- Баранов Н. А. см. Фатков А. М.
- Бездудный В. Г., Зацаринный С. В., Сапрыкина И. А. Локализация фундамента Успенского собора XVII века в Тульском кремле по результатам георадарных исследований 2017 года **15, с. 269–274**
- Бездудный В. Г., Курицын М. А. Проведение геофизических исследований в Подольном монастыре (город Сергиев посад Московской области) **15, с. 264–268**
- Бейлекчи В. В., Родин В. В. Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале **3, с. 205–228**
- Беляев Л. А., Олейников О. М. Археологические исследования в природном историко-рекреационном комплексе «Кузьминки-Люблино» в Москве **7, с. 301–312**
- Березина Н. А. см. Еришова Е. Г.
- Березина Н. Я. см. Рассказова А. В.
- Беркович В. А., Полюлях А. А. Посуда завода Гребенщиковых из археологических наблюдений в Вознесенском переулке в Москве в 2016 году **14, с. 487–496**
- Беркович В. А. см. Векслер А. Г.
- Блохина О. А. Исследования на селище Старбеево близ города Химки **6, с. 180–195**
- Бобачев А. А. см. Ерохин С. А.
- Богатенков Д. В. см. Энговатова А. В.
- Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Раскопки средневекового селища Боброво 2 **12, с. 173–205**
- Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 **11, с. 339–411**
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – начала XVIII века в деревне Филино **7, с. 331–365**
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области **5, с. 281–326**
- Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено **8, с. 366–388**
- Богомолов В. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области **9, с. 200–216**
- Борзова С. В., Глазунова О. Н., Майорова Е. В. Рельефные печные изразцы XVII – начала XVIII века: некоторые региональные особенности **7, с. 378–391**
- Борисов А. В. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) **6, с. 99–106**
- Диагностические слои в заполнении котлованов построек **10, с. 339–344**
- Борисов А. В. см. Каширская Н. Н.
- Брусенцов О. А. см. Богомолов В. В.
- Бубликов В. В., Прошкин О. Л., Добровольская М. В. Курганный могильник Рыжково на реке Протве **4, с. 108–123**
- Буланкин В. М., Завьялов В. И., Иванов Д. А. Поселение Истье 2 – сырьевая база Старой Рязани **8, с. 166–174**
- Буланкин В. М., Иванов Д. А. Федякино 1 – городище на Средней Оке **6, с. 54**
- Булынкин С. Н., Гоняный М. И., Ковалевский В. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Средневековое селище Захарово 1 на реке Беляна **4, с. 242–266**
- Бушуев И. А. см. Горохова А. В.
- Васильева Е. Е., Энговатова А. В. Деревянные гробы, обнаруженные в ходе исследования некрополя Московской духовной академии в 2014 году (город Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра) **12, с. 423–431**
- Васильева Е. Е. см. Энговатова А. В.
- Васильева И. Н. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIV веков Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель **9, с. 168–192**
- Векслер А. Г., Беркович В. А., Егоров К. А. Археологическое исследование и воссоздание храма Спаса Преображения на Преображенской площади в Москве **9, с. 316–326**
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Беркович В. А. К вопросу о хронологии московской керамики (по материалам раскопок на Садовнической набережной в 1998 году) **8, с. 421–430**
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К. Гончарство Москвы по материалам археологических раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе **10, с. 426–451**
- Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе **11, с. 437–448**
- Векслер А. Г., Лихтер Ю. А. Стекланные бусы из раскопок в Москве **4, с. 62–68**
- Браслеты и перстни, найденные при работах археологической службы города Москвы (1989–2006 годы) **5, с. 230–236**
- Стекланные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве **7, с. 429–432**
- Об одном виде клейм на стекланных штофах XVIII века **10, с. 247–250**
- Векслер А. Г., Меньшиков М. Ю. Амулеты-топорики из раскопок на территории Москвы **11, с. 497–500**
- Векслер А. Г., Патрик Г. К., Гусаков М. Г. Московские изразцы: возникновение и начальная история по материалам археологических изысканий **12, с. 555–570**
- Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии **13, с. 387–405**
- Векслер А. Г. см. Осипов Д. О.
- Вишневский В. И. Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре [1], с. 375–386

- Водопровод и канализация Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVIII веках **3**, с. 349–359
- Оборонительные укрепления Радонежа **4**, с. 124–134
- Вышегород-на-Яхrome (исследования 1993 года) **5**, с. 97–111
- Средневековый гончарный горн из Переславля-Залеского **8**, с. 389–395
- Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология **9**, с. 125–139
- Селище Сергиев Посад 5. (Раскопки 2010–2011 годов) **10**, с. 129–155
- Средневековые белокаменные надгробия кладбища села Воскресенского дворцовой волости Черноголовь (Ногинского района Московской области) **14**, с. 330–342
- Вишневский В. И., Новоселова Т. Н. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 годов) **6**, с. 67–82
- Вишневский В. И., Цепкин Е. А. Рыбная ловля и рыбный стол в Троице-Сергиевом монастыре (по материалам археологических работ 2000 года) **2**, с. 97–106
- Вишневский В. И., Энговатова А. В. Некрополь князей Оболенских в Троице-Сергиевом монастыре **7**, с. 278–389
- Вишневский В. И. см. Новоселова Т. Н.
- Вишневский В. И. см. Щербаков В. В.
- Войцук А. А. см. Кренке Н. А.
- Волков И. В. Особенности денежного обращения на рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV – начале XV века [1], с. 353–356
- Средневековые монеты из Ростиславля Рязанского **2**, с. 255–263
- Волков И. В. см. Лазарев А. С.
- см. Чернов С. З.
- Володин Е. О. см. Богомолов В. В.
- Воронин К. В., Медынцева А. А., Осипов Д. О. Памятники письменной культуры и предметы европейского импорта из раскопок 2017 года на Биржевой площади в Москве **15**, с. 275–282
- Воронин К. В. см. Александровский А. Л.
- см. Окулов А. В.
- Воронкин В. А. см. Кренке Н. А.
- Воронцов А. М., Модин Р. Н. Древнерусский горизонт городища Акиньшино **10**, с. 251–264
- Воронцова М. А. Изразцы XVII века из раскопок у деревне Филино **7**, с. 366–368
- Высоцкий А. Л. Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой лавры: уточнение исследовательской парадигмы **5**, с. 364–370
- Высоцкий А. Л., Хижняков О. И. Археологические исследования на посаде города Дмитрова в 2002–2003 годах [1], с. 193–198
- Высоцкий А. Л., Щербаков В. В. Зооморфные рукомойки Троице-Сергиевой лавры **11**, с. 433–436
- Высоцкий А. Л. см. Энговатова А. В.
- Гак Е. И., Гоняный М. И. Многослойное поселение Подол 1 в исторической части города Подольска: результаты исследований и интерпретация материалов **3**, с. 9–19
- Галкин Ю. С. см. Гравес И. В.
- Гиппиус А. А., Кабатов С. А., Кабатова Е. А. Каменное изделие с надписью с селища Вёжи **13**, с. 179–187
- Гириевич М. А. Конструктивные особенности некоторых печей XVII – начала XVIII века **13**, с. 280–283
- Глататская Е. В. см. Александровский А. Л.
- Глазунова О. Н. Цикл местнотимых пятничных праздников в округе Шерны **2**, с. 334–344
- Особенности керамического производства Ново-Иерусалимского монастыря в XVII–XVIII веках **8**, с. 396–405
- Печи Нового Иерусалима по археологическим данным. Методика и проблемы реконструкции **9**, с. 268–279
- Материальные свидетельства начала изразцового производства Ново-Иерусалимского монастыря **10**, с. 236–246
- Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей Ново-Иерусалимского монастыря по материалам раскопок 2009–2015 годов **13**, с. 406–418
- Красные широкорамочные изразцы Ново-Иерусалимского монастыря **15**, с. 401–406
- Глазунова О. Н., Малых С. В. Звенигородская печь, облицованная изразцами производства новоиерусалимской мастерской **14**, с. 469–486
- Глазунова О. Н. см. Борзова С. В.
- Голиков В. П. см. Орфинская О. В.
- Гольева А. А. Комплексные естественнонаучные исследования на городище Ростиславль Рязанский [1], с. 24–33
- Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях **2**, с. 300–308
- Почвенные исследования археологических памятников Мякинино **3**, с. 85–110
- Диагностика агрогенных (пахотных) горизонтов методами почвоведения **4**, с. 33–40
- Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля **5**, с. 72–88
- Микробиоморфные исследования культурных слоев древних поселений Центральной России **5**, с. 55–71
- Древесина в домостроительстве центра Москвы **6**, с. 278–297
- Информационные возможности естественнонаучных исследований отложений навоза в культурных слоях **6**, с. 298–302
- Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук **7**, с. 58–71
- Скорости преобразования культурных слоев почвенными процессами **8**, с. 70–77
- Погребенные почвы курганного могильника Новоселки **29**, с. 240–248
- Почвенные исследования поселения Сосновка IV (Московская область) **10**, с. 64–74
- Гольева А. А., Тавлинцева Е. Ю., Коваль В. Ю. Исследование жилищ дьяковской культуры Ростиславля Рязанского естественнонаучными методами (предварительная публикация) **14**, с. 32–43
- Гольева А. А., Турова И. В. Фосфор в археологических объектах: формы, количество, устойчивость **11**, с. 155–163
- Гольева А. А., Хохлова О. С., Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макеев А. О., Пузанова Т. А., Курбанова Ф. Ф. Исследование древних почв восточной части Московского Кремля **15**, с. 29–42
- Гольева А. А., Энговатова А. В. Карты-схемы антропогенной динамики ландшафтов ранних этапов становления центра Ярославля **12**, с. 82–104

- Гольева А. А. см. Зоц Е. П.
см. Новоселова Т. Н.
см. Сыроватко А. С.
- Гоняный М. И. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмосковье **5**, с. 23–42
- Гоняный М. И., Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. К вопросу о топографии позднесредневековых поселений Подмосковья **14**, с. 353–364
- Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области **2**, с. 184–210
- Средневековое поселение у деревни Большое Саврасово в Ленинском районе Московской области **6**, с. 164–179
- Гоняный М. И. см. Богомолов В. В.
см. Булынкин С. Н.
см. Гак Е. И.
см. Сарачева Т. Г.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушнев И. А. Предварительные итоги археологических исследований 2013–2015 годов на территории Красных рядов в г. Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I») **13**, с. 227–242
- Раскоп «Мелочные ряды II»: новые данные о культурном слое городского торгового Костромы в XV–XVIII веках **14**, с. 382–387
- Гравес И. В., Галкин Ю. С., Низовцев В. А. Ландшафтный анализ формирования поселенческой структуры московского региона **5**, с. 43–54
- Грибов Н. Н. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода **5**, с. 327–339
- Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация **8**, с. 155–165
- Грибченко Ю. Н. см. Кренке Н. А.
- Губин С. В. см. Демидов В. Э.
- Гусаков М. Г. Классификация городищ дьяковской культуры [1], с. 98–107
- Систематика неукрепленных поселений (селищ) по материалам дьяковской культуры **4**, с. 357–366
- К вопросу о происхождении дьяковской культуры в свете гипотезы В. В. Седова **5**, с. 392–408
- Гусаков М. Г., Модестов Ф. Э. Круглые городища Смоленщины раннего железного века. К вопросу об их назначении **5**, с. 433–447
- Гусаков М. Г. см. Векслер А. Г.
см. Патрик Г. К.
- Двуреченский О. В. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) [1], с. 238–244
- Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века **2**, с. 264–295
- Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков **3**, с. 277–331
- Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря **3**, с. 254–276
- Дедук А. В. см. Богомолов В. В.
Дедук А. В. см. Гоняный М. И.
- Дементьева Т. Н., Чувиляева Ю. Н., Сыроватко А. С. Некрополь Новейшего времени у Старо-Голутвина монастыря **7**, с. 441–443
- Демидов В. Э., Губин С. В. О происхождении «волчьих ям» у села Подмокловое Серпуховского района **15**, с. 330–349
- Дергачева М. И. см. Александровский А. Л.
- Добровольская М. В. Исследование скелетных материалов из погребения на селище Дунино **46**, с. 51–53
- Добровольская М. В. см. Бубликов В. В.
Добровольская М. В. см. Потемкина О. Ю.
Добровольская М. В. см. Сыроватко А. С.
Добровольская М. В. см. Энгватова А. В.
- Долгих А. В. см. Александровский А. Л.
- Дубровин Г. Е., Коваль В. Ю. Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) **10**, с. 94–110
- Евтеев А. А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя селе Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа **7**, с. 433–440
- Егоров К. А. см. Векслер А. Г.
- Егоров С. Ю. см. Сунгуров Р. Н.
- Елкина И. И., Зейфер В. А. Волосник из Переславля-Залеского **11**, с. 474–480
- Елкина И. И. см. Кренке Н. А.
- Ерохин С. А., Павлова А. М., Балашов А. Ю., Шевнин В. А., Модин И. Н., Бобачев А. А. Методические электротомографические исследования при археологических раскопках в селе Бородино **8**, с. 435–445
- Ершов И. Н. К проблеме атрибуции Акулининского идола **5**, с. 89–96
- Исследования в исторической части города Подольска в 2008 году **6**, с. 398–413
- А. А. Спицын и М. М. Пришвин: методология науки и ее отражение в художественном тексте **7**, с. 444–452
- «Москвофилы», Иван Забелин, «западник» Иван Рязановский и «археологические» повести Алексея Ремизова **8**, с. 446–456
- Ершов И. Н., Александровский А. Л., Еришова Е. Г., Кренке Н. А., Панин А. В. Пойма реки Истра у Ново-Иерусалимского монастыря: природно-археологический аспект исследования **10**, с. 217–235
- Ершов И. Н. см. Кренке Н. А.
- Еришова Е. Г. Результаты спорово-пыльцевого анализа погребенных почв бронзового века в пойме Москвы-реки (ЗБС-4) **10**, с. 26–28
- Еришова Е. Г., Березина Н. А., Карина Е. В. Растительность долины Москвы-реки в суббореальном периоде (на рубеже неолита и бронзового века) по данным спорово-пыльцевого анализа **9**, с. 257–267
- Еришова Е. Г. см. Ершов И. Н.
см. Кренке Н. А.
- Есин Д. Н. см. Кузнецова Т. В.
- Жилина Н. В. Золотое филигранное украшение из Тушково городка (орнаментика и хронология) [1], с. 222–225
- Застежки в костюме Московской Руси (предварительный очерк) **11**, с. 227–253

- Ожерелья в костюме Московской Руси (предварительный очерк) **12, с. 206–238**
- Рясна в головном уборе Московской Руси **13, с. 141–156**
- Серьги в уборе Московской Руси **14, с. 278–306**
- Пуговицы в костюме Московской Руси второй половины XIII – начала XVII века **15, с. 214–226**
- Завьялов В. И.* Археометаллографическое исследование железных предметов дяковской культуры из коллекции Ростиславского городища [1], **с. 53–57**
- Усадьба А на Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского **6, с. 322–327**
- Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского **7, с. 209–216**
- Цветовая гамма стеклянных браслетов Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа) **11, с. 178**
- К вопросу о дате основания Переяславля Рязанского **14, с. 201–208**
- Завьялов В. И., Судаков В. В.* Стратиграфия и хронология Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского **13, с. 69–87**
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* Кузнечное ремесло Рязанской земли в эпоху Московского государства **9, с. 118–124**
- Завьялов В. И.* см. Буланкин В. М.
- Зайдов О. Н.* см. Богомолов В. В.
- Зайцев В. В.* Находки «великокняжеских» пломб XIV–XV веков в Москве [1], **с. 350–352**
- Зайцева Г. И.* см. Энговатова А. В.
- Зайцева И. Е.* Каменные литейные формы Серенска **4, с. 152–160**
- Предметы христианского культа из раскопок Серенска **5, с. 213–223**
- Зайцева И. Е.* см. Янишевский Б. Е.
- Захарова Е. П.* Мякининские курганы: планиграфия и хронология **4, с. 41–46**
- Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника **5, с. 163–169**
- Конструкция древнерусских курганов по материалам Мякининского курганного могильника и курганной группы Новоселки **26, с. 125–129**
- Захарова Е. П.* см. Зоц Е. П.
- Зацаринный С. В.* Ружейные отвертки-огнива XVII века из культурного слоя Тульского кремля (к вопросу о типологии и хронологии части позднесредневековых крепостей) **14, с. 388–398**
- Кистень XVI века из раскопок в Тульском кремле (к вопросу о хронологии кистеней с гирей биконической формы) **15, с. 250–259**
- Зацаринный С. В.* см. Бездудный В. Г.
- Зейфер В. А.* Клад бронзовых женских украшений из погоста Мещерка в Егорьевском районе **8, с. 266–271**
- Предварительный анализ жилых и хозяйственных построек из раскопок южной части кремля г. Переславля-Залесского (по результатам исследований 2013 года) **11, с. 287–298**
- Зейфер В. А., Мазурок О. И., Рассказова А. В.* Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском **10, с. 304–321**
- Средневековый некрополь в юго-восточной части кремля Переславля-Залесского **12, с. 342–350**
- Зейфер В. А., Мазурок О. И., Столярова Е. К., Леонтьев А. Е., Сапрыкина И. А.* Об усадебных постройках Переславля-Залесского (Переяславля) XIII–XV веков (по материалам исследований 2016 года) **15, с. 132–149**
- Зейфер В. А., Янишевский Б. Е.* Хозяйственное сооружение (овин) на усадьбе Бородино по раскопкам 2011 года **9, с. 280–301**
- Зейфер В. А.* см. Елкина И. И.
- Зейфер В. А.* см. Кузина И. Н.
- Зейфер В. А.* см. Мазурок О. И.
- Зеленцова О. В.* см. Энговатова А. В.
- Зоц (Захарова) Е. П.* Раскопки одиночного кургана Холмы **7, с. 405–411**
- Зоц Е. П.* Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону **13, с. 57–68**
- Зоц Е. П.* см. Орфинская О. В.
- Зоц Е. П., Гольева А. А.* Реконструкция развития могильника Новоселки 2 по археологическим материалам и данным исследования погребенных почв **12, с. 129–137**
- Зоц Е. П., Зоц С. А.* Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки **28, с. 115–126**
- Зоц С. А.* Позднесредневековая керамика из города Владимира (по материалам раскопок 2006 года) **6, с. 361–370**
- Зоц С. А.* см. Зоц Е. П.
- Зуютина А. А.* см. Щербаков В. Л.
- Иванов Д. А.* Керамика эпохи финальной бронзы – начала раннего железного века с Дубровичского 1 селища (раскопки 2008 года) **7, с. 26–34**
- Воздуходувные сопла с древнерусского производственного поселения Истье 2 **13, с. 88–98**
- Иванов Д. А.* см. Буланкин В. М.
- Кабатов С. А.* Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи **7, с. 222–248**
- Разновидности дренажной (водоотводной) системы селища Вёжи **10, с. 322–338**
- Наконечники стрел селища Вёжи (по материалам работ 2014 года) **12, с. 293–298**
- Печи в постройках селища Вёжи – археологические реалии и реконструкции **12, с. 274–292**
- Кабатов С. А., Курочкина С. А.* Первоначальный обзор некоторых групп рыболовного инвентаря сельского населения Костромского Поволжья (по результатам археологических исследований селища Вёжи) **14, с. 399–408**
- Кабатов С. А., Курочкина С. А., Алибеков С. Я.* Использование естественно-научных методов для анализа керамического материала селища Вёжи Костромской области (по археологическим материалам 2015 года) **13, с. 188–198**
- Кабатов С. А., Лазарев А. С., Тупицына В. А.* Серия находок печных изразцов (по материалам раскопок 2010 года на улице Симановского в городе Костроме) **8, с. 297–304**
- Кабатов С. А.* см. Гиппиус А. А.
- Кабатова Е. А.* см. Гиппиус А. А.
- Кадиева Е. К.* Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение **3, с. 172–196**

- Калякин В. Н. см. Кузнецова Т. В.
 Каретников А. Л. см. Хухарев В. В.
 Карина Е. В. см. Еришова Е. Г.
 Каширская Н. Н., Борисов А. В. Фосфотазная активность как инструмент для реконструкции источников поступления фосфора в культурный слой **14**, с. 512–516
 Кирьянова Н. А. О находках зерновых материалов при археологических раскопках в Московской области **7**, с. 268–270
 Клещенко (Мальцева) Е. А. см. Сыроватко А. С.
 Клещенко Е. А. см. Сыроватко А. С.
 Клочко А. А. см. Сыроватко А. С.
 Кобозева Е. В. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затьмацком и Загородском посадах **10**, с. 370–392
 Ковалевский В. Н. см. Булыкин С. Н.
 Ковалевский В. Н., Цыбин М. В. Археологические поиски крепости Воронеж конца XVI–XVII века на южных рубежах Московского государства **9**, с. 226–230
 Ковалевский В. Н., Яблоков А. Г. Изразцы из усадьбы помещика С. Ф. Щукина в Подмосковье **7**, с. 374–377
 Коваль В. Ю. Ростиславлю Рязанскому – 850 лет (10 лет работы Ростиславльской археологической экспедиции) **[1]**, с. 8–11
 История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) **[1]**, с. 12–21
 Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии **[1]**, с. 58–88
 Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье **3**, с. 20–22
 Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси **3**, с. 58–70
 Поливная керамика с рельефным декором на Руси **4**, с. 27–32
 Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский район **4**, с. 161–180
 Археологическая керамология в России (эпоха средневековья) **5**, с. 137–141
 Хронологическая стратификация памятника методами керамологии (на примере селища Мякинино-1) **5**, с. 142–152
 Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) **6**, с. 84–98
 Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья **6**, с. 196–205
 «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) **7**, с. 35–57
 Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры **8**, с. 53–69
 О местоположении Войницкого мыта **10**, с. 111–128
 Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) **10**, с. 489–571
 Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 году **11**, с. 254–286
 Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля **12**, с. 437–475
 Новые данные по планировке и застройке «малого» города Ростиславля Рязанского **13**, с. 99–109
 Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы **14**, с. 414–441
 Московская чернолощенная посуда **15**, с. 383–400
 Коваль В. Ю., Алексеев А. В. Чудовище на тарелке **9**, с. 106–117
 Коваль В. Ю., Хижняков О. И. Средневековое поселение в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) **2**, с. 153–183
 Коваль В. Ю. см. Гольева А. А.
 см. Дубровин Г. Е.
 см. Мазуров А. Б.
 см. Русаков П. Е.
 см. Энговатова В. Ю.
 Ковалюх Н. Н. см. Александровский А. Л.
 Кокорина Н. А. Древнерусские литые иконки из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника **12**, с. 138–144
 Колдаева Н. Т. см. Энговатова А. В.
 Королев А. И. см. Сташенков Д. А.
 Костылева Е. Л. см. Энговатова А. В.
 Кочанова М. Д. см. Гольева А. А.
 см. Кренке Н. А.
 см. Спиридонова Е. А.
 Кочкина А. Ф. Приложение. К характеристике керамических материалов, исследованных И. Н. Васильевой **9**, с. 193–199
 Кочкина А. Ф. см. Сташенков Д. А.
 Кравцов А. Е., Азаров Е. С., Бабкина Е. В., Марьенкина Т. А., Модин Р. Н. Поселение и могильник Щербинино – археологический памятник мезолита – бронзового века и Средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) **11**, с. 20–76
 Могильник позднего бронзового века на археологическом памятнике Поселение и могильник Щербинино в Подмосковной Мещере **11**, с. 77–88
 Кравцов А. Е. см. Кренке Н. А.
 Кренке Н. А. Археологические работы А. В. Чаянова в долине Москвы-реки в 1928 и 1929 годах **3**, с. 23–25
 Начало исследований Дьякова городища **5**, с. 381–391
 Абашевская находка в долине Москвы-реки **10**, с. 29–35
 Кренке Н. А., Александровский А. Л., Войцик А. А., Елкина И. И., Еришов И. Н., Еришова Е. Г., Лазукин А. В., Мазуркевич А. Н., Панин А. В., Кудрявцев А. А., Лавриков М. В., Воронкин В. А. Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке (Приложения. Дукельский В. Ю. Кинжал с 1-й Звенигородской стоянки; Сердюк Н. В. Ископаемая фауна 1-й Звенигородской неолитической стоянки; Еришова Е. Г. Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из культурного слоя 1-й Звенигородской стоянки и погребенной почвы атлантического времени) **8**, с. 16–34
 Кренке Н. А., Бакунова Т. Н., Русаков П. Е., Александровский А. Л., Грибченко Ю. Н., Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д., Алешинская А. С. Археолого-палеогеографические работы возле Борисова пруда в Москве в 2006–2007 годах **4**, с. 181–194
 Кренке Н. А., Войцик А. А., Лавриков М. В., Лазукин А. В., Раева В. А. Могильник фатьяновской культуры Луцино-Газовик **11**, с. 89–97
 Кренке Н. А., Еришов И. Н., Кудрявцев А. А., Лазукин А. В. Раскопки усадьбы XVI века на месте дачи П. С. Полуденского в Кузьминках **7**, с. 313–323

- Кренке Н. А., Еришов И. Н., Лазукин А. В., Войцик А. А., Раева В. А., Рожанская Н. И. Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки **9, с. 14–29**
- Кренке Н. А., Лазукин А. В., Алексеев А. В., Еришов И. Н., Кравцов А. Е., Леонова Е. В. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма **4, с. 320–339**
- Кренке Н. А., Лазукин А. В., Елкина И. И., Еришов И. Н., Леонова Е. В., Чернов С. З. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода **6, с. 34–50**
- Кренке Н. А., Лопатина О. А. Городище Боровский курган **4, с. 367–392**
- Кренке Н. А., Чаукин С. Н. История исследования городища Круглица в 1956 и 1957 годах **8, с. 78–85**
- Кренке Н. А. см. Еришов И. Н.
см. Нефёдов В. С.
см. Панин А. В.
- Крис Х. И. О некоторых раннедьяковских городищах в бассейне Москвы-реки **7, с. 77–82**
- Кудрявцев А. А. см. Кренке Н. А.
- Кузина И. Н., Зейфер В. А., Янишевский Б. Е. Из новых находок стеклянных сосудов в Переславле-Залесском **13, с. 110–116**
- Кузнецова Т. В., Носкова Н. Г., Калякин В. Н., Есин Д. Н. Результаты исследований остеологического материала из раскопок городища Ростиславль (1998–2001 годы) **[1], с. 34–41**
- Кузьменко С. В. см. Алексеев А. В.
- Куликовский К. В. см. Балашов А. Ю.
- Курбанова Ф. Ф. см. Гольева А. А.
- Курицын М. А. см. Бездудный В. Г.
см. Энговатова А. В.
- Курмановский В. С. Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): проблемы хронологии и классификации **10, с. 405–418**
- Курочкина С. А. см. Кабатов С. А.
- Кутасов П. А. Предметы вооружения из раскопок Деснинского селища **4, с. 222–225**
Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII веков из археологических наблюдений в Ильинском проезде города Москвы **5, с. 251–267**
Вещевой клад 1969 года из Ипатьевского переуллка в Москве **6, с. 303–321**
Пулелейка из археологических раскопок на территории Зарядья в Москве **7, с. 400–404**
- Лавриков М. В. см. Кренке Н. А.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Энговатова А. В. Домонгольский Ярославль: палеоландшафты, палеоклиматология, палеолимнология, историко-социальные и хозяйственные события **12, с. 105–128**
- Лазарев А. С., Волков И. В. Нумизматические материалы из раскопок 2013–2015 годов на территории Красных рядов в Костроме (раскоп «Мелочные ряды I») **13, с. 243–255**
- Лазарев А. С. см. Горохова А. В.
см. Кабатов С. А.
- Лазукин А. В. Новые находки на Успенском городище **2, с. 130–136**
Поселенческие памятники XII–XVI веков округа Звенигорода **13, с. 157–168**
- Погребальные памятники XI–XIII веков в бассейне реки Вязёмки **14, с. 105–125**
Одинцовские курганы. Особенности погребального обряда XI–XIII веков (по результатам исследований А. Г. Векслера в 1958–1971 годах) **15, с. 43–47**
- Лазукин А. В. см. Кренке Н. А.
см. Панин А. В.
- Лебедев В. И. см. Окулов А. В.
- Лебедева Е. Ю. см. Чернов С. З.
- Леонова Е. В. см. Кренке Н. А.
- Леонтьев А. Е. см. Зейфер В. А.
см. Самойлович Н. Г.
- Лихтер Ю. А. Позднесредневековые стеклянные изделия (по материалам раскопок в Липецке) **6, с. 350–360**
Стеклянные бусы XVIII века из раскопок в Москве, Вяземском регионе и Липецке **9, с. 327–332**
Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье) **11, с. 501–525**
Стеклянные сосуды из раскопок на территории московской Огородной слободы (работы 2014 года) **12, с. 253–264**
Стеклянные сосуды из раскопок в Черниговском переулке (Москва). Работы 2015 года **13, с. 284–298**
Стекло XVII–XVIII веков из раскопок на Биржевой площади (работы Столичного археологического бюро 2017 года) **15, с. 283–290**
- Лихтер Ю. А., Балашов А. Ю., Пономаренко А. К. Погребения со слезницами. Археологические исследования Нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря в 2016 году **14, с. 409–413**
- Лихтер Ю. А., Сергина Т. В. Стеклянные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волощёк Вяземский **8, с. 278–285**
- Лихтер Ю. А. см. Векслер А. Г.
- Лопатина О. А. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века **5, с. 417–432**
- Лопатина О. А. см. Кренке Н. А.
см. Тавлинцева Е. Ю.
- Мазуркевич А. Н. см. Кренке Н. А.
- Мазуров А. Б., Коваль В. Ю. Керамический импорт средневековой Коломны **[1], с. 285–308**
- Мазуров А. Б. см. Самошин С. И.
- Мазурок О. И., Зейфер В. А. Отражение минувшего. Металлическое зеркало из раскопок в Переславле-Залесском **11, с. 299–303**
- Мазурок О. И. см. Зейфер В. А.
- Майорова Е. В. Керамические комплексы из раскопок Ново-Иерусалимского монастыря (по материалам раскопа I) **8, с. 406–420**
- Майорова Е. В. см. Борзова С. В.
- Макеев А. О. см. Гольева А. А.
- Малых С. В. Усадьба Лопухиных в Москве: археологические исследования 2011 года **11, с. 481–496**
Исследования в Котельничском переулке в Москве **12, с. 362–372**
- Малых С. В. см. Глазунова О. Н.
см. Меньшиков М. Ю.
- Малышева Н. Н., Полюях А. А., Сарачева Т. Г. Новые сведения о голосниках собора Покрова на Рву в Москве **13, с. 372–386**

- Результаты натурного исследования сосудов-голосников из церкви Трех Патриархов Константинопольских в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву **14**, с. **442–450**
- Мамонтова Д. А. см. Александровский А. Л.
- Марченко Н. А., Низовцев В. А. Ландшафтно-археологические геоинформационные системы **2**, с. **309–333**
- Марьенкина Т. А. см. Кравцов А. Е.
- Маух М. Е. Кузнечные и ювелирные инструменты в погребениях на территории Восточной Европы в V–XIII веках **4**, с. **93–98**
- Медведь А. Н. Новые данные о Ростиславле Рязанском в XVII веке [1], с. **22–23**
- Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль **3**, с. **52–57**
- Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследований) **5**, с. **448–454**
- Ростиславль и окрестности в XVII–XVIII веках **10**, с. **199–205**
- Ростиславль в XVI веке: окраина Московского государства **11**, с. **467–473**
- Медникова М. Б. см. Энговатова А. В.
- Медынцева А. А. см. Воронин К. В.
- Меньшиков М. Ю. Мастерская «бронника» на посаде Можайского Кремля (по результатам раскопок 2006 года) **4**, с. **146–151**
- Происхождение, хронология и семантика изображений миниатюрных топориков из раскопок в историческом центре Москвы **12**, с. **239–252**
- Секира Перуна или топор Святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков («амулетов-топориков») в XI–XVII веках **13**, с. **117–131**
- Меньшиков М. Ю., Молошникова М. А., Малых С. В. Уникальная находка простого деревянного рекурсивного лука в Зарядье (Москва) **15**, с. **260–263**
- Меньшиков М. Ю. см. Векслер А. Г.
- см. Окулов А. В.
- Миненко В. В. Исследования на поселении Константиново в Подольском районе Московской области **8**, с. **204–214**
- Миненко В. В., Яганов А. В. Древнерусское городище Карачев и церковь Михаила Архангела конца XII века. Археологические исследования 2012 года **10**, с. **274–289**
- Миненко В. В. см. Фатьков А. М.
- Модестов Ф. Э. см. Гусаков М. Г.
- Модин И. Н. см. Ерохин С. А.
- Модин Р. Н. Древнерусский горизонт городища Велегож (материалы раскопок 2012 года) **11**, с. **184–197**
- Модин Р. Н. см. Баранов Н. А.
- см. Воронцов А. М.
- см. Кравцов А. Е.
- см. Прошкин О. Л.
- Мойланен Е. В. см. Балашов А. Ю.
- Молошникова М. А. см. Меньшиков М. Ю.
- см. Марченко Н. А.
- Никитин С. А. см. Энговатова А. В.
- Новоселова Т. Н. Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря **10**, с. **419–425**
- Новоселова Т. Н., Вишневский В. И. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2013 года) **11**, с. **127–137**
- Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2014 года) **12**, с. **44–52**
- Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2015 года) **13**, с. **19–31**
- Раннесредневековый могильник на Ратьковском городище (раскопки 2017 года) **15**, с. **21–28**
- Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., Гольева А. А. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2016 года) **14**, с. **52–63**
- Новоселова Т. Н. см. Вишневский В. И.
- Носкова Н. Г. см. Кузнецова Т. В.
- Окулов А. В., Воронин К. В., Лебедев В. И., Меньшиков М. Ю. Альмандины в слое XVII века в Москве: ювелирное сырье или отходы камнерезного производства? **13**, с. **272–279**
- Олейников О. М. Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде **9**, с. **101–105**
- Новая находка амулета-змеевика с Распятием в Великом Новгороде **10**, с. **290–303**
- Олейников О. М. см. Беляев Л. А.
- Орфинская О. В. Исследования органических материалов из двух захоронений кургана Холмы **7**, с. **412–421**
- Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII века **8**, с. **127–136**
- Льняное платье X века из погребения Ц-301 могильника Гнёздово **10**, с. **265–273**
- Орфинская О. В., Зоц Е. П. Текстиль домонгольского времени из курганных могильников Подмосковья **14**, с. **145–157**
- Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П. Исследования и реконструкции деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополей Дмитровского кремля **6**, с. **130–138**
- Осипов Д. О. Кожаная обувь из раскопок средневековой Коломны **2**, с. **45–53**
- Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле) **5**, с. **237–250**
- К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) **6**, с. **206–218**
- Обувь из погребений и погребальная обувь **9**, с. **140–151**
- Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) **13**, с. **199–226**
- Изделия из кожи из раскопок в Московском Кремле **14**, с. **343–352**
- Осипов Д. О., Векслер А. Г. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы [1], с. **333–342**
- Осипов Д. О., Соболев В. Е. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске **10**, с. **345–361**
- Осипов Д. О. см. Воронин К. В.
- Недошивина Н. Г. Древнерусский могильник Каблуково в Подмосковье **3**, с. **124–144**
- Нефёдов В. С., Кренке Н. А. Древнерусское селище Царицыно **2**, с. **137–154**
- Низовцев В. А. см. Гравес И. В.

Павлова А. М. см. Ерохин С. А.

Пальцева А. Н. Предварительные итоги исследования браслетов со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника **8**, с. 11–15

Культовые предметы в погребении детей со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника **9**, с. 9–13

Панин А. В. Предварительные данные по истории формирования поймы Москвы-реки в районе Успенского – РА-НИС **4**, с. 340–343

Панин А. В., Кренке Н. А., Лазукин А. В., Чаукин С. Н. Археолого-геоморфологическое изучение поймы Москвы-реки в районе Дьякова городища в Коломенском **9**, с. 231–239

Панин А. В. см. Александровский А. Л.

см. Еришов И. Н.

см. Кренке Н. А.

см. Сыроватко А. С.

Панченко К. И. Пропорции керамических сосудов XII–XIX веков из раскопок в городе Дмитрове **[1]**, с. 321–328

Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове **3**, с. 197–204

Археологические исследования в подмонастырской слободке города Дмитрова и керамические комплексы XVI–XVII веков **4**, с. 276–284

Археологические исследования на селище XII–XIII веков Степаново **25**, с. 184–196

Гончарная керамика XVIII–XIX веков с селища Багаевский карьер **6**, с. 248–257

Поселение Тархов Холм (II тысячелетие до н.э., XV–XVIII веков н.э.) по письменным и археологическим данным **7**, с. 290–300

Керамические сосуды XV–XVI веков из погребений Троице-Сергиевой лавры **12**, с. 547–554

Традиции погребения с сосудами на примере некрополя Нового времени Московской Духовной академии **15**, с. 356–365

Панченко К. И. см. Столярова Е. К.

Панченко К. И. см. Трусов А. В.

Панченко К. И. см. Энговатова А. В.

Парфенов А. А. см. Тютюнов В. Ю.

Патрик Г. К. Новые находки изразцов в Смоленске **6**, с. 414–416

Смоленские орнаментальные изразцы **7**, с. 369–373

Патрик Г. К., Гусаков М. Г. Уникальный изразец из Смоленска **5**, с. 358–363

Патрик Г. К. см. Векслер А. Г.

Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затъмачкого посада города Твери (по материалам раскопок 2001–2006 годов) **5**, с. 268–280

Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затъмачье в эпоху средневековья **7**, с. 155–167

Персов Н. Е., Солдатенкова В. В. Новые данные о домонгольской Твери (по материалам раскопок тверского Затъмачья) **7**, с. 138–154

Погодина Е. А. см. Тютюнов В. Ю.

Поздеев Г. А. см. Рассказова А. В.

Полюлях А. А. Майоликовые фигурки гжельских заводов (из археологических коллекций МИГМ) **[1]**, с. 329–332
Гончарный горн у села Бахтеево в Раменском районе Московской области **2**, с. 246–254

Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фартальных **3**, с. 374–383

Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фартальных **4**, с. 299–312

Посуда из цветных масс завода братьев Барминых **4**, с. 313–318

Предметы быта из усадьбы Черная Грязь (по материалам раскопа 5 в Царицыно) **6**, с. 328–349

Комплекс позднесредневековой керамики XV–XVI веков городища Боровский курган: опыт формализованно-статистической обработки **8**, с. 333–365

К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А. К. Гребенщикова в Москве **9**, с. 288–301

Тарелки завода Гребенщиковых сервиза князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское **10**, с. 460–481

Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки **12**, с. 476–546

Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды **13**, с. 346–371

Археологические исследования в селе Гжель: белоглиняная расписная, чернолощенная и поливная керамика **14**, с. 451–468

Изникские блюда XVI века в декоре церкви Троицы в Хорошеве **15**, с. 407–420

Об одном из видов московских изразцов: изразцы с мраморовидным декором **15**, с. 421–429

Полюлях А. А. см. Беркович В. А.

см. Малышева Н. Н.

Пономаренко А. К. см. Лихтер Ю. А.

Попов А. А. см. Баранов Н. А.

см. Прошкин О. Л.

Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Свирикина Н. Г. Раскопки 2012 года в Соколовой Пустыни: новое погребение или новый могильник? **10**, с. 57–63

Пронин Г. Н., Шорин Ю. Н. Питейные заведения Смоленска XVII – первой половины XVIII века (по археологическим данным) **15**, с. 291–315

Простяков И. С. Клад пистолетных накладок XVIII века из раскопок в Гончарной слободе города Тулы в 2014 году **12**, с. 373–380

Прохоровский А. С. см. Балашов А. Ю.

Прошкин О. Л. Исследования на территории бывшей Калужской крепости **8**, с. 215–228

Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX–XI веков северо-западной части Верхнего Подолья **9**, с. 69–90

Древнерусские материалы селища Икша-1 **10**, с. 75–83
Оборонительные сооружения Чертова Городища – результаты археологического изучения **12**, с. 64–81

Кочевнические древности IX–X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки **13**, с. 32–44

Прошкин О. Л., Модин Р. Н., Попов А. А. Древнерусские материалы селища Десна – 3 **12**, с. 145–156

- Прошкин О.Л., Фролов А.С. Ранние периоды поселения Маламахово в бассейне реки Протвы **8**, с. 96–114
Поселение у с. Исканское (к вопросу о локализации древнерусской Иконы) **11**, с. 198–209
- Прошкин О.Л. см. Баранов Н.А.
см. Бубликов В.В.
см. Фролов А.С.
- Пузанова Т.А. см. Гольева А.А.
- Пуцко В.Г. Русская металлопластика XIII и XVI веков с селища Икша-1 **10**, с. 84–88
- Раева В.А. см. Кренке Н.А.
- Рассказова А.В., Поздеев Г.А., Березина Н.Я. Палеоантропология города Переславль-Залесский по материалам раскопок 2013 года **12**, с. 351–361
- Рассказова А.В. см. Зейфер В.А.
- Решетова И.К. см. Энговатова А.В.
- Родин В.В. см. Бейлекчи В.В.
- Рожанская Н.И. см. Кренке Н.А.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Ножи из русских и западноевропейских мастерских **1**, с. 226–228
Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья (по материалам селища Мякинино-1) **2**, с. 31–44
- Русаков П.Е. Населенные пункты в бассейне среднего течения реки Прони **1**, с. 199–205
Сеть дорог в восточной части Моржевского стана (опыт реконструкции) **1**, с. 206–215
Локализация границ и населенных пунктов Моржевского стана в Рязанской земле **6**, с. 371–391
Исследования селища Жокино 1. Стратиграфия **7**, с. 200–208
Исследования керамики селища Жокино 1 **8**, с. 321–332
Селище Жокино 1. Статистика керамики и хронология комплексов **10**, с. 393–404
- Русаков П.Е. Селище Жокино 1 по результатам исследований 2006–2011 годов **12**, с. 157–172
- Русаков П.Е., Андрианов И.М., Коваль В.Ю. Средневековое кладбище Ростиславля Рязанского **10**, с. 179–198
- Русаков П.Е. см. Кренке Н.А.
- Савельев Н.И., Сергеев А.Ю., Чернов С.З. Усадьба служилого человека 1540–1550-х годов на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 года **12**, с. 299–332
- Самойлович Н.Г. Гончарная печь из раскопок на Яруновой горе в городе Суздале **6**, с. 417–423
- Самойлович Н.Г., Леонтьев А.Е. Ростовские поливные суды XVI века **10**, с. 452–459
- Самошин С.И., Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Средневековые монетные гири и весы из раскопок в Коломне **2**, с. 75–77
- Самошин С.И. см. Сыроватко А.С.
- Сапрыкина И.А. Приемы изготовления ювелирных украшений из «клада» Троицкого городища **1**, с. 128–135
Производственный ювелирный комплекс дяковской культуры на городище Настасьино **1**, с. 136–141
Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дяковской культуры **6**, с. 11–18
- Сапрыкина И.А. см. Бездудный В.Г.
см. Зейфер В.А.
- см. Сыроватко А.С.
- Сарачева Т.Г. Ювелирные изделия вятичей: технология изготовления и сбыт продукции **1**, с. 229–237
Химико-технологическое изучение металлических украшений из раскопок курганов у деревни Каблуково **3**, с. 145–171
Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново-2 в Подмосковье **5**, с. 204–212
- Сарачева Т.Г., Гоняный М.И., Аносов Д.В. Химико-технологическое исследование изделий из цветных металлов, обнаруженных на археологических памятниках в селе Беседы под Москвой **14**, с. 126–144
- Сарачева Т.Г. см. Малышева Н.Н.
см. Персов Н.Е.
- Сафарова И.А. К вопросу о некоторых тенденциях в развитии стеклоделия в XIII–XV веках. (Две находки из стекла с территории Затьмацкого посада Твери) **7**, с. 168–172
- Свиркина Н.Г. см. Потемкина О.Ю.
см. Сыроватко А.С.
- Семяняк Н.С. см. Сыроватко А.С.
- Сергеев А.Ю. см. Савельев Н.И.
- Сергеев С.Е. см. Тютюнов В.Ю.
- Сергина Т.В. см. Лихтер Ю.А.
- Сидоров В.В. Мутёновское городище **1**, с. 108–127
Корыстовское городище **2**, с. 10–25
Колтово 7 – слобода города Колтеска **7**, с. 173–188
Основания реконструкции хозяйственных систем поселений поздняяковской культуры **10**, с. 11–25
Заболотское озеро. Развитие озерной системы **11**, с. 9–19
Реконструкция укреплений городищ раннего железного века **14**, с. 26–31
Философия археологии **15**, с. 9–14
- Сидоров В.В. см. Сыроватко А.С.
- Симочкин П.И. см. Балашов А.Ю.
- Скрипкин В.В. см. Александровский А.Л.
- Слепова Я.Р. см. Фатков А.М.
- Смирнов А.Н. Вязёмы и Вязёмский ям **2**, с. 137–152
Дворцовый комплекс Б.Ф. Годунова в селе Вязёмы **5**, с. 340–357
Скоморошья свирель из раскопок дворца Годунова в Вязёмах **9**, с. 217–225
Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б.Ф. Годунова в селе Вязёмы **11**, с. 526–535
- Смирнов А.Н., Алексеев А.В. Стратиграфия и хронология селища Игнатьево 2 по материалам охранных раскопок 2015 года **15**, с. 189–213
- Смольников К.А. см. Балашов А.Ю.
- Соболь В.Е. см. Осипов Д.О.
- Солдатенкова В.В. см. Персов Н.Е.
- Соловьев Д.Б. см. Богомолов В.В.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РАНИС **4**, с. 347–356
- Спиридонова Е.А. см. Кренке Н.А.
см. Лаврушин Ю.А.
- Сташенков Д.А., Королев А.И., Кочкина А.Ф. Исследования на селище Красная Пахра I в 2008 году **8**, с. 246–265
- Столяров Е.В. Костяной инвентарь верхнеокских городищ эпохи раннего железа (по материалам городищ Свиного и Николо-Ленивец) **7**, с. 89–102

- Находки браслетов «латенского стиля» в Верхнем Почье **8, с. 45–52**
- Динамика освоения территории бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI век до н. э. – I век н. э.) **9, с. 30–51**
- Об одном типе треугольных привесок на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы **10, с. 36–41**
- Городище Дуна: к характеристике горизонтов эпохи раннего железного века (по материалам работ 2011 года) **11, с. 98–121**
- Городище Сатинка: культурно-хронологические горизонты раннего железного века (по материалам работ 2013 года) **12, с. 9–43**
- Поселение 1 у д. Жабынь на правом берегу Верхней Оки: к вопросу культурно-хронологической атрибуции материалов раннего железного века **13, с. 9–18**
- Материалы раннего железного века с городища Дуна из раскопок 1898 года Ю. Г. Гендуне (из собрания Государственного Эрмитажа) **14, с. 44–51**
- Столярова Е. К. Стекланные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова **[1], с. 343–342**
- Стекланные бусы Мякинской курганный группы **4, с. 47–61**
- Стекланные украшения селища Степаново **2 5, с. 197–203**
- Стекланные бусы из раскопок одиночного кургана у деревни Холмы **7, с. 422–428**
- Украшения из стекла и фаянса селища Новиково **1 8, с. 272–277**
- Стекланные украшения средневекового сельского поселения Подмосковья (по материалам Мякининского археологического комплекса) **14, с. 158–165**
- Стекланные предметы из курганного могильника Новоселки 2 (Московская область) **15, с. 66–77**
- Столярова Е. К., Панченко К. И. Стекланный сосуд XVII века стиля *façon de Venise* из Дмитровского кремля **10, с. 206–216**
- Столярова Е. К., Энговатова А. В. Об одном редком типе стекланных находок из культурного слоя Дмитрова **2, с. 211–220**
- Ближневосточные расписные стекланные сосуды из Ярославля **9, с. 91–100**
- Находки витражных стекол из Ярославля **11, с. 210–226**
- Стекланные слезницы из некрополя церкви Сошествия святого Духа Троице-Сергиевой лавры **12, с. 410–422**
- Столярова Е. К. см. Зейфер В. А.
- Стрикалов И. Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований **7, с. 109–132**
- Судаков В. В. см. Завьялов В. И.
- Сунгуров Р. Н. Археологические исследования в зоне строительства канала Москва – Волга и их отражение в фондах музея-заповедника «Дмитровский кремль» **6, с. 392–397**
- Изучение археологического памятника Вышгород-на-Яхrome и проблема несанкционированных раскопок **7, с. 197–199**
- Сунгуров Р. Н., Егоров С. Ю. Городище Вышгород-на-Яхrome: проблема сохранения уникального памятника **6, с. 233–236**
- Супренков А. А. Шемякино: селище Нового времени возле мельницы на Клязьме **12, с. 432–436**
- Супренков А. А. см. Баранов Н. А.
- Сыроватко А. С. Сетчатая керамика селищ Сосновка IV, Мякинино I и ее археологический контекст **2, с. 26–30**
- Некоторые особенности дяковского керамического комплекса городища Ростиславль **3, с. 47–51**
- Радиоуглеродная хронология фортификации коломенской группы памятников **6, с. 19–23**
- Новые материалы могильника Лужки Е **9, с. 57–67**
- Сыроватко А. С., Гольева А. А. О следах древней распахки на Щуровском могильнике **14, с. 505–511**
- Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Ключко А. А., Шишков Д. Л. Опыт междисциплинарных исследований раннесредневекового погребального комплекса Щурово **4, с. 99–104**
- Сыроватко А. С., Клещенко (Мальцева) Е. А., Добровольская М. В. Урновое погребение Щуровского могильника. **8, с. 86–94**
- Сыроватко А. С., Клещенко Е. А. Грунтовые погребения-кремации XII века: новые исследования курганного могильника Кременье **13, с. 45–56**
- Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., Трошина А. А. Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений **11, с. 147–154**
- Сыроватко А. С., Панин А. В., Трошина А. А., Семеняк Н. С. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса **12, с. 53–63**
- Сыроватко А. С., Самошин С. И. Нумизматические находки из раскопок 2003 года в Коломне **[1], с. 357–360**
- Сыроватко А. С., Сапрыкина И. А. Клад рубчатых браслетов на реке Оке **7, с. 72–76**
- Сыроватко А. С., Сидоров В. В., Клещенко Е. А., Трошина А. А. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями **9, с. 52–56**
- Сыроватко А. С., Трошина А. А., Гольева А. А., Шишков В. А. Скопления «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность? **10, с. 42–56**
- Сыроватко А. С., Ульянова Т. Н., Черкасов В. В. Раскопки средневекового селища Лысцево **3, с. 242–253**
- Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н. Исследования на территории музея-усадьбы Ф. М. Достоевского «Даровое» **3, с. 366–373**
- Сыроватко А. С., Шишков В. А., Гольева А. А. Новое поселение раннего железного века на Средней Оке и первые результаты химического анализа его коллекции **15, с. 15–20**
- Сыроватко А. С. см. Дементьева Т. Н.
- см. Потемкина О. Ю.
- см. Самошин С. И.
- см. Сыроватко Н. А.
- Сыроватко Н. А. Древние жилища Германии как источник аналогий дяковским жилищам **7, с. 83–88**
- Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дяковской культуры **3, с. 41–46**
- К вопросу об облике построек городищ Кузнечики и Щербинское **5, с. 409–416**
- Тавлицева Е. Ю. Городище Ростиславль: горизонт пожара середины I тысячелетия н. э. **6, с. 24–33**

- Предмет с зооморфным навершием из Ростиславля **11, с. 122–126**
- Тавлинцева Е. Ю., Лопатина О. А. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища **5, с. 455–475**
- Тавлинцева Е. Ю. см. Гольева А. А.
- Тарасова А. А. см. Энговатова А. В.
- Терехова Н. В. см. Андреев С. И.
- Терехова Н. Н. см. Розанова Л. С.
- Тереженко Е. И. см. Баранов Н. А.
- Ткаченко В. А. см. Федорова Л. И.
- Требелева Г. В. ГИС-технологии в охранной археологии Подмосковья (из опыта работы Подмосковской экспедиции ИА РАН) [1], с. **216–220**
- Тропин Н. А. Хозяйственные постройки с каменными печами второй половины XIV – первой половины XV века из округа Ельца (к вопросу об овинах) **13, с. 132–140**
- Жилища на подклетах служилых людей Елецкого княжества последней четверти XIV – первой половины XV века (по материалам поселения Аргамач-Пальна 3) **14, с. 236–277**
- Трошина А. А. см. Сыроватко А. С.
- Трусов А. В. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) [1], с. **42–52**
- Стоянка эпохи мезолита Мякинино **2, с. 5–9**
- Трусов А. В., Энговатова А. В., Панченко К. И. Настасьино 2 и 4 – стоянки иеневской культуры на реке Северке [1], с. **89–97**
- Тупицына В. А. см. Кабатов С. А.
- Тютюнов В. Ю., Парфенов А. А., Сергеев С. Е., Погодина Е. А. Средневековые горные выработки по добыче белого камня в низовьях р. Лубянка в бассейне р. Моча (по материалам работ спелестологов) **13, с. 299–345**
- Ульянова Т. Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII века) по материалам археологических работ 1991–2006 годов **4, с. 195–221**
- Ульянова Т. Н. см. Сыроватко А. С.
- Фатьков А. М. Средневековая керамика селища Кулаково-3 **10, с. 156–165**
- Фатьков А. М., Баранов Н. А. Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово **2 11, с. 422–432**
- Фатьков А. М., Миненко В. В., Слепова Я. Р., Чирков М. В., Аникин И. С. Археологические исследования курганного могильника Дарьино-1 **15, с. 48–65**
- Фатьков А. М., Яганов А. В. Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово 2 в 2013 году **11, с. 412–421**
- Фатьков А. М. см. Баранов Н. А.
- см. Аникин И. С.
- Фатюнина О. А. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV–XVI века **7, с. 217–221**
- Детали кожаных сапог Переяславля Рязанского XV – начала XVII века **8, с. 286–296**
- Кожаные туфли с шерстяными чулками из Монастырского курганного могильника у Пронска **14, с. 166–177**
- Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В. Калужские изразцы как срез материальной и духовной культуры провинциального города **7, с. 392–399**
- Феномен калужской поливной керамики XVIII–XIX веков **9, с. 302–315**
- Роль эксперимента в реконструкции калужского масляного светильника-плошки **10, с. 482–488**
- Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях **11, с. 539–546**
- Эволюция плоских глиняных погремушек в контексте региональных особенностей **12, с. 571–578**
- Калужские свистульки «Всадник»: эволюция формы и бытования (на примере датированных свистулек) **13, с. 419–425**
- Калужские керамические дудки в эволюционной системе свистковых музыкальных инструментов: особенности изготовления и хронология бытования **14, с. 497–504**
- Керамические гидрофонные свистульки «мокрый соловей» из Калужского края и их региональные особенности **15, с. 430–435**
- Федоров В. В. см. Федорова Л. И.
- Фёдоров С. В., Фёдорова А. О. Ареал гидронимов Алешня, от утраченного древнеславянского аппелятива **7, с. 133–137**
- Фёдорова А. О. см. Фёдоров С. В.
- Феребов А. Н. Возможные следы XI века на территории Московского Кремля **14, с. 178–188**
- Основания датировки стеклянных браслетов, найденных на территории Московского Кремля **14, с. 189–200**
- Фролов А. С., Прошкин О. Л. Тарусское городище в X–XIV веках: от славянского поселения до древнерусского города **6, с. 237–247**
- Фролов А. С. см. Прошкин О. Л.
- Хижняков О. И. К вопросу о планировочной структуре и границах селища Мякинино-2 **3, с. 81–84**
- Керамические изделия из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 **4, с. 12–19**
- Гончарные клейма из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 **5, с. 153–162**
- Хижняков О. И. см. Высоцкий А. Л.
- см. Коваль В. Ю.
- Хохлова О. С. см. Гольева А. А.
- Хухарев В. В. Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» **11, с. 455–466**
- Хухарев В. В., Каретников А. Л. Прикладная печати-матрицы из кости среди находок в Твери **14, с. 365–374**
- Цепкин Е. А. см. Вишневский В. И.
- Цыбин М. В. Средневековое селище Дмитровское-2 (некоторые результаты исследований 005 года) **3, с. 234–241**
- Цыбин М. В. см. Богомолов В. В.
- см. Ковалевский В. Н.
- Чаукин С. Н. см. Азаров Е. С.
- см. Кренке Н. А.
- см. Панин А. В.
- Чаянов А. В. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 годах **3, с. 26–40**
- Черкасов В. В. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси

- (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) **[1], с. 309–320**
- Керамика Коломны второй половины XIII – первой половины XIV века **2, с. 54–74**
- Раскопки средневекового селища Цемгигант-2 **4, с. 226–241**
- Черкасов В. В. см. Сыроватко А. С.
- Чернов С. З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века **[1], с. 245–284**
- Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское) **11, с. 304–338**
- Двор с монетными весами в д. Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век **13, с. 309–345**
- Болшево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 года) **14, с. 64–104**
- Чернов С. З., Волков И. В. Болшево-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме **5, с. 112–136**
- Постройка первой половины XII века селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) **6, с. 139–163**
- Чернов С. З., Лебедева Е. Ю. Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978–2008 годов **8, с. 175–203**
- Чернов С. З. см. Кренке Н. А.
см. Савельев Н. И.
- Чирков М. В. см. Фатков А. М.
- Чувиляева Ю. Н. см. Дементьева Т. Н.
см. Сыроватко А. С.
- Шведчикова Т. Ю. см. Энговатова А. В.
- Шебанян Г. А. см. Богомолов В. В.
см. Булыкин С. Н.
см. Гоняный М. И.
- Шевнин В. А. см. Ерохин С. А.
- Шеков А. В. см. Богомолов В. В.
см. Булыкин С. Н.
см. Гоняный М. И.
- Шишков В. А. см. Сыроватко А. С.
- Шишков Д. Л. см. Сыроватко А. С.
- Шорин Ю. Н. см. Пронин Г. Н.
- Шполянская Д. В. Древнерусские курганы на реке Рогожке в Южном Подмосковье (опыт архивного исследования) **2, с. 221–245**
- Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) **4, с. 267–275**
- Шполянский С. В. Размещение курганов бассейна Пахры как источник по изучению процесса заселения региона в XII – середине XIII века **[1], с. 154–176**
- Раскопки селищ в пределах средневековой волости Перемышль в Подмосковье и некоторые общие вопросы динамики освоения региона в конце XII – первой половине XV века **5, с. 170–183**
- Летние печи конца XII–XIII века: конструктивные особенности и место в планировочной структуре малодворных сельских поселений **6, с. 107–124**
- Древнерусский Осовец на Клязьме: археологический комментарий к истории крепости **11, с. 164–183**
- Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополья **15, с. 227–245**
- Щербаков В. В. Новые находки красных изразцов XVII века в Троице-Сергиевой Лавре **2, с. 107–110**
- Изразцы царского путевого дворца в селе Слотино **3, с. 360–365**
- Расписные изразцы Троице-Сергиевой лавры XVIII века (по материалам раскопок 2000–2002 годов) **4, с. 285–298**
- Исследование Воскресенского погоста в 2007–2008 годах **5, с. 371–378**
- Кирпичи с клеймами из Сергиева Посада и окрестностей. **6, с. 424–428**
- Щербаков В. В., Вишневский В. И. Новые материалы некрополя Пятницкого Подольного монастыря в Сергиевом Посаде (работы 2014 года) **12, с. 333–341**
- Щербаков В. Л., Зютина А. А. Кресты-энколпионы из села Тетеринского в Нерехтском районе Костромской области **14, с. 375–381**
- Щербаков В. В. см. Высоцкий А. Л.
- Энговатова А. В. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа **[1], с. 142–152**
- Современные тенденции в спасательной археологии Подмосковья (вместо предисловия) **5, с. 11–20**
- Исследования некрополей Дмитровского городища: новые подходы **15, с. 78–95**
- Энговатова А. В., Богатенков Д. В. Исследования некрополя XIX века у храма Смоленской иконы Божьей Матери в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году **[1], с. 361–374**
- Энговатова А. В., Васильева Е. Е., Бездудный В. Г., Марчук В. Н. Геофизические методы локализации археологических объектов: уточнение местонахождения Писаревского пруда в Троице-Сергиевой лавре (работы 2015 года) **13, с. 256–260**
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Возможности использования изотопного метода для реконструкции системы питания средневекового городского населения на примере Ярославля **8, с. 307–320**
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Костылева Е. Л. Изотопные характеристики индивидов из погребений неолитического могильника Сахтыш-2а: данные к реконструкции питания **11, с. 138–146**
- Энговатова А. В., Зеленцова О. В. Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры **2, с. 78–87**
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю. Мякининский комплекс памятников археологии **3, с. 71–80**
- Энговатова А. В., Колдаева Н. Т. Новое в российском законодательстве в сфере сохранения археологического наследия **14, с. 9–13**
- Энговатова А. В., Медникова М. Б., Васильева Е. Е., Яганов А. В., Решетова И. К., Тарасова А. А., Шведчикова Т. Ю. Археологические исследования у Духовской церкви Троице-Сергиевой лавры в 2014 году (к вопросу о возможностях исторических идентификаций) **12, с. 398–409**
- Энговатова А. В., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Тарасова А. А., Васильева Е. Е., Панченко К. И., Никитин С. А. Исследование некрополя Московской духовной академии в 2014 году **12, с. 381–397**

Энговатова А. В., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е. Исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: к вопросу о качестве жизни и питании средневекового городского населения **10, с. 362–369**

Энговатова А. В., Яганов А. В., Высоцкий А. Л., Курицын М. А. Архитектурно-археологические исследования на территории Московской Духовной Академии в 2016 году **13, с. 261–271**

Энговатова А. В. см. Васильева Е. Е.

см. Вишневский В. И.

см. Гольева А. А.

см. Гольева А. А.

см. Лаврушин Ю. А.

см. Орфинская О. В.

см. Столярова Е. К.

см. Трусов А. В.

Юшко А. А. Проблемные вопросы археологии Московской земли **2, с. 296–299**

Славяне в Подмосковье **4, с. 105–107**

Яблоков А. Г. см. Ковалевский В. Н.

Яганов А. В. см. Авдеев А. Г.

см. Миненко В. В.

см. Фатков А. М.

см. Энговатова А. В.

Янишевский Б. Е. Исследования древнего Можайска в 2005–2007 годах **4, с. 135–145**

Раскопки на Борисовом городке в 2009 году **8, с. 229–245**

Янишевский Б. Е. Сурожский и Горетов станы Московского уезда в XII–XVI веках **2, с. 119–129**

Янишевский Б. Е., Зайцева И. Е. Новые находки предметов из цветных металлов XI–XV веков из Можайска и его окрестностей **6, с. 219–225**

Янишевский Б. Е., Янишевский О. Б. Костяные пуговицы из раскопок в селе Бородино **11, с. 536–538**

Янишевский Б. Е. см. Зейфер В. А.

см. Кузина И. Н.

Янишевский О. Б. см. Янишевский Б. Е.

Список сокращений

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АИ	– Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли
АК	– Археографическая комиссия
АКР	– Археологическая карта России
АН	– Архитектурное наследство
АН СССР	– Академия наук СССР
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВДАЭ	– Волго-Донская археологическая экспедиция
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ВСЕГЕИ	– Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского
ВСРПО	– Всесоюзное специализированное реставрационно-производственное объединение
ВЭО	– Вольное экономическое общество
ГВСИАиХМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЕИХМ	– Егорьевский историко-художественный музей
ЗОРСА	– Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИАК	– Известия Российской государственной археологической комиссии
ИГ РАН	– Институт географии РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН
ИСБ	– Издательство Сергея Бузукина
ИФХиБПП РАН	– Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
ИЯЛИ	– Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАрхИ	– Московский архитектурный институт
МГОМЗ	– Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Коломенское – Измайлово – Люблино»
МЗДК	– Музей-заповедник «Дмитровский кремль»
МЗРК	– Музей-заповедник «Ростовский кремль»
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МК	– Московская керамика: новые данные по хронологии
МО	– Музейное объединение
МОИП	– Московское общество испытателей природы
МОММ	– МО «Музей Москвы»
МЦВ	– Московские церковные ведомости
МЦГК	– Межрегиональный центр геологической картографии

НАЭ	– Новгородская археологическая экспедиция
НГМЗ	– Новгородский государственный музей-заповедник
НГОМЗ	– Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НИИТИИИ	– НИИ теории и истории изобразительных искусств
НИИТИиППСА	– НИИ теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археология
НПБ	– Национальная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ОГИЗ	– Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОНТИ ЦНБИ	– Объединенный научно-технологический институт Центра научных биологических исследований
ПГО	– Проектное геологическое объединение
ПГПУ	– Пензенский государственный педагогический университет
ПИН РАН	– Палеонтологический институт РАН
ПЭ	– Подмосковная экспедиция
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГУ	– Ростовский государственный университет
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
СИХМ	– Серпуховской историко-художественный музей
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПГИХМЗ	– Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТНИИР-центр	– Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ТТЗ	– Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
УрГУ	– Уральский государственный госуниверситет им. А.М. Горького
ЦАИГУОПМ	– Центр археологических исследований Главного управления охраны памятников г. Москвы
ЦГА Москвы	– Центральный государственный архив города Москвы.
ЦНРПМ	– Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей Российских
ЯМЗ	– Ярославский музей-заповедник
ЯРК	– Языки русской культуры
ЯСК	– Языки славянских культур
ARL	– Archaeological Research Laboratory
FAO	– Food and Agriculture Organization of the United Nations
JAS	– Journal of Archaeological Science
PPP	– Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology

Научное издание

Археология Подмосковья. Выпуск 15
Материалы научного семинара

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Голикова

Подписано в печать 11.02.2019
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 52,5. Уч.-изд. л. 55,9.
Тираж 400 экз. Заказ № .

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ...

ISBN 978-5-94375-272-8

9 785943 752728